

Александр Беляев
Избранные произведения

БИБЛИОТЕКА
ИКИИЦИИДИ

Александр
БЕЛЯЕВ
Избранные произведения

04

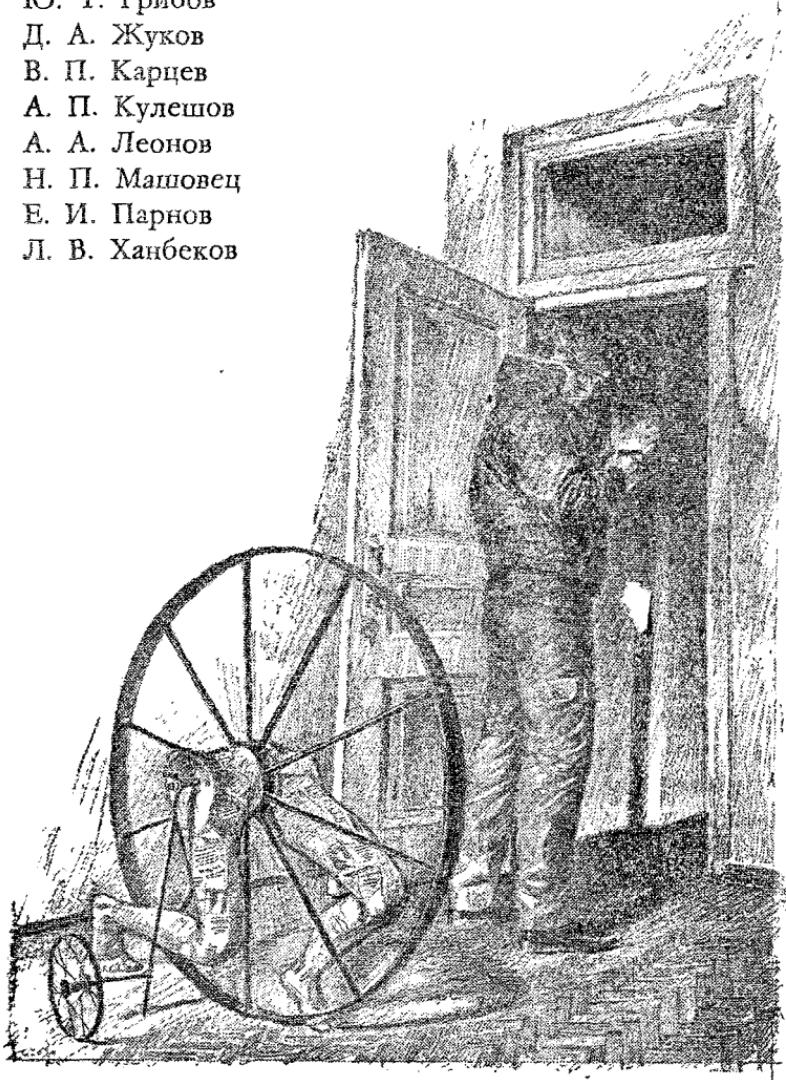

„Библиотека фантастики“ в 24 томах

БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ
40

Редакционная
коллегия
серии
«Библиотека
фантастики»
А. П. Казанцев
(председатель)
Ю. Т. Грибов
Д. А. Жуков
В. П. Карцев
А. П. Кулешов
А. А. Леонов
Н. П. Машовец
Е. И. Парнов
Л. В. Ханбеков

АЛЕКСАНДР РЕДИЧЕВ

Избранные произведения

Москва. Издательство «Правда». 1989

84 Р 7
Б 43

Составление,
вступительная статья
и примечания
М. Соколовой

Иллюстрации
С. Ермолова

Текст печатается по изданию: Беляев А. Собр. соч. в 5-ти томах. Тт. I, II, V. Л.: Детская литература, 1984; «Светопреставление»: Беляев А. Собр. соч. в 8-ми томах. Т. 8. М.: Молодая гвардия, 1964.

Б 4702010200—1792 1792—89 (подписьное)
080(02)—89

© Издательство «Правда», 1989.
Составление. Вступительная статья.
Примечания. Иллюстрации.

«Создадим советскую научную фантастику!»

Этот призыв принадлежал Александру Романовичу Беляеву, одному из зачинателей нашей фантастической литературы, для которого научная фантастика стала делом всей жизни. Он первый советский писатель, посвятивший свое творчество этому трудному и увлекательному жанру. Беляев был настоящим его подвижником и создал за короткую жизнь несколько десятков повестей и романов, множество рассказов и очерков, удивительных по смелости научной мысли, оригинальности сюжета, яркости художественного изображения. Его произведения так же, как и его жизнь, романтичны, полны светлого оптимизма, веры в человека, но одновременно с этим подчас глубоко трагичны.

Беляев родился 4 (по новому стилю 16) марта 1884 года в Смоленске — небольшом, захолустном в то время городе, в семье священника. С детства он обладал живым и развитым воображением. «Детский мир отца был полон всяческих чудес и фантазий,— вспоминала дочь писателя.— Всюду ему виделось что-то необыкновенное, сказочное». Как и все мальчишки, «увлекался приключенческой литературой. Начитавшись таких книг, он жаждал сам что-то открывать, с кем-то сражаться, кого-то спасать. Но в городе, где он жил, никаких тайн, как ему казалось, не было. Приходилось их искать». Обладая живым воображением, мысленно уносился в неведомые и сказочные края, вслед за героями рассказов своего любимого писателя Жюля Верна открывал подземные пещеры, переплывал бурные реки, изучал неведомые земли. Но

самой заветной мечтой мальчика было научиться летать. Он грезил о полетах. Будучи уверен, что сможет взлететь без крыльев, спрыгнул с крыши сарая с самодельным зонтиком в руках и сильно расшибся.

Желая, чтобы сын пошел по его стопам, отец отдал мальчика в духовную семинарию. Решением святейшего Синода семинаристам запрещалось «чтение в библиотеках газет и журналов», посещение театров, «увеселительных собраний и зрелиц». Беляеву, влюбленному в театр, увлекающемуся музыкой, живописью, литературой, техникой, был глубоко чужд сам дух семинарии. Он выходит оттуда в 1901 году, не только не став священником, но превратившись в убежденно-го атеиста. Юноша много читает, изучает технику, занимается фотографией, играет в любительских спектаклях. Немало ролей было сыграно им в домашних спектаклях, пробовал он свои силы и в режиссуре, работал как художник-декоратор, костюмер. Однажды в Смоленск приехала столичная труппа под руководством К. С. Станиславского, и, когда один из актеров заболел, великий режиссер пригласил Беляева заменить его, и тот блестяще справился с ролью.

Вскоре Беляев поступает в юридический Демидовский лицей в Ярославле, где одновременно учится в консерватории по классу скрипки. Чтобы заработать деньги на учебу, юноша играет в оркестре цирка, рисует театральные декорации, занимается журналистикой. В 1906 году, окончив лицей, Беляев возвращается в Смоленск, получает должность присяжного поверенного. Одновременно он печатается в качестве музыкального критика и театрального рецензента в газете «Смоленский вестник». И не перестает мечтать о далеких путешествиях. Накопив деньги, в 1917 году он уезжает за границу. Несколько месяцев, проведенных в Италии, Франции, Швейцарии, принесли будущему писателю запас впечатлений на всю его жизнь. Он поднимался к кратеру Везувия, летал на гидроплане, бродил по раскопанным улицам легендарной Помпеи; в Венеции плавал на гондоле по узким и грязным каналам, в Швейцарии — на лодке по Женевскому озеру, в Марселе посетил знаменитый замок Иф, а в Риме — мрачный квартал бедняков Сан-Лоренцо.

Вернувшись на Родину, Беляев погружается в кипучую деятельность: работает в газете «Смоленский вестник» и вскоре становится его редактором, по-прежнему серьезно увлекает-

ся театром, играет на фортепиано и скрипке, работает в Смоленском народном доме. Писатель был членом Глинкинского музыкального кружка, Смоленского симфонического общества, Общества любителей изящных искусств. Во время одной из своих поездок в Москву он приходит к К. С. Станиславскому. «Если вы решитесь посвятить себя искусству, я вижу, что вы сделаете это с большим успехом», — сказал режиссер писателю.

Но неожиданно пришла беда. Беляева поразила тяжелая болезнь — костный туберкулез. Шесть лет писатель был прикован к постели, из них три года скован гипсом. Но болезнь не сломила его воли. Он изучает иностранные языки, интересуется медициной, историей, биологией, техникой, следит за новейшими достижениями науки. И читает, читает, читает... Преодолевая боль, отчаяние, неверие в выздоровление, писатель живет в мире, созданном его воображением. Мало кто знал, что этот разносторонне образованный человек, автор увлекательных произведений, описывающих путешествия в неизведанные земли и подводные глубины, провел многие годы жизни в полной неподвижности. «Могу сообщить, что «Голова профессора Доуэля» — произведение в значительной степени... автобиографическое, — писал Беляев в статье «О моих работах». — Болезнь уложила меня однажды на три с половиной года в гипсовую кровать. Этот период болезни сопровождался параличом нижней половины тела. И хотя руками я владел, все же моя жизнь сводилась в эти годы к жизни «головы без тела», которого я совершенно не чувствовал, — полная анестезия. Вот когда я передумал и перечувствовал все, что может испытать «голова без тела...».

Однако в 1922 году он снова возвращается к жизни: сила воли позволила ему на время победить болезнь. Беляев сразу же активно включается в работу. Он служит инспектором по делам несовершеннолетних в уголовном розыске в Ялте, куда вынужден был переехать по совету врачей, потом воспитателем в детском доме. А вокруг происходило столько событий: Великая Октябрьская революция, гражданская война, разруха, голод... Вспоминая это время, Беляев писал другу детства В. В. Былинской: «Так много пережито за эти годы... Вы, вероятно, уже знаете, что я заболел костным туберкулезом спинных позвонков и три года пролежал, свалившись с параличом ног... Если бы вы знали, в каких кошмарных

условиях мне приходилось лежать, особенно прошлую зиму, несколько «составов» больных общей палаты умерло на моих глазах. А весной умерла от голода и мать. Летом мне удалось попасть в Гаспру в дом отдыха для ученых и писателей. Там мне сделали хороший целлулойдный корсет, я встал и уже служу... Представьте, мне пришлось поступить в канцелярию уголовного розыска, а по штату я младший милиционер. Я же — фотограф, снимающий преступников, я же — лектор, читающий курсы по уголовному и административному праву, и «приватный» юрисконсульт. Несмотря на все это, приходится голодать».

В Ялте Беляев встретился с Маргаритой Константиновной Магнушевской, работавшей в городской библиотеке, — будущей женой писателя, его преданным другом и помощником. В 1923 году они уезжают в Москву, где Беляев начинает литературную деятельность, печатая первые рассказы и повести в журналах «Вокруг света», «Борьба миров», «Всемирный следопыт», «Знание — сила». Он работает, преодолевая болезнь, ценя каждую минуту своей короткой жизни. Дочь писателя вспоминала: «Костный туберкулез позвоночника не раз приковывал его к постели. Месяцами он видел перед собой только стены своей комнаты! От одного этого можно было впасть в уныние. А отец сумел сохранить внутреннюю энергию, живость, интерес ко всему окружающему, работоспособность. Писал он ежедневно, по несколько часов в день. И только когда умудрялся простыть и схватить насморк, он делал себе выходной, заявляя при этом: больной заболел». «Когда отец был на ногах, он писал или печатал, сидя за столом. Во время обострения болезни, лежа в гипсе, писал на фанерке, которую ставил себе на грудь. Но чаще всего, обдумав будущий роман, без всякого черновика диктовал его маме, а та печатала на машинке. Напечатанное, не считая опечаток, отец никогда не исправлял, не переписывал, уверяя, что если попытается что-то изменить, то получится только хуже. К сожалению, почти все рукописи отца погибли».

Произведения Беляева — это фантастические истории, поражающие смелостью воображения. В них действуют сильные, мужественные, честные люди, одержимые мечтой, которую они претворяют в жизнь. Книги писателя захватывают романтикой и раскрывающимися в них невиданными возможностями человеческого разума.

Беляев начинает свое творчество с коротких рассказов. Важнейшим открытием в области техники и медицины посвятил писатель серию фантастических рассказов об изобретениях профессора Вагнера. Это полуспутливые новеллы-сказки, герой которых наделен волшебной властью над природой. Доктор Вагнер — необыкновенный человек, победивший усталость, научившийся смотреть каждым глазом отдельно, писать двумя руками сразу, проходить сквозь стены («Гость из книжного шкафа», «Ковер-самолет», «Хойти-Тойти», «Человек, который не спит»). И вся деятельность Вагнера всегда направлена только на благо людям.

Специфическая особенность фантастики Беляева в том, что она не беспочвенна, не построена на чистой выдумке, а всегда опирается на научную основу. При этом писатель обладал редким даром предвидения. Внимательно следя за развитием молодой советской науки и техники, он умел схватить то, что только смутно угадывалось. Силой своей фантазии он рисовал будущее, предвидел возможность новых открытий, новых достижений. Недаром Беляева часто называют «советским Жюлем Верном». Писателей роднит энциклопедическая разносторонность знаний и прозорливое предвидение. Успехи в области биологии, физики, кибернетики, медицины, завоевание космоса сделали многие мечты Беляева реальностью. Можно лишь удивляться тому, что еще в 20—30-е годы, на заре зарождения советской науки, он писал об освоении человеком космоса и огромных просторов океанских глубин, о сверхскоростных самолетах и о пересадке живых органов человека.

В 1925 году Беляев создает научно-фантастический рассказ «Голова профессора Доуэля» (переработанный в 1937 году в роман), принесший писателю известность. Произведение было посвящено проблеме оживления органов, отделенных от человеческого тела, — проблеме, которая тогда считалась поистине фантастической и стала реальной в медицине лишь много лет спустя. В то время мысль об оживлении мозга, отделенного от тела, казалась невозможной. Однако произведение привлекло к себе внимание ученых, вызвало ожесточенные споры, и Беляев с удовлетворением писал: «Привлечь внимание к большой проблеме — это важнее, чем сообщить ворох готовых научных сведений. Толкнуть же на самостоятельную научную работу — это лучшее и большее, что мо-

жет сделать научно-фантастическое произведение» («О моих работах»). В наши дни созданы искусственные легкие, почки, проводятся сложные операции по пересадке сердца, возникла новая отрасль науки — микрохирургия, осуществляющая сшивание сосудов, и тем самым оказалось возможным приживление отторгнутых пальцев, рук, ног. Идет дискуссия о пересадке мозга. Известный хирург академик Н. М. Амосов поставил кибернетику на службу хирургии. Романтика мечты превратилась в романтику великих свершений. Беляев предвидел и те моральные и глубоко социальные проблемы, которые неизбежно возникнут в связи с опытами по пересадке органов одного человека другому, как бы заблаговременно поставив их на обсуждение общественности. В основе романа лежала оптимистическая идея — идея бессмертия человеческого разума.

Писатель мечтал найти пути для биологического «улучшения» человека, расширить его физические возможности. В одном из самых известных романов, «Человек-амфибия» (1928), Беляев рассказывает об ученом Сальвадоре, который пересадил жабры акулы своему приемному сыну, получившему таким образом возможность жить под водой. На вопрос, как пришла ему в голову мысль создать человека-рыбу и какие цели он преследовал, Сальвадор отвечает: «Мысль все также — человек несовершенен. Получив в процессе эволюционного развития большие преимущества по сравнению со своими животными предками, человек вместе с тем потерял многое из того, что имел на низших стадиях животного развития. Так, жизнь в воде дала бы человеку огромные преимущества». Приход человека в океан несет с собой массу интереснейших открытий. Перед человеком открываются грандиозные перспективы в освоении подводного мира. И если мальчик-амфибия и летающий мальчик («Ариэль») — лишь смелая гипотеза Беляева, то бесспорным является гуманистическая идея могущества человека, лежащая в основе этих произведений.

Писатель мечтал все достижения науки подчинить запросам людей. Его интересовало все, что было связано с покорением природы: искусственное дождевание («ВЦБИД», 1930) и города-спутники («Зеленая симфония», 1930), проблемы микроорганизмов в воздухе («Нетленный мир», 1930) и использование энергии ветра («Воздушный змей», 1931), добы-

вание воды в пустыне («Солнечные лошади», 1931) и проблемы торфоразработок («Чертово болото», 1931). Беляев писал о силе и скорости ветра, развитии планеризма, о двигателях, работающих на внутриатомной энергии, о применении химии в сельском хозяйстве и цельнометаллических дирижаблях. Не случайно создал писатель и ряд очерков о великих русских ученых — Ломоносове, Менделееве, Павлове, Циолковском. Особое внимание Беляева привлекала тема покорения морских глубин. При умелом использовании необъятные водные просторы принесут народному хозяйству огромные богатства. В романе «Подводные земледельцы» (1930) описывается совхоз под водой, где выращиваются водоросли. Морские плантации давали продукты питания и ценнейшее техническое сырье. Не получаловек-полурыба Ихтиандр, а обычные люди, комсомольцы-изобретатели живут в светлом, уютном домике под водой и занимаются не сказочной, а обычной работой, хотя и в причудливой обстановке. В романе «Чудесное око» (1935) рассказывается о первых попытках спуска под воду телекамеры, при помощи которой можно находить затонувшие корабли, обнаруживать целые косяки рыб, изучать морское дно и его обитателей. Сейчас, когда на службе ученых имеются мощные локаторы, специальные батискафы, оснащенные новейшей техникой (камерами цветного телевидения, фотоаппаратурой), смелая мечта Беляева стала захватывающей явью.

В 1922 году в Россию приехал любимый писатель Беляева Герберт Уэллс. «Что притягивало его в Россию? — спрашивал Беляев. — Эксперимент! Великий эксперимент перестройки мира, старой цивилизации, культуры, создания нового общественного строя. Эта дерзкая попытка осуществить в жизнь то, что веками было предметом утопий». Но, увидев голод, разоренные войной города, походив по затемненным улицам с «искалеченными домами», знаменитый фантаст, дерзкий мечтатель Уэллс не поверил в грандиозные планы построения социалистического общества, в том числе в ленинский план электрификации России. «...Кто будет строить? Где взять специалистов, средства?» Уехав на родину, он пишет книгу «Россия во мгле». Когда усилиями народа был построен Днепрогэс, Беляев, гордый успехами своей Родины, написал очерк «Огни социализма, или Господин Уэллс во мгле» («Вокруг света», 1933, № 12), полемически заострен-

ный против книги Уэллса. «Вы слышите, знаменитый писатель, непревзойденный фантаст, пророк и провидец будущего, специалист по социальным утопиям? Фантастический город построен!.. Сравните его с вашими городами во мгле! Это не ваш уэллсовский город! Ваши утопические города останутся на страницах ваших увлекательных романов. Ваши «спящие» не «проснутся» никогда. Это — город «кремлевского мечтателя». Вы проиграли игру!»

Твердо веря в могущество человека, вооруженного научными знаниями, Беляев в то же время понимал, к каким последствиям могут привести эти знания, употребленные во зло. Поэтому творчество писателя пронизывала важнейшая мысль: научные достижения не должны быть применены во вред человечеству. В рассказах и повестях, очерках и статьях Беляева содержался призыв уберечь мир от тех страшных последствий, к которым приведет использование науки в целях обогащения и захвата власти. Он показывает, как в буржуазном мире любые достижения науки, попав в руки хищников, используются в корыстных целях. Ихтиандр стал жертвой алчных людей, стремившихся разбогатеть на его способности жить под водой. Он мог доставать со дна моря жемчуг, затонувшие драгоценности. На Ихтиандра началась настоящая охота. Профессор Сальвадор гневно бросает в лицо своим судьям слова правды: «...Я опасался, что мое изобретение в условиях нашего общественного строя принесет больше вреда, чем пользы. Вокруг Ихтиандра уже завязалась борьба... Ихтиандра отняли бы, чего доброго, генералы и адмиралы, чтобы заставить человека-амфибию топить военные корабли. Нет, я не мог Ихтиандра и «ихтиандров» сделать общим достоянием в стране, где борьба и алчность обращают высочайшие открытия во зло, увеличивая сумму человеческого страдания». В романе «Ариэль» летающего мальчика также стараются использовать в своих корыстных целях, на сей раз представители религиозных обществ. Но погоня за нахивой в деле науки неминуемо приводит к полному краху. Терпит поражение человеконенавистник Штирнер из романа «Властелин мира», мечтавший поработить мир. Ждет бесславный конец героя романа «Продавец воздуха», гангстера от науки, наметившего чудовищный план — лишить землю атмосферы, продавая марсианам земной воздух, гибнет врач-преступник

Керн («Голова профессора Доуэля») и гангстер-бизнесмен Додд («Золотая гора»).

Судьба человека занимает писателя-гуманиста прежде всего. Трагична судьба Ихтиандра, как и судьба знаменитого комика Тонио Престо, превратившегося из урода в красавца и потерявшего благодаря этому работу («Человек, потерявший свое лицо», 1929. Поздняя редакция — «Человек, нашедший свое лицо»). В мире, где царит доллар, на деньги расцениваются талант, дружба, любовь. Как может быть счастливым человек там, где продается все — от смеха («Мистер Смех») до собственного зрения («Невидимый свет»). Во всей полноте трагедия ученого в буржуазном мире раскрыта в романе «Голова профессора Доуэля». Как истинный ученый, Доуэль хотел, чтобы его открытие принесло людям великое благо — продлило их жизнь. Однако изобретением овладел его ученик Керн — хитрый, злой, корыстный, жестокий человек, стремившийся к славе, власти, богатству. Ради всего этого Керн не гнушается самыми страшными средствами. Он заставляет работать на себя мозг Доуэля. (С образом преступника-врача Керна просматривается прямая связь с фашистскими извергами в белых халатах, чьи злодеяния во время Великой Отечественной войны вызывают содрогание многие десятилетия спустя.) В хищническом мире погони за капиталом нет места бескорыстным мечтателям. Роман Беляева — фантастический и одновременно глубоко социальный — потрясает силой обличения, остротой сюжета, оптимистической убежденностью в торжестве гуманизма.

В романах Беляева громко зазвучала тема противоборства двух миров — социалистического и капиталистического. Ей посвящена повесть «Золотая гора» (1929). Ученый Микулин, открывший способ превращать одни элементы в другие, сумевший изготавливать золото, работает для того, чтобы его изобретение было использовано в мирных целях на благо Родины. Его не может понять американец Клейтон, охотившийся за русским физиком, чтобы, узнав секрет изобретения, сделать его орудием наживы. Корреспондент «Нью-Йорк таймс» Додд с ужасом говорит о том, что «Микулин обещал освободить и использовать внутриатомную энергию. А это изобретение способно перевернуть весь мир». Начиная погоню за советским физиком, Додд признается: «...наши цели не совсем мирные». Как резко отличается от представителей За-

пада с их обликом наемников убийц советский ученый Микулин, отвечающий на вопрос, как он хочет использовать золото: «Против колдовства капитала, поработившего рабочих, ослепившего разум людей». Он мечтает о том, чтобы «золото стало эликсиром жизни», а не орудием гибели всего живого на земле. Работая в лаборатории бок о бок с русскими учеными, Клейтон постепенно начинает понимать, что «будущее за большевиками! Ну, он убьет Микулина, убьет Лор и Грачова, а дальше что? Всех большевиков он перебить не сможет. Счастливая Россия...» Отказавшись от намерения уничтожить лабораторию, Клейтон остается работать и жить вместе с советскими учеными. Впервые в советской фантастической литературе Беляев показал, как одно и то же научное открытие может быть по-разному использовано в странах с разным социальным строем. Как бы предвидя будущее, писатель призывает не допустить, чтобы научные открытия использовались в качестве разрушительной силы. Герой романа «Чудесное око», работавший над проблемой расщепления атомного ядра, понимает, что это открытие в буржуазном мире будет использовано на уничтожение человека. Он отправляет свою работу в Советский Союз, предвидя, что там атомная энергия найдет свое широкое мирное применение. Беляев рассказал о самых первых успехах советских ученых, подчас соединяя реальность с фантазией, но он сумел заглянуть в завтрашний день науки и техники, глубоко веря в их великое будущее в социалистическом обществе.

Одной из главных задач советской фантастики Беляев считал показ будущего — будущего коммунистического общества. Он рисовал красивые города, полные зелени, воздуха, света, города-сады с искусственным климатом и просторными, комфортабельными домами. Города с электромобилями, аэровокзалами на крышах зданий, быстроходными экспрессами — города будущего, где все дары природы подчинены нуждам человека. Так, в романе «Под небом Арктики» (1938) Беляев описывает оригинальный годземный курорт, превращенный в вечнозеленый, цветущий край. Там люди научились управлять климатом и все подчинили одной цели — здоровью людей.

Однако наиболее сложным для писателя оказалось воссоздать образ человека коммунистического завтра. «Я поставил целью показать многообразие вкусов человека будуще-

го», — писал Беляев, стремясь представить себе его мораль, характер, черты, поведение. Он рисует советских людей, создающих плотины на Волге, добывающих воду в пустыне, строящих новые, прекрасные города и новое общество. «Человек советского будущего — это человек, не знающий гнета эксплуатации, имеющий полную возможность раскрывать все свои творческие способности и дарования! Какие должны быть мощные, яркие характеры, какая полнота и разнообразие запросов, потребностей, какова красота жизни!» Он показывает превосходство морали советских людей над поступками буржуазных авантюристов. В повести «Золотая гора» американский журналист, наблюдая сотрудников русской научной лаборатории, «все больше удивлялся этим людям. Их психология казалась ему необычной. Быть может, это психология будущего человека?» Но Беляев жаловался, что новый человек выходит из-под его пера недостаточно живым, ярким. В образе Лор в повести «Золотая гора» писатель хотел показать «глубину переживаний и вместе с тем умение быстро переключать свое внимание на другое, сосредоточить все свои душевные силы на одном предмете...» Беляев предполагал, что человек будущего будет характерен «умением сдерживать себя, свои чувства, порывы, эмоции» и может показаться бездушным, холодным. Характер Лор получился противоречивым, схематичным, ее поведение нелогично, поступки наивны. В статье «О моих работах» (1939) Беляев жаловался: «...самое трудное для писателя — создать занимательный сюжет в произведении, описывающем будущее бесклассовое коммунистическое общество, предугадать конфликты положительных героев между собой, угадать хотя бы две-три черточки в характере человека будущего... А ведь показ этого будущего общества, научных, технических, культурных, бытовых, хозяйственных перспектив не менее важен, чем показ классовой борьбы. Я беру на себя труднейшее».

В 1931 году Беляев переезжает в Ленинград, где, несмотря на все ухудшающееся здоровье, продолжает работать, живо интересуясь новейшими достижениями естественных наук. Вынужденный из-за болезни подолгу не выходить из дома, он много писал, читал, жадно слушал радио, мечтал о телевизоре. Одной из самых больших и серьезных проблем, занимавших писателя, стала проблема покорения космоса. Беляева, еще с детства мечтавшего о полетах, не могла

не увлечь идея проникновения в мировое пространство. Вселенная поражала его своею необычностью, грандиозностью и таинственностью. Он изучает труды К. Э. Циолковского, и новые, невиданные доселе горизонты открываются перед воображением писателя: полет на Луну, искусственные спутники, межпланетные путешествия, открытие ранее неизвестных миров во вселенной. В те годы, когда многие ученые не верили смелым проектам Циолковского, опередившего на целые десятилетия свое время, Беляев подхватывает самые смелые гипотезы ученого. Так, развивая идею Циолковского о цельнометаллическом дирижабле, он описывает увлекательное путешествие над землей на воздушном корабле подобной конструкции. В 1934 году Циолковский прочитал в журнале «Вокруг света» роман Беляева «Воздушный корабль» и написал письмо в редакцию: «Рассказ... остроумно написан и достаточно научен для фантазии. Позволю себе изъявить удовольствие тов. Беляеву и почтенной редакции журнала». Ученый просил также писателя прислать ему в Калугу роман «Прыжок в ничто» (1933), посвященный «межпланетным скитаниям», который он нигде не мог достать. В этом произведении Беляев рассказал о путешествии на загадочную планету Венера. Писатель не только попытался представить и воссоздать животный и растительный мир этой планеты, но попробовал передать состояние человека, попавшего в космос. Он описал устройство ракеты, полет в безвоздушном пространстве, картины Земли, увиденной из космоса. Беляев послал свой роман на суд Циолковского, объясняя, что опирался на его работы. Между писателем и ученым завязалась переписка. Второе издание романа (1935) Беляев посвятил Циолковскому, учтя в нем замечания и поправки, сделанные ученым. Циолковский написал к нему предисловие: «...из всех известных мне рассказов, оригинальных и переводных, на тему о межпланетных сообщениях роман А. Р. Беляева мне кажется наиболее содержательным и нужным. Конечно, возможно лучшее, но, однако, пока его нет. Поэтому я сердечно и искренне приветствую появление второго издания, которое, несомненно, будет способствовать распространению в массах интереса к заатмосферным полетам. Вероятно, их ожидает великое будущее». «Ваш теплый отзыв о моем романе придает мне силы в нелегкой борьбе за создание научно-фантастических произведений», — писал Беляев.

В 1935 году писатель делится с тяжело больным Циолковским своим замыслом нового романа, «Вторая луна», в котором он рассказал о ракете — спутнике Земли, о межпланетной станции, которая будет служить научной лабораторией в космосе, опередив реальные события на несколько десятков лет. В память Константина Эдуардовича Циолковского он назвал свой роман «Звезда КЭЦ».

Беляев писал в различных жанрах приключенческой литературы — от волшебного рассказа-сказки до романа-памфлета. В годы, когда советская фантастика только складывалась, когда произведения, написанные в этом жанре, с трудом пробивались сквозь непонимание критики, Беляев видел всю важность научно-фантастической литературы (которую он называл «Золушкой» среди прочей литературы). В 1938 году Беляев выступает на страницах печати со статьей «Создадим советскую научную фантастику!» («Детская литература», № 15—16).

Писатель доказывал необходимость нового жанра литературы, который должен быть неразрывно связан с научными проблемами современности, и подробно, по пунктам, излагает, каким требованиям он должен отвечать.

«Всем известны сказочные сапоги-скороходы, ковер-самолет, волшебные зеркала, при помощи которых можно видеть на далекое расстояние. Подобные сказки — предшественники научной фантастики». Бурное развитие науки и техники сделало возможным превратить сказку в реальность. И вот «сказочные мечты о сапогах-скороходах и ковре-самолете превращаются в скорый и сверхскорый земной и воздушный транспорт; зеркала — в телевизоры, живая вода и «моложавые» яблоки — в целую отрасль медицины, которая небезуспешно борется со старостью...»

В произведениях Беляева нет выдумки ради выдумки, приключения ради самого приключения. Неуемная фантазия писателя заставляла задуматься над важнейшими научными и социальными проблемами. Он умел соединить науку и жизнь, настоящее и будущее, фантастику и реальность. Недаром основной задачей фантастики писатель считал пропаганду науки и техники. Фантастическая литература должна расширять научные знания, привлекать к новейшим проблемам интерес читателей, и молодежи в первую очередь. А цель эта будет достигнута только в том случае, если на-

учные сведения, подаваемые читателю, «будут доброкачественными». «Надо раз навсегда покончить с пустым фантазированием, высасыванием из пальца, голыми, выдуманными схемами и затасканными трафаретами». «Писатель, работающий в области научной фантастики, должен быть сам так научно образован, чтобы он смог не только понять, над чем работает ученый», но своей фантазией «натолкнуть ученого на новую плодотворную идею». В 1934 году Беляев встретился в Ленинграде с Гербертом Уэллсом. Высоко оценив романы «Голова профессора Доуэля» и «Человек-амфибия», Уэллс отметил их отличие от книг западных писателей. С горечью он сказал: «В современной научно-фантастической литературе на Западе невероятно много фантастики и столь же невероятно мало науки».

Беляев не только обладал поразительной эрудицией в разных областях знаний, но и особым умением видеть жизнь. Даже самые обычные явления под его пером становились удивительными и значительными. Произведения писателя написаны живо и увлекательно, пером настоящего мастера. С горечью замечал он, что фантастические произведения его времени «сводились на степень занимательной науки», «фабульная художественная сторона находилась в забвении». Необходимым условием научной фантастики писатель считал ее художественность. «Во многих рассказах Уэллса научное описание занимает всего два десятка строк, все остальное — художественное изображение событий. И единственность научной идеи от этого только выигрывает». Произведениям Беляева присущи острый сюжет, динамика повествования, увлекательность. Вместе с тем даже типично приключенческие повести, кроме занимательной канвы, несут в себе богатый познавательный материал. В «Острове погибших кораблей» (1926—1927) он описывает грандиозное кладбище кораблей в Саргассовом море, куда течением прибивало яхты и каравеллы, парусники и пароходы. Повесть читается с неослабевающим интересом еще и потому, что до сих пор тайна Саргассова моря и Бермудских островов не раскрыта и продолжает обрасти множеством самых различных версий и гипотез.

Не мог Беляев пройти и мимо истории таинственной Атлантиды. По преданию, некогда существовавший в Атлантическом океане огромный остров, населенный могучим

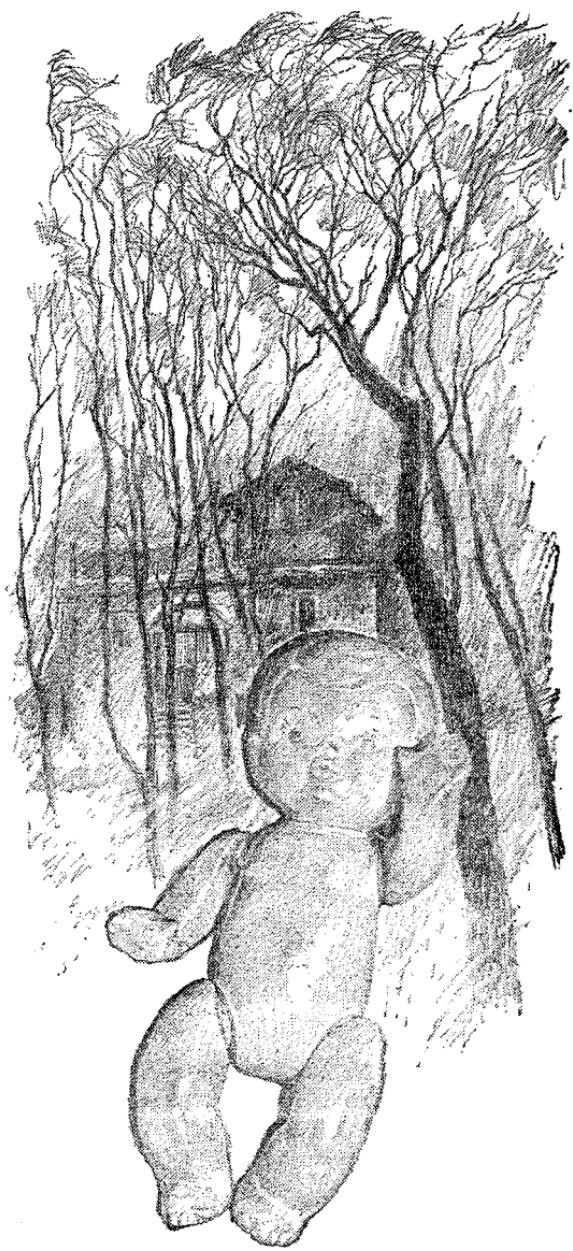
и культурным племенем атлантов, вследствие страшного землетрясения бесследно исчез, погрузившись в океан. Опираясь на различные научные гипотезы об Атлантиде, Беляев силой своей фантазии воссоздает картины жизни огромной рабовладельческой империи, с ее бытом и нравами, бесправием рабов и властью царей и жрецов. Приключения одного из вождей восстания, раба Адиширны-Гуанча, талантливого создателя золотых садов, его любовь к царской дочери Сели, страшные картины гибели в морской пучине целого материка, с его людьми, своеобразной и богатой культурой, его городами и храмами описано с большим драматизмом. Единственный уцелевший старик атлант рассказывает жителям холодного и сурового севера о золотом веке, когда люди жили в прекрасных садах, счастливо и долго, о героических битвах и гибели целого народа. Он учит людей, живущих на уровне каменного века, обрабатывать землю, добывать огонь, заниматься ремеслами. Так передаются знания из поколения в поколение. «Люди слушали эти рассказы с захватывающим любопытством детей, передавали друг другу... берегли как священное предание». Повесть Беляева рассказывала о прошлом так же увлекательно и живо, как и о будущем, покоряя сместью фантазии, будя воображение и желание познать неведомое. «Научную фантастику нельзя превращать в скучную научно-популярную книжку, в научно-литературный недоносок. Научно-фантастический роман, рассказ должны быть полноправными художественными произведениями», — считал он. Такими и были его книги.

Последние годы жизни писатель провел под Ленинградом, в Детском Селе (ныне г. Пушкин). Тяжело больной Беляев находил в себе силы работать, печататься в газетах, встречаться с друзьями, читателями, детьми. Обаятельный человек, с широким кругом интересов, неиссякаемым оптимизмом, необычайной добротой и чувством юмора, писатель привлекал к себе людей, и прежде всего молодежь. В 1941 году он создает свой последний роман — «Ариэль» — поэтический рассказ о летающем мальчике, не покорившемся силам зла. Он уходит в большой мир, свободный и прекрасный, на встречу своему счастью и любви. Великая Отечественная война застала писателя безнадежно больным. Фашисты заняли город Пушкин. Но виселица, сооруженная немцами напротив его окон, не сломила воли Беляева. 26 июня 1941 года он пул-

бликует в газете статью, клеймищую позором фашистских варваров. «Наша армия докажет врагу, что рабочие и крестьяне, из которых она состоит, умеют не только строить заводы и фабрики, но и разрушать «фабрики войны». Писатель умер 6 января 1942 года от голода в оккупированном Пушкине, твердо веря в победу своего народа.

«Научная фантастика по самой сути своей является отрицанием косности, консерватизма мысли», — писал Беляев — автор произведений, которые будут жить еще многие годы, покоряя смелой фантазией, мастерством, романтикой открытий и подлинным гуманизмом. Они проникнуты идеей добра, мира, социальной справедливости, светлым оптимизмом и ненавистью к буржуазному человеконенавистничеству и жестокости. Недаром фашисты многих стран сжигали книги Беляева. Велика его заслуга в деле развития жанра советской научной фантастики, его советы молодым фантастам не потеряли своего значения и сейчас.

M. Соколова

Голова профессора Доуэля

*Посвящаю жене моей
Маргарите Константиновне Беллевой*

Первая встреча

— Прошу садиться.
Мари Лоран опустилась в глубокое кожаное кресло.
Пока профессор Керн вскрывал конверт и читал письмо, она бегло осмотрела кабинет.

Какая мрачная комната! Но заниматься здесь хорошо: ничто не отвлекает внимания. Лампа с глухим абажуром освещает только письменный стол, заваленный книгами, рукописями, корректурными оттисками. Глаз едва различает солидную мебель черного дуба. Темные обои, темные драпри. В полутиграе поблескивает только золото тисненых переплетов в тяжелых шкафах. Длинный маятник старинных стенных часов движется размеренно и плавно.

Переведя взгляд на Керна, Лоран невольно улыбнулась: сам профессор целиком соответствовал стилю кабинета. Будто вырубленная из дуба, тяжеловесная, суровая фигура Керна казалась частью меблировки. Большие очки в черепаховой оправе напоминали два циферблата часов. Как маятники, двигались его глаза серо-пепельного цвета, переходя со строки на строку письма. Прямоугольный нос, прямой разрез глаз, рта и квадратный, выдающийся вперед подбородок придавали лицу вид стилизованной декоративной маски, вылепленной скульптором-кубистом.

«Камин украсить такой маской», — подумала Лоран.

— Коллега Сабатье говорил уже о вас. Да, мне нужна помощница. Вы медичка? Отлично. Сорок франков в день. Расчет еженедельный. Завтрак, обед. Но я ставлю одно условие...

Побарабанив сухим пальцем по столу, профессор Керн задал неожиданный вопрос:

— Вы умеете молчать? Все женщины болтливы. Вы женщина — это плохо. Вы красивы — это еще хуже.

— Но какое отношение...

— Самое близкое. Красивая женщина — женщина вдвойне. Значит, вдвойне обладает и женскими недостатками. У вас может быть муж, друг, жених. И тогда все тайны к черту.

— Но...

— Никаких 'но'! Вы должны быть немы как рыба. Вы должны молчать обо всем, что увидите и услышите здесь. Принимаете это условие? Должен предупредить: неисполнение повлечет за собой крайне неприятные для вас последствия. Крайне неприятные.

Лоран была смущена и заинтересована...

— Я согласна, если во всем этом нет...

— Преступления, хотите вы сказать? Можете быть совершенно спокойны. И вам не грозит никакая ответственность... Ваши нервы в порядке?

— Я здорова...

Профессор Керн кивнул головой.

— Алкоголиков, неврастеников, эпилептиков, сумасшедших не было в роду?

— Нет.

Керн еще раз кивнул головой.

Его сухой, острый палец впился в кнопку электрического звонка.

Дверь бесшумно открылась.

В полумраке комнаты, как на проявляемой фотографической пластинке, Лоран увидела только белки глаз, затем постепенно проявились блики лоснящегося лица негра. Черные волосы и костюм сливались с темными драпри двери.

— Джон! Покажите мадемуазель Лоран лабораторию.

Негр кивнул головой, предлагая следовать за собой, и открыл вторую дверь.

Лоран вошла в совершенно темную комнату.

Щелкнул выключатель, и яркий свет четырех матовых полушарий залил комнату. Лоран невольно прикрыла глаза. После полумрака мрачного кабинета белизна стен ослепляла... Сверкали стекла шкафов с блестящими хирургическими инструментами. Холодным светом горели сталь и алюминий незнакомых Лоран аппаратов. Теплыми, желтыми бликами ложился свет на медные полированные части. Трубы, змеевики, колбы, стеклянные цилиндры... Стекло, каучук, металл...

Посреди комнаты — большой прозекторский стол. Рядом со столом — стеклянный ящик; в нем пульсировало человеческое сердце. От сердца шли трубы к баллонам.

Лоран повернула голову в сторону и вдруг увидала нечто, заставившее ее вздрогнуть, как от электрического удара.

На нее смотрела человеческая голова — одна голова без туловища.

Она была прикреплена к квадратной стеклянной доске. Доску поддерживали четыре высокие блестящие металлические ножки. От перерезанных артерий и вен, через отверстия в стекле шли, соединившись уже попарно, трубы к баллонам. Более толстая трубка выходила из горла и сообщалась с большим цилиндром. Цилиндр и баллоны были снабжены кранами, манометрами, термометрами и неизвестными Лоран приборами.

Голова внимательно и скорбно смотрела на Лоран, мигая веками. Не могло быть сомнения: голова жила, отделенная от тела, самостоятельной и сознательной жизнью.

Несмотря на потрясающее впечатление, Лоран не могла не заметить, что эта голова удивительно похожа на голову недавно умершего известного ученого-хирурга, профессора Доуэля, прославившегося своими опытами оживления органов, вырезанных из свежего трупа. Лоран не раз была на его блестящих публичных лекциях, и ей хорошо запомнился этот высокий лоб, характерный профиль, волнистые, посеребренные сединой густые русые волосы, голубые глаза... Да, это была голова профессора Доуэля. Только губы и нос *его* стали тоньше, виски и щеки втянулись, глаза глубже запали в орбиты и белая кожа приобрела желто-тем-

ный оттенок мумии. Но в глазах была жизнь, была мысль.

Лоран как зачарованная не могла оторвать взгляда от этих голубых глаз.

Голова беззвучно шевельнула губами.

Это было слишком для нервов Лоран. Она была близка к обмороку. Негр поддержал ее и вывел из лаборатории.

— Это ужасно, это ужасно... — повторяла Лоран, опустившись в кресло.

Профессор Керн молча барабанил пальцами по столу.

— Скажите, неужели это голова?..

— Профессора Доуэля? Да, это его голова. Голова Доуэля, моего умершего уважаемого коллеги, возвращенная мною к жизни. К сожалению, я мог воскресить одну голову. Не все дается сразу. Бедный Доуэль страдал неизлечимым пока недугом. Умирая, он завещал свое тело для научных опытов, которые мы вели с ним вместе. «Вся моя жизнь была посвящена науке. Пусть же науке послужит и моя смерть. Я предпочитаю, чтобы в моем трупе копался друг-ученый, а не могильный червь» — вот какое завещание оставил профессор Доуэль. И я получил его тело. Мне удалось не только оживить его сердце, но и воскресить сознание, воскресить «душу», говоря языком толпы. Что же тут ужасного? Люди считали до сих пор ужасной смерть. Разве воскресение из мертвых не было тысячелетней мечтой человечества?

— Я бы предпочла смерть такому воскресению.

Профессор Керн сделал неопределенный жест рукой.

— Да, оно имеет свои неудобства для воскресшего. Бедному Доуэлю было бы неудобно показаться публике в таком... неполном виде. Вот почему мы обставляем тайной этот опыт. Я говорю «мы», потому что таково желание самого Доуэля. Притом опыт еще не доведен до конца.

— А как профессор Доуэль, то есть его голова, выразил это желание? Голова может говорить?

Профессор Керн на мгновение смущился.

— Нет... голова профессора Доуэля не говорит. Но она слышит, понимает и может отвечать мимикой лица...

И чтобы перевести разговор на другую тему, профессор Керн спросил:

— Итак, вы принимаете мое предложение? Отлично. Я жду вас завтра к девяти утра. Но помните: молчание, молчание и молчание.

Тайна запретного крана

Мари Лоран нелегко давалась жизнь. Ей было семнадцать лет, когда умер ее отец. На плечи Мари легла забота о больной матери. Небольших средств, оставшихся после отца, хватило недолго, приходилось учиться и поддерживать семью. Несколько лет она работала ночным корректором в газете. Получив звание врача, тщетно пыталась найти место. Было предложение ехать в гибкие места Новой Гвинеи, где свирепствовала желтая лихорадка. Ни ехать туда с больной матерью, ни разлучаться с нею Мари не хотела. Предложение профессора Керна явилось для нее выходом из положения.

Несмотря на всю странность работы, она согласилась почти без колебания.

Лоран не знала, что профессор Керн, прежде чем принять ее, наводил о ней тщательные справки.

Уже две недели она работала у Керна. Обязанности ее были несложны. Она должна была в продолжение дня следить за аппаратами, поддерживавшими жизнь головы. Ночью ее сменял Джон.

Профессор Керн объяснил ей, как нужно обращаться с кранами у баллонов. Указав на большой цилиндр, от которого шла толстая трубка к горлу головы, Керн строжайше запретил ей открывать кран цилиндра.

— Если повернуть кран, голова будет немедленно убита. Как-нибудь я объясню вам всю систему питания головы и назначение этого цилиндра. Пока вам довольно знать, как обращаться с аппаратами.

С обещанными объяснениями Керн, однако, не спешил.

В одну из ноздрей головы был глубоко вставлен маленький термометр. В определенные часы нужно было

вынимать его и записывать температуру. Термометрами же и манометрами были снабжены и баллоны. Лоран следила за температурой жидкостей и давлением в баллонах. Хорошо отрегулированные аппараты не доставляли хлопот, действуя с точностью часовго механизма. Особой чувствительности прибор, приставленный к виску головы, отмечал пульсацию, механически вычерчивая кривую. Через сутки лента сменялась. Содержимое баллонов пополнялось в отсутствие Лоран, до ее прихода.

Мари постепенно привыкла к голове и даже сдружилась с нею.

Когда Лоран утром входила в лабораторию с порозовевшими от ходьбы и свежего воздуха щеками, голова слабо улыбалась ей и веки ее дрожали в знак приветствия.

Голова не могла говорить. Но между нею и Лоран скоро установился условный язык, хотя и очень ограниченный. Опускание головою век означало «да», поднятие наверх — «нет». Несколько помогали и беззвучно шевелящиеся губы.

— Как вы сегодня чувствуете себя? — спрашивала Лоран.

Голова улыбалась «тенью улыбки» и опускала веки: «хорошо, благодарю».

— Как провели ночь?

Та же мимика.

Задавая вопросы, Лоран проворно исполняла утренние обязанности. Проверила аппараты, температуру, пульс. Сделала записи в журнале. Затем с величайшей осторожностью обмыла водой со спиртом лицо головы при помощи мягкой губки, вытерла гигроскопической ватой ушные раковины. Сняла клошок ваты, повисший на ресницах. Промыла глаза, уши, нос, рот, — в рот и нос для этого вводились особые трубки. Привела в порядок волосы.

Руки ее проворно и ловко касались головы. На лице головы было выражение довольства.

— Сегодня чудесный день, — говорила Лоран. — Синее-синее небо. Чистый морозный воздух. Так и хочется дышать всей грудью. Смотрите, как ярко светит солнце, совсем по-весеннему.

Углы губ профессора Доуэля печально опустились. Глаза с тоской глянули в окно и остановились на Лоран.

Она покраснела от легкой досады на себя. С инстинктом чуткой женщины Лоран избегала говорить обо всем, что было недостижимо для головы и могло лишний раз напомнить об убожестве ее физического существования.

Мари испытывала какую-то материнскую жалость к голове, как к беспомощному, обиженному природой ребенку.

— Ну-с, давайте заниматься! — поспешно сказала Лоран, чтобы поправить ошибку.

По утрам, до прихода профессора Керна, голова занималась чтением. Лоран приносила ворох последних медицинских журналов и книг и показывала их голове. Голова просматривала. На нужной статье шевелила бровями. Лоран клала журнал на пюпитр, и голова погружалась в чтение. Лоран привыкла, следя за глазами головы, угадывать, какую строчку голова читает, и во время переворачивать страницы.

Когда нужно было на полях сделать отметку, голова делала знак, и Лоран проводила пальцем по строчкам, следя за глазами головы и отмечая карандашом черту на полях.

Для чего голова заставляла делать отметки на полях, Лоран не понимала, при помощи же их бедного мимического языка не надеялась получить разъяснение и потому не спрашивала.

Но однажды, проходя через кабинет профессора Керна в его отсутствие, она увидала на письменном столе журналы со сделанными ею по указанию головы отметками. А на листе бумаги рукой профессора Керна были переписаны отмеченные места. Это заставило Лоран задуматься.

Вспомнив сейчас об этом, Мари не удержалась от вопроса. Может быть, голове удастся как-нибудь ответить.

— Скажите, зачем мы отмечаем некоторые места в научных статьях?

На лице профессора Доуэля появилось выражение неудовольствия и нетерпения. Голова выразительно посмотрела на Лоран, потом на кран, от которого шла

трубка к горлу головы, и два раза подняла брови. Это означало просьбу. Лоран поняла, что голова хочет, чтобы открыли этот запретный кран. Уже не в первый раз голова обращалась к ней с такой просьбой. Но Лоран объясняла желание головы по-своему: голова, очевидно, хочет покончить со своим безотрадным существованием. И Лоран не решалась открыть запретный кран. Она не хотела быть повинной в смерти головы, боялась и ответственности, боялась потерять место.

— Нет, нет,— со страхом ответила Лоран на просьбу головы.— Если я открою этот кран, вы умрете. Я не хочу, не могу, не смею убивать вас.

От нетерпения и сознания бессилия по лицу головы прошла судорога.

Три раза она энергично поднимала вверх веки и глаза...

«Нет, нет, нет. Я не умру!» — так поняла Лоран. Она колебалась.

Голова стала беззвучно шевелить губами, и Лоран показалось, что губы пытаются сказать: «Откройте. Откройте. Умоляю!..»

Любопытство Лоран было возбуждено до крайней степени. Она чувствовала, что здесь скрывается какая-то тайна.

В глазах головы светилась безгранична тоска. Глаза просили, умоляли, требовали. Казалось, вся сила человеческой мысли, все напряжение воли сосредоточились в этом взгляде.

Лоран решилась.

Ее сердце сильно билось, рука дрожала, когда она осторожно приоткрывала кран.

Тотчас из горла головы послышалось шипение. Лоран услышала слабый, глухой, надтреснутый голос, дребезжащий и шипящий, как испорченный граммофон:

— Бла-го-да-рю... вас...

Запретный кран пропускал сжатый в цилиндре воздух. Проходя через горло головы, воздух приводил в движение горловые связки, и голова получала возможность говорить. Мышцы горла и связки не могли уже работать нормально: воздух с шипением проходил через горло и тогда, когда голова не говорила. А рассеяние нервных стволов в области шеи нарушало нор-

мальную работу мышц голосовых связок и придавало голосу глухой, дребезжащий тембр.

Лицо головы выражало удовлетворение.

Но в этот момент послышались шаги из кабинета и звук открываемого замка (дверь лаборатории всегда закрывалась ключом со стороны кабинета). Лоран едва успела закрыть кран. Шипение в горле головы прекратилось.

Вошел профессор Керн.

Голова заговорила

С тех пор как Лоран открыла тайну запретного крана, прошло около недели.

За это время между Лоран и головой установились еще более дружеские отношения. В те часы, когда профессор Керн уходил в университет или клинику, Лоран открывала кран, направляя в горло головы небольшую струю воздуха, чтобы голова могла говорить внятным шепотом. Тихо говорила и Лоран. Они опасались, чтобы негр не услыхал их разговора.

На голову профессора Доуэля их разговоры, видимо, хорошо действовали. Глаза стали живее, и даже скорбные морщины меж бровей разгладились.

Голова говорила много и охотно, как бы вознаграждая себя за время вынужденного молчания.

Прошлую ночь Лоран видела во сне голову профессора Доуэля и, проснувшись, подумала: «Видит ли сны голова Доуэля?»

— Сны... — тихо прошептала голова. — Да, я вижу сны. И я не знаю, чего больше они доставляют мне: горя или радости. Я вижу себя во сне здоровым, полным сил и просыпаюсь вдвойне обездоленным. Обездоленным и физически и морально. Ведь я лишен всего, что доступно живым людям. И только способность мыслить оставлена мне. «Я мыслю. Следовательно, я существую», — с горькой улыбкой процитировала голова слова философа Декарта. — Существую...

— Что же вы видите во сне?

— Я никогда еще не видел себя в моем теперешнем виде. Я вижу себя таким, каким был когда-то... вижу родных, друзей... Недавно видел покойную жену

и переживал с нею весну нашей любви. Бетти когда-то обратилась ко мне как пациентка, повредив ногу при выходе из автомобиля. Первое наше знакомство было в моем приемном кабинете. Мы как-то сразу сблизились с нею. После четвертого визита я предложил ей посмотреть лежащий на письменном столе портрет моей невесты. «Я женюсь на ней, если получу ее согласие», — сказал я. Она подошла к столу и увидела на нем небольшое зеркало; взглянув на него, она рассмеялась и сказала: «Я думаю... она не откажется». Через неделю она была моей женой. Эта сцена недавно пронеслась передо мной во сне... Бетти умерла здесь, в Париже. Вы знаете, я приехал сюда из Америки как хирург во время европейской войны. Мне предложили здесь кафедру, и я остался, чтобы жить возле дорогой могилы. Моя жена была удивительная женщина...

Лицо головы просветлело от воспоминаний, но тотчас омрачилось.

— Как бесконечно далеко это время!

Голова задумалась. Воздух тихо шипел в горле.

— Прошлой ночью я видел во сне моего сына. Я очень хотел бы посмотреть на него еще раз. Но не смею подвергнуть его этому испытанию... Для него я умер.

— Он взрослый? Где он находится сейчас?

— Да, взрослый. Он почти одних лет с вами или немного старше. Кончил университет. В настоящее время должен находиться в Англии, у своей тетки по матери. Нет, лучше бы не видеть снов. Но меня, — продолжала голова, помолчав, — мучают не только сны. Наяву меня мучают ложные чувства. Как это ни странно, иногда мне кажется, что я чувствую свое тело. Мне вдруг захочется вздохнуть полной грудью, потянуться, расправить широко руки, как это делает засидевшийся человек. А иногда я ощущаю подагрическую боль в левой ноге. Не правда ли, смешно? Хотя как врачу это должно быть вам понятно. Боль так реальна, что я невольно опускаю глаза вниз и, конечно, сквозь стекло вижу под собою пустое пространство, каменные плиты пола... По временам мне кажется, что сейчас начнется приступ удушья, и тогда я почти доволен своим «посмертным существованием», избавляющим меня по крайней мере от астмы... Все это чисто рефлекторная

деятельность мозговых клеток, связанных когда-то с жизнью тела...

— Ужасно!.. — не удержалась Лоран.

— Да, ужасно... Странно, при жизни мне казалось, что я жил одной работой мысли. Я, право, как-то не замечал своего тела, весь погруженный в научные занятия. И только, потеряв тело, я почувствовал, чего я лишился. Теперь, как никогда за всю мою жизнь, я думаю о запахах цветов, душистого сена где-нибудь на опушке леса, о дальних прогулках пешком, шуме морского прибоя... Мною не утеряны обоняние, осязание и прочие чувства, но я отрезан от всего многообразия мира ощущений. Запах сена хорош на поле, когда он связан с тысячью других ощущений: и запахом леса, и с красотой добрающей зари, и с песнями лесных птиц. Искусственные запахи не могли бы мне заменить натуральных. Запах духов «Роза» вместо цветка? Это так же мало удовлетворило бы меня, как голодного запах паштета без паштета. Утратив тело, я утратил мир, — весь необъятный, прекрасный мир вещей, которых я не замечал, вещей, которые можно взять, потрогать, и в то же время почувствовать свое тело, себя. О, я бы охотно отдал мое химерическое существование за одну радость почувствовать в своей руке тяжесть простого булыжника! Если бы вы знали, какое удовольствие доставляет мне прикосновение губки, когда вы по утрам умываете мне лицо. Ведь осязание — это единственная для меня возможность почувствовать себя в мире реальных вещей... Все, что я могу сделать сам, это прикоснуться кончиком моего языка к краю моих пересохших губ.

В тот вечер Лоран явилась домой рассеянной и взволнованной. Старушка мать, по обыкновению, приготовила ей чай с холодной закуской, но Мари не притронулась к бутербродам, вскоре выпила стакан чаю с лимоном и поднялась, чтобы идти в свою комнату. Внимательные глаза матери остановились на ней.

— Ты чем-то расстроена, Мари? — спросила старушка. — Быть может, неприятности на службе?

— Нет, ничего, мама, просто устала и голова болит... Я лягу пораньше, и все пройдет.

Мать не задержала ее, вздохнула и, оставшись одна, задумалась.

С тех пор как Мари поступила на службу, она очень изменилась. Стала нервная, замкнутая. Мать и дочь всегда были большими друзьями. Между ними не было тайн. И вот теперь появилась тайна. Старушка Лоранчувствовала, что ее дочь что-то скрывает. На вопросы матери о службе Мари отвечала очень кратко и неопределенно.

— У профессора Керна имеется лечебница на дому для особенно интересных в медицинском отношении больных. И я ухаживаю за ними.

— Какие же это больные?

— Разные. Есть очень тяжелые случаи... — Мари хмурилась и переводила разговор на другие темы.

Старушку не удовлетворяли эти ответы. И она начала даже наводить справки стороной, но ей ничего не удалось узнать, кроме того, что уже было известно от дочери.

«Уж не влюблена ли она в Керна и, быть может, безнадежно, без ответа с его стороны?..» — думала старушка. Но тут же опровергала себя: ее дочь не скрыла бы от нее своего увлечения. И потом, разве Мари не хорошенъкая? А Керн холостяк. И если бы только Мари любила его, то, конечно, и Керн не устоял бы. Другой такой Мари не найти во всем свете. Нет, тут что-то другое... И старушка долго не могла заснуть, ворочаясь на высоко взбитых перинах.

Не спала и Мари. Погасив свет, чтобы мать ее думала, что она уже спит, Мари сидела на кровати с широко раскрытыми глазами. Она вспоминала каждое слово головы и старалась вообразить себя на ее месте: тихонько касалась языком своих губ, нёба, зубов и думала:

«Это все, что может делать голова. Можно прикусить губы, кончик языка. Можно шевелить бровями. Ворочать глазами. Закрывать, открывать их. Рот и глаза. Больше ни одного движения. Нет, еще можно немного шевелить кожею на лбу. И больше ничего...»

Мари закрывала и открывала глаза и делала гримасы. О, если бы в этот момент мать посмотрела на нее! Старушка решила бы, что ее дочь сошла с ума.

Потом вдруг Мари начала хватать свои плечи, колени, руки, гладила себя по груди, запускала пальцы в густые волосы и шептала:

— Боже мой! Как я счастлива! Как много я имею! Какая я богатая! И я не знала, не чувствовала этого!

Усталость молодого тела брала свое. Глаза Мари невольно закрылись. И тогда она увидела голову Доуэля. Голова смотрела на нее внимательно и скорбно. Голова срываалась со своего столика и летала по воздуху. Мари бежала впереди головы. Керн, как коршун, бросался на голову. Извилистые коридоры... Тугие двери... Мари спешила открыть их, но двери не поддавались, и Керн нагонял голову, голова свистела, шипела уже возле уха... Мари чувствовала, что она задыхается. Сердце колотится в груди, его учащенные удары болезненно отзываются во всем теле. Холодная дрожь пробегает по спине... Она открывает все новые и новые двери... О, какой ужас!..

— Мари! Мари! Что с тобой? Да проснись же, Мари! Ты стонешь...

Это уже не сон. Мать стоит у изголовья и с тревогой гладит ее волосы.

— Ничего, мама. Я просто видела скверный сон.

— Ты слишком часто стала видеть скверные сны, дитя мое...

Старушка уходит вздыхая, а Мари еще несколько времени лежит с открытыми глазами и сильно бьющимся сердцем.

— Однако нервы мои становятся никуда не годными, — тихо шепчет она и на этот раз засыпает крепким сном.

Смерть или убийство?

Однажды, просматривая перед сном медицинские журналы, Лоран прочла статью профессора Керна о новых научных исследованиях. В этой статье Керн ссылался на работы других ученых в той же области. Все эти выдержки были взяты из научных журналов и книг и в точности совпадали с теми, которые Лоран по указанию головы подчеркивала во время их утренних занятий.

На другой день, как только представилась возможность поговорить с головой, Лоран спросила:

— Чем занимается профессор Керн в лаборатории в мое отсутствие?

После некоторого колебания голова ответила:

— Мы с ним продолжаем научные работы.

— Значит, и все эти отметки вы делаете для него?

Но вам известно, что вашу работу он публикует от своего имени?

— Я догадывался.

— Но это возмутительно! Как вы допускаете это?

— Что же я могу поделать?

— Если не можете вы, то смогу сделать я! — гневно воскликнула Лоран.

— Тише... Напрасно... Было бы смешно в моем положении иметь претензии на авторские права. Деньги? На что они мне? Слава? Что может дать мне слава?.. И потом... если все это откроется, работа не будет доведена до конца. А в том, чтобы она была доведена до конца, я сам заинтересован. Признаться, мне хочется видеть результаты моих трудов.

Лоран задумалась.

— Да, такой человек, как Керн, способен на все, — тихо проговорила она. — Профессор Керн говорил мне, когда я поступала к нему на службу, что вы умерли от неизлечимой болезни и сами завещали свое тело для научных работ. Это правда?

— Мне трудно говорить об этом. Я могу ошибиться. Это правда, но, может быть... не все правда. Мы работали вместе с ним над оживлением человеческих органов, взятых от свежего трупа. Керн был моим ассистентом. Конечной целью моих трудов в то время я ставил оживление отсеченной от тела головы человека. Мною была закончена вся подготовительная работа. Мы уже оживляли головы животных, но решили неглашать наших успехов до тех пор, пока нам не удастся оживить и продемонстрировать человеческую голову. Перед этим последним опытом, в успехе которого я не сомневался, я передал Керну рукопись со всей проделанной мной научной работой для подготовки к печати. Одновременно мы работали над другой научной проблемой, которая также была близка к разрешению. В это время со мной случился ужасный припадок астмы — одной из болезней, которую я как учёный пытался победить. Между мной и ею шла давняя борьба.

ба. Весь вопрос был во времени: кто из нас первый выйдет победителем? Я знал, что победа может осться на ее стороне. И я действительно завещал свое тело для анатомических работ, хотя и не ожидал, что именно моя голова будет оживлена. Так вот... во время этого последнего припадка Керн был около меня и оказывал мне медицинскую помощь. Он впрыснул мне адреналин. Может быть... доза была слишком велика, а может быть, и астма сделала свое дело.

— Ну, а потом?

— Асфиксия (удушье), короткая агония — и смерть, которая для меня была только потерей сознания... А потом я пережил довольно странные переходные состояния. Сознание очень медленно начало возвращаться ко мне. Мне кажется, мое сознание было пробуждено острым чувством боли в области шеи. Боль постепенно затихала. В то время я не понял, что это значит. Когда мы с Керном делали опыты оживления собачьих голов, отсеченных от тела, мы обратили внимание на то, что собаки испытывают чрезвычайно острую боль после пробуждения. Голова собаки билась на блюде с такой силой, что иногда из кровеносных сосудов выпадали трубки, по которым подавалась питательная жидкость. Тогда я предложил анестезировать место среза. Чтобы оно не подсыхало и не подвергалось воздействию бактерий, шея собаки погружалась в особый раствор Ринген-Локк-Доуэль. Этот раствор содержит и питательные, и антисептические, и анестезирующие вещества. В такую жидкость и был погружен срез моей шеи. Без этой предохранительной меры я мог бы умереть вторично очень быстро после пробуждения, как умирали головы собак в наших первых опытах. Но, повторяю, в тот момент обо всем этом я не думал. Все было смутно, как будто кто-нибудь разбудил меня после сильного опьянения, когда действие алкоголя еще не прошло. Но в моем мозгу все же затеплилась радостная мысль, что если сознание, хоть и смутное, вернулось ко мне, то, значит, я не умер. Еще не открывая глаз, я раздумывал над странностью последнего припадка. Обыкновенно припадки астмы обрывались у меня внезапно. Иногда интенсивность одышки ослабевала постепенно. Но я еще никогда не терял сознания после припадка. Это было что-то новое. Новым было также

ощущение сильной боли в области шеи. И еще одна странность: мне казалось, что я совсем не дышал, а вместе с тем и не испытывал удушья. Я попробовал вздохнуть, но не мог. Больше того, я потерял ощущение своей груди. Я не мог расширить грудную клетку, хотя усиленно, как мне казалось, напрягал свои грудные мышцы. «Что-то странное,— думал я,— или я сплю, или грежу...» С трудом мне удалось открыть глаза. Темнота. В ушах смутный шум. Я опять закрыл глаза... Вы знаете, что когда человек умирает, то органы его чувств угасают не одновременно. Сначала человек теряет чувство вкуса, потом гаснет его зрение, потом слух. По-видимому, в обратном порядке шло и их восстановление. Через некоторое время я снова поднял свои веки и увидел мутный свет. Как будто я опустился в воду на очень большую глубину. Потом зеленоватая мгла начала расходиться, и я смутно различил перед собою лицо Керна и в то же время услыхал уже довольно отчетливо его голос: «Пришли в себя? Очень рад вас видеть вновь живым». Усилием воли я заставил мое сознание проясниться скорее. Я посмотрел вниз и увидел прямо под подбородком стол, — в то время этого столика еще не было, а был простой стол, вроде кухонного, наскоро приспособленный Керном для опыта. Хотел оглянуться назад, но не мог повернуть голову. Рядом с этим столом, повыше его, помещался второй стол — проекторский. На этом столе лежал чей-то обезглавленный труп. Я посмотрел на него, и труп показался мне странно знакомым, несмотря на то, что он не имел головы и его грудная клетка была вскрыта. Тут же рядом в стеклянном ящике билось чье-то человеческое сердце... Я с недоумением посмотрел на Керна. Я еще никак не мог понять, почему моя голова возвышается над столом и почему я не вижу своего тела. Хотел протянуть руку, но не ощущил ее. «В чем дело?...» — хотел я спросить у Керна и только беззвучно шевельнул губами. А он смотрел на меня и улыбался. «Не узнаете? — спросил он меня, кивнув по направлению к проекторскому столу. — Это ваше тело. Теперь вы навсегда избавились от астмы». Он еще мог шутить!.. И я понял все. Сознаюсь, в первую минуту я хотел кричать, сорваться со столика, убить себя и Керна... Нет, совсем не так. Я знал умом, что должен был сер-

диться, кричать, возмущаться, и в то же время был поражен ледяным спокойствием, которое владело мною. Быть может, я и возмущался, но как-то глядя на себя и на мир со стороны. В моей психике произошли сдвиги. Я только нахмурился и... молчал. Мог ли я волноваться так, как волновался раньше, если теперь мое сердце билось в стеклянном сосуде, а новым сердцем был мотор?

Лоран с ужасом смотрела на голову.

— И после этого... после этого вы продолжаете с ним работать. Если бы не он, вы победили бы астму и были теперь здоровым человеком... Он вор и убийца, и вы помогаете ему вознести на вершину славы. Вы работаете на него. Он, как паразит, питается вашей мозговой деятельностью, он сделал из вашей головы какой-то аккумулятор творческой мысли и зарабатывает на этом деньги и славу. А вы!.. Что дает он вам? Какова ваша жизнь?.. Вы лишены всего. Вы несчастный обрубок, в котором, на ваше горе, еще живут желания. Весь мир украд у вас Керн. Простите меня, но я не понимаю вас. И неужели вы покорно, безропотно работаете на него?

Голова улыбнулась печальной улыбкой.

— Бунт головы? Это эффектно. Что же я мог сделять? Ведь я лишился даже последней человеческой возможности: покончить с собой.

— Но вы могли отказаться работать с ним!

— Если хотите, я прошел через это. Но мой бунт не был вызван тем, что Керн пользуется моим мыслительным аппаратом. В конце концов какое значение имеет имя автора? Важно, чтобы идея вошла в мир и сделала свое дело. Я бунтовал только потому, что мне тяжко было привыкнуть к моему новому существованию. Я предпочитал смерть жизни... Я расскажу вам один случай, произошедший со мной в то время. Как-то я был в лаборатории один. Вдруг в окно влетел большой черный жук. Откуда он мог появиться в центре громадного города? Не знаю. Может быть, его завезло авто, возвращающееся из загородной поездки. Жук покружился надо мной и сел на стеклянную доску моего столика, рядом со мной. Я скосил глаза и следил за этим отвратительным насекомым, не имея возможности сбросить его. Лапки жука скользили по стеклу, и

он, шурша суставами, медленно приближался к моей голове. Не знаю, поймете ли вы меня... я чувствовал всегда какую-то особую брезгливость, чувство отвращения к таким насекомым. Я никогда не мог заставить себя дотронуться до них пальцем. И вот я был бессилен даже перед этим ничтожным врагом. А для него моя голова была только удобным трамплином для взлета. И он продолжал медленно приближаться, шурша ножками. После некоторых усилий ему удалось зацепиться за волосы бороды. Он долго барабанился, запутавшись в волосах, но упорно поднимался все выше. Так он прополз по сжатым губам, по левой стороне носа, через прикрытый левый глаз, пока, наконец, добравшись до лба, не упал на стекло, а оттуда на пол. Пустой случай. Но он произвел на меня потрясающее впечатление... И когда пришел профессор Керн, я категорически отказался продолжать с ним научные работы. Я знал, что он не решится публично демонстрировать мою голову. Без пользы же не станет держать у себя голову, которая может явиться уликой против него. И он убьет меня. Таков был мой расчет. Между нами завязалась борьба. Он прибег к довольно жестоким мерам. Однажды поздно вечером он вошел ко мне с электрическим аппаратом, приставил к моим вискам электроды и, еще не пуская тока, обратился с речью. Он стоял, скрестив руки на груди, и говорил очень ласковым, мягким тоном, как настоящий инквизитор. «Дорогой коллега, — начал он. — Мы здесь одни, с глазу на глаз, за толстыми каменными стенами. Впрочем, если бы они были и тоныше, это не меняет дела, так как вы не можете кричать. Вы вполне в моей власти. Я могу причинить вам самые ужасные пытки и останусь безнаказанным. Но зачем пытки? Мы с вами оба ученые и можем понять друг друга. Я знаю, вам нелегко живется, но в этом не моя вина. Вы мне нужны, и я не могу освободить вас от тягостной жизни, а сами вы не в состоянии сбежать от меня даже в небытие. Так не лучше ли нам покончить дело миром? Вы будете продолжать наши научные занятия...» Я отрицательно повел бровями, и губы мои бесшумно прошептали: «Нет!» — «Вы очень огорчаете меня. Не хотите ли папироску? Я знаю, что вы не можете испытывать полного удовольствия, так как у вас нет легких, через которые никотин мог бы

всосаться в кровь, но все же знакомые ощущения...» И он, вынув из портсигара две папиросы, одну закурил сам, а другую вставил мне в рот. С каким удовольствием я выплюнул эту папироску! «Ну хорошо, коллега, — сказал он тем же вежливым, невозмутимым голосом, — вы принуждаете меня прибегнуть к мерам воздействия...» И он пустил электрический ток. Как будто раскаленный бурав пронизал мой мозг... «Как вы себя чувствуете? — заботливо спросил он меня, точно врач пациента. — Голова болит? Может быть, вы хотите излечить ее? Для этого вам стоит только...» — «Нет!» — отвечали мои губы. «Очень, очень жаль. Придется немножко усилить ток. Вы очень огорчаете меня». И он пустил такой сильный ток, что мне казалось, голова моя воспламеняется. Боль была невыносимая. Я скрипел зубами. Сознание мое мутлилось. Как я хотел потерять его! Но, к сожалению, не терял. Я только закрыл глаза и сжал губы. Керн курил, пуская мне дым в лицо, и продолжал поджаривать мою голову на медленном огне. Он уже не убеждал меня. И когда я приоткрыл глаза, то увидел, что он взбешен моим упорством. «Черт побери! Если бы ваши мозги мне не были так нужны, я зажарил бы их и сегодня же накормил бы ими своего пинчера. Фу, упрямец!» И он бесцеремонно сорвал с моей головы все провода и удалился. Однако мне еще рано было радоваться. Скоро он вернулся и начал впускать в растворы, питающие мою голову, раздражающие вещества, которые вызывали у меня сильнейшие мучительные боли. И когда я невольно морщился, он спрашивал меня: «Так как, коллега, вы решаете? Все еще нет?» Я был непоколебим. Он ушел еще более взбешенный, осыпая меня тысячью проклятий. Я торжествовал победу. Несколько дней Керн не появлялся в лаборатории, и со дня на день я ожидал избавительницы-смерти. На пятый день он пришел как ни в чем не бывало, весело насыпывая песенку. Не глядя на меня, он стал продолжать работу. Дня два или три я наблюдал за ним, не принимая в ней участия. Но работа не могла не интересовать меня. И когда он, производя опыты, сделал несколько ошибок, которые могли погубить результаты всех наших усилий, я не утерпел и сделал ему знак. «Давно бы так!» — проговорил он с довольной улыбкой и пустил воздух через мое горло. Я объяснил ему ошибки и с тех пор продолжаю руководить работой... Он перехитрил меня.

Жертвы большого города

С тех пор как Лоран узнала тайну головы, она возненавидела Керна. И это чувство росло с каждым днем. Она засыпала с этим чувством и просыпалась с ним. Она в страшных кошмарах видела Керна во сне. Она была прямо больна ненавистью. В последнее время при встречах с Керном она едва удерживалась, чтобы не бросить ему в лицо: «Убийца!»

Она держалась с ним натянуто и холодно.

— Керн — чудовищный преступник! — восклицала Мария, оставшись наедине с головой. — Я донесу на него... Я буду кричать о его преступлении, не успокоюсь, пока не развенчу эту краденой славы, не раскрою всех его злодеяний. Я себя не пошажжу.

— Тише!.. Успокойтесь, — уговаривал Доуэль. — Я уже говорил вам, что во мне нет чувства мести. Но если ваше нравственное чувство возмущено и жаждет возмездия, я не буду отговаривать вас... только не спешите. Я прошу вас подождать до конца наших опытов. Ведь и я нуждаюсь сейчас в Керне, как и он во мне. Он без меня не может окончить труд, но так же и я без него. А ведь это все, что мне осталось. Большего мне не создать, но начатые работы должны быть окончены.

В кабинете послышались шаги.

Лоран быстро закрыла кран и уселась с книжкой в руке, все еще возмущенная. Голова Доуэля опустила веки, как человек, погруженный в дремоту.

Вошел профессор Керн.

Он подозрительно посмотрел на Лоран.

— В чем дело? Вы чем-то расстроены? Все в порядке?

— Нет... ничего... все в порядке... семейные неприятности...

— Дайте ваш пульс...

Лоран неохотно протянула руку.

— Бьется учащенно... Нервы пошаливают... Для нервных, пожалуй, это тяжелая работа. Но я вами доволен. Я удваиваю вам вознаграждение.

— Мне не нужно, благодарю вас.

— «Мне не нужно». Кому же не нужны деньги? Ведь у вас семья.

Лоран ничего не ответила.

— Вот что. Надо сделать кое-какие приготовления. Голову профессора Доуэля мы поместим в комнату за лабораторией... Временно, коллега, временно. Вы не спите? — обратился он к голове. — А сюда завтра привезут два свеженьких трупа, и мы изготавлим из них пару хорошо говорящих голов и продемонстрируем их в научном обществе. Пора обнародовать наше открытие.

И Керн снова испытующе посмотрел на Лоран.

Чтобы раньше времени не обнаружить всей силы своей неприязни, Лоран заставила себя принять равнодушный вид и поспешила задать вопрос, первый из пришедших ей в голову:

— Чьи трупы будут привезены?

— Я не знаю, и никто этого не знает. Потому что сейчас это еще не трупы, а живые и здоровые люди. Здоровее нас с вами. Это я могу сказать с уверенностью. Мне нужны головы абсолютно здоровых людей. Но завтра их ожидает смерть. А через час, не позже, после этого они будут здесь, на прозекторском столе. Я уж позабочусь об этом.

Лоран, которая ожидала от профессора Керна все-го, посмотрела на него таким испуганным взглядом, что он на мгновение смушился, а потом громко рассмеялся.

— Нет ничего проще. Я заказал пару свеженьких трупов в морге. Дело, видите ли, в том, что город, этот современный молох, требует ежедневных человеческих жертв. Каждый день, с непреложностью законов природы, в городе гибнет от уличного движения несколько человек, не считая несчастных случаев на заводах, фабриках, постройках. Ну и вот эти обреченные, жизнерадостные, полные сил и здоровья люди сегодня спокойно уснут, не зная, что их ожидает завтра. Завтра утром они встанут и, весело напевая, будут одеваться, чтобы идти, как они будут думать, на работу, а на самом деле — навстречу своей неизбежной смерти. В то же время в другом конце города, так же беззаботно напевая, будет одеваться их невольный палач: шофер или вагоновожатый. Потом жертва выйдет из своей квартиры, палач выедет из противоположного конца города из своего гаража или трамвайного парка. Преодолевая поток уличного движения, они упорно будут прибли-

жаться друг к другу, не зная друг друга, до самой роковой точки пересечения их путей. Потом на одно короткое мгновение кто-то из них зазевается — и готово. На статистических счетах, отмечающих число жертв уличного движения, прибавится одна косточка. Тысячи случайностей должны привести их к этой фатальной точке пересечения. И тем не менее все это неуклонно совершится с точностью часовского механизма, сдвигающего на мгновение в одну плоскость две часовые стрелки, идущие с различной скоростью.

Никогда еще профессор Керн не был так разговорчив с Лоран. И откуда у него эта неожиданная щедрость? «Я удавиваю вам вознаграждение...»

«Он хочет задобрить, купить меня,— подумала Лоран.— Он, кажется, подозревает, что я догадываюсь или даже знаю о многом. Но ему не удастся купить меня».

Новые обитатели лаборатории

Наутро на прозекторском столе лаборатории профессора Керна действительно лежали два свежих трупа.

Две новые головы, предназначенные для публичной демонстрации, не должны были знать о существовании головы профессора Доуэля. И потому она была предусмотрительно перемещена профессором Керном в смежную комнату.

Мужской труп принадлежал рабочему лет тридцати, погившему в потоке уличного движения. Его могучее тело было раздавлено. В полуоткрытых остекленевших глазах замер испуг.

Профессор Керн, Лоран и Джон в белых халатах работали над трупами.

— Было еще несколько трупов, — говорил профессор Керн.— Один рабочий упал с лесов. Забраковал. У него могло быть повреждение мозга от сотрясения. Забраковал я и нескольких самоубийц, отравившихся ядами. Вот этот парень оказался подходящим. Да вот эта еще... ночная красавица.

Он кивком головы указал на труп женщины с красивым, но увядшим лицом. На лице сохранились еще следы румян и гримировального карандаша. Лицо было спокойно. Только приподнятые брови и полуоткрытый рот выражали какое-то детское удивление.

— Певичка из бара. Была убита наповал шальной пулей во время ссоры пьяных апашей. Прямо в сердце, — видите? Нарочно так не попадешь.

Професор Керн работал быстро и уверенно. Головы были отделены от тела, трупы унесены.

Еще несколько минут — и головы были помещены на высокие столики. В горло, в вены и сонные артерии введены трубки.

Професор Керн находился в приятно-возбужденном состоянии. Приближался момент его торжества. В успехе он не сомневался.

На предстоящую демонстрацию и доклад професора Керна в научном обществе были приглашены светила науки. Прессы, руководимая умелой рукой, помещала предварительные статьи, в которых превозносила научный гений професора Керна. Журналы помещали его портреты. Выступлению Керна с его изумительным опытом оживления мертвых человеческих голов придавали значение торжества национальной науки.

Весело посвистывая, професор Керн вымыл руки, закурил сигару и самодовольно посмотрел на стоящие перед ним головы.

— Хе-хе! На блюдо попала голова не только Иоанна, но и самой Саломеи. Недурная будет встреча. Остается только открыть кран и... мертвые оживут. Ну что же, мадемуазель? Оживляйте. Откройте все три крана. В этом большом цилиндре содержится сжатый воздух, а не яд, хе-хе...

Для Лоран это давно не было новостью. Но она, по бессознательной почти хитрости, не подала и виду.

Керн нахмурился, сделался вдруг серьезным. Подойдя вплотную к Лоран, он, отчеканивая каждое слово, сказал:

— Но у професора Доуэля прошу воздушного крана не открывать. У него... повреждены голосовые связки и...

Поймав недоверчивый взгляд Лоран, он раздраженно добавил:

— Как бы то ни было... я запрещаю вам. Будьте послушны, если не хотите навлечь на себя крупные неприятности.

И, повеселев опять, он протяжно пропел на мотив оперы «Паяцы»:

— Итак, мы начинаем!

Лоран открыла краны.

Первой стала подавать признаки жизни голова рабочего. Едва заметно дрогнули веки. Зрачки стали прозрачны.

— Циркуляция есть. Все идет хорошо...

Вдруг глаза головы изменили свое направление, повернулись к свету окна. Медленно возвращалось сознание.

— Живет! — весело крикнул Керн. — Дайте сильнее воздушную струю.

Лоран открыла кран больше.

Воздух засвистал в горле.

— Что это?.. Где я?.. — невнятно произнесла голова.

— В больнице, друг мой, — сказал Керн.

— В больнице?.. — Голова повела глазами, опустила их вниз и увидела под собой пустое пространство.

— А где же мои ноги? Где мои руки? Где мое тело?

— Его нет, голубчик. Оно разбито вдребезги. Только голова и уцелела, а туловище пришлось отрезать.

— Как это отрезать? Ну нет, я не согласен. Какая же это операция? Куда я годен такой? Одной головой куска хлеба не заработаешь. Мне руки надо. Без рук, без ног на работу никто не возьмет... Выйдешь из больницы... Тьфу! И выйти-то не на чем. Как же теперь? Пить-есть надо. Больницы-то наши знаю я. Подержите маленько, да и выгоните: вылечили. Нет, я не согласен, — твердил он.

Его выговор, широкое, загорелое, веснушчатое лицо, прическа, наивный взгляд голубых глаз — все обличало в нем деревенского жителя.

Нужда оторвала его от родимых полей, город растерзал молодое здоровое тело.

— Может, хоть пособие какое выйдет?.. А где тот?.. — вдруг вспомнил он, и глаза его расширились.

— Кто?

— Да тот... что наехал на меня... Тут трамвай, тут другой, тут автомобиль, а он прямо на меня...

— Не беспокойтесь. Он получит свое. Номер грузовика записан: четыре тысячи семьсот одиннадцатый, если вас это интересует. Как вас зовут? — спросил профессор Керн.

— Меня? Тома Буш, вот оно как.

— Так вот что, Тома... Вы не будете ни в чем нуждаться и не будете страдать ни от голода, ни от холода, ни от жажды. Вас не выкинут на улицу, не беспокойтесь.

— Что ж, даром кормить будете или на ярмарках за деньги показывать?

— Показывать покажем, только не на ярмарках. Ученым покажем. Ну, а теперь отдохните. — И, посмотрев на голову женщины, Керн озабоченно заметил: — Что-то Саломея заставляет себя долго ждать.

— Это что ж, тоже голова без тела? — спросила голова Тома.

— Как видите, чтобы вам скучно не было, мы позаботились пригласить в компанию барышню... Закройте, Лоран, его воздушный кран, чтобы не мешал своей болтовней.

Керн вынул из ноздрей головы женщины термометр.

— Температура выше трупной, но еще низка. Оживление идет медленно...

Время шло. Голова женщины не оживала. Профессор Керн начал волноваться. Он ходил по лаборатории, посматривал на часы, и каждый его шаг по каменному полу звонко отдавался в большой комнате.

Голова Тома с недоумением смотрела на него и беззвучно шевелила губами.

Наконец Керн подошел к голове женщины и внимательно осмотрел стеклянные трубочки, которыми оканчивались каучуковые трубы, введенные в сонные артерии.

— Вот где причина. Эта трубка входит слишком свободно, и поэтому циркуляция идет медленно. Дайте трубку шире.

Керн заменил трубку, и через несколько минут голова ожила.

Голова Брике,— так звали женщину,— реагировала более бурно на свое оживление. Когда она окончательно пришла в себя и заговорила, то стала хрипло кричать, умоляя лучше убить ее, но не оставлять таким уродом.

— Ах, ах, ах!.. Мое тело... мое бедное тело!.. Что вы сделали со мной? Спасите меня или убейте. Я не могу жить без тела!.. Дайте мне хоть посмотреть на него... нет, нет, не надо. Оно без головы... какой ужас!.. какой ужас!..

Когда она немного успокоилась, то сказала:

— Вы говорите, что оживили меня. Я малообразована, но я знаю, что голова не может жить без тела. Что это, чудо или колдовство?

— Ни то, ни другое. Это — достижение науки.

— Если ваша наука способна творить такие чудеса, то она должна уметь делать и другие. Приставьте мне другое тело. Осел Жорж продырявил меня пулей... Но ведь немало девушек пускают себе пулю в лоб. Отрежьте их тело и приставьте к моей голове. Только раньше покажите мне. Надо выбрать красивое тело. А так я не могу... Женщина без тела. Это хуже, чем мужчина без головы.

И, обратившись к Лоран, она попросила:

— Будьте добры дать мне зеркало.

Глядя в зеркало, Брике долго и серьезно изучала себя.

— Ужасно!.. Можно вас попросить поправить мне волосы? Я не могу сама сделать себе прическу...

— У вас, Лоран, работы прибавилось,— усмехнулся Керн.— Соответственно будет увеличено и ваше вознаграждение. Мне пора.

Он посмотрел на часы и, подойдя близко к Лоран, шепнул:

— В их присутствии,— он показал глазами на головы,— ни слова о голове профессора Доуэля!..

Когда Керн вышел из лаборатории, Лоран пошла навестить голову профессора Доуэля.

Глаза Доуэля смотрели на нее грустно. Печальная улыбка кривила губы.

— Бедный мой, бедный...— прошептала Лоран.— Но скоро вы будете отомщены!

Голова сделала знак. Лоран открыла воздушный кран.

— Вы лучше расскажите, как прошел опыт,— пропшипела голова, слабо улыбаясь.

Головы развлекаются

Головам Тома и Брике еще труднее было привыкнуть к своему новому существованию, чем голове Доуэля. Его мозг занимался сейчас теми же научными работами, которые интересовали его и раньше. Тома и Брике были люди простые, и без тела жить им не было смысла. Немудрено, что они очень скоро затосковали.

— Разве это жизнь? — жаловался Тома. — Торчишь как пень. Все стены до дыр проглядел...

Угнетенное настроение «пленников науки», как шутя называл их Керн, очень озабочивало его. Головы могли захиреть от тоски прежде, чем настанет день их демонстрации.

И профессор Керн всячески старался развлекать их.

Он достал киноаппарат, и Лоран с Джоном вечерами устраивали кинематографические сеансы. Экраном служила белая стена лаборатории.

Голове Тома особенно нравились комические картины с участием Чарли Чаплина и Монти Бэнкса. Глядя на их проделки, Тома забывал на время о своем убогом существовании. Из его горла даже вырывалось нечто похожее на смех, а на глазах навертывались слезы.

Но вот отпрыгал Бэнкс, и на белой стене комнаты появилось изображение фермы. Маленькая девочка кормит цыплят. Хохлатая курица хлопотливо угощает своих птенцов. На фоне коровника молодая здоровая женщина доит корову, отгоняя локтем теленка, который тычет мордой в вымя. Пробежала лохматая собачка, весело махая хвостом, и вслед за нею показался фермер. Он вел на поводу лошадь.

Тома как-то прохрипел необычайно высоким фальшивым голосом и вдруг крикнул:

— Не надо! Не надо!..

Джон, хлопотавший около аппарата, не сразу понял, в чем дело.

— Прекратите демонстрацию! — крикнула Лоран и поспешила включить свет. Побледневшее изображение еще мелькало некоторое время и, наконец, исчезло. Джон остановил работу проекционного аппарата.

Лоран посмотрела на Тома. На глазах его виднелись слезы, но это уже не были слезы смеха. Все его пухлое лицо собралось в гримасу, как у обиженного ребенка, рот скривился:

— Как у нас... в деревне... — хныча, произнес он. — Корова... курочка... Пропало, все теперь пропало...

У аппарата уже хлопотала Лоран. Скоро свет был погашен, и на белой стене замелькали тени. Гарольд Ллойд улепетывал от преследовавших его полисменов. Но настроение у Тома было уже испорчено. Теперь вид движущихся людей стал нагонять на него еще большую тоску.

— Ишь, носится как угорелый, — ворчала голова Тома. — Посадить бы его так, не попрыгал бы.

Лоран еще раз попыталась переменить программу.

Вид великосветского бала совершенно расстроил Брике. Красивые женщины и их роскошные туалеты раздражали ее.

— Не надо... я не хочу смотреть, как живут другие, — говорила она.

Кинематограф убрали.

Радиоприемник развлекал их несколько дольше.

Их обоих волновала музыка, в особенности плясовые мотивы, танцы.

— Боже, как я плясала этот танец! — вскричала однажды Брике, заливаясь слезами.

Пришлось перейти к иным развлечениям.

Брике капризничала, требовала ежеминутно зеркало, изобретала новые прически, просила подводить ей глаза карандашом, белить и румянить лицо. Раздражалась бесполюсостью Лоран, которая никак не могла постигнуть тайн косметики.

— Неужели вы не видите, — раздраженно говорила голова Брике, — что правый глаз подведен темнее левого. Поднимите зеркало выше.

Она просила, чтобы ей принесли модные журналы и ткани, и заставляла драпировать столик, на котором была укреплена ее голова.

Она доходила до чудачества, заявив вдруг с запоздалой стыдливостью, что не может спать в одной комнате с мужчиной.

— Отгородите меня на ночь ширмой или, по крайней мере, хоть книгой.

И Лоран делала «ширму» из большой раскрытой книги, установив ее на стеклянной доске у головы Брике.

Не меньше хлопот доставлял и Тома.

Однажды он потребовал вина. И профессор Керн принужден был доставить ему удовольствие опьянения, вводя в питающие растворы небольшие дозы опьяняющих веществ.

Иногда Тома и Брике пели дуэтом. Ослабленные голосовые связки не повиновались. Это был ужасный дуэт.

— Мой бедный голос... Если бы вы могли слышать, как я пела раньше! — говорила Брике, и брови ее страдальчески поднимались вверх.

Вечерами на них нападало раздумье. Необычайность существования заставляла даже эти простые натуры задумываться над вопросами жизни и смерти.

Брике верила в бессмертие. Тома был материалистом.

— Конечно, мы бессмертны, — говорила голова Брике. — Если бы душа умирала с телом, она не вернулась бы в голову.

— А где у вас душа сидела: в голове или в теле? — ехидно спросил Тома.

— Конечно, в теле была... везде была... — неуверенно отвечала голова Брике, подозревая в вопросе какой-то подвох.

— Так что же, душа вашего тела безголовая теперь ходит на том свете?

— Сами вы безголовый, — обиделась Брике.

— Я-то с головой. Только она одна у меня и есть, — не унимался Тома. — А вот душа вашей головы не осталась на том свете? По этой резиновой кишке назад на землю вернулась? Нет, — говорил он уже серьезно, — мы как машина. Пустил пар — опять заработала. А разбилась вдребезги — никакой пар не поможет...

И каждый погружался в свои думы...

Доводы Тома не убеждали Брике. Несмотря на свой безалаберный образ жизни, она была истой католической. Ведя довольно бурную жизнь, она не имела времени не только думать о загробном существовании, но даже и ходить в церковь. Однако привитая в детстве религиозность крепко держалась в ней. И теперь, казалось, наступил самый подходящий момент для того, чтобы эти семена религиозности дали всходы. Настоящая жизнь ее была ужасна, но смерть — возможность второй смерти — пугала ее еще больше. По ночам ее мучили кошмары загробной жизни.

Ей мерещились языки адского пламени. Она видела, как ее грешное тело уже поджаривалось на огромной сковороде.

Брике в ужасе просыпалась, стуча зубами и задыхаясь. Да, она определенно ощущала удушье. Ее возбужденный мозг требовал усиленного притока кислорода, но она была лишена сердца — того живого двигателя, который так идеально регулирует поставку нужного количества крови всем органам тела. Она пыталась кричать, чтобы разбудить Джона, дежурившего в их комнате. Но Джону надоели частые вызовы, и он, чтобы спокойно поспать хоть несколько часов, вопреки требованиям профессора Керна, выключал иногда у голов воздушные краны. Брике открывала рот, как рыба, извлеченная из воды, и пыталась кричать, но ее крик был не громче предсмертного зеванья рыбы... А по комнате продолжали бродить черные тени химер, адское пламя освещало их лица. Они приближались к ней, протягивали страшные когтистые лапы. Брике закрывала глаза, но это не помогало: она продолжала видеть их. И странно: ей казалось, что сердце ее замирает и холодаеет от ужаса.

— Господи, господи, неужели ты не простишь рабу твою, ты всемогущ, — беззвучно шевелились ее губы, — твоя доброта безмерна. Я много грешила, но разве я виновата? Ведь ты знаешь, как все это вышло. Я не помню своей матери, меня некому было научить добру... Я голодала. Сколько раз я просила тебя прийти мне на помощь. Не сердись, господи, я не упрекаю те-

бя,— боязливо продолжала она свою немую молитву,— я хочу сказать, что не так уж виновата. И по милосердию своему ты, быть может, отправишь меня в чистилище... Только не в ад! Я умру от ужаса... Какая я глупая, ведь там не умирают! — И она вновь начинала свои наивные молитвы.

Плохо спал и Тома. Но его не преследовали кошмары ада. Его снедала тоска о земном. Всего несколько месяцев тому назад он ушел из родной деревни, оставил там все, что было дорого его сердцу, захватив с собою в дорогу только небольшой мешок с лепешками и свои мечты — собрать в городе деньги на покупку клочка земли. И тогда он женится на краснощекой, здоровой Мари... О, тогда отец ее не будет противиться их браку.

И вот все рухнуло... На белой стене своей неожиданной тюрьмы он увидел ферму и увидел веселую, здоровую женщину, так похожую на Мари, доившую корову. Но вместо него, Тома, какой-то другой мужчина провел через двор, мимо хлопотливой курицы с цыплятами, лошадь, мерно отмахивавшуюся хвостом от мух. А он, Тома, убит, уничтожен, и голова его вздернута на кол, как воронье пугало. Где его сильные руки, здоровое тело? В отчаянии Тома заскрипел зубами. Потом он тихо заплакал, и слезы капали на стеклянную подставку.

— Что это? — удивленно спросила Лоран во время утренней уборки. — Откуда эта вода?

Хотя воздушный кран предусмотрительно уже был включен Джоном, но Тома не отвечал. Угрюмо и недружелюбно посмотрел он на Лоран, а когда она отошла к голове Брике, он тихо прохрипел ей вслед:

— Убийца! — Он уже забыл о шофере, раздавившем его, и перенес весь свой гнев на окружавших его людей.

— Что вы сказали, Тома? — обернулась Лоран, поворачивая к нему голову. Но губы Тома были уже вновь крепко сжаты, а глаза смотрели на нее с нескрываемым гневом.

Лоран была удивлена и хотела расспросить Джона о причине плохого настроения, но Брике уже завладела ее вниманием.

— Будьте добры почесать мне нос с правой стороны. Эта беспомощность ужасна... Прыщика там нет? Но отчего же тогда так чешется? Дайте мне, пожалуйста, зеркало.

Лоран поднесла зеркало к голове Брике.

— Поверните вправо, я не вижу. Еще... Вот так. Краснота есть. Быть может, помазать кольдкремом?

Лоран терпеливо мазала кремом.

— Вот так. Теперь прошу приподнестись. Благодарю вас... Лоран, я хотела у вас спросить об одной вещи...

— Пожалуйста.

— Скажите мне, если... очень грешный человек исповедуется у священника и покается в своих грехах, может ли такой человек получить отпущение грехов и попасть в рай?

— Конечно, может,— серьезно ответила Лоран.

— Я так боюсь адских мучений...— призналась Брике.— Прошу вас, притласите ко мне кюре... я хочу умереть христианкой...

И голова Брике с видом умирающей мученицы закатила глаза вверх. Потом она опустила их и воскликнула:

— Какой интересный фасон вашего платья! Это последняя мода? Вы давно не приносили мне модных журналов.

Мысли Брике вернулись к земным интересам.

— Короткий подол... Красивые ноги очень выигрывают при коротких юбках. Мои ноги! Мои несчастные ноги! Вы видели их? О, когда я танцевала, эти ноги сводили мужчин с ума!

В комнату вошел профессор Керн.

— Как дела?— весело спросил он.

— Послушайте, господин профессор,— обратилась к нему Брике,— я не могу так... вы должны приделать мне чье-нибудь тело... Я уже просила вас об этом однажды и теперь прошу еще. Я очень прошу вас. Я уверена, что если только вы захотите, то сможете сделать это...

«Черт возьми, а почему бы и нет?» — подумал профессор Керн. Хотя он присвоил себе всю честь оживления человеческой головы, отделенной от тела, но в душе сознавал, что этот удачный опыт является всецело заслугой профессора Доуэля. Но почему не пойти

далыше Доуэля? Из двух погибших людей составить одного живого,— это было бы грандиозно! И вся честь, при удаче опыта, по праву принадлежала бы одному Керну. Впрочем, кое-какими советами головы Доуэля все же можно было бы воспользоваться. Да, над этим решительно следует подумать.

— А вам очень хочется еще поплясать? — улыбнулся Керн и пустил в голову Брике струю сигарного дыма.

— Хочу ли я? Я буду танцевать день и ночь. Я буду махать руками, как ветряная мельница, буду порхать, как бабочка... Дайте мне тело, молодое, красивое женское тело!

— Но почему непременно женское? — игриво спросил Керн.— Если вы только захотите, я могу дать вам и мужское тело.

Брике посмотрела на него с удивлением и ужасом.

— Мужское тело? Женская голова на мужском теле! Нет, нет, это будет ужасное безобразие! Трудно даже придумать костюм...

— Но ведь вы тогда уже не будете женщиной. Вы превратитесь в мужчину. У вас отрастут усы и борода, изменится и голос. Разве вы не хотите превратиться в мужчину? Многие женщины сожалеют о том, что они не родились мужчиной.

— Это, наверное, такие женщины, на которых мужчины не обращали никакого внимания. Такие, конечно, выиграли бы от превращения в мужчину. Но я... я не нуждаюсь в этом.— И Брике гордо вздернула свои красивые брови.

— Ну, пусть будет по-вашему. Вы останетесь женщиной. Я постараюсь подыскать вам подходящее тело.

— О, профессор, я буду бесконечно благодарна вам. Можно это сделать сегодня? Представляю, какой я произведу эффект, когда вновь вернусь в «Ша-нуар»...

— Это так скоро не делается.

Брике продолжала болтать, но Керн уже отошел от нее и обратился к Тома:

— Как дела, приятель?

Тома не слыхал разговора профессора с Брике. Занятый своими мыслями, он угрюмо посмотрел на Керна и ничего не ответил.

С тех пор как профессор Керн обещал Брике дать новое тело, ее настроение круто изменилось. Адские кошмары уже не преследовали ее. Она больше не думала о загробном существовании. Все ее мысли были поглощены заботами о предстоящей новой земной жизни. Глядя в зеркало, она беспокоилась о том, что ее лицо стало худым, а кожа приобрела желтоватый оттенок. Она измучила Лоран, заставляя завивать себе волосы, делать прическу и наводить грим на лицо.

— Профессор, неужели я останусь такая худая и желтая? — с беспокойством спрашивала она Керна.

— Вы станете красивей, чем были, — успокаивал он ее.

— Нет, красками здесь не поможешь, это самообман, — говорила она по уходе профессора. — Мадемуазель Лоран, мы будем делать холодные обмывания и массаж. У глаз и от носа к губам у меня появились новые морщинки. Я думаю, если хорошо массировать, они уничтожатся. Одна моя подруга... Ах да, я и забыла вас спросить, нашли ли вы серого шелку на платье? Серый цвет очень идет ко мне. А модные журналы принесли? Отлично! Как жалко, что еще нельзя делать примерки. Я не знаю, какое у меня будет тело. Хорошо, чтобы он достал повыше ростом, с узкими бедрами... Разверните журнал.

И она углубилась в тайны красоты женских нарядов.

Лоран не забывала о голове профессора Доуэля. Она по-прежнему ухаживала за головой и по утрам занималась чтением, но на разговоры не оставалось времени, а Лоран еще о многом хотела переговорить с Доуэлем. Она все более переутомлялась и нервничала. Голова Брике не давала ей ни минуты покоя. Иногда Лоран прерывала чтение и принуждена была бежать на крик Брике только для того, чтобы поправить спустившийся локон или ответить, была ли Лоран в бельевом магазине.

— Но ведь вы же не знаете размеров вашего тела, — сдерживая раздражение, говорила Лоран, наскоро поправляла локон на голове Брике и спешила к голове Доуэля.

Мысль о производстве смелой операции захватила Керна.

Керн усиленно работал, подготавляясь к этой сложной операции. Он надолго запирался с головой профессора Доуэля и беседовал с ней. Без совета Доуэля Керн при всем желании обойтись не мог. Доуэль указывал ему на целый ряд затруднений, о которых Керн не подумал и которые могли повлиять на исход опыта, советовал проделать несколько предварительных опытов на животных и руководил этими опытами. И,—такова была сила интеллекта Доуэля,—он сам чрезвычайно заинтересовался предстоящим опытом. Голова Доуэля как будто даже посвежела. Мысль его работала с необычайной ясностью.

Керн был доволен и недоволен столь широкой помощью Доуэля. Чем дальше подвигалась работа, тем больше убеждался Керн, что без Доуэля он с нею не справился бы. И ему оставалось тешить свое самолюбие только тем, что осуществление этого нового опыта будет произведено им.

— Вы достойный преемник покойного профессора Доуэля,—как-то сказала ему голова Доуэля с едва заметной иронической улыбкой.—Ах, если бы я мог принять более активное участие в этой работе!

Это не было ни просьбой, ни намеком. Голова Доуэля слишком хорошо знала, что Керн не захочет, не решится дать ей новое тело.

Керн нахмурился, но сделал вид, что не слыхал этого восклицания.

— Итак, опыты с животными увенчались успехом,—сказал он.—Я оперировал двух собак. Обезглавив их, пришил голову одной к туловищу другой. Обе здравствуют, швы на шее срастаются.

— Питание?—спросила голова.

— Пока еще искусственное. Через рот даю только дезинфицирующий раствор с йодом. Но скоро перейду на нормальное питание.

Через несколько дней Керн объявил:

— Собаки питаются нормально. Перевязки сняты, и, я думаю, через день-два они смогут бегать.

— Подождите с неделей,—посоветовала голова.—Молодые собаки делают резкие движения головой, и швы могут разойтись. Не форсirуйте.—«Успе-

ете пожать лавры», — хотела добавить голова, но удержалась. — И еще одно: держите собак в разных помещениях. Вдвоем они будут поднимать возню и могут повредить себе.

Наконец настал день, когда профессор Керн с торжественным видом ввел в комнату головы Доуэля собаку с черной головой и белым туловищем. Собака, видимо, чувствовала себя хорошо. Глаза ее были живы, она весело помахивала хвостом. Увидев голову профессора Доуэля, собака вдруг взъерошила шерсть, заворчала и залаяла диким голосом. Необычайное зрелище, видимо, поразило и испугало ее.

— Проведите собаку по комнате, — сказала голова.

Керн прошелся по комнате, ведя за собой собаку. От наметанного, зоркого глаза Доуэля ничего не ускользало.

— А это что? — спросил Доуэль. — Собака немного припадает на заднюю левую ногу. И голосок не в порядке.

Керн смутился.

— Собака хромала и до операции, — сказал он, — нога перешаблена.

— На глаз деформации не видно, а прощупать, увы, я не могу. Вы не могли найти пару здоровых собак? — с сомнением в голосе спросила голова. — Я думаю, со мной можно быть вполне откровенным, уважаемый коллега. Наверно, с операцией оживления долго возились и слишком задержали «смертную паузу» остановки сердечной деятельности и дыхания, а это, как вам должно быть известно из моих опытов, нередко ведет к расстройству функций нервной системы. Но успокойтесь, такие явления могут исчезнуть. Постарайтесь только, чтобы ваша Брике не захромала на обе ноги.

Керн был взбешен, но старался не подавать виду. Он узнал в голове прежнего профессора Доуэля — прямого, требовательного и самоуверенного.

«Возмутительно! — думал Керн. — Эта шипящая, как проколотая шина, голова продолжает учить меня и издеваться над моими ошибками, и я принужден, точно школьник, выслушивать ее поучения... Поворот крана, и дух вылетит из этой гнилой тыквы...» Однако вместо этого Керн, ничем не выдавая своего настроения, с вниманием выслушал еще несколько советов.

— Благодарю за ваши указания,— сказал Керн и, кивнув головой, вышел из комнаты.

За дверями он опять повеселел.

«Нет,— утешал себя Керн,— работа проведена отлично. Угодить Доуэлю не так-то легко. Припадающая нога и дикий голос собаки — пустяки в сравнении с тем, что сделано».

Проходя через комнату, где помещалась голова Брике, он остановился и, показывая на собаку, сказал:

— Мадемузель Брике, ваше желание скоро исполнится. Видите эту собачку? Она так же, как и вы, была головой без тела, и, посмотрите, она живет и бегает как ни в чем не бывало.

— Я не собачка,— обиженно ответила голова Брике.

— Но ведь это же необходимый опыт. Если ожила собачка в новом теле, то оживете и вы.

— Не понимаю, при чем тут собачка,— упрямо твердила Брике.— Мне нет никакого дела до собачки. Вы лучше скажите, когда я буду оживлена. Вместо того чтобы скорее оживить меня, вы возитесь с какими-то собаками.

Керн безнадежно махнул рукой и, продолжая весело улыбаясь, сказал:

— Теперь скоро. Надо только найти подходящий труп... то есть тело, и вы будете в полной форме, как говорится.

Отведя собаку, Керн вернулся с сантиметром в руках и тщательно измерил окружность шеи головы Брике.

— Тридцать шесть сантиметров,— сказал он.

— Боже, неужели я так похудела?— воскликнула голова Брике.— У меня было тридцать восемь. А размер туфель я ношу...

Но Керн, не слушая ее, быстро ушел к себе. Не успел он усесться за свой стол в кабинете, как в дверь постучались.

— Войдите.

Дверь открылась. Вошла Лоран. Она старалась держаться спокойно, но лицо ее было взволновано.

Порок и добродетель

— В чем дело? С головами что-нибудь случилось? — спросил Керн, поднимая голову от бумаг.

— Нет... но я хотела поговорить с вами, господин профессор.

Керн откинулся на спинку кресла.

— Я вас слушаю, мадемуазель Лоран.

— Скажите, вы серьезно предполагаете дать голове Брике тело или только утешаете ее?

— Совершенно серьезно.

— И вы надеетесь на успех этой операции?

— Вполне. Вы же видели собаку?

— А Тома вы не предполагаете... поставить на ноги? — издалека начала Лоран.

— Почему бы нет? Он уже просил меня об этом. Не всех сразу.

— А Доуэля... — Лоран вдруг заговорила быстро и взволнованно. — Конечно, каждый имеет право на жизнь, на нормальную человеческую жизнь, и Тома, и Брике. Но вы, разумеется, понимаете, что ценность головы профессора Доуэля гораздо выше, чем остальных ваших голов... И если вы хотите вернуть к нормальному существованию Тома и Брике, то насколько важнее вернуть к той же нормальной жизни голову профессора Доуэля.

Керн нахмурился. Все выражение его лица сделалось настороженным и жестким.

— Профессор Доуэль, вернее его профессорская голова, нашел прекрасного защитника в вашем лице, — сказал он, иронически улыбаясь. — Но в таком защитнике, пожалуй, нет и необходимости, и вы напрасно горячитесь и волнуетесь. Разумеется, я думал и об оживлении головы Доуэля.

— Но почему вы не начнете опыта с него?

— Да именно потому, что голова Доуэля дороже тысячи других человеческих голов. Я начал с собаки, прежде чем наделить телом голову Брике. Голова Брике настолько дороже головы собаки, насколько голова Доуэля дороже головы Брике.

— Жизнь человека и собаки несравнима, профессор...

— Так же, как и головы Доуэля и Брике. Вы ничего больше не имеете сказать?

— Ничего, господин профессор,— ответила Лоран, направляясь к двери.

— В таком случае, мадемуазель, я имею к вам кое-какие вопросы. Подождите, мадемуазель.

Лоран остановилась у двери, вопросительно глядя на Керна.

— Прошу вас, подойдите к столу, присядьте.

Лоран со смутной тревогой опустилась в глубокое кресло. Лицо Керна не обещало ничего хорошего. Керн откинулся на спинку кресла и долго испытующе смотрел в глаза Лоран, пока она не опустила их. Потом он быстро поднялся во весь свой высокий рост, крепко уперся кулаками в стол, наклонил голову к Лоран и спросил тихо и внушительно:

— Скажите, вы не пускали в действие воздушный кран головы Доуэля? Вы не разговаривали с ним?

Лоран почувствовала, что кончики пальцев ее похолодели. Мысли вихрем закружились в ее голове. Гнев, который возбуждал в ней Керн, клокотал и готов был прорваться наружу.

«Сказать или не сказать ему правду?» — колебалась Лоран. О, какое наслаждение бросить в лицо этому человеку слово «убийца», но такой открытый выпад мог бы испортить все.

Лоран не верила в то, что Керн даст голове Доуэля новое тело. Она уже слишком много знала, чтобы верить такой возможности. И она мечтала только об одном, чтобы развенчать Керна, присвоившего себе плоды трудов Доуэля, в глазах общества и раскрыть его преступление. Она знала, что Керн не остановится ни перед чем, и, объявляя себя открытым его врагом, она подвергала свою жизнь опасности. Но не чувство самосохранения останавливало ее. Она не хотела погибнуть, прежде чем преступление Керна не будет раскрыто. И для этого надо было лгать. Но лгать не позволяла ей совесть, все ее воспитание. Еще никогда в жизни она не лгала и теперь переживала ужасное волнение.

Керн не спускал глаз с ее лица.

— Не лгите,— сказал он насмешливо,— не отягочайте свою совесть грехом лжи. Вы разговаривали с

головой, не отпирайтесь, я знаю это. Джон подслушал все...

Лоран, склонив голову, молчала.

— Мне интересно только знать, о чем вы разговаривали с головой?

Лоран почувствовала, как отхлынувшая кровь прилила к щекам. Она подняла голову и посмотрела прямо в глаза Керн.

— Обо всем.

— Так,— сказал Керн, не снимая рук со стола.— Так я и думал. Обо всем.

Наступила пауза. Лоран вновь опустила глаза вниз и сидела теперь с видом человека, ждущего приговора.

Керн вдруг быстро направился к двери и запер ее на ключ. Прошелся несколько раз по мягкому ковру кабинета, заложив руки за спину. Потом бесшумно подошел к Лоран и спросил:

— И что же вы думаете предпринять, милая девочка? Предать суду кровожадное чудовище Керна? Втоптать его имя в грязь? Разоблачить его преступление? Доуэль, наверное, просил вас об этом?

— Нет, нет,— забыв весь свой страх, горячо заговорила Лоран,— уверяю вас, что голова профессора Доуэля совершенно лишена чувства мести. О, это благородная душа! Он даже... отговаривал меня. Он не то что вы, нельзя судить по себе! — уже с вызовом закончила она, сверкнув глазами.

Керн усмехнулся и вновь зашагал по кабинету.

— Так, так, отлично. Значит, у вас все-таки были разоблачительные намерения, и если бы не голова Доуэля, то профессор Керн уже сидел бы в тюрьме. Если добродетель не может торжествовать, то, по крайней мере, порок должен быть наказан. Так оканчивались все добродетельные романы, которые вы читали, не правда ли, милая девочка?

— И порок будет наказан! — воскликнула она, уже почти теряя волю над своими чувствами.

— О да, конечно, там, на небесах.— Керн посмотрел на потолок, облицованный крупными шашками из черного дуба.— Но здесь, на земле, да будет вам известно, наивное создание, торжествует порок и только порок! А добродетель... Добродетель стоит с протянутой рукой, вымаливая у порока гроши, или торчит вот

там,—Керн указал в сторону комнаты, где находилась голова Доуэля,—как воронье пугало, размышая о бренности всего земного.

И, подойдя к Лоран вплотную, он, понизив голос, сказал:

— Вы знаете, что и вас и голову Доуэля я могу, в буквальном смысле слова, превратить в пепел и ни одна душа не узнает об этом.

— Я знаю, что вы готовы на всякое...

— Преступление? И очень хорошо, что вы знаете это.

Керн вновь зашагал по комнате и уже обычным голосом продолжал говорить, как бы рассуждая вслух:

— Однако что вы прикажете с вами делать, прекрасная мстительница? Вы, к сожалению, из той породы людей, которые не останавливаются ни перед чем и ради правды готовы принять мученический венец. Вы хрупкая, нервная, впечатлительная, но вас не запугаешь. Убить вас? Сегодня же, сейчас же? Мне удастся замести следы убийства, но все же с этим придется возиться. А мое время дорого. Подкупить вас? Это труднее, чем запугать вас... Ну, говорите, что мне делать с вами?

— Оставьте все так, как было... ведь я же не доносила на вас до сих пор.

— И не донесете?

Лоран замедлила с ответом, потом ответила тихо, но твердо:

— Донесу.

Керн топнул ногой.

— У-у, упрямая девчонка! Так вот что я скажу вам. Садитесь сейчас же за мой письменный стол... Не бойтесь, я еще не собираюсь ни душить, ни отправлять вас. Ну, садитесь же.

Лоран с недоумением посмотрела на него, подумала и пересела в кресло у письменного стола.

— В конце концов вы нужны мне. Если я сейчас убью вас, мне придется нанимать заместительницу или заместителя. Я не гарантирован, что на вашем месте не окажется какой-нибудь шантажист, который, открыв тайну головы Доуэля, не станет высасывать из меня деньги, чтобы в итоге все же донести на меня. Вас я, по крайней мере, знаю. Итак, пишите. «Дорогая мамоч-

ка, — или как вы там называете свою мать? — состояние больных, за которыми я ухаживаю, требует моего неотлучного присутствия в доме профессора Керна...»

— Вы хотите лишить меня свободы? Задержать в вашем доме? — с негодованием спросила Лоран, не начиная писать.

— Вот именно, моя добродетельная помощница.

— Я не стану писать такое письмо, — решительно заявила Лоран.

— Довольно! — вдруг крикнул Керн так, что в часах загудела пружина. — Поймите же, что у меня нет другого выхода. Не будьте, наконец, глупой.

— Я не останусь у вас и не буду писать это письмо!

— Ах, так! Хорошо же. Можете идти на все четыре стороны. Но прежде чем вы уйдете отсюда, вы будете свидетельницей того, как я отниму жизнь у головы Доуэля и растворю эту голову в химическом растворе. Идите и кричите тогда по всему миру о том, что вы видели у меня голову Доуэля. Вам никто не поверит. Над вами будут смеяться. Но берегитесь! Я не оставлю ваш донос без возмездия. Идемте же!

Керн схватил Лоран за руку и повлек к двери. Она была слишком слаба физически, чтобы оказать сопротивление этому грубому натиску.

Керн отпер дверь, быстро прошел через комнату Тома и Брике и вошел в комнату, где находилась голова профессора Доуэля.

Голова Доуэля с недоумением смотрела на этот неожиданный визит. А Керн, не обращая внимания на голову, быстро подошел к аппаратам и резко повернул кран от баллона, подающего кровь.

Глаза головы непонимающе, но спокойно повернулись в сторону крана, затем голова посмотрела на Керна и растерянную Лоран. Воздушный кран не был открыт, и голова не могла говорить. Она только шевелила губами, и Лоран, привыкшая к мимике головы, поняла: это был немой вопрос: «Конец?»

Затем глаза головы, устремленные на Лоран, начали как будто тускнеть, и в то же время веки широко раскрылись, глазные яблоки выпучились, а лицо начало судорожно подергиваться. Голова переживала муки удушья.

Лоран истерически крикнула. Потом, шатаясь, подошла к Керну, уцепилась за его руку и, почти теряя сознание, заговорила прерывающимся, сдавленным спазмой голосом:

— Откройте, скорее откройте кран... Я согласна на все!

С едва заметной усмешкой Керн открыл кран. Живительная струя потекла по трубке в голову Доуэля. Судорожные подергивания лица прекратились, глаза приняли нормальное выражение, взгляд просветелел. Угасавшая жизнь вернулась в голову Доуэля. Вернулось и сознание, потому что Доуэль вновь посмотрел на Лоран с выражением недоумения и как будто даже разочарования.

Лоран шаталась от волнения.

— Позвольте вам предложить руку, — галантно сказал Керн, и странная пара удалилась.

Когда Лоран вновь уселась у стола, Керн как ни в чем не бывало сказал:

— Так на чем мы остановились? Да... «Состояние больных требует моего постоянного, — или нет, напишите: — неотлучного пребывания в доме профессора Керна. Профессор Керн был так добр, что предоставил в мое распоряжение прекрасную комнату с окном в сад. Кроме того, так как мой рабочий день увеличился, то профессор Керн устроил мое жалованье».

Лоран с упреком посмотрела на Керна.

— Это не ложь, — сказал он. — Необходимость заставляет меня лишить вас свободы, но я должен чем-нибудь вознаградить вас. Я действительно увеличиваю вам жалованье. Пишите дальше: «Уход здесь прекрасный, и хотя работы много, но я чувствую себя великолепно. Ко мне не приходи, — профессор никого не принимает у себя. Но не скучай, я тебе буду писать...» Так. Ну, и от себя прибавьте еще каких-нибудь нежностей, которые вы обычно пишете, чтобы письмо не возбудило никаких подозрений.

И, уже как будто позабыв о Лоран, Керн начал размышлять вслух:

— Долго так, конечно, продолжаться не может. Но, надеюсь, я долго и не задержу вас. Наша работа приходит к концу, и тогда... То есть, я хотел сказать, что голова недолговечна. И когда она прикончит свое

существование... Ну, что там, вы знаете все. Проще сказать, когда мы кончим с Доуэлем работу, окончится и существование головы Доуэля. От головы не останется даже пепла, и тогда вы сможете вернуться к своей уважаемой матушке. Вы больше не будете опасны для меня. И еще раз: имейте в виду, если вы вздумаете болтать, у меня есть свидетели, которые в случае надобности покажут под присягой, что бренные останки профессора Доуэля вместе с головой, ногами и прочими профессорскими атрибутами сожжены мною после анатомического вскрытия в крематории. Для этих случаев крематорий — очень удобная вещь.

Керн позвонил. Вошел Джон.

— Джон, ты отведешь мадемуазель Лоран в белую комнату, выходящую окном в сад. Мадемуазель Лоран переселяется в мой дом, так как сейчас предстоит большая работа. Спроси у мадемуазель, что ей необходимо, чтобы устроиться поудобнее, и достань все необходимое. Можешь заказать от моего имени по телефону в магазинах. Счета я оплачу. Не забудь заказать для мадемуазель обед.

И, откланявшись, Керн ушел.

Джон проводил Лоран в отведенную ей комнату.

Керн не солгал: комната действительно была очень хороша — светлая, просторная и уютно обставлена. Огромное окно выходило в сад. Но самая мрачная тюрьма не могла навести на Лоран большей тоски, чем эта веселая, нарядная комната. Как тяжело больная, добралась Лоран до окна и посмотрела в сад.

«Второй этаж... высоко... отсюда не убежишь...» — подумала она. Да если бы и могла убежать, не убежала бы, так как ее бегство было бы равносильно приговору для головы Доуэля.

Лоран в изнеможении опустилась на кушетку и погрузилась в тяжелое раздумье. Она не могла определить, сколько времени находилась в этом состоянии.

— Кушать подано, — услышала она, как сквозь сон, голос Джона и подняла усталые веки.

— Благодарю вас, я не голодна, уберите со стола.

Вышколенный слуга беспрекословно исполнил приказание и удалился.

И она вновь погрузилась в свои думы. Когда в окне противоположного дома вспыхнули огни, она почув-

ствовала такое одиночество, что решила немедля навестить головы. Особенно ей хотелось повидать голову Доуэля.

Неожиданный визит Лоран чрезвычайно обрадовал голову Брике.

— Наконец-то! — воскликнула она. — Уже? Принесли?

— Что?

— Мое тело, — сказала Брике таким тоном, как будто вопрос шел о новом платье.

— Нет, еще не принесли, — невольно улыбаясь, ответила Лоран. — Но скоро принесут, теперь уж вам не долго ожидать.

— Ах, скорей бы!..

— А мне также пришлют другое тело? — спросил Тома.

— Да, разумеется, — успокоила его Лоран. — И вы будете такой же здоровый, сильный, как были. Вы сберегете денег, поедете к себе в деревню и женитесь на вашей Марии.

Лоран уже знала все затаенные желания головы. Тома чмокнул губами.

— Скорее бы.

Лоран поспешила пройти в комнату головы Доуэля.

Как только воздушный кран был открыт, голова спросила Лоран:

— Что все это значит?

Лоран рассказала голове о разговоре с Керном и своем заключении.

— Это возмутительно! — сказала голова. — Если бы я только мог помочь вам... И я, пожалуй, смогу, если только вы сами поможете мне...

В глазах головы были гнев и решимость.

— Все очень просто. Закройте кран от питательных трубок, и я умру. Поверьте, что я был даже разочарован, когда Керн вновь открыл кран и оживил меня. Я умру, и Керн отпустит вас домой.

— Я никогда не вернусь домой такой ценой! — воскликнула Лоран.

— Я бы хотел иметь все красноречие Цицерона, чтобы убедить вас сделать это.

Лоран отрицательно покачала головой.

— Даже Цицерон не убедил бы меня. Я никогда не решусь прекратить жизнь человека...

— Ну, разве я человек? — с грустной улыбкой спросила голова.

— Помните, вы сами повторили слова Декарта: «Я мыслю. Следовательно, я существую», — ответила Лоран.

— Положим, это так, но тогда вот что. Я перестану инструктировать Керна. И уже никакими пытками он не заставит меня помогать ему. И тогда он сам прикончит меня.

— Нет, нет, умоляю вас. — Лоран подошла к голове. — Послушайте меня. Я думала раньше о мести, теперь думаю об ином. Если Керну удастся приставить тело трупа к голове Брике и операция пройдет удачно, то есть надежда и вас вернуть к жизни... Не Керн, так другой.

— К сожалению, надежда эта очень слабая, — ответил Доуэль. — Едва ли опыт удастся даже у Керна. Он злой и преступный человек, тщеславный, как тысяча Геростратов. Но он талантливый хирург и, пожалуй, самый способный из всех ассистентов, которые были у меня. Если не сделает этого он, который пользовался моими советами до настоящего дня, то не сделает никто. Однако я сомневаюсь, чтобы и он сделал эту невиданную операцию.

— Но собаки...

— Собаки — дело иное. Обе собаки, живые и здоровые, лежали на одном столе, перед тем как совершить операцию пересадки голов. Все это произошло очень быстро. Да и то Керну, по-видимому, удалось вернуть к жизни только одну собаку, иначе он привел бы их обеих к мне похвастать. А тело трупа может быть привезено только через несколько часов, когда, быть может, начались уже процессы гниения. О сложности самой операции вы сами можете судить как медик. Это не то что пришить полуотрезанный палец. Надо связать, тщательно сшить все артерии, вены и, главное, нервы и спинной мозг, иначе получится калека; затем возобновить кровообращение... Нет, это бесконечно трудная задача, непосильная для современных хирургов.

— Неужели вы сами не сделали бы такой операции?

— Я обдумал все, уже делал опыты с собаками и полагаю, что мне это удалось бы...

Дверь неожиданно открылась. На пороге стоял Керн.

— Совещание заговорщиков? Не буду вам мешать.— И он хлопнул дверью.

Мертвая Диана

Голове Брике казалось, что подобрать и пришить к голове человека новое тело так же легко, как примерить и спинуть новое платье. Объем шеи снят, остается только подобрать такой же объем шеи у трупа.

Однако она скоро убедилась, что дело не так просто.

Утром в белых халатах к ней явились профессор Керн, Лоран и Джон. Керн распорядился, чтобы голова Брике была осторожно снята со стеклянной подставки и положена лицом вверх так, чтобы можно было видеть весь срез шеи. Питание головы кровью, насыщенной кислородом, не прекращалось. Керн углубился в изучение и промеры.

— При всем однообразии человеческой анатомии,— говорил Керн,— каждое тело человека имеет свои индивидуальные особенности. Иногда трудно бывает различить, предлежит ли, например, наружная или внутренняя сонная артерия. Не одинаковой бывает и толщина артерий, ширина дыхательного горла даже у людей с одинаковым объемом шеи. Немало придется повозиться и с нервами.

— Но как же вы будете оперировать?— спросила Лоран.— Приставив срез шеи к срезу туловища, вы тем самым закроете сразу всю поверхность среза.

— В том-то и дело. Мы с Доуэлем проработали этот вопрос. Придется делать целый ряд продольных сечений — идти от центра к периферии. Это очень сложная работа. Придется сделать свежие сечения на шее головы и трупа, чтобы добраться до еще не отмерших, жизнедеятельных клеток. Но главное затруднение все же не в этом. Главное — как уничтожить в теле

трупа продукты начавшегося гниения или места инфекционного заражения, как очистить кровеносные сосуды от свернувшейся крови, наполнить их свежей кровью и заставить заработать «мотор» организма — сердце... А спинной мозг? Малейшее прикосновение к нему вызывает сильнейшую реакцию, зачастую с самыми тяжелыми последствиями.

— И как же вы предполагаете преодолеть все эти трудности?

— О, пока это мой секрет. Когда опыт удастся, я опубликую всю историю воскрешения из мертвых. Ну, на сегодня довольно. Поставьте голову на место. Пустите воздушную струю. Как вы себя чувствуете, мадемуазель? — спросил Керн, обращаясь к голове Брике.

— Благодарю вас, хорошо. Но послушайте, господин профессор, я очень обеспокоена... Вы тут говорили о разных непонятных вещах, но одно я поняла, что вы собираетесь кромсать мою шею вдоль и поперек. Ведь это же будет сплошное безобразие. Куда я покажусь с такой шеей, которая будет похожа на котлету?

— Я постараюсь, чтобы рубцы были менее заметны. Но, разумеется, скрыть совершенно следы операции не удастся. Не делайте отчаянных глаз, мадемуазель, вы можете носить на шее бархатку или даже колье. Так и быть, я подарю его вам в день вашего «рождения». Да, вот еще что. Сейчас ваша голова несколько усохла. Когда же вы заживете нормальной жизнью, голова должна пополнеть. Чтобы узнать ваш нормальный объем шеи, придется вас «раскормить» теперь же, иначе могут произойти неприятности.

— Но ведь я же не могу есть, — жалобно ответила голова.

— Мы вас раскормим по трубочке. Я приготовил особый состав, — обратился он к Лоран. — Кроме того, придется усилить и подачу крови.

— Вы включаете в питательную жидкость жировые вещества?

Керн сделал неопределенный жест рукой.

— Если голова и не разжиреет, то «набухнет», а это нам и надо. Итак, — закончил он, — остается самое главное: молите бога, мадемуазель Брике, чтобы скорее погибла какая-нибудь красавица, которая одолжит вам после смерти свое прекрасное тело.

— Не говорите так, это ужасно! Человек должен умереть, чтобы я получила тело... И, доктор, я боюсь. Ведь это тело мертвеца. А вдруг она придет и потребует отдать ей свое тело?

— Кто она?

— Мертвая.

— Но ведь у нее не будет ног, чтобы прийти, — смеясь, отвечал Керн. — А если и придет, то вы скажете ей, что это вы дали ее телу голову, а не она вам тело, и она, конечно, будет благодарна за этот подарок. Иду дежурить в морг. Пожелайте мне удачи!

Успех опыта во многом зависел от того, чтобы найти возможно свежий труп, и поэтому Керн бросил все дела и почти переселился в морг, поджидая счастливого случая.

С сигарой во рту он ходил по длинному зданию так спокойно, как будто гулял по бульварам. Матовый свет падал с потолка на длинные ряды мраморных столов. На каждом столе лежал труп, уже обмытый струей воды и раздетый.

Заложив руки в карманы пальто и попыхивая сигарой, Керн обходил длинные ряды столов, заглядывал в лица и от времени до времени поднимал кожаные покрывала, чтобы осмотреть тело.

Вместе с ним ходили и родственники или друзья погибших людей. Керн относился к ним недоброжелательно, опасаясь, как бы они не вырвали у него подходящий труп из-под рук. Получить труп для Керна было не так-то просто. До истечения трехдневного срока на каждый труп могли предъявить права родственники, по истечении же трех дней полуразложившийся труп не представлял для Керна никакого интереса. Ему был нужен совершенно свежий, по возможности даже неостывший труп.

Керн не поспешился на взятки, чтобы иметь возможность получить свежий труп немедленно. Номер трупа мог быть заменен, и какая-то неудачница в конце концов была бы зарегистрирована как «пропавшая без вести».

«Однако нелегко найти Диану по вкусу Брикке», — думал Керн, разглядывая широкие ступни и мозолистые руки трупов. Большинство лежащих здесь принадлежало не к тем, кто ездит на автомобилях.

Керн прошел из конца в конец. За это время несколько трупов было опознано и унесено, а на их места уже тащили новые. Но и среди новичков Керн не мог найти подходящего для операции материала. Находились трупы без головы, но или неподходящей комплекции, или имеющие раны на теле, или же, наконец, начинавшие уже разлагаться. День был на исходе. Керн чувствовал приступы голода и с удовольствием представил себе куриные котлеты в дымящемся горошке.

«Неудачный день», — подумал Керн, вынимая часы. И он направился к выходу среди двигающейся у трупов толпы, полной отчаяния, тоски и ужаса. Навстречу ему служащие несли труп женщины без головы. Обмытое молодое тело блестело, как белый мрамор.

«О, это что-то подходящее», — подумал он и пошел вслед за сторожами. Когда труп был положен, Керн бегло осмотрел его и еще больше убедился в том, что он нашел то, что нужно. Керн уже хотел шепнуть служащим, чтобы они унесли труп, как вдруг к трупу подошел плохо одетый старик с давно не бритыми усами и бородой.

— Вот она, Марта! — воскликнул он и вытер рукой со лба пот.

«Черт его принес!» — выбраницялся Керн и, подойдя к старику, сказал:

— Вы опознали труп? Ведь он без головы.

Старик показал на большую родинку на левом плече.

— Приметная, — ответил он.

Керн удивился, что стариk говорит так спокойно.

— Кто же она была? Ваша жена или дочь?

— Бог милостив, — ответил словоохотливый стариk. — Племянницей она мне была, да и неродной. От моей кузины их трое осталось, — кузина умерла, а мне их на шею. У меня же своих четверо. Нужда. Но что сдѣлаете, сударь? Ведь не котята, под забор не подкинешь. Так и жили. А тут случилось несчастье. Живем мы в старом доме, нас давно выселяли из него, но куда денешься? И вот дожили. Крыша обвалилась. Остальные дети ушибами отдалились, а этой голову начисто срезало. Меня со старухой дома не было, мы с ней жареными каштанами торгуем. Я пришел домой, а Марту в морг уже отвезли. И зачем в морг? Говорят, за компа-

нию в других квартирах тоже людей подавило, и некоторые из них одинокие были, вот всех их сюда. Я домой пришел, фюить, и войти нельзя, словно землетрясение.

«Дело подходящее», — подумал Керн и, отведя старику в сторону, сказал ему:

— Что случилось, того не поправишь. Видите ли, я врач, и мне нужен труп. Буду говорить прямо. Хотите получить сто франков — и можете отправляться домой.

— Потрошить будете? — Старик неодобрительно покачал головой и задумался. — Ей, конечно, все равно пропадать... Мы люди бедные... А все ж таки не чужая кровь...

— Двести.

— А нужда велика, детишки голодные... но все-таки жалко... Хорошая девушка была, очень хорошая, очень добрая, и лицо как розан, не то что этот хлам... — Стариk пренебрежительно махнул на столы с трупами.

«Ну и стариk! Он, кажется, начинает расхваливать свой товар», — подумал Керн и решил изменить тактику.

— Впрочем, как хотите, — небрежно сказал он. — Трупов здесь не мало, и есть нисколько не хуже вашей племянницы. — И Керн отошел от старика.

— Да нет, как же так, дайте подумать... — семенил за ним стариk, явно склоняясь к сделке.

Керн уже торжествовал, но положение неожиданно изменилось еще раз.

— Ты уже здесь? — послышался взволнованный старческий голос.

Керн обернулся и увидел быстро приближающуюся толстенькую старушку в чистеньком белом чепце. Стариk при виде ее невольно крякнул.

— Нашел? — спросила старушка, дико озираясь по сторонам и шепча молитвы.

Стариk молча показал рукой на труп.

— Голубка ты наша, мученица несчастная! — заголосила старуха, приближаясь к обезглавленному трупу.

Керн видел, что со старухой будет трудно сладить.

— Послушайте, мадам, — сказал он приветливо, об-

ращаясь к старухе.— Я тут беседовал с вашим мужем и узнал, что вы очень нуждаетесь.

— Нуждаемся или нет, у других не просим,— отрезала не без гордости старушка.

— Да, но... видите ли, я член благотворительного похоронного общества. Я могу принять похороны вашей племянницы на счет общества и возьму все хлопоты на себя. Если хотите, можете поручить это мне, а сами идите к своим делам, вас ждут ваши дети и сироты.

— Ты что тут наболтал? — набросилась старушка на мужа. И, обернувшись к Керну, она сказала: — Благодарю вас, господин, но я должна все выполнить как полагается. Как-нибудь справимся и без вашего благотворительного общества. Что глазами ворочаешь? — перешла она на обычный тон в разговоре с мужем.— Забирай покойницу. Поедем. Я и тачку привезла.

Все это было сказано таким решительным тоном, что Керн сухо поклонился и отошел.

«Досадно! Нет, решительно сегодня неудачный день».

Он отправился к выходу и, отведя привратника в сторону, тихо сказал ему:

— Так смотрите же, если будет что-нибудь подходящее, немедленно звоните мне по телефону.

— О, сударь, непременно,— закивал головой привратник, получивший от Керна хороший куш.

Керн плотно пообедал в ресторане и вернулся к себе.

Когда он зашел в комнату Брике, она встретила его обычным в последнее время вопросом:

— Нашли?

— Нашел, да неудачно, черт побери! — ответил он.— Потерпите.

— Но неужели так-таки ничего подходящего и не было? — не унималась Брике.

— Были этакие кривоногие каракатицы. Если хотите, то я...

— Ах нет, уж лучше я потерплю. Я не хочу быть каракатицей.

Керн решил лечь спать раньше обычного, чтобы пораньше встать и вновь отправиться в морг. Но не

успел он заснуть, как затрещал телефон у кровати. Керн выбранился и взял трубку.

— Алло! Я слушаю. Да, профессор Керн. Что такое? Крушение поезда у самого вокзала? Масса трупов? Ну да, конечно, немедленно. Благодарю вас.

Керн начал быстро одеваться, вызвал Джона и крикнул:

— Машину!

Через пятнадцать минут он уже мчался по ночным улицам, как на пожар.

Привратник не обманул. В эту ночь смерть собрала большой урожай. Трупы таскали беспрерывно. Все столы были завалены. Скоро пришлось класть их на пол. Керн был в восторге. Он благословлял судьбу за то, что эта катастрофа не случилась днем. Весть о ней, вероятно, еще не распространилась в городе. Посторонних в морге пока не было. Керн рассматривал еще не раздетые и не обмытые трупы. Все они были совершенно свежие. Исключительно удачный случай. Одно плохо, что и этот благодетельный случай не очень считался со специальными требованиями Керна. Большинство тел было раздавлено или повреждено во многих местах. Но Керн не терял надежды, так как трупы все прибывали.

— Покажите-ка мне эту,— обратился он к служащему, несшему труп девушки в сером костюме. Челюст был разбит со стороны затылка. Волосы окровавлены, платье тоже. Но платье не измято. «Видимо, повреждения тела не велики... Идет. Телосложение довольно плебейское,— вероятно, какая-нибудь камеристка, но лучше такое тело, чем ничего»,— думал Керн.— А это?— Керн указал на другие носилки.— Да это целая находка! Сокровище! Черт возьми, досадно все-таки, что погибла такая женщина!

На пол опустили труп молодой женщины с необычайно красивым аристократическим лицом, на котором застыло только одно глубокое удивление. У нее был пробит череп выше правого уха. Очевидно, смерть наступила мгновенно. На белой шее виднелось жемчужное ожерелье. Изящное черное шелковое платье было лишь немного изорвано внизу и от ворота до плеча. На обнажившемся плече виднелась родинка.

«Как у той,— подумал Керн.— Но это... какая красota!— Керн наскоро измерил шею.— Как по заказу».

Керн сорвал дорогое ожерелье из настоящих крупных жемчужин, бросил его служащим и сказал:

— Я беру вот этот труп. Но так как у меня нет времени произвести здесь тщательный осмотр трупов, то на всякий случай я беру и вот этот,— он указал на первый труп девушки.— Скорее, скорее. Оберните их холстом и выносите. Вы слышите? Толпа собирается. Вам придется открыть морг, и через несколько минут здесь будет настояще столпотворение.

Трупы были унесены, уложены на автомобиль и быстро доставлены в дом Керна.

Все необходимое для операции было уже заранее приготовлено. День,— вернее, ночь воскресения Брике наступила. Керн не хотел терять ни одной минуты.

Оба трупа были обмыты и принесены в комнату Брике завернутыми в простыни и уложены на операционный стол.

Голова Брике горела нетерпением посмотреть на свое новое тело, но Керн умышленно поставил стол так, чтобы голова не видела трупов, пока не будут закончены все приготовления.

Керн быстро произвел сечение голов трупов. Эти головы были завернуты в холст и вынесены Джоном, края среза и стол вымыты, тела приведены в порядок.

Еще раз критически осмотрев тела, Керн озабоченно покачал головой. Тело с родинкой на плече было безукоризненной красоты форм и особенно выигрывало по сравнению с телом «камеристки» — ширококостным, угловатым, неладно скроенным, но крепко сшитым. Брике, конечно, выберет тело этой аристократической Дианы. Однако при тщательном осмотре тела Керн заметил у Дианы, как называл он ее, некоторый дефект: на ступне правой ноги была небольшая рана, причиненная каким-нибудь обрезком железа. Большой опасности это не представляло. Керн прижег рану, заражения крови опасаться еще не было оснований. Но все же за успех операции с телом «камеристки» он был более спокоен.

— Поверните голову Брике,— сказал Керн, обращаясь к Лоран. Чтобы Брике не мешала своей болтливостью во время подготовительных работ, у нее был за-

ткнут рот, то есть выключен баллон со сжатым воздухом. — Теперь можно пустить воздушную струю.

Когда голова Брике увидала трупы, она вскрикнула так, как будто неожиданно обожгла. Глаза ее расширились от ужаса. Один из этих трупов должен стать ее собственным телом. Впервые остро, до боли почувствовала она всю необычайность этой операции и начала колебаться.

— Ну, что же вы? Как вам нравятся тру... эти тела?

— Я... боюсь... — прохрипела голова. — Нет, нет, я не думала, что это так страшно... я не хочу...

— Не хотите? В таком случае я прищулю к трупу голову Тома. Тома сделается женщиной. Вы хотите, Тома, сейчас же получить тело?

— Нет, подождите, — испугалась голова Брике. — Я согласна. Я хочу иметь вот то тело... с родинкой на плече.

— А я вам советую выбрать вот это. Оно не так красиво, но зато без единой царапины.

— Я не прачка, а артистка, — гордо заметила голова Брике. — Я хочу иметь красивое тело. И родинка на плече... Это так нравится мужчинам.

— Пусть будет по-вашему, — ответил Керн. — Мадемуазель Лоран, перенесите голову мадемуазель Брике на операционный стол. Сделайте это осторожно, искусственное кровообращение головы должно продолжаться до последнего мгновения.

Лоран возилась с последними приготовлениями головы Брике. На лице Брике были написаны крайнее напряжение и волнение. Когда голова была перенесена на стол, Брике не выдержала и вдруг закричала так, как она еще никогда не кричала:

— Не хочу! Не хочу! Не надо! Лучше убейте меня! Боюсь! А-а-а-а!..

Керн, не прерывая своей работы, резко крикнул Лоран:

— Закройте скорее воздушный кран! Введите в питательный раствор гедонал, и она уснет.

— Нет, нет, нет!

Кран закрылся, голова замолчала, но продолжала шевелить губами и смотреть с выражением ужаса и мольбы.

— Господин профессор, можем ли мы произвести операцию против ее воли? — спросила Лоран.

— Сейчас не время заниматься этическими проблемами, — сухо ответил Керн. — Она потом сама нас благодарить будет. Делайте свое дело или уходите и не мешайте мне.

Но Лоран знала, что уйти она не может, — без ее помощи исход операции оказался бы еще более сомнительным. И она, пересилив себя, продолжала помогать Керну. Голова Брике так билась, что трубки едва не вышли из кровеносных сосудов. Джон пришел на помощь и придерживал голову руками. Постепенно подергивания головы прекратились, глаза закрылись: гедонал производил свое действие.

Профессор Керн приступил к операции.

Тишина прерывалась только короткими приказаниями Керна, требовавшего тот или иной хирургический инструмент. От напряжения у Керна даже вздулись жилы на лбу. Он пустил в ход всю свою блестящую хирургическую технику, соединяя быстроту с необычайной тщательностью и осторожностью. При всей своей ненависти к Керну Лоран не могла в эту минуту не восхищаться им. Он работал как вдохновенный артист. Его ловкие чувствительные пальцы совершали чудеса.

Операция продолжалась час пятьдесят пять минут.

— Кончено, — наконец сказал Керн выпрямляясь, — отныне Брике перестала быть головой от тела. Остается только вдунуть ей жизнь: заставить забиться сердце, возбудить кровообращение. Но с этим я справлюсь один. Вы можете отдохнуть, мадемуазель Лоран.

— Я еще могу работать, — ответила она.

Несмотря на усталость, ей очень хотелось посмотреть на последний акт этой необычайной операции. Но Керн, очевидно, не хотел посвящать ее в тайну оживления. Он еще раз настойчиво предложил ей отдохнуть, и Лоран повиновалась.

Керн вновь вызвал ее через час. Он выглядел еще более уставшим, но лицо его выражало глубокое самодовлетворение.

— Попробуйте пульс, — предложил он Лоран.

Девушка не без внутреннего содрогания взяла за руку Брике; за ту руку, которая всего три часа тому назад принадлежала холодному трупу. Рука была уже теплая,

и прощупывалось биение пульса. Керн приложил к лицу Брике зеркало. Поверхность зеркала запотела.

— Дышит. Теперь нужно хорошо спеленать нашу новорожденную. Несколько дней ей придется пролежать совершенно неподвижно.

Сверх бинтов Керн наложил на шею Брике гипсовый лубок. Все тело было спеленато, а рот крепко завязан.

— Чтобы она не вздумала говорить,— пояснил Керн.— Первые сутки мы продержим ее в сонном состоянии, если сердце позволит.

Брике перенесли в комнату, смежную с комнатой Лоран, бережно уложили в кровать и подвергли электронаркозу.

— Питать мы ее будем искусственно, пока не произойдет сращение швов. Вам уж придется поухаживать за ней.

Только на третий день Керн позволил Брике «прийти в себя».

Было четыре часа дня. Косой луч солнца прорезал комнату и осветил лицо Брике. Она легко повела бровями и открыла глаза. Еще смутно соображая, посмотрела на освещенное окно, потом перевела взгляд на Лоран и, наконец, опустила глаза вниз. Там уже не было пустоты. Она увидела слабо колыхавшуюся грудь и тело,— ее тело, прикрытое простыней. Слабая улыбка осветила ее лицо.

— Не пытайтесь говорить и лежите тихо,— сказала Лоран.— Операция прошла очень хорошо, и теперь все зависит от того, как вы будете вести себя. Чем спокойнее вы будете лежать, тем скорее подниметесь на ноги. Пока мы будем с вами объясняться мимикой. Если вы опустите веки вниз, это будет означать «да», вверх — «нет». Чувствуете вы где-нибудь боль? Здесь. Шея и нога. Это пройдет. Хотите вы пить? Есть? — Брике не ощущала голода, но хотела пить.

Лоран позвонила Керну. Он тотчас пришел из своего кабинета.

— Ну, как себя чувствует новорожденная? — Он осмотрел ее и остался доволен.— Все благополучно. Терпение, мадемуазель, и вы скоро будете танцевать.— Он сделал несколько распоряжений и ушел

Дни «выздоровления» тянулись для Брике очень медленно. Она была примерной больной: сдерживала свое нетерпение, лежала спокойно и выполняла все приказания. Настал день, когда ее, наконец, распеленали, но говорить еще не разрешали.

— Чувствуете ли вы свое тело? — с некоторым волнением спросил Керн.

Брике опустила веки.

— Попробуйте очень осторожно пошевелить пальцами на ногах.

Брике, очевидно, попробовала, так как на лице ее выразилось напряжение, но пальцы не двигались.

— Очевидно, функции центральной нервной системы еще не вполне восстановились, — авторитетно сказал Керн. — Но я надеюсь, что они скоро восстановятся, а вместе с ними восстановится и движение. — Про себя же подумал: «Как бы Брике не захромала, в самом деле, на обе ноги».

«Восстановится — как странно звучит это слово», — подумала Лоран, вспомнив о холодном трупе на операционном столе.

У Брике появилась новая забота. Теперь она часами занималась тем, что пыталась шевелить пальцами на ногах. Лоран едва ли не с меньшим интересом следила за этим.

И однажды Лоран радостно вскрикнула:

— Шевелится! Большой палец на левой ноге шевелится.

Дальше дело пошло быстрее. Зашевелились и другие пальцы на руках и ногах. Скоро Брике уже могла немного поднимать руки и ноги.

Лоран была поражена. На глазах ее совершилось чудо.

«Как бы ни был преступен Керн, — думала она, — он необыкновенный человек. Правда, без головы Доуэля ему не удалось бы это двойное воскрешение мертвого. Но все же и сам Керн талантливый человек, — ведь это утверждала и голова Доуэля. О, если бы Керн воскресил и его! Но нет, этого он не сделает».

Еще через несколько дней Брике разрешили говорить. У нее оказался довольно приятный голос, но несколько ломающегося тембра.

— Выправится, — уверял Керн. — Еще петь будете.

И Брике скоро попробовала петь. Лоран была очень поражена этим пением. Верхние ноты Брике брала довольно пискливым и не очень приятным голосом, в среднем регистре голос звучал очень тускло и даже хрипло. Но зато нижние ноты были очаровательны. Это было превосходное грудное контратто.

«Ведь горловые связки лежат выше места среза шеи и принадлежат Брике, — думала Лоран, — откуда же этот двойной голос, разные тембры верхнего и нижнего регистра? Физиологическая загадка. Не зависит ли это от процесса омоложения головы Брике, которая старше ее нового тела? Или, быть может, это как-то связано с нарушением функций центральной нервной системы? Совершенно не понятно... Интересно знать, чье это молодое, изящное тело, какой несчастной голове оно принадлежало...»

Лоран, ничего не говоря Брике, начала просматривать номера газет, в которых печатались списки погибших при крушении поезда. Скоро ей попалась заметка о том, что известная итальянская артистка Анжелика Гай, следовавшая в поезде, потерпевшем крушение, исчезла бесследно. Труп ее обнаружен не был, и над разрешением этой загадки изошлялись газетные корреспонденты. Лоран была почти уверена, что голова Брике получила тело погибшей артистки.

Сбежавший экспонат

Наконец в жизни Брике настал великий день. С нее были сняты последние бинты, и профессор Керн разрешил ей встать.

Она поднялась и, опираясь на руку Лоран, прошлась по комнате. Движения ее были неуверенны и несколько порывисты. Иногда она делала странные жесты рукой: до известного предела ее рука двигалась плавно, затем следовала задержка и как бы принужденное движение, переходившее опять в плавное.

— Все это пройдет, — убежденно говорил Керн.

Немного беспокоила его только небольшая ранка на ступне Брике. Ранка заживала медленно. Но со временем и она зажила настолько, что Брике не испытыва-

ла боли, даже наступая на больную ногу. А через несколько дней Брике уже пыталась танцевать.

— Не пойму, в чем дело,— говорила она,— некоторые движения мне даются свободно, а другие затруднены. Вероятно, я еще не привыкла управлять своим новым телом... А оно великолепно! Посмотрите на ноги, мадемуазель Лоран. И рост отличный. Вот только эти рубцы на шее... Придется их закрывать. Но зато эта рюдинка на плече очаровательна, не правда ли? Я сошью платье такого фасона, чтобы она была видна... Нет, я решительно довольна своим телом.

«Своим телом! — думала Лоран.— Бедная Анжелика Гай!»

Все, что так долго сдерживала в себе Брике, разом прорвалось наружу. Она забросала Лоран требованиями, заказами, просьбами о костюмах, белье, туфлях, шляпах, модных журналах, принадлежностях косметики.

В новом сером шелковом платье она была представлена Керном голове профессора Доуэля. И так как это была мужская голова, Брике не могла не пококетничать. И была очень польщена, когда голова Доуэля прокрипела:

— Отлично! Вы отлично справились со своей задачей, коллега, поздравляю вас!

И Керн под руку с Брике, сияя, как новобрачный, вышел из комнаты.

— Садитесь, мадемуазель,— галантно сказал Керн, когда они пришли в его кабинет.

— Не знаю, как мне благодарить вас, господин профессор,— сказала она, томно опуская глаза и затем кокетливо взглянув на Керна.— Вы так много сделали для меня... А я ничем не могу вознаградить вас.

— Это и не нужно. Я вознагражден больше, чем вы думаете.

— Я очень рада.— И Брике окинула Керна еще более лучистым взглядом.— А теперь разрешите мне уйти... выписаться из больницы.

— Как уйти? Из какой больницы? — Сразу даже не понял Керн.

— Уйти домой. Представляю, какой фурор произведет мое появление среди подруг!

Она собирается уйти! Керн не допускал мысли об этом. Он проделал огромный труд, разрешил сложнейшую задачу, совершил невозможное вовсе не для того, чтобы Брике производила фурор среди своих легко-мысленных подруг. Он сам хотел произвести фурор демонстрацией Брике перед ученым обществом. Впоследствии он, может быть, и даст ей некоторую свободу, но теперь об этом нечего и думать.

— К сожалению, я не могу отпустить вас, мадемузель Брике. Вы должны еще некоторое время оставаться в моем доме, под моим наблюдением.

— Но зачем? Я чувствую себя великолепно, — возразила она, играя рукой.

— Да, но вам может стать хуже.

— Тогда я приду к вам.

— Позвольте мне лучше знать, когда вам можно будет уйти отсюда, — уже резко сказал Керн. — Не забывайте, чем бы вы были без меня.

— Я уже благодарила вас за это. Но я не девочка и не невольница и могу распоряжаться собой!

«Ого, да она с характером!» — с удивлением подумал Керн.

— Ну, мы еще поговорим об этом, — сказал он. — А пока извольте идти в свою комнату. Джон, вероятно, уже принес вам бульон.

Брике надула губы, поднялась и, не глядя на Керна, вышла.

Брике обедала вместе с Лоран в ее комнате. Когда Брике вошла, Лоран уже сидела за столом. Брике опустилась на стул и сделала небрежный, изящный жест кистью правой руки. Лоран не раз замечала этот жест и размышляла над тем, кому он, собственно, принадлежит: телу Анжелики Гай или Брике? Но разве не мог остаться в теле Анжелики Гай автоматизм движений, как-то закрепившийся в двигательных нервах?..

Для Лоран все эти вопросы были слишком сложными.

«Ими, вероятно, заинтересуются физиологи», — подумала она.

— Опять бульон! Надоели мне эти больничные блюда, — капризно сказала Брике. — Я с удовольствием съела бы сейчас дюжину устриц и запила стаканом шабли. — Она отпила несколько глотков бульона из

чашки и продолжала: — Профессор Керн заявил мне сейчас, что он не отпустит меня из дома еще несколько дней. Как бы не так! Я не из породы домашних птиц. Здесь можно умереть с тоски. Нет, я люблю так жить, чтобы все вертелось колесом. Огни, музыка, цветы, шампанское...

Непрерывно тараторя, Брике наскоро пообедала, поднялась со стула и, подойдя к окну, внимательно взглянула вниз.

— Спокойной ночи, мадемуазель Лоран, — сказала она, обернувшись. — Я сегодня рано лягу спать. Пожалуйста, не будите меня завтра утром. В этом доме сон — лучшее препровождение времени.

И, кивнув головой, она ушла в свою комнату.

А Лоран уселась писать письмо своей матери.

Все письма контролировались Керном. Лоран знала, как строго он следит за ней, и потому даже не пытаясь переслать какое-нибудь письмо без его цензуры.

Впрочем, чтобы не волновать свою мать, она решила, — если бы и могла переслать письмо без цензуры Керна, — не писать ей правды о своем невольном заточении.

В эту ночь Лоран спала особенно плохо. Она долго ворочалась в кровати, думая о будущем. Жизнь ее находилась в опасности. Что предпримет Керн, чтобы «обезвредить» ее?

Не спалось, видно, и Брике. Из ее комнаты доносился какой-то шорох.

«Примеряет новые платья», — подумала Лоран. Потом все стихло. Смутно, сквозь сон Лоран услышала как будто заглушенный крик и проснулась. «Однако мои нервы никуда не годятся», — подумала она и вновь уснула крепким предутренним сном.

Проснулась она, как всегда, в семь часов утра. В комнате Брике все еще было тихо. Лоран решила не беспокоить ее и прошла в комнату головы Тома. Голова Тома по-прежнему была мрачна. После того как Керн «пришил тело» голове Брике, тоска Тома усилилась. Он просил, умолял, требовал, чтобы ему также скорее дали новое тело, наконец грубо бранился. Лоран стоило больших трудов успокоить его. Она с облегчением вздохнула, окончив утренний туалет головы

Тома, и направилась в комнату головы Доуэля, который встретил Лоран приветливой улыбкой.

— Странная это вещь — жизнь! — сказала голова Доуэля. — Еще недавно я хотел умереть. Но мой мозг продолжает работать, и не далее как третьего дня мне пришла в голову необычайно смелая и оригинальная идея. Если бы мне удалось осуществить мою мысль, это произвело бы целый переворот в медицине. Я сообщил свою идею Керну, и надо было видеть, как загорелись его глаза. Ему, вероятно, мерешился прижизненный памятник, поставленный благодарными современниками... И вот я должен жить для него, для идеи, а значит, и для себя. Право, это какая-то ловушка.

— И в чем же эта идея?

— Я как-нибудь расскажу вам, когда все это более оформится в моем мозгу...

В девять часов Лоран решила постучать Брике, но ответа не получила. Обеспокоенная Лоран попыталась открыть дверь, но она оказалась запертой изнутри. Лоран ничего больше не оставалось, как сообщить обо всем этом профессору Керну.

Керн, как всегда, действовал быстро и решительно.

— Ломайте дверь! — приказал он Джону.

Негр ударил плечом. Тяжелая дверь треснула и сорвалась с петель. Керн, Лоран и Джон вошли в комнату.

Измятая постель Брике была пуста. Керн подбежал к окну. От ручки рамы вниз спускалась вязка из разорванной простыни и двух полотенец. Клумба под окном была измята.

— Это ваша проделка! — крикнул Керн, поворачивая грозное лицо к Лоран.

— Уверяю вас, что я не принимала никакого участия в побеге мадемузель Брике, — твердо сказала Лоран.

— Ну, с вами мы еще поговорим, — ответил Керн, хотя решительный ответ Лоран сразу убедил его в том, что Брике действовала без сообщников. — Теперь надо позаботиться о том, чтобы поймать беглянку.

Керн прошел в свой кабинет и в волнении зашагал от камина к столу. Первой его мыслью было вызвать полицию. Но он тотчас оставил эту мысль. Полицию менее всего следовало вмешивать в это дело. Придется обратиться к частным сыскным агентствам.

«Черт возьми, я сам виноват... Надо было принять меры охраны! Но кто бы мог подумать. Вчерашний труп — сбежал! — Керн злобно рассмеялся.— И теперь, чего доброго, она разболтает обо всем, что произошло с нею... Ведь она говорила о фуроре, который произведет ее появление... Эта история дойдет до газетных корреспондентов, и тогда... Не следовало показывать ее голове Доуэля... Наделала хлопот. Отблагодарила!»

Керн вызвал по телефону агента частной сыскной конторы, вручил ему крупную сумму на расходы, обещая еще большую в случае успешных розысков, и дал подробное описание пропавшей.

Агент осмотрел место побега и следы, ведущие к железной ограде сада. Ограда была высокая и оканчивалась острыми прутьями. Агент покачал головой: «Молодец девчонка!» На одном пруте он заметил кусок серого шелка, снял его и бережно уложил в бумагник.

— В это платье она была одета в день побега. Будем искать женщину в сером.

И, уверив Керна, что «женщина в сером» будет им разыскана не позже чем через сутки, агент удалился.

Сыщик был опытным в своем деле человеком. Он разузнал адрес последней квартиры Брике и адреса нескольких прежних ее подруг, завел с ними знакомство, у одной из подруг нашел фотографическую карточку Брике, узнал, в каких кабаре Брике выступала. Несколько агентов было разослано по этим кабаре на поиски беглянки.

— Птичка далеко не улетит, — уверенно говорил сыщик.

Однако на этот раз он ошибся. Прошло два дня, а на след Брике не удалось напасть. Лишь на третий день поисков завсегдатай одного кабачка на Монмартре сообщил агенту, что в ночь побега там была «воскресшая» Брике. Но куда она затем исчезла, никто не знал.

Керн волновался все более. Теперь он опасался не только того, что Брике разболтает о его тайнах. Он боялся навсегда потерять ценный «экспонат». Правда, он мог сделать второй — из головы Тома, но на это требовалось время, колоссальная затрата сил. Да и новый опыт мог закончиться не столь блестяще. Демонстрирование же оживленной собаки, разумеется, не произ-

вело бы такого эффекта. Нет, Брике должна быть найдена во что бы то ни стало. И он удваивал, утраивал премиальную сумму за розыск «сбежавшего экспоната».

Каждый день агенты доносили ему о результатах поисков, но эти результаты были неутешительны. Брике точно провалилась сквозь землю.

Допетая песня

После того как Брике при помощи своего нового ловкого, гибкого и сильного тела перебралась через ограду и вышла на улицу, она подозвала такси и дала странный адрес.

— Кладбище Пер-Лашез.

Но, не доехав до площади Бастилии, она сменила такси и направилась к Монмартру. На первые расходы она захватила с собой сумочку Лоран, где лежало несколько десятков франков. «Одним грехом больше, одним меньше, и притом это необходимо», — успокаивала она себя. Покаяние в содеянных прегрешениях было отложено на долгий срок. Она опять ощущала себя цельным, живым, здоровым человеком, притом даже моложе, чем была. До операции, по ее женскому счету, ей было близко к тридцати. Новое же тело имело едва ли больше двадцати лет. Железы этого тела омолодили голову Брике: морщинки на лице исчезли, цвет его улучшился. «Теперь только и пожить», — думала Брике, мечтательно глядя в маленькое зеркальце, оказавшееся в сумочке.

— Остановитесь здесь, — приказала она шоферу и, расплатившись с ним, отправилась дальше пешком.

Было около четырех часов утра. Она подошла к знакомому кабаре «Ша-нуар», где выступала в ту роковую ночь, когда шальная пуля прекратила на полуслове веселенькую шансонетку, которую она пела. Окна кабаре еще горели яркими огнями.

Не без волнения вошла Брике в знакомый вестибюль. Утомленный швейцар, очевидно, не узнал ее. Она быстро прошла в боковую дверь и через коридор вошла в помещение для артистов, примыкавшее к сцене. Первой встретила ее Рыжая Марта. Испуганно

вскрикнув, Марта скрылась в своей уборной. Брике рас-смеялась и постучала в дверь, но Рыжая Марта не открывала.

— О, Ласточка! — услышала Брике мужской голос. Под этим именем она была известна в кабаре за свое пристрастие к конъяку с ласточкой на этикетке.— Так ты жива? А мы тебя давно считали мертвой!

Брике обернулась и увидела красивого, элегантно одетого мужчину с очень бледным бритым лицом. Такие бледные лица бывают у людей, которые редко видят солнце. Это был Жан, муж Рыжей Марты. Он не любил говорить о своей профессии. Его же друзья и собутыльники не считали тактичным спрашивать об источнике его существования. Достаточно было того, что у Жана частенько водились деньги и что он был «душа парень». В те ночи, когда у Жана отгопыривался карман, вино лилось рекой, и Жан платил за всех.

— Откуда прилетела, Ласточка?

— Из больницы, — ответила Брике.

Боясь, чтобы у нее не отняли новое тело родственники или друзья той, которой оно принадлежало, Брике решила никому не говорить о необычайной операции.

— Мое положение было очень серьезно, — продолжала она сочинять.— Меня сочли умершей и даже отправили в морг. Но там один студент, осматривавший труп, взял меня за руку и прощупал слабый пульс. Я была еще жива. Пуля прошла возле самого сердца, не задев его. Меня тотчас отправили в больницу, и все обошлось благополучно.

— Великолепно! — воскликнул Жан.— Наша все будут ужасно удивлены. Надо спрыснуть твоё воскрешение.

Дверной замок щелкнул. Рыжая Марта, подслушавшая из-за дверей этот разговор, убедилась в том, что Брике не привидение, и открыла дверь. Подруги обнялись и крепко поцеловались.

— Ты как будто стала тоньше, выше и изящнее, Ласточка, — сказала Рыжая Марта, с любопытством и некоторым удивлением рассматривая фигуру так неожиданно явившейся подруги.

Брике слегка смущалась под этим пытливым женским взглядом.

— Разумеется, я похудела, — отвечала она. — Меня кормили только бульоном. А рост? Я купила себе туфли с очень высокими каблуками. Ну и фасон платья...

— Но отчего так поздно ты явилась сюда?

— О, это целая история... Ты уже выступала? Можешь посидеть со мной минутку?

Марта утвердительно кивнула головой. Подруги уселись около столика с большим зеркалом, установленного коробками с гримировальными карандашами и красками, флаконами духов, пудреницами, всевозможными коробочками со шпильками и булавками.

Жан примостился рядом, куря египетскую папиросу.

— Я сбежала из больницы. Форменным образом, — сообщила Брикс.

— Но почему?

— Надоели бульоны. Понимаешь, бульон, бульон и бульон... Я прямо боялась захлебнуться в бульоне. А доктор не хотел меня отпускать. Он должен был еще показать меня студентам. Боюсь, что меня будет разыскивать полиция... Я не могу вернуться к себе и хотела бы остаться у тебя. А еще лучше — совсем уехать из Парижа на несколько дней... Но у меня так мало денег.

Рыжая Марта даже всхлеснула руками — так это было интересно.

— Ну, конечно, ты у меня остановишься, — сказала она.

— Боюсь, что меня тоже будет искать полиция, — задумчиво произнес Жан, пуская колечко дыма. — Мне тоже на несколько дней следовало бы скрыться с горизонта.

Ласточка была своя, и Жан не скрывал от нее своей профессии. Ласточка знала, что Жан — птица «большого полета». Его специальностью был взлом сейфов.

— Летим, Ласточка, с нами на юг. Ты, я и Марта. На Ривьеру, подышать морским воздухом. Засиделся, надо проветриться. Веришь ли, я больше двух месяцев не видел солнца и уж начинаю забывать, как оно выглядит.

— Вот и прекрасно, — захлопала в ладоши Рыжая Марта.

Жан посмотрел на дорогие золотые часы-браслет.

— Но у нас есть еще час времени. Черт возьми, ты должна нам допеть свою песенку... А потом летим, и пускай тебя ищут.

Брике с удовольствием приняла это предложение.

Ее выступление произвело фурор, как она того и ожидала.

Жан вышел на эстраду в роли конферансье, вспомнил трагическую историю, происшедшую здесь с Брике несколько месяцев тому назад, и затем заявил, что мадемуазель Брике по желанию публики ожила после того, как он, Жан, влил ей в горло рюмочку коньяку «Ласточка».

— Ласточка! Ласточка! — заревела публика.

Жан сделал знак рукой и, когда крики смолкли, продолжал:

— Ласточка споет шансонетку с того самого места, на котором ее так неожиданно прервали. Оркестр, «Кошечку»!

Оркестр заиграл, и с половины куплета под бурные аплодисменты Брике допела свою песенку. Правда, шум стоял такой, что она сама не слыхала своего голоса, но этого и не нужно было. Она чувствовала себя счастливой, как никогда, и упивалась тем, что ее не забыли и встретили так тепло. Что эта теплота была сильно подогрета виннымиарами, ее не смущало.

Окончив пение, она сделала неожиданно изящный жест кистью правой руки. Это было ново. Публика зааплодировала еще громче.

«Откуда у нее это? Какие красивые манеры. Надо перенять этот жест...» — подумала Рыжая Марта.

Брике сошла с эстрады в зал. Подруги целовали ее, знакомые протягивали бокалы и чокались. Брике раскраснелась, глаза блестели. Успех и вино вскружили ей голову. Она, забыв об опасности преследования, готова была просидеть здесь всю ночь. Но Жан, пивший не меньше других, не терял контроля над собой.

От времени до времени он поглядывал на часы и, наконец, подошел к Брике и тронул ее за руку:

— Пора!

— Но я не хочу. Вы можете уезжать одни. Я не поеду, — ответила Брике, томно закатывая глаза.

Тогда Жан молча поднял ее и понес к выходу.

Публика подняла ропот.

— Сеанс окончен! — крикнул Жан уже у двери. — До следующего воскресенья!

Он вынес отбивавшуюся от него Брике на улицу и усадил в автомобиль. Вскоре пришла и Марта с небольшими чемоданчиками.

— На площадь Республики, — сказал Жан шоферу, не желая указывать конечного пункта. Он привык ездить с пересадками.

Женщина-загадка

Волны Средиземного моря ритмично набегали на песчаный пляж. Легкий ветер сдува надувал паруса белых яхт и рыбачьих судов. Над головой, в синей воздушной глубине, ласково ворчали серые гидропланы, совершающие короткие увеселительные рейсы между Ниццей и Ментоной.

Молодой человек в белом теннисном костюме сидел в плетеном кресле и читал газету. Возле кресла лежали в чехле теннисная ракетка и несколько свежих английских научных журналов.

Рядом с ним, под огромным белым зонтом, у мольберта возился его друг художник Арман Ларе.

Артур Доузель, сын покойного профессора Доузеля, и Арман Ларе были неразлучными друзьями, и эта дружба лучше всего доказывала правдивость пословицы о том, что крайности сходятся.

Артур Доузель был несколько молчалив и холоден. Он любил порядок, умел усидчиво и систематически заниматься. Ему оставался всего один год до окончания университета, и его уже оставляли в университете при кафедре биологии.

Ларе, как истый француз-южанин, был чрезвычайно увлекающейся натурой, сумбурный, взвалмошный. Он забрасывал кисти и краски на целые недели, чтобы потом вновь приняться за работу запоем, и тогда никакие силы не могли оторвать его от мольберта.

Только в одном друзья были похожи друг на друга: оба они были талантливы и умели добиваться раз поставленной цели, хотя и шли к этой цели разными путями: один — порывами, скачками, другой — размеренным шагом.

Биологические работы Артура Доуэля привлекали внимание крупнейших специалистов, и ему сулили блестящую научную карьеру. А картины Ларе вызывали много толков на выставках, и некоторые из них уже были приобретены известнейшими музеями разных стран.

Артур Доуэль бросил на песок газету, прислонился головой к спинке кресла, прикрыл глаза и сказал:

— Тело Анжелики Гай так и не найдено.

Ларе безутешно тряхнул головой и тяжко вздохнул.

— Ты до сих пор не можешь забыть о ней? — спросил Доуэль.

Ларе повернулся с такой быстротой к Артуру, что тот невольно улыбнулся. Перед ним был уже не пылкий художник, а рыцарь, вооруженный щитом — палистрой, с копьем — муштабелем в левой руке и мечом — кистью в правой, — оскорбленный рыцарь, готовый уничтожить того, кто нанес ему смертельное оскорбление.

— Забыть Анжелику!.. — закричал Ларе, потрясая своим оружием. — Забыть ту, которая...

Внезапно подкравшаяся волна, шипя, окатила его ноги почти до колен, и он меланхолически закончил:

— Разве можно забыть Анжелику? Мир стал скучнее с тех пор, как замолкли ее песни...

Впервые Ларе узнал о гибели, вернее, о бесследном исчезновении Анжелики Гай в Лондоне, куда он приехал, чтобы писать «симфонию лондонского тумана». Ларе был не только поклонником таланта певицы, но и ее другом, ее рыцарем. Недаром он родился в Южном Провансе, среди развалин средневековых замков.

Узнав о случившемся с Гай несчастье, он был так потрясен, что единственный раз в жизни прервал свой «живописный запой» в самом разгаре творчества.

Артур, приехавший в Лондон из Кембриджа, желая отвлечь своего друга от мрачных мыслей, придумал это путешествие на побережье Средиземного моря.

Но и здесь Ларс не находил себе места. Вернувшись с пляжа в отель, он переоделся и, сев на поезд, отправился в самое людное место — игорный дом Монте Карло. Ему хотелось забыться.

Несмотря на сравнительно ранний час, возле призметного здания уже толпилась публика. Ларе вошел в первый зал. Публики было мало.

— Делайте вашу игру, — приглашал крупье, вооруженный лопаточкой для загребания денег.

Ларе, не останавливаясь, прошел в следующий зал, стены которого были расписаны картинами, изображающими полуобнаженных женщин, занимающихся охотой, скачками, фехтованием, — словом, всем тем, что возбуждает азарт. От картин веяло напряжением страстной борьбы, азарта, алчности, но еще больше и резче эти чувства были написаны на лицах живых людей, собравшихся вокруг игорного стола.

Вот толстый коммерсант с бледным лицом протягивает деньги трясущимися пухлыми веснушчатыми руками, покрытыми рыжеватым пушком. Он дышит тяжело, как астматик. Глаза его напряженно следят за вращающимся шариком. Ларе безошибочно определяет, что толстяк уже крупно проигрался и теперь ставит последние деньги в надежде отыграться. А если нет — этот рыхлый человек, быть может, отправится в аллею самоубийц, и там произойдет последний расчет с жизнью...

За толстяком стоит плохо одетый бритый стариик с всклокоченными седыми волосами и маниакальными глазами. В руках его записная книжка и карандаш. Он записывает выигрыш и выходящие номера, делает какие-то подсчеты... Он давно уже проиграл все свое состояние и сделался рабом рулетки. Администрация игорного дома выдает ему небольшое ежемесячное пособие — на жизнь и игру: своеобразная реклама. Теперь он строит свою «теорию вероятностей», изучает капризный характер фортуны. Когда он ошибается в своих предположениях, то сердито бьет карандашом по записной книжке, подскакивает на одной ноге, что-то бормочет и вновь углубляется в подсчеты. Если же его предположения оправдываются, лицо его сияет, и он поворачивает голову к соседям, как бы желая сказать: вот видите, наконец-то мне удалось открыть законы случая.

Два лакея вводят под руки и усаживают в кресло у стола старуху в черном шелковом платье, с бриллиантовым ожерельем на морщинистой шее. Лицо ее набелено так, что уже не может побледнеть. При виде та-

иностранного шарика, распределяющего горе и радость, ее ввалившиеся глаза загораются огнем алчности и тонкие пальцы, унизанные кольцами, начинают дрожать.

Молодая, красивая, стройная женщина, одетая в изящный темно-зеленый костюм, проходя мимо стола, бросает небрежным жестом тысячефранковый билет, проигрывает, беспечно усмехается и проходит в следующую комнату.

Ларе поставил на красное сто франков и выиграл.

«Я сегодня должен выиграть», — подумал он, ставя тысячу, — и проиграл. Но его не покидала уверенность, что в конце концов он выиграет. Его уже охватил азарт.

К столу рулетки подошли трое: мужчина, высокий и статный, с очень бледным лицом, и две женщины, одна рыжеволосая, а другая в сером костюме... Мельком взглянув на нее, Ларе почувствовал какую-то тревогу. Еще не понимая, что его волнует, художник начал следить за женщиной в сером и был поражен одним жестом правой руки, который сделала она. «Что-то знакомое! О, такой жест делала Анжелика Гай!» Эта мысль так поразила его, что он уже не мог играть. А когда трое неизвестных, смеясь, отошли, наконец, от стола, Ларе, забыв взять со стола выигранные деньги, пошел следом за ними.

В четыре часа утра кто-то сильно постучал в дверь Артура Доуэля. Сердито накинув на себя халат, Доуэль открыл.

В комнату шатающейся походкой вошел Ларе и, устало опустившись в кресло, сказал:

— Я, кажется, схожу с ума.

— В чем дело, старина? — воскликнул Доуэль.

— Дело в том, что... я не знаю, как вам и сказать...

Я играл со вчерашнего дня до двух часов ночи. Выигрыш сменялся проигрышем. И вдруг я увидел женщину, и один жест ее поразил меня до того, что я бросил игру и последовал за ней в ресторан. Я сел за столик и спросил чашку крепкого черного кофе. Кофе мне всегда помогает, когда нервы слишком расшалятся... Незнакомка сидела за соседним столиком. С нею были молодой человек, прилично одетый, но не внушающий особого доверия, и довольно вульгарная рыжеволосая женщина. Мои соседи пили вино и весело

болтали. Незнакомка в сером начала напевать шансонетку. У нее оказался пискливый голосок довольно неприятного тембра. Но неожиданно она взяла несколько низких грудных нот... — Ларе сжал свою голову. — Доуэль! Это был голос Анжелики Гай. Я из тысячи голосов узнал бы его.

«Несчастный! До чего он дошел», — подумал Доуэль и, ласково положив руку на плечо Ларе, сказал:

— Вам померещилось, Ларе. Возьмите себя в руки. Случайное сходство...

— Нет, нет! Уверяю вас, — горячо возразил Ларе. — Я начал внимательно присматриваться к певице. Она довольно красива, четкий профиль и милые лукавые глаза. Но ее фигура, ее тело! Доуэль, пускай черти растерзают меня зубами, если фигура певицы не похожа как две капли воды на фигуру Анжелики Гай.

— Вот что, Ларе, выпейте брому, примите холодный душ и ложитесь спать. Завтра, вернее сегодня, когда вы проснетесь...

Ларе укоризненно посмотрел на Доуэля:

— Вы думаете, что я с ума сошел?.. Не торопитесь делать окончательное заключение. Выслушайте меня до конца. Это еще не все. Когда певица спела свою песенку, она сделала кистью руки вот такой жест. Это любимый жест Анжелики, жест совершенно индивидуальный, неповторимый.

— Но что же вы хотите сказать? Не думаете же вы, что неизвестная певица обладает телом Анжелики?

Ларе потер лоб:

— Не знаю... от этого действительно с ума сойти можно... Но слушайте дальше. На шее певица носит замысловатое колье, вернее даже не колье, а целый приставной воротничок, украшенный мелким жемчугом, шириной по крайней мере в четыре сантиметра. А на ее груди довольно широкий вырез. Вырез открывает на плече родинку — родинку Анжелики Гай. Колье выглядит как бинт. Выше колье — неизвестная мне голова женщины, ниже — знакомое, изученное мною до мельчайших деталей, линий и форм тело Анжелики Гай. Не забывайте, ведь я художник, Доуэль. Я умею запоминать неповторимые линии и индивидуальные особенности человеческого тела... Я делал столько набро-

сков и эскизов с Анжелики, столько написал ее портретов, что не могу ошибиться.

— Нет, это невозможно! — воскликнул Доуэль. — Ведь Анжелика по...

— Погибла? В том-то и дело, что это никому не известно. Она сама или ее труп бесследно исчез. И вот теперь...

— Вы встречаете оживший труп Анжелики?

— О-о!.. — Ларе простонал. — Я думал именно об этом.

Доуэль поднялся и заходил по комнате. Очевидно, сегодня уже не удастся лечь спать.

— Будем рассуждать хладнокровно, — сказал он. — Вы говорите, что ваша неизвестная певица имеет как бы два голоса: один свой, более чем посредственный, и другой — Анжелики Гай?

— Низкий регистр — ее неповторимое контральто, — ответил Ларе, утвердительно кивнув головой.

— Но ведь это же физиологически невозможно. Не предполагаете же вы, что человек высокие ноты извлекает из своего горла верхними концами связок, а низкие — нижними? Высота звука зависит от большего или меньшего напряжения голосовых связок на всем протяжении. Ведь это как на струне: при большем натяжении вибрирующая струна дает больше колебаний и более высокий звук, и обратно. Притом если бы проделать такую операцию, то голосовые связки были бы укорочены, значит, голос стал бы очень высоким. Да и едва ли человек мог бы петь после такой операции: рубцы должны были бы мешать правильной вибрации связок, и голос в лучшем случае был бы очень хриплым... Нет, это решительно невозможно. Наконец, чтобы «оживить» тело Анжелики, надо бы иметь голову, чью-то голову без тела.

Доуэль неожиданно замолк, так как вспомнил о том, что в известной степени подкрепляло предположение Ларе.

Артур сам присутствовал при некоторых опытах своего отца. Профессор Доуэль вливал в сосуды погибшей собаки нагретую до тридцати семи градусов Цельсия питательную жидкость с адреналином — веществом, раздражающим и заставляющим их сокращаться. Когда эта жидкость под некоторым давлением по-

падала в сердце, она восстанавливала его деятельность, и сердце начинало прогонять кровь по сосудам. Мало-помалу восстанавливалось кровообращение, и животное оживало.

«Самой важной причиной гибели организма, — сказал тогда отец Артура, — является прекращение снабжения органов кровью и содержащимся в ней кислородом».

«Значит, так можно оживить и человека?» — спросил Артур.

«Да, — весело ответил его отец, — я берусь совершить воскрешение и когда-нибудь произведу это «чудо». К этому я и веду свои опыты».

Оживление трупа, следовательно, возможно. Но возможно ли оживить труп, в котором тело принадлежало одному человеку, а голова — другому? Возможна ли такая операция? В этом Артур сомневался. Правда, он видел, как отец его делал необычайно смелые и удачные операции пересадки тканей и костей. Но все это было не так сложно, и это делал его отец.

«Если бы мой отец был жив, я, пожалуй, поверил бы, что догадка Ларе о чужой голове на теле Анжелики Гай правдоподобна. Только отец мог осмелиться совершить такую сложную и необычайную операцию. Может быть, эти опыты продолжали его ассистенты? — подумал Доуэль. — Но одно дело оживить голову или даже целый труп, а другое — пришить голову одного человека к трупу другого».

— Что же вы хотите делать дальше? — спросил Доуэль.

— Я хочу разыскать эту женщину в сером, познакомиться с ней и раскрыть тайну. Вы поможете мне в этом?

— Разумеется, — ответил Доуэль.

Ларе крепко пожал ему руку, и они начали обсуждать план действий.

Веселая прогулка

Через несколько дней Ларе был уже знаком с Брике, ее подругой и Жаном. Он предложил им совершить прогулку на яхте, и предложение было принято.

В то время как Жан и Рыжая Марта беседовали на палубе с Доуэлем, Ларе предложил Брике пройти вниз осмотреть каюты. Их было всего две, очень небольшие, и в одной из них стояло пианино.

— О, здесь даже есть инструмент! — воскликнула Брике.

Она уселась у пианино и заиграла фокстрот. Яхта мерно покачивалась на волнах. Ларе стоял возле пианино, внимательно смотрел на Брике и обдумывал, с чего начать свое следствие.

— Спойте что-нибудь, — сказал он.

Брике не заставила себя упрашивать. Она запела, кокетливо поглядывая на Ларе. Он ей нравился.

— Какой у вас... странный голос, — сказал Ларе, испытывающе глядя в ее лицо. — В вашем горле как будто заключены два голоса: голоса двух женщин...

Брике смутилась, но, быстро овладев собой, принужденно рассмеялась...

— О да!.. Это у меня с детства. Один профессор пения нашел у меня контратто, а другой — меццо-сопрано. Каждый ставил голос по-своему, и вышло... притом я недавно простудилась...

«Не слишком ли много объяснений для одного факта? — подумал Ларе. — И почему она так смутилась? Мои предположения оправдываются. Тут что-то есть».

— Когда вы поете на низких нотах, — с грустью заговорил он, — я будто слышу голос одной моей хорошей знакомой... Она была известная певица. Бедняжка погибла при железнодорожном крушении. Ко всеобщему удивлению, ее тело не было найдено... Ее фигура чрезвычайно напоминает вашу, как две капли воды... Можно подумать, что это ее тело.

Брике посмотрела на Ларе уже с нескрываемым страхом. Она поняла, что этот разговор ведется Ларе неспроста.

— Бывают люди, очень похожие друг на друга... — сказала она дрогнувшим голосом.

— Да, но такого сходства я не встречал. И потом... ваши жесты... вот этот жест кистью руки... И еще... вы сейчас взялись руками за голову, как бы поправляя пышные пряди волос. Такие волосы были у Анжелики Гай. И так она поправляла капризный локон у виска...

Но у вас нет длинных локонов. У вас короткие, остриженные по последней моде волосы.

— У меня раньше были тоже длинные волосы, — сказала Брике, поднимаясь. Ее лицо побледнело, кончики пальцев заметно дрожали. — Здесь душно... Пойдемте наверх...

— Погодите, — остановил ее Ларе, также волнуясь. — Мне необходимо поговорить с вами.

Он насилино усадил ее в кресло у иллюминатора.

— Мне дурно... Я не привыкла к качке! — воскликнула Брике, порываясь уйти. Но Ларе как бы нечаянно коснулся руками ее шеи, отвернув при этом край колье. Он увидел розовевшие рубцы.

Брике пошатнулась. Ларе едва успел подхватить ее: она была в обмороке.

Художник, не зная, что делать, брызнул ей в лицо прямо из стоявшего графина. Она скоро пришла в себя. Непередаваемый ужас засветился в ее глазах. Несколько долгих мгновений они молча смотрели друг на друга. Брике казалось, что наступил час возмездия. Страшный час расплаты за то, что она присвоила чужое тело. Губы Брике дрогнули, и она чуть слышно прошептала:

— Не губите меня!.. Пожалейте...

— Успокойтесь, я не собираюсь губить вас... но я должен узнать эту тайну. — Ларе поднял висевшую как плеть руку Брике и сильно сдавил ее. — Признайтесь, это не ваше тело? Откуда оно у вас? Скажите мне всю правду!

— Жан! — попыталась крикнуть Брике, но Ларе зажал ей рот ладонью, прошипев в самое ухо:

— Если вы еще раз крикнете, вы не выйдете из этой каюты.

Потом, оставив Брике, он быстро запер дверь каюты на ключ и плотно прикрыл раму иллюминатора.

Брике заплакала, как ребенок. Но Ларе был неумолим.

— Слезы вам не помогут! Говорите скорее, пока я не потерял терпения.

— Я не виновата ни в чем, — заговорила Брике, всхлипывая. — Меня убили... Но потом я ожила... Одна моя голова... на стеклянной подставке... Это было так ужасно!.. И голова Тома стояла там же... Я не знаю, как

это случилось... Профессор Керн — это он оживил меня... Я просила его, чтобы он вернул мне тело. Он обещал... И привез откуда-то вот это тело... — Она почти с ужасом посмотрела на свои плечи и руки. — Но когда я увидела мертвое тело, то отказалась... Мне было так страшно... Я не хотела, умоляла не приставлять моей головы к трупу... Это может подтвердить Лоран: она ухаживала за нами, но Керн не послушал. Он усыпал меня, и я проснулась вот такой. Я не хотела оставаться у Керна и убежала в Париж, а потом сюда... Я знала, что Керн будет преследовать меня... Умоляю вас, не убивайте меня и не говорите никому... Теперь я не хочу оставаться без тела, оно стало моим... Я никогда не чувствовала такой легкости движений. Только болит нога... Но это пройдет.. я не хочу возвращаться к Керну!

Слушая эту бессвязную речь, Ларе думал: «Брике, кажется, действительно не виновата. Но этот Керн... Как мог он достать тело Гай и использовать его для такого ужасного эксперимента? Керн! Я слышал об этом имени от Артура. Керн, кажется, был ассистентом его отца. Эта тайна должна быть раскрыта».

— Перестаньте плачать и внимательно выслушайте меня, — строго сказал Ларе. — Я помогу вам, но при одном условии, если и вы никому не скажете о том, что произошло с вами вплоть до настоящего момента. Никому, кроме одного человека, который сейчас придет сюда. Это Артур Доуэль — вы уже знаете его. Вы должны повиноваться мне во всем. Если только вы ослушаитесь, вас постигнет страшная кара. Вы совершили преступление, которое карается смертной казнью. И вам нигде не удастся спрятать вашу голову и присвоенное вами чужое тело. Вас найдут и гильотинируют. Слушайте же меня. Во-первых, успокойтесь. Во-вторых, садитесь за пианино и пойте. Пойте как можно громче, чтобы было слышно там, наверху. Вам очень весело, и вы не собираетесь подниматься на палубу.

Брике подошла к пианино, уселась и запела, аккомпанируя себе едва повинующимися пальцами.

— Громче, веселее, — командовал Ларе, открывая иллюминатор и дверь.

Это было очень странное пение — крик отчаяния и ужаса, переложенный на мажорный лад.

— Громче барабаньте по клавишам! Так! Играйте и ждите. Вы поедете в Париж вместе с нами. Не вздумайте бежать. В Париже вы будете вне опасности, мы сумеем скрыть вас.

С веселым лицом Ларе поднялся на палубу.

Яхта, наклонившись на правый борт, быстро скользила по легкой волне. Влажный морской ветер освежил Ларе. Он подошел к Артуру Доуэлю и, незаметно отведя его в сторону, сказал:

— Пойдите вниз в каюту и заставьте мадемуазель Брике повторить вам все, что она сказала мне. А я займу гостей.

— Ну, как вам нравится яхта, мадам? — обратился он к Рыжей Марте и начал вести с нею непринужденный разговор.

Жан, развалившись в плетеном кресле, блаженствовал вдали от полиции и сыщиков. Он не хотел больше ни думать, ни наблюдать, он хотел забыть о вечной настороженности. Медленно потягивая из маленькой рюмки превосходный коньяк, он еще больше погружался в созерцательное, полусонное состояние. Это было как нельзя более на руку Ларе.

Рыжая Марта также чувствовала себя великолепно. Слыши из каюты пение подруги, она сама в перерывах между фразами присоединяла свой голос к доносившемуся игривому напеву.

Успокоила ли Брике игра, или Артур показался ей менее опасным собеседником, но на этот раз она более связно и толково рассказала ему историю своей смерти и воскрешения.

— Вот и все. Ну, разве я виновата? — Уже с улыбкой спросила она и спела коротенькую шансонетку «Виновата ли я», повторенную на палубе Мартой.

— Опишите мне третью голову, которая жила у профессора Керна, — сказал Доуэль.

— Тома?

— Нет, ту, которой вас показал профессор Керн! Впрочем...

Артур Доуэль торопливо вынул из бокового кармана бумажник, порылся в нем, достал оттуда фотографическую карточку и показал ее Брике.

— Скажите, похож изображенный здесь мужчина на голову моего... знакомого, которую вы видели у Керна?

— Да это совершенно он! — воскликнула Брике. Она даже бросила играть. — Удивительно! И с плечами. Голова с телом. Неужели и ему уже успели пришить тело? Что с вами, мой дорогой? — участливо и испуганно спросила она.

Доуэль пошатнулся. Лицо его побледнело. Он, с трудом владея собой, сделал несколько шагов, тяжело опустился в кресло и закрыл лицо руками.

— Что с вами? — еще раз спросила его Брике.

Но он ничего не отвечал. Потом губы его прошептали: «Бедный отец», но Брике не расслышала этих слов.

Артур Доуэль очень быстро овладел собой. Когда он поднял голову, его лицо было почти спокойно.

— Простите, я, кажется, напугал вас, — сказал он. — У меня иногда бывают такие легкие припадки на сердечной почве. Вот все уже и прошло.

— Но кто этот человек? Он так похож на... Ваш брат? — заинтересовалась Брике.

— Кто бы он ни был, вы должны помочь нам разыскать эту голову. Вы поедете с нами. Мы устроим вас в таком укромном уголке, где вас никто не найдет. Когда вы можете ехать?

— Хоть сегодня, — ответила Брике. — А вы... не отнимете у меня мое тело?

Доуэль сразу не понял, потом улыбнулся и ответил:

— Конечно, нет... если только вы будете слушать нас и помогать нам. Идемте на палубу.

— Ну, как ваше плавание? — весело спросил он, поднявшись на палубу. Затем посмотрел на горизонт с видом опытного моряка и, озабоченно покачав головой, сказал: — Море мне не нравится... Видите эту темноватую полосу у горизонта?.. Если мы вовремя не вернемся, то...

— О, скорее назад! Я не хочу утонуть, — полуушутя, полусеръезно воскликнула Брике.

Никакой бури не предвиделось. Просто Доуэль решил напугать своих сухопутных гостей, для того чтобы скорее вернуться на берег.

Ларе условился с Брике встретиться на теннисной площадке после обеда, «если не будет бури». Они расставались всего на несколько часов.

— Послушайте, Ларе, мы неожиданно напали на след больших тайн, — сказал Доуэль, когда они вернулись в отель. — Знаете ли вы, чья голова находилась у Керна? Голова моего отца, профессора Доуэля!

Ларе, уже усевшийся на стуле, подскочил, как мяч.

— Голова? Живая голова вашего отца! Но возможно ли это? И это все Керн! Он... я растерзаю его! Мы найдем голову вашего отца.

— Боюсь, что мы не застанем ее в живых, — печально отвтил Артур. — Отец сам доказал возможность оживления голов, отсеченных от тела, но головы эти жили не более полутора часов, затем они умирали, потому что кровь свертывалась, искусственные же питательные растворы могли поддержать жизнь еще меньше времени.

Артур Доуэль не знал, что его отец незадолго до смерти изобрел препарат, названный им «Доуэль 217» и переименованный Керном в «Керн 217». Введенный в кровь, этот препарат совершенно устранил свертывание крови и потому делает возможным более длительное существование головы.

— Но живою или мертвою мы должны разыскать голову отца. Скорее в Париж!

Ларе бросился в свой номер собирать вещи.

В Париж

Наскоро пообедав, Ларе побежал на теннисную площадку.

Несколько запоздавшая Брике была очень обрадована, увидев, что он уже ждет ее. Несмотря на весь страх, который внушил ей этот человек, Брике продолжала находить его очень интересным мужчиной.

— А где же ваша ракетка? — разочарованно спросила она его. — Разве вы сегодня не будете учить меня?

Ларе уже в продолжение нескольких дней учил Брике играть в теннис. Она оказалась очень способной ученицей. Но Ларе знал тайну этой способности больше, чем сама Брике: она обладала тренированным телом Анжелики, которая была прекрасной теннисист-

кой. Когда-то она сама учила Ларе некоторым ударам. И теперь Ларе оставалось только привести в соответствие уже тренированное тело Гай с еще не тренированным мозгом Брике — закрепить в ее мозгу привычные движения тела. Иногда движения Брике были неуверенные, угловатые. Но часто неожиданно для себя она делала необычайно ловкие движения. Она, например, чрезвычайно удивила Ларе, когда стала подавать «резанные мячи», — ее никто не учил этому. А этот ловкий и трудный прием был своего рода гордостью Анжелики. И, глядя на движения Брике, Ларе иногда забывал, что играет не с Анжеликой. Именно во время игры в теннис у Ларе возникло нежное чувство к «возвращенной Анжелике», как иногда называл он Брике. Правда, это чувство было далеко от того обожания и преклонения, которых он был преисполнен к Анжелике.

Брике стояла возле Ларе, заслонившись ракеткой от заходящего солнца, — один из жестов Анжелики.

— Сегодня мы не будем играть.

— Как жалко! А я бы не пропустил поиграть, хотя у меня сильней, чем обычно, болит нога, — сказала Брике.

— Идемте со мной. Мы едем в Париж.

— Сейчас?

— Немедленно.

— Но мне же необходимо хоть переодеться и захватить кое-какие вещи.

— Хорошо. Даю вам на сборы сорок минут, и ни минуты больше. Мы заедем за вами в автомобиле. Идите же скорее укладываться.

«Она действительно прихрамывает», — подумал Ларе, глядя вслед удаляющейся Брике.

По пути в Париж нога у Брике разболелась не на шутку. Брике лежала в своем купе и тихо стонала. Ларе успокаивал ее как умел. Это путешествие еще больше сблизило их. Правда, он ухаживал с такой заботливостью, как ему казалось, не за Брике, а за Анжеликой Гай. Но Брике относила заботы Ларе целиком к себе. Это внимание очень трогало ее.

— Вы такой добрый, — сказала она сентиментально. — Там, на яхте, вы напугали меня. Но теперь я не боюсь вас. — И она улыбалась так очаровательно, что Ларе не мог не улыбнуться в ответ. Эта ответная улыб-

ка уже всецело принадлежала голове: ведь улыбалась голова Брике. Она делала успехи, сама не замечая того.

А недалеко от Парижа случилось маленькое событие, еще большие обрадовавшее Брике и удивившее самого виновника этого события. Во время особенно сильного приступа боли Брике протянула руку и сказала:

— Если бы вы знали, как я страдаю...

Ларе невольно взял протянутую руку и поцеловал ее. Брике покраснела, а Ларе смущился.

«Черт возьми,— думал он,— я, кажется, поцеловал ее. Но ведь это была только рука — рука Анжелики. Однако ведь боль чувствует голова, значит, поцеловав руку, я пожалел голову. Но голова чувствует боль потому, что болит нога Анжелики, но боль Анжелики чувствует голова Брике...» Он совсем запутался и смущился еще больше.

— Чем вы объяснили ваш внезапный отъезд вашей подруге? — спросил Ларе, чтобы скорее покончить с неловкостью.

— Ничем. Она привыкла к моим неожиданным поступкам. Впрочем, она с мужем тоже скоро приедет в Париж... Я хочу ее видеть... Вы, пожалуйста, пригласите ее ко мне.— И Брике дала адрес Рыжей Марты.

Ларе и Артур Доуэль решили поместить Брике в небольшом пустующем доме, принадлежащем отцу Ларе, в конце авеню дю Мэн.

— Рядом с кладбищем! — суеверно воскликнула Брике, когда автомобиль провозил ее мимо кладбища Монпарнас.

— Значит, долго жить будете, — успокоил ее Ларе.

— Разве есть такая примета? — спросила суеверная Брике.

— Вернейшая.

И Брике успокоилась.

Больную уложили в довольно уютной комнате на огромной старинной кровати под балдахином.

Брике вздохнула, откидываясь на горку подушек.

— Вам необходимо пригласить врача и сиделку, — сказал Ларе. Но Брике решительно возражала. Она боялась, что новые люди донесут на нее.

С большим трудом Ларе уговорил ее показать ногу

своему другу, молодому врачу, и пригласить в сиделки дочь консьержа.

— Этот консьерж служит у нас двадцать лет. На него и на его дочь вполне можно положиться.

Приглашенный врач осмотрел распухшую и сильно покрасневшую ногу, предписал делать компрессы, успокоил Брике и вышел с Ларе в другую комнату.

— Ну, как? — спросил не без волнения Ларе.

— Пока серьезного ничего нет, но следить надо. Я буду навещать ее через день. Больная должна соблюдать абсолютный покой.

Ларе каждое утро навещал Брике. Однажды он тихо вошел в комнату. Сиделки не было. Брике дремала или лежала с закрытыми глазами. Странное дело, ее лицо, казалось, все более молодело. Теперь Брике можно было дать не более двадцати лет. Черты лица как-то смягчились, стали нежнее.

Ларе на цыпочках подошел к кровати, нагнулся, долго смотрел на это лицо и... вдруг нежно поцеловал в лоб. На этот раз Ларе не анализировал, целует ли он «останки» Анжелики, голову Брике или всю Брике.

Брике медленно подняла веки и посмотрела на Ларе, бледная улыбка мелькнула на ее губах.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Ларе. — Я не разбудил вас?

— Нет, я не спала. Благодарю вас, я чувствую себя хорошо. Если бы не эта боль...

— Доктор говорит, что ничего серьезного. Лежите спокойно, и скоро вы поправитесь...

Вошла сиделка. Ларе кивнул головой и вышел. Брике проводила его нежным взглядом. В жизнь ее вошло что-то новое. Она хотела скорее поправиться. Кабаре, танцы, шансонетки, веселые пьяные посетители «Ша-нуар» — все это ушло куда-то далеко, потеряло смысл и цену. В сердце ее рождались новые мечты о счастье. Быть может, это было самое большое чудо «перевоплощения», о котором не подозревала она сама, не подозревал и Ларе! Чистое, девственное тело Анжелики Гай не только омолодило голову Брике, но и изменило ход ее мыслей. Развязная певица из кабаре превращалась в скромную девушку.

Жертва Керна

В то время как Ларе был всецело поглощен заботами о Брике, Артур Доузель собирал сведения о доме Керна. От времени до времени друзья совещались с Брике, которая сообщила им все, что знала о доме и людях, населявших его.

Артур Доузель решил действовать очень осторожно. С момента исчезновения Брике Керн должен быть настороже. Застать его врасплох едва ли удастся. Необходимо вести дело так, чтобы до последнего момента Керн не подозревал, что на него уже ведется атака.

— Мы будем действовать как можно хитрее, — сказал он Ларе. — Прежде всего нужно узнать, где живет мадемуазель Лоран. Если она не заодно с Керном, то во многом нам поможет, — гораздо больше, чем Брике.

Разузнать адрес Лоран не представляло большого труда. Но когда Доузель посетил квартиру, его ждало разочарование. Вместо Лоран он застал только ее мать, чистенько одетую благообразную старушку, заплаканную, недоверчивую, убитую горем.

— Могу я видеть мадемуазель Лоран? — спросил он.

Старуха с недоумением посмотрела на него:

— Мою дочь? Разве вы ее знаете?.. А с кем я имею честь говорить и зачем вам нужна моя дочь?

— Если разрешите...

— Прошу вас. — И мать Лоран впустила посетителя в маленькую гостиную, уставленную мягкой старинной мебелью в белых чехлах с кружевными накидками на спинках. На стене большой портрет. «Интересная девушка», — подумал Артур.

— Моя фамилия Радье, — сказал он. — Я медик из провинции, вчера только приехал из Тулона. Когда-то я был знаком с одной из подруг мадемуазель Лоран по университету. Уже здесь, в Париже, я случайно встретил эту подругу и узнал от нее, что мадемуазель Лоран работает у профессора Керна.

— А как фамилия университетской подруги моей дочери?

— Фамилия? Риш!

— Риш! Риш!.. Не слыхала такой,— заметила Лоран и уже с явным недоверием спросила: — А вы не от Керна?

— Нет, я не от Керна,— с улыбкой ответил Артур.— Но очень хотел бы познакомиться с ним. Дело в том, что он работает в той области, которой я очень интересуюсь. Мне известно, что ряд опытов, и самых интересных, он производит на дому. Но он очень замкнутый человек и никого не желает пускать в свое святыя святых.

Старушка Лоран решила, что это похоже на правду: поступив на работу к профессору Керну, дочь говорила, что он живет очень замкнуто и никого не принимает. «Чем же он занимается?» — спросила она у дочери и получила неопределенный ответ: «Всякими научными опытами».

— И вот,— продолжал Доуэль,— я решил познакомиться сначала с мадемуазель Лоран и посоветоваться с нею, как мне вернее достигнуть цели. Она могла бы подготовить почву, предварительно поговорить с профессором Керном, познакомить меня с ним и ввести в дом.

Вид молодого человека располагал к доверию, но все, что было связано с именем Керна, возбуждало в душе мадам Лоран такое беспокойство и тревогу, что она не знала, как вести дальше разговор. Она тяжело вздохнула и, сдерживая себя, чтобы не заплакать, сказала:

— Моей дочери нет дома. Она в больнице.

— В больнице? В какой больнице?

Мадам Лоран не стерпела. Она слишком долго оставалась одна со своим горем и теперь, забыв о всякой осторожности, рассказала своему гостю все: как ее дочь неожиданно прислала письмо о том, что работа заставляет ее оставаться некоторое время в доме Керна для ухода за тяжелобольными; как она, мать, делала бесплодные попытки повидаться с дочерью в доме Керна; как волновалась; как, наконец, Керн сообщил ей, что ее дочь заболела нервным расстройством и отвезена в больницу для душевнобольных.

— Я ненавижу этого Керна,— говорила старушка, вытирая платком слезы.— Это он довел мою дочь до сумасшествия. Я не знаю, что она видела в доме Керна

и чем занималась,— об этом она даже мне не говорила,— но я знаю одно, что как только Мари поступила на эту работу, так и начала нервничать. Я не узнавала ее. Она приходила бледная, взволнованная, она лишилась аппетита и сна. По ночам ее душили кошмары. Она вскакивала и говорила сквозь сон, что голова какого-то профессора Доузеля и Керн преследуют ее... Керн присыпает мне по почте заработанную плату дочери, довольно значительную сумму, присыпает до сих пор. Но я не прикасаюсь к деньгам. Здоровья не приобретешь ни за какие деньги... Я потеряла дочь...— И старушка залилась слезами.

«Нет, в этом доме не может быть сообщников Керна»,— подумал Артур Доузель. Он решил больше не скрывать истинной цели своего прихода.

— Сударыня,— сказал он,— я теперь откровенно признаюсь, что имею не меньше оснований ненавидеть Керна. Мне нужна была ваша дочь, чтобы свести с Керном кое-какие счеты и... обнаружить его преступления.

Мадам Лоран вскрикнула.

— О, не беспокойтесь, ваша дочь не замешана в этих преступлениях.

— Моя дочь скорее умрет, чем совершил преступление,— гордо ответила Лоран.

— Я хотел воспользоваться услугами мадемуазель Лоран, но теперь вижу, что ей самой необходимо оказать услугу. Я имею основания предполагать, что ваша дочь не сошла с ума, а заключена в сумасшедший дом профессором Керном.

— Но почему? За что?

— Именно потому, что ваша дочь скорее умрет, чем совершил преступление, как изволили вы сказать. Очевидно, она была опасна для Керна.

— Но о каких преступлениях вы говорите?

Артур Доузель еще недостаточно знал Лоран и опасался ее старушечьей болтливости, а потому решил не раскрывать всего.

— Керн делал незаконные операции. Будьте добры сказать, в какую больницу отправлена Керном, ваша дочь?

Взволнованная Лоран едва собралась с силами, чтобы продолжать связно говорить. Прерывая свои слова рыданиями, она ответила:

— Керн долго не хотел мне этого сообщать. К себе в дом он не пускал меня. Приходилось писать ему письма. Он отвечал уклончиво, старался успокоить меня и уверить, что моя дочь поправляется и скоро вернется ко мне. Когда мое терпение истощилось, я написала ему, что напишу на него жалобу, если он сейчас же не ответит, где моя дочь. И тогда он сообщил адрес больницы. Она находится в окрестностях Парижа, в Ско. Больница принадлежит частному врачу Равино. Ох, я ездила туда! Но меня даже не пустили во двор. Это настоящая тюрьма, обнесенная каменной стеной... «У нас такие порядки,— ответил мне привратник,— что родных мы никого не пускаем, хотя бы и родную мать». Я вызвала дежурного врача, но он ответил мне то же. «Сударыня,— сказал он,— посещение родственниками больных всегда волнует и ухудшает их душевное состояние. Могу вам только сообщить, что вашей дочери лучше». И он захлопнул передо мной ворота.

— Я все же постараюсь повидаться с вашей дочерью. Может быть, мне удастся и освободить ее.

Артур тщательно записал адрес и откланялся.

— Я сделаю все, что только будет возможно. Поверьте мне, что я заинтересован в этом так же, как если бы Мадемуазель Лоран была моей сестрой.

И, напутствуемый всяческими советами и добрыми пожеланиями, Доуэль вышел из комнаты.

Артур решил немедленно повидаться с Ларе, его друг целые дни проводил с Брике, и Доуэль направился на авеню дю Мен. Возле домика стоял автомобиль Ларе.

Доуэль быстро поднялся на второй этаж и вошел в гостиную.

— Артур, какое несчастье,— встретил его Ларе. Он был чрезвычайно расстроен, метался по комнате и ершил свои черные курчавые волосы.

— В чем дело, Ларе?

— О!..— простонал его друг.— Она бежала...

— Кто?

— Мадемуазель Брике, конечно!

— Бежала? Но почему? Говорите же, наконец, толком!

Но нелегко было заставить Ларе говорить. Он продолжал метаться, вздыхать, стонать и охать. Прошло не менее десяти минут, пока Ларе заговорил:

— Вчера мадемузель Брике с утра жаловалась на усиливающиеся боли в ноге. Нога очень опухла и посинела. Я вызвал врача. Он осмотрел ногу и сказал, что положение резко ухудшилось. Началась гангрена. Необходима операция. Врач не брался оперировать на дому и настаивал на том, чтобы больную немедленно перевезли в больницу. Но мадемузель Брике ни за что не соглашалась. Она боялась, что в больнице обратят внимание на шрамы на ее шее. Она плакала и говорила, что должна вернуться к Керну. Керн предупреждал ее, что ей необходимо оставаться у него до полного «выздоровления». Она не послушалась его и теперь жестоко наказана. И она верит Керну как хирургу. «Если он сумел воскресить меня из мертвых и дать новое тело, то может вылечить и мою ногу. Для него это пустяк». Все мои уговоры не приводили ни к чему. Я не хотел отпускать ее к Керну. И я решил применить хитрость. Я сказал, что сам отправлю ее к Керну, предполагая перевезти в больницу. Но мне необходимо было принять меры к тому, чтобы тайна «воскрешения» Брике в самом деле не раскрылась ранее времени,— я не забывал о вас, Артур. И я уехал на час, не более, чтобы сводиться со знакомыми врачами. Я хотел перехитрить Брике, но она перехитрила меня и сиделку. Когда я приехал, ее уже не было. Все, что от нее осталось,— вот эта записка, лежавшая на столике возле ее кровати. Вот, посмотрите.— И Ларе подал Артуру листок бумаги, на котором карандашом наспех было написано несколько слов:

«Ларе, простите меня, я не могу поступить иначе. Я возвращусь к Керну. Не пакуйте меня. Керн поставит меня на ноги, как уже сделал это раз. До скорого свидания,— эта мысль утешает меня».

— Даже подписи нет.

— Обратите внимание,— сказал Ларе,— на почерк. Это почерк Анжелики, хотя несколько измененный. Так могла бы написать Анжелика, если бы она писала в сумерки или у нее болела рука: более крупно, более размазисто.

— Но все-таки как это произошло? Как она могла бежать?

— Увы, она бежала от Керна, чтобы теперь бежать от меня к Керну. Когда я приехал сюда и увидел, что клетка опустела, я едва не убил сиделку. Но она объяснила, что сама была введена в заблуждение. Брике, с трудом поднявшись, подошла к телефону и вызвала меня. Это была хитрость. Меня она не вызывала. Поговорив по телефону, Брике заявила сиделке, что я как будто все устроил и прошу ее немедленно ехать в больницу. И Брике попросила сиделку вызвать автомобиль, затем с ее помощью добралась до автомобиля и укатила, отказавшись от услуг сиделки. «Это недалеко, а там меня снимут санитары», — сказала она. И сиделка была в полной уверенности, что все делается по моему распоряжению и с моего ведома. Артур! — вдруг крикнул Ларе, вновь приходя в волнение.— Я еду к Керну немедленно. Я не могу ее оставить там. Я уже вызвал по телефону мой автомобиль. Едем со мною, Артур!

Артур прошелся по комнате. Какое неожиданное осложнение! Положим, Брике уже сообщила все, что знала о доме Керна. Но все же ее советы были бы необходимы в дальнейшем, не говоря о том, что она сама являлась уликой против Керна. И этот обезумевший Ларе. Теперь он плохой помощник.

— Послушайте, мой друг, — сказал Артур, опустив руки на плечи художника.— Сейчас больше чем когда-либо нам необходимо крепко взять себя в руки и воздержаться от опрометчивых поступков. Дело сделано. Брике у Керна. Следует ли нам тревожить прежде времени зверя в его берлоге? Как вы полагаете, расскажет ли Брике Керну обо всем, что произошло с нею с тех пор, как она бежала от него, о нашем знакомстве с нею и о том, что мы многое узнали о Керне?

— Могу поручиться, что она ничего не скажет, — убежденно ответил Ларе.— Она дала мне слово там, на яхте, и неоднократно повторяла, что сохранит тайну. Теперь она выполнит это не только под влиянием страха, но и... по другим мотивам.

Артуру были понятны эти мотивы. Он уже давно заметил, что Ларе проявлял все большее внимание к Брике.

«Несчастный романтик, — подумал Доуэль, — везет ему на трагическую любовь. На этот раз он теряет не

только Анжелику, но и вновь зарождающуюся любовь. Однако еще не все потеряно».

— Будьте терпеливы, Ларе, — сказал он. — Наши цели сходятся. Соединим наши усилия и будем вести осторожную игру. У нас два пути: или нанести Керну немедленный удар, или же постараться сначала окольными путями узнать о судьбе головы моего отца и о Брике. После того как Брике убежала от него, Керн должен держаться настороже. Если он еще не уничтожил голову моего отца, то, вероятно, хорошо скрыл ее. Уничтожить же голову можно в несколько минут. Если только полиция начнет стучаться в его дверь, он уничтожит все следы преступления прежде, чем откроет дверь. И мы ничего не найдем. Не забудьте, Ларе, что Брике тоже «следы преступления». Керн совершил незаконные операции. Мало этого: он незаконно похитил тело Анжелики. А Керн — человек, который не остановится ни перед чем. Ведь осмелился же он тайно от всех оживить голову моего отца. Я знаю, что отец разрешил в завещании анатомировать его тело, но я никогда не слыхал, чтобы он соглашался на опыт с оживлением своей головы. Почему Керн скрывает от всех, даже от меня, о существовании головы? Для чего она нужна ему? И для чего нужна ему Брике? Быть может, он занимается вивисекцией над людьми и Брике для него сыграла роль кролика?

— Тем более ее надо скорее спасти, — горячо возразил Ларе.

— Да, спасти, но не ускорить ее смерть. А наш визит к Керну может ускорить этот роковой конец.

— Но что же делать?

— Идти вторым, более медленным путем. Постараемся, чтобы и этот путь был возможно короче. Мари Лоран нам может дать гораздо более полезные сведения, чем Брике. Лоран знает расположение дома, она ухаживала за головами. Быть может, она говорила с моим отцом... то есть с его головой.

— Так давайте скорее Лоран.

— Увы, ее тоже необходимо сначала освободить.

— Она у Керна?

— В больнице. Очевидно, в одной из тех больниц, где за хорошие деньги держат взаперти таких же больных людей, как мы с вами. Нам придется немало пора-

ботать, Ларе.— И Доуэль рассказал своему другу о своем свидании с матерью Лоран.

— Проклятый Керн! Он сеет вокруг себя несчастье и ужасы. Попадись он мне...

— Постараемся, чтобы он попался. И первый шаг к этому — нам надо повидаться с Лоран.

— Я немедленно еду туда.

— Это было бы неосторожно. Нам лично нужно показываться только в тех случаях, когда ничего другого не остается. Пока будем пользоваться услугами других людей. Мы с вами должны представлять своего рода тайный комитет, который руководит действиями надежных людей, но остается неизвестным врагу. Надо найти верного человека, который отправился бы в Ско, завел знакомство с санитарами, сиделками, поварами, привратниками — с кем окажется возможным. Если удастся подкупить хоть одного, дело будет наполовину сделано.

Ларе не терпелось. Ему самому хотелось немедленно приступить к действиям, но он подчинялся более рассудительному Артуру и в конце концов примирился с политикой осторожных действий.

— Но кого же мы пригласим? О, Шауб! Молодой художник, недавно приехавший из Австралии. Мой приятель, прекрасный человек, отличный спортсмен. Для него поручение будет тоже своего рода спортом. Черт возьми, — выбранился Ларе, — почему я сам не могу взяться за это?

— Это так романтично? — с улыбкой спросил Доуэль.

Лечебница Равино

Шауб, молодой человек двадцати трех лет, розоволицый блондин атлетического сложения, принял предложение «заговорщиков» с восторгом. Его не посвящали пока во все подробности, но сообщили, что он может оказать друзьям огромную услугу. И он весело кивнул головой, не спросив даже Ларе, нет ли во всей этой истории чего-нибудь предосудительного: он верил в честность Ларе и его друга.

— Великолепно! — воскликнул Шауб. — Я еду в Ско немедленно. Этюдный ящик послужит прекрасным оправданием появления нового человека в маленьком городишке. Я буду писать портреты санитаров и сиделок. Если они будут не очень безобразны, я даже немножко поухаживаю за ними.

— Если потребуется, предлагайте руку и сердце, — сказал Ларе с воодушевлением.

— Для этого я недостаточно красив, — скромно заметил молодой человек. — Но свои бицепсы я охотно пущу в дело, если будет необходимо.

Новый союзник отправился в путь.

— Помните же, действуйте с возможной скоростью и предельной осторожностью, — дал ему Доуэль последний совет.

Шауб обещал приехать через три дня. Но уже на другой день вечером он, очень расстроенный, явился к Ларе.

— Невозможно, — сказал он. — Не больница, а тюрьма, обнесенная каменной стеной. И за эту стену не выходит никто из служащих. Все продукты доставляются подрядчиками, которых не пускают даже во двор. К воротам выходит заведующий хозяйством и принимает все, что ему нужно... Я ходил вокруг этой тюрьмы, как волк вокруг овчарки. Но мне не удалось даже одним глазом заглянуть за каменную ограду.

Ларе был разочарован и раздосадован.

— Я надеялся, — сказал он с плохо скрытым раздражением, — что вы проявите большую изобретательность и находчивость, Шауб.

— Не угодно ли вам самим проявить эту изобретательность, — ответил не менее раздраженно Шауб. — Я не оставил бы своих попыток так скоро. Но мне случайно удалось познакомиться с одним местным художником, который хорошо знает город и обычай лечебницы. Он сказал мне, что это совершенно особая лечебница. Много преступлений и тайн хранит она за своими стенами. Наследники помещают туда своих богатых родственников, которые слишком долго зажились и не думают умирать, объявляют их душевнобольными и устанавливают над ними опеку. Опекуны несовершеннолетних отправляют туда же своих опекаемых перед наступлением их совершеннолетия, чтобы про-

должать «опекать», свободно распоряжаясь их капиталиами. Это тюрьма для богатых людей, пожизненное заключение для несчастных жен, мужей, престарелых родителей и опекаемых. Владелец лечебницы, он же главный врач, получает колоссальные доходы от заинтересованных лиц. Весь штат хорошо оплачивается. Здесь бессилен даже закон, от вторжения которого охраняет уже не каменная стена, а золото. Здесь все держится на подкупе.

Согласитесь, что при таких условиях я мог просидеть в Ско целый год и ни на один сантиметр не продинуться в больницу.

— Надо было не сидеть, а действовать, — сухо заметил Ларе.

Шауб демонстративно поднял свою ногу и указал на порванные внизу брюки.

— Действовал, как видите, — с горькой иронией сказал он. — Прошлую ночь попытался перелезть через стену. Для меня это нетрудное дело. Но не успел я спрыгнуть по ту сторону стены, как на меня набросились огромные доги, — и вот результат... Не обладая обезьяньим проворством и ловкостью, меня разорвали бы на куски. Тотчас по всему огромному саду послышалась перекличка сторожей, замелькали зажженные электрические фонари. Но этого мало. Когда я уже перебрался обратно, тюремщики выпустили своих собак за ворота. Животные выдрессированы точно так же, как дрессировали в свое время собак на южноамериканских плантациях для поимки беглых негров... Ларе, вы знаете, сколько призов я взял в состязаниях на быстроту бега. Если бы я всегда бегал так, как улепетывал минувшей ночью, спасаясь от проклятых псов, я был бы чемпионом мира. Довольно вам сказать, что я без особого труда вскочил на подножку попутного автомобиля, мчавшегося по дороге со скоростью по крайней мере тридцать километров в час, и только это спасло меня!

— Проклятие! Что же теперь делать? — воскликнул Ларе, ероша волосы. — Придется вызвать Артура. — И он устремился к телефону.

Через несколько минут Артур уже пожимал руки своих друзей.

— Этого надо было ожидать,— сказал он, узнав о неудаче.— Керн умеет хоронить свои жертвы в надежных местах. Что же нам делать? — повторил он вопрос Ларе.— Идти напролом, действовать тем же оружием, что и Керн,— подкупить главного врача и...

— Я не пожалею отдать все мое состояние! — воскликнул Ларе.

— Боюсь, что его будет недостаточно. Дело в том, что коммерческое предприятие почтенного доктора Равино виждется на огромных кушах, которые он получает от своих клиентов, с одной стороны, и на том доверии, которое питают к нему его клиенты, вполне уверенные, что уж если Равино получил хорошую взятку, то ни при каких условиях он не продаст их интересов. Равино не захочет подорвать свое реноме и тем самым пошатнуть все основы своего предприятия. Вернее, он сделал бы это, если бы мог сразу получить такую сумму, которая равнялась бы всем его будущим доходам лет на двадцать вперед. А на это, боюсь, не хватит средств, если бы мы сложили наши капиталы. Равино имеет дело с миллионерами, не забывайте этого. Гораздо проще и дешевле было бы подкупить кого-нибудь из его служащих помельче. Но все несчастье в том, что Равино следит за своими служащими не меньше, чем за заключенными. Шауб прав. Я сам наводил кое-какие справки о лечебнице Равино. Легче постороннему человеку проникнуть в каторжную тюрьму и устроить побег, чем проделать то же в тюрьме Равино. Он принимает к себе на службу с большим разбором, в большинстве случаев людей, не имеющих родных. Не брезгует он и теми, кто не поладил с законом и желает скрыться от бдительного ока полиции. Он платит хорошо, но берет обязательство, что никто из служащих не будет выходить за пределы лечебницы во время службы, а время это определяется в десять и двадцать лет, не меньше.

— Но где же он найдет таких людей, которые решились бы на такое почти пожизненное лишение свободы? — спросил Ларе.

— Находит. Многих соблазняет мысль обеспечить себя на старости. Большинство загоняют нужда. Но, конечно, выдерживают не все. У Равино случаются, хотя и очень редко — раз в несколько лет, — побеги служа-

щих. Не так давно один служащий, истосковавшийся по свободной жизни, бежал. В тот же день его труп нашли в окрестностях Ско. Полиция Ско на откупе у Равино. Был составлен протокол о том, что служащий покончил жизнь самоубийством. Равино взял труп и перенес к себе в лечебницу. Об остальном можно догадаться. Равино, вероятно, показал труп своим служащим и произнес соответствующую речь, намекая на то, что такая же судьба ждет всякого нарушителя договора. Вот и все.

Ларе был ошеломлен.

— Откуда у вас такая информация?

Артур Доуэль самодовольно улыбнулся.

— Ну вот, видите, — сказал повеселевший Шауб. — Я же говорил вам, что я не виноват.

— Представляю, как весело живет в этом проклятом месте Лоран. Но что же нам предпринять, Артур? Взорвать стены динамитом? Сделать подкоп?

Артур усился в кресло и задумался. Друзья молчали, поглядывая на него.

— Эврика! — вдруг вскрикнул Доуэль.

«Сумасшедшие»

Небольшая комната с окном в сад. Серые стены. Серая кровать, застланная светло-серым пушистым одеялом. Белый столик и два белых стула.

Лоран сидит у окна и рассеянно смотрит в сад. Луч солнца золотит ее русые волосы. Она очень похудела и побледнела.

Из окна видна аллея, по которой гуляют группы больных. Между ними мелькают белые с черной каймой халаты сестер.

— Сумасшедшие... — тихо говорит Лоран, глядя на гуляющих больных. — И я сумасшедшая... Какая нелепость! Вот все, чего я достигла...

Она скжала руки, хрустнув пальцами.

Как это произошло?..

Керн вызвал ее в кабинет и сказал:

— Мне нужно поговорить с вами, мадемуазель Лоран. Вы помните наш первый разговор, когда вы пришли сюда, желая получить работу?

Она кивнула головой.

— Вы обещали молчать обо всем, что увидите и услышите в этом доме, не так ли?

— Да.

— Повторите ж сейчас это обещание и можете идти навестить свою мамашу. Видите, как я доверяю вашему слову.

Керн удачно нашел струну, на которой играл. Лоран была чрезвычайно смущена. Несколько минут она молчала. Лоран привыкла исполнять данное слово, но после того, что она узнала здесь... Керн видел ее колебания и с тревогой следил за исходом ее внутренней борьбы.

— Да, я дала вам обещание молчать, — сказала она наконец тихо. — Но вы обманули меня. Вы многое скрыли от меня. Если бы вы сразу сказали всю правду, я не дала бы вам такого обещания.

— Значит, вы считаете себя свободной от этого обещания?

— Да.

— Благодарю за откровенность. С вами хорошо иметь дело уже потому, что вы по крайней мере не лукавите. Вы имеете гражданское мужество говорить правду.

Керн говорил это не только для того, чтобы польстить Лоран. Несмотря на то что честность Керн считал глупостью, в эту минуту он действительно уважал ее за мужественность характера и моральную стойкость. «Черт возьми, будет досадно, если придется убрать с дороги эту девочку. Но что же поделать с нею?»

— Итак, мадемуазель Лоран, при первой же возможности вы пойдете и донесете на меня? Вам должно быть известно, какие это будет иметь для меня последствия. Меня казнят. Больше того, мое имя будет опозорено.

— Об этом вам нужно было подумать раньше, — ответила Лоран.

— Послушайте, мадемуазель, — продолжал Керн, как бы не рассыпав ее слов. — Отрешитесь вы от своей узкой моральной точки зрения. Поймите, если бы не я, профессор Доузель давно сгнил бы в земле или сгорел в крематории. Стала бы его работа. То, что сейчас делает голова, ведь это, в сущности, посмертное

творчество. И это создал я. Согласитесь, что при таком положении я имею некоторые права на «продукцию» головы Доуэля. Больше того, без меня Доуэль — его голова — не смог бы осуществить свои открытия. Вы знаете, что мозг не поддается оперированию и сращиванию. И тем не менее операция «сращения» головы Брике с телом удалась прекрасно. Спинной мозг, проходящий через шейные позвонки, сросся. Над разрешением этой задачи работали голова Доуэля и руки Керна. А эти руки, — Керн протянул руки, глядя на них, — тоже чего-нибудь стоят. Они спасли не одну сотню человеческих жизней и спасут еще много сотен, если только вы не занесете над моей головой меч возмездия. Но и это еще не все. Последние наши работы должны произвести переворот не только в медицине, но и в жизни всего человечества. Отныне медицина может восстановить угасшую жизнь человека. Сколько великих людей можно будет воскресить после их смерти, продлить им жизнь на благо человечества! Я удлиню жизнь гения, верну детям отца, жене — мужа. Впоследствии такие операции будет совершать рядовой хирург. Сумма человеческого горя уменьшится...

— За счет других несчастных.

— Пусть так, но там, где плакали двое, будет плакать один. Там, где было два мертвца, будет один. Разве это не великие перспективы? И что в сравнении с этим представляют мои личные дела, пусть даже преступления? Какое дело больному до того, что на душе хирурга, спасающего его жизнь, лежит преступление? Вы убьете не только меня, вы убьете тысячи жизней, которые в будущем я мог бы спасти. Подумали ли вы об этом? Вы совершили преступление в тысячу раз большее, чем совершил я, если только я совершил его. Подумайте же еще раз и скажите мне ваш ответ. Теперь идите. Я не буду торопить вас.

— Я уже дала вам ответ. — И Лоран вышла из кабинета.

Она пришла в комнату головы профессора Доуэля и передала ему содержание разговора с Керном. Голова Доуэля задумалась.

— Не лучше ли было скрыть ваши намерения или по крайней мере дать неопределенный ответ? — наконец прошептала голова.

— Я не умею лгать,— ответила Лоран.

— Это делает вам честь, но... ведь вы обрекли себя. Вы можете погибнуть, и ваша жертва не принесет никому пользы.

— Я... иначе я не могу,— сказала Лоран и, грустно кивнув голове, удалилась...

— Жребий брошен,— повторяла она одну и ту же фразу, сидя у окна своей комнаты.

«Бедная мама,— неожиданно мелькнуло у нее в голове.— Но она поступила бы так же»,— сама себе ответила Лоран. Ей хотелось написать матери письмо и в нем изложить все, что произошло с нею. Последнее письмо. Но не было никакой возможности переслать его. Лоран не сомневалась, что должна погибнуть. Она была готова спокойно встретить смерть. Ее огорчали только заботы о матери и мысли о том, что преступление Керна останется неотомщенным. Однако она верила, что рано или поздно все же возмездие не минует его.

То, чего она ждала, случилось скорее, чем она предполагала.

Лоран погасила свет и улеглась в кровать. Нервы ее были напряжены. Она услышала какой-то шорох за шкафом, стоящим у стены. Этот шорох больше удивил, чем испугал ее. Дверь в ее комнату была заперта на замок. К ней не могли войти так, чтобы она не услышала. «Что же это за шорох? Быть может, мыши?»

Дальнейшее произошло с необычайной быстротой.

Вслед за шорохом послышался скрип. Чьи-то шаги быстро приблизились к кровати. Лоран испуганно приподнялась на локтях, но в то же мгновение чьи-то сильные руки придавили ее к подушке и прижали к лицу маску с хлороформом.

«Смерть!..»— мелькнуло в ее мозгу, и, затрепетав всем телом, она инстинктивно рванулась.

— Спокойнее,— услышала она голос Керна, совсем такой же, как во время обычных операций, а затем потеряла сознание.

Пришла в себя она уже в лечебнице...

Профессор Керн привел в исполнение угрозу о «чрезвычайно тяжелых для нее последствиях», если она не сохранит тайну. От Керна она ожидала всего. Он отомстил, а сам не получил возмездия. Мари Лоран

принесла в жертву себя, но ее жертва была бесплодной. Сознание этого еще больше нарушало ее душевное равновесие.

Она была близка к отчаянию. Даже здесь она чувствовала влияние Керна.

Первые две недели Лоран не разрешали даже выходить в большой тенистый сад, где гуляли «тихие» больные.

Тихие — это были те, которые не протестовали против заключения, не доказывали врачам, что они совершенно здоровы, не грозили разоблачениями и не делали попыток к бегству. Во всей лечебнице было не больше десятка процентов действительно душевнобольных, да и тех свели с ума уже в больнице. Для этой цели у Равино была выработана сложная система «психического отравления».

«Трудный случай в практике»

Для доктора Равино Мари Лоран была «трудным случаем в практике». Правда, за время ее работы у Керна нервная система Лоран была сильно истощена, но воля не поколеблена. За это дело и взялся Равино.

Пока он не принимался за «обработку психики» Лоран вплотную, а только издали внимательно изучал ее. Профессор Керн еще не дал доктору Равино определенных директив относительно Лоран: отправить ее преждевременно в могилу или свести с ума. Последнего, во всяком случае, в большей или меньшей степени требовала сама система психиатрической «лечебницы» Равино.

Лоран в волнении ожидала того момента, когда ее судьба окончательно будет решена. Смерть или сумасшествие — другого пути здесь для нее, как и для других, не было. И она собирала все душевые силы, чтобы противоборствовать по крайней мере сумасшествию. Она была очень кротка, послушна и даже внешне спокойна. Но этим трудно было обмануть доктора Равино, обладавшего большим опытом и недюжинными способностями психиатра. Эта покорность Лоран воз-

буждала в нем лишь еще большее беспокойство и подозрительность.

«Трудный случай», — думал он, разговаривая с Лоран во время обычного утреннего обхода.

— Как вы себя чувствуете? — спрашивал он.

— Благодарю вас, хорошо, — отвечала Лоран.

— Мы делаем все возможное для наших пациентов, но все же непривычная обстановка и относительное лишение свободы действуют на некоторых больных угнетающе. Чувство одиночества, тоска.

— Я привыкла к одиночеству.

«Ее не так-то легко вызвать на откровенность», — подумал Равино и продолжал:

— У вас, в сущности говоря, все в полном порядке. Нервы немного расшатаны, и только. Профессор Керн говорил мне, что вам приходилось принимать участие в научных опытах, которые должны производить довольно тяжелое впечатление на свежего человека. Вы так юны. Переутомление и небольшая неврастения... И профессор Керн, который очень ценит вас, решил предоставить вам отдых...

— Я очень благодарна профессору Керну.

«Скрытная натура», — злился Равино. — Надо свести ее с другими больными. Тогда она, может быть, больше раскроет себя, и таким образом можно будет скопес изучить ее характер».

— Вы засиделись, — сказал он. — Почему бы вам не пройти в сад? У нас чудесный сад, даже не сад, а настоящий парк в десяток гектаров.

— Мне не разрешили гулять.

— Неужели? — удивленно воскликнул Равино. — Это недосмотр моего ассистента. Вы не из тех больных, которым прогулки могут принести вред. Пожалуйста, гуляйте. Познакомьтесь с нашими больными, среди них есть интересные люди.

— Благодарю вас, я воспользуюсь вашим разрешением.

И когда Равино ушел, Лоран вышла из своей комнаты и направилась по длинному коридору, окрашенному в мрачный серый тон с черной каймой, к выходу. Из-за запертых дверей комнат доносились безумные зывания, крики, истерический смех, бормотание...

— О... о... о... — слышалось слева.

— У-у-у... Ха-ха-ха-ха, — откликались справа.

«Будто в зверинце», — думала Лоран, стараясь не поддаваться этой гнетущей обстановке. Но она несколько ускорила шаги и поспешила выйти из дома. Перед нею расстилалась ровная дорожка, ведущая в глубь сада, и Лоран пошла по ней.

«Система» доктора Равино чувствовалась даже здесь. На всем лежал мрачный оттенок. Деревья только хвойные, с темной зеленью. Деревянные скамьи без спинок окрашены в темно-серый цвет. Но особенно поразили Лоран цветники. Клумбы были сделаны наподобие могил, а среди цветов преобладали темно-синие, почти черные, анютины глазки, окаймленные по краям, как белой траурной лентой, ромашками. Темные туи дополняли картину.

«Настоящее кладбище. Здесь невольно должны рождаться мысли о смерти. Но меня не проведете, господин Равино, я отгадала ваши скрести, и ваши «эффекты» не застанут меня врасплох», — подбадривала себя Лоран и, быстро миновав «кладбищенский цветник», вошла в сосновую аллею. Высокие стволы, как колонны храма, тянулись вверх, прикрыты темно-зелеными куполами. Вершины сосен шумели ровным, однообразным сухим шумом.

В разных местах парка виднелись серые халаты больных.

«Кто из них сумасшедший и кто нормальный?» Это довольно безошибочно можно было определить, даже недолго наблюдая за ними. Те, кто еще не был безнадежен, с интересом смотрели на «новенькую» — Лоран. Больные же с померкнувшим сознанием были углублены в себя, отрезаны от внешнего мира, на который смотрели невидящими глазами.

К Лоран приближался высокий сухой старик с длинной седой бородой. Старик высоко поднял свои пушистые брови, увидал Лоран и сказал, как бы продолжая говорить вслух сам с собой:

— Одиннадцать лет я считал, потом счет потерял. Здесь нет календарей, и время стало. И я не знаю, сколько пробродил я по этой аллее. Может быть, двадцать, а может быть, тысячу лет. Перед лицом бога день один — как тысяча лет. Трудно определить время. И вы, вы тоже будете ходить здесь тысячу лет туда, до

каменной стены, и тысячу лет обратно. Отсюда нет выхода. Оставь всякую надежду входящий сюда, как сказал господин Данте. Ха-ха-ха! Не ожидали? Вы думаете, я сумасшедший? Я хитер. Здесь только сумасшедшие имеют право жить. Но вы не выйдете отсюда, как и я. Мы с вами... — И, увидев приближающегося санитара, на обязанности которого было подслушивать разговоры больных, старик, не изменяя тона, продолжал, хитро подмигнув глазом: — Я Наполеон Бонапарт, и мои сто дней еще не наступили. Вы меня поняли? — спросил он, когда санитар прошел дальше.

«Несчастный, — подумала Лоран, — неужели он притворяется сумасшедшим, чтобы избегнуть смертного приговора? Не я одна, оказывается, принуждена прибегать к спасительной маскировке».

Еще один больной подошел к Лоран, молодой человек с черной козлиной бородкой, и начал лепетать какую-то несуразицу об извлечении квадратного корня из квадратуры круга. Но на этот раз санитар не приближался к Лоран, — очевидно, молодой человек был вне подозрения у администрации. Он подходил к Лоран и говорил все быстрее и настойчивее, брызгая слюной:

— Круг — это бесконечность. Квадратура круга — квадратура бесконечности. Слушайте внимательно. Извлечь квадратный корень из квадратуры круга — значит извлечь квадратный корень из бесконечности. Это будет часть бесконечности, возведенная в энную степень, таким образом можно будет определить и квадратуру... Но вы не слушаете меня, — вдруг разозлился молодой человек и схватил Лоран за руку. Она вырвалась и почти побежала по направлению к корпусу, в котором жила. Недалеко от двери она встретила доктора Равино. Он сдерживал довольную улыбку.

Едва Лоран вбежала к себе в комнату, как в дверь постучали. Она охотно закрылась бы на ключ, но внутренних запоров у двери не было. Она решила не отвечать. Однако дверь открылась, и на пороге показался доктор Равино.

Его голова по обыкновению была откинута назад, выпуклые глаза, несколько расширенные, круглые и внимательные, смотрели сквозь стекла пенсне, черные усы и эспаньолка шевелились вместе с губами.

— Простите, что вошел без разрешения. Мои врачебные обязанности дают некоторые права...

Доктор Равино нашел, что наступил удобный момент начать «разрушение моральных ценностей» Лоран. В его арсенале имелись самые разнообразные средства воздействия — от подкупющей искренности, вежливости и обаятельной внимательности до грубоści и циничной откровенности. Он решил во что бы то ни стало вывести Лоран из равновесия и потому взял вдруг тон бесцеремонный и насмешливый.

— Почему же вы не говорите: «Войдите, пожалуйста, простите, что я не пригласила вас. Я задумалась и не слыхала вашего стука...» — или что-нибудь в этом роде?

— Нет, я слыхала ваш стук, но не отвечала потому, что мне хотелось остаться одной.

— Правдиво, как всегда! — иронически сказал он.

— Правдивость — плохой объект для иронии, — с некоторым раздражением заметила Лоран.

«Клюет», — весело подумал Равино. Он бесцеремонно уселся против Лоран и уставил на нее свои рачьи немигающие глаза. Лоран старалась выдержать этот взгляд, в конце концов ей стало неприятно, она опустила веки, слегка покраснев от досады на себя.

— Вы полагаете, — произнес Равино тем же ироническим тоном, — что правдивость плохой объект для иронии. А я думаю, что самый подходящий. Если бы вы были такой правдивой, вы бы выгнали меня вон, потому что вы ненавидите меня, а между тем стараетесь сохранить любезную улыбку гостеприимной хозяйки.

— Это... только вежливость, привитая воспитанием, — сухо ответила Лоран.

— А если бы не вежливость, то выгнали бы? — И Равино вдруг засмеялся неожиданно высоким, лающим смехом. — Отлично! Очень хорошо! Вежливость не в ладу с правдивостью. Из вежливости, стало быть, можно поступаться правдивостью. Это раз. — И он загнул один палец. — Сегодня я спросил вас, как вы себя чувствуете, и получил ответ «прекрасно», хотя по вашим глазам видел, что вам впору удавиться. Следовательно, вы и тогда солгали. Из вежливости?

Лоран не знала, что сказать. Она должна была или еще раз солгать, или же сознаться в том, что решила скрывать свои чувства. И она молчала.

— Я помогу вам, мадемуазель Лоран, — продолжал Равино. — Это была, если так можно выразиться, маскировка самосохранения. Да или нет?

— Да, — вызывающе ответила Лоран.

— Итак, вы лжете во имя приличия — раз, вы лжете во имя самосохранения — два. Если продолжать этот разговор, боюсь, что у меня не хватит пальцев. Вы лжете еще из жалости. Разве вы не писали успокаивающие письма матери?

Лоран была поражена. Неужели Равино известно все? Да, ему действительно было все известно. Это также входило в его систему. Он требовал от своих клиентов, поставляющих ему мнимых больных, полных сведений как о причинах их помешания в его больницу, так и обо всем, что касалось самих пациентов. Клиенты знали, что это необходимо в их же интересах, и не скрывали от Равино самых ужасных тайн.

— Вы лгали профессору Керну во имя поруганной справедливости и желая наказать порок. Вы лгали во имя правды. Горький парадокс! И если подсчитать, то окажется, что ваша правда все время питалась ложью.

Равино метко бил в цель. Лоран была подавлена. Ей самой как-то не приходило в голову, что ложь играла такую огромную роль в ее жизни.

— Вот и подумайте, моя праведница, на досуге о том, сколько вы нагрешили. И чего вы добились своей правдой? Я скажу вам: вы добились вот этого самого пожизненного заключения. И никакие силы не выведут вас отсюда — ни земные, ни небесные. А ложь? Если уважаемого профессора Керна считать исчадием ада и отцом лжи, то он ведь продолжает прекрасно существовать.

Равино, не спускающий глаз с Лоран, внезапно замолчал. «На первый раз довольно, заряд дан хороший», — с удовлетворением подумал он и, не прощаясь, вышел.

Лоран даже не заметила его ухода. Она сидела, закрыв лицо руками.

С этого вечера Равино каждый вечер являлся к ней, чтобы продолжать свои иезуитские беседы. Расшатать моральные устои, а вместе с тем и психику Лоран сде-

лялось для Равино вопросом профессионального самолюбия.

Лоран страдала искренне и глубоко. На четвертый день она не выдержала, поднявшись с пылающим лицом, крикнула:

— Уходите отсюда! Вы не человек, вы демон!

Эта сцена доставила Равино истинное удовольствие.

— Вы делаете успехи, — ухмыльнулся он, не двигаясь с места. — Вы становитесь правдивее, чем раньше.

— Уйдите! — задыхаясь, проговорила Лоран.

«Великолепно, скоро драться будет», — подумал доктор и вышел, весело насвистывая.

Лоран, правда, еще не дралась и, вероятно, способна была бы драться только при полном омрачении сознания, но ее психическое здоровье подвергалось огромной опасности. Оставаясь наедине с собой, она с ужасом сознавала, что надолго ее не хватит.

А Равино не упускал ничего, что могло бы ускорить развязку. По вечерам Лоран начали преследовать звуки жалобной песни, исполняемой на неизвестном ей инструменте. Как будто где-то рыдала виолончель, иногда звуки поднимались до верхних регистров скрипки, потом вдруг, без перерыва, изменялась не только высота, но и тембр, и звучал уже как бы человеческий голос, чистый, прекрасный, но бесконечно печальный. Ноющая мелодия совершила своеобразный круг, повторялась без конца.

Когда Лоран услыхала эту музыку впервые, мелодия даже понравилась ей. Причем музыка была так нежна и тиха, что Лоран начала сомневаться, действительно ли где-то играет музыка, или же у нее развивается слуховая галлюцинация. Минуты шли за минутами, а музыка продолжала вращаться в своем заколдованным круге. Виолончель сменялась скрипкой, скрипка — рыдающим человеческим голосом... Тоскливо звучала одна нота в аккомпанементе. Через час Лоран была убеждена, что этой музыки не существует в действительности, что она звучит только в ее голове. От унылой мелодии некуда было деваться. Лоран закрыла уши, но ей казалось, что она продолжает слушать музыку — виолончель, скрипка, голос... виолончель, скрипка, голос...

— От этого с ума сойти можно, — шептала Лоран. Она начала напевать сама, старалась говорить с собой вслух, чтобы заглушить музыку, но ничего не помогало. Даже во сне эта музыка преследовала ее.

«Люди не могут играть и петь беспрерывно. Это, вероятно, механическая музыка... Наваждение какое-то», — думала она, лежа без сна с открытыми глазами и слушая бесконечный круг: виолончель, скрипка, голос... виолончель, скрипка, голос...

Она не могла дождаться утра и спешила убежать в парк, но мелодия уже превратилась в навязчивую идею. Лоран действительно начинала слышать незвучавшую музыку. И только крики, стоны и смех гуляющих в парке умалишенных несколько заглушали ее.

Новенький

Постепенно Мари Лоран дошла до такого расстройства нервов, что впервые в своей жизни стала помышлять о самоубийстве. На одной из прогулок она начала обдумывать способ покончить с собой и так углубилась в эти мысли, что не заметила сумасшедшего, который подошел близко к ней и, преграждая дорогу, сказал:

— Те хороши, которые не знают о неведомом. Все это, конечно, сентиментальность.

Лоран вздрогнула от неожиданности и посмотрела на больного. Он был одет, как все, в серый халат. Шатен, высокого роста, с красивым, породистым лицом, он сразу привлек ее внимание.

«По-видимому, новенький, — подумала она. — Брилсия в последний раз не более пяти дней тому назад. Но почему его лицо напоминает мне кого-то?..»

И вдруг молодой человек быстро прошептал:

— Я знаю вас, вы мадемуазель Лоран. Я видел ваш портрет у вашей матери.

— Откуда вы знаете меня? Кто вы? — спросила удивленно Лоран.

— В мире — очень мало. Я брат моего брата. А брат мой — я? — громко крикнул молодой человек.

Мимо прошел санитар, незаметно, но внимательно поглядывая на него.

Когда санитар прошел, молодой человек быстро прошептал:

— Я Артур Доуэль, сын профессора Доуэля. Я не безумный и представился безумным только для того, чтобы...

Санитар опять приблизился к ним.

Артур вдруг отбежал от Лоран с криком:

— Вот мой покойный брат! Ты — я, я — ты. Ты вошел в меня после смерти. Мы были двойниками, но умер ты, а не я.

И Доуэль погнался за каким-то меланхоликом, испуганным этим неожиданным нападением. Санитар кинулся вслед за ними, желая защитить маленького хилого меланхолика от буйного больного. Когда они добежали до конца парка, Доуэль, оставив жертву, повернулся обратно к Лоран. Он бежал быстрее санитара. Минута Лоран, Доуэль замедлил бег и докончил фразу.

— Я явился сюда, чтобы спасти вас. Будьте готовы сегодня ночью к побегу.— И, отскочив в сторону, заплясал вокруг какой-то иенормальной старушки, которая не обращала на него ни малейшего внимания. Потом он сел на скамью, опустил голову и задумался.

Он так хорошо разыграл свою роль, что Лоран не доумевала, действительно ли Доуэль только симулирует сумасшествие. Но надежда уже закралась в ее душу. Что молодой человек был сыном профессора Доуэля, она не сомневалась. Сходство с его отцом бросалось теперь в глаза, хотя серый больничный халат и небритое лицо значительно «обезличивали» Доуэля. И потом он узнал ее по портрету. Очевидно, он был у ее матери. Все это было похоже на правду. Так или иначе Лоран решила в эту ночь не раздеваться и ожидать своего неожиданного спасителя.

Надежда на спасение окрылила ее, придала ей новые силы. Она вдруг как будто проснулась после страшного кошмара. Даже назойливая песня стала звучать тише, уходить вдаль, растворяться в воздухе. Лоран глубоко вздохнула, как человек, выпущенный на свежий воздух из мрачного подземелья. Жажда жизни вдруг вспыхнула в ней с небывалой силой. Она хотела смеяться от радости. Но теперь, более чем когда-либо, ей необходимо было соблюдать осторожность.

Когда гонг прозвонил к завтраку, она постаралась сделать унылое лицо — обычное выражение в последнее время — и направилась к дому.

Возле входной двери как всегда, стоял доктор Равино. Он следил за больными, как тюремщик за арестантами, возвращающимися с прогулки в свои камеры. От его взгляда не ускользала ни одна мелочь: ни камень, припрятанный под халатом, ни разорванный халат, ни царапины на руках и лице больных. Но с особой внимательностью он следил за выражением их лиц.

Лоран, проходя мимо него, старалась не смотреть на него и опустила глаза. Она хотела скорее проколзнуть, но он на минуту задержал ее и еще внимательнее посмотрел в лицо.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Как всегда, — отвечала она.

— Это какая по счету ложь и во имя чего? — иронически спросил он и, пропустив ее, прибавил вслед: — Мы еще поговорим с вами вечерком.

«Я ждал меланхолии. Неужели она впадет в состояние экстаза? Очевидно, я что-то просмотрел в ходе ее мыслей и настроений. Надо будет доискаться...» — подумал он.

И вечером он пришел доискиваться. Лоран очень боялась этого свидания. Если она выдержит, оно может быть последним. Если не выдержит, она погибла. Теперь она в душе называла доктора Равино «великий инквизитор». И действительно, жили он несколько столетий тому назад, он мог бы с честью носить это звание. Она боялась его софизмов, его допроса с пристрастием, неожиданных вопросов-ловушек, поразительно-го знания психологии, его дьявольского анализа. Он был поистине «великий логик», современный Мефистофель, который может разрушить все моральные ценности и убить сомнениями самые непреложные истины.

И, чтобы не выдать себя, чтобы не погибнуть, она решила, собрав всю силу воли, молчать, молчать, что бы он ни говорил. Это был тоже опасный шаг. Это было объявление открытой войны, последний бунт само-сохранения, который должен был вызвать усиление атаки. Но выбора не было.

И когда Равино пришел, уставился по обыкновению своими круглыми глазами на нее и спросил: «Итак, во имя чего вы солгали?» — Лоран не произнесла ни звука. Губы ее были плотно сжаты, а глаза опущены. Равино начал свой инквизиторский допрос. Лоран то бледнела, то краснела, но продолжала молчать. Равино, — что с ним случалось очень редко, — начал терять терпение и злиться.

— Молчание — золото, — сказал он насмешливо. — Растеряв все свои ценности, вы хотите сохранить хоть эту добродетель безгласных животных и круглых идиотов, но вам это не удастся. За молчанием последует взрыв. Вы лопнете от злости, если не откроете предохранительного клапана обличительного красноречия. И какой смысл молчать? Как будто я не могу читать ваши мысли? «Ты хочешь свести меня с ума, — думаете вы сейчас, — но это тебе не удастся». Будем говорить откровенно. Нет, удастся, милая барышня. Испортить человеческую душонку для меня не труднее, чем повредить механизм карманных часов. Все винтики этой несложной машины я знаю наперечет. Чем больше вы будете сопротивляться, тем безнадежнее и глубже будет ваше падение во мрак безумия.

«Две тысячи четыреста шестьдесят один, две тысячи четыреста шестьдесят два...» — продолжала Лоран считать, чтобы не слышать того, что говорит ей Равино.

Неизвестно, как долго продолжалась бы эта пытка, если бы в дверь тихо не постучалась сиделка.

— Войдите, — недовольно сказал Равино.

— В седьмой палате больная, кажется, кончается, — сказала сиделка.

Равино неохотно поднялся.

— Кончается, тем лучше, — тихо проворчал он. — Завтра мы докончим наш интересный разговор, — сказал он и, приподняв голову Лоран за подбородок, насмешливо фыркнул и ушел.

Лоран тяжело вздохнула и почти без сил склонилась над столом.

А за стеной уже играла рыдающая музыка безнадежной тоски. И власть этой колдовской музыки была так велика, что Лоран невольно поддалась этому настроению. Ей уже казалось, что встреча с Артуром Доруэлем — только бред ее больного воображения, что

всякая борьба бесполезна. Смерть, только смерть избавит ее от мук. Она огляделась вокруг... Но самоубийства больных не входили в систему доктора Равино. Здесь не на чем было даже повеситься. Лоран вздрогнула. Неожиданно ей представилось лицо матери.

«Нет, нет, я не сделаю этого, ради нее не сделаю... хотя бы эту последнюю ночь... Я буду ждать Доуэля. Если он не придет...» — Она не додумала мысли, но чувствовала всем существом то, что случится с нею, если он не выполнит данного ей обещания.

Побег

Это была самая томительная ночь из всех проведенных Лоран в больнице доктора Равино. Минуты тянулись бесконечно и нудно, как доносившаяся в комнату знакомая музыка.

Лоран нервно прохаживалась от окна к двери. Из коридора послышались крадущиеся шаги. У нее забилось сердце. Забилось и замерло, — она узнала шаги дежурной сиделки, которая подходила к двери, чтобы заглянуть в волчок. Двухсотсвечовая лампа не гасла в комнате всю ночь. «Это помогает бессоннице», — решил доктор Равино. Лоран носнешьно, не раздеваясь, легла в кровать, прикрылась одеялом и притворилась спящей. И с ней случилось необычное: она, не спавшая в продолжение многих ночей, сразу уснула, утомленная до последней степени всем пережитым. Она спала всего несколько минут, но ей показалось, что прошла целая ночь. Испуганно вскочив, она побежала к двери и вдруг столкнулась с входящим Артуром Доуэлем. Он не обманул. Она едва удержалась, чтобы не вскрикнуть.

— Скорей, — шептал он. — Сиделка в западном коридоре. Идем.

Он схватил ее за руку и осторожно повел за собой. Их шаги заглушались стонами и криками больных, страдающих бессонницей. Бесконечный коридор кончился. Вот, наконец, и выход из дома.

— В парке дежурят сторожа, но мы прокрадемся мимо них... — быстро шептал Доуэль, увлекая Лоран в глубину парка.

— Но собаки...

— Я все время кормил их остатками от обеда, и они знают меня. Я здесь уже несколько дней, но избегал вас, чтобы не навлечь подозрения.

Парк тонул во мраке. Но у каменной стены на некотором расстоянии друг от друга, как вокруг тюрьмы, были расставлены горящие фонари.

— Вот там есть заросли... Туда...

Внезапно Доуэль леж на траву и дернулся за руку Лоран. Она последовала его примеру. Один из сторожей близко прошел мимо беглецов. Когда сторож удалился, они начали пробираться к стене.

Где-то заворчала собака, подбежала к ним и завиляла хвостом, увидев Доуэля. Он бросил ей кусок хлеба.

— Вот видите, — прошептал Артур, — самое главное сделано. Теперь нам осталось перебраться через стену. Я помогу вам.

— А вы? — спросила с тревогой Лоран.

— Не беспокойтесь, я за вами, — ответил Доуэль.

— Но что же я буду делать за стеной?

— Там нас ждут мои друзья. Все подготовлено. Ну, прошу вас, немного гимнастики.

Доуэль прислонился к стене и одной рукой помог Лоран взобраться на гребень.

Но в этот момент один из сторожей увидел ее и поднял тревогу. Внезапно весь сад осветился фонарями. Сторожа, ссывая друг друга и собак, приближались к беглецам.

— Прыгайте! — приказал Доуэль.

— А вы? — испуганно воскликнула Лоран.

— Да прыгайте же! — уже закричал он, и Лоран прыгнула. Чьи-то руки подхватили ее.

Артур Доуэль подпрыгнул, уцепился руками за верх стены и начал подтягиваться. Но два санитара схватили его за ноги. Доуэль был так силен, что почти приподнял их на мускулах рук. Однако руки соскользнули, и он упал вниз, подмяв под себя санитаров.

За стеной послышался шум заведенного автомобильного мотора. Друзья, очевидно, ожидали Доуэля.

— Уезжайте скорее. Полный ход! — крикнул он, борясь с санитарами.

Автомобиль ответно прогудел, и слышно было, как он умчался.

— Пустите меня, я сам пойду,— сказал Доуэль, перестав сопротивляться.

Однако санитары не отпустили его. Крепко сжав ему руки, они вели его к дому. У дверей стоял доктор Равино в халате, попыхивая папироской.

— В изоляционную камеру. Смирительную рубашку! — сказал он санитарам.

Доуэля привели в небольшую комнату без окон, все стены и пол которой были обиты матрацами. Сюда помещали во время припадков буйных больных. Санитары бросили Доуэля на пол. Вслед за ними в камеру вошел Равино. Он уже не курил. С руками, заложенными в карманы халата, он наклонился над Доуэлем и начал рассматривать его в упор своими круглыми глазами. Доуэль выдержал этот взгляд. Потом Равино кивнул головой санитарам, и они вышли.

— Вы неплохой симулянт,— обратился Равино к Доуэлю,— но меня трудно обмануть. Я разгадал вас в первый же день вашего появления здесь и следил за вами, но, признаюсь, не угадал ваших намерений. Вы и Лоран дорого поплатитесь за эту проделку.

— Не дороже, чем вы,— ответил Доуэль.

Равино зашевелил своими таракаными усами:

— Угроза?

— На угрозу,— лаконически бросил Доуэль.

— Со мною трудно бороться,— сказал Равино.— Я ломал не таких молокососов, как вы. Жаловаться властям? Не поможет, мой друг. Притом вы можете исчезнуть прежде, чем нагрянут власти. От вас не останется следа. Кстати, как ваша настоящая фамилия? Дюбарри — ведь это выдумка.

— Артур Доуэль, сын профессора Доуэля.

Равино был явно удивлен.

— Очень приятно познакомиться,— сказал он, желая скрыть за насмешкой свое смущение.— Я имел честь быть знакомым с вашим почтенным папашей.

— Благодарите бога, что у меня связаны руки,— отвечал Доуэль,— иначе вам плохо пришлось бы. И не смейте упоминать о моем отце... негодяй!

— Очень благодарю бога за то, что вы крепко связаны и надолго, мой дорогой гость!

Равино круто повернулся и вышел. Звонко щелкнул замок. Доуэль остался один.

Он не очень беспокоился о себе. Друзья не оставят его и вырвут из этой темницы. Но все же он сознавал опасность своего положения. Равино должен был прекрасно понимать, что от исхода борьбы между ним и Доуэлем может зависеть судьба всего его предприятия. Недаром Равино оборвал разговор и неожиданно ушел из камеры. Хороший психолог, он сразу разгадал, с кем имеет дело, и даже не пытался применять свои инквизиторские таланты. С Артуром Доуэлем приходилось бороться не психологией, не словами, а только решительными действиями.

Междурождением и смертью

Артур ослабил узлы, связывавшие его. Это ему удалось, потому что, когда его связывали смирительной рубашкой, он умышленно напружинил свои мышцы. Медленно начал он освобождаться из своих пеленок. Но за ним следили. И едва он сделал попытку вынуть руку, замок щелкнул, дверь открылась, вошли два санитара и перевязали его заново, на этот раз наложив поверх смирительной рубашки еще несколько ремней. Санитары грубо обращались с ним и угрожали побить, если он возобновит попытки освободиться. Доуэль не отвечал. Того перевязав его, санитары ушли.

Так как в камере окон не было и освещалась она электрической лампочкой на потолке, Доуэль не знал, наступило ли утро. Часы тянулись медленно. Равино пока ничего не предпринимал и не являлся. Доуэлю хотелось пить. Скоро он почувствовал приступы голода. Но никто не входил в его камеру и не приносил еды и питья.

«Неужели он хочет уморить меня голодом?» — подумал Доуэль. Голод мучил его все больше, но он не просил есть. Если Равино решил уморить его голодом, то незачем унижать себя просьбой.

Доуэль не знал, что Равино испытывает силу его характера. И, к неудовольствию Равино, Доуэль выдержал этот экзамен.

Несмотря на голод и жажду, Доуэль, долгое время проведший без сна, незаметно для себя уснул. Он спал безмятежно и крепко, не подозревая, что этим самым

доставит Равино новую неприятность. Ни яркий свет лампы, ни музыкальные эксперименты Равино не производили на Доуэля никакого впечатления. Тогда Равино прибегнул к более сильным средствам воздействия, которые он применял к крепким натурам. В соседней комнате санитары начали бить деревянными молотами по железным листам и трещать на особых трещотках. При этом адском грохоте обычно просыпались самые крепкие люди и в ужасе осматривались по сторонам. Но Доуэль, очевидно, был крепче крепких. Он спал как младенец. Этот необычайный случай поразил даже Равино.

«Поразительно, — удивлялся Равино, — и ведь этот человек знает, что жизнь его висит па волоске. Его не разбудят и трубы архангелов».

— Довольно! — крикнул он санитарам, и адская музыка прекратилась.

Равино не знал, что невероятный грохот пробудил Доуэля. Но, как человек большой воли, он овладел собой при первых проблесках сознания и ни одним вздохом, ни одним движением не обнаружил, что он уже не спит.

«Доуэля можно уничтожить только физически» — таков был приговор Равино.

А Доуэль, когда грохот прекратился, вновь уснул по-настоящему и проспал до вечера. Проснулся он свежим и бодрым. Голод уже меньше мучил его. Он лежал с открытыми глазами и, улыбаясь, смотрел на волчок двери. Там виднелся чей-то круглый глаз, внимательно наблюдавший за ним.

Артур, чтобы подразнить своего врага, начал напевать веселую песенку. Это было слишком даже для Равино. Первый раз в жизни он почувствовал, что не в состоянии овладеть чужой волей. Связанный, беспомощно лежащий на полу человек издевался над ним. За дверью раздалось какое-то шипение. Глаз исчез.

Доуэль продолжал петь все громче, но вдруг подерхнулся. Что-то раздражало его горло. Доуэль потянул носом и почувствовал запах. В горле и носоглотке щекотало, скоро присоединилась к этому режущая боль в глазах. Запах усиливался.

Доуэль похолодел. Он понял, что настал его смертный час. Равино отравил его хлором. Доуэль знал, что

он не в силах вырваться из туго связывавших его ремней и смирительной рубашки. Но в этот раз инстинкт самосохранения был сильнее доводов разума. Доуэль начал делать невероятные попытки освободиться. Он извивался всем телом, как червяк, выгибался, скручивался, катался от стены к стене. Но он не кричал, не молил о помощи, он молчал, крепко стиснув зубы. Омраченное сознание уже не управляло телом, и оно защищалось инстинктивно.

Затем свет погас, и Доуэль словно куда-то провалился...

Очнулся он от свежего ветра, который трепал его волосы. Необычайным усилием воли он постарался раскрыть глаза: на мгновение перед ним мелькнуло чье-то знакомое лицо, как будто Ларе, но в полицейском костюме. До слуха дошел шум автомобильного мотора. Голова трещала от боли. «Бред, но я, значит, еще жив», — подумал Доуэль. Веки его опять сомкнулись, но тотчас открылись вновь. В глаза больно ударили дневной свет. Артур прищурился и вдруг услышал женский голос:

— Как вы себя чувствуете?

По воспаленным векам Доуэля провели влажным куском ваты. Окончательно открыв глаза, Артур увидел склонившуюся над ним Лоран. Он улыбнулся ей и, осмотревшись, увидел, что лежит в той самой спальне, в которой некогда лежала Брике.

— Значит, я не умер? — тихо спросил Доуэль.

— К счастью, не умерли, но вы были на волоске от смерти, — сказала Лоран.

В соседней комнате послышались быстрые шаги, и Артур увидел Ларе. Он размахивал руками и кричал:

— Слыши разговор! Значит, ожил. Здравствуйте, мой друг! Как себя чувствуете?

— Благодарю вас, — ответил Доуэль и, почувствовав боль в груди, сказал: — Голова болит... и грудь...

— Много не говорите, — предупредил его Ларе, — вам вредно. Этот висельник Равино едва не отравил вас газом, как крысу в трюме корабля. Но, Доуэль, как мы великолепно провели его!

И Ларе начал смеяться так, что Лоран посмотрела на него с укоризной, опасаясь, как бы его слишком шумная радость не потревожила больного.

— Не буду, не буду,— ответил он, поймав ее взгляд.— Я сейчас расскажу вам все по порядку. Похитив мадемузель Лоран и немного подождав, мы поняли, что вам не удалось последовать за нею...

— Вы... слышали мой крик? — спросил Артур.

— Слышали. Молчите! И поспешили укатить, прежде чем Равино вышлет погоню. Возня с вами задержала его свору, и этим вы очень помогли нам скрыться незамеченными. Мы прекрасно знали, что вам там не поздоровится. Игра в открытую. Мы, то есть я и Шауб, хотели возможно скорее прийти к вам на помощь. Однако необходимо было сначала устроить мадемузель Лоран, а уж затем придумать и привести в исполнение план вашего спасения. Ведь ваше пленение было непредвиденным... Теперь и нам надо было во что бы то ни стало проникнуть за каменную ограду, а это, вы сами знаете, не легкое дело. Тогда мы решили поступить так: я и Шауб достали себе полицейские костюмы, подъехали на автомобиле и заявили, что мы явились для санитарного осмотра. Шауб изобразил даже мандат со всеми печатями. На наше счастье, у ворот стоял не постоянный привратник, а простой санитар, который, очевидно, не был знаком с инструкцией Равино, требовавшей при выпуске кого бы то ни было предварительно созвониться с ним по телефону. Мы держали себя на высоте положения и...

— Значит, это был не бред... — перебил Артур.— Я вспоминаю, что видел вас в форме полицейского и слышал шум автомобиля.

— Да, да, на автомобиле вас обдул свежий ветер, и вы пришли в себя, но потом впали в беспамятство. Так слушайте дальше. Санитар открыл нам ворота, мы вошли. Остальное сделать было нетрудно, хотя и не так легко, как мы предполагали. Я потребовал, чтобы нас провели в кабинет Равино. Но второй санитар, к которому мы обратились, был, очевидно, опытный человек. Он подозрительно оглядел нас, сказал, что доложит, и вошел в дом. Через несколько минут к нам вышел какой-то горбоносый человек в белом халате, с черепаховыми очками на носу...

— Ассистент Равино, доктор Буш.

Ларе кивнул головою и продолжал:

— Он объявил нам, что доктор Равино занят и что мы можем переговорить с ним, Бушем. Я настаивал на том, что нам необходимо видеть самого Равино. Буш повторял, что сейчас это невозможно, так как Равино находится у тяжелобольного. Тогда Шауб, не долго думая, взял Буша за руку вот так,— Ларе правой рукой взял за запястье своей левой руки,— и повернул вот этак. Буш вскрикнул от боли, а мы прошли мимо него и вошли в дом. Черт возьми, мы не знали, где находится Равино, и были в большом затруднении. По счастью, он сам в это время шел по коридору. Я узнал его, так как виделся с ним, когда привозил вас в качестве моего душевнобольного друга. «Что вам угодно?» — резко спросил Равино. Мы поняли, что нам нечего больше разыгрывать комедию, и, приблизившись к Равино, быстро вынули револьверы и направили их ему в лоб. Но в это время носатый Буш,— кто бы мог ожидать от этой развалины такой прыти! — ударил по руке Шауба, причем так сильно и неожиданно, что выбил револьвер, а Равино схватил меня за руку. Тут началась потеха, о которой, пожалуй, трудно и рассказать связно. На помощь к Равино и Бушу уже бежали со всех сторон санитары. Их было много, и они, конечно, быстро справились бы с нами. Но, на наше счастье, многих смущила полицейская форма. Они знали о тяжелом наказании за сопротивление полиции, а тем более, если оно сопряжено с насильственными действиями над представителями власти. Как Равино ни кричал, что наши полицейские костюмы — маскарад, большинство санитаров предпочитало роль наблюдателей, и только немногие осмелились положить руки на священный и неприкосновенный полицейский мундир. Вторым нашим козырем было огнестрельное оружие, которого не было у санитаров. Ну и, пожалуй, не меньшим козырем была наша сила, ловкость и отчаянность. Это и уравняло силы. Один санитар насыпал на Шауба, наклонившегося, чтобы поднять упавший револьвер. Шауб оказался большим мастером по части всяческих приемов борьбы. Он стряхнул с себя врага и, нанося ловкие удары, отбросил ногою револьвер, за которым уже протянулась чья-то рука. Надо отдать ему справедливость, он боролся с чрезвычайным хладнокровием и самообладанием. На моих плечах тоже повисли два сани-

тара. И неизвестно, чем окончилось бы это сражение, если бы не Шауб. Он оказался молодцом. Ему удалось-таки поднять револьвер, и, не долго думая, он пустил его в ход. Несколько выстрелов сразу охладили пыл санитаров. После того как один из них заорал, хватаясь за свое окровавленное плечо, остальные мигом ретировались. Но Равино не сдавался. Несмотря на то что мы приставили к обоим его вискам револьверы, он крикнул: «У меня тоже найдется оружие. Я прикажу своим людям стрелять в вас, если вы сейчас не уйдете отсюда!» Тогда Шауб, не говоря лишнего слова, стал выворачивать Равино руку. Этот прием вызывает такую чертовскую боль, что даже здоровенные бандиты реутут, как бегемоты, и становятся кроткими и послушными. У Равино кости хрустели, на глазах появились слезы, но он все еще не сдавался. «Что же вы смотрите? — кричал он стоявшим в отдалении санитарам. — К оружию!» Несколько санитаров побежали, вероятно, за оружием, другие снова подступили к нам. Я отвел на мгновение револьвер от головы Равино и сделал пару выстрелов. Слуги опять окаменели, кроме одного, который упал на пол с глухим стоном...

Ларе передохнул и продолжал:

— Да, горячее было дело. Ихстерпимая боль все более обессиливала Равино, а Шауб продолжал выкручивать его руку. Наконец Равино, корчась от боли, прокрипел: «Чего вы хотите?» — «Немедленной выдачи Артура Доуэля», — сказал я. «Разумеется, — скрипнув зубами, ответил Равино, — я узнал ваше лицо. Да отпустите же руку, черт возьми! Я проведу вас к нему...» Шауб отпустил руку ровно настолько, чтобы привести его в себя: он уже терял сознание. Равино провел нас к камере, в которой мы были заключены, и указал глазами на ключ. Я отпер двери и вошел в камеру в сопровождении Равино и Шауба. Глазам нашим представилось не-веселое зрелище: спеленатый, как младенец, мы корчились в последних судорогах, подобно полураздавленному червю. В камере стоял удушливый запах хлора. Шауб, чтобы не возиться больше с Равино, нанес ему легонький удар снизу в челюсть, от которого доктор покатился на пол, как куль. Мы сами, задыхаясь, вытащили вас из камеры и захлопнули дверь.

— А Равино? Он...

— Если задохнется, то беда не велика, решили мы. Но его, вероятно, освободили и привели в чувство после нашего ухода... Выбрались мы из этого осиного гнезда довольно благополучно, если не считать, что нам пришлось расстрелять оставшиеся патроны в собак... И вот вы здесь.

— Долго я пролежал без сознания?

— Десять часов. Врач только недавно ушел, когда ваш пульс и дыхание восстановились и он убедился, что вы вне опасности. Да, дорогой мой, — потирая руки, продолжал Ларе, — предстоят громкие процессы. Равино сидет на скамью подсудимых вместе с профессором Керном. Я этого дела не оставлю.

— Но прежде надо найти — живую или мертвую — голову моего отца, — тихо произнес Артур.

Опять без тела

Профессор Керн был так обрадован неожиданным возвращением Брике, что даже забыл побранить ее. Впрочем, было и не до того. Джону пришлось внести Брике на руках, причем она стонала от боли.

— Доктор, простите меня, — сказала она, увидав Керна. — Я не послушалась вас...

— И сами себя наказали, — ответил Керн, помогая Джону укладывать беглянку на кровать.

— Боже, я не сняла даже пальто.

— Позвольте, я помогу вам сделать это.

Керн начал осторожно снимать с Брике пальто, в то же время наблюдая за ней опытным глазом. Лицо ее необычайно помолодело и посвежело. От морщинок не осталось следа. «Работа желез внутренней секреции, — подумал он. — Молодое тело Анжелики Гай омолодило голову Брике».

Профессор Керн уже давно знал, чье тело похитил он в морге. Он внимательно следил за газетами и иронически посмеивался, читая о поисках «безвестно пропавшей» Анжелики Гай.

— Осторожнее... Нога болит, — поморщилась Брике, когда Керн повернул ее на другой бок.

— Допрыгались! Ведь я предупреждал вас.

Вошла сиделка, пожилая женщина с туповатым выражением лица.

— Разденьте ее, — кивнул Керн на Брике.

— А где же мадемуазель Лоран? — удивилась Брике.

— Ее здесь нет. Она больна.

Керн отвернулся, побарабанил пальцами по спинке кровати и вышел из комнаты.

— Вы давно служите у профессора Керна? — спросила Брике новую сиделку.

Та промыгала что-то непонятное, показывая на свой рот.

«Немая, — догадалась Брике. — И поговорить не с кем будет...»

Сиделка молча убрала пальто и ушла. Вновь появился Керн.

— Покажите вашу ногу.

— Я много танцевала, — начала Брике свою покаянную исповедь. — Скоро открылась ранка на подошве ноги. Я не обратила внимания...

— И продолжали танцевать?

— Нет, танцевать было больно. Но несколько дней я еще играла в теннис. Это такая очаровательная игра!

Керн, слушая болтовню Брике, внимательно осматривал ногу и все более хмурился. Нога распухла до колена и покернела. Он нажал в нескольких местах.

— О, больно!.. — вскрикнула Брике.

— Лихорадит?

— Да, со вчерашнего вечера.

— Так... — Керн вынул сигару и закурил. — Положение очень серьезное. Вот до чего доводит непослушание. С кем это вы изволили играть в теннис?

Брике смущалась:

— С одним... знакомым молодым человеком.

— Не расскажете ли вы мне, что вообще произошло с вами с тех пор, как вы убежали от меня?

— Я была у своей подруги. Она очень удивилась, увидав меня живою. Я сказала ей, что рана моя оказалась не смертельной и что меня вылечили в больнице.

— Про меня и... головы вы ничего не говорили?

— Разумеется, нет, — убежденно ответила Брике. — Странно было бы говорить. Меня сочли бы сумасшедшей.

Керн вздохнул с облегчением. «Все обошлось лучше, чем я мог предполагать», — подумал он.

— Но что же с моей ногой, профессор?

— Боюсь, что ее придется отрезать.

Глаза Брике засветились ужасом.

— Отрезать ногу! Мою ногу? Сделать меня калекой?

Керн самому не хотелось уродовать тело, добытое и оживленное с таким трудом. Да и эффект демонстрации много потеряет, если придется показывать калеку. Хорошо было бы обойтись без ампутации ноги, но едва ли это возможно.

— Может быть, мне можно будет приделать новую ногу?

— Не волнуйтесь, подождем до завтра. Я еще навещу вас, — сказал Керн и вышел.

На смену ему вновь пришла безмолвная сиделка. Она принесла чашку с бульоном и гренки. У Брике не было аппетита. Ее лихорадило, и она, несмотря на настойчивые мимические уговаривания сиделки, не смогла съесть больше двух ложек.

— Унесите, я не могу.

Сиделка вышла.

— Надо было измерить сначала температуру, — услышала Брике голос Керна, доносившийся из другой комнаты. — Неужели вы не знаете таких простых вещей? Я же говорил вам.

Вновь вошла сиделка и протянула Брике термометр.

Больная безропотно поставила термометр. И когда вынула его и взглянула, он показывал тридцать девять.

Сиделка записала температуру и уселась возле больной.

Брике, чтобы не видеть тупого и безучастного лица сиделки, повернула голову к стене. Даже этот незначительный поворот вызвал боль в ноге и внизу живота. Брике глухо застонала и закрыла глаза. Она подумала о Ларе: «Милый, когда я увижу его?..»

В девять часов вечера лихорадка усилилась, начался бред. Брике казалось, что она находится в каюте яхты. Волнение усиливается, яхту качает, и от этого в груди поднимается тошнотворный клубок и подступает к горлу... Ларе бросается на нее и душит. Она вскрики-

вает, мечется по кровати... Что-то влажное и холодное прикасается к ее лбу и сердцу. Кошмары исчезают.

Она видит себя на теннисной площадке вместе с Ларе. Сквозь легкую заградительную сетку синеет море. Солнце палит немилосердно, голова болит и кружится. «Если бы не так болела голова... Это ужасное солнце!.. Я не могу пропустить мяч...» — И она с напряжением следит за движениями Ларе, поднимающего ракетку для удара. «Плей!» — кричит Ларе, сверкая зубами на ярком солнце, и, прежде чем она успела отвернуться, бросает мяч. «Аут», — громко отвечает Брике, раздражаясь ошибке Ларе...

— Продолжаете играть в теннис? — слышит она чей-то неприятный голос и открывает глаза. Перед нею, наклонившись, стоит Керн и держит ее за руку. Он считает пульс. Потом осматривает ее ногу и неодобрительно качает головой.

— Который час? — спрашивает Брике, с трудом ворочая языком.

— Второй час ночи. Вот что, милая попрыгунья, вам придется ампутировать ногу.

— Что это значит?

— Отрезать.

— Когда?

— Сейчас. Медлить больше нельзя ни одного часа, иначе начнется общее заражение.

Мысли Брике путаются. Она слышит голос Керна как во сне и с трудом понимает его слова.

— И высоко отрезать? — говорит она почти безучастно.

— Вот так. — Керн быстро проводит ребром ладони внизу живота. От этого жеста у Брике холодаеет живот. Сознание ее все больше проясняется.

— Нет, нет, нет, — с ужасом говорит она. — Я не позволю! Я не хочу!

— Вы хотите умереть? — спокойно спрашивает Керн.

— Нет.

— Тогда выбирайте одно из двух.

— А как же Ларе? Ведь он меня любит... — лепечет Брике. — Я хочу жить и быть здоровой. А вы хотите отнять все... Вы страшный, я боюсь вас! Спасите! Спасите меня!..

Она уже вновь бредила, кричала и порывалась встать. Сиделка с трудом удерживала ее. Скоро на помощь был вызван Джон.

Тем временем Керн быстро работал в соседней комнате, приготавляясь к операции.

Ровно в два часа ночи Брике положили на операционный стол. Она пришла в себя и молча смотрела на Керна так, как смотрят на своего палача приговоренные к смерти.

— Пощадите, — наконец прошептала она. — Спасите...

Маска опустилась на ее лицо. Сиделка взялась за пульс. Джон все плотнее прижимал маску. Брике потеряла сознание.

Она пришла в себя в кровати. Голова кружилась. Ее тошнило. Смутно вспомнила об операции и, несмотря на страшную слабость, приподняв голову, взглянула на ногу и тихо простонала. Нога была отрезана выше колена и тую забинтована. Керн сдержал слово: он сделал все, чтобы возможно меньше изуродовать тело Брике. Он пошел на риск и произвел ампутацию с таким расчетом, чтобы можно было сделать протез.

Весь день после операции Брике чувствовала себя удовлетворительно, хотя лихорадка не прекращалась, что очень озабочивало Керна. Он заходил к ней каждый час и осматривал ногу.

— Что же я теперь буду делать без ноги? — спрашивала его Брике.

— Не беспокойтесь, я вам сделаю новую ногу, лучше прежней, — успокаивал ее Керн. — Танцевать будете. — Но лицо его хмурилось: нога покраснела выше ампутированного места и опухла.

К вечеру жар усилился. Брике начала метаться, стонать и бредить.

В одиннадцать часов вечера температура поднялась до сорока и шести десятых.

Керн сердито выбраницялся: ему стало ясно, что началось общее заражение крови. Тогда, не думая о спасении тела Брике, Керн решил отвоевать у смерти хотя бы часть экспоната. «Если промыть ее кровеносные суды антисептическим, а затем физиологическим раствором и пустить свежую, здоровую кровь, голова будет жить».

И он приказал вновь перенести Брике на операционный стол.

Брике лежала без сознания и не почувствовала, как острый скальпель быстро сделал надрез на шее, выше красных швов, оставшихся от первой операции. Этот надрез отделял не только голову Брике от ее прекрасного молодого тела. Он отсекал от Брике весь мир, все радости и надежды, которыми она жила.

Тома умирает во второй раз

Голова Тома хирела с каждым днем. Тома не был приспособлен для жизни одного сознания. Чтобы чувствовать себя хорошо, ему необходимо было работать, двигаться, поднимать тяжести, утомлять свое могучее тело, потом много есть и крепко спать.

Он часто закрывал глаза и представлял, что, напрягая свою спину, поднимает и носит тяжелые мешки. Ему казалось, что он ощущает каждый напряженный мускул. Ощущение было так реально, что он открывал глаза в надежде увидеть свое сильное тело. Но под ним по-прежнему виднелись только ножки стола.

Тома скрипел зубами и вновь закрывал глаза.

Чтобы развлечь себя, он начинал думать о деревне. Но тут же он вспоминал и о своей невесте, которая на-всегда была потеряна для него. Не раз он просил Керна поскорее дать ему новое тело, а тот с усмешкой отговаривался:

— Все еще не находится подходящего, потерпи немного.

— Уж хоть какое-нибудь завалившее тельце, — просил Тома: так велико было его желание вернуться к жизни.

— С завалившим телом ты пропадешь. Тебе надо здоровое тело, — отвечал Керн.

Тома ждал, дни проходили за днями, а его голова все еще торчала на высоком столике.

Особенно были мучительны ночи без сна. Он начал галлюцинировать. Комната вертелась, расстилался туман, и из тумана показывалась голова лошади. Всходило солнце. На дворе бегала собака, куры поднимали возню... И вдруг откуда-то вылетал ревущий грузовой

автомобиль и устремлялся на Тома. Эта картина повторялась без конца, и Тома умирал бесконечное количество раз.

Чтобы избавиться от кошмаров, Тома начинал шептать песни, — ему казалось, что он пел, — или считать.

Как-то его увлекла одна забава. Тома попробовал ртом задержать воздушную струю. Когда он затем внезапно открыл рот, воздух вырвался оттуда с забавным шумом.

Тома это понравилось, и он начал свою игру снова. Он задерживал воздух до тех пор, пока тот сам не прорывался через стиснутые губы. Тома стал поворачивать при этом язык: получались очень смешные звуки. А сколько секунд он может держать струю воздуха? Тома начал считать. Пять, шесть, семь, восемь... «Ш-ш-ш», — воздух прорвался. Еще... Надо довести до дюжины... Раз, два, три... шесть, семь... девять... одиннадцать, двенад...

Сжатый воздух вдруг ударили в нёбо с такой силой, что Тома почувствовал, как голова его приподнялась на своей подставке.

«Этак, пожалуй, слетиши со своего шестка», — подумал Тома.

Он скосил глаза и увидел, что кровь разлилась по стеклянной поверхности подставки и капала на пол. Очевидно, воздушная струя, подняв его голову, ослабила трубы, вставленные в кровеносные сосуды шеи. Голова Тома пришла в ужас: неужели конец? И действительно, сознание начало мутиться. У Тома появилось такое чувство, будто ему не хватает воздуха; это кровь, питавшая его голову, уже не могла проникнуть в его мозг в достаточном количестве, принося живительный кислород. Он видел свою кровь, чувствовал свое медленное угасание. Он не хотел умирать! Сознание цеплялось за жизнь. Жить во что бы то ни стало! Дождаться нового тела, обещанного Керном...

Тома старался осадить свою голову вниз, сокращая мышцы шеи, пытался раскачиваться, но только ухудшал свое положение: стеклянные наконечники трубок еще больше выходили из вен. С последними проблемами сознания Тома начал кричать, кричать так, как он не кричал никогда в жизни.

Но это уже не был крик. Это было предсмертное хрипение...

Когда чутко спавший Джон проснулся от этих незнакомых звуков и вбежал в комнату, голова Тома едва шевелила губами. Джон, как умел, установил голову на место, всадил трубки поглубже и тщательно вытер кровь, чтобы профессор Керн не увидел следов ночного происшествия.

Утром голова Брике, отделенная от тела, уже стояла на своем старом месте, на металлическом столике со стеклянной доской, и Керн приводил ее в сознание.

Когда он «промыл» голову от остатков испорченной крови и пустил струю нагретой до тридцати семи градусов свежей, здоровой крови, лицо Брике порозовело. Через несколько минут она открыла глаза и, еще не понимая, уставилась на Керна. Потом с видимым усилием посмотрела вниз, и глаза ее расширились.

— Опять без тела... — прошептала голова Брике, и глаза ее наполнились слезами. Теперь она могла только шипеть: горловые связки были перерезаны выше старого сечения.

«Отлично, — подумал Керн, — сосуды быстро наполняются влагой, если только это не остаточная влага в слезных каналах. Однако на слезы не следует терять драгоценную жидкость».

— Не плачьте и не печальтесь, мадемузель Брике. Вы жестоко наказали сами себя за ваше непослушание. Но я вам сделаю новое тело, лучше прежнего, потерпите еще несколько дней.

И, отойдя от головы Брике, Керн подошел к голове Тома.

— Ну, а как поживает наш фермер?

Керн вдруг нахмурился и внимательно посмотрел на голову Тома. Она имела очень плохой вид. Кожа потемнела, рот был полуоткрыт. Керн осмотрел трубки и напустился с бранью на Джона.

— Я думал, Тома спит, — оправдывался Джон.

— Сам ты проспал, осел!

Керн стал возиться около головы.

— Ах, какой ужас!.. — шипела голова Брике. — Он умер. Я так боюсь покойников... Я тоже боюсь умереть... Отчего он умер?

— Закрой у нее кран с воздушной струей! — сердито приказал Керн.

Брике умолкла на полуслове, но продолжала испуганно и умоляюще смотреть в глаза сиделки, беспомощно шевеля губами.

— Если через двадцать минут я не верну голову к жизни, ее останется только выбросить, — сказал Керн.

Через пятидцать минут голова подала некоторые признаки жизни. Всчи и губы ее дрогнули, но глаза смотрели тупо, бессмысленно. Еще через две минуты голова произнесла несколько бессвязных слов. Керн уже торжествовал победу. Но голова вдруг опять замолкла. Ни один нерв не дрожал на лице.

Керн посмотрел на термометр:

— Температура трупа. Кончено!

И, забыв о присутствии Брике, он со злобой дернул голову за густые волосы, сорвал со столика и бросил в большой металлический таз.

— Вынести ее на ледник... Надо будет произвести вскрытие.

Негр быстро схватил таз и вышел. Голова Брике смотрела на него расширенными от ужаса глазами.

В кабинете Керна зазвонил телефон. Керн со злобой швырнул на пол сигару, которую собирался закурить, и ушел к себе, сильно хлопнув дверью.

Звонил Равино. Он сообщил о том, что отправил Керну с нарочным письмо, которое им должно быть уже получено.

Керн сошел вниз и сам вынул письмо из дверного почтового ящика. Поднимаясь по лестнице, Керн нервно разорвал конверт и начал читать. Равино сообщал, что Артур Доуэль, проникнув в его лечебницу под видом больного, похитил мадемуазель Лоран и бежал сам.

Керн оступился и едва не упал на лестнице.

— Артур Доуэль!.. Сын профессора... Он здесь? И он, конечно, знает все...

Объявился новый враг, который не даст ему покоя. В кабинете Керн сжег письмо и зашагал по ковру, обдумывая план действий. Уничтожить голову профессора Доуэля? Это он может всегда сделать в одну минуту. Но голова еще нужна ему. Необходимо только будет принять меры к тому, чтобы эта улика не попа-

лась на глаза посторонним. Возможен обыск, вторжение врагов в его дом. Потом... потом необходимо ускорить демонстрацию головы Брике. Победителей не судят. Что бы ни говорили Лоран и Артур Доуэль, Керну легче будет бороться с ними, когда его имя будет окружено ореолом всеобщего признания и уважения.

Керн снял телефонную трубку, вызвал секретаря научного общества и просил заехать к нему для переговоров об устройстве заседания, на котором он, Керн, будет демонстрировать результаты своих новейших работ. Затем Керн позвонил в редакции крупнейших газет и просил прислать интервьюеров.

«Надо устроить газетную шумиху вокруг величайшего открытия профессора Керна... Демонстрацию можно будет произвести дня через три, когда голова Брике несколько придет в себя после потрясения и привыкнет к мысли о потере тела. Ну-с, а теперь...»

Керн прошел в лабораторию, порылся в шкафчиках, вынул шприц, бунзеновскую горелку, взял вату, коробку с надписью «Парафин» и отправился к голове профессора Доуэля.

Заговорщики

Домик Ларе служил штаб-квартирой «заговорщиков»: Артура Доуэля, Ларе, Шауба и Лоран. На общем совете было решено, что Лоран рискованно возвращаться в свою квартиру. Но так как Лоран хотела скорее повидаться с матерью, то Ларе отправился к мадам Лоран и привез ее в свой домик.

Увидев дочь живой и невредимой, старушка едва не лишилась чувств от радости; Ларе пришлось подхватить ее под руку и усадить в кресло.

Мать и дочь поместились в двух комнатах третьего этажа. Радость мадам Лоран омрачилась только тем, что Артур Доуэль, «спаситель» ее дочери, все еще лежал больной. К счастью, он не слишком долго подвергался действию удущивого газа. Брал свое и его исключительно здоровый организм.

Мадам Лоран и ее дочь по очереди дежурили у постели больного. За это время Артур Доуэль очень подружился с Лоранами, а Мари Лоран ухаживала за ним

более чем внимательно; не будучи в силах помочь голове отца, Лоран переносила свои заботы на сына. Так ей казалось. Но была еще причина, которая заставляла ее неохотно уступать своей матери место сиделки. Артур Доузель был первый мужчина, поразивший ее девичье воображение. Знакомство с ним произошло в романтической обстановке, — он, как рыцарь, похитил ее, освободив из страшного дома Равино. Трагическая судьба его отца налагала и на него печать трагичности. А его личные качества — мужественность, сила и молодость — завершали очарование, которому трудно было не поддаться.

Артур Доузель встречал Мари Лоран не менее ласковым взглядом. Он лучше разбирался в своих чувствах и не скрывал от себя, что его ласковость не только долг большого по отношению к своей внимательной сиделке.

Нежные взгляды молодых людей не ускользали от окружающих. Мать Лоран делала вид, что ничего не замечает, хотя, по-видимому, она вполне одобряла выбор своей дочери. Шауб, в своем увлечении спортом прерывательно относившийся к женщинам, улыбался насмешливо и в душе жалел Артура, а Ларе тяжело вздыхал, видя зарю чужого счастья, и невольно вспоминал прекрасное тело Анжелики, причем теперь на этом теле он чаще представлял голову Брике, а не Гай. Он даже сам досадовал на себя за эту «измену», но оправдывал себя тем, что здесь играет роль только закон ассоциации: голова Брике всюду следовала за телом Гай.

Артур Доузель не мог дождаться того времени, когда доктор разрешит ему ходить. Но Артуру было разрешено только говорить, не поднимаясь с кровати, причем окружающим был дан приказ беречь легкие Доузеля.

Ему волей-неволей пришлось взять на себя роль председателя, выслушивающего мнение других и только кратко возражающего или резюмирующего «прения».

А прения бывали бурные. Особенную горячность вносили Ларе и Шауб.

Что делать с Равино и Керном? Шауб почему-то облюбовал себе в жертву Равино и развивал планы «разбойных нападений» на него.

— Мы не успели добить эту собаку. А ее необходимо уничтожить. Каждое дыхание этого пса оскверняет землю! Я успокоюсь только тогда, когда удушу его собственными руками. Вот вы говорите, — горячился он, обращаясь к Доуэлю, — что лучше предоставить все это дело суду и палачу. Но ведь Равино сам нам говорил, что у него власти на откупе.

— Местные, — вставлял слово Доуэль.

— Подождите, Доуэль, — вмешивался в разговор Ларе. — Вам вредно говорить. И вы, Шауб, не о том толкуете, о чем нужно. С Равино мы всегда сумеем посчитаться. Ближайшей нашей целью должно быть раскрытие преступления Керна и обнаружение головы профессора Доуэля. Нам надо каким бы то ни было способом проникнуть к Керну.

— Но как вы проникнете? — спросил Артур.

— Как? Ну, как проникают взломщики и воры.

— Вы не взломщик. Это тоже искусство не малое...

Ларе задумался, потом хлопнул себя по лбу:

— Мы пригласим на гастроли Жана. Ведь Брике открыла мне, как другу, тайну его профессии. Он будет польщен! Единственный раз в жизни совершил взлом дверных замков не из корыстных побуждений.

— А если он не столь бескорыстен?

— Мы уплатим ему. Он может только проложить нам дорогу и скрыться с театральных подмостков, прежде чем мы вызовем полицию, а это мы, конечно, сделаем.

Но здесь его пыл охладил Артур Доуэль. Тихо и медленно он начал говорить:

— Я думаю, что вся эта романтика в данном случае не нужна. Керн, вероятно, уже знает от Равино о моем прибытии в Париж и участии в похищении мадемуазель Лоран. Значит, мне больше нет оснований хранить инкогнито. Это первое. Затем, я сын... покойного профессора Доуэля и потому имею законное право, как говорят юристы, вступить в дело, потребовать судебного расследования, обыска...

— Опять судебного, — безнадежно махнул рукой Ларе. — Запутают вас судебные крючки, и Керн вывернется.

Артур закашлял и невольно поморщился от боли в груди.

— Вы слишком много говорите, — заботливо сказала мадам Лоран, сидевшая подле Артура.

— Ничего, — ответил он, растирая грудь. — Это сейчас пройдет...

В этот момент в комнату вошла Мари Лоран, чем-то сильно взволнованная.

— Вот читайте, — сказала она, протягивая Доуэлю газету.

На первой странице крупным шрифтом было напечатано:

СЕНСАЦИОННОЕ ОТКРЫТИЕ ПРОФЕССОРА КЕРНА

Второй подзаголовок — более мелким шрифтом:

Демонстрация оживленной человеческой головы.

В заметке сообщалось о том, что завтра вечером в научном обществе выступает с докладом профессор Керн. Доклад будет сопровождаться демонстрацией оживленной человеческой головы.

Далее сообщалась история работ Керна, перечислялись его научные труды и произведенные им блестящие операции.

Под первой заметкой была помещена статья за подпись самого Керна. В ней в общих чертах излагалась история его опытов оживления голов — сначала собак, а затем людей.

Лоран с напряженным вниманием следила то за выражением лица Артура Доуэля, то за взглядом его глаз, переходивших со строчки на строчку. Доуэль сохранял внешнее спокойствие. Только в конце чтения на лице его появилась и исчезла скорбная улыбка.

— Не возмутительно ли? — воскликнула Мари Лоран, когда Артур молча вернул газету. — Этот негодяй ни одним словом не упоминает о роли вашего отца во всем этом «сенсационном открытии». Нет, этого я так не могу оставить! — Щеки Лоран пылали. — За все, что сделал Керн со мной, с вашим отцом, с вами, с теми несчастными головами, которые он воскресил для ада бесцелесного существования, он должен понести наказание. Он должен дать ответ не только перед судом,

но и перед обществом. Было бы величайшей несправедливостью допустить его торжествовать хотя бы один час.

— Что же вы хотите? — тихо спросил Доуэль.

— Испортить ему триумф! — горячо ответила Лоран. — Явиться на заседание научного общества и всенародно бросить в лицо Керну обвинение в том, что он убийца, преступник, вор...

Мадам Лоран не на шутку была встревожена. Только теперь она поняла, как сильно расшатаны нервы ее дочери. Впервые мать видела свою кроткую, сдержанную дочь в таком возбужденном состоянии. Мадам Лоран пыталась ее успокоить, но девушка как будто ничего не замечала вокруг. Она вся горела негодованием и жаждой мести. Ларе и Шауб с удивлением глядели на нее. Своей горячностью и неукротимым гневом она превзошла их. Мать Лоран умоляюще посмотрела на Артура Доуэля. Он поймал этот взгляд и сказал:

— Ваш поступок, мадемуазель Лоран, какими бы благородными чувствами он ни диктовался, безрассу...

Но Лоран прервала его:

— Есть безрассудство, которое стоит мудрости. Не подумайте, что я хочу выступить в роли героини-обличительницы. Я просто не могу поступить иначе. Этого требует мое нравственное чувство.

— Но чего вы достигнете? Ведь вы не можете сказать обо всем этом судебному следователю?

— Нет, я хочу, чтобы Керн был посрамлен публично! Керн воздвигает себе славу на несчастье других, на преступлениях и убийствах! Завтра он хочет пожать лавры славы. И он должен пожать славу, заслуженную им.

— Я против этого поступка, мадемуазель Лоран, — сказал Артур Доуэль, опасаясь, что выступление Лоран может слишком потрясти ее нервную систему.

— Очень жаль, — ответила она. — Но я не откажусь от него, если бы даже против меня был целый мир. Вы еще не знаете меня!

Артур Доуэль улыбнулся. Эта юная горячность нравилась ему, а сама Мари, с раскрасневшимися щеками, еще больше.

— Но ведь это же будет необдуманным шагом,— начал он снова.— Вы подвергаете себя большому риску...

— Мы будем защищать ее! — воскликнул Ларе, поднимая руку с таким видом, как будто он держал шпагу, готовую для удара.

— Да, мы будем защищать вас,— громогласно поддержал друга Шауб, потрясая в воздухе кулаком.

Мари Лоран, видя эту поддержку, с упреком посмотрела на Артура.

— В таком случае я также буду сопровождать вас,— сказал он.

В глазах Лоран мелькнула радость, но тотчас же она нахмурилась.

— Вам нельзя... Вы еще нездоровы.

— А я все-таки пойду.

— Но...

— И не откажусь от этой мысли, если бы целый мир был против меня. Вы еще не знаете меня,— улыбаясь, повторил он се слова.

Испорченный триумф

В день научной демонстрации Керн особенно тщательно осмотрел голову Брике.

— Вот что,— сказал он ей, закончив осмотр.— Сегодня в восемь вечера вас повезут в многолюдное собрание. Там вам придется говорить. Отвечайте кратко на вопросы, которые вам будут задавать. Не болтайтeli лишнего. Поняли?

Керн открыл воздушный кран, и Брике прошипела:

— Поняла, но я просила бы... позвольте...

Керн вышел, не дослушав ее.

Волнение его все увеличивалось. Предстояла нелегкая задача — доставить голову в зал заседания научного общества. Малейший толчок мог оказаться роковым для жизни головы.

Был приготовлен специально приспособленный автомобиль. Столик, на котором помещалась голова со всеми аппаратами, поставили на особую площадку, снабженную колесами для передвижения по ровному полу и ручками для переноса по лестницам. Наконец

все было готово. В семь часов вечера отправились в путь.

...Громадный белый зал был залит ярким светом. В партере преобладали седины и блестящие лысины мужей науки, облаченных в черные фраки и сюртуки. Поблескивали стекла очков. Ложи и амфитеатр представлены были избранной публике, имеющей то или иное отношение к ученному миру.

Роскошные наряды дам, сверкающие бриллианты напоминали обстановку концертного зала при выступлении мировых знаменитостей.

Сдержаненный шум ожидающих начала зрителей наполнял зал.

Возле эстрады за своими столиками оживленным муравейником хлопотали корреспонденты газет, очиная карандаши для стенографической записи.

Справа был установлен ряд киноаппаратов, чтобы запечатлеть на ленте все моменты выступления Керна и оживленной головы. На эстраде разместился почетный президиум из наиболее крупных представителей учченого мира. Посреди эстрады возвышалась кафедра. На ней микрофон для передачи по радио речей по всему миру. Второй микрофон стоял перед головой Брике. Она возвышалась на правой стороне эстрады. Умело и умеренно наложенный грим придавал голове Брике свежий и привлекательный вид, слаживая тяжелое впечатление, которое должна была производить голова на неподготовленных зрителей. Сиделка и Джон стояли возле ее столика.

Мари Лоран, Артур Доуэль, Ларе и Шауб сидели в первом ряду, в двух шагах от помоста, на котором стояла кафедра. Один только Шауб, как никем не «расшифрованный», был в своем обычном виде. Лоран явилась в вечернем туалете и в шляпе. Она низко держала голову, прикрываясь полями шляпы, чтобы Керн при случайном взгляде не узнал ее. Артур Доуэль и Ларе явились загримированными. Их черные бороды и усы были сделаны артистически. Для большей конспиративности было решено, что они друг с другом «не знакомы». Каждый сидел молча, рассеянным взглядом окидывая соседей. Ларе был в подавленном состоянии: он едва не потерял сознание, увидев голову Брике.

Ровно в восемь часов на кафедру взошел профессор Керн. Он был бледнее обычного, но полон достоинства.

Собрание приветствовало его долго не смолкавшими аплодисментами.

Киноаппарат затрещал. Газетный муравейник затих. Профессор Керн начал доклад о мнимых своих открытиях.

Это была блестящая по форме и ловко построенная речь. Керн не забыл упомянуть о предварительных, очень ценных работах безвременно скончавшегося профессора Доуэля. Но, воздавая дань работам покойного, он не забывал и о своих «скромных заслугах». Для слушателей не должно было оставаться никакого сомнения в том, что вся честь открытия принадлежит ему, профессору Керну.

Его речь несколько раз прерывалась аплодисментами. Сотни дам направляли на него бинокли и лорнеты. Бинокли и монокли мужчин с не меньшим интересом устремлялись на голову Брике, которая принужденно улыбалась.

По знаку профессора Керна сиделка открыла кран, пустила воздушную струю, и голова Брике получила возможность говорить.

— Как вы себя чувствуете? — спросил ее старичок ученый.

— Благодарю вас, хорошо.

Голос Брике был глухой и хрипкий, сильно пущенная струя воздуха издавала свист, звук был почти лишен модуляций, тем не менее выступление головы произвело необычайное впечатление. Такую бурю аплодисментов не всегда приходилось слышать и мировым артистам. Но Брике, которая когда-то упивалась лаврами от своих выступлений в маленьких кабачках, на этот раз только устало опустила веки.

Волнение Лоран все увеличивалось. Ее начинала трясти нервная лихорадка, и она крепко скжала зубы, чтобы они не стали отбивать дробь. «Пора», — несколько раз говорила она себе, но каждый раз ей не хватало решимости. Обстановка подавляла ее. После каждого пропущенного момента она старалась успокоить себя

мыслью, что чем выше будет вознесен профессор Керн, тем ниже будет его падение.

Начались речи.

На кафедру взошел седенький старичок, один из крупнейших ученых.

Слабым, надтреснутым голосом он говорил о гениальном открытии профессора Керна, о всемогуществе науки, о победе над смертью, о счастье общаться с такими умами, которые дарят миру величайшие научные достижения.

И в тот момент, когда Лоран меньше всего этого ожидала, какой-то вихрь долго сдерживаемого гнева и ненависти подхватил и унес ее. Она уже не владела собой.

Она бросилась на кафедру, сдвинув с ног ошеломленного старичка, почти сбросила его, заняла его место и со смертельно бледным лицом и лихорадочно горящими глазами фурии, преследующей убийцу, задыхающимся голосом начала свою пламенную сумбурную речь.

Весь зал всколыхнулся при ее появлении.

В первое мгновение профессор Керн смутился и сделал невольное движение в сторону Лоран, как будто желая удержать ее. Потом он быстро обернулся к Джону и шепнул ему на ухо несколько слов. Джон выскользнул в дверь.

В общем замешательстве никто на это не обратил внимания.

— Не верьте ему! — кричала Лоран, указывая на Керна. — Он вор и убийца! Он украл труды профессора Доуэля! Он убил Доуэля! Он и сейчас работает с его головой. Он мучает и пыткой заставляет продолжать научные опыты, а потом выдает их за свои открытия... Мне сам Доуэль говорил, что Керн отравил его...

В публике смятение переходило в панику. Многие повскакали с мест. Даже некоторые корреспонденты уронили карандаши и застыли в ошеломленных позах. Только кинооператор усиленно крутит ручку аппарата, радуясь неожиданному трюку, который обеспечивал ленте успех сенсации.

Профессор Керн вполне овладел собой. Он стоял спокойно, с улыбкой сожаления на лице. Дождавшись момента, когда нервная спазма сдавила горло Лоран,

он воспользовался наступившей паузой, повернулся к стоявшим у дверей контролерам аудитории и сказал им властно:

— Уведите ее! Неужели вы не видите, что она в припадке безумия?

Контролеры бросились к Лоран. Но прежде чем они успели пробраться к ней через толпу, Ларе, Шауб и Доуэль подбежали к ней и вывели в коридор. Керн проводил всю группу подозрительным взглядом.

В коридоре Лоран пытались задержать полицейские, но молодым людям удалось вывести ее на улицу и усадить в автомобиль. Они уехали.

Когда волнение несколько улеглось, профессор Керн взошел на кафедру и извинился перед собранием «за печальный инцидент».

— Лоран — девочка нервная и истерическая. Она не вынесла тех сильных переживаний, которые ей приходилось испытывать, проводя день за днем в обществе искусственно оживленной мною головы трупа Брике. Психика Лоран надломилась. Она сошла с ума...

Эта речь была прослушана при жуткой тишине зала:

Раздалось несколько хлопков, но они были заглушены шиканьем. Будто веяние смерти пронеслось над залом. И сотни глаз теперь уже смотрели на голову Брике с ужасом и жалостью, как на выходца из могилы... Настроение собравшихся было испорчено безнадежно. Многие из публики ушли, не ожидая окончания. Наскоро прочитали заранее заготовленные речи, приветственные телеграммы, акты об избрании профессора Керна почетным членом и доктором различных институтов и академий наук, и собрание было закрыто.

За спину профессора Керна появился негр и, не заметно кивнув ему, стал готовить к обратной отправке голову Брике, сразу поблекшую, усталую и испуганную.

Оставшись один в закрытом автомобиле, профессор Керн дал волю своей злобе. Он сжимал кулаки, скрипел зубами и так бранился, что шофер несколько раз сдерживал ход автомобиля и спрашивал по слуховой трубке:

— Алло?

Последнее свидание

Утром, на другой день после злополучного выступления Керна в научном обществе, Артур Доуэль явился к начальнику полиции, назвал себя и заявил, что он просит произвести обыск в квартире Керна.

— Обыск в квартире профессора Керна уже был произведен минувшей ночью,— сухо ответил начальник полиции.— Никаких результатов этот обыск не дал. Заявление мадемузель Лоран, как и следовало ожидать, оказалось плодом ее расстроенного воображения. Разве вы не читали об этом в утренних газетах?

— Почему вы так легко предположили, что заявление мадемузель Лоран является плодом расстроенного воображения?

— Потому что, сами посудите,— отвечал начальник полиции,— это совершенно немыслимая вещь, и потом обыск подтвердил...

— Вы допрашивали голову мадемузель Брике?

— Нет, мы не допрашивали никаких голов,— ответил начальник полиции.

— Напрасно! Она также могла бы подтвердить, что видела голову моего отца. Она лично сообщила мне об этом. Я настаиваю на производстве вторичного обыска.

— Не имею к этому никаких оснований,— резко ответил начальник полиции.

«Неужели подкуплен Керном?» — подумал Артур.

— И потом,— продолжал начальник полиции,— вторичный обыск может только возбудить общественное негодование. Общество достаточно уже возмущено выступлением этой сумасшедшей Лоран. Имя профессора Керна у всех на устах. Он получает сотни писем и телеграмм с выражением соболезнования ему и негодования на поступок Лоран.

— И тем не менее я настаиваю, что Керн совершил несколько преступлений.

— Нельзя необоснованно бросать такие обвинения,— нравоучительно сказал начальник полиции.

— Так дайте же мне возможность обосновать их,— возразил Доуэль.

— Эта возможность уже была предоставлена вам. Властиами был произведен обыск.

— Если вы категорически отказываетесь, я принужден буду обратиться к прокурору, — сказал Артур решительно и поднялся.

— Ничего не могу для вас сделать, — ответил начальник полиции, тоже поднимаясь.

Упоминание о прокуроре, однако, произвело свое действие. Немного подумав, он сказал:

— Я, пожалуй, мог бы сделать распоряжение о производстве вторичного обыска, но, так сказать, неофициальным порядком. Если обыск даст новые данные, тогда я донесу об этом прокурору.

— Обыск должен быть произведен в присутствии моем, мадемуазель Лоран и моего друга Ларе.

— Не слишком ли много?

— Нет, все эти лица могут оказать существенную пользу.

Начальник полиции развел руками и, вздохнув, сказал:

— Хорошо! Я командирую нескольких агентов полиции в ваше распоряжение. Приглашу и следователя.

В одиннадцать часов утра Артур уже звонил у двери Керна.

Негр Джон приоткрыл тяжелую дубовую дверь, не снимая цепочки.

— Профессор Керн не принимает.

Выступивший полицейский заставил Джона пропустить неожиданных гостей в квартиру.

Профессор Керн встретил их в своем кабинете, принял вид оскорблённой добродетели.

— Прощу вас, — сказал он ледяным тоном, широко распахнув двери лаборатории и бросив мельком уничтожающий взгляд на Лоран.

Следователь, Лоран, Артур Доузель, Керн, Ларе и двое полицейских вошли.

Знакомая обстановка, с которой было связано столько тягостных переживаний, взволновала Лоран. Сердце ее сильно забилось.

В лаборатории находилась только голова Брике. Ее щеки, лишенные румян, были темно-желтого цвета мумии. Увидя Лоран и Ларе, она улыбнулась и заморгала глазами. Ларе с ужасом и содроганием отвернулся.

Вошли в смежную с лабораторией комнату.

Там находилась наголо обритая голова пожилого человека с громадным мясистым носом. Глаза этой головы были скрыты за совершенно черными очками. Губы слегка подергивались.

— Глаза болят... — пояснил Керн. — Вот и все, что я могу вам предложить, — добавил он с иронической улыбкой.

И действительно, при дальнейшем осмотре дома, от подвала до чердака, других голов не обнаружили.

На обратном пути вновь пришлось проходить через комнату, где помещалась толстоносая голова. Разочарованный Доуэль направился уже было к следующей двери, а за ним двинулись к выходу следователь и Керн.

— Подождите! — остановила их Лоран.

Подойдя к голове с толстым носом, она открыла воздушный кран и спросила:

— Кто вы?

Голова шевелила губами, но голос не звучал. Лоран пустила более сильную струю воздуха.

Послышался шипящий шепот:

— Кто это? Вы, Керн? Откройте же мне уши! Я не слышу вас...

Лоран заглянула в уши головы и вытащила оттуда плотные куски ваты.

— Кто вы? — повторила она вопрос.

— Я был профессором Доуэлем.

— Но ваше лицо? — задохнулась Лоран от волнения.

— Лицо?.. — Голова говорила с трудом. — Да... меня лишили даже моего лица... Маленькая операция... парофин введен под кожу носа... Увы, моим остался только мой мозг в этой изуродованной черепной коробке... но и он отказывается служить... Я умираю... наши опыты несовершенны... хотя моя голова прожила больше, чем я рассчитывал теоретически.

— Зачем у вас очки? — спросил следователь, приблизившись.

— Последнее время коллега не доверяет мне, — и голова попыталась улыбнуться. — Он лишает меня возможности слышать и видеть... Очки не прозрачные... чтобы я не выдал себя перед нежелательными для него посетителями... Снимите же мне очки...

Лоран дрожащими руками сняла очки.

— Мадемуазель Лоран... вы? Здравствуйте, друг мой!.. А ведь Керн сказал, что вы уехали... Мне плохо... работать больше не могу... Коллега Керн только вчера милостиво объявил мне амнистию... Если я сам не умру сегодня, он обещал завтра освободить меня...

И вдруг, увидав Артура, который стоял в стороне, словно оцепенев, без кровинки в лице, голова радостно произнесла:

— Артур!.. Сын!..

На мгновение тусклые глаза ее прояснились.

— Отец, дорогой мой! — Артур шагнул к голове. — Что с тобой сделали?..

Он пошатнулся. Ларе поддержал его.

— Вот... хорошо... Еще раз мы свиделись с тобой... после моей смерти... — просипела голова профессора Доуэля.

Голосовые связки почти не работали, язык плохо двигался. В паузах воздух со свистом вылетал из горла.

— Артур, поцелуй меня в лоб... если тебе... не... не- приятно...

Артур наклонился и поцеловал.

— Вот так... теперь хорошо...

— Профессор Доуэль, — сказал следователь, — можете ли вы сообщить нам об обстоятельствах вашей смерти?

Голова перевела на следователя потухающий взгляд, видимо плохо понимая, в чем дело. Потом, поняв, медленно скосила глаза на Лоран и прошептала:

— Я ей... говорил... она знает все.

Губы головы перестали шевелиться, а глаза заволоклись дымкой.

— Конец!.. — сказала Лоран.

Некоторое время все стояли молча, подавленные происшедшими.

— Ну что ж, — прервал тягостное молчание следователь, и, обернувшись к Керну, произнес: — Прощу следовать за мною в кабинет! Мне надо снять с вас допрос.

Когда дверь за ними захлопнулась, Артур тяжело опустился на стул возле головы отца и закрыл лицо ладонями:

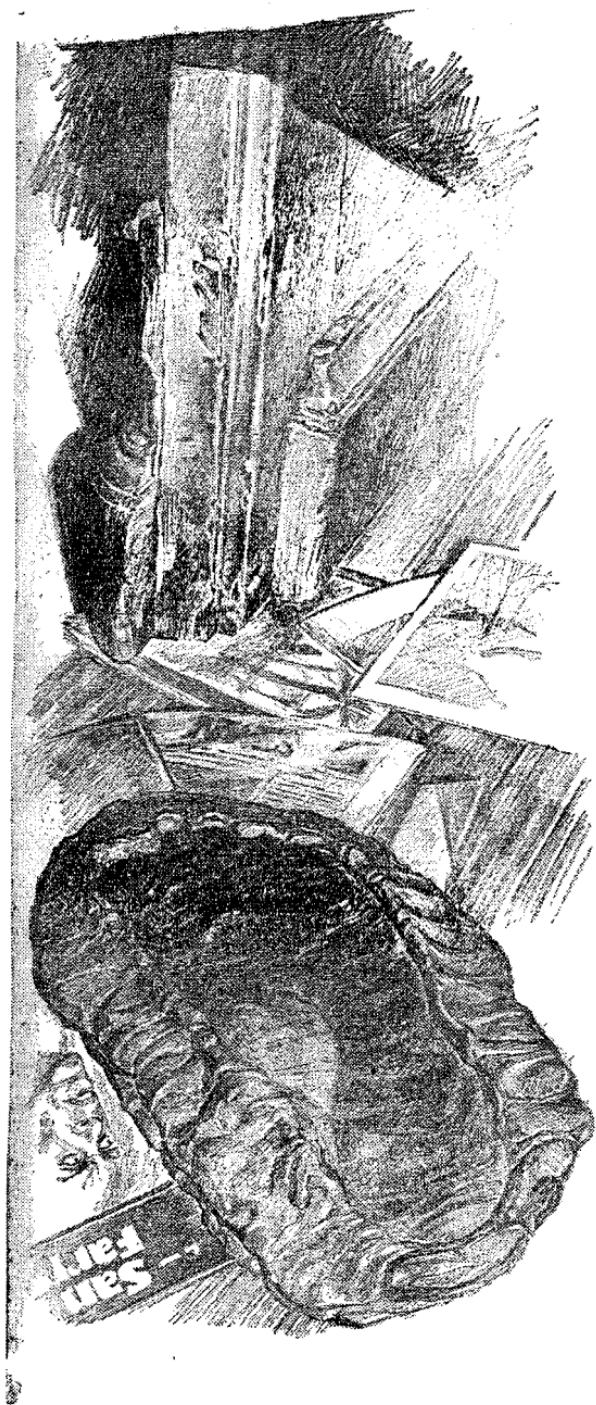
— Бедный, бедный отец!

Лоран мягко положила ему руку на плечо. Артур порывисто поднялся и крепко пожал ей руку.

Из кабинета Керна раздался выстрел.

Последний человек из Атлантиды

Как была открыта Атлантида

I. Подводная экспедиция

— Это мысль!

Отложив книгу в сторону, мистер Солли еще раз повторил:

— Да. Это мысль! — И погрузился в раздумье.

Мистер Солли — удачливый нью-йоркский фабрикант и биржевик, нажившийся на военных поставках во время мировой войны.

Война — прекрасная вещь для таких людей. Чем выше росли горы трупов на полях сражений, тем больше округлялся текущий счет мистера Солли. К концу войны мистер Солли «стоил» несколько миллиардов долларов.

Но когда он достиг вершины финансового могущества, с ним случилась неприятная история. Роскошные победы, обильно орошающие тонкими винами, вызвали заболевание мозговых судов. И он слег от мозгового удара, когда менее всего ожидал этого. У него отнялись правая рука и нога. Удар был легкий, и при тщательном медицинском уходе через несколько месяцев больной оправился. Паралич, казалось, прошел. Но врач категорически запретил мистеру Солли возвращаться к коммерческой деятельности.

— Довольно, поработали, — сказал врач. — Если вы хотите сохранить здоровье, вы должны совершенно изменить образ жизни. Путешествуйте, занимайтесь коллекционированием, благотворительностью — одним словом, чем хотите, лишь бы заполнить ваше время и развлечься, но избегайте

умственного и нервного напряжения. Иначе я не отвечаю за вашу жизнь.

После такого ультиматума перед мистером Солли встал нелегкий вопрос: чем наполнить жизнь и как использовать свои несметные богатства?

Он был одинок. Это еще больше осложняло положение. Ему не о ком было заботиться, кроме как о самом себе.

Ехать в Африку и охотиться на львов, как это сделал Рузвельт?

Слишком сильные ощущения такого спорта не привлекали Солли.

Благотворительность?

Одна мысль об этом вызывала на его жирном, красном лице гримасу брезгливости. Слишком избито, пошло. Написать чек на сотню тысяч долларов в пользу университета, чтобы потом полюбоваться на свой портрет в газете? Пустое и скучное занятие.

Мистер Солли попробовал заняться коллекционированием. Начал скупать картины старых итальянских мастеров. Но все эти Леонардо да Винчи и Рафаэли, очевидно, не учли американского спроса. Большинство уников¹ было уже скуплено. Оскандалившись с покупкой «подлинного» Корреджио, оказавшегося ловкой подделкой, Солли почувствовал отвращение к живописи.

Потом следовали коллекции австралийских бумерангов, китайских колокольчиков... Коллекция, составленная из трехсот пятидесяти видов живых блох, собранных со всех стран мира, заставила говорить о себе некоторое время. Но все это было не то... Нужно было найти что-нибудь выдающееся, что, быть может, обесцертило бы его имя.

Вкусив от плодов богатства и власти, мистер Солли втайне мечтал и о славе. Но как купить ее? Это было совсем не так просто, как с биржевыми акциями.

И вот, когда он уже терял надежду найти достойную его цель жизни, простой случай пришел на помощь.

¹ Уник — редкий, единственный в своем роде предмет.

Личный секретарь мистера Солли случайно оставил на письменном столе пеструю книжку с серыми и голубыми полосками обложки. Это был томик на французском языке: «Роже Девинь. Исчезнувший материк. Атлантида, шестая часть света».

Миллионер, скучая, просмотрел эту книгу, но несколько строк остановили его внимание.

«Необходимо создать, — писал автор, — экспедицию из кораблей всех наций для исследования Атлантического океана, чтобы найти священную землю, в которой спят общие предки древнейших наций Европы, Африки и Америки».

«Подводная экспедиция для отыскания Атлантиды... Это идея!»

Закурив сигару, мистер Солли погрузился в честолюбивые мечты. Он, мистер Генри Солли, открывает этот исчезнувший материк. Он будет новым Колумбом. Он водрузит звездное американское знамя на этом исчезнувшем материке. А коллекции со дна океана! Там уж, наверно, не будет подделок. Все уники неизмеримой ценности. «Недурное помещение для капитала, — мелькнула мысль, привыкшая ко всему подходить с коммерческим расчетом. — И слава, слава...»

Да, решительно над этим следует подумать. Надо изучить вопрос. Мистер Солли осмотрел приложенную библиографию в конце книги: «Одна коллекция книг в Смитсонианском институте содержит более 50000 томов...»

«Ну, это уж слишком! — мистер Солли поморщился, представив себе эти груды книг. — Впрочем, для чего существуют ученые? Мы поручим им сделать необходимые выборки. А пока познакомимся с Девинем».

Забыв даже о строгом режиме врача, мистер Солли засиделся за полночь, погруженный в чтение книги.

Пришедший на другое утро личный секретарь мистер Картер увидел своего патрона необычайно оживленным и был ошеломлен его словами.

— Картер! Мы отправляемся в подводную экспедицию разыскивать Атлантиду...

Картер широко открыл глаза, потом покосился на оставленный вчера томик Девиня и понял все.

«Уж лучше бы блох своих ловил», — подумал Картер. Ему совсем не улыбалась эта экспедиция. Он только недавно был помолвлен.

Но с обычной любезностью он промолвил:
— К вашим услугам, сэр.

II. *Атлантида и Мэри*

Работа закипела. Мистер Солли был неузнаваем. Апатия и вялость исчезли бесследно. С утра до вечера он совещался с учеными, инженерами, моряками. Солли входил во все мелочи и проявлял свои недюжинные практические и организаторские способности.

Инженеры вырабатывали типы подводных кораблей. Воплощалась в жизнь фантазия Жюля Верна об открытии Атлантиды «Наутилусом» капитана Немо. Солли забраковал проект постройки одного большого подводного корабля.

— Он нам может понадобиться лишь в конце, когда Атлантида будет найдена. И потом большие субмарины¹ дорогоньки даже для моего кармана. Нам нужны ищечки, флотилия мелких судов, которые будут рыскать под волнами океана и производить предварительные изыскания.

Остановились на типе небольшой подводной лодки и стали вырабатывать ее конструкцию.

На подводных лодках предполагалось устроить окна из толстого стекла и сильные прожекторы для наблюдения изнутри судна. В дне корпуса должны были находиться отверстия, через которые на дно океана могли бы опускаться особые зонды для исследования почв. Наконец, особые люки могли выбрасывать и забирать обратно водолазов. С надводным миром предполагалось поддерживать постоянную связь при помощи радио. Решили построить пять таких субмарин. Смета все росла, но это не смущало Солли. По его плану суда необходимо было построить в два года; расходы могли быть покрыты одними процентами с его капитала. Первая лодка должна была быть готова через полгода. Если ей посчастливится, остальные можно будет и не строить.

¹ Субмарины — подводные лодки.

Несмотря на все эти кипучие сборы, дело могло расстроиться и только потому, что в судьбу открытия Атлантиды оказалась замешанной судьба белокурой Мэри, невесты Картера. Секретарь миллиардера был так же увлечен ею, как Солли Атлантидой. В ее лице Атлантида приобрела сильную соперницу.

Картер смотрел на затею Солли, как на одну из его причуд, которые могут пройти так же быстро, как прошли его другие увлечения. Но эта причуда могла надолго оторвать его от мисс Мэри Ривс.

И он повел тайную интригу, чтобы разрушить эту затею. Он уверял врача, что увлечение Солли Атлантидой вредно для его здоровья. Он умышленно осложнял работу, чтобы оттянуть отъезд. Он разыскивал профессоров, которые не верили в существование Атлантиды, и просил их уговорить старика Солли отказаться от его затеи. Он поднял целую кампанию в печати. Большинство ученых осмеивали фантазерство Солли. Газеты помещали карикатуры. Но Солли был непреклонен.

К несчастью Картера, Солли нашел в лице профессора Ларисона фанатичного сторонника экспедиции.

Старик Ларисон, с шарообразным, безволосым чепром и узкими веселыми глазками, переселился к Солли и прямо гипнотизировал его своими возбужденными речами об Атлантиде, ее несметных богатствах, погребенных на дне океана.

Потеряв всякую надежду расстроить экспедицию, Картер заявил Солли в одно утро о своем уходе.

— Как, вы покидаете меня в такую минуту? — спросил Солли огорченно. — Но какая причина?

Все это было сказано с таким искренним огорчением, что Картер после некоторого колебания решил сказать правду.

— Я предполагаю скоро вступить в брак и не нахожу возможным в такое время отправиться в экспедицию, которая займет, может быть, несколько лет.

Солли опустил голову. Потом он вдруг вскочил с кресла и, махнув обеими руками, закричал:

— Так за чем дело стало! Женитесь скорей и берите ее с собой!

«С собой...» — это была новая мысль, которая еще не приходила Картеру в голову. — И согласится ли Мэри?

Неожиданно для него Мэри согласилась принять участие в экспедиции и даже выразила живейший интерес.

Мэри перестала быть опасной для Атлантиды.

III. В поисках Атлантиды

Прошло еще три года. Годы разочарований и обманутых надежд. Уже четыре года субмарины бороздили пучины Атлантического океана между северо-западными берегами Африки и восточными берегами Северной и Южной Америки. Было сделано много интересных геологических и палеонтологических находок, но следов Атлантиды не находилось. Целые отряды водолазов зондировали дно морское на сотни метров вглубь, но везде находили только вулканический туф, кристаллизовавшийся под давлением воды, гранит и глинистый сланец.

Участники экспедиции были явно утомлены. У Мэри Картер значительно остыл интерес к Атлантиде.

Ее муж проклинал Атлантиду, Ларисона и Солли. Но хороший оклад удерживал его в экспедиции. Сам Солли временами впадал в сомнение. Расходы росли, ему давно пришлось тронуть основной капитал, и он, Солли, «стоил» уже намного меньше, чем до экспедиции.

Подводная экспедиция Солли вначале возбудила громадный интерес. На время Атлантида стала самой модной темой. О ней читались бесчисленные лекции, велись ученые споры. Некоторым мерещились богатства, погребенные на дне океана. Поднимался даже вопрос об основании акционерного общества для ведения совместных с Солли работ. Но простой расчет заставил подождать результатов экспедиции Солли. А эти результаты пока были плачевны. Газеты и журналы писали об экспедиции все холоднее, потом перешли к выслушиванию, высчитыванию, сколько стоит «миф об Атлантиде», и наконец замолчали совершенно. Это для Солли было хуже всего. В довершение неприятностей

он потерял часть состояния, заключенного в нефтяных акциях.

Дальнейшее «закапывание денег в океан», как писали в газетах, грозило ему разорением.

Солли стал молчалив и раздражителен.

Не унывал один Ларисон.

— Все наши неудачи ничего не доказывают. Просто мы допустили ошибку в исследованиях. Но эту ошибку легко исправить. Дело в том, что до сих пор мы ковыряли только вершины вулканических гор Атлантиды. Вспомните, что еще Платон упоминал об этих высоких горах. Города лежали у их подошвы. Следовательно, чтобы искать их, нужно опуститься по крайней мере на три тысячи метров глубины в долины, лежащие на дне океана, и проделать в почве несколько глубоких косых траншей. И мы найдем Атлантиду. Она ждала вас десятки тысяч лет, и неужели теперь, когда вы так близко от нее и от славы! — да, от славы! — вы бросите все?

Хитрый Ларисон давно нашел слабую струнку Солли. Слава!

— Сколько она стоит? То есть сколько это будет стоить еще? — спросил он.

Стали подсчитывать. Работы на дне океана стоили безумно дорого. Но упорство и привычка рисковать заставили Солли решиться на этот шаг.

Для последних исследований выбрали местность на 12° северной широты и 40° западной долготы.

На дно были опущены громадные воздушные колокола, так как на глубине трех тысяч метров давление воды было слишком велико для работы водолазов. Сверла, приводимые в движение электричеством с кораблей, стоящих на поверхности океана, бурили и дробили землю, которая через герметические люки выбрасывалась из колокола. Несколько раз вода проникала под колокол. Шесть рабочих уже поплатились жизнью. Все труднее было найти охотников на место выбывших, все дороже оплачивался труд. Три месяца шла эта упорная работа. Героические усилия экспедиции привлекли вновь к ней внимание «надземного мира». Неутомимый Ларисон энергично руководил работами на дне океана. Солли большую часть времени проводил на плавучем доке, устроенном около места

работ, — на открытом воздухе. Пребывание в подводных лодках было для него тяжело. Зато морской воздух очень укрепил его здоровье. Физически он чувствовал себя прекрасно. Но это лечение обошлось ему не дешево. В одно утро, посидев над счетами и подведя баланс, он увидел, что ему хватит средств продолжать работу только на два месяца. А дальше — конец. Он разорен и вдобавок опозорен, как старый фантазер и мечтатель.

Вечером, когда Ларисон, усталый, но бодрый и шумный, как всегда, поднялся к нему со дна океана, Солли поведал печальную новость.

Ларисон в первый раз почувствовал себя растерянным.

Он никогда не думал, что этот золотой мешок может иссякнуть. Но Ларисон был слишком поглощен своими работами, чтобы предаваться отчаянию.

— Этого не может быть!

— То есть как не может быть? Вот посмотрите итог.

— Не может этого быть, говорю я, чтобы работа прекратилась на самом интересном месте. Мы дошли до мягкого туфа. Работать легче. И только сегодня я нашел что-то чертовски напоминающее кусок черепицы от крыши. Деньги? Их надо достать!

— Но как?

Ларисон пожал плечами и ушел к себе. Он долго писал в этот вечер, сделал кое-какие распоряжения и наутро, наскоро позавтракав, нырнул «к себе» на дно океана.

IV. Неожиданная помощь

Два роковых месяца были на исходе. Солли занимался тем, что подсчитывал, что останется ему на скромную жизнь, когда он бросит «глупую затею» с Атлантидой и ликвидирует ее. Вызванный управляющий делал ему доклад. После ликвидации овечьих ранчо в Техасе оставались кое-какие крохи в несколько сот тысяч долларов.

Солли в задумчивости пускал струи дыма, рисуя картину своего будущего. Он уедет в уединенное име-

ние в южных штатах и будет доживать свой век в полном одиночестве. С африканского берега тянуло горячим дыханием раскаленных пустынь.

Вдруг на севере показался ряд кораблей. Когда они подошли, Солли увидел разевающиеся вымпелы.

— Это что еще за флотилия?

Он не знал, что это шла неожиданная международная помощь. Ларисон не дремал. Он написал горячее воззвание в газеты разных стран с призывом ко всему культурному человечеству помочь экспедиции «во имя науки». Его горячо написанное воззвание произвело впечатление. Был сформирован вспомогательный флот, корабли которого подходили теперь к плавучему маяку. Солли давно уже не читал газет: «Ничего, кроме неприятностей». И потому не знал о воззвании Ларисона.

Помощь пришла вовремя, и работа закипела с удвоенным темпом. Вскоре были найдены неоспоримые следы Атлантиды: каменная кладка из черных, белых и красных камней, хорошо сохранившихся в водонепроницаемом слое. Открытие произвело необычайную сенсацию во всем мире. Почти все государства, словно желая наверстать потерянное, приняли участие в раскопках.

Работа шла медленно, но теперь это уже была не слепая работа крота.

Каждый месяц приносил все более радостные новости. Солли, оживший и вновь повеселевший, проплывал на сумбарине вдоль места работ и в окно иллюминатора глядел, как из синевы океана, освещенной прожектором, показывались то полуразрушенный ряд колонн, сквозь которые проплывали рыбы, мягко шевеля плавниками, то стены дома, то покосившийся портик храма...

На пятом году экспедиции были найдены развалины храма Посейдона, а в них — громадная библиотека, состоящая из бронзовых полированных пластин, на которых были выгравлены надписи. Надписи прекрасно сохранились. Их удалось расшифровать одному русскому ученому-лингвисту. Постепенно Атлантида раскрывала свои тайны: храмы, пирамиды, статуи, дома, бронзовое оружие, утварь и бесчисленное количество «бронзовых книг» атлантов.

По окончании раскопок была создана международная конференция из представителей дипломатии и научного мира для разрешения вопроса о судьбе извлеченных со дна океана ценнейших археологических коллекций.

Было решено не дробить «центральное ядро» археологического материала, дающее полное, почти исчерпывающее представление об Атлантиде, ее цивилизации и жизни. Но между Европой и Америкой завязался горячий спор: кому владеть этим ядром?

В конце концов спор был разрешен в пользу Америки, но в виде уступки Европе там был создан Международный музей Атлантиды.

Это было грандиозное здание, построенное в стиле атлантов и состоявшее из трехсот шестидесяти громадных залов, наполненных статуями, утварью, предметами культа и тому подобным. К этому главному зданию примыкал ряд других: Международный институт по изучению Атлантиды и библиотека, включавшая уже более двухсот тысячи томов книг по Атлантиде.

Первая речь на торжественном открытии этого музея и института была представлена профессору Ларисону. Она продолжалась более шести часов и была прослушана с захватывающим интересом. Мистер Солли также не был забыт на этом торжестве, и его самолюбие было удовлетворено. Ведь в конце концов его скуча и лишние деньги помогли открыть Атлантиду.

Дубликатов археологических находок было достаточно, чтобы создать богатейшие музеи в Европе. Среди них самыми полными и богатыми оказались музеи Москвы, Парижа и Лондона.

На этом мы и закончим краткую историю открытия Атлантиды. Далее идет уже история самой Атлантиды. Эту историю написал неутомимый старик Ларисон. Такой энтузиаст, как Ларисон, не мог написать сухого ученого трактата. Он написал скорее роман, чем историю. Но роман, в котором каждое положение основано на научных данных. К сожалению, Ларисон неожиданно умер, и рукопись, о которой знали многие из его друзей, считалась потерянной. Лишь недавно она была найдена среди хлама на чердаке его уединенного дома.

Рукопись снабжена примечаниями Ларисона, которые мы сохранили. Вот эта рукопись.

Последний человек из Атлантиды

Предисловие

Я пишу для себя. На изучение Атлантиды я потратил долгие годы. Я слишком сжился с нею. Я бродил среди развалин Атлантиды на дне океана. Там передо мною проносились картины ее былого величия и ужасного конца. По многим документам, найденным на дне океана и на поверхности земли в различных странах, я познакомился с судьбой ее обитателей и даже отдельных лиц. И у меня явилась непреодолимая потребность записать все это. Я не предполагаю печатать эту рукопись.

Моя повесть об Атлантиде слишком научна для романа и слишком романтична для науки.

Но я не могу не написать ее, потому что эти видения преследуют меня, как галлюцинации.

Может быть, описав их, я буду с большим спокойствием продолжать свои научные работы.

Профессор Ларисон.

I. Атлантида

Солнце склонилось к западу. Вечерний береговой ветер доносил до самого корабля ароматы цветущих апельсиновых деревьев, магнолий и душистых горных трав.

Пассажиры вышли на верхнюю палубу пятиэтажного корабля и любовались величественной картиной.

Перед ними дремали в лучах горячего солнца берега великой Атлантиды.

У самого берега возвышался знаменитый Посейдонский маяк¹ — одно из мировых чудес. Он имел форму конуса, усеченная вершина которого, казалось, упиралась в небесный свод. Маяк был сложен из громадных каменных кубов красного, черного и белого цвета, расположенных красивым узором. Вокруг маяка спиралью вилась широкая дорога, по которой свободно проезжало рядом шесть колесниц.

День и ночь по винтовой дороге тянулись повозки. Одни из них доставляли смолистые деревья на вершину маяка, другие увозили обратно пепел и угли. На верху маяка была круглая площадка, на которой свободно мог разместиться целый городок. Здесь были огромные запасы дров, ямы для пепла и углей, решетки для костров и цепляя система шлифованных вогнутых бронзовых зеркал. Смолистое дерево, смешанное с серой и нефтью, давало яркое пламя, которое не могла погасить даже буря. На случай ливня был установлен бронзовый навес. Бронзо-

¹ Большинство имен собственных мною взято из языка атлантов. Но некоторые имена (Посейдонис, Атлантида и др.) оставлены в том правописании, которое установилось со временем Платона, как более знакомое современникам. — Ларисон.

вые зеркала, как сильные конденсаторы, собирали свет и бросали лучи в океан на много десятков миль.

Маяк стоял у гавани, окруженный садами, среди которых были разбросаны дома кубической формы из камней черного, красного и белого цвета. Дальше почва постепенно возвышалась, переходя в горную цепь.

На склонах горы, как расплавленное золото, сверкали под солнцем своей бронзовой облицовкой здания Посейдониса — столицы мира и Атлантиды. Еще выше, как сторожевой дозор, высился полукруг гигантских гор со снежными вершинами.

А вдоль всей горной цепи протянулось одно из самых чудесных произведений искусства атлантов, создание великого ваятеля Атлантиды — Адиширны-Гуанча: бог Солнца, изображенный в виде полулежащего на левом боку юноши. В правой руке, протянутой вдоль бедра, он держал рог, из которого низвергался громадный водопад. Опершись на локоть, он протянул раскрытую ладонь левой руки и с улыбкой рассматривал расположенные на ней храмы с великим храмом Посейдониса посередине, громадные пирамиды и обелиски. Вся фигура бога была высечена из горной цепи. Требовалось два с половиной дня пути, чтобы пройти от склоненного локтя статуи до конца ноги. Десятки тысяч рабов трудились над нею.

Статуя эта с моря, на расстоянии нескольких часов пути от берега, производила необычайное, ни с чем не сравнимое впечатление. Громадные храмы и пирамиды на ладони статуи казались прекрасными маленькими игрушками.

Снежные вершины окаймляли статую бога Солнца, как белое облако, утопавшее в синеве тропического неба.

Пассажиры с немым благоговением смотрели на эту величественную панораму.

— Да, велик бог Атлантиды, — задумчиво сказал один из них.

Он сидел на золотом троне, под полосатым балдахином, в шелковой пурпуровой одежде, вышитой яркими узорами. Красные рубины сверкали на его одежде, как угли, в лучах заходящего солнца. Черная

длинная борода его на щеках была завита в мелкие кольца, а ниже заплеталась в жгуты. На голове конусообразная тиара была усыпана драгоценными камнями.

Это был владыка далекого Ашура, один из царей, подвластных Атлантиде.

Он приехал с обычными дарами на праздник Солнца.

Корабль входил в бухту.

Матросы опускали громадные пурпуровые паруса, на которых разноцветными шелками были вышиты крылатые быки. И паруса падали вдоль мачт, построенных в форме «Л», как на сложенный дождевой зонтик. Один ряд за другим гребцы опускали тяжелые весла, обитые тонкими листами бронзы. Только в самом нижнем ярусе весла ударяли еще по воде под ритмические звуки флейты.

Наконец был опущен и небольшой носовой треугольный парус. Он затрепетал на ветру, как крылья бабочки, и замер.

Корабль входил в широкий канал, берега которого были облицованы белым камнем.

Канал проходил через три гавани, лежащие одна за другой. При приближении корабля к первой гавани послышались громкие звуки громадных бронзовых труб морской стражи.

Шесть таможенных барок, плоских, с заостренными и приподнятыми мысами и короткими мачтами в форме «Л», подплыли и остановились полукругом около прибывшего корабля. На барках стояли солдаты с длинными пиками, короткими мечами и в касках из полированной бронзы.

Начальник морской стражи вошел на палубу корабля.

Он протянул руку в знак почтения — свободные атланты не падали на колени даже перед царями — и просил продолжать путь. Весла вновь мерно опустились в воду.

Но вот канал неожиданно оборвался, и корабль вошел в Большую Гавань Посейдониса, освещенную заходящим солнцем. Ветер трепал флаги на верхушках цеплого леса мачт. Крик человеческих голосов, звуки песен, скрип воротов, лязг бронзовых цепей сливались в однообразный шум.

Корабль проследовал дальше, в большой канал длиною в девять километров. По берегам канала протянулись дома, храмы, склады, богатейшие поля маиса и пшеницы, орошаемые сетью мелких каналов. Среди зелени садов были разбросаны низкие белые кубообразные дома из белого, красного и черного камней, сложенных простым, но красивым узором.

Направо, в последних лучах заходящего солнца, возвышалось здание Морской Биржи с высокими обелисками, испещренными надписями. Перед нею шумела и волновалась толпа, разноплеменная, пестрая: скандинавы, даже здесь не оставлявшие своих меховых одежд со скрытыми под ними коварными мечами; азиаты в красных колпаках и длинных одеждах, расписанных золотом; нубийцы — продавцы слоновой кости в конических тиарах, звенящие своими амулетами; желтолицые продавцы лошадей и барышники...

Наконец корабль остановился в третьем, внутреннем, морском бассейне, на поверхности которого скользили, как быстрые водяные жуки, небольшие лодки, фелюги, гондолы.

Путешественники сошли с корабля и расположились в черных гондолах, украшенных диском солнца.

Гондолы быстро поплыли вдоль прямого канала, который пересекался тремя концентрическими каналами. Внутри этих каналов, закованных в красную бронзу, возвышался Священный Холм города Посейдониса.

Без сумерек пала на землю южная ночь. Издали, от Морской Биржи, донеслись заглушенные расстоянием звуки песен, шум толпы...

На Холме высились громадные бронзовые колонны-«фонари», с вершин которых падали яркие лучи света.

На фоне неба чернели леса у края снежных горных вершин, защищавших Атлантиду от северных гиперборейских ветров...

Между первым и вторым кольцевыми каналами были расположены громадные здания казарм. В них помещались испытанные в своей верности воины, которых набирали главным образом среди белокурых, длинноволосых галлов и смуглых берберов.

Гости сошли с гондол и стали пешком подниматься на Священный Холм.

На его вершине уже ясно виднелись пирамиды, окружавшие храмы, с храмом Посейдона посредине. Храмы окружало роскошное ожерелье дворцов, монастырей, часовен, висящих садов, астрономических башен и научных лабораторий жрецов.

По обе стороны дороги росли драконовые деревья с их острыми листьями и корнями, сок которых похож на кровь. Среди пальм струились фонтаны.

Взошла луна, и свет ее ярко осветил город. Аромат цветов наполнял воздух.

От времени до времени от казарм доносились резкие звуки труб.

Никто не встречался на пути, кроме стороживших воинов, стоявших неподвижно, как статуи. Закованные в блестящие латы, они блестели при свете луны, как бронзовые монолиты. Это были «кавалеристы Нептуна» — сыновья жрецов и царей. Только знатное происхождение доставляло им честь стоять на страже в этих запретных местах.

На высоте Холма сильнее чувствовалось освежающее дыхание океана...

Храм Посейдона был воздвигнут на усеченной пирамиде, покрытой бронзой. Он имел стадий¹ в длину и весь был покрыт серебром, золотом и бронзой. Внутри храма статуи и колонны были украшены слоновой костью. На верху храма возвышалась гигантская статуя бога, стоящего на своей колеснице, запряженной крылатыми конями. Вокруг статуи выселились ряды астрономических колонн, бронзовых нереид и золотые статуи царей и цариц, происшедших от десяти сыновей Посейдона.

Все эти архитектурные сооружения, облицованные сверкающей бронзой, производили впечатление несколько варварского, но поражающего великолепия.

Недалеко от храма, из скалы, вытекали два источника: один с холодной, другой с горячей водой. Источники вливались в бассейны, над которыми были воздвигнуты бани: одна летняя, и другая, крытая, — на время зимних дождей.

¹ Стадий — древнегреческая мера длины, в разных местах неодинаковая. Аттический стадий был равен 177,6 метра.

Проводник привел гостей к одному из дворцов, стоявших недалеко от храма Посейдона, в лавровой роще. Цветущие глицинии обивали колонны.

Луна освещала бронзовую облицовку двери, на которой был изображен лик бога Солнца в виде человеческой головы с разбросанными, пылающими волосами.

На стук проводника дверь открылась.

— Трижды великий царь Атлантиды предоставил этот дворец в ваше распоряжение,— сказал проводник царю Ашура, протягивая руку.

Почетная стража атлантов потрясла копьями и ударила ими о щиты в знак салюта, и гости вошли во дворец.

II. Сель

— Какая душная ночь! Эта бронзовая облицовка за день так накаляется, что даже ночью дышать нечем. Надо сказать нашему архитектору Кунтинашару, чтобы он выстроил мне дворец из пористого камня, как у Шишена-Итца. Открой завесу, Ца!

Старуху, няньку царевны Сель, звали Гу-Шир-Ца. Но Сель с детства называла ее кратко: «Ца».

Старуха отдернула лиловую завесу, расшитую серебряными лилиями. В открывшейся раме между колоннами сверкнула полоса поверхности океана, переливающаяся лунным серебристым светом. В комнату ворвался свежий ветер и колыхнул широкие концы пояса Сель.

Сель стояла у столика из слоновой кости, заставленного коробочками из яшмы, хрустальными и золотыми флаконами удлиненной формы, миниатюрными чашечками из оникса и сердолика для белил и румян и маленькими статуэтками.

В протянутой руке она держала зеркало из полированной бронзы. Полотняный кусок материи с выткаными змеями и цветами, узко стянутый у бедер, прикрывал ее тело до пояса. Сверх полотна был повязан темно-синий широкий пояс, завязанный узлом у живота. Концы пояса спускались ниже колен. Грудь, шея и руки были обнажены. Руки выше локтя были пере-

хвачены браслетами в виде обвивавшихся змеек. Мелкая чешуя их отливалась зеленоватым золотом. На их приподнятых головках сверкали изумрудные глаза.

Сель любовалась собой в зеркало, поправляя распущенные черные волосы.

С одной стороны девушка была освещена красным огнем высокого бронзового светильника, с другой — голубым лучом луны, падавшим сквозь высокие колонны. Бронзовое зеркало несколько золотило смуглый цвет ее кожи, и вместе с двойным освещением ее лицо, отраженное в зеркале, приобрело необычайно сложную окраску.

— Ца, сделай мне прическу. Много приехало гостей на праздник?

И Сель улеглась на низкую кушетку, покрытую шкурой леопарда.

— Едут и едут... Одних царей шестнадцать уже приехало... Царь Шеркурлы, Агада, Эреха, Ура, Ишна, Марсама, Атцора — всех не перечесть... Могуч Гуан-Атагуераган! Весь мир покорили атланты. Взять, к примеру, хотя бы царя Ашпура. Каково ему-то на поклон ехать! А не откажешься...

— Ца, какой я сегодня сон видела! Будто мою голубку схватил коршун и уносит. Я стала кричать, а голоса нет... Вдруг орел поднялся — и камнем на коршуна! И они дрались так, что летели перья. Но тут я проснулась. Какая досада!.. Я так и не узнала, спас ли орел голубку... Как ты думаешь, что означает этот сон? Спросить разве у Эльзаира? Он хорошо толкует сны.

— И спрашивать нечего. Я сама растолкую. Голубка — это ты. Из-за тебя уж давно пух и перья летят: ссорятся женихи, значит. Вот слыхала я, что царь Ашпур опять сватается за тебя. Он и в прошлом году сватался.

— Этот черный, с длинной бородой в кудряшках? Ни за что! Чтобы я поехала с этим коршуном на край света, оставила свою прекрасную страну? Ни за что!

— Слово царское — закон. Не все по нашей воле делается!

— Я сама себе — слово царское. Ну, это мы посмотрим! Что ты долго возишься с прической?

— Готово. Какое платье прикажешь подать к завтрашнему празднику?

— Завтра не платье, а латы, меч и копье!

И она сделала резкое движение рукой, как бы рас-
секая мечом воздух. Под тонкой кожей заиграли хоро-
шо развитые мускулы.

— Я завтра еду с отрядом своих амазонок. Пусть
знают все иностранные соколы и орлы, что дочери ат-
лантов владеют копьем и мечом не хуже их воинов.
Может быть, это отобьет у них охоту брать в жены
амазонку¹.

Протянув плащ под правую руку, она свободным
движением закинула конец его на левое плечо.

— Заколи на плече! Опять волочиться будет,—
ворчливо сказала Ца и подала Сель булавку, сделанную
из красной яшмы в виде человеческого сердца, прон-
зенного золотой стрелой.

Сель улыбнулась, взглянув на этот древний символ
несчастной любви. Брошь была сделана рабом Ади-
ширной-Гуанчем, ваятелем и придворным ювелиром.

— Что делает Адиширна-Гуанч? Как его Золотые
Сады? Он успеет их закончить к празднику?

— Говорят, все готово. Он там, в садах.

— Я пойду посмотреть на его работу!

— Что ты, Сель!.. — замахала руками Ца.— Отец
строго запретил входить в Золотые Сады, пока они не
будут окончены. Завтра их откроют, тогда смотри
сколько хочешь!

— Я потихоньку!.. У меня есть ключ.

— Ни один ключ не подходит к замкам, открыва-
ющим Золотые Сады.

— А мой подойдет!

Ца подозрительно посмотрела на свою воспитан-
ницу.

— Откуда он у тебя?.. Уж не сам ли Адиширна-Гу-
анч преподнес его тебе?

— А хоть бы и так! — И, рассмеявшись, Сель обня-
ла Ца.— Идем со мной, моя старушка...

Ца была обезоружена лаской своей любимицы.

— А вдруг отец придет туда и застанет тебя?

— Он сейчас занят своими государственными дела-
ми. Вот что: пройдем к нему и посмотрим, что он де-

¹ Женщины атлантов принимали участие в войнах, сражаясь наравне
с мужчинами. — *Ларисон*.

лает. Если у него с докладом Шишен-Итца, то можно бродить безопасно в Золотых Садах хоть до утра.

Ца неодобрительно покачала головой, но поплелась, ковыляя, за девушкой.

III. Гуан-Атагуераган, царь Атлантиды

Царь занимался государственными делами в длинной узкой комнате без колонн. Стены были покрыты бронзовыми барельефами, изображавшими подвиги царей Атлантиды. Низ стен, на высоте двадцати локтей, был увешан цветными коврами с вытканными сценами из мифологии. Над самым потолком сквозь квадратные окна виднелось звездное небо. Другой ряд окон выходил во внутренние помещения дворца, на второй этаж. Сюда и забралась Сель со своей нянькой и заглянула вниз из-за шелковой занавески окна.

Гуан-Атагуераган сидел у узкой стены в конце коридорообразной комнаты на высоком троне из драгоценного дерева. Спинка трона украшалась золотым диском солнца. Львиные лапы, вырезанные из слоновой кости, поддерживали ножки трона.

По одну сторону стоял в длинной черной одежде один из жрецов — Вестник Солнца, — который совершал объезды владений Атлантиды.

По другую сторону — любимый жрец царя — Шишен-Итца.

У трона на разостланной по мозаичному полу шкуре пещерного медведя лежал на животе раб-скорописец.

Перед ним стоял небольшой пюпитр с листами папируса, тушью и кисточкой.

Царь сидел, устремив неподвижный взор в пространство, и медленно диктовал.

— Пиши: «Я — царь, могучий, почитаемый, исполнин, первый, сильный, отважный, лев и богатырь Гуан-Атагуераган, могущественный царь, владыка Атлантиды. Я — непреодолимое оружие, разрушитель городов, попиратель врагов, царю Уруазала, поднявшему

восстание против власти моей,— гнев мой падет на тебя.

Я воздвигну пирамиду из голов непокорных. С живого сдеру кожу твою и растяну ее на городских воротах, как охотник растягивает шкуры затравленных зверей. Я воздвигну столб перед воротами города, со всех бунтовавших вельмож я сдеру кожу и этими кожами обтяну тот столб, как сделал это Мушизимбардуне. Иных я посажу на колья, вверху столба, а еще иных на колья, расставленные вокруг него. Я отрежу пленным ноги и сложу в кучи. Я отрежу уши, носы и руки. Подростков обоего пола я сожгу живьем. И гнев мой постигнет тебя даже у края земли...»

— Перепиши приказ и поставь мою печать,— обратился он к Шишену.— Пошли тысячу кораблей с Непобедимыми легионами,— обернулся царь к Вестнику Солнца,— и пусть они не оставят камня на камне. Власть атлантов должна стоять незыблемо, как сама земля!

До сих пор это так и было. Бронзовое оружие, неисчислимый флот и расчтливая дальновидная политика подчинила атлантам все известные народы мира. Их власть, как бронзовое кольцо, опоясала земной шар. Там, где трудно было достигнуть цели одной силой оружия, атланты пускали в ход политику. Пользуясь междоусобными войнами, они приходили на помощь одной из воюющих сторон, брали под свою защиту, побеждали врага и постепенно подчиняли своей воле оба враждующих государства. У атлантов завязались торговые сношения с отдаленнейшими государствами. Цивилизация атлантов, их архитектура, астрономия, медицина проникли во все страны мира. Изменяясь на новых местах, эта цивилизация все же сохраняла свои основные черты. Лишь тайны своей металлургической промышленности, секрет выработки бронзы, которой придавалась крепость стали, бережно хранились атлантами.

Восстания были редки. Но если они были, их подавляли с беспощадной жестокостью.

Высота научных знаний касты жрецов и варварская пышность и жестокость правления уживались в Атлантиде.

Покончив с Вестником Солнца, царь обратился к Шишену-Итца:

— У тебя что?

— Трижды великий, могучий, непобедимый...

— Короче. Мы одни, и у меня немного времени до восхода солнца.

— Верховный Совет жрецов просит подтвердить на новый год прежний порядок взимания десятины в пользу храмов со всех государственных доходов.

— Довольно будет и пятой части. Жрецы скоро будут богаче меня.

— Но это вызовет недовольство и даже, может быть...

Царь нахмурил брови. Над его длинным носом легли две глубокие складки — признак сдерживаемого гнева.

— Что такое?.. Недовольство?.. Жрецы забываются. Они берут на себя слишком много. Они хотят управлять от моего имени. Я не могу потерпеть ограничения моей власти!.. На заседаниях Верховного Совета жрецы стараются подавить мой авторитет авторитетом своих знаний. А если я и настаиваю на своем, они призывают авторитет божества. Воля богов для меня священна, но так ли интересуются боги нашими земными делами, как это представляют жрецы? Довольно! Я слишком долго терпел свое воле! Отныне в Совете вместо семи Верховных жрецов будет только три. Четыре места я отдаю военачальникам и лицам царствующего дома Посейдонисов. Заготовь приказ!

Шишен-Итца вытер ладонью выступивший на лбу холодный пот.

— Великий царь...

— Довольно слов! Я хочу быть великим на деле...

— Пусть гнев твой обрушится на меня, но это невозможно...

— Ну, теперь они не скоро кончат, — шепнула Сель и, дернув няньку за одежду, побежала по крутой малахитовой лестнице.

Нянька ковыляла вслед за нею, тряся старой головой.

— Быть беде, быть беде... Не может быть здорово тело, когда руки ссорятся с головой...

— Что ты ворчишь там?

— Нельзя обижать жрецов! Гнев богов страшнее царского гнева!

IV. Адиширна-Гуани

Сель подошла к высокой золотой стене, ограждавшей Золотые Сады. У стены была низкая дверь. Вынув из-под плаща бронзовый ключ, Сель открыла замок, пружина которого издала мелодичный звон. Тяжелая дверь подалась с трудом.

— Идем!

Ца тяжко вздыхала и колебалась.

— Ну, оставайся здесь, если боишься. Я одна пойду! — решительно сказала Сель и проскользнула в полуоткрытую дверь.

Сгорбившись, кряхтя и мотая головой, старуха последовала за нею.

В проходе она зацепилась платьем за острый край золотого листа и изорвала платье.

— Не к добру это... не к добру, — ворчала она.

А Сель уже стояла на высокой площадке и смотрела как зачарованная на волшебную картину, расстилавшуюся перед нею.

Золотые Сады спускались широкими террасами. Каждая терраса сверкала в лунных лучах своими золотыми деревьями, листьями, плодами, феерическими цветами. Все это было вычеканено из золота и серебра. На цветах сидели бабочки, раскрыв свои крылья, на ветках — птицы; свернутые ужи, громадные ящерицы и улитки виднелись в золотой траве. Целые поля маиса были вычеканены из золота и серебра с волшебным искусством. По обе стороны дорожки, усыпанной золотым песком, дремали громадные золотые львы.

Самый сильный ветер не мог поколебать ни одной ветки, ни одного листа в этом необычайном саду.

Сель долго не могла оторваться от этой картины...

Даже старуха Ца, забыв о своем неповиновении царскому слову, в восторге хлопнула кривыми, костлявыми пальцами по коленям и воскликнула:

— Вот так внук!

— Какой внук? — с недоумением спросила Сель.

— Адиширна, внук он мне...

— Я и не знала!.. Отчего же ты не говорила мне об этом?

— Мы люди маленькие, кому интересно наше родство? А только нельзя не похвалиться. Ведь эти способы дали ему боги!.. Не всякому и жрецу в пору сделать такое... А так рабом и умрет... Что делать?.. Одному на роду написано царствовать, а другому — быть рабом... Каждому свое...

— Я и не знала, — сказала еще раз в задумчивости Сель. — Да... Одному царствовать, а другому быть рабом. Но боги или люди создали это разделение?..

Ца взмахнула руками.

Не дав ей ответить, Сель быстро заговорила:

— Слушай, Ца, ты ведь меня любишь?.. Ну, конечно! Я знаю. Не целуй край моего плаща. Так слушай, Ца: сиди вот здесь, на этом золотом льве, — не бойся, он не проснется и не тронет тебя. Сиди смирно и дождайся меня. Я скоро вернусь... Я одна!..

Прежде чем Ца успела открыть рот, Сель уже бежала вниз по золотистой дорожке.

На второй террасе были видны люди в коротких одеждах рабов. Некоторые из них имели только повязку у бедер. Они возились около фонтанов.

Около группы склоненных рабов стоял стройный юноша в черной короткой рубахе, перетянутой широким кожаным поясом. Руки выше локтей и широкая грудь его были открыты. Густые вьющиеся волосы стянуты узким ремешком. Несмотря на этот простой костюм, юноша был прекрасен, как молодой бог.

Это был раб Адиширна-Гуанч, гениальный художник, скульптор и ювелир.

Сель подбежала к нему сзади и в смущении остановилась.

Рабы прервали работу и подняли головы. Адиширна повернулся и замер от удивления...

— Ты?!

— Я пришла посмотреть на работы, — сказала она. — Что ты тут делаешь?..

Чтобы скрыть смущение и радость, художник с жаром принялся объяснять:

— А вот посмотри. Струи фонтанов сделаны из бриллиантов. Мы сейчас оживим их!

Наклонившись к колодцу в земле, он крикнул на берберском наречии:

— Ширан, дай свет!

Фонтан осветился лучом света, идущим из-под земли. Свет переливался цветами радуги, скользил внутри бриллиантовых струй фонтана, и это создавало иллюзию струящейся воды.

Сель была по-детски восхищена.

— Да ты колдун,— сказала она, смеясь, и поправила красную розу на своей груди.— Покажи, что здесь есть еще интересного.

— Вон там пруд...

— Идем!— повелительно сказала она.

Сель и Адиширна отделились от рабов и подошли к уединенному пруду.

— Вода в нем сделана из горного хрусталя!

Адиширна наклонился к земле, повернул скрытый рычаг, и пруд осветился голубым светом.

Еще один поворот рычага, и в хрустальной глубине медленно поплыли золотые рыбки, шевеля плавниками и хвостиками.

— Колдун, колдун!— И, по-детски восхищенная, Сель захлопала в ладони.

— Здесь нет колдовства,— сказал художник, и румянец удовольствия покрыл его смуглые щеки.— Законы механики, не больше! Все эти птицы,— и он махнул рукою по направлению веток с сидящими птицами,— могут петь и махать крыльями. Желаешь посмотреть?

— Нет, не надо...— сказала Сель и задумалась.— Скажи мне, Адиширна, как пришла тебе в голову мысль создать этот волшебный сад?

— Как пришла мне в голову эта мысль?— медленно проговорил художник, опуская голову.

Он что-то обдумывал и, казалось, колебался. Потом, решительным движением вскинув голову, он взглянул прямо в глаза Сель.

— Вот как... Для меня этот сад — символ.

— Что же он означает?— спросила Сель, несколько смущенная пристальным взглядом художника, но не опуская глаз.

— Посмотри на этот сад!— с воодушевлением начал художник.— Ты видишь в нем роскошные плоды, но не можешь насладиться их вкусом. Ты видишь диковинные цветы, но не можешь сорвать их. А если захочешь сделать это, они только больно уколют руки.

Здесь все чарует глаза, и ничто не доступно для обладания... Жизнь — это тот же Золотой Сад...

Вздохнув, художник опустил голову и замолчал. Молчала и Сель.

Потом, подойдя к нему ближе, она спросила взволнованным, тихим голосом:

— Ты... ты хотел бы обладать всеми цветами мира?

— Только одним! — воскликнул художник, вновь окинув ее горячим взглядом.

— Каким же? — спросила Сель.

— Этот цветок ты! — страстно воскликнул юноша.

— Но ты забыл, что сад, в котором растет этот цветок, для тебя запретный, — лукаво смеясь, возразила Сель и, повернувшись, побежала к ждущей ее Ца.

V. При свете звезд

Синий купол звездного неба покрывал Атлантиду.

На вершине огромной пирамиды, у храма Посейдона, жрец Эльзаир, астроном и астролог, наблюдал движение небесных светил.

На обширной площадке, мощенной шашками черных и белых мраморных плит, стояли различные астрономические инструменты из бронзы.

Астроном записывал на бронзовых пластинках свои наблюдения. Он макал стилос, сделанный из вещества, не растворяющегося в едких кислотах, в стеклянный сосуд в виде раскрытой пасти льва и наносил на пластинку знаки, напоминающие ассирийскую клинопись. Кислота выедала на пластинках эти знаки неизгладимыми темными углублениями. Небольшая глиняная лампа, изображающая дельфина, с волокнистым фитилем, вставленным в масло, бросала слабый свет на полированные таблицы.

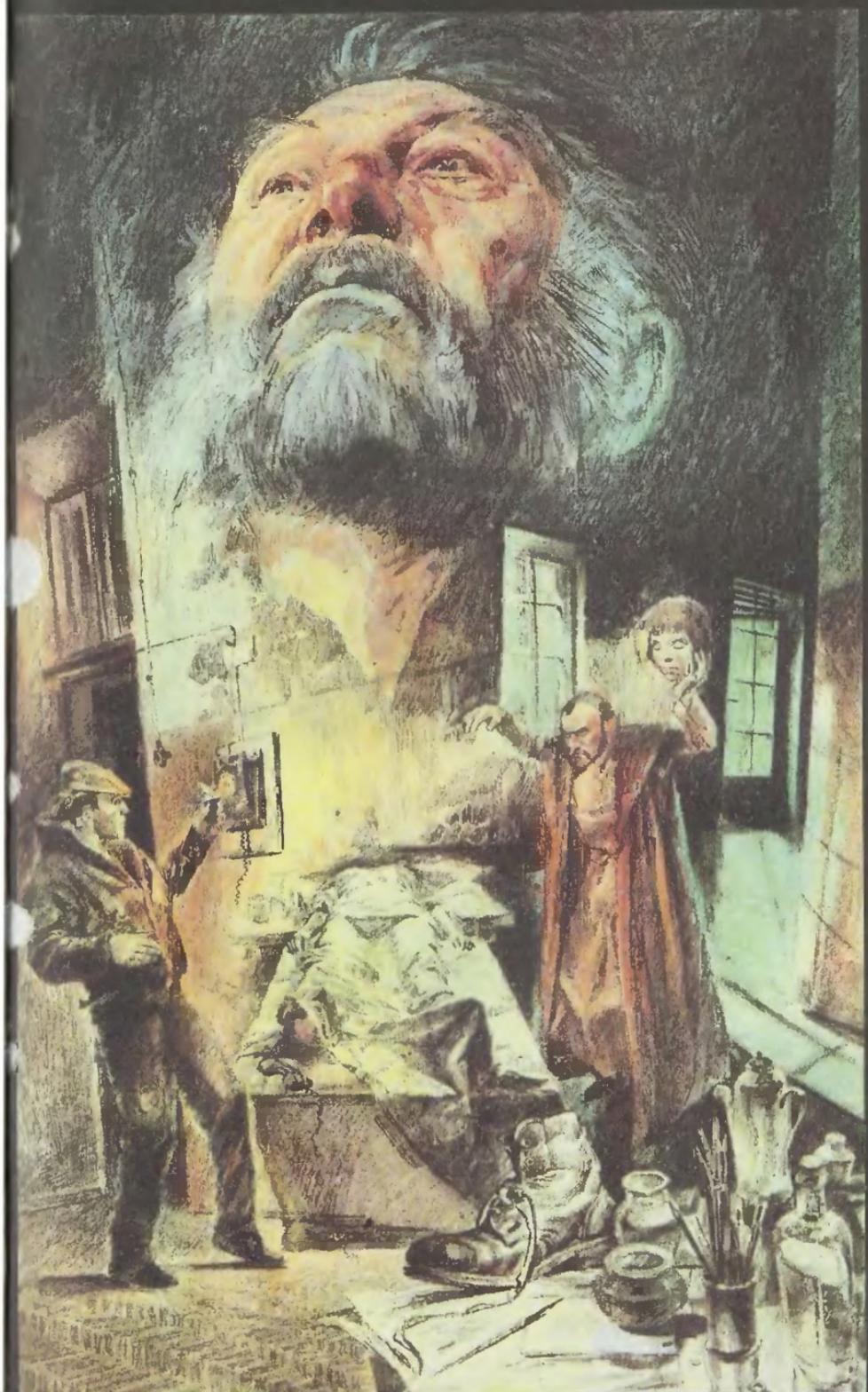
Жрец так был погружен в свое занятие, что не слыхал, как в люк, закрывавший вход на площадку, поступались.

Стук повторился.

— Кто там?

— Именем Солнца!

Жрец поднял люк, и на площадку вошли пять жрецов: Кунтинашар — архитектор и математик, Анугу-

ан — историк, законовед и дипломат, Зануцирам — химик и инженер металлургической промышленности, Агушатца — врач и Нуги-Эстцак — философ и хранитель культа.

— Как твои наблюдения Эльзайр? — спросил Кунтинашар.

Эльзайр развел руками.

— Или в моей голове, или в небе творится что-то неладное. Планеты сдвигаются со своих орбит, и даже все неподвижные звезды будто сдвинулись немного вправо с предначертанного им в вечности места... Смотри сам...

Кунтинашар подошел к инструментам, внимательно осмотрел их, произвел градусные измерения, проверил цифры таблиц и пожал плечами.

— Да, загадочное явление...

— Я сообщу об этом Ацро-Шану, хранителю Высших Тайн. Если не сумеет и он объяснить, то одни боги знают, что творится в небесах!

— Просматривал ли ты таблицы за прежние годы? — спросил историк Анугуан.

— Я просмотрел уже за четыре тысячи пятьсот лет. Ничего подобного в записях не встречается.

— Ну, вот что, — произнес Зануцирам, — вы, звездочеты и математики, интересуетесь только небом, а нам интересно то, что творится здесь, на земле. Нуги-Эстцак, посмотри, хорошо ли прикрыта подъемная дверь!

— Кого?.. — спросил рассеянно Нуги-Эстцак.

Философ не слышал вопроса. Мысли его были далеки.

Посмотрев на него и безнадежно махнув рукой, Зануцирам подошел к двери, поднял ее, убедился, что внизу никто не подслушивает, и, плотно закрыв, сказал вполголоса:

— Мы одни... Агушатца, скажи, что ты сегодня узнал во дворце?

Агушатца осмотрелся кругом, как бы не доверяя и этому уединенному месту, и так же тихо начал говорить:

— Плохие новости... Царь жаловался на боль головного мускула¹, и я был у него... Ничего серьезного.

¹ Не только на бронзовых таблицах атлантов, но и на ассирийских клинописях, трактующих о болезнях, встречается это упоминание о «головном мускуле»; точно нам не удалось установить смысла этой фразы. — Ларисон.

— Ничего серьезного? Да, это плохие новости,— с ирэнией проговорил Зануцирам.

— Есть хуже,— продолжал Агушатца.— Возвращаясь из опочивальни царя, я встретил царского скорописца. И он успел шепнуть мне, что Гуан-Атагуератан уменьшил наши доходы наполовину и изменил не в нашу пользу состав Верховного Совета.

— Этого надо было ожидать...

— Так дальше продолжаться не может!

— Здесь нас пять из семи членов Верховного Совета. Великий Ацро-Шану, хранитель Высших Тайн, живет в тысячелетиях,— он выше наших забот. Шишен-Итца с тех пор, как царь пленился его дочерью и «породнился» с ним, взяв ее в свой гарем, готовлизать царские пятки. Только мы одни можем защитить интересы великой касты жрецов. Мы — соль Атлантиды. Мы — истинная сила ее. Мы храним знания, накопленные десятками тысячелетий.

— Так откажемся строить, откажемся лечить, выделять бронзовое оружие и строить корабли,— и царь сразу почувствует, что значит ссориться со жрецами!

— Нож хочет перестать быть острым, а солнце горячим? — с улыбкой произнес архитектор Кунтинашар.— Не забросят ли нож, и не разведут ли костры, если угаснет солнце, чтобы обогреться? Ты увлекаешься, Агушатца. Это опасный путь!.. А что, если обойдутся без нас? Посмотри на этого выскочка, раба Адишируну-Гуанча. Он не накоплял знания тысячелетиями, как наша каста, и он вырос в грязи, а сумел создать произведения, достойные богов. Он был и остался рабом, и тем не менее мне, великому Кунтинашару, приходится завидовать этому мальчишке! Да, завидовать! Перед вами я не скрываю этого. Когда приезжают иноземцы, что поражает их больше всего? Не мой маяк, а его Бог Солнца, на чьей ладони мы помещаемся сейчас со всеми нашими храмами и пирамидами. «Кто создал это чудо?» — спрашивают иноземцы. Раб. Не я!.. Как это перенести? А среди этого сброва найдется немало таких, как Адиширна. Мы держим их в полуживотном состоянии и этим охраняем наши законные права. Но что, если развязнут их скрытые силы?.. Твой план, Агушатца, никуда не годится...

— Но что же нам предпринять?..

— Надо убрать неугодного нам царя.

Эта мысль была у всех жрецов, но никто не осмелился высказать ее первой.

И они сидели в выжидательном молчании.

— Ты философ, Нуги-Эстцак, — нарушил молчание жрец-архитектор, — скажи нам, что бы ты сделал, если бы камень преградил тебе дорогу?

— Чтобы решить эту задачу, не нужно быть философом, — простодушно ответил Нуги-Эстцак, — на это хватит ума и у раба. Я отбросил бы ногой камень в сторону...

Жрецы переглянулись и поняли друг друга.

— Да, но как это сделать?.. — задумчиво произнес архитектор.

— Вот как, — добросовестно показал философ, шаркнув своей сандалией по скользким плитам.

Жрецы улыбнулись.

— Если бы это было так просто! — произнес архитектор.

— А что этот... головной мускул, — обратился к Агушатце астроном, — чем его излечивают?

— Настой из двенадцати горных трав, собранных на заре в новолуние.

— Нет ли чего-нибудь покрепче? Да, покрепче! Чтобы сразу мускул этот самый головной...

— Есть, конечно. Но, может быть, ты сам подашь царю это питье «покрепче», Эльзаир? Первый глоток он заставляет выпить раба, второй — меня, а потом пьет сам.

— Какое возмутительное недоверие к жрецам!..

— Бросим загадки, — сказал Кунтинашар, — Гуан-Атагуераган обречен нами на смерть!..

— История знает такие примеры, — воскликнул историк Анугуан, — восемь тысяч двадцать семь лет тому назад был убит царь Абупарцалаган, пять тысяч шестьдесят лет тому назад был такой же случай цареубийства «для блага великой Атлантиды». Так и записано в летописи нашего тайного архива: «для блага великой Атлантиды».

— Но жрецам, — сказал Кунтинашар, — не следует принимать непосредственного участия. Надо создать дворцовый переворот. Пусть это будет делом рук брата царя — Келетцу-Ашинацака. Маленькому князьку Атцо-

ра¹ заманчиво сделаться властелином мира. Его не трудно будет убедить в том, что он законный наследник, неправильно устранивший от престола. За доказательствами дело не станет. Можно призвать на помощь магию и астрологию — это по твоей части, Эльзаир. Возвещенный на престол с нашей помощью, он будет послушным орудием в наших руках. Воспользуемся его приездом на праздник Солнца и посвятим его в наш план.

— Этот план лучше других, — сказал Анугуан, толстенький старик с полузакрытыми глазами. — Но здесь есть одно препятствие: Келетцу-Ашинацак родился с сердцем овцы. Он вялый, нерешительный и боязливый. Едва ли нам удастся склонить его на такой поступок... Что ж, попробуем! А если не удастся, про запас у меня имеется план получше... Я имею сведения, что среди рабов...

В подъемную дверь кто-то сильно постучал три раза.

Жрецы переглянулись, быстро разошлись в разные стороны и сделали вид, что углубились в астрономические наблюдения за звездами.

— Три стука... Царь... — шепнул Эльзаир и открыл люк. Вошел царь в сопровождении двух вооруженных белокурых телохранителей и жреца Шишена-Итца.

Царь подозрительно оглядел жрецов.

— Почти весь Верховный Совет совещается со звездами? — сказал царь, иронически улыбаясь.

— Великий цари! Звезды меркнут, когда восходит солнце! — невуче, на придворный манер, произнес Эльзаир.

— До зари еще далеко! — холодно отклонил царь льстивое приветствие Эльзаира. — Составь мне гороскоп на завтра. Мне хочется узнать, успешно ли пройдет завтрашнее празднество, на которое съехались все мои вассалы.

— Гороскоп составлен, трижды великий владыка. Звезды благоприятствуют тебе. Вот он: «Государю царю мосму доношу я, Эльзаир, главный астроном горо-

¹ Атиор вместе с Атлантидой погибли на дне океана. На поверхности остались лишь вершины гор, составляющие теперь Азорские острова. — *Лафисон*.

да Посейдониса. Привет с пожеланием мира царю моему. Да будут милостивы боги к царю-государю моему. В шестой день месяца Ану приступили мы к наблюдению нашему, и видели мы...»

Царь слушал и исподлобья испытывающе смотрел на присутствующих.

Лица жрецов были непроницаемы...

VI. Праздник Солнца

Ночь была на исходе. Воздух посвежел. Побледнели звезды. Потянуло предутренним ветерком.

На огромной площадке, обрывающейся на востоке крутыми утесами к океану, при свете факелов служители храма спешно заканчивали убранство алтарей. Рабы снимали лестницы, веревки, брусья, окончив декоративные работы. Наконец все было готово.

Наступил великий годовой праздник Солнца.

К нему Посейдонис готовился целые месяцы. Это был не только религиозный праздник. Это была демонстрация, которая должна была показать всем приезжим подвластным царям и правителям великолепие, богатство и могущество метрополии.

С горы, от Священного Холма, по горной извилистой дороге показались огни, вытягиваясь и изгинаясь вдоль пути, как длинный светящийся змей. В тишине ночи послышались визгливые звуки флейт, громыхание бронзовых колесниц, тяжкие вздохи громадных слонов.

Головная колонна уже входила на площадку, разливаясь по ней огнями факелов, а светящийся хвост процессии еще виднелся на Священном Холме.

Впереди шел отряд воинов, сверкающих бронзовым вооружением, за ним — жрецы в роскошных тяжелых служебных одеяниях, усыпанных драгоценными камнями. На черных носилках, с золотыми дисками солнца по сторонам, четыре служителя храма несли самого Ацро-Шану — великого Верховного жреца, хранителя Высших Тайн, который один раз в год, в праздник Солнца, оставлял свой недоступный даже многим жрецам дворец у храма Посейдониса и являлся миру.

Он считался самым старым человеком на земле. Одни определяли его возраст в двести лет, другие еще более. Народ был уверен в его бессмертии.

Иссохшее, морщинистое лицо его напоминало мумию. Густая белая борода достигала колен. На этом безжизненном пергаментном лице большие, молодые, горящие как угли глаза производили жуткое впечатление.

Толпа невольно отхлынула. Многие рабы пали на колени.

Верховного жреца бережно усадили на высокий престол перед главным жертвеннником. Остальные жрецы заняли свои места у жертвеннников, расположенных полумесяцем, замыкавшим выступ площадки. В центре этого полумесяца стоял еще более высокий трон царя атлантов, на семидесяти двух постепенно суживающихся мраморных ступенях.

Вверху спинки трона был укреплен большой бронзовый диск солнца, поддерживаемый двумя переплетающимися бронзовыми змеями. Вокруг этого трона расположены были семьдесят два трона царей главнейших стран, подчиненных Атлантиде.

В шествии этих царей, окруженных придворной стражей, были представлены все окраски и оттенки человеческой кожи — от черной, как эбонит, кожи нубийцев до белой, как слоновая кость, северных галлов; все одежды, все разнообразие вооружения и украшений.

Когда прибывшие заняли свои места, все огни внезапно были погашены, как будто опустили темный занавес на весь этот пестрый, разноплеменный человеческий муравейник.

Только вверху мерцали побледневшие звезды.

Резко прозвучала большая бронзовая труба, и вдруг стало тихо. Если бы не пофыркивание коней и слонов да случайный лязг медного вооружения, от времени до времени нарушавшие тишину, можно было подумать, что вся громадная площадь пуста...

Среди этой жуткой тишины вдруг раздался голос жреца. Высоким тенором, надрывно, с переливами и неожиданными паузами, так же неожиданно прерываемыми вскриками, он пел об ужасах мрака, таящего

в себе неведомые опасности, о страхе смерти, о тоске души, лишенной солнца...

Как бы в ответ на этот вопль раздался хор детских голосов. Хор пел однообразную, заунывшую мелодию, а жрец покрывал ее своими плачущими переливами...

Вдруг, как будто из недр земли, послышался тихий хор басов. Он незаметно вплелся в хор детей, как шум прибоя.

Наконец тысячи бронзовых труб огромного органа, приводимого в движение паром, потрясли прибрежные скалы — и вдруг все сразу смолкло...

Резкий, неожиданный переход к полной тишине потряс толпу больше раскатов грома...

Нервы присутствовавших были напряжены до последнего предела. Люди в толпе сдавливали руками грудь, будто им не хватало воздуха, падали на землю, некоторые рвали на себе волосы...

Но ритуал был построен искусственной рукой. В этот самый последний, крайний, опасный предел первого напряжения, среди страшной тишины, которая, как обрушившавшаяся скала, придавила всех, послышался простой, спокойный, задушевный старческий голос Верховного жреца. Не пение, а молитва, похожая на простую беседу, полная тихой ласки и надежды.

— Бог Солнца, услыши наше моление и даруй страждущему, истомленному человечеству свой блаженный свет...

К невидимому жрецу из толпы протягивались руки...

— Ты один — защитник наш...

— Спаситель...

— Заступник пред всемогущими богами... — слышались сдержанные, рыдающие выкрики из толпы.

Слабый голос Верховного жреца окреп. Он уже не молил, а почти приказывал богу:

— Озари благостным светом народ твой, трижды священный бог; теплом твоим, как покрывалом, покрай землю твою, да произрастит она плоды на потребность человеку. Дай лицезреть нам сияющий лик твой!..

Читая молитвы, жрец наблюдал за песочными часами. Они стояли на алтаре, скрытые от глаз толпы священными сосудами.

Восток заалел. Черная фигура жреца уже ясно выделялась на розовом фоне неба. И вдруг жрец протянул руку с жезлом и громким, повелительным голосом воскликнул:

— Явись!.. Явись!.. Явись!..

И, словно послушный его воле, из-за горизонта брызнул золотой луч, сверкнул край солнца, и оно поднялось, сияющее, над океаном и сразу залило своим светом площадку, загорелось на полированной бронзе воинов, засверкало на парче и бриллиантах царей и жрецов и всю землю наполнило яркими красками. Будто только теперь из-под земли поднялись высокие мачты, увитые розами, арки из зелени и живых цветов, яркие флаги и пестрые ковры...

Весь океан, насколько мог охватить глаз, был покрыт разукрашенными пятипалубными кораблями неисчислимого флота атлантов...

«Да, могуч царь Атлантиды, и трудно бороться с ним».— невольно думали гости, глядя на усеянный судами океан.

Воины ударяли медными мечами о щиты, радостный крик понесся по океану навстречу солнцу...

Тысячеголосый хор запел гимн Солнцу — трижды священному богу, жизнеподателю, светлому, сильному, радость несущему.

Ритуал закончился обычными жертвоприношениями быков и тельцов. На пылающий жертвенный огонь были пролиты вино и масло.

От бронзовых курильниц прямыми столбами, розовыми в лучах восходящего солнца, поднимались еще клубы дыма душистых трав и смол, когда по трубному сигналу толпа всколыхнулась, чтобы идти на поле бога Войны, где предстоял парад войск.

Вторичный звук труб заставил толпу двинуться в путь.

Шествие растянулось лентой по прекрасной дороге, которыми славилась Атлантида.

Весь путь был усеян цветами и зелеными ветками.

Впереди шествия на высоком золотом шесте, увитом красными розами, сверкал диск солнца.

На повороте дороги, перед самой колесницей царя, вдруг выросла фигура старика.

На нем была накинута одежда из разорванной шкуры козленка. Длинные, взлохмаченные седые волосы головы и борода покрывали его до пояса. На бронзовом от загара лице пылали большие умные глаза.

Старик властным движением руки остановил колесницу царя.

Стражка бросилась к старику, но царь сделал жест рукой, и воины отошли в сторону.

Царь боялся и уважал старика На-Шана, пророка и прорицателя.

— Во что еще бить вас,— грозно закричал стариик,— продолжающих ваши беззакония?.. Вся голова больна, и все сердце в скорби... От стопы ноги до головы нет ничего целого... Язвы, и багряные пятна, и гноящиеся раны, не очищенные от гноя, не перевязанные и не размягченные маслом...

Его голос перешел в истерический крик:

— Земля ваша пуста! Ваши города будут сожжены огнем и опустеют от безлюдья, и земля обратится в пустыню. Где была тысяча виноградных лоз, вырастет терновник и колючий кустарник, и во дворцах царей возрастет репейник и на укреплениях — терновник... Соры и демоны будут перекликаться в развалинах... Вот грядет гнев бога, и огонь пожирающий поглотит вас... Горе, горе, горе!..

Толпа притихла в благоговейном ужасе. Царь слушал, смущенный, но старающийся сохранить вид невозмутимого величия.

«Неужели гнев богов,— думал царь,— обрушится на меня? В чем я согрешил перед ними?..»

И вдруг его взгляд встретился с устремленным на него взором жреца Кунтинашара. И взор показался царю полным укора и угрозы...

Их взгляды скрестились, как мечи...

VII. *Ака-Гуам-Итца и Ата*

У склона скалы прилепился маленький глинобитный домик с плоской крышей. Маленькое квадратное оконце не имело рамы; двери из тонких досок на ременных завесах, прибитых бронзовыми гвоздями, были открыты.

В тени дома сидела старуха и пряла. Космы седых волос падали ей на лицо, изборожденное глубокими морщинами, и она время от времени отводила костлявой рукой прядь волос от ввалившихся глаз. Ее длинный нос почти соединился с выдающимся острым подбородком.

Перед нею на земле сидела хороменская худенькая девочка. Персбирая грязными ручонками камешки, она смотрела в лицо старухи.

— Ну, дальше, бабушка!

— Дальше. Да... о чем я?.. — шамкала старуха, связывающая порвавшуюся нить пряжи.

— О Золотом веке,— как же ты забыла, бабушка?

— Да, да... О Золотом веке... Ну вот, говорю я, давно, давно это было...

— И все было золотое?.. И хлеб золотой? И камни, и яблоки?

— Время было золотое... Все люди жили счастливо, как боги па небс. Нs было ни царей, ни рабов, ни бедных, ни богатых. Бог Солнце грел, ласкал и баловал людей, как любимого первенца. Из зеленых ветвей люди делали себе пояса и венки на голову и так ходили, свободные и радостные, среди садов, которые круглый год давали им сладкие плоды. Чистые источники утоляли жажду. Люди рождались среди цветов, наслаждаясь жизнью до глубокой старости, и мирно засыпали вечным сном, окруженные детьми, внуками и правнуками. И смерть их была так же легка, проста и спокойна, как закат солнца...

— А потом?

— А потом люди согрешили, и боги прогневались на них.

— Чем они согрешили?

— Они захотели быть равными богам и все знать.

— И боги отняли у них этот Золотой век?

Послышались шаги.

К дому подходил Акса-Гуам-Итца, сын жреца Шишеня-Итца. На нем была черная шелковая туника, расшитая по краям золотым узором; на ногах его были легкие светло-желтые сандалии. Он подхватил девочку на руки, и она, смеясь, вырывалась.

— Здравствуй, бабушка! — сказал Акса-Гуам, опуская девочку на землю. — Ата дома?

- На работе. Скоро придет.
- Даже сегодня на работе?
- Для нас нет праздников...
- А старик Гуамф?
- В доме.

Акса вошел в помещение. Все оно состояло из одной комнаты, чисто выбеленной известкой и перегороженной домотканой полотняной занавеской с вышитыми на ней мелкими цветами. Грубый деревянный стол, несколько скамеек и шкафчик с глиняной посудой составляли всю меблировку. В углу поместилась домашняя мельница для помола зерен: каменный куб и на нем каменный цилиндр с ручками. Рядом стояла высокая каменная ступа с постом для выжимания масла. В другом углу, на мраморном постаменте, стояла небольшая статуя Бога Солнца, прекрасная скульптура, сделанная еще в детстве Адиширной-Гуанчем.

Дед Гуамф, лысый, с седой бородой, сидел на лавке у окна и мастерил силки для птиц. При входе Акса-Гуама он поднялся и рукой приветствовал гостя.

— Сиди, сиди, дедушка Гуамф. С праздником! Что же ты не пошел на встречу Солнца?

— Куда уж мне! Там меня задавят, старика. Будет. Шесть десятков лет провести в сырых шахтах — это не шутка. А солнышко я и здесь встретил как полагается. Слава ему, оно не гнушается посыпать свет свой и нам, бедным рабам...

- А Адиширна-Гуанч где?
- Все возится со своими Золотыми Садами.
- Говорят, он создал удивительные вещи.
- А какой для него из всего этого толк? Одно только, что плетьми не бьют. У меня вот они какие рубцы на спине от ременных семихвосток. А состарится он и тоже будет, как я, птиц силками ловить, чтобы прокормить себя.

— Послушай, Гуамф. Тебе не приходили в голову мысли, что могло бы быть иначе?

- Как иначе-то?
- Но ведь всякому терпению может быть конец. Вас миллионы...

— Вот куда ты гнешь! Бунтовать? Пробовали. И бунтовали. Только что же из этого вышло? У нас кирки да лопаты, а у них мечи, острые копья...

— А если бы...

Гуамф неожиданно всыпил.

— Если бы... Если бы... Оставь! Не ковыряйся в старых ранах! Пусть грызут привычной болью...

Акса-Гуам опустил голову и задумался.

— Ну, однако, пойду я,— сказал он, поднимаясь.— Я, вероятно, встречу Ату на дороге... Прощай, старик!

— Да хранит тебя пресветлый бог!..

Не успел Акса-Гуам выйти из дома, как услышал на дворе чужие голоса и остановился. Выглянув из окна, он увидел, что во двор вошли два человека в одеждах служителей храма. Акса-Гуам не хотел, чтобы они видели его здесь.

— Повивальная бабка Цальна здесь живет? — спросили они.

— Здесь,— отвечала Цальна, в испуге роняя веретено.— Я Цальна.

— Именем Солнца приказываю тебе явиться сегодня после захода солнца к воротам священного храма. Мы встретим тебя там и проведем дальше.

— Слушаю... — Цальна низко поклонилась.— Роды, осмелюсь спросить?

— Там узнаешь!

Служители храма удалились.

Акса-Гуам вышел из дома и пошел по белой, сверкающей на солнце дороге. Палящий зной умерялся тенью финиковых пальм и платанов.

По правой, надгорной, стороне лежали шахты, где добывали руду.

Слева, до самых берегов океана, насколько хватает глаз, раскинулись рабочие поселки. Жалкие глинобитные сакли прижимались друг к другу, как испуганное стадо.

В грязи маленьких двориков катались черномазые голые дети.

В шахтах, несмотря на праздничный день, шли работы.

Акса-Гуам спустился в одну из шахт.

Его жреческая черная одежда с вышитым золотом диском на груди служила ему пропуском.

Надсмотрщик склонил голову и протянул к нему руку в знак почтения.

Акса-Гуам небрежно кивнул головой и углубился в лабиринт шахт. Своды шахт были укреплены толстыми, покосившимися бревнами. Кое-где мерцали небольшие масляные светильники. Было душно и жарко.

Выходящие газы не раз взрывались в этих шахтах от пламени светильников. Нередко происходили и обвалы. Рабочие гибли сотнями, но на это мало обращалось внимания: в них недостатка не было. Если руда была богатая, на месте обвала производили раскопки. Заживо погребенные рабочие выходили тогда из своих могил. Но если пласт руды был тонок или обвал требовал слишком много времени на восстановление шахты, она просто забрасывалась с зарытыми рабами, а шахта прокладывалась в другом месте.

Чем дальше пробирался Акса-Гуам, тем уже и ниже становилась шахта. Приходилось идти согнувшись.

Навстречу ему ползли на четвереньках рабы, впряженные в бронзовые корытца, наполненные рудой.

Некоторым из них Акса-Гуам кивал головой и тихо говорил:

— После вечерней смены... в старых шахтах...

Шахта сузилась еще больше.

Здесь, лежа на боку, забойщики рубили рудопосную почву бронзовыми кирками.

Нагнувшись к одному из забойщиков, Акса-Гуам шепнул ему:

— Скажи своим... сегодня после вечерней смены, в старых шахтах...

— Будем, — ответил забойщик и отер с лица обильные струи пота, застилавшие глаза.

Акса-Гуам вышел из шахты и вздохнул всей грудью.

Дальше шли поля, где месяцами обжигалась руда. Целые пирамиды ее выселились кругом, курясь дымом. Под ними рабы день и ночь поддерживали пламя.

Акса-Гуам бросил им ту же фразу и пошел дальше.

Солнце жгло все сильнее. Дорога стрелой тянулась между курящимися пирамидами. Здесь было тяжело дышать, и Акса-Гуам, несмотря на усталость, ускорил шаги.

Груды обжигаемой руды кончились. Начинались поля, где руду дробили и просеивали сквозь бронзовые сита.

Еще дальше потянулись каменные ограды, над которыми поднимались густые клубы дыма. Здесь помещались плавильные печи.

Рядом высились еще более высокая стена, окружавшая целый город, где очищенные руды меди и олова превращались в сплав бронзы. Здесь же изготавлялось бронзовое оружие. Сюда никто не имел доступа, кроме жрецов, наблюдавших за работами. Рабы жили при заводах и не выпускались за ограду стены, которая охранялась стражей.

Ата работала у плавильных печей, перетаскивая в узкой корзине на спине шлак.

Акса-Гуам остановился у ворот. В ворота беспрерывной вереницей въезжали повозки с рудой, обратно — порожние. Рабы хлестали ослов, надсмотрщики — рабов. Полна движения была и дорога. Беспрерывным потоком двигались нагруженные поклажей ослы, лошади, всрблюды и слоны. Свист плетей сливался с ревом животных и короткими выкриками рабов.

Женщины несли за спиной, в плетеных корзинках, детей.

За стеной прозвучала бронзовая труба, и рабы начали выходить из ворот.

Акса-Гуам стал в стороне на груде шлака.

— Ата!..

Одна из рабынь обернулась.

Черные удлиненные глаза ее сверкнули радостью.

Акса-Гуам повернулся и пошел вверх от дороги, по горной тропинке.

Ата, сестра Адиширны-Гуанча, последовала за ним на некотором расстоянии.

Вслед ей пронеслось несколько шуток и замечаний из толпы рабов:

— Бегай, бегай за ним! Он тебя в жены возьмет — во дворце жить будешь!

— Мало им гаремов своих. За рабынями таскаются! Тьфу! — со злобой произнес чернокожий раб и погрозил кулаком вслед удалявшейся паре.

Ата догнала Акса-Гуама за поворотом тропинки, скрывшей их от большой дороги.

Акса-Гуам протянул руки к Ате.

— Не бери моих рук, они грязны от работы... Я сейчас вымоюсь в ручье, — сказала она с краской смущения на лице.

Акса-Гуам взял ее за плечи и поцеловал в лоб.

— Что же ты не на празднике? — сказала Ата, плескаясь у горного ручья.

Позолоченные солнцем брызги падали на ее смуглую кожу. С невольной грацией она вытянула руки на встречу падающей сверху хрустально чистой струе.

Акса-Гуам залюбовался ею.

Она была так же хорошо сложена, как Адиширна-Гуанч. В такой же короткой черной рубахе, перетянутой ременным поясом, она казалась его младшим братом. Только тяжелая коса, закрученная на затылке, удлинявшая еще больше ее удлиненный череп атлантов, да контуры девичьей груди говорили о том, что она не мальчик. Кончив умываться, она сорвала дикий шиповник и приколола к волосам.

— Ну, вот... — И она сама протянула Акса-Гуаму руку.

Акса-Гуам горячо пожал ее, и рука об руку они углубились в густую тень лавровой рощи, к тому месту, где из расщелины скалы ниспадал горный ручей.

Они сели.

Воздух был наполнен запахом полыни, горьких горных трав. Откуда-то тянуло ароматом цветущих апельсиновых деревьев.

Снизу, с дороги, доносился разноголосый шум.

Дальше виднелась полоса океана, греющегося в лучах полуденного солнца.

Высоко над ними лежало поле бога Войны.

Временами оттуда доносились громовые раскаты бронзовых труб и крики толпы.

Но в роще было тихо. Только звенящий многоголосый хор цикад стоял в воздухе... Однообразный, он сам сливался с тишиной. Это была звенящая тишина.

— Почему ты не на празднике? — с лукавой улыбкой повторила свой вопрос Ата. Она держала в руках сорванную ветку лавра и медленно обрывала листья.

— Оттого, что я здесь! — с такой же улыбкой произнес Акса-Гуам.

— А вдруг там заметят твое отсутствие?

— Ну что же! Отец посердится, тем дело и кончится. Довольно того, что я был на встрече Солнца. И в конце концов все это очень скучно. Наши войска будут ослеплять глаза иноземных гостей своей полированной бронзой, трубы будут так реветь, что лошади станут взвиваться на дыбы и падать на колени. Конечно, это величественное зрелище, но я видел его уже много раз. На свете есть более интересные вещи!.. — и он с ласковой улыбкой взглянул на нее.

— А потом? — спросила Ата, опуская длинные густые ресницы, от которых под ее глазами ложились синие тени. — Что будет дальше?

— Потом будут военные игры. Затем уже при свете факелов состоится церемония подношения подарков. Это интереснее. Белолицые люди в меховых одеждах, говорят, привезли из гиперборейских стран живого белого медведя и какого-то диковинного зверя вроде рыбы, с круглой головой и сильными плавниками. Говорят, они водятся на краю света, где вода от холода становится твердая, как хрусталь.

Ата слушала с детским любопытством, широко открыв глаза.

— Где же эти животные?

— Они подохли от жары...

— Бедные звери!.. Ну, что же будет потом?

— Потом наш царь будет одаривать гостей тканями, редкими благовониями из душистых смол, корней и сока цветов, винами, золотом, камнями — всем, чем только богата наша страна, только не бронзовым оружием...

— А твоя сестра тоже на празднике? Ведь она теперь царица? — задала Ата неожиданный вопрос.

Акса-Гуам нахмурился.

— Нет, она не царица. Она будет в царском гареме. Отец, Шишен-Итца, в восторге от этой «чести»... Бедная сестра моя... Как она рыдала! Она ненавидит царя... Но я не допущу этого!.. — Акса-Гуам потряс сжатым кулаком. — Ну, довольно об этом. Скажи и ты что-нибудь мне про себя... Почему тебя поставили на эту тяжелую работу? Я уже не раз задавал тебе этот вопрос.

— Оставь, не все ли равно!

— Нет, на этот раз ты не уклонишься от ответа! Иначе я расправлюсь с тобой, как с рабыней!

И, взяв у нее ветку лавра, он шутя стал бить ее по плечу.

— Говори же, говори!

— Ну, слушай, если ты уж так настаиваешь. Я служила в доме жреца Кунтинашара. Однажды вечером, когда я ставила ему на ночь прохладное питье, он сказал мне: «Ты нравишься мне, Ата. Я хочу иметь тебя в своем гареме». «А ты не нравишься мне, Кунтинашар, и я не хочу быть в твоем гареме», — отвечала я.

— Так и сказала?! — восхищенно воскликнул Акса-Гуам, хлопая в ладоши.

— Так и сказала.

— Ну, а он что?

— Он улыбнулся, считая это ответом девочки, которая говорит, не обдумывая своих слов.

«Не забывай, что ты раба, а я господин твой. Иди ко мне!»

Я стояла неподвижно.

Он поднялся и пошел ко мне.

Тогда я одним прыжком уклонилась от него и схватила короткий меч, лежавший у его изголовья.

Он испугался и страшно рассердился.

«Змей!» — прокричал он и вызвал раба, дежурившего за дверью.

«Отправить ее немедленно на тяжелую работу в Черный город...» Вот и все...

— Какая смелость! — воскликнул Акса-Гуам. — Он мог тут же убить тебя этим же мечом.

И, улыбнувшись, он прибавил:

— Да, не везет Кунтинашару. Твой брат заставляет зеленеть его от зависти, а ты... Но слушай, Ата! Так дальше продолжаться не может. Надо изменить все это. Ты знаешь, что я люблю тебя, и для меня ты не рабыня. Отец никогда не согласится на наш брак, это противно законам. Но мы изменим законы. Мы всю Атлантиду перепашем бронзовым плугом!..

— Я знаю, что никогда не буду твоей женой. Эта мысль мне и не приходила в голову. Мне довольно твоей любви.

— Но я хочу, чтобы ты была моей женой. И не только это. Любовь к тебе мне открыла глаза на ужас рабства, несчастная судьба моей сестры — на ужас царского самовластья. И я увидел целый океан страдания

рабов... Их заглушенные стечания преследуют меня, отравляют мне жизнь. Мне кажется, что в каждом из них стонет твоя душа. Освободить их, освободить тебя — вот что хочу я...

Ата смотрела на него широко открытыми глазами, в них светился ужас.

Но Акса-Гуам ужс не видел се. Он говорил, как в бреду:

— Я говорил с Адиширной, предлагая ему примкнуть к готовящемуся восстанию рабов. Он витает в грезах, он слишком художник, чтобы много думать об этом. Но и он примкнет к нам, ты увидишь. Его помощь необходима. Среди рабов уже давно идет брожение... Я стану во главе восстания. Я сам поведу их на Священный Холм. Мы овладеем арсеналами и скрестим мечи с воинами царя. И мы победим их, потому что с нами правда!

В этот самый момент легкий волнообразный подземный толчок колыхнул землю.

Ата покачнулась и побледнела.

— Что это?..

— Мы не оставим камня на камне! А потом мы создадим новую, свободную Атлантиду, где не будет ни рабов, ни царей, а только радость свободного труда. И настанет вновь Золотой век!

Второй, более сильный толчок заставил Акса-Гуама вернуться к действительности..

Колыхнулись листья деревьев. Небольшой камень, лежавший у самого края утеса, сорвался и покатился вниз, ударяясь о камни с постепенно замирающим цоканьем.

— Что-то эти колебания почвы стали повторяться все чаще!

Увидев бледное от испуга лицо Аты, он шуткой постарался успокоить ее.

— Видишь, Ата, сама земля содрогается от преступлений жрецов и царя!

Но Ата не улыбнулась.

Она с тоской посмотрела на Акса-Гуама и тихо прошептала:

— Не делай этого!

— Ты боишься?

— За тебя...

— Ты будешь с нами, Ата?

— Я умру за тебя...

VIII. В магическом круге

В комнате уже находились жрецы: Кунтинашар, Зануцирам, Анугуан, Агушатца и Нуги-Эстцак.

— Вот и Эльзаир, — сказал Кунтинашар. — Нет только Келетцу-Ашинацака.

— По обыкновению колеблется. Мы нарочно назначили это свидание в полдень, когда царь и весь его двор засыпают. Но Келетцу-Ашинацак придет за гороскопом, который я составил для него, — сказал Эльзаир.

— Его звезда, конечно, восходит?

— Так же верно, как то, что звезда царя Гуана-Атагуерагана заходит.

— Хорошо уметь повеселывать звездами! — с улыбкой сказал Кунтинашар.

— Не смеяся! Звезды не лгут, — обиделся астролог.

— Еще бы звезды лгали! Лгут только люди!.. Но не будем препираться. Анугуан, ты хорошо подготовил старуху?

— Цальна угадывает с полуслова. Хитрая старушонка! Надо ей бросить пару солнечных дисков¹. Пусть они погреют ее старые кости.

Дверь открылась, и в комнату вошел брат царя Атлантиды — Келетцу-Ашинацак, царь Атиора, в сопровождении жреца Шитца.

Жрецы встали и подняли руки в знак благословения и приветствия.

— Да будет свет твоего величия с нами, — сказал Кунтинашар.

— Привет вам. Ну, как мой гороскоп, Эльзаир? Хорошо? Все благополучно?

У Келетцу-Ашинацака были близорукие глаза, которыми он пристально смотрел, закинув несколько голову.

Его маленькие сухие ручки были в беспрерывном движении. Он суетливо теребил пальцами рыжеватую бороду. Только при торжественных выходах он сдерживал эти невольные суетливые движения, не приличествующие царскому величию.

¹ На монетах атлантов изображались: на одной стороне диск солнца, а на другой — голова царя. Поэтому атланты называли иногда золотую монету «солнечный диск». — Ларисон.

— Слава Солнцу! Великий царь, твой гороскоп прекрасен! Звезды благоприятствуют тебе. Позволь мне прочесть.

И Эльзайр начал нараспев:

— Великому и славному, могущественному властелину Атцора...

— Не надо, не надо... — замахал Келетцу сухими ручками, — главно!.. Да... главное говори... и своими словами... да...

— Твоя звезда, великий царь, в своем восходящем течении горела ярче всех и пересекла путь звезды трижды великого царя Атлантиды Гуана-Атагуерагана, и лучи его звезды номеркли в лучах звезды властелина Атцора.

Келетцу-Ашинацак был взволнован, обрадован и испуган.

— Что же это значит? Что это значит? — спросил он, обводя жрецов пристальным взглядом сощуренных, близоруких глаз и усиленно теребя рыжеватую бороду.

— Великий царь! — выступил жрец Анууган. — Чтобы ответить тебе на этот вопрос, я изучил все броизовые таблицы государственного архива со дня твоего рождения. И вот что узнал я: законный царь Атлантиды — ты.

— Я?.. Вот кх! Но я младший! Хотя мы родились двойней!..

— Ты — старший, великий царь! Об этом говорят не только наши таблицы!

Анууган подошел к стене, открыл потайную дверь и впустил Цальну.

— Вот повивальная бабка, которая принимала тебя и твоего царственного брата. Говори, старуха, кто родился первым: царь Келетцу-Ашинацак или Гуан-Атагуераган?

— Первым родился царь Келетцу-Ашинацак. Я хорошо заметила у первенца большую родинку на правом плече...

— Родинку?.. Да, у меня есть большая родинка на плече.

— Потом родился Гуан-Атагуераган. Когда младенцев омыли и показали родителю, трижды великому ца-

рю Атагуераган-Кукулькану, то он сказал, указывая на Гуана:

«Вот первенец и наследник мой!»

— Но почему же? Почему?... — обиженно воскликнул Келетцу-Ашинацак.

— Не гневайся, великий царь! Твоему родителю не понравился цвет волос на твоей голове. И еще: лицом ты был похож на овцу... И потом: ты родился слабенький, и отец боялся, что ты можешь умереть или будешь хилым царем...

— Хилым царем? Да? Так и сказал?

— Или хилым мужем, — я уж точно не помню...

— Ты больше не нужна, Цальна, — сказал Кунтинашар.

И Цальна, низко кланяясь, удалилась.

Жрецы выжидательно молчали. Келетцу-Ашинацак сидел озадаченный, теребя свою бородку. Наконец Анугуан нарушил молчание.

— Великий царь! Я хранитель законов. И я считаю, что во имя святости закона ты должен быть восстановлен в своих правах!

В близоруких глазах Келетцу вспыхнула радость, но он испуганно замахал ручками.

— Что ты!.. Что ты!.. А как же брат?

— Мы предложим ему уступить место добровольно. Если же он не согласится, то...

— Конечно, не согласится! Конечно! Столько лет царствовал — и вдруг...

— Если не согласится, то у тебя есть армия и флот. Часть войск и военачальников Гуана-Атагуерагана недовольна им. Среди подвластных Атлантиде царей ты всегда можешь найти союзников. Мы с тобой. Тебе нужно лишь одно: заявить о своих правах. Остальное сделаем мы... с тобой и от твоего имени.

— Я не знаю... Это так неожиданно...

— Твои колебания понятны, великий царь, — сказал Эльзаир. — Родственные чувства... любовь к брату... Но наш земной путь предначертан на небесах. Если ты еще сомневаешься, то мы сделаем вот что. Данной мне богами властью я вызову тень твоего отца. Пусть он сам решит судьбу престола.

— Тень отца? — с испугом и интересом воскликнул Келетцу-Ашинацак.

— Да, тень отца!

И, отворив скрытую в стене дверь, Эльзаир повелительно сказал:

— Войди!

Келетцу-Ашинацак нерешительно вошел. Жрецы последовали за ним.

Совершенно круглая комната, окрашенная в голубой цвет, с куполообразным потолком, напоминала небесное полуночарие. Сходство дополняли разбросанные по куполу золотые звезды. В центре мозаичного пола из синих камней был выложен геометрически правильный круг со вписанным в нем пентаклем. Посреди круга возвышался узкий бронзовый трон, с диском солнца на верху спинки. По сторонам трона стояли два высоких бронзовых светильника в виде трех перевитых змей. Их загнутые хвосты служили ножками. Три золотые головки, с изумрудными глазами и открытыми, как для укуса, ртами, склонились над пламенем.

— Садись! — так же повелительно сказал Эльзаир.

Келетцу-Ашинацак боязливо переступил черту круга и взобрался по ступенькам на трон.

— Сейчас разорвется завеса времени!..

И Эльзаир, подняв руку, стал торжественно и претяжно произносить заклинания:

— АЦАН, ЦИТА, АТИЦ, НАЦА.

При каждом его слове пламя светильников меркло и, наконец, совсем погасло.

Комната погрузилась в непроницаемый мрак.

У Келетцу-Ашинацака от нервного напряжения зазвенело в ушах и перед глазами пошли зеленые круги.

Томительное молчание длилось.

Вдруг вдали послышались нежные звуки флейты. В тот же момент на стене появилась змейка голубоватого света.

Световая змейка беспрерывно двигалась, то разгораясь, то бледнея. Ее движения и сила света были неразрывно связаны со звуками флейты. Мелодия звучала быстрее и сильнее — быстрее извивалась и ярче светилась змейка. Звуки замедлялись и затихали — бледнел и замедлялся в своем движении свет; однообразная мелодия состояла всего из пяти повторяющихся нот.

Эта однообразная музыка и игра света гипнотизировали Келетцу. Он никак не мог понять, видит ли он светящиеся звуки, или слышит игру света.

Одновременно присоединилась вторая световая змейка и вторая флейта. Потом третья, четвертая, звуки и световые змейки догоняли друг друга, сплетались, расходились. Постепенно из отдельных змеек образовался светящийся круг. Тогда движение змеек прекратилось, умолкли и звуки флейты. Круг горел ровным фосфорическим светом. Он стал углубляться и превратился в круглое окно, за которым было пустое пространство, наполненное легким туманом.

Перед пораженным Келетцу-Ашинацаком предстала, как ему показалось, тень его отца.

Тень подняла руку по направлению к Келетцу, и в комнате ясно прозвучал голос:

— Келетцу-Ашинацак! Трон Атлантиды ждет тебя...

Все погрузилось во тьму.

Келетцу вскрикнул и потерял сознание.

Жрецы вынесли его в первую комнату и привели в чувство.

— Трижды великий царь Атлантиды! — торжественно обратился к нему Кунтинашар.

— Я еще не царь Атлантиды... — слабо произнес Келетцу с блуждающим взором.

— Для нас ты уже царь. Тень отца твоего возвела тебя на престол!..

— Да, но тень отца сказала: «Трон ждет тебя...» Может быть, по смерти брата?..

Кунтинашар бросил раздосадованный взгляд на Эльзаира.

— Ответ твоего отца совершенно ясен: «Трон ждет тебя». Значит, нельзя медлить, — сказал Эльзаир.

— Да, да... Хорошо. Я подумаю... Я слишком устал. Я дам ответ... да... Шитца, проводи меня.

И Келетцу-Ашинацак, опираясь на руку жреца, удалился.

— Не мог ты заставить эту тень говорить иначе! «Трон ждет тебя». Сказал бы: «Келетцу! Я приказываю тебе силой отнять трон у Гуана. Ты законный наследник престола», или что-нибудь в этом роде, — сердился Кунтинашар. — Удивительная у вас, магов, привычка говорить туманно, загадками. Вот и перетуманил!

— Кто ж его знал!.. — смущенно проговорил Эльзайр. — Ему все разжевать и в рот положить надо...

— А царек ничего... подходящий был бы царек, — сказал Зануцирам. — Очень удобный!..

— Удобный, когда будет царем. А посадить-то его как?

— Надо начать с другого конца, — сказал Анугуан. — Мне известно, да теперь и вам известно, что готовится восстание рабов. Во главе стоит Акса-Гуам-Итца, сын Шищсна-Итца — верного царского пса! То-то молодость! Увлекся, говорят, какой-то рабыней и теперь всю Атлантиду перевернуть хочет! Вот этого-то Акса-Гуама мы и используем. Если восстание направить умелой рукой, они могут убить Гуана-Атагуерагана. Нам это и нужно. С рабами же скоро справимся и на престол возведем эту атцорскую овечку — Келетцу. И мы будем неограниченными правителями Атлантиды. А сорвется восстание и уцелеет голова Гуана-Атагуерагана — слетит голова Акса-Гуама, да и его отцу не сдобровать. Мы же останемся в стороне.

— Вот истинный дипломат Атлантиды! Хранитель законов, поддерживающий восстание рабов! — со смехом сказал Кунтинашар.

Легкий волнообразный подземный толчок отбросил всех влево. Где-то зашуршала обвалившаяся штукатурка.

— Эти подземные толчки начинают беспокоить меня!

— Пустяки! — беспечно сказал Кунтинашар.

— Но не всегда дело кончается пустяками, — возразил Анугуан. — Наши таблицы повествуют о нескольких ужасных землетрясениях и извержениях вулканов. Вот эта самая пирамида, которая крепче скалы, дала три тысячи семьсот лет тому назад громадную трещину, и ее пришлось перекладывать. Что же было тогда с дворцами и храмами?..

— Ты собираешься жить три тысячи лет, Анугуан? Я думаю, на наш век хватит! А там... Пусть хоть все пирамиды лопаются, как скорлупа печеных яиц!

Сладко зевнув, он прибавил:

— Однако пора и на покой!

IX. Змееный

— Кончено!

Адиширна-Гуанч положил бронзовое зубило и молоток, отошел от статуи и окинул ее взглядом.

Перед ним, как живая, стояла Сель в короткой легкой тунике, с копьем в правой руке, приготовленным для метанья. Вся фигура дышала порывом. Правая нога выдвинута вперед и согнута в колене. Левой рукой, на ремешке, она сдерживала пару остромордых, поджарых собак с напряженными для прыжка мускулами. Волосы Сель были плотно обтянуты лентой, сколотой впереди булавкой в виде полумесяца. Этот полумесяц символически изображал ее имя¹.

Адиширна залибовался своим произведением. Такой он увидел Сель в первый раз на охоте, в лесу.

Большая луна уже поднялась над океаном. Лунный луч скользил по мраморному лицу статуи, и Адиширне показалось, что Сель улыбнулась ему.

В порыве любви он подошел к статуе и поцеловал ее в холодные мраморные губы.

— Кхе, кхе, кхе... боги святые, он с ума сошел...

Адиширна в смущении отпрянул от статуи и обернулся. Перед ним стояла нянька царевны Сель — бабушка Гу-Шир-Ца.

— Что случилось? Говори скорее!

Ца стала рыться непослушными, старческими руками в складках своей одежды, причитая и охая; наконец извлекла свернутый кусок материи и подала Адиширне.

— На вот... читай...

Адиширна вырвал из рук Ца кусок материи, раскрыл и в волнении начал читать при свете луны. Потом он вскрикнул, засунул послание за пазуху и быстро убежал.

Адиширна-Гуанч мчался по широким улицам к Священному Холму.

Жители Атлантиды наслаждались прохладой ночи. Из темной зелени садов неслись звуки песен, флейт и воркование китцар². Дома были освещены. Отдерну-

¹ Сель на языке атлантов означает луна. — *Ларисон*.

² Китцара — музикальный инструмент, напоминающий греческую кифару. — *Ларисон*.

тые занавеси меж колонн открывали для глаза внутренние помещения. Атланты возлежали у столов, увивых розами и уставленных блюдами и чашами. Рабы наливали вино в чаши тонкой рубиновой струей, высоко поднимая узкие, длинные амфоры. Слышались шутки и смех.

— ...Ты мало пьешь, оттого и боишься землетрясений, — услышал Адиширна отрывок фразы. — Пей больше, и ты привыкнешь к колебаниям почвы. Земля пьяна и шатается. Будем пить и мы. Раб, вина!..

Адиширна продолжал быстро идти. В густой тени лавровой рощи зазвучала веселая песня. Чей-то женский голос пел:

Атлантида тихо дремлет
В голубых лучах луны...
Как луна целует землю,
Поцелуй меня и ты!

Мужской голос отвечал:

Пусть зажгутся страстью очи!
Поцелуями, любовью,
Виноградной, сладкой кровью
Мы наполним чашу ночи!

Оба голоса слились в дуэт:

Будь что будет! Не печалься!
Ярко светит нам луна...
Песни пой и обнимайся,
Чашу ночи пей до дна!

Раздался смех и звук поцелуя.

Адиширна взошел на подъемный мост у Священного Холма.

— Кто идет? — окликнул воин.

— Адиширна, раб. Меня вызвали во дворец Шишен-Итца починить трубы в ванной комнате.

Адиширна-Гуанч, гениальный скульптор и ювелир, которые рождаются один раз в тысячелетие, принужден был исполнять по требованию жрецов и царя самые различные работы, вплоть до починки водопроводов и дверных замков. Адиширну знали на Священном Холме, и он беспрепятственно переступил запретную черту.

На Холме не было такого оживления, как в самом городе. Дворцы стояли особняком, окруженные высокими стенами.

Адиширна свернул на боковую дорогу, густо обсаженную кипарисами. Кипарисы стояли сплошной стеной, и здесь было почти темно. Пахло смолистой хвоей. Впереди послышался треск песка под чьими-то сандалиями. Адиширна спрятался меж кипарисов.

Медленной походкой, напевая под нос песню, прошел один из сторожей. Когда его шаги замолкли вдали, Адиширна отправился дальше. В конце аллеи свелились огни дворца.

Адиширна пробрался через чащу кипарисов и стал в обход приближаться ко дворцу. Занавесы между колоннами были закрыты. За ними слышались голоса. На площадке перед дворцом, у одной из колонн, укрывшись за кустом олеандра, стоял раб Куацром, слуга в доме жреца Шишен-Итца, и подслушивал.

Адиширна подошел к нему и тихо спросил:

— Где Акса-Гуам?

Куацром махнул на него, приложил ладонь к своему рту в знак молчания и показал на занавес.

Адиширна прислушался к голосам. Говорили жрец Шишен-Итца и его жена.

— Позор! Позор! Проклятие на твою голову! Ты родила и вскормила свой грудью змееныша! Акса, мой сын,— изменник и предатель!.. Он замышляет цареубийство. Он проводит время с рабами и подготавливает восстание... Он опозорил мое великое в истории Атлантиды имя... Я должен сейчас же донести на него царю!..

— Но, может быть, можно все исправить?.. Не допустить восстания. Расстроить их планы. Не спеши, молю тебя!..

Адиширна быстро отвел Куацрома в сторону:

— Донос?

— Донос.

— Слушай, Куацром... Надо во что бы то ни стало помешать Шишену-Итца... задержи его, придумай что-нибудь... мне сейчас некогда об этом думать... царь не должен знать о заговоре, понимаешь? По крайней мере, чем позже он узнает о нем, тем лучше. Где Акса-Гуам?

— Он в старых шахтах, на тайной сходке рабов.

— Ладно. Так помни же, Куацром!..

Адиширна быстро зашагал по кипарисовой аллее.

Х. В старых шахтах

Адиширна вмешался в толпу рабов.
Акса-Гуам кончал речь.

Он говорил о тяжких страданиях рабов, об их жизни, похожей на вечную каторгу, и призывал их восстать, сбросить цепи, убить царя, захватить власть в свои руки и стать свободными, какими они и были когда-то.

Яркие лучи луны обливали людской муравейник. Полуголые рабы заполняли громадную котловину заброшенных старых шахт. Рабы облепили своими телами кучи щебня, сидели на утесах, деревьях, камнях...

Адиширна внимательно оглядел толпу и сразу почувствовал: в ней нет единства.

Одни из рабов жадно слушали Акса-Гуама, полуоткрыв рот и кивая утвердительно головами, другие стояли неподвижно и смотрели на него недоверчиво и враждебно.

— Смерть или свобода!... — крикнул Акса-Гуам и сошел с утеса.

Его место занял раб, по прозванию Злой. Он имел светлую окраску кожи. Серые глаза его смотрели насмешливо. Злая улыбка кривила рот.

— Акса-Гуам, жреческий сынок, говорил нам о наших страданиях. Спасибо ему, что он просветил нас, без него мы и не знали бы об этом!

В толпе послышался смех.

— Но откуда у него вдруг появилась такая любовь к рабам? Не вместе ли с любовью к одной из наших девушек? — И он покосился на Ату, стоявшую рядом с Акса-Гуамом. — А что, — обратился он прямо к Акса-Гуаму, — если твоя любовь пройдет или Ата бросит тебя? Тогда ты воспылаешь к рабам такой же ненавистью? Вы, рабы, — продолжал он, обращаясь к толпе, — хотите стать свободными. С чего вы начинаете? С того, что выбираете себе нового царька Акса-Гуама. А что, если он подведет нас под плети, а потом сбежит на свой Священный Холм?.. Только сами рабы могут освободить себя от рабства! Восстание не дело влюбленных в расшитых золотом одеждах. Вот мое мнение! — И он сошел со скалы.

Толпа пришла в сильное возбуждение. Теперь толпа казалась единодушной. Но это единодушие явно было не в пользу Акса-Гуама. На него устремились тысячи враждебных глаз. Над толпой поднимались кулаки.

— Не верьте ему!..

— Он подослан жрецами! — послышались возгласы. — Гнать его вон!

На скале появился Кривой. Надсмотрщик выбил ему глаз, и с тех пор за ним утвердилось это прозвище. Кривой хитро прищурил свой единственный глаз и поводил головой из стороны в сторону, потом приложил указательный палец к кончику носа и сказал:

— Так вот...

Толпа заинтересовалась этим комическим началом и затахла.

— Злой прав. Но только он смотрит одним глазом, которым я не вижу...

— Хо-хо, — засмеялись в толпе.

— А теперь я посмотрю другим глазом, которым я вижу... Скажите мне положа руку на сердце, верите ли вы сами в успех восстания, в то, что вы будете свободны, что вы победите легионы атлантов? Нет, не верите. И все-таки восстание будет. Почему? Потому, что нет сил больше терпеть. Потому, что нам хуже не будет: убитым — мир, живым — та же каторга. В это время приходит к нам Акса-Гуам и говорит: «Я с вами. Я помогу вам». А хоть бы и так? Лучше с нами, чем против! Что побудило его прийти — не все ли равно? Наша девушка? Верно! Но ведь девушки-то наших у них полные гаремы. Выбирай любую. А он к нам. Может, и восчувствовал горе наше? Что же выходит? Верить — не верьте ему, а гнать тоже незачем... Авось пригодится. Верно я говорю?

И, ткнув опять пальцем в кончик носа, он сошел со скалы.

Акса-Гуам вытер со лба пот. Он совершенно не ожидал такого поворота дела. Он привык смотреть на рабов, как на безгласное стадо, забитое и покорное. Довольно сказать им ласковое слово, погладить по шерсти, и они пойдут за ним. Он снизошел до них. Он так долго умиллялся своей ролью благодетеля и спасителя — и вдруг вся эта сходка превратилась в какой-то суд над ним. Эти резкие свободные речи о нем, о его лич-

ной жизни, этот язвительный или насмешливый тон... Он чувствовал, как против его воли в нем поднимается вековая ненависть и презрение его касты к рабам...

Суровый и гордый, поднялся он на скалу.

— Я пришел помочь вам, а вы судите меня. Я не собираюсь делать вашим царьком. Пусть Злой станет во главе восстания... Я...

Толпа вдруг заволновалась, расступилась. Через толпу, расталкивая рабов, быстро шел Куацром. В руках он нес какой-то мешок.

— Расступись! Расступись! Важное известие!..

Куацром подошел к скале, поднял мешок и вытряс из него на землю какой-то круглый шар.

— Что это?.. — с недоумением спросил Акса-Гуам и вдруг сильно побледнел и в ужасе отшатнулся.

Освещенная лунным светом, на него смотрела осте-кленелыми глазами голова его отца, жреца Шишен-Итца...

Акса-Гуам схватился за скалу, чувствуя, что теряет сознание.

Ата истерически вскрикнула.

— Шишен-Итца узнал о восстании и шел к царю, чтобы донести на тебя и предупредить его о восстании, — заявил Куацром. — Адиширина сказал мне: «Задержи во что бы то ни стало Шишена-Итца, чтобы он не донес о заговоре рабов». Я не мог иначе задержать его... Лучше он, чем ты. Он был злой господин... Чтобы не сразу узнали, кто убит, я отрезал голову и унес в мешке... Вот... Я сделал, как мне было приказано...

Толпа выслушала эти слова в полном молчании.

Акса-Гуам сел на камень и опустил голову на руки.

Ата боязливо жалась к нему, не решаясь открыто проявить участие.

Когда первое впечатление прошло, рабы начали обсуждать создавшееся положение. Теперь царь неизбежно должен был узнать о готовящемся восстании. Так же неизбежна была тяжкая расплата за заговор. Надо было решаться действовать немедленно. После долгих и горячих споров план восстания был выработан. Решено было идти приступом на Священный Холм.

Но тут неожиданно на скалу поднялся Адиширина-Гуанч.

— Этот план никуда не годится, — сказал он решительным голосом.

— Брат! — воскликнула Ата.

Акса-Гуам поднял голову и с недоумением посмотрел на Адиширну.

— Священный Холм прекрасно укреплен со стороны каналов. Мосты могут быть подняты. Вы должны будете наполнить трупами каналы, прежде чем перейти их. Но там вас встретит бронзовая щетина копий. Мы поведем на приступ только часть нашей армии, чтобы отвлечь внимание. Главные же силы мы пустим в обход и обрушимся на Священный Холм со стороны гор. Это кратчайшая дорога и к царскому дворцу. Но нам нужно раньше овладеть оружием. Я подумаю над этим...

— Итак, на заре!.. — Адиширна не успел докончить. Сильный подземный толчок потряс скалы и волной прокатился по долине. Зашуршали падающие камни.

— Если подземные силы раньше не разрушат Священный Холм, — добавил он.

Но слова его потонули в шуме взволнованной толпы. Муравейник пришел в движение. Рабы расходились, обсуждая события.

Акса-Гуам, Ата, Адиширна и Гуамф шли по дороге.

— Прости меня, Акса, я был невольным виновником смерти твоего отца!.. Но я думал, что Куацром умнее...

Акса-Гуам только мрачно кивнул головой.

Они вышли на безлюдную боковую дорожку. Ата взяла Акса-Гуама за руку и крепко сжала ее, желая утешить. Акса-Гуам ответил рукопожатием.

— Ты тоже примкнул к ...восстанию? — спросил Акса. Он хотел сказать: «примкнул к нам», но после речей рабов не смог сказать этого.

— Я не верю в восстание! — сказал Адиширна. — Я преследую личные цели и откровенно говорю об этом.

И, вынув из-за пазухи кусок материи с письменами Сель, он подал его Акса-Гуаму.

Акса-Гуам прочитал:

«Отец выдает меня замуж за царя Ашура. Я скоро должна уехать. Отец узнал о моем свидании с тобой в Золотых Садах от раба и очень рассердился. Он запер меня в Соколином Гнезде. Сель».

Акса-Гуам знал Соколиное Гнездо. Это была своего рода тюрьма для лиц царского дома. Подземный ход вел из самого дворца к горе. Внутри горы была проложена винтовая лестница, которая выводила в помещение, вырубленное на громадной высоте: небольшой балкончик над отвесным, как стена, утесом. Побег был невозможен.

— У меня один путь к Сель — через дворец! — сказал Адиширии.

Оба замолчали, думая каждый о своем.

— Брось это дело! — сказал Гуамф Акса-Гуаму.

Ата только крепче сжала его руку и пристально посмотрела ему в глаза.

Он тяжело вздохнул, до боли сжал руку Аты и сказал глухим голосом:

— Поздно!

XI. *Ацро-Шану и Крицна*

Дворец хранителя Высших Тайн Ацро-Шану стоял особняком у храма Посейдона, окруженный высокой стеной.

Дворец имел два этажа: нижний помещался под землей. В верхнем были парадные залы для приема, украшенные со сказочным великолепием. Золотые статуи богов, мебель, треножники, осыпанные драгоценными камнями, ослепляли глаза.

Ацро-Шану очень редко бывал здесь. Только ранним утром, проведя ночь за бронзовыми таблицами, он приходил иногда подышать свежим воздухом. Он садился у балюстрады на открытой площадке, щурил глаза и тихо дремал или думал. Раб приносил скромный завтрак — маленькую пресную булочку в виде двух сплюснутых шаров и чашу ключевой воды.

Как только жар усиливался, он спускался в свои подземные комнаты. Здесь всегда стояла ровная прохладная температура. Хорошая вентиляция освежала воздух. Дневной свет проникал, преломленный шлифованными зеркалами. Зеркала эти врашивались по ходу солнца. Но в дневном свете не было нужды: Ацро-Шану работал только ночью.

Нижнее помещение представляло полный контраст с верхним этажом. Белые мраморные стены не имели никаких украшений. Комнаты были обставлены почти скучно, самой необходимой деревянной мебелью. Простая деревянная кровать была покрыта двумя шкурами леопардов. Вдоль стен длинной анфилады комнат тянулись полки с рядами бронзовых таблиц. Каждая полка имела надпись на бронзовой пластинке и номер; сами пластинки были также классифицированы и пронумерованы. Один каталог этой библиотеки занимал целую комнату.

Была ночь.

Ацро-Шану сидел в деревянном кресле у длинного стола. Огонь светильника золотил бронзовые пластинки, грудами лежащие на столе. Заслонив рукой глаза от света, Ацро-Шану внимательно читал. Рядом с ним сидел молодой жрец Крицна — его ученик. Тишина была необычайная. Ни один звук не проникал сверху.

Старик откинулся на спинку кресла и, полузакрыв глаза, тихо сказал:

— Бедная Атлантида!

Крицна не осмелился нарушить молчания.

— Я стар... мне сто сорок девять лет. Пора на покой, — начал Ацро-Шану после долгой паузы. — Тебя избрал я, Крицна. Тебя посвячу в Высшие Тайны Атлантиды. Ты молод. Моложе других. Но в тебе сильный дух и бесстрашная мысль. Чувствуешь ли ты себя готовым, чтобы узнать истину? Готов ли во имя ее расстаться с самым дорогим для тебя?

— Готов! — твердо произнес Крицна.

— Так слушай: Высшая Тайна в том... что ее нет!

Крицна смотрел на жреца с недоумением.

— Для толпы, даже для царей и пизших жрецов у нас много тайн. Мы знаем, как лечить болезни. Мы знаем ход небесных светил. Мы даже знаем, когда должно наступить затмение солнца или луны. Мы можем вызывать мертвых. Чего же больше? Да, мы обладаем великими знаниями, но в них нет ничего таинственного... Тысячи лет мы наблюдали за ходом болезней человека и записывали эти наблюдения. Тысячи раз мы испробовали — сперва на больных рабах — тысячи разных трав, настоев и смесей. Тысячи больных умирали от наших лекарств, но от некоторых они выздоравлива-

ли. Мы тщательно записывали все это, сверяли записи, делали выводы. Так ощупью, слепо, опытным путем мы создавали нашу медицину. Почему настой горькой коры известного нам дерева исцеляет лихорадку? Мы не знаем сами. Мы лишь знаем его целебное действие... Тысячи лет мы наблюдали светила неба и записывали наши наблюдения. Сравнивая их, мы заметили закономерность и периодичность многих небесных явлений и научились предсказывать наступление этих явлений... У нас нет других тайн, кроме тысячи накопленных наблюдений. Но и это тайны лишь потому, что наш опыт мы скрываем от непосвященных. И только в этом наше могущество!

— А вызывание духов?..

— Мы прибегаем ко многим средствам, чтобы удержать свое влияние и власть. Зная заранее о затмении солнца, мы говорим, что гнев богов сокроет солнечный свет и лишь по нашей молитве вернет его людям. И при помощи этого мы заставляем самого царя повиноваться нашей воле.

— И царь не знает?..

— Царь верит в тайну и суеверен так же, как и последний из рабов. Воспитание царей находится в наших руках... Ты спрашивал о вызывании духов. Отражение на парах при помощи зеркал восковой фигуры и слуховая трубка... Вот и все привидение... Как-нибудь я объясню тебе, как это делается...

Крицна был поражен. После некоторого колебания он сказал:

— Но это обман!

— В чем истина? Разве сами чувства не обманывают нас? И потом народ любит чудо и тайну, и мы даем их народу. Обман? Да! Но это дало нам возможность посвятить себя исключительно знанию и сделать много полезных народу открытий...

— Почему же не посвятить в эти знания и народ?.. И что получают рабы от всех полезных открытий?..

Ацро-Шану нахмурился.

— Рабы? Кто же будет копаться в шахтах, если рабы станут заниматься наукой?..

Крицну не удовлетворил этот ответ. Целый вихрь мыслей и сомнений закружился в его голове. Несколько успокоившись, он спросил:

— Ну, а боги?..

— Их нет!

Крицна почувствовал, что у него кружится голова. Искоса посмотрев на него, Ацро-Шану смягчил удар.

— Если хочешь, они есть, но не таковы, какими представляют их цари и рабы. Солнце «божественно» своей оплодотворяющей силой, теплом и светом. Но ни один раб не исполняет с такой точностью свою работу, как солнце свой восход, течение по небу и заход. Может ли оно убавить свой свет или ускорить свой путь? Солнце не бог, а раб времени и пространства...

Крицна молчал, опустив голову...

Лицо его было бледно, густые брови нахмурены. Громадное напряжение мысли и внутренняя борьба отражались на этом лице.

Ацро-Шану незаметно наблюдал за ним, как врач наблюдает больного, производя над ним опасную операцию.

— Я знаю, Крицна, это трудно... Сомнения терзают тебя и будут терзать... Но ты выйдешь победителем... А когда буря уляжется в твоей душе...

Вошел раб.

Это было необычно. Во время занятий никто не имел права входить в комнату Ацро-Шану.

Жрец нахмурился и недовольно забарабанил иссохшими пальцами по столу.

— Что-нибудь срочное?..

Раб преклонил одно колено.

— Трижды священный! Вестник Солнца и Эльзаир просят тебя впустить их по неотложному делу.

— Пусть войдут!

Эльзаир и Вестник Солнца вошли, опустив головы. Ацро-Шану благословил их поднятием руки.

— Говорите...

— Трижды священный! — сказал Эльзаир. — Я не осмеливался раньше нарушить твой покой... Меня уже давно беспокоят необычайные явления в небесах... Светила как будто сошли со своих мест... Их путь не проходит уже по точкам, установленным на наших пирамидах и инструментах... Не предсказывают ли эти явления, думал я, великих бедствий?.. И вот является

Вестник Солнца, и его сообщения как будто подтверждают мои опасения...

— Говори! — обратился Ацро-Шану к Вестнику Солнца.

— Трижды священный! Я совершил свой обычный объезд по нашим владениям для сбора налогов и ревизий. И везде я заставал ужасные картины. На восток и на запад от Атлантиды все острова в огне вулканов. Многие города уже погибли от извержения и землетрясений. Земля колеблется, здания рушатся, и люди мечутся, как стадо испуганных овец...

— Бедная Атлантида!.. — вновь тихо произнес Ацро-Шану. — Ты прав, Эльзаир! Твои наблюдения имеют связь с наступлением печальных событий, о которых говорит Вестник Солнца. И все же ты ошибся, Эльзаир. Планеты не смешились со своих мест, и неподвижные звезды так же неподвижны, как и раньше.

— Но мои наблюдения?.. Проверь их сам! Это истина! Я видел своими глазами!..

— А ты веришь глазам? — и, обратившись к Крицне, он сказал: — Слушай. Вот хороший пример твоей «истины». Что ты думаешь, Эльзаир, если после чаши крепкого вина тебе покажется, что все шатается вокруг?

Эльзаир покраснел от обиды.

— Но я был трезв...

— Я не о том. Подумаешь ли ты, что колонны смешились с мест, или найдешь причину явлений в своей голове?.. Так и здесь. Смешились не звезды, а пирамиды, и потому вершины пирамид и твои инструменты не совпадают с обычными течениями звезд.

Эльзаир был совершенно озадачен.

— Но пирамиды стоят незыблемо на земле!

— А сама земля?..

Эльзаир начал понимать.

— Не проще ли допустить, что сдвинулась одна земля, а не весь небесный свод? Так оно и есть. Подземные силы огня изменили положение самой земли; сдвинулись и все твои точки наблюдения. Только сейчас я изучал явления, предшествовавшие ужасным землетрясениям, постигавшим уже Атлантиду тысячелетия тому назад... Тогда было то же самое... И так же, как теперь, первыми начали действовать вулканы на со-

седних с Атлантидой островах; они меньше Атлантиды, и подземным силам огня легче справиться с ними — прорваться наружу! Увы... На основании моих исследований я пришел к заключению, что мы перед неизбежной катастрофой... Атлантида обречена!.. Сообщения Вестника Солнца лишь говорят о том, что мы ближе к катастрофе, чем я предполагал...

Эльзаир и Вестник Солнца стояли пораженные. Только Крицна не проявил особого волнения: «подземные силы» клокотали в нем самом.

— Созовите на завтра Верховный Совет... Если мы бессильны предупредить несчастье, позаботимся о спасении.

— Крицна, сообщи во дворец о созыве Верховного Совета.

Крицна поднялся наверх и вышел на мраморную балюстраду дворца.

Внизу лежала Атлантида, упоенная лунным светом и ароматом цветов. Как всегда, со стороны города доносились смягченные расстоянием звуки музыки и песен. Вдали мерно вздыхал океан.

Но Крицна ничего не видел. Он крепко сжал голову и стоял с искаженным лицом под яркими лучами луны. «Все ложь и обман... Нет богов... нет тайны... Есть только жадная, корыстная каста жрецов, которая из знания делает тайну, чтобы угнетать народ и утопать в роскоши...»

Взгляд его упал на золотую статую Бога-Солнца, сияющую в лучах луны.

Вдруг, в порыве бешеного гнева, Крицна сбросил статую с пьедестала.

Она со звоном покатилась по мраморным плитам пола.

XII. Восстание рабов

Жрецы и двор давно знали о готовящемся восстании рабов, хотя время восстания им еще не было известно. Священный Холм спокойно ожидал событий.

До сих пор эти восстания не представляли большой опасности для «государства», то есть для его господствующих каст: царского дома, жрецов, военачальников.

Эти восстания походили скорее на неорганизованные бунты.

Однако на этот раз события развертывались иначе. Задолго до рассвета, еще в полной тьме, рабы тихо, бесшумно оставили шахты. Так же бесшумно наносились внезапные удары тяжелыми бронзовыми кирками в головы надсмотрщиков и сторожей. И они падали, как снопы, не издав ни звука.

Не прошло часа, как весь Черный город оказался в руках восставших. Мрак и тишина скрывали события.

У дорог и тропинок, ведущих к Священному Холму, были поставлены сторожевые отряды, чтобы задержать случайно уцелевших надсмотрщиков и сторожей, которые могли предупредить о событиях Священный Холм. Но это было сделано лишь из предосторожности: в Черном городе не осталось ни одного сторожа, ни одного надсмотрщика с уцелевшим черепом...

Рабы двинулись к старым шахтам.

Здесь находился штаб восстания.

— Если мы и не победим, мы дадим почувствовать Священному Холму растущую силу рабов, — сказал Злой, обращаясь к толпе. — Нам нужно во что бы то ни стало вооружиться бронзовыми мечами и копьями. Арсеналы охраняются большими и хорошо вооруженными отрядами воинов. Нам не одолеть их нашими мотыгами и кирками. Итак, чтобы достать оружие из арсенала, нам нужно уже быть хорошо вооруженными. Много готового оружия имеется еще на заводе. Это здесь, под рукой. Завод охраняется меньшим отрядом, чем арсенал. С этим отрядом, быть может, мы справимся скорее. Но при первом же натиске они могут зажечь огни с сигналом тревоги и вызвать к себе на помощь дежурные легионы. Надо овладеть заводами так же быстро и бесшумно, как мы овладели Черным городом. Но как это сделать?

— Мне известно, — сказал Акса-Гуам, — что перед рассветом сменится отряд, охраняющий завод. Смена будет идти по дороге Дракона. У двух источников эта дорога проходит в глухом месте через котловину... Нападем на этот отряд, покончим с воинами, наденем их доспехи, явимся на завод в виде смены и займем ее место. Тогда завод будет в наших руках со всем его оружием.

— А пароль? — спросил Адиширна.

— Я узнал его: «Змей и Солнце».

План был принят.

На дороге Дракона, у двух источников, произошло первое сражение.

Рабы пропустили отряд, отрезали отступление и сразу напали на него с трех сторон: спереди, с тыла и с левой стороны дороги — правая обрывалась крутым утесом.

Удар был неожиданный, но закаленные в боях воины атлантов оказывали упорное сопротивление. Щиты защищали их от камней. Копья были длиннее мотыг и кирок. Воины разили ими рабов без особого вреда для себя. Отряд мог быть легко сброшен с утеса, но надо было по возможности полностью сохранить вооружение воинов. На стороне рабов был численный перевес. Копья застревали в телах рабов, но прежде чем воины успевали извлечь острие копья, к древку тянулись десятки рук и цепко хватались за него, несмотря на удары других копий. Мало-помалу большинство копий перешло в руки рабов. Движения воинов затруднялись недостаточной шириной дороги. Потеряв копья, воины пустили в ход мечи. Но копья дали явный перевес рабам: мечи были короче копий. Один за другим падали воины, загромождая трупами дорогу, что еще больше затрудняло маневрирование.

Отряд был обречен...

Через какой-нибудь час он представлял груду тел. Ни одного человека в отряде не осталось в живых. Рабы быстро сняли с трупов воинов вооружение, смыли кровь у источника и надели его на себя.

Акса-Гуам нарядился в доспехи начальника отряда, и все двинулись в путь. У дороги остался заградительный отряд.

«Смена стражи» у завода произошла благополучно. Начальники отрядов обменялись паролями, и ночная смена, звеня бронзовым оружием, потянулась в обратный путь.

К их приходу все трупы были сброшены с утеса, путь был очищен, следы сражения замечены.

Покончить с небольшим отрядом внутренней стражи завода не представляло большого труда. Громадные

заводы, изготавлившие бронзовое оружие, были в руках восставших.

На заводе оказалось семь тысяч готовых мечей и копий и пять тысяч еще не полированного, но годного к бою оружия. Рабы ликовали. Никогда еще восстание не начиналось такой удачей. Крепла вера в победу над Священным Холмом.

Приближалась заря, и надо было спешить покончить с арсеналом и до восхода солнца перебросить главные силы в горы.

Вооруженные рабы, представлявшие уже грозную военную силу, быстро двинулись к арсеналу.

Их вооружение ввело гарнизон арсенала в заблуждение.

— Кто идет? — спросил выдвинутый вперед дозор.

— По распоряжению Кетцаль-Коотля, начальника вооруженных сил Атлантиды, легионы «охраны» для подкрепления гарнизона, — ответил Акса-Гуам.

Половина рабов успела перейти мост, когда обман был обнаружен, и то лишь по недосмотру самих рабов: часть слишком ретивых рабов, не получивших вооружения, последовала за отрядом со своими кирками. Их заметили и подняли тревогу. Но было уже поздно. Мечи скрестились, потрясая тишину ночи лязгом бронзы. Воины атлантов сражались с обычной стойкостью. Рабы теснили их, воины отступали внутрь громадного арсенала, отдавая с боя каждый шаг. С треском ломались тяжелые двери складов, толпы полуоголых рабов вливались туда, выходя обратно в полном боевом вооружении. Рабы побеждали.

Еще продолжались отдельные схватки в самих складах и в углах широких мощенных дворов, а вооруженные ряды рабов уже двигались быстрым маршем по горной дороге в обход Священного Холма. Короткие стычки по дороге со сторожевыми отрядами не задерживали этого стремительного продвижения.

За одну ночь безоружные, бессильные рабы превратились в грозную армию, вооруженную шестнадцатью тысячами мечей и копий.

Несмотря на все предосторожности, от Священного Холма не удалось скрыть захвата арсенала. Арсенал помещался у подножия Священного Холма. Шум битвы ясно доносился туда в тишине ночи. Но это же сраже-

ние у арсенала дало возможность главным силам рабов продвинуться далеко вперед в горы, прежде чем рабы были замечены. Во главе этих главных сил были Кривой и Адиширна. На долю Злого и Акса-Гуама выпала трудная задача: с меньшими силами вести наступление на Священный Холм со стороны наиболее защищенной и принять на себя главный удар лучших легионов атлантов — кавалерии «Нептуна» и «Непобедимых».

Священный Холм уже ослепительно сверкал бронзой своих храмов и дворцов в утренних лучах солнца, когда Акса-Гуам и Злой со своими отрядами подошли к кольцевому каналу, у подножия Священного Холма. Подъемные мосты были подняты. Вся набережная на стороне Священного Холма горела, как бронзовая стена, вооружением выстроившихся в боевом порядке воинов.

Рабы приуныли, глядя на густой лес копий противника... Канал преграждал путь рабам.

Но обе враждующие стороны недолго стояли в выжидательном молчании.

В канале у берега стояло множество мелких судов. Злой махнул рукой на эти суда, и работа закипела. Рабы стягивали баркасы и фелюги к одному месту и под ударами копий, пущенных с того берега, составляли плавучие мосты. Набережная поднималась над водой на полтора человеческих роста, но это не останавливало рабов. Они двинулись по мостам и, становясь друг на друга, карабкались на берег. Копья сбрасывали их. Скоро из тел рабов на судах у берега выросло возвышение, по которому ползли, как муравьи, новые ряды рабов. Весь канал покраснел от крови вниз по течению. Трупы покрывали поверхность воды. Но главное было сделано: прежде чем солнце достигло зенита, рабы были на другом берегу. Многие из них впервые вступили на Священный Холм. Воины атлантов отошли на широкую площадь перед каналом, чтобы получить большую свободу маневрирования, и здесь началась длительная, упорная борьба.

У воинов атлантов было большое преимущество в том, что они стояли на холме, рабы же — внизу, на узкой площадке, имея за собой канал. Подкрепление к рабам могло вливаться лишь медленно, по мере захвата площади. Груды тел затрудняли движение. Рабы

стали ослабевать. Атланты усилили натиск. Наступил момент, когда, прижатые к каналу, ряды рабов могли быть сброшены в воду.

Злой и Акса-Гуам сражались в первых рядах. Оглянувшись, Злой увидел, что рабы отступают.

«Конец!» — подумал он.

Но в этот момент среди воинов атлантов также произошло замешательство. Их задние ряды спешно отступали.

Как потом оказалось, на горном фронте положение атлантов было отчаянным. Адиширна и Кривой лавиной обрушились с гор и вплотную подошли к самому дворцу царя. Туда и было спешно вызвано подкрепление.

Отряд Акса-Гуама и Злого вздохнул свободнее. Скоро рабы перешли в наступление и упорно теснили врага к вершине Священного Холма.

Но в это самое время на Священном Холме произошли события, предрешившие исход восстания.

В ту ночь, когда рабы подняли восстание, у царя Гуан-Атагуерагана был прощальный прием отъезжающих после праздника Солнца подвластных царей.

Чтобы поразить их в последний раз богатством и великолепием двора, прием происходил в Изумрудном Зале, помещавшемся в подземной части дворца. Все стены громадного зала были сплошь покрыты драгоценными камнями. Эти камни, подобранные по цветам, изображали фантастические цветы и пейзажи.

На бронзовом небе сияло топазовое солнце, хризопразовые деревья отражали свою зелень в изумрудных водах.

Желтые и розовые бериллы, красные рубины венчиками цветов поднимались из хризолитовой травы.

Трон стоял у стены, сплошь выложенной одними изумрудами, разные оттенки которых составляли сложный узор. Это была в буквальном смысле изумрудная стена; она была отделена от капитальной стены коридором, в котором помещались светильники. Свет их проникал сквозь изумруды, производя необычайный световой эффект.

Царь был предупрежден уже о восстании. Церемония приема была затянута, чтобы ко времени ее окончания порядок на Священном Холме был восстановлен.

влен: приезжие цари не должны были знать о восстании. Это было тем легче сделать, что в Изумрудный Зал не проникал никакой звук с поверхности земли.

Но восстание ворвалось и в это скрытое помещение.

Прежде чем подоспели на помощь горному фронту воины, снятые с поля сражения у канала, Адиширна и Кривой овладели дворцом. Звук мечей уже послышался в соседнем зале. И вдруг вооруженные рабы ворвались в Изумрудный Зал. Почетные караулы царей и сами цари принуждены были пустить в дело мечи.

Только Гуан-Атагуераган восседал еще на престоле с величавой неподвижностью статуи и наблюдал за битвой. Но в душе его было смятение. Дворцовая стража и цари дрались с мужеством отчаяния, но ряды их редели с каждой минутой... Смерть смотрела в глаза царя Атлантиды...

В то мгновение, когда падали последние защитники дворца, царь вдруг вспомнил о возможном спасении. Он хотел гордо встретить смерть, как подобает царю Атлантиды. Но мысль о спасении заставила его сбросить маску величия. Быстро сбежав по ступенькам трона, он вынул тяжелый бронзовый меч, крепко сжав рукоятку, усыпанную бриллиантами, и с размаху разрубил изумрудную стену. Несколько ударов образовало проход в стене. Крупные изумруды, как горох, покатились на мозаичный пол. Царь бросился в образовавшийся проход. По его пятам к проходу кинулось несколько рабов.

Вдруг один из рабов, увидев крупные изумруды, наклонился к полу, стал пригоршнями собирать их, засовывая в рот и за панцирь. Другие рабы с разбегу налетели на него и упали. Куча тел заслонила проход.

Царь бежал...

Пылающий гневом Кривой подбежал к замешкавшимся у разбитой стены рабам и стал избивать их.

Адиширна потрясал мечом и призывал к порядку. Ничего не помогло. Не видя больше противника, толпы рабов рассеялись по залам дворца и занялись грабежом. В кладовых нашлись громадные амфоры с вином. Вино наливали в вогнутые щиты, и, истомленные зноем и битвой, рабы жадно пили и тут же падали от опьянения...

XIII. Конец восстания рабов

Как только жрецы узнали о восстании, они собрались на совет в одной из пирамид. Здесь они были в безопасности. Подземные ходы, соединявшие дворцы и пирамиды, были хорошо скрыты. От своих служителей жрецы знали о ходе борьбы.

Несмотря на посланный жрецами приказ военачальникам подавить восстание немедленно, сверху приходили неутешительные вести.

Исход продолжавшегося сражения был сомнителен. В окрестностях Посейдониса были расположены громадные гарнизоны. С помощью их не представляло труда подавить восстание, но теперь каждый лишний час битвы причинял жрецам убытки: рабы разоряли их дворцы, и притом большинство рабов составляло «движимое имущество» жрецов. Этот живой товар неплохо расценивался на Морской Бирже.

Только к закату солнца успех правительственных войск определился окончательно. Армия Кривого и Адиширны была оттеснена в горы и рассеяна в лесах. Кривой был убит во дворце, и труп его разрублен на части «кавалерией Нептуна». Адиширна-Гуанч пропал без вести.

Покончив с главными силами рабов, воины атлантов двинулись на остатки армии Злого и Акса-Гуама. Рабов прижимали к каналу, они падали в канал итонули.

Небольшая группа рабов со Злым во главе, как разъяренные львы, защищала мосты, прикрывая отступление.

Наконец, пронзенный в горло, пал Злой. Священный Холм был очищен. Оставались лишь отдельные группы рабов, которых воины травили, как собак, загоняли во дворы и тупики и зверски убивали.

Акса-Гуам был ранен в руку и голову. Его оттеснили от отряда Злого.

Отбиваясь от наседавших воинов, он стал в углубление бронзовой стены, окружавшей дворец Верховного жреца Ацро-Шану, прислонившись спиной к узкой бронзовой калитке.

От кровотечения из ран и усталости у Акса-Гуама кружилась голова и глаза застилало туманом. Как во сне, он машинально махал мечом, отбивая удары копий.

Неожиданно калитка открылась за ним, и он едва не упал навзничь. Подозревая ловушку, он обернулся и увидел перед собой Крицну — ученика Ацро-Шану. Крицна поддержал его и, ухватив за руку, втолкнул в калитку. Сюда же бросился один из воинов. Крицна выхватил из слабеющей руки Акса-Гуама его меч и ударил воина по голове. Тот свалился. Но за ним вырос другой. Длинным копьем он пронзил грудь Крицны.

— Закрой калитку! — успел крикнуть Крицна и упал, обливаясь кровью.

Акса-Гуам захлопнул калитку и заложил тяжелый бронзовый засов.

Он склонился к Крицне. Глаза Крицны тускнели. Кровь с клокотанием выходила из раны в груди и изо рта.

— Умираю... так лучше... все ложь и обман... и жизнь обман... — хрипло говорил он с паузами. — Оставь меня... беги...

И Крицна склонил голову на землю. Легкая судорога прошла по его телу.

Акса-Гуам медленно шел по саду. Он не думал о бегстве... Он ни о чем не думал. Он был слишком разбит телом и духом.

Из-за стены доносились звуки удаляющегося сражения, крики и стоны.

Но здесь было тихо и мирно, как всегда.

Пальмы горели своими веерообразными вершинами в лучах вечернего солнца. Цветы благоухали. В яркой зелени деревьев кувыркались и кричали бело-розовые и красно-зеленые попугай, привязанные за ногу золотыми цепочками.

— Доброе утро, Ацро-Шану! — картаво и резко прокричал вслед Акса-Гуаму попугай.

Акса-Гуам спускался по желтой песчаной дорожке, усаженной по сторонам цветущими белыми лилиями и белыми туберозами. Их сильный, сладкий запах пьянит ему голову.

На ветке большого апельсинового дерева сидела ручная обезьяна и внимательно чистила большой, зре-

лый, сочный плод. Увидев Акса-Гуама, она сорвала еще один апельсин и с насмешливым криком запустила в него. Как оранжевый мяч, апельсин покатился по желтой дорожке.

Акса-Гуам вспомнил, что со вчерашнего дня он ничего не ел.

Он поднял апельсин и с наслаждением стал есть его сладкую, сочную, душистую мякоть. Обезьяна что-то закричала сму вслед на своем языке.

Он невольно улыбнулся, кивнув обезьяне головой. Она приветливо закивала в ответ. И странно: ему стало как-то легче на душе.

Он подошел к мраморному водоему, снял с себя тяжелые доспехи и вымылся в холодной ключевой воде. Оставшись в короткой черной тунике жреца с расшифрованным на груди золотыми нитками диском солнца, он почувствовал себя легко и свободно. С удовольствием он растянулся на зеленой траве, расправляя усталые члены.

«Если бы не болели раны, было бы совсем хорошо», — подумал он.

Сладкая истома сковывала тело. Он невольно закрыл глаза и стал погружаться в дремоту.

Вдруг словно какой-то толчок разбудил его. Он быстро сел.

Ата! Что с ней?.. Как мог он так долго не думать о ней!

Ата умоляла его позволить ей сражаться вместе с ним.

— Многие наши женщины-рабыни вооружаются и идут на Священный Холм, чтобы умереть или победить... Я не могу остаться дома... Я сильна, и я хочу быть с тобой...

Но он настоял на своем. Он убедил ее остаться, уверяя, что, если она будет рядом с ним на поле сражения, опасения за ее жизнь будут отвлекать его и это скорее может погубить их и повредить восстанию.

Со слезами на глазах она простилась с ним прошлой ночью на старых шахтах...

«Что с нею?.. Не пошла ли она разыскивать меня и не убили ли ее воины атлантов?»

Одним прыжком он поднялся на ноги и быстро пошел вниз по дорожке. Перелез через стену и стал спускаться со Священного Холма.

Кратчайшая дорога вела мимо дворца его покойного отца.

Минуту Акса-Гуам колебался, но потом решительно зашагал по этой дороге. Она уже вся была очищена от рабов. От времени до времени встречались отряды воинов. О его участии в восстании знали немногие обитатели Священного Холма. В своей одежде жреческой касты он беспрепятственно шел вперед.

Подходя к дворцу отца, он невольно замедлил шаги.

Дворец одной стороной выходил на дорогу, поднимаясь своими тяжелыми колоннами над бронзовой оградой.

Вдруг Акса-Гуам остановился. У него перехватило дыхание.

В одном окне стояла его мать с растрепанными седыми космами волос и безумными глазами. Она узнала его и, указывая на него пальцем протянутой руки, истерически захочотала.

— Вот он!.. Вот он!.. — кричала она. — Змееныш! Змееныш! Где ты прячешь голову твоего отца? Она нужна Агушатце... Он делает мумию. Разве бывают мумии без головы?.. Отдай голову отца!.. Отдай голову!..

Две рабыни подхватили ее под руки и силой оттянули от окна.

Акса-Гуам зажал уши и бросился бежать. Но крик матери стоял в его ушах:

— Отдай голову твоего отца!..

Только добежав до моста у канала, он несколько успокоился.

Бедная мать!.. Голова отца... Она на старых шахтах... Голова жреца... Акса-Гуам даже не знает, закопали ли ее в землю...

XIV. Гибель Аты

В Черном городе еще не улеглось волнение. Толпы рабов наполняли улицы. Воины атлантов не преследовали рабов. Священный Холм очищен, а от кары рабам не убежать.

На широкой площади, где перекрещивались две дороги, какой-то раб узнал его:

— Смотрите, он! Вот он! Вот Акса-Гуам, царь рабов!

— Предатель!

— Изменник!

Толпа окружила его. В него нолетели камни.

Разъяренные женщины протягивали к нему кулаки и кричали:

— Отдай мне убитого мужа!

— Ты погубил моего сына!

— Где брат мой?

Какой-то раб-фракиец подскочил к нему и сбил его ударом на кучу щебня. Потом посадил, нахлобучил ему на голову свой красный колпак и закричал:

— Коронование царя рабов!

Кольцо толпы сжималось все теснее. Град камней падал на Акса-Гуама. Окровавленный и бледный, сидел он в красном колпаке и смотрел на толпу невидящим взором.

— Что смотреть на него? — сказал раб-бербер с копьем в руках. — Разве в нем не кровь врагов наших? Отойдите!

Рабы отошли в сторону, и раб-бербер пустил копье прямо в грудь Акса-Гуама.

Но прежде чем оно вонзилось, из толпы раздался женский отчаянный крик, чье-то тело метнулось между Акса-Гуамом и летящим копьем.

Копье прошило пасквоздь грудь молодой женщины. Это была Ата.

Она повернула голову к Акса-Гуаму и успела только сказать:

— Мою жизнь... — Кровь хлынула из горла и раны, и она замолчала, тяжело хрипя.

— Ата! — крикнул Акса-Гуам. Но силы изменили ему. Он потерял сознание и свалился с кучи камня к трупу Аты.

Толпа отхлынула и затихла, взволнованная неожиданной смертью Аты.

Но тот же раб-бербер, рассерженный тем, что ему испортили меткий удар, которым он хотел похвастаться, закричал:

— Еще одну рабыню сгубил он! Смерть ему! — И бросился к Акса-Гуаму. Несколько рабов последовали за ним.

— Стой, собака! — вдруг вырос как из-под земли старик Гуамф, заслоняя собой тела Аты и Акса-Гуама.

Рабы остановились в смущении. Старика Гуамфа знали и уважали в Черном городе.

— Уйди, старик! — понижая тон, сказал раб-бербер.

— Звери вы или люди? — накинулся на него Гуамф. — Вам мало крови? Так убейте и меня, старика!

И, обратившись к рабу-берберу, Гуамф продолжал:

— Где ты был, Ширна, когда брали Священный Холм? Ни один из рабов, которые бились там, не поднимет руку на Акса-Гуама: кто бы он ни был, он бился вместе с нами и за нас отдавал жизнь, как последний из рабов. Где ты достал копье, Ширна, которым хотел убить Акса-Гуама и убил мою внучку? Поднял на дороге после сражения? Я знаю тебя и твою шайку! Когда нас давят, вы подлизываетесь к надсмотрщикам и доносите на своих. Когда мы воюем, вы подусыкиваете других и выжидаете дома, кто победит, чтобы лягнуть копытом побежденного. Нам всем жилось бы легче, если бы не было таких, как ты. И ты смесь судить побежденного?

Раб-бербер смущился и исчез в толпе.

— Слушайте, рабы! Акса-Гуам потерял отца, — продолжал старик. — Мать его лишилась рассудка. Девушка, которую он любил, лежит перед вами с копьем в груди. Ему нет дороги назад, на Священный Холм...

Не дослушав конца речи, толпа рабов вдруг отхлынула и побежала к шахтам. По дороге, со стороны Священного Холма, медленно двигался отряд конницы. Не прошло пяти минут, как площадь была пуста. Слышно было только цоканье бронзовых подков по каменным плитам дороги да бряцание оружия.

Как победители, гордые и самоуверенные, воины атлантов медленно проехали, не кинув даже взора на группу у каменной кучи: трупов валялось слишком много на дороге, а дряхлый старик не стоил внимания.

Стало совсем тихо. Только жужжал рой синих мух, блестящих в закатных лучах, собравшийся над зияющей раной Аты.

Гуамф оттащил Акса-Гуама от дороги и скрыл за кустом труп Аты.

Акса-Гуам пришел в себя.

Гуамф ласково положил сму руку на плечо.

— Ты не сердись очень па них.— Он махнул рукой в сторону шахт.— Тяжело опять становиться в ярмо... Помнишь, как я сам рассердился на тебя, когда ты заговорил об освобождении рабов? Когда это будет и будет ли? Может быть, когда-нибудь, через тысячи лет, и взойдет наша звезда и исцелит раны наши. Но только тогда уж нас не будет, а может быть, не останется следа и от самой Атлантиды... И никто не будет знать, что и мы боролись за дело рабов и через тысячелетия посылали привет тому, кто будет счастливее нас...

— Пить...— хрипло прошептал Акса-Гуам и застонал от боли.

XV. *Обреченные*

Заседание Верховного Совета открылось в Медном Зале царского дворца.

Стены зала были покрыты медными листами с барельефами, изображающими подвиги царей Атлантиды. Развешенное внизу по стенам бронзовое оружие атлантов, от древнейших, грубо отделанных секир до мечей и панцирей последней отделки, полированных до зеркального блеска, придавало залу вид музея. Все члены Верховного Совета были в зале, кроме Верховного жреца Ацро-Шану.

Но царь не стал ожидать его. Сидя на высоком бронзовом троне, в полукруге кресел, занимаемых членами Совета, царь открыл заседание.

— Именем Солнца и волею нашей...

В Атлантиде произошло неслыханное событие. Восставшие рабы посягнули на мою священную жизнь. От руки презренной черни погибли все мои гости и цари. Лишь царь Ашура избежал ужасной гибели, бежав вслед за мной, и любезный брат мой, царь Атцора,— он не был во дворце по причине недомогания.

В восстании — о великий позор! — принимал участие и один из сыновей жрецов. Отец его поплатился своею головой за сына-изменника... Главные зачинщи-

ки: Акса-Гуам-Итца — пусть гнев богов падет на его голову — и раб Адиширна-Гуанч — да развернется под ним земля, — до сих пор не разысканы. Кто в этом повинен, Кетцаль-Коотль?

Военачальник склонил голову.

— Они будут разысканы, трижды великий...

— Если они не будут разысканы живыми или мертвыми, прежде чем солнце трижды скроется за утесом Льва, ты не увишишь, Кетцаль, четвертого восхода солнца. Но рабы... — И царь в гневе даже привстал с кресла, что было совершенно необычайным нарушением этикета. — Гнев мой не имеет границ. Пусть рабское племя помнит из поколения в поколение, что значит гнев царя Атлантиды. Я истреблю их всех до единого. Я подвергну их таким пыткам, от которых со дрогнется сама земля. Повелеваю набрать в наших колониях новых рабов! Рабы обречены. Все до единого...

Кетцаль-Коотль тяжело вздохнул.

— Не гневайся, трижды великий... Почти все рабы покинули Черный город... Их бегство было столь спешно, что в их квашнях остался замешанный хлеб. Они укрылись в лесах... Остались лишь старики, старухи и дети-сироты...

— И ты, старая собака, не сумел выследить дичь... Это измена. Вы все изменники и заговорщики!.. Оцепить леса!..

— Сделано!

— Обыскать все тропинки с охотничьями собаками!..

— Ищут, и многих уже поймали.

— Травить их, как диких зверей! Пусть вся Атлантида зальется их кровью!

В зале произошло движение.

На черных носилках четыре служителя храма осторожно внесли Ацро-Шану, Верховного жреца.

Поддерживаемый под руку, жрец медленно сошел с носилок, благословил царя, подошел к своему креслу и, не опускаясь в него, обратился к царю с речью:

— Трижды великий, могучий, непобедимый, богами хранимый владыка Атлантиды! Моя старая грудь разрывается от тоски, глаза источают слезы, и язык мой не повинуется мне... Но боги бессмертные повелели мне сообщить тебе о великом бедствии, которое надви-

гается на Атлантиду. Увы, увы... Мы все погрешили перед богами, и гнев их обрушился на нас...

Гуан-Атагуераган заметно побледнел.

— Говори скорее, в чем дело, — сказал он глухим голосом.

— Атлантида обречена... Атлантида должна погибнуть... от страшного землетрясения. Огонь пожрет ее. Боги открыли мне прошлой ночью, что гибель Атлантиды неизбежна. Бог-Солнце, пылающий и грозный, явился мне в виде воина. Одежды его были, как расплавленная бронза, и свет лица его ослеплял. И он сказал мне: «Спасайтесь!.. Спасайтесь, пока не поздно. Ибо не останется камня на камне и не уцелеет ни одно живое существо. Огонь истребит, океан поглотит Атлантиду. И там, где стояли высокие горы, только волны морские будут вздымать гребни свои. И сама память об Атлантиде сотрется в веках...»

Ацро-Шану говорил грозно, как пророк, и каждое слово его леденило сердце...

Царь откинулся, судорожно сжал ручку трона и прикрыл глаза. По его лицу прошла судорога.

— Ты лжешь, старик!.. Вы все лжете!.. Я не верю вам! Вы хотите запугать меня. Не за то ль, что уменьшил ваши доходы?

— Ничто не спасет Атлантиду! Страшный день гнева близится! — воскликнул Ацро-Шану.

И как бы в подтверждение этих слов вдруг прокатился сильный волнообразный подземный удар.

Со светильников сорвались языки пламени, и некоторые из них погасли. Бронзовое оружие со звоном и лязгом обрушилось на пол. Кресла и царский престол покачнулись. С оглушительным треском расселась капитальная стена. По всему мозаичному полу, от входных дверей, протянулась большая трещина. Постепенно суживаясь, она доходила до самого подножия престола.

Царь с ужасом смотрел на эту трещину, как на подползшую змею, которая готова ужалить его.

Снаружи слышались крики и плач испуганных женщин и детей. Но в самом зале стояла гнетущая тишина. В эти немногие мгновения сознание людей должно было примириться с мыслью, которая переворачивала всю их жизнь. Это было так неожиданно, так необы-

чайно странно и нелепо, что мозг отказывался понять... И царь смотрел как загипнотизированный на зловещую трещину и не мог произнести ни слова.

Раздался второй толчок.

Зазвенело оставшееся на стенах оружие, и затрепетали хрустальные подвески на бронзовых светильниках...

Царь встал с престола и, забыв об этикете, подошел к окну, чтобы освежить голову. Ветер доносил сюда солнечную свежесть океана.

Царь посмотрел вниз на огни Атлантиды, расстилавшейся у подножия Священного Холма.

— Бедная Атлантида... — прошептал он, повторяя слова Ацро-Шану.

Убитый, растерянный, обернулся он к собравшимся. Хрустнул пальцами, унизанными кольцами и перстнями, и, обводя взором жрецов, спросил:

— Что же делать теперь?..

Члены Верховного Совета поднялись со своих кресел и образовали шумную толпу. От торжественности заседания не осталось и следа. Они говорили все разом, не слушая друг друга и размахивая руками. Только Ацро-Шану сохранял полное спокойствие.

— Тише! — сказал он. — Стыдно! Вы не рабы! Если потеряем спокойствие, кто позаботится о нашем спасении?

Наступило молчание. Все были смущены.

— С Атлантидой кончено, — продолжал Верховный жрец. — Надо подумать о нашем спасении. А оно может быть только в одном — бегстве. Не теряя ни одной минуты, мы должны собираться в путь; мы должны взять с собой наше оружие, нашу армию — это первое и главное, так как нужно будет запово строить свое могущество... Многие друзья отвернутся от нас и станут врагами. Нужно взять с собой наши драгоценности, наших животных, семена наших хлебных растений. Наш флот может перевезти только армию. Для жителей Священного Холма и свободных граждан должны быть построены новые огромные корабли-ковчеги. Предстоит бури и ливни, и корабли должны быть построены так, чтобы бороться с ними!.. Надо немедля браться за работу. Каждая минута дорога...

— Но кто будет строить корабли? Кто возьмет на себя всю черную работу по сборам в путь? Рабы бежали! — сказал Кунтинашар.

— Надо вернуть рабов, — ответил Ацро-Шану. — Надо объявить им помилование и поставить на работы.

— Никогда! — гневно воскликнул царь. — Помиловать бунтовщиков? Царсубийц? Никогда! Мы привлечем к работам воинов!

— У воинов будет достаточно своей работы! — осмелился возразить Кетцаль-Коотль. — И потом... Мои воины? Какие же они столяры и плотники? Воины умеют только владеть мечом! Их пришлось бы еще долго учить новому ремеслу.

— Сейчас не время для мести... — сказал Ацро-Шану. — У нас нет выбора: или помиловать рабов, или погибнуть вместе с ними.

— Лучше погибнуть, чем помиловать! — упрямо ответил царь.

— Ну что ж? Твоя воля священна. Будем готовиться к гибели, — сказал Ацро-Шану, лукаво взглянув на царя из-под нависших бровей.

— Но... я успею спастись! — смущенно произнес царь, помолчав.

— Да, ты можешь успеть. Но что будет с тобой, если при тебе не будет армии, жрецов, оружия, всяческих запасов и золота? Ты будешь, как тростник, ветром колеблемый.

Царь колебался.

— Вот что... — продолжал Ацро-Шану с той же скрытой улыбкой. — Ты жаждешь мести. Она не минует рабов. Мы можем пообещать им помилование. Но ничто не помешает нам взять лишь столько рабов, сколько нам нужно для путешествия и устройства на новом месте. Остальных мы оставим в последний момент, пообещав вернуться за ними. Поверь, что гнев богов настигнет их здесь вернее, чем меч Кетцаль-Коотля. Ни один не уцелеет... А когда обживешься на новом месте и обзаведешься новыми рабами, можно будет покончить с мятежниками, вывезенными из Атлантиды. Не так ли?..

Царь нахмурился и прощедил сквозь зубы:

— Согласен!.. Кетцаль-Коотль! Разошли вестников по всем лесам. Объяви им от моего имени о царской милости.

XVI. Крылатый змей

Во все города и селения Атлантиды были разосланы гонцы. На площади у храмов звучали бронзовые трубы этих вестников несчастья. Глашатаи кричали перед испуганной толпой:

— Гнев богов обрек Атлантиду на гибель!.. Все население волей царя призывается на общественные работы... Мы должны спешно готовиться к бегству!..

Посейдонис походил на встревоженный муравейник. Люди бегали по улицам испуганные, бледные, как во время пожара. Общее несчастье сблизило людей и нарушило кастовые преграды. Незнакомые люди различных каст окликали друг друга:

— Слыхали?

— Да. Ужасно!.. — И разбегались в разные стороны.

Казалось, вся Атлантида потеряла голову. Люди перебирали свои вещи, отбрасывая ценное, складывая не нужное, суетились без толку, забывая о сне и еде. Некоторые впадали в странное оцепенение: сидели молча, ничего не слыша, как статуи. Женщины плакали, прижимая детей к груди.

Так длилось несколько дней, пока Священный Холм не организовал правильных работ.

Хмурые, плохо верящие в «царскую милость», возвращались рабы из лесов. Другого выхода им не оставалось. Все же часть рабов не вернулась в Черный город. Одни из них не верили в неизбежную гибель Атлантиды, другие предпочитали лучше умереть свободными, чем вернуться к рабству.

Близкая опасность, казалось, удесятеряла силы людей. Работы шли днем и ночью с короткими перерывами на сон и обед.

По горным дорогам из лесов тянулись беспрерывной лентой обозы, снабжавшие доки и верфи строительными материалами. Люди и животные падали замертво на дороге, их оттаскивали в сторону, очищали путь, и работа продолжалась с тою же лихорадочной поспешностью.

Готовые корабли нагружались оружием, домашним скарбом, животными, не только домашними, но и дикими: атланты хотели сохранить по возможности все,

что напоминало бы им на новых местах их солнечную родину. Каждому свободному гражданину разрешалось взять по семи пар домашних животных и птиц и по две пары диких.

Новые верфи покрывались тысячами строящихся судов; на судах были сооружены крытые палубы на случай бурь и ливней.

При всей напряженности и лихорадочности работ скоро выяснилось, что с первыми отходящими кораблями можно будет вывезти лишь ничтожную долю накопленных тысячелетиями богатств Атлантиды. Царские и жреческие сокровища казались неисчерпаемыми. Решено было взять в первую очередь самое ценное и менее громоздкое. Если катастрофа замедлится, оставшееся имущество можно будет вывезти постепенно. Однако на это было мало надежды. Чтобы вывезти в первую очередь хотя бы часть несметных богатств правящих каст, нужно было сознательно бросить почти на верную гибель не только рабов, но и часть свободного населения Атлантиды. Однако, чтобы избежать паники и восстаний, Священный Холм заверял население, что все оно, до последнего раба, будет увезено до наступления катастрофы.

Наконец сборы царствующего дома были окончены. Все члены царской семьи собрались во дворце царя перед тем, как отправиться на корабли. Не было только Сель, находившейся еще в Соколином Гнезде. Послали за нею. Но посланный вернулся в смущении: Сель не было в Соколином Гнезде.

Ее жених, царь Ашура, был огорчен этим известием, а Гуан-Атагуераган разгневан. Он возлагал большие надежды на брак царя Ашура со своей дочерью. Теперь царь Атланты особенно нуждался в дружбе и помощи могучего подвластного царя! Увы! Останется ли он подвластным? Удастся ли сохранить хотя бы дружбу его?..

Царь потребовал немедленно привести для допроса няньку Сель, старуху Гу-Шур-Ца.

Она явилась перед грозные очи царя, низко кланяясь, всхлипывая и утирая слезы краем плаща.

— Где Сель? — спросил сурохо царь.

— Трижды великий!.. — И Ца упала на колени. — Не гневись на рабу твою... Я не виновата... Я хра-

нила ее как зеницу ока, но в прошлую ночь крылатый змей спустился с горы... Крылья его были, как у летучей мыши, а ноги, как у льва... Из ноздрей его шел дым, и огнем дышала пасть его... Сель сидела на балконе и отдыхала в ночной прохладе. Вдруг змей схватил ее в свои когти и взвился с ней на воздух... Я успела уцепиться за плащ Сель... Змей и меня приподнял на воздух... Но плащ упал с плеча Сель, а вместе с ним упала и я... Вот все, что осталось от Сель...—И Ца бросила к ногам царя голубой шелковый плащ Сель, расшитый серебряными лилиями.

Все были поражены рассказом. Но царь подозрительно посмотрел на жрецов.

— Что ты скажешь, Кунтинаар?

— Трижды великий... Я не знаю, что сказать. Бежать Сель не могла... Может быть, ее похитили...

Царь глубоко задумался.

Одно несчастье преследует его за другим... Неужели боги наказывают его за ссору с жрецами?.. Гордость и страх боролись в его душе. Страх победил.

— Да будет воля богов!..—И, обратившись к жрецам, он сказал: — Молитесь богам, чтобы не до конца преследовал нас гнев их... А я... я сделаю все, что могу... Я восстановлю ваши права!.. Корабли ждут нас. Но пусть продолжаются поиски Сель после нашего отъезда. Может быть, нам удастся спасти ее...

И, тяжело вздохнув, он обратился к рабам:

— Носилки!..

Последний царь Атлантиды, мерно колыхаясь на золотых носилках, спускался со Священного Холма, чтобы никогда сюда не возвращаться...

XVII. «Золотой век»

Акса-Гуам поправлялся медленно. Он долго бредил восстанием.

Наконец лихорадка оставила его.

— Ну что, сынок, ожил? — ласково спросил его дедушка Гуамф.

Акса-Гуам посмотрел вокруг. Он лежал в старой шахте. Слабый свет виднелся со стороны входа.

— Три недели я тебя берег в этой мышиной норе от ваших ищеек. Первое время очень опасно было. Ну, теперь у них столько забот, что не до тебя. Адиширна был. Тайком пробрался. Зовет в лес. Говорит, хорошо у них там!..

Акса-Гуам ушел к Адиширне, как только позволили силы. Гуамф проводил его. Почью, тайными тропами пробирались они среди гигантских стволов, поднимавшихся ввысь, как колонны храма. Когда-то, в старину, эти стволы и брали для колонн. Теперь они шли на постройку кораблей.

— Ну и проказник внук мой! Такую штуку выкинул, что... Да вот сам увидишь! — болтал дедушка Гуамф и смеялся беззубым ртом.

Среди стволов, у пещеры, показалось пламя костра. Когда путники подошли ближе, они увидели Адиширну, который жарил на вертеле горную серну.

— Ого-го! — закричал дедушка Гуамф.

Адиширна вскочил и схватился за меч. Но, узнав Акса-Гуама и деда, он бросился к ним навстречу.

Акса-Гуам дружески поздоровался с ним.

Вдруг, привлеченная их голосами, из пещеры вышла женщина.

Акса-Гуам взглянул на нее и отшатнулся, пораженный неожиданностью.

— Царевна!.. Сель!..

— Да, это она, — сказал Адиширна... — Моя жена!.. — прибавил он с радостным смущением.

— Но почему ты здесь, Сель?..

Все расположились около костра, и Адиширна рассказал Акса-Гуаму историю похищения Сель «крылатым драконом». Этим «драконом» был сам Адиширна. Он решил во что бы то ни стало похитить Сель. Проникнуть через дворец ему не удалось. Тогда он рискнул на последнее средство. Достал канат, укрепил его на вершине горы, над Соколиным Гнездом, и спустился по канату к балкону Сель. Канат оказался коротким: до балкона не хватало всего каких-нибудь два локтя. Адиширна поднялся по канату, привязал конец его у ступни ноги и бросился вниз головой. Протянутые руки добрались до рук Сель. Привыкшая к физическим упражнениям, сильная и ловкая, Сель сама поднялась по канату, а вслед за ней и Адиширна. Чтобы избавить няньку от

царского гнева, Адиширна успел крикнуть ей о «крылатом драконе», который похитил царевну.

— Так удалось мне сорвать недоступную розу Золотых Садов, — закончил он рассказ, весело взглянув на Сель.

Акса-Гуам не понял этих слов, но Сель ласково улыбнулась Адиширне в ответ.

Дедушка Гуамф зашевелился.

— Ну, дети, мне пора... Цальна, наверно, давно уже ворчит. Навешайте старика! А когда отчалият все корабли, спускайтесь с ваших гор. Здесь хорошо, да больно холодно... Жрецы говорят, что Атлантида погибнет в огне. А я так не очень им верю! Ну, погремит, потрясет, тем дело и кончится. Мало я на своем веку этих подземных толчков пережил! Земля прочно построена. Поверте мне, старику!.. Да хранят вас боги!..

И он скрылся во мраке леса.

Акса-Гуам поселился в соседней пещере.

Но ему нелегко было смотреть на счастливую пару. При виде Адиширны и Сель его рана — потеря Аты — болела сильней.

И он старался забыться в движении, пропадая целыми днями на охоте. Адиширна и Сель с эгоизмом влюбленных были очень довольны этим увлечением Акса-Гуама охотой. Акса-Гуам обеспечивал их провизией, и они все время могли проводить вместе. Они переживали «золотой век». Поглощенные своею любовью, они не думали о катастрофе. Кругом был простор не тронутой человеком природы. Далеко внизу, как игрушечный, виднелся великий Посейдонис; еще дальше — голубая пелена океана. Чистый горный воздух был наполнен ароматами горьких трав и хвои, близость пояса вечных снегов умеряла зной.

Особенно радостны были восходы солнца. Разноголосый хор птиц, румянец зари и разливающаяся по океану золотая река солнечных лучей приводили их в такой восторг, что они падали на колени перед восходящим светилом, воздевали руки и начинали петь гимн солнцу. Это было не религиозное обожествление солнца, но чистый восторг перед великолепием мира.

Потом приходил Акса-Гуам, уставший, часто окровавленный, и приносил на плече свежую дичь, горных коз, меха убитых зверей.

Пока аппетитно дымилось поджариваемое мясо, Акса-Гуам рассказывал о своих охотничьих приключениях...

И дни проходили незаметно.

Казалось, их «золотой век» никогда не кончится. Но катастрофа сама напомнила о себе.

Еще накануне извержения вулкана в жизни леса стало твориться что-то неладное. Птицы срывались со своих гнезд и с беспокойными криками целыми стаями тянулись к океану. Из земли вылезали змеи и большие ящерицы; змеи с шипением целыми клубками скатывались вниз. Среди деревьев мелькали горные козы, лисицы и крупные дикие звери. Блеяли козы, звери рычали и бежали все в одном направлении — вниз. Ломая деревья и громко трубя, промчался слон-отшельник. В воздухе стояла необычайная тишина и то особенное напряжение, которое испытывают нервные люди перед грозой. Но земля была неподвижна. Уже несколько дней не чувствовалось ни малейшего колебания почвы. Однако непонятное беспокойство овладело обитателями лесов¹.

Адиширина и Сель уговаривали Акса-Гуама не идти на охоту.

— Пустяки! — ответил Акса-Гуам. — Сегодня-то и охотиться! Смотрите, козы бегут целыми стадами. Прощайте! Я скоро вернусь! — И он бодро зашагал в чащу.

Адиширина и Сель с тревогой проводили его глазами.

Акса-Гуам вышел на поляну и с изумлением остановился. Вся она была покрыта стадами бегущих коз. Он уже стал выбирать, в какую из них бросить копье, как вдруг ужасный толчок бросил его на землю. Как однажды и все козы, но тотчас поднялись и с жалостливым блеанием побежали вниз еще быстрее. Вслед за толчком раздался взрыв необычайной силы. Человеческое ухо не способно было уже воспринять его как звук. Акса-Гуаму показалось, что его ударили в оба уха. Он опять упал, почти потеряв сознание. Лежа на земле, он увидел, как над самым высоким горным хребтом

¹ Не только животные и птицы, но и некоторые люди инстинктивно чувствуют приближение вулканических катастроф. — Ларисон.

вздымается огромный столб пара. С оглушительным грохотом жерло вулкана выбрасывает целые горы мелких и крупных камней. Пар, вода и пепел, поднимаясь все выше, распластывались над вершиной, как зонтик. Небо быстро затягивалось мглой. Над вулканом в несколько минут образовались темные тучи. Засверкала молния, загремел гром. Дождь и мелкие камни затрещали по листьям деревьев и скалам. Ухо несколько привыкло к грохоту вулкана и уловило новые звуки: отдаленный рев, быстро приближающийся.

— Откуда этот рев? — воскликнул Акса-Гуам и вдруг увидел, что столбы пара и тучи окрасились багровым отсветом...

Огонь!.. Огонь и горячий пар растопили вековые льды и снега на вершине гор!..

Так оно и было. Через несколько минут огромные водопады уже неслись с вершин гор, увлекая в своем течении тысячепудовые камни, стволы деревьев, барахтавшихся животных и зверей.

Еще минута — и один из водопадов обрушился в долину, на высоком берегу которой находился в это время Акса-Гуам. Путь к пещере был отрезан. Нечего было и думать перебраться через это беспоеное течение... Приходилось, думать лишь о собственном спасении.

Пары спускались ниже, наполняя воздух удущивым запахом серы и углекислоты... Кружилась голова... Несколько камней больно ударили по телу... Акса-Гуам поднялся, обмотал голову шкурой леопарда, которая была на нем, и бросился вниз, по горному кряжу, разделявшему два потока.

Высеченная из скал статуя Бога Солнца преграждала путь водопадам, и они растекались по обе стороны. Священный Холм не заливался водой, и туда бежал Акса-Гуам...

С величайшими усилиями ему удалось добраться до Холма.

Но здесь он увидел новые ужасы — ужасы человеческого безумия...

Сюда, на Холм, собирались брошенные, обреченные на гибель рабы. Власти больше не было. Не было ни царей, ни жрецов, ни воинов. Все были свободные, вольные, все были равны. И все были безумно богаты... Да, да!.. В Атлантиде остались еще несметные богатст-

ва. Землетрясение разрушило скрытые сокровищницы, и из храмов, пирамид, дворцов просыпались прямо на дорогу, в грязь, целые горы золота, бриллиантов, изумрудов... Безумие охватило толпу... Рабы собирали драгоценности, набирали в мешки, дрались, отнимали друг у друга, убивали... Закапывали бриллианты, хватали пригоршнями драгоценные камни, жадно прижимали их к груди или вдруг разбрасывали с безумным смехом. И самоцветные камни горели в грязи, как капли крови в багряном свете вулкана. Иные надевали роскошные, кованые золотом и усыпанные бриллиантами тяжелые облачения жрецов и праздничные одежды царей и с высокими коронами и тиарами на головах плясали безумный танец... И все это покрывалось беспрерывным грохотанием вулкана...

«Что, если кто-нибудь из них узнает меня?!» — в ужасе подумал Акса-Гуам.

Но все они были слишком возбуждены, чтобы понимать что-нибудь.

Близкий к безумию, он бросился к Черному городу. «Дедушка Гуамф, Цальна!.. Что с ними?..»

Он был уже недалеко от их дома, когда новый подземный удар потряс почву. И вдруг громадная трещина разверзлась между ним и домом дедушки Гуамфа. Из недр земли поднялся пар, насыщенный серой.

В клубах пара он увидел, как на другой стороне трещины появилась девочка Ле, сестра Адишмры.

Она размахивала ручонками и что-то кричала.

Он не мог помочь ей... Ветер отнес в сторону пар, и он увидел, как большой камень, упавший с неба на голову Ле, замертво уложил кудрявую шалунью...

— Здесь больше некого спасать!.. — крикнул он с отчаянием и бросился к порту. В гавани еще стоял один из последних кораблей. Гребцы с усилием налегали на весла, но встречный ветер затруднял выход в открытый океан. Акса-Гуам бросился в волны и поплыл. Среди высоких бурных волн, освещаемых зловещим красным светом, виднелись головы рабов. Они плыли к кораблю, но немногие из них достигали цели: одних топили волны, других убивали падающие на головы камни с неба. Подплывавших совсем близко поражали с корабля метко пущенные копья.

Акса-Гуам упорно плыл, стиснув зубы. Мрак стущался, волны поднимались все выше. Гребцы бились из последних сил и медленно подавали корабль вперед. Акса-Гуама увидели. Копья замелькали вокруг него. Акса-Гуам нырнул, проплыл под водою до самого корабля и слабеющей рукой ухватился за бронзовое кольцо...

XVIII. Гибель Атлантиды

Адиширна и Сель не пострадали от первого извержения, выбросившего массы паров, грязи и камней. Пещера укрыла их от каменного дождя, а потоки воды низвергались вниз бушующими водопадами по сторонам и водяной завесой с верхней скалы. В воде недостатка не было, а в пещере хранились запасы сущеных плодов и вяленого мяса, заготовленного Акса-Гуамом.

Но сам Акса-Гуам пропал бесследно. Адиширна и Сель оплакивали его гибель.

Прошло несколько дней.

Когда вода несколько спала, Адиширна и Сель вышли из своего убежища. Оглядевшись вокруг, они были поражены. Местность стала неузнаваемой. По сторонам пещеры еще бурлили потоки мутной воды. Громадные стволы лежали, как трупы на поле сражения. Уцелевшие деревья, лишенные листвы, с поломанными сучьями, наводили уныние. Вода вырыла громадные выбоины и колеи, переместила скалы, нанесла кучи камней, ила и грязи, смешанной с пеплом. Среди поваленных деревьев и мусора виднелись вспухшие трупы животных и птиц.

Земля была опустошена, обезображенна и пустынна. Мертвое молчание нарушалось лишь завыванием ветра.

Угрюмо и безотрадно было и небо. Солнце скрылось, и тяжелая пелена туч, пара и пепла задернула когда-то сияющий голубой полог неба.

Атлантида потеряла все свои краски и все свое великолепие... Адиширне казалось, будто он смотрит на ужасный, обезображенный труп любимого существа. Он был потрясен, как художник и человек. Мысль о неизбежной гибели впервые вошла в его сознание, чтобы не оставлять его.

Как испуганные, брошенные дети, прижались они друг к другу и долго, с немым ужасом смотрели на опустошенный мир...

Слезы струились по щекам Сель.

Адиширна заметил их и поспешил успокоить свою подругу.

— Не печалься, Сель! Не все еще погибло! Что было бы с нами, если бы мы раньше сошли вниз? Тебя отняли бы от меня и увезли далеко, а меня ждала неизбежная смерть. Но теперь мы подумаем о нашем спасении. Мы проберемся в порт и посмотрим, не осталось ли там какого-нибудь парусного судна. Если нет, я сколочу плот, прикреплю парус, и мы постараемся перебраться на восточный материк. Пролив невелик. И в нем много мелких островов¹. Завтра с рассветом мы двинемся в путь.

— О, если бы вулкан хоть несколько дней дал нам сроку... Завтра рано утром мы отправляемся в путь...

Но вулкан не дал им отсрочки.

В ту же ночь, когда Сель мирно спала на разостланых шкурах, а Адиширна обдумывал план бегства, подземные силы огня вдруг опять заработали. Извержение паров было только началом².

Сильный подземный толчок вдруг потряс пещеру. Большой камень оторвался от верхнего свода и ударил в плечо спящей Сель. Она вскрикнула от боли и проснулась. Адиширна подбежал к ней и быстро вынес из пещеры.

При свете костра Адиширина с ужасом увидел, что плечо раздроблено. Он готов был сейчас же нести на руках свою драгоценную ношу, но это было невозможно: вверху была отвесная стена, а внизу два бурных потока, обтекавших скалу, сливаясь, замыкали выход. Нечего было и думать перейти этот бурный поток с катя-

¹ Восточный материк — Африка, отделявшаяся от Атлантиды проливом. Когда-то они составляли одно целое. О мелких островах, лежавших между Атлантидой и Африканским материком, упоминается и у Платона. Верность этого упоминания нашла полное подтверждение, как и многое другое, рассказанное Платоном об Атлантиде. — Ларисон.

² Извержения вулканов чаще всего начинаются выбрасыванием паров; иногда этим дело и кончается, но обычно вслед за этим следует извержение расплавленных масс лавы. — Ларисон.

щимися в нем камнями во тьме ночи с живой ношей на руках...

Адиширна положил Сель на землю.

Оглушающий рев ветра, бушевание бури, громыхание камней, увлекаемых бурным потоком, удары грома, шум ливня, тьма... И вдруг, покрывая все звуки, из самых недр земли раздалось глухое рокотанье. Оно росло, приближалось, сотрясало почву. Дрожавшая земля начала подниматься, опускаться, качаться из стороны в сторону. Подземный рев вырывающихся чудовищ огня все возрастал и вдруг превратился в оглушительный взрыв сверхъестественной силы. Вся верхушка конуса вулкана взлетела на облака. Обломки скал взлетали в воздух, освещенные снизу все усиливающимся заревом расплавленной лавы, которая поднималась вверх по жерлу вулкана. Тучи стали багровыми, как будто они налились кровью. На темном фоне гор, сбоку усеченной вершины вулкана, вдруг появилось пятно ослепительной яркости. Это расплавленная лава переплеснулась через край вулканического жерла. Скоро донеслось ее горячее дыхание. Воздух накалялся и все более насыщался серой и углекислотой. Становилось трудно дышать. Громадные камни, выброшенные на воздух, падали обратно в жерло. Прорывающиеся из недр земли, сжатые жерлом пары вновь выбрасывали их. Это создавало необычайный шум, лязг и грохот, словно работала какая-то чудовищная кузница. Мелкие камни долетали до Адиширны и Сель и с сухим треском падали вокруг них. Адиширна был так поражен, что сидел неподвижно, устремив безумный взор на все увеличивающуюся ослепительную полосу у вершины вулкана.

Расплавленная лава, как солнечное ожерелье, опоясала уже всю вершину вулкана. Ожерельеширилось, от него стали отделяться такие же ослепительно-яркие «подвески»-потоки и стекать вниз по вековым пластам ледников. Лед плавился, превращался в пары, багровые в зареве вулканического огня. Новые бурные потоки воды устремились вниз.

Когда Адиширне казалось, что все уже потеряно, он с радостью заметил, что потоки лавы, охлаждаемые воздухом, почвой и водой, затвердевают, спускаясь ниже, медленно тускнеют и, наконец, покрываются тем-

новатой корой. По этой коре еще вспыхивают некоторое время, как искры потухающего костра, прорывающиеся струи расплавленной лавы. Постепенно гаснут и они. Но новые потоки лавы вдруг переплескиваются через край жерла и с необычайной быстротой катятся по гладкой и горячей коре уже застывшей лавы. Только достигнув ее края и расплываясь по холодной неровной почве, эти потоки замедляют движение и также медленно застывают.

С каждым новым потоком лава спускалась все ниже, и пласт ее становился чем выше, тем толще.

От удушливого воздуха и тяжелой раны Сель потеряла сознание.

Адиширна держал ее на руках, как ребенка, пытаясь привести в чувство и машинально повторял:

— Только бы дождаться утра!

Он не знал, что утро давно настало, что день склонился уже за полдень, но небо и земля были погружены в тот же полумрак, освещаемый багровым светом вулкана.

Над вершиной вулкана кружились вихри пара и туч. В свете огня они казались пламенными. Молнии, как змеи, перевивали этот хаос. Удары грома заглушались непрерывным грохотанием вулкана.

Ждать больше было нельзя. Уже довольно крупные камни падали все чаще вокруг них. Несколько камней ушибло Адиширну и Сель. Она дышала все тяжелее. Озаренное багровым светом, с мутными зрачками глаз и приоткрытым ртом, ее лицо, искаженное застывшей гримасой страдания, казалось лицом мертвеца.

Сам Адиширна дышал с трудом, часто вдыхая отравленный воздух широко открытым ртом. Он ощущал, как струи горячего ливня смешиваются на его теле с выступавшим холодным потом. Голова кружилась, в ушах шумело, стучало в висках...

Он с трудом поднялся, взял на руки безжизненное тело Сель и вдруг в изнеможении опустился на землю... Ноги дрожали от слабости и волнения. Почва колебалась, уходила из-под ног или вдруг вырастала, подламывая ноги в коленях. Он чувствовал, что близок к потере сознания. Усилием воли он поборол слабость. Завернув голову Сель и свою звериными шкурами, он отправился в путь, чувствуя в слабеющих руках как

будто все увеличивающуюся тяжесть тела Сель. Он падал вместе с Сель, слушал ее дыхание и вновь шел среди стонущего, искалеченного леса, спотыкаясь о камни, стволы и труны животных, пока бурный поток не преградил ему путь. Адиширна остановился в нерешительности. Вода клокотала, огромные камни, увлекаемые потоком, гремели по острым выступам русла. Обернулся назад, как будто ища спасения. Но потоки лавы спустились еще ниже. Они уже почти достигли их покинутой пещеры. Надо было решаться.

Адиширна искал переправы.

Собрав силы, он стал переходить поток вброд. Но бурное течение сразу сбило его с ног, и он погрузился вместе с Сель в воду. В тот же миг он был прибит к берегу, больно ударившись боком о скалу. С трудом вышел он на берег и положил Сель. Вода несколько освежила его. Сель подавала слабые признаки жизни.

Отдохнув, он пустился в дальнейший путь. Здесь было уже меньше падающих камней, деревья сохранили часть листвы, и она задерживала проникновение удушливых газов. Дышать стало легче, и Адиширна ускорил шаги. Но идти было трудно, почва колебалась по-прежнему. Приходилось обходить трещины и образовавшиеся складки горной породы. Наконец он спустился на Священный Холм.

Здесь уже не было того безумного возбуждения, которое наблюдал Акса-Гуам. Большинство рабов укрылось в подземельях. На улицах встречались сошедшие с ума. Их было много. Они хохотали, прыгали и размахивали руками или отчаянно рыдали и рвали на себе волосы. Иные сидели на земле, неподвижные, безучастные ко всему, как статуи...

Новый подземный удар потряс землю. С вершины вулкана поднялся столб дыма и огня, вознесся выше туч, раскинулся над кратером, как распущенный зонт, и вдруг стал быстро спускаться на землю.

При первом же порыве ветра, принесшем клубы едкого дыма, Адиширна почувствовал присутствие в воздухе отравленных паров. Он задыхался. Бежать в порт было поздно... Адиширна оглянулся кругом и увидел, что он находится у дворца Ацро-Шану, Верховного жреца, хранителя Высших Тайн. Ворота в стенах, ограждавшей сад, были открыты. Он бросился

в сад, вбежал во дворец и по знакомым коридорам спустился в подземное помещение.

Здесь воздух был чище. Но все стены дали трещины. Он вбежал в библиотеку и остановился в изумлении. Потолок комнаты обвалился, и в образовавшийся пролет было видно багровое небо. На полу валялось несколько трупов рабов, служивших у Ацро-Шану, придавленных обрушившейся частью потолка. У одного из столов стоял светильник. Груды бронзовых пластинок лежали на столе.

У стола сидел сам Ацро-Шану в своей черной жреческой одежде. Спокойный, как всегда, он старательно писал стилосом на бронзовой пластинке.

— Ты здесь?! — в изумлении воскликнул Адиширна.

Ацро-Шану поднял голову и посмотрел на Адиширну. Насмешливый огонек сверкнул в его живых черных глазах.

— А! «Крылатый дракон» слетел с гор и принес похищенную голубку?..

Адиширна опустил Сель на пол и начал приводить ее в чувство.

— Оставь ее! — строго сказал Ацро-Шану. — Забвение — ценный дар природы. Не лишай ее этого дара. Иди сюда!

Адиширна повиновался. Укрыв Сель, он подошел к жрецу.

— Ты не уехал? — спросил он жреца.

— Я умру с Атлантидой, — спокойно ответил Ацро-Шану и с улыбкой прибавил: — И потом надо же кому-нибудь вести летопись. Без записи событий этих последних дней Атлантиды ее история не будет полна.

— Но какой смысл, если Атлантида погибнет?.. — с недоумением спросил Адиширна.

— Погибают народы, живет человечество, — ответил Ацро-Шану¹. — Расскажи мне, что происходило с тобой и что ты видел, — я запишу. Все мои рабы погибли, и круг моих наблюдений ограничен.

¹ Ацро-Шану, очевидно, обладал большим историческим кругозором; он писал для истории, для «нас», которые будут жить много тысячелетий спустя; и он не ошибся: мы нашли эти записи, и они дали чрезвычайно ценный материал, который я использовал и для настоящей повести. Научная ценность «бронзовой библиотеки» Атлантиды известна всему ученым миру. — *Ларисон*.

Было что-то властное в словах Ацро-Шану.

Адиширна, как в полусне, начал рассказывать. Ацро-Шану старательно записывал, иногда задавал вопросы.

Пол, стены и мебель дрожали, бронзовые пластиинки позванивали и передвигались на столе, качало стул, на котором сидел Ацро-Шану. Струи ливня заносились в пролет обрушившегося потолка и лужами растекались по полу, смешиваясь с лужами крови убитых рабов, а Ацро-Шану писал, спокойный и бодрый, как всегда.

Удушливые газы начали постепенно проникать и сюда. У Адиширны кружилась голова.

Он смотрел на каменные плиты, пытаясь в затуманенном сознании восстановить какое-то событие, и никак не мог понять: кажется ли это ему, или в самом деле каменные плиты пола отходят друг от друга, между ними образуется трещина, она все растет. И вдруг он ясно осознал, что это не сон и не бред: громадная трещина прошла по полу, превратилась в зияющую щель и отделила его от Сель. Сель, лежащая на другой стороне образовавшейся трещины, вдруг вместе с полом отплыла куда-то от него. Толстые стены шатались, с треском рвались, разваливались, все качалось и рушилось. Ацро-Шану вместе со своими таблицами и стилем-ком в руке куда-то внезапно провалился...

Адиширна бросился к трещине в полу и протянул к Сель руки, но что-то ударило его в плечо и свалило с ног. Он упал на пол и увидел, как пропасть между ним и Сель со все ускоряющейся быстротой увеличивалась, превращалась в бездну, которая быстро заполнилась огнем. Стены далеко отошли друг от друга, открывая вдруг вид на вулкан и океан. Пол высоко поднялся, и Адиширна, уже теряя сознание, увидел последнее: как пропасть разодрала на две части весь материк через горный хребет от берега до берега океана. Открывшаяся бездна была полна огня. Океан устремился в эту огненную бездну. Вода превратилась в пар и рвала материк еще больше, освобождая новые огненные массы... Безумная борьба стихий... Все это длилось, быть может, несколько мгновений...

Адиширна стремительно полетел вверх вместе со всем Священным Холмом, достигая косматых туч,

и потом так же стремительно упал вниз и погрузился в бездны океана с Посейдонисом, со всеми храмами, пирамидами, маяком, горною цепью, людьми и животными.

Конец!

В одну ночь Атлантиды не стало.

На том месте, где стоял цветущий Остров Блаженных, заклокотала в бешеном водовороте гигантская воронка, превосходящая размерами величайшие материи.

Огонь и пары прорывались через нее и вырастали в огненно-водяные конусы.

Постепенно затихла эта борьба воды и огня, пока над погибшей Атлантидой не успокоилась гладь океана, усеянная всплывшими стволами деревьев, трупами людей и животных.

XIX. Корабль мертвцевов

Большой корабль, расшатанный, без мачт, без весел, увлекаемый стремительным течением, плыл по бурному океану под темным, свинцовым небом, с которого падал зловещий, сумрачный свет.

Казалось, небо, отягченное косматыми громадами туч, обрушилось на океан. А океан в бешеном порыве заплескивал вершины громадных водяных гор за облака. Ураган с ливнем, волны и тучи неслись в дикой пляске, обнимаясь, смешиваясь в безумном хаосе стихий.

Рев ветра и грохот разъяренных волн потрясали полуразбитый корабль, и он трещал, скрипел и дрожал предсмертной дрожью раненого животного.

Ураган обгонял тучи и волны, волны обгоняли корабль, и все вместе они неслись с бешеною скоростью, будто низвергаясь с поверхности земли в мировую бездну. От времени до времени отненные споны разрывали темные тучи, громовой раскат заглушал рев бури. На мгновение молния освещала водяную вершину, в которую она зарывалась с чудовищным шипением, окутывая паром место падения.

При вспышке молнии во мраке пяти палуб были видны сидящие один за другим рабы, прикованные цепями.

Все они были мертвы.

В трупном оцепенении они еще держали скрюченными пальцами обломки тяжелых весел. В остекленевших глазах застыл последний ужас смерти. Ветер трептал уцелевшие тряпки на их полуобнаженных телах.

Все они разделили участь поработившего их «Государства Солнца». В пучине океана и огне вулканов погибла великая Атлантида, вслед за нею погибли и ее рабы...

Погибли и спасавшиеся бегством жрецы.

Только в одном человеке сохранилась еще жизнь.

Суровый стариk с длинной седой бородой, живой еще под саваном воды, струившейся по его черной длинной одежде, стоял на носу корабля, со взглядом темным и ледяным, в котором чувствовалось дыхание бездны, и крепко сжимал руками треножник, поддерживающий медный диск.

Жрец пытливо всматривался во мрак, ища берега сохранившегося еще мира, где корабль мог бы пристать.

В короткие мгновения, когда сквозь тучи проглядывало небо, атлант по звездам пытался определить направление.

Огромные волны вздымались на пути и сдерживали быстроту движения корабля.

Корабль входил в одну из многочисленных флотилий, отплывавших от берегов обреченной Атлантиды, когда ее гибель стала очевидной.

Один из многих...

Что стало с остальными кораблями?..

Первой отплыла из Атлантиды флотилия с царствующим домом и семьями жрецов. Жрец сопровождал эту флотилию.

Она пересекла африканский пролив и высадилась на берег.

В это время Атлантида уже вся дрожала от потрясавших ее подземных ударов, а в ее столице — великом Посейдонисе многие здания дали трещины. Сгущался мрак, шел беспрерывный ливень. Изредка еще проглядывавшее солнце было красно и тускло: разгневанный лик божества. Жрец вспомнил печальный караван, ко-

торый потянулся в глубь Африки. Караван этот напоминал собой погребальное шествие. Да так оно и было: умирало «Государство Солнца», гибли великие Острова Блаженных, погибала высокая цивилизация...

Бесконечной лентой потянулся караван через кустарники и леса Западной Африки, откуда атланты набирали себе рабов. Все дальше и дальше двигалось это мрачное шествие, до стран тольтеков, майя и карли...

Тянулись дни более мрачные, чем ночь. Рыдали женщины, кричали дети, стонали рабы, подгоняемые плетьями, ревели ослы и верблюды. Тяжелые бронзовые колесницы тонули в грязи. Красный свет факелов вырывал из тьмы то золотую статую бога, мерно покачивающуюся на руках жрецов, то громадную, лоснящуюся от дождя тушу священного слона, то блестящие бронзовые копья и мечи, то испуганное лицо матери с ребенком на руках...

На мгновение свет упал на золотые носилки. Из них выглянуло лицо того, кто так недавно владел миром: последнего царя Атлантиды, Гуана-Атагуерагана.

«Власть атлантов должна быть незыблевой, как сама земля», — вспомнил жрец любимую фразу царя. И вот он, бледный, измученный владыка мира, еще более жалкий, беспомощный и ничтожный от желания сохранить маску величия и гордости...

Вой урагана и свист смерча сливали все звуки в один долгий, непрекращающийся однообразный вопль умирающей земли...

Доставив на африканский материк этих первых беглецов, жрец вернулся в Атлантиду руководить отплытием остальных флотилий.

Мрак сгустился над Атлантидой еще больше. Почва лихорадочно дрожала. Все чаще следовали короткие толчки, один сильнее другого. Посейдонис освещался факелами. Одна из вершин вулкана курилась, и над ней стояло зловещее багровое зарево. Многие здания уже обрушились.

Жрец прошел на Священный Холм, к храму Посейдониса. Сюда доносились шум толпы, рыдания народа, покинутого и обреченного на смерть или изгнание. Этот шум заглушался громыханием вулкана, который тяжело дышал и будто собирался с силами.

Каста жрецов отплыла с последней флотилией. В Атлантиде остались только покинутые рабы. Остались еще некоторые граждане, слишком привязанные к своей солнечной родине и не верившие в близкую гибель Атлантиды.

Вершина вулкана была вся в огне, когда на последней флотилии стали поднимать бронзовые якоря. Подземные удары чувствовались даже на воде, и корабли вздрогивали.

Наконец корабли отчалили, оставляя навсегда цветущую Атлантиду. Аромат ее цветов смешивался теперь с удушливым запахом вулканической серы.

Вся гора, у подошвы которой стоял храм Посейдона, была теперь освещена, но не благостным, радостным светом Бога-Солнца, а страшным, кровавым подземным огнем.

Оставшиеся на берегу рабы протягивали руки к отплывающим кораблям, падали на колени, умоляя взять их. Многие бросались вплавь, доплывали до кораблей, цепляясь за весла, и мешали грести. Тогда меткие стрелы с бронзовыми наконечниками и копья, пущенные с палуб, убивали их.

Женщины с берега протягивали детей или грозили кулаками и бросали вслед отходящим кораблям камни. Некоторые из них сходили с ума и с безумным смехом кидали детей в море...

Корабли вышли из бухты; ветер сразу натянул паруса на треугольных мачтах и понес беглецов во мрак, по безбрежному океану, в неизвестное будущее. И вот он один... Быть может, единственный уцелевший из всех отплывших с последней флотилией...

Куда понесет его течение? Увидит ли он когда-нибудь солнце?..

День ото дня воздух становился холоднее. Тучи все еще покрывали небо, но цвет их приобретал серый оттенок. Таким же серым был океан.

День уже можно было отличить от ночи. Днем сумрачный, серый полусвет освещал корабль, синие, застывшие лица мертвых, их тусклые глаза.

Холод пронизывал ледяным дыханием тело жреца, привыкшее к теплу вечного лета. Но с наступлением

холода уменьшился трупный запах от людей и животных, погибших на корабле.

Окоченевшими от холода руками жрец натянул на себя меховую одежду, которая хранилась среди запасов корабля.

Жрец заметил, что течение движется в косом направлении, то замедляясь, то вновь овладевая кораблем. Корабль вошел в область подводных рифов.

Наконец изгнаник увидел берег земли.

Безотрадные, угрюмые, дикие скалы, покрытые снегом, выселились над серым океаном...

Медленно падали с серого неба крупные хлопья снега...

Так вот она, новая земля, где придется ему окончить свои странствования!..

Быстрое течение принесло корабль к берегу и выбросило на отмель.

Последний атлант сошел на землю¹.

Суровый старик поднялся на бугор и осмотрел чуждый, враждебный мир.

Кругом было мертвое и пустынно. Только неизвестные птицы с резким криком летали над волнами океана.

Наступила ночь. Странник укрылся в пещере, зажег священный огонь, поставил треножник с диском солнца, протянул к согревающему свету закоченевшие руки и слабым надтреснутым голосом запел гимн Солнцу...

Он долго сидел в эту ночь. И пляшущее пламя костра освещало его скорбное, задумчивое лицо...

Наконец, истомленный усталостью, он уснул, завернувшись в меховой плащ, грезя о солнце Атлантиды.

Наутро он стал устраиваться на новом месте. Перетащил с кораблей бронзовые инструменты и оружие. При помощи корабельных досок соорудил дверь в пещеру. Сложил в ней запасы продовольствия и шкатулки, в которых хранились священные книги и семена.

Каждое утро он поднимался задолго до восхода солнца, шел на берег моря и ждал восхода солнца.

¹ Следы атлантов найдены на северном берегу французской Бретани. — Ларисон.

Небо по-прежнему было затянуто серой пеленой. Но он верил: солнце вернется — воскреснет сияющий бог.

И оно вернулось после одной ясной, морозной ночи.

Северный ветер, поднявшийся с вечера, снял с неба серую пелену, открыв темно-синее небо, на котором сверкали неизвестные созвездия.

Утро пришло такое же ясное и морозное. На востоке небо окрасилось розовым светом утренней зари.

И вдруг из-за горизонта поднялось солнце...

Оно казалось изможденным пережитой борьбой с силами мрака.

Но его бог был с ним после долгой, бесконечной печальной разлуки.

На одно мгновение солнце будто остановилось над самым морем, по обе стороны его диска тянулись края горизонта. А прямо от солнца, по морю, прошла к берегу, на котором стоял жрец, золотая полоса, как золотой мост от солнца к человеку.

В этот момент диск солнца, линия горизонта и золотая полоса на поверхности океана составляли фигуру, удивительно напоминающую священный символ атлантов, который можно найти везде: у Полярного круга и у тропиков, в Южной Америке и в глубинах Средней и Восточной Азии.

Суровый, седой жрец, взволнованный и растроганный, упал на колени, протянул руки к восходящему солнцу и запел гимн Солнцу.

Голос его окреп. Простая, но красивая и торжественная мелодия зазвучала над пустынными берегами, будя эхо в прибрежных скалах...

Он пел о могуществе трижды священного бога, который побеждает ужасы мрака, дарует людям радостный свет и тепло, придает земле многообразие красок, наливает соком плоды и исцеляет болезни.

Он пел о солнце, которое играет бриллиантами в каплях росы, румянит облака и расплавляет в золото струи воды.

Он пел о солнце, которое превращается в горячую кровь человека, и в сладкий сок винограда, и в золотое зерно.

Он пел о солнце, которое есть радость и жизнь.

Он пел и не видел, как, привлеченные его пением, из-за утесов показывались белолицые люди в звериных шкурах, с голубыми глазами и русыми волосами. На кожаных ремнях у них висели каменные топоры.

Они с недоумением смотрели на диковинного старика в длинной черной одежде, поющего на незнакомом языке.

Откуда он взялся? Что ему здесь нужно?.. Какую опасность таит он в себе?..

XX. Последний человек из Атлантиды

Суровый климат оказался губительным для старого атланта. Вскоре после высадки на берег он заболел. Вспомнив о том, что в полуразрушенном, выброшенном на берег корабле хранились запасы лекарств, жрец, преодолевая слабость, поднялся на его палубу.

И вдруг ему показалось, что он бредит.

У одной из мачт, греясь в бледных лучах северного солнца, сидел человек. Лицо его было измождено и носило следы болезни. Но все в нем обличало жителей Атлантиды: удлиненные череп и нос, черные волосы, цвет кожи золотисто-бронзового оттенка, одежда...

Жрец подошел ближе. Неизвестный оглянулся, и оба они одновременно воскликнули:

— Шитца!

— Акса-Гуам!

Они стояли в нерешительности: жрец Шитца и Акса-Гуам, примкнувший к восстанию рабов против Священного Холма, обреченный на смерть царем и жрецами...

И они дружески протянули друг другу руки в знак приветствия.

В эту ночь былые враги долго сидели у костра и рассказывали о пережитом.

В ту ужасную ночь, когда произошло первое извержение вулкана, Акса-Гуам вплавь достиг последнего отплывавшего корабля и уцепился за бронзовое кольцо. Под покровом ночи по канату ему удалось проникнуть через полуоткрытый люк в трюм корабля, где он и скрывался во все время путешествия. От недостатка

свежей пищи у него сделалась какая-то неизвестная в Атлантиде болезнь: опухли ноги, зубы шатались, десны кровоточили¹. Воздух был отравлен трупным запахом. Если бы не близость люка, через который проникал свежий воздух, он задохнулся бы. Он перенес необычайные мучения и уже почти не мог двигаться от слабости и боли в опухших ногах, когда корабль прибило к берегу.

Свежий воздух и солнце медленно возвращали ему силы.

Шитца, в свою очередь, рассказал ему о своих странствованиях, вплоть до встречи с ним.

— Здесь живут белокурые люди в одеждах из звериных шкур. Это дикари, которые делают грубые топоры и ножи из отесанных камней². Они не умеют обрабатывать землю и питаются сырым мясом убитых животных. Даже добывание огня неизвестно им. Они едва не убили меня. Но вид разведенного мною костра привел их в священный трепет, а наше блестящее бронзовое оружие — в необычайный восторг. Теперь они почти боготворят меня. Язык их груб и беден. Он напоминает скорее язык животных, чем людей: рассерженные, они ворчат по-звериному, а нападая на зверя или врага — рычат, ревут и лают, как он. Но они любопытны и перенимчивы. Они понимают ласку, и тогда становятся доверчивыми, как дети... Кто знает, может быть, когда-нибудь и они станут такими же людьми, как атланты!..

Шитца устал и закрыл глаза.

Он тяжело дышал. Лихорадочный огонь пожирал его и зажег румянец на старом, изможденном лице.

— Я скоро умру... Как хорошо, что я встретил тебя!.. Ты закроешь мне глаза и похоронишь по нашему обычаю. Проходит все... народы умирают, как человек, и гибнут целые государства... Быть может, ты последний человек из Атлантиды. Что стало с другими?.. Умрешь и ты, и память об Атлантиде изгладится в грядущих тысячелетиях... Скоро восход... Вынеси меня на берег...

¹ Нет сомнения, что это была цинга. — *Ларисон*.

² В то время как Атлантиде было уже известно изготовление бронзы, Европа переживала еще каменный век. — *Ларисон*.

Акса-Гуам вынес жреца и положил лицом к водостоку.

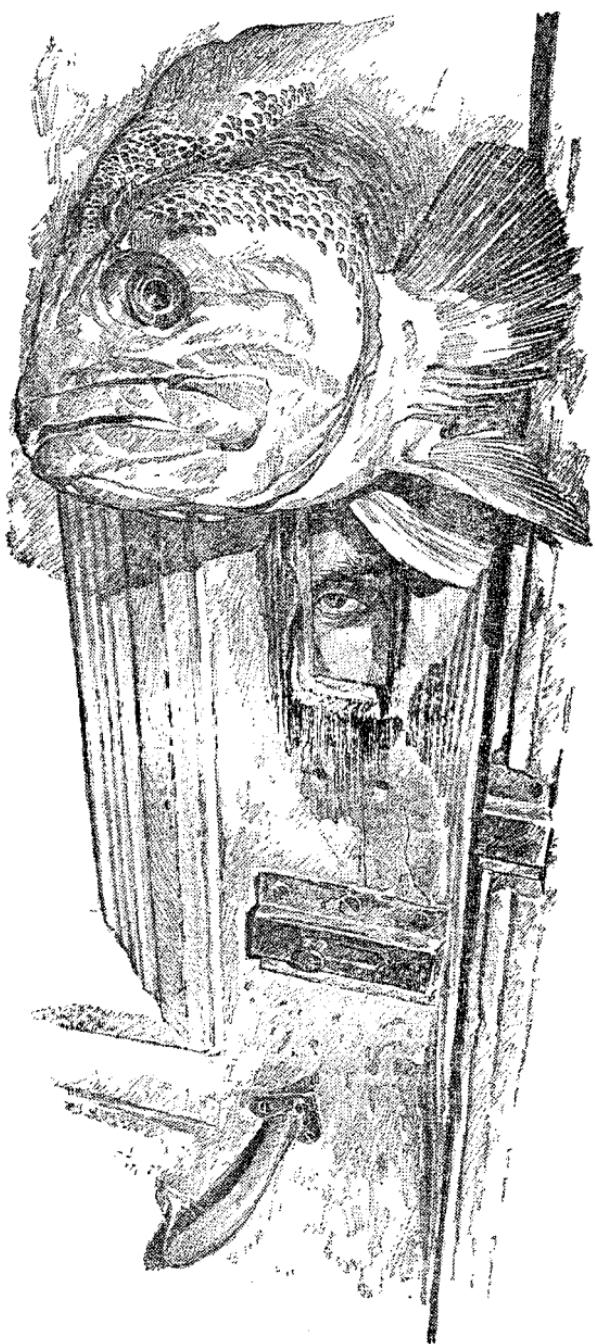
Шитца не мог уже говорить. Он смог только улыбнуться первым лучам солнца и умер.

Акса-Гуам остался один — быть, может, один во всем мире, последний человек из Атлантиды.

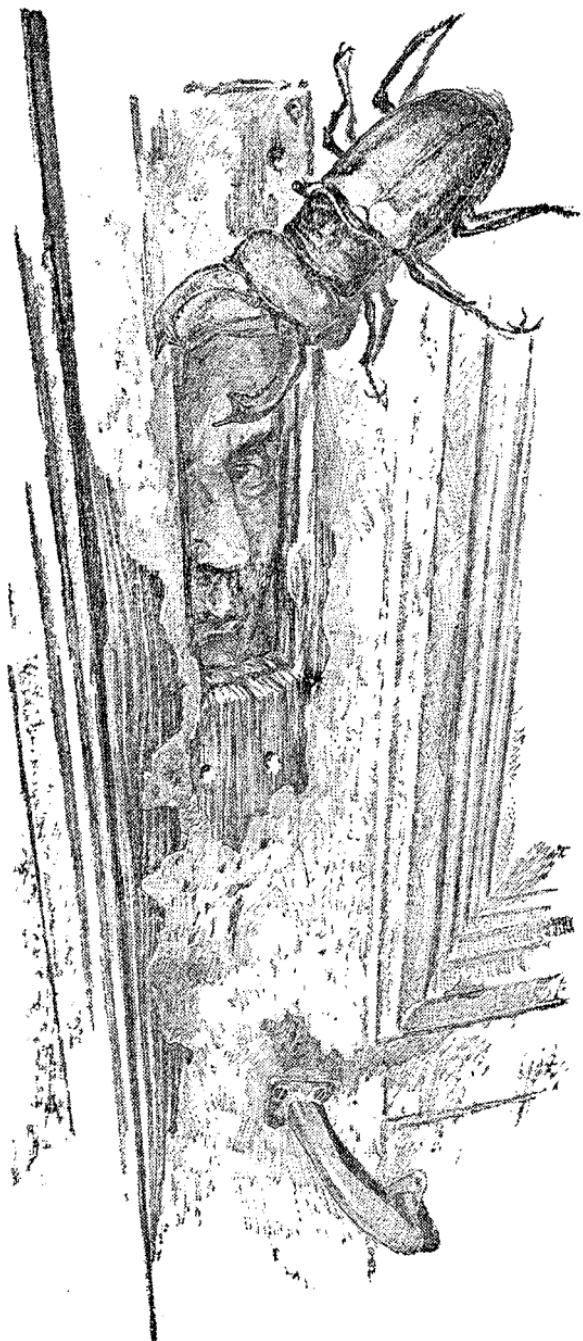
Он познакомился с обитателями этих унылых мест и скоро завоевал своими знаниями их глубокое уважение.

Когда настала весна, он научил их обрабатывать землю и засевать вспаханные мотыгами поля. Он научил их добывать огонь посредством трения сухих кусков дерева или высекая искру из кремня в сухие листья и можжевельника. Многим ремеслам и знаниям научились они от него. Одни из них стали оседлыми земледельцами, другие продолжали заниматься охотой и войнами. А в долгие зимние вечера он рассказывал им чудесные истории о Золотом веке, когда люди жили счастливые, среди вечно цветущих садов и деревьев, которые дают плоды несколько раз в год, — жили, не зная забот и нужды... Говорил о богатстве и великолепии Острова Блаженных, о Золотых Садах с золотыми яблоками, о героических битвах и об ужасной гибели целого народа и страны, о страшных ливнях, сопровождавших эту гибель, о спасении на кораблях немногих из них, о своем плавании, которое длилось сорок дней и сорок ночей, и о своем спасении...

Люди слушали эти рассказы с захватывающим любопытством детей, передавали друг другу, прибавляли и украшали эти повествования от себя, берегли, как священное предание.

Человек-амфибия

Часть первая

«Морской дьявол»

Наступила душная январская ночь аргентинского лета. Черное небо покрылось звездами. «Медуза» спокойно стояла на якоре. Тишина ночи не нарушалась ни всплеском волны, ни скрипом снастей. Казалось, океан спал глубоким сном.

На палубе шхуны лежали полуголые ловцы жемчуга. Утомленные работой и горячим солнцем, они ворочались, вздыхали, вскрикивали в тяжелой дремоте. Руки и ноги у них нервно подергивались. Быть может, во сне они видели своих врагов — акул. В эти жаркие безветренные дни люди так уставали, что, окончив лов, не могли даже подняться на палубу лодки. Впрочем, это было не нужно: ничто не предвещало перемен в погоды. И людки оставались на ночь на воде, привязанные у якорной цепи. Реси не были выровнены, та-келаж плохо подтянут, неубранный кливер чуть-чуть вздрагивал при слабом дуновении ветерка. Все пространство палубы между баком и ютом было завалено грудами раковин-жемчужниц, обломками кораллового известняка, ветревками, на которых ловцы опускаются на дно, холцовыми мешками, куда они кладут найденные раковины, пустыми бочонками. Возле бизань-мачты стояла большая бочка с пресной водой и железным ковшом на цепочке. Вокруг бочки на палубе виднелось темное пятно от пролитой воды.

От времени до времени то один, то другой ловец поднимался, шатаясь в полусне, и, наступая на ноги и руки

спящих, брел к бочке с водой. Не раскрывая глаз, он выпивал ковш воды и валился куда попало, словно пил он не воду, а чистый спирт. Ловцов томила жажда: утром перед работой есть опасно — слишком уж сильное давление испытывает человек в воде, — поэтому работали весь день наотыцак, пока в воде не становилось темно, и только перед сном они могли поесть, а кормили их солопиной.

Ночью на вахте стоял индеец Бальтазар, он был ближайшим помощником капитана Педро Зуриты, владельца шхуны «Медуза».

В молодости Бальтазар был известным ловцом жемчуга: он мог пробыть под водою девяносто и даже сто секунд — вдвое больше обычного.

«Почему? Потому, что в наше время умели учить и начинали обучать нас с детства, — рассказывал Бальтазар молодым ловцам жемчуга. — Я был еще мальчишкой лет десяти, когда отец отдал меня в ученье на тендер к Хозе. У него было двенадцать ребят учеников. Учил он нас так. Бросит в воду белый камень или раковину и прикажет: «Ныряй, доставай!» И каждый раз бросает все глубже. Не достанешь — выпорет линем или плетью и бросит в воду, как собачонку. «Ныряй снова!» Так и научил нас нырять. Потом стал приучать к тому, чтобы мы привыкли дольше находиться под водою. Старый опытный ловец опустится на дно и привязывает к якорю корзинку или сеть. А мы потом ныряем и под водой отвязываем. И пока не отвяжешь, наверх не показывайся, а покажешься — получай плеть или линь.

Били нас нещадно. Не многие выдержали. Но я стал первым ловцом во всем округе. Хорошо зарабатывал».

Состарившись, Бальтазар оставил опасный промысел искателя жемчуга. Его левая нога была изуродована зубами акулы, его бок изодрала якорная цепь. Он имел в Буэнос-Айресе небольшую лавку и торговал жемчугом, кораллами, раковинами и морскими редкостями. Но на берегу он скучал и потому нередко отправлялся на жемчужный лов. Промышленники ценили его. Никто лучше Бальтазара не знал Ла-Платского залива, его берегов и тех мест, где водятся жемчужные раковины.

Ловцы уважали его. Он умел угодить всем — и ловцам и хозяевам.

Молодых ловцов он учил всем секретам промысла; как задерживать дыхание, как отражать нападение акул, а под хорошую руку — и тому, как припрятать от хозяина редкую жемчужину.

Промышленники же, владельцы шхун, знали и ценили его за то, что он умел по одному взгляду безошибочно оценивать жемчужины и быстро отбирать в пользу хозяина наилучшие.

Поэтому промышленники охотно брали его с собой как помощника и советчика.

Бальтазар сидел на бочонке и медленно курил толстую сигару. Свет от фонаря, прикрепленного к мачте, падал на его лицо. Оно было продолговатое, не скуластое, с правильным носом и большими красивыми глазами — лицо араука. Веки Бальтазара тяжело опускались и медленно поднимались. Он дремал. Но если спали его глаза, то уши его не спали. Они бодрствовали и предупреждали об опасности даже во время глубокого сна. Но теперь Бальтазар слышал только вздохи и бормотание спящих. С берега тянуло запахом гниющих моллюсков-жемчужниц, — их оставляли гнить, чтобы легче выбирать жемчужины: раковину живого моллюска нелегко вскрыть. Этот запах непривычному человеку показался бы отвратительным, но Бальтазар не без удовольствия вдыхал его. Ему, бродяге, искателю жемчуга, этот запах напоминал о радостях привольной жизни и волнующих опасностях моря.

После выборки жемчуга самые крупные раковины переносили на «Медузу». Зурита был расчетлив: раковины он продавал на фабрику, где из них делали пуговицы и запонки.

Бальтазар спал. Скоро выпала из ослабевших пальцев и сигара. Голова склонилась на грудь.

Но вот до его сознания дошел какой-то звук, доносившийся далеко с океана. Звук повторился ближе. Бальтазар открыл глаза. Казалось, кто-то трубил в рог, а потом как будто бодрый молодой человеческий голос крикнул: «A!» — и затем октавой выше: «A-a!..»

Музыкальный звук трубы не походил на резкое звучание пароходной сирены, а веселый возглас совсем не напоминал крика о помощи утопающего. Это было

что-то новое, неизвестное. Бальтазар поднялся; ему казалось, будто сразу посвежело. Он подошел к борту и зорко оглядел гладь океана. Безлюдье. Тишина. Бальтазар толкнул ногой лежавшего на палубе индейца и, когда тот поднялся, тихо сказал:

— Кричит. Это, наверное, он.

— Я не слышу, — так же тихо ответил индеец-гурон, стоя на коленях и прислушиваясь. И вдруг тишину вновь нарушил звук трубы и крик:

— А-а..

Гурон, услышав этот звук, пригнулся, как под ударом бича.

— Да, это, наверное, он, — сказал гурон, лязгая от страха зубами.

Проснулись и другие ловцы. Они сползли к освещенному фонарем месту, как бы ища защиты от темноты в слабых лучах желтоватого света. Все сидели, прижавшись друг к другу, напряженно прислушиваясь. Звук трубы и голос послышались еще раз вдалеке, и потом все замолкло.

— Это он...

— Морской дьявол, — шептали рыбаки.

— Мы не можем больше оставаться здесь!

— Это страшнее акулы!

— Позвать сюда хозяина!

Послышалось шлепание босых ног. Зевая и почесывая волосатую грудь, на палубу вышел хозяин, Педро Зурита. Он был без рубашки, в одних холщовых штанах; на широком кожаном поясе висела кобура револьвера. Зурита подошел к людям. Фонарь осветил его заспанное, бронзовое от загара лицо, густые выющиеся волосы, падавшие прядями на лоб, черные брови, изумистые, приподнятые кверху усы и небольшую бородку с проседью.

— Что случилось?

Его грубо-вый спокойный голос и уверенные движения успокоили индейцев.

Они заговорили все сразу.

Бальтазар поднял руку в знак того, чтобы они замолчали, и сказал:

— Мы слышали голос его... морского дьявола.

— Померещилось! — ответил Педро сонно, опустив голову на грудь.

— Нет, не померещилось. Мы все слышали «а-а!..» и звук трубы! — закричали рыбаки.

Балтазар заставил замолчать их тем же движением руки и продолжал:

— Я сам слышал. Так трубить может только дьявол. Никто на море так не кричит и не трубит. Надо быстрее уходить отсюда.

— Сказки, — так же вяло ответил Педро Зурита.

Ему не хотелось брать с берега на шхуну еще не перегнившие, зловонные раковины и сниматься с якоря.

Но уговорить индейцев ему не удалось. Они волновались, размахивали руками и кричали угрожая, что завтра же сойдут на берег и нещиком отправятся в Буэнос-Айрес, если Зурита не поднимет якорь.

— Черт бы побрал этого морского дьявола вместе с вами! Хорошо. Мы поднимем якорь на рассвете. — И, продолжая ворчать, капитан ушел к себе в каюту.

Ему уже не хотелось спать. Он зажег лампу, закурил сигару и начал ходить из угла в угол по небольшой каюте. Он думал о том непонятном существе, которое с некоторых пор появилось в здешних водах, пугая рыбаков и прибрежных жителей.

Никто еще не видел этого чудовища, но оно уже несколько раз напоминало о себе. О нем слагались басни. Моряки рассказывали их шепотом, боязливо озираясь, как бы опасаясь, чтобы это чудовище не подслушало их.

Одним это существо причиняло вред, другим неожиданно помогало. «Это морской бог, — говорили старые индейцы, — он выходит из глубины океана раз в тысячу лет, чтобы восстановить справедливость на земле».

Католические священники уверяли суеверных испанцев, что это «морской дьявол». Он стал являться людям потому, что население забывает святую католическую церковь.

Все эти слухи, передаваемые из уст в уста, достигли Буэнос-Айреса. Несколько недель «морской дьявол» был излюбленной темой хроников и фельетонистов бульварных газет. Если при неизвестных обстоятельствах тонули шхуны, рыбачьи суда, или портились рыбачьи сети, или исчезала пойманная рыба, в этом обвиляли «морского дьявола». Но другие рассказывали, что

«дьявол» подбрасывал иногда в лодки рыбаков крупную рыбу и однажды даже спас утопающего.

По крайней мере один утопающий уверял, что, когда он уже погружался в воду, кто-то подхватил его снизу за спину и, так поддерживая, доплыл до берега, скрывшись в волнах прибоя в тот миг, когда спасенный ступил на песок.

Но удивительнее всего было то, что самого «дьявола» никто не видел. Никто не мог описать, как выглядит это таинственное существо. Нашлись, конечно, очевидцы, — они награждали «дьявола» рогатой головой, козлиной бородой, львиными лапами и рыбьим хвостом или изображали его в виде гигантской рогатой жабы с человеческими ногами.

Правительственные чиновники Буэнос-Айреса сначала не обращали внимания на эти рассказы и газетные заметки, считая их досужим вымыслом.

Но волнение — главным образом среди рыбаков — все усиливалось. Многие рыбаки не решались выезжать в море. Лов сократился, и жители чувствовали недостаток рыбы. Тогда местные власти решили расследовать эту историю. Несколько паровых катеров и моторных лодок полицейской береговой охраны было разослано по побережью с приказом «задержать неизвестную личность, сеющую смуту и панику среди прибрежного населения».

Полиция рыскала по Ла-Платскому заливу и побережью две недели, задержала несколько индейцев как злостных распространителей ложных слухов, сеющих тревогу, но «дьявол» был неуловим.

Начальник полиции опубликовал официальное сообщение о том, что никакого «дьявола» не существует, что все это лишь выдумки невежественных людей, которые уже задержаны и понесут должное наказание, и убеждал рыбаков не доверять слухам и взяться за лов рыбы.

На время это помогло. Однако шутки «дьявола» не прекращались.

Однажды ночью рыбаки, находившиеся довольно далеко от берега, были разбужены блеянием козленка, который каким-то чудом появился на их баркасе.

У других рыбаков оказались изрезанными вытащенные сети.

Обрадованные новым появлением «дьявола» журналисты ждали теперь разъяснения ученых.

Ученые не заставили себя долго ждать.

Одни считали, что в океане не может существовать неизвестное науке морское чудовище, совершающее поступки, на которые способен только человек. «Иное дело, — писали ученые, — если бы такое существо появилось в малоисследованных глубинах океана». Но ученые все же не могли допустить, чтобы такое существо могло поступать разумно. Ученые вместе с начальником морской полиции считали, что все это — проделки какого-нибудь озорника.

Но не все ученые думали так.

Другие ученые ссылались на знаменитого немецкого натуралиста Конрада Геснера¹, который описал морскую деву, морского дьявола, морского монаха и морского епископа.

«В конце концов многое из того, о чем писали древние и средневековые ученые, оправдалось, несмотря на то что новая наука не признавала этих старых учений. Божеское творчество иссточимо, и нам, ученым, скромность и осторожность в заключениях приличествуют больше, чем кому-либо другому», — писали некоторые старые ученые.

Впрочем, трудно было назвать учеными этих скромных и осторожных людей. Они верили в чудеса больше, чем в науку, и лекции их походили на проповедь.

В конце концов, чтобы разрешить спор, отправили научную экспедицию.

Членам экспедиции не посчастливилось встретиться с «дьяволом». Зато они узнали много нового о поступках «неизвестного лица» (старые ученые настаивали на том, чтобы слово «лица» было заменено словом «существа»).

В докладе, опубликованном в газетах, члены экспедиции писали:

Конрад Геснер — знаменитый немецкий ученый XVI века. Написал «Книгу о животных», имевшую в течение долгого времени необыкновенно сильное влияние на натуралистов.

«1. В некоторых местах на песчаных отмелях нами были замечены следы узких ступней человеческих ног. Следы выходили со стороны моря и вели обратно к морю. Однако такие следы мог оставить человек, подъехавший к берегу на лодке.

2. Осмотренные нами сети имеют разрезы, которые могли быть произведены острым режущим орудием. Возможно, что сети зацепились за острые подводные скалы или железные обломки затонувших судов и порвались.

3. По рассказам очевидцев, выброшенный бурей на берег, на значительное расстояние от воды, дельфин был кем-то ночью стащен в воду, причем на песке обнаружены следы ног и как бы длинных когтей. Вероятно, какой-то сердобольный рыбак оттащил дельфина в море.

Известно, что дельфины, охотясь за рыбой, помогают рыбакам тем, что загоняют ее к отмели. Рыбаки же часто выручают из беды дельфинов. Следы когтей могли быть произведены пальцами человека. Воображение придало следам вид когтей.

4. Козленок мог быть привезен на лодке и подброшен каким-нибудь шутником».

Ученые напали и другие, не менее простые, причины, чтобы объяснить происхождение следов, оставленных «дьяволом».

Ученые пришли к выводу, что ни одно морское чудовище не могло совершить столь сложных действий.

И все же эти объяснения удовлетворяли не всех. Даже среди самих ученых нашлись такие, которым эти объяснения казались сомнительными. Как мог самый ловкий и упорный шутник проделывать такие вещи, не попадаясь так долго на глаза людям. Но главное, о чем умоляли ученые в своем докладе, заключалось в том, что «дьявол», как это было установлено, совершал свои подвиги на протяжении короткого времени в различных, расположенных далеко друг от друга местах. Или «дьявол» умел плавать с неслыханной быстротой, или у него были какие-то особенные приспособления, или же, наконец, «дьявол» был не один, а их было несколько. Но тогда все эти шутки становились еще более непонятными и угрожающими.

Петро Зурита вспоминал всю эту загадочную историю, не переставая шагать по каюте.

Он не заметил, как рассвело и в окно иллюминатора проник розовый луч. Петро погасил лампу и начал умываться.

Обливая себе голову теплой водой, он услышал испуганные крики, доносившиеся с палубы. Зурита, не кончив умываться, быстро поднялся по трапу.

Голые ловцы, с холщовой перевязью на бедрах, стояли у борта, размахивая руками и беспорядочно кричали. Педро посмотрел вниз и увидел, что лодки, оставленные на ночь на воде, отвязаны. Ночной бриз отнес их довольно далеко в открытый океан. Теперь утренним бризом их медленно несло к берегу. Весла шлюпок, разбросанные по воде, плавали по заливу.

Зурита приказал ловцам собрать лодки. Но никто не решался сойти с палубы. Зурита повторил приказ.

— Сам лезь в лапы дьяволу,— отозвался кто-то.

Зурита взялся за кобуру револьвера. Толпа ловцов отошла и скрутилась у мачты. Ловцы враждебно смотрели на Зуриту. Столкновение казалось неминуемым. Но тут вмешался Бальтазар.

— Араукаец не боится никого,— сказал он,— акула меня не доела, подавится и дьявол старыми костями.— И, сложив руки над головой, он бросился с борта в воду и поплыл к ближайшей лодке.

Теперь ловцы подошли к борту и со страхом наблюдали за Бальтазаром. Несмотря на старость и большую ногу, он плавал отлично. В несколько взмахов индейец дошел до лодки, выловил плавающее весло и влез в лодку.

— Веревка отрезана ножом,— крикнул он,— и хорошо отрезана! Нож был острый как бритва.

Видя, что с Бальтазаром ничего страшного не произошло, несколько рыбаков последовали его примеру.

Верхом на дельфине

Солнце только что взошло, но уже палило немилосердно. Серебристо-голубое небо было безоблачно, океан неподвижен. «Медуза» была уже на двадцать километров южнее Буэнос-Айреса. По совету Бальтазара якорь бросили в небольшой бухте, у скалистого берега, двумя уступами поднимавшегося из воды.

Лодки рассеялись по заливу. На каждой лодке, по обычаю, было два ловца: один нырял, другой вытаскивал ныряльщика. Потом они менялись ролями.

Одна лодка подошла довольно близко к берегу. Ныряльщик захватил ногами большой обломок коралло-

вого известняка, привязанный к концу веревки, и быстро опустился на дно.

Вода была очень теплая и прозрачная, — каждый камень на дне был отчетливо виден. Ближе к берегу со дна поднимались кораллы — неподвижно застывшие кусты подводных садов. Мелкие рыбки, отливавшие золотом и серебром, шныряли между этими кустами.

Ныряльщик опустился на дно и, согнувшись, начал быстро собирать раковины и класть в привязанный к ремешку на боку мешочек. Его товарищ по работе, индеец-гурон, держал в руках конец веревки и, перегнувшись через борт лодки, смотрел в воду.

Вдруг он увидел, что ныряльщик вскочил на ноги так быстро, как только мог, взмахнул руками, ухватился за веревку и дернул ее так сильно, что едва не стянул гуруна в воду. Лодка качнулась. Индеец-гурон торопливо поднял товарища и помог ему взобраться на лодку. Широко открыв рот, ныряльщик тяжело дышал, глаза его были расширены. Темно-бронзовое лицо сделалось серым — так он побледнел.

— Акула?

Но ныряльщик ничего не мог ответить, он упал на дно лодки.

Что могло так напугать на дне моря? Гурон нагнулся и начал всматриваться в воду. Да, там творилось что-то неладное. Маленькие рыбки, как птицы, зави-девшие коршуна, спешили укрыться в густых зарослях подводных лесов.

И вдруг индеец-гурон увидел, как из-за выступавшей углом подводной скалы показалось нечто похожее на багровый дым. Дым медленно расплзлся во все стороны, окрашивая воду в розовый цвет. И тут же показалось что-то темное. Это было тело акулы. Оно медленно повернулось и исчезло за выступом скалы. Багровый подводный дым мог быть только кровью, разлитой на дне океана. Что произошло там? Гурон по-смотрел на своего товарища, но тот неподвижно лежал на спине, ловя воздух широко раскрытым ртом и бес-смысленно глядя в небо. Индеец взялся за весла и по-спешил отвезти своего внезапно заболевшего товарища на борт «Медузы».

Наконец ныряльщик пришел в себя, но как будто потерял дар слова, — только мычал, качал головой и отдувался, выпячивая губы.

Бывшие на шхуне ловцы окружили ныряльщика, с нетерпением ожидая его объяснений.

— Говори! — крикнул, наконец, молодой индеец, тряхнув ныряльщика. — Говори, если не хочешь, чтобы твоя трусливая душа вылетела из тела.

Ныряльщик покрутил головой и сказал глухим голосом:

— Видал... морского дьявола.

— *Его?*

— Да говори же, говори! — нетерпеливо кричали ловцы.

— Смотрю — акула. Акула плывет прямо на меня. Конец мне! Большая, черная, уже пасть *открыла*, сейчас есть меня будет. Смотрю — еще плывет...

— Другая акула?

— Дьявол!

— Какой же он? Голова у него есть?

— Голова? Да, кажется, есть. Глаза — по стакану.

— Если есть глаза, то должна быть голова, — уверенно заявил молодой индеец. — Глаза к чему-нибудь да приколочены. А лапы у него есть?

— Лапы, как у лягушки. Пальцы длинные, зеленые, с когтями и перепонками. Сам блестит, как рыба чешуей. Поплыл к акуле, сверкнул лапой — шарк! Кровь из брюха акулы...

— А какие у него ноги? — спросил один из ловцов.

— Ноги? — пытался вспомнить ныряльщик. — Ног совсем нет. Большой хвост есть. А на конце хвоста две змеи.

— Кого же ты больше испугался — акулы или чудовища?

— Чудовища, — без колебания ответил он. — Чудовища, хотя оно спасло мне жизнь. Это был *он*...

— Да, это был *он*.

— Морской дьявол, — сказал индеец.

— Морской бог, который приходит на помощь бедным, — поправил старый индеец.

Эта весть быстро разнеслась по лодкам, плававшим в заливе. Ловцы поспешили к шхуне и подняли лодки на борт.

Все обступили ныряльщика, спасенного «морским дьяволом». И он повторял, рассказывая все новые и новые подробности. Он вспомнил, что из ноздрей чудовища вылетало красное пламя, а зубы были острые и длинные, в палец величиной. Его уши двигались, на боках были плавники, а сзади — хвост, как весло.

Педро Зурита, обнаженный по пояс, в коротких белых штанах, в туфлях на босу ногу и в высокой, широкополой соломенной шляпе на голове, шаркая туфлями, ходил по палубе, прислушиваясь к разговорам.

Чем больше увлекался рассказчик, тем более убеждался Педро, что все это выдумано ловцом, испуганным приближением акулы.

«Впрочем, может быть, и не все выдумано. Кто-то вспорол акуле брюхо: ведь вода в заливе порозовела. Индеец врет, но во всем этом есть какая-то доля правды. Странная история, черт возьми!»

Здесь размышления Зуриты были прерваны звуком рога, раздавшимся вдруг из-за скалы.

Этот звук поразил экипаж «Медузы», как удар грома. Все разговоры сразу прекратились, лица побледнели. Ловцы с суеверным ужасом смотрели на скалу, откуда донесся звук трубы.

Недалеко от скалы резвилось на поверхности океана стадо дельфинов. Один дельфин отделился от стада, громко фыркнул, как бы отвечая на призывный сигнал трубы, быстро поплыл к скале и скрылся за утесами. Прошло еще несколько мгновений напряженного ожидания. Вдруг ловцы увидели, как из-за скалы показался дельфин. На его спине сидело верхом, как на лошади, странное существо — «дьявол», о котором недавно рассказывал ныряльщик. Чудовище обладало телом человека, а на его лице виднелись огромные, как старинные часы-луковицы, глаза, сверкавшие в лучах солнца подобно фонарям автомобиля, кожа отливалась нежным голубым серебром, а кисти рук походили на лягушечьи — темно-зеленые, с длинными пальцами и перепонками между ними. Ноги ниже колен находились в воде. Оканчивались ли они хвостами, или это были обычные человеческие ноги — осталось неизвестным. Странное существо держало в руке длинную витую раковину. Оно еще раз протру比ло в эту раковину, засмеялось веселым человеческим смехом и вдруг

крикнуло на чистом испанском языке: «Скорей, Лидинг¹, вперед!» — похлопало лягушечьей рукой по лоснящейся спине дельфина и пришпорило его бока ногами. И дельфин, как хорошая лошадь, прибавил скорость.

Ловцы невольно вскрикнули.

Необычный наездник обернулся. Увидев людей, он, с быстротой ящерицы соскользнув с дельфина, скрылся за его телом. Из-за спины дельфина показалась зеленая рука, ударившая животное по спине. Послушный дельфин погрузился в воду вместе с чудовищем.

Странная пара сделала под водой полукруг и скрылась за подводной скалой...

Весь этот необычный выезд занял не более минуты, но зрители долго не могли прийти в себя от изумления.

Ловцы кричали, бегали по палубе, хватались за голову. Индейцы упали на колени и заклинали бога моря пощадить их. Молодой мексиканец от испуга влез на гроб-мачту и кричал. Негры скатились в трюм и забились в угол.

О ловце нечего было и думать. Педро и Бальтазар с трудом водворили порядок. «Медуза» спяллась с якоря и направилась на север.

Неудача Зуриты

Капитан «Медузы» спустился к себе в каюту, чтобы обдумать происшедшее.

— Можно с ума сойти! — проговорил Зурита, выливая себе на голову кувшин теплой воды. — Морское чудовище говорит на чистейшем кастильском наречии! Что это? Чертовица? Безумие? Но не может же безумие сразу охватить всю команду. Даже одинаковый сон не может присниться двум людям. Но мы все видели морского черта. Это неоспоримо. Значит, он все-таки существует, как это ни невероятно. — Зурита снова облил водой голову и выглянул в иллюминатор, чтобы освежиться.

¹ Лидинг — по-английски «ведущий».

— Как бы то ни было,— продолжал он, несколько успокоившись,— это чудовищное существо наделено человеческим разумом и может совершать разумные поступки. Оно, по-видимому, чувствует себя одинаково хорошо в воде и на поверхности. И оно умеет говорить по-испански — значит, с ним можно объясняться. Что, если бы... Что, если бы поймать чудовище, приручить и заставить ловить жемчуг! Одна эта жаба, способная жить в воде, может заменить целую артель ловцов. И потом какая выгода! Каждому ловцу жемчуга как-никак приходится давать четверть улова. А эта жаба ничего не стоила бы. Ведь этак можно нажить в самый короткий срок сотни тысяч, миллионы песет!

Зурита размечтался. До сих пор он надеялся разбогатеть, искал жемчужные раковины там, где их никто не добывал. Персидский залив, западный берег Цейлона, Красное море, австралийские воды — все эти жемчужные места находятся далеко, и люди давно ищут там жемчуг. Идти в Мексиканский или Калифорнийский залив, к островам Фомы и Маргариты? Плыть к берегам Венесуэлы, где добывается лучший американский жемчуг, Зурита не мог. Для этого его шхуна была слишком ветхой, да и не хватало ловцов — словом, нужно было поставить дело на широкую ногу. А денег у Зуриты не хватало. Так и оставался он у берегов Аргентины.

Но теперь! Теперь он мог бы разбогатеть в один год, если бы только ему удалось поймать «морского дьявола».

Он станет самым богатым человеком Аргентины, даже, быть может, Америки. Деньги проложат ему дорогу к власти. Имя Педро Зуриты будет у всех на устах. Но надо быть очень осторожным. И прежде всего сохранить тайну.

Зурита поднялся на палубу и, собрав весь экипаж вплоть до кока, сказал.

— Вы не знаете, какая участь постигла тех, кто распространял слухи о морском дьяволе? Их арестовала полиция, и они сидят в тюрьме. Я должен предупредить вас, что то же будет с каждым из вас, если вы хоть одним словом обмолвитесь о том, что видели морского дьявола. Вас сгноят в тюрьме. Понимаете?

Поэтому, если вам дорога жизнь,— никому ни слова о дьяволе.

«Да им все равно не поверят: все это слишком похоже на сказку»,— подумал Зурита и, позвав к себе в каюту Бальтазара, посвятил его одного в свой план.

Бальтазар внимательно выслушал хозяина и, помолчав, ответил:

— Да, это хорошо. Морской дьявол стоит сотни ловцов. Хорошо иметь у себя на службе дьявола. Но как поймать его?

— Сетью,— ответил Зурита.

— Он разрежет сеть, как распорол брюхо акулы.

— Мы можем заказать металлическую сеть.

— А кто будет его ловить? Нашим ныряльщикам только скажи: «Дьявол», и у них подгибаются колени. Даже за мешок золота они не согласятся.

— А ты, Бальтазар?

Индеец пожал плечами:

— Я никогда еще не охотился на морских дьяволов. Подстеречь его, вероятно, будет не сложно, убить же, если только он сделан из мяса и костей, не трудно. Но вам нужен живой дьявол.

— Ты не боишься его, Бальтазар? Что ты думаешь о морском дьяволе?

— Что я могу думать о ягуаре, который летает над морем, и об акуле, которая лазает по деревьям? Неведомый зверь страшней. Но я люблю охотиться на страшного зверя.

— Я щедро вознагражу тебя.— Зурита пожал руку Бальтазару и продолжал развивать перед ним свой план: — Чем меньше будет участников в этом деле, тем лучше. Ты переговори со всеми арауканцами. Они храбры и сметливы. Выбери человек пять, не больше. Если не согласятся идти, найди на стороне. Дьявол держится у берегов. Прежде всего надо выследить, где его логово. Тогда нам легко будет захватить его в сети.

Зурита и Бальтазар быстро принялись за дело. По заказу Зуриты была изготовлена проволочная мережа, напоминающая большую бочку с открытым дном. Внутри мережи Зурита натянул пеньковые сети, чтобы «дьявол» запутался в них, как в паутине. Ловцов рассчитали. Из экипажа «Медузы» Бальтазару удалось уговорить только двух индейцев племени араукана участво-

вать в охоте на «дьявола». Еще троих он завербовал в Буэнос-Айресе.

Выслеживать «дьявола» решили начать в том заливе, где экипаж «Медузы» впервые увидел его. Чтобы не возбудить подозрения «дьявола», шхуна бросила якорь в нескольких километрах от небольшого залива. Зурита и его спутники время от времени занимались рыбной ловлей, как будто это и было целью их плавания. В то же время трое из них по очереди, прячась за камнями на берегу, зорко следили за тем, что делается в водах залива.

Была вторая неделя на исходе, а «дьявол» не подавал о себе вести.

Бальтазар завязал знакомство с прибрежными жителями, фермерами-индейцами, дешево продавал им рыбу и, беседуя с ними о разных вещах, незаметно переводил разговор на «морского дьявола». Из этих разговоров старый индеец узнал, что место для охоты они выбрали правильно: многие индейцы, жившие вблизи залива, слышали звук рога и видели следы ног на песке. Они уверяли, что пятка у «дьявола» человеческая, но пальцы значительно удлинены. Иногда на песке индейцы замечали углубление от спины,— он лежал на берегу.

«Дьявол» не причинял вреда прибрежным жителям, и они перестали обращать внимание на следы, которые он от времени до времени оставлял, напоминая о себе. Но самого «дьявола» никто не видел.

Две недели стояла «Медуза» в заливе, занимаясь для видимости ловом рыбы. Две недели Зурита, Бальтазар и нанятые индейцы, не спуская глаз, следили за поверхностью океана, но «морской дьявол» не появлялся. Зурита беспокоился. Он был нетерпелив и склонен. Каждый день стоил денег, а этот «дьявол» заставлял себя ждать. Педро начал уже сомневаться. Если «дьявол» существует сверхъестественное, его никакими сетями не поймать. Да и опасно связываться с таким чертом,— Зурита был суеверен. Пригласить на всякий случай на «Медузу» священника с крестом и святыми дарами? Ноевые расходы. Но, может быть, «морской дьявол» совсем не дьявол, а какой-нибудь шутник, хороший пловец, вырядившийся дьяволом, чтобы пугать людей? Дель-

фин? Но его, как всякое животное, можно приручить и выдрессировать. Уж не бросить ли всю эту затею?

Зурита объявил награду тому, кто первый заметит «дьявола», и решил подождать еще несколько дней.

К его радости, в начале третьей недели «дьявол» на конец начал появляться.

После дневного лова Бальтазар оставил лодку, наполненную рыбой, у берега. Рано утром за рыбой должны были прийти покупатели.

Бальтазар пошел на ферму навестить знакомого индейца, а когда вернулся на берег, лодка была пуста. Бальтазар сразу решил, что это сделал «дьявол».

«Неужели он сожрал столько рыбы?» — удивился Бальтазар.

В ту же ночь один из дежурных индейцев услышал звук трубы южнее залива. Еще через два дня, рано утром, молодой араукаец сообщил, что ему наконец удалось выследить «дьявола». Он приплыл на дельфине. На этот раз «дьявол» не сидел верхом, а плыл рядом с дельфином, ухватившись рукой за «упряжь» — широкий кожаный ошейник. В заливе «дьявол» спаял с дельфина ошейник, похлопал животное и скрылся в глубине залива, у подошвы отвесной скалы. Дельфин выныпал на поверхность и исчез.

Зурита, выслушав араукаца, поблагодарил, обещая наградить, и сказал:

— Сегодня днем дьявол едва ли выплынет из своего убежища. Нам надо поэтому осмотреть дно залива. Кто возьмется за это?

Но никому не хотелось опускаться на дно океана, рискуя встретиться лицом к лицу с неведомым чудовищем.

Бальтазар выступил вперед.

— Вот я! — коротко сказал он. Бальтазар был верен своему слову.

«Медуза» все еще стояла на якоре. Все, кроме вахтенных, сошли на берег и отправились к отвесной скале у залива.

Бальтазар обвязал себя веревкой, чтобы его можно было вытащить, если бы он оказался раненым, взял нож, зажал между ног камень и опустился на дно.

Араукацы с нетерпением ожидали его возвращения, вглядываясь в пятно, мелькавшее в голубоватой

мгле затененного скалами залива. Прошло сорок, пятьдесят секунд, минута, — Бальтазар не возвращался. Наконец он дернул веревку, и его подняли на поверхность. Отдышавшись, Бальтазар сказал:

— Узкий проход ведет в подземную пещеру. Там темно, как в брюхе акулы. Морской дьявол мог скрыться только в эту пещеру. Вокруг нее — гладкая стена.

— Отлично! — воскликнул Зурита. — Там темно — тем лучше! Мы расставим наши сети, и рыбка попадется.

Вскоре после захода солнца индейцы опустили проволочные сети на крепких веревках в воду у входа в пещеру. Концы веревок закрепили на берегу. К веревкам Бальтазар привязал колокольчики, которые должны были звонить при малейшем прикосновении к сети.

Зурита, Бальтазар и пять араукаунцев уселись на берегу и стали молча ждать.

На шхуне никого не оставалось.

Темнота быстро стущалась. Взошел месяц, и его свет отразился на поверхности океана. Было тихо. Всех охватило необычайное волнение. Быть может, сейчас они увидят странное существо, наводившее ужас на рыбаков и искателей жемчуга.

Медленно проходилиочные часы. Люди начинали дремать.

Вдруг колокольчики зазвенели. Люди вскочили, бросились к веревкам, начали поднимать сеть. Она была тяжелой. Веревки вздрагивали. Кто-то трепыхался в сети.

Вот сеть показалась на поверхности океана, а в ней при бледном свете месяца билось тело получеловека-полуживотного. В лунном свете сверкали огромные глаза и серебро чешуи. «Дьявол» делал невероятные усилия, чтобы освободить руку, запутавшуюся в сети. Это удалось ему. Он вынул нож, висевший у бедра на тонком ремешке, и начал резать сеть.

— Не прорежешь, шалишь! — тихо сказал Бальтазар, увлеченный охотой.

Но, к его удивлению, нож одолел проволочную преграду. Ловкими движениями «дьявол» расширял дыру, а ловцы спешили поскорее вытянуть сеть на берег.

— Сильнее! Гоп-гоп! — уже кричал Бальтазар.

Но в тот самый момент, когда, казалось, добыча была уже в их руках, «дьявол» провалился в прорезанную дыру, упал в воду, подняв каскад сверкающих брызг, и исчез в глубине.

Ловцы в отчаянии опустили сеть.

— Хороший ножик! Проволоку режет! — с восхищением сказал Бальтазар. — Подводные кузнецы лучше наших.

Зурита, опустив голову, смотрел на воду с таким видом, как будто там потонуло все его богатство.

Потом он поднял голову, дернул пушистый ус и топнул ногой.

— Так нет же, нет! — крикнул он. — Скорее ты подохнешь в своей подводной пещере, чем я отступлю. Я не пожалею денег, я выпишу водолазов, я весь залив покрою сетями и капканами, и ты не уйдешь от моих рук!

Он был смел, настойчив и упрям. Недаром в жилах Педро Зуриты текла кровь испанских завоевателей. Да и было из-за чего бороться.

«Морской дьявол» оказался не сверхъестественным, не всесмогущим существом. Он, очевидно, сделан из костей и мяса, как говорил Бальтазар. Значит, его можно поймать, посадить на цепочку и заставить добывать для Зуриты богатство со дна океана. Бальтазар добудет его, хотя бы сам бог моря Нептун со своим трезубцем стал на защиту «морского дьявола».

Доктор Сальватор

Зурита приводил в исполнение свою угрозу. Он возвел на дне залива много проволочных заграждений, протянул во всех направлениях сети, наставил капканы. Но его жертвами пока были только рыбы, «морской дьявол» как будто провалился сквозь землю. Он больше не показывался и ничем не напоминал о себе. Напрасно прирученный дельфин каждый день появлялся в заливе, нырял и фыркал, как бы приглашая своего необычайного друга совершить прогулку. Его друг не показывался, и дельфин, сердито фыркнув в последний раз, уплыл в открытое море.

Погода испортилась. Восточный ветер раскачал гладь океана; воды залива стали мутными от песка, поднявшегося со дна. Пенистые гребни волн скрывали дно. Никто не мог разглядеть, что происходит под водой.

Зурита часами мог стоять на берегу, глядя на гряды волн. Огромные, они шли одна за другой, обрушивались шумными водопадами, а нижние слои воды с шипением катились дальше по сырому песку, ворочая гальку и раковины, подкатываясь к ногам Зуриты.

— Нет, это никуда не годится, — говорил Зурита. — Надо придумать что-нибудь иное. Дьявол живет на дне моря и не желает выходить из своего убежища. Значит, чтобы поймать его, нужно пойти к нему — опуститься на дно. Это ясно!

И, обратившись к Бальтазару, мастерившему новый сложный капкан, Зурита сказал:

— Отправляйся немедленно в Буэнос-Айрес и привнеси оттуда два водолазных костюма с кислородными резервуарами. Обычный водолазный костюм со шлангом для нагнетания воздуха не годится. Дьявол может перерезать шланг. Притом, быть может, нам придется совершить небольшое подводное путешествие. Да не забудь захватить с собой электрические фонари.

— Вы желаете в гости к дьяволу? — спросил Бальтазар.

— С тобой, конечно, старина.

Бальтазар кивнул головой и отправился в путь.

Он привез не только водолазные костюмы и фонари, но и пару длинных, замысловато искривленных бронзовых ножей.

— Теперь уже не умеют делать таких, — сказал он. — Это древние ножи арауканцев, которыми мои прадедушки вспарывали когда-то животы белым — нашим прадедушкам, не в обиду вам будь сказано.

Зурите не понравилась эта историческая справка, но ножи он одобрил.

— Ты очень предусмотрителен, Бальтазар.

На другой день, на заре, несмотря на сильную волну, Зурита и Бальтазар надели водолазные костюмы и опустились на дно моря. Не без труда распутали они стоявшие у входа в подводную пещеру сети и влезли в узкий проход. Их окружала полная темнота. Став на

ноги и вынув ножи, водолазы засветили фонари. Испуганные светом мелкие рыбы метнулись в сторону, а потом приплыли к фонарю, суетясь в его голубоватом луче, как рой насекомых.

Зурита отогнал их рукой: блеском чешуи они ослепляли его. Это была довольно большая пещера, не менее четырех метров высоты и пяти-шести метров ширины. Водолазы осмотрели углы. Пещера была пуста и необитаема. Только стаи мелкой рыбы, очевидно, укрывались здесь от морского волнения и хищников.

Осторожно ступая, Зурита и Бальтазар продвинулись вперед. Пещера постепенно суживалась. Вдруг Зурита в изумлении остановился. Свет фонаря осветил толстую железную решетку, преграждавшую путь.

Зурита не поверил своим глазам. Он схватился рукой за железные прутья и начал дергать их, пытаясь открыть железную преграду. Но решетка не поддавалась. Осветив ее фонарем, Зурита убедился, что решетка эта прочно вделана в обтесанные стены пещеры и имеет петли и внутренний запор.

Это была новая загадка.

«Морской дьявол» должен быть не только разумным, но и исключительно одаренным существом. Он сумел приручить дельфина, ему известна обработка металлов. Наконец, он мог создать на дне моря крепкие железные преграды, охраняющие его жилище. Но ведь это невероятно! Не мог же он ковать железо под водой. Значит, он живет не в воде или, по крайней мере, надолго выходит из воды на землю.

У Зуриты стучало в висках, как будто в его водолазном колпаке не хватало кислорода, хотя он пробыл в воде всего несколько минут.

Зурита подал знак Бальтазару, и они вышли из подводной пещеры — больше здесь делать им было нечего — и поднялись на поверхность.

Араукарии, с нетерпением ожидавшие их, очень обрадовались, увидев водолазов невредимыми.

Сняв колпак и отдохнувшись, Зурита спросил:

— Что ты на это скажешь, Бальтазар?

Араукарий развел руками.

— Я скажу, что нам долго придется высиживать здесь. Дьявол, наверное, питается рыбой, а рыбы там

достаточно. Голодом нам его не выманить из пещеры. Взорвать решетку динамитом — только и придется.

— А не думаешь ли ты, Бальтазар, что пещера может иметь два выхода: один — с залива, а другой — с поверхности земли?

Бальтазар об этом не подумал.

— Так надо подумать. Как это мы раньше не догадались осмотреть окрестности? — сказал Зурита.

Теперь они принялись изучать берег.

На берегу Зурита набрел на высокую стену из белого камня, опоясывавшую огромный участок земли — не менее десяти гектаров. Зурита обошел стену. Во всей стене он нашел только одни ворота, сделанные из толстых листов железа. В воротах была маленькая железная дверь с прикрытым изнутри волчком.

«Настоящая тюрьма или крепость, — подумал Зурита. — Странно! Фермеры не строят таких толстых и высоких стен. В стене ни просвета, ни щели, через которые можно было бы заглянуть внутрь».

Кругом — безлюдная, дикая местность: голые серые скалы, поросшие кое-где колючим кустарником и кактусами. Внизу — залив.

Зурита несколько дней бродил вдоль стены, подолгу следил за железными воротами. Но ворота не открывались, никто не входил в них и не выходил; ни один звук не долетал из-за стены.

Вернувшись вечером на палубу «Медузы», Зурита позвал Бальтазара и спросил:

— Ты знаешь, кто живет в крепости над заливом?

— Знаю, я спрашивал уже об этом индейцев, работающих на фермах. Там живет Сальватор.

— Кто же он, этот Сальватор?

— Бог, — ответил Бальтазар.

Зурита от изумления поднял свои черные густые брови.

— Ты шутишь, Бальтазар?

Индеец едва заметно улыбнулся:

— Я говорю то, о чем слышал. Многие индейцы называют Сальватора божеством, спасителем.

— От чего же он спасает их?

— От смерти. Они говорят, что он всесилен. Сальватор может творить чудеса. Он держит в своих пальцах жизнь и смерть. Хромым он делает новые ноги,

живые ноги, слепым дает зоркие, как у орла, глаза и даже воскрешает мертвых.

— Проклятие! — проворчал Зурита, подбивая пальцами снизу вверх пушистые усы. — В заливе — морской дьявол, над заливом — бог. Не думаешь ли ты, Бальтазар, что дьявол и бог могут помогать друг другу?

— Я думаю, что нам следовало бы убраться отсюда как можно скорее, пока еще наши мозги не свернулись, как скисшее молоко, от всех этих чудес.

— Видел ли ты сам кого-нибудь из исцеленных Сальватором?

— Да, видел. Мне показывали человека со сломанной ногой. Побывав у Сальватора, этот человек бегает, как мустанг. Еще я видел воскрешенного Сальватором индейца. Вся деревня говорит, что этот индеец, когда его несли к Сальватору, был холодным трупом — череп расколот, мозги наружу. А от Сальватора он пришел живой и веселый. Женился после смерти. Хорошую девушку взял. И еще я видел детей индейцев...

— Значит, Сальватор принимает у себя посторонних?

— Только индейцев. И они идут к нему отовсюду: с Огненной Земли и Амазонки, из пустыни Атакамы и Асунсьона.

Получив эти сведения от Бальтазара, Зурита решил съездить в Буэнос-Айрес.

Там он узнал, что Сальватор лечит индейцев и пользуется среди них славой чудотворца. Обратившись к врачам, Зурита узнал, что Сальватор — талантливый и даже гениальный хирург, но человек с большими чудачествами, как многие выдающиеся люди. Имя Сальватора было широко известно в научных кругах Старого и Нового Света. В Америке он прославился своими смелыми хирургическими операциями. Когда положение больных считалось безнадежным и врачи отказывались делать операцию, вызывали Сальватора. Он никогда не отказывался. Его смелость и находчивость были беспредельны. Во время империалистической войны он был на французском фронте, где занимался почти исключительно операциями черепа. Много тысяч человек обязаны ему своим спасением. После заключения мира он уехал к себе на родину, в Аргентину. Врачебная практика и удачные земельные спекуляции дали

Сальватору огромное состояние. Он купил большой участок земли недалеко от Буэнос-Айреса, обнес его огромной стеной — одна из его странностей — и, поселившись там, прекратил всякую практику. Он занимался только научной работой в своей лаборатории. Теперь он лечил и принимал индейцев, которые называли его богом, сопедним на землю.

Зурите удалось узнать еще одну подробность, касавшуюся жизни Сальватора. Там, где сейчас находятся обширные владения Сальватора, до войны стоял небольшой дом с садом, также обнесенный каменной стеной. Все время, пока Сальватор находился на фронте, дом этот сторожили негр и несколько огромных собак. Ни одного человека не пропускали во двор эти неподкупные сторожа.

В последнее время Сальватор окружил себя еще большей таинственностью. Он не принимает у себя даже бывших товарищей по университету.

Узнав все это, Зурита решил:

«Если Сальватор врач, он не имеет права отказаться принять больного. Почему бы мне не заболеть? Я проникну к Сальватору под видом больного, а потом будет видно».

Зурита отправился к железным воротам, охранявшим владения Сальватора, и начал стучать. Стучал долго и упорно, но ему никто не открывал. Взбешенный, Зурита взял большой камень и начал бить им в ворота, подняв шум, который мог бы разбудить мертвых.

Далеко за стеной залаяли собаки, и, наконец, волчок в двери приоткрылся.

— Что надо? — спросил кто-то на ломаном испанском языке.

— Больной, отоприте скорее, — ответил Зурита.

— Больные так не стучат, — спокойно возразил тот же голос, и в волчке показался чей-то глаз. — Доктор не принимает.

— Он не смеет отказать в помощи больному, — горячился Зурита.

Волчок закрылся, шаги удалились. Только собаки продолжали отчаянно лаять.

Зурита, истощив весь запас ругательств, вернулся на шхуну.

Жаловаться на Сальватора в Буэнос-Айрес? Но это ни к чему не приведет. Зуриту тряслось от гнева. Его пушистым черным усам угрожала серьезная опасность, так как в волнении он поминутно дергал их, и они опустились вниз, как стрелка барометра, показывающая низкое давление.

Понемногу он успокоился и начал обдумывать, что сму предпринять дальше.

По мере того как он думал, его коричневые от загара пальцы все чаще взбивали растрепанные усы кверху. Барометр поднимался.

Наконец он взошел на палубу и неожиданно для всех отдал приказ сниматься с якоря.

«Медуза» отправилась в Буэнос-Айрес.

— Хорошо, — сказал Балыгазар. — Сколько времени напрасно потрачено! Пусть черт поберет этого дьявола вместе с богом!

Больная внучка

Солнце палило немилосердно. По пыльной дороге щадь тучных полей шхеницы, кукурузы и овса шел старый, измощденный индеец. Одежда его была изорвана. На руках он нес больного ребенка, прикрытого от лучей солнца стареньким одеяльцем. Глаза ребенка были полузакрыты. На шее виднелась огромная опухоль. Время от времени, когда старик оступался, ребенок хрюпал стонал и приоткрывал веки. Старик останавливался, заботливо дул в лицо ребенка, чтобы освежить его.

— Только бы донести живым! — прошептал старик, ускоряя шаги.

Подойдя к железным воротам, индеец переложил ребенка на левую руку и ударил правой в железную дверь четыре раза. Волчок в калитке приоткрылся, чей-то глаз мелькнул в отверстии, заскрипели засовы, и калитка открылась.

Индеец робко переступил порог. Перед ним стоял одетый в белый халат старый негр с совершенно белыми курчавыми волосами.

— К доктору, ребенок больной, — сказал индеец.

Негр молча кивнул головой, запер дверь и знаком пригласил следовать за собой.

Индеец осмотрелся. Они находились на небольшом дворе, вымощенном широкими каменными плитами. Этот двор был обнесен с одной стороны высокой наружной стеной, а с другой — стеной пониже, отгораживавшей двор от внутренней части усадьбы. Ни травы, ни кустика зелени — настоящий тюремный двор. В углу двора, у ворот второй стены, стоял белый дом с большими, широкими окнами. Возле дома на земле расположились индейцы — мужчины и женщины. Многие были с детьми.

Почти все дети выглядели совершенно здоровыми. Одни из них играли ракушками в «чет и нечет», другие беззвучно боролись, — старый негр с белыми волосами строго следил за тем, чтобы дети не шумели.

Старый индеец покорно опустился на землю в тени дома и начал дуть в неподвижное, посиневшее лицо ребенка. Возле индейца сидела старая индианка с опухшей ногой. Она посмотрела на ребенка, лежавшего на коленях индейца, спросила:

— Дочь?

— Внучка, — ответил индеец.

Покачав головой, старуха сказала:

— Болотный дух вошел в твою внучку. Но он сильнее злых духов. Он изгонит болотного духа, и твоя внучка будет здорова.

Индеец утвердительно кивнул головой.

Негр в белом халате обошел больных, посмотрел на ребенка индейца и указал на дверь дома.

Индеец вошел в большую комнату с полом из каменных плит. Посреди комнаты стоял узкий длинный стол, покрытый белой простыней. Открылась вторая дверь, с матовыми стеклами, и в комнату вошел доктор Сальватор, в белом халате, высокий, широкоплечий, смуглый. Кроме черных бровей и ресниц, на голове Сальватора не было ни одного волоска. По-видимому, он брил голову постоянно, так как кожа на голове загорела так же сильно, как и на лице. Довольно большой нос с горбинкой, несколько выдающийся, острый подбородок и плотно сжатые губы придавали лицу жесто-

кое и даже хищное выражение. Карие глаза смотрели холодно. Под этим взглядом индейцу стало не по себе.

Индеец низко поклонился и протянул ребенка. Сальватор быстрым, уверенным и в то же время осторожным движением взял больную девочку из рук индейца, развернул тряпки, в которые был завернут ребенок, и бросил их в угол комнаты, ловко попав в стоявший там ящик. Индеец заковылял к ящику, желая взять оттуда лохмотья, но Сальватор строго остановил его:

— Оставь, не трогай!

Затем положил девочку на стол и наклонился над нею. Он стал в профиль к индейцу. И индейцу вдруг показалось, что это не доктор, а кондор наклонился над маленькой птичкой. Сальватор начал прощупывать пальцами опухоль на горле ребенка. Эти пальцы также поразили индейца. Это были длинные, необычайно подвижные пальцы. Казалось, они могли сгибаться в суставах не только вниз, но и вбок и даже вверх. Далеко не робкий индеец старался не поддаться тому страху, который внушал ему этот непонятный человек.

— Прекрасно. Великолепно, — говорил Сальватор, как будто любуясь опухолью и ощупывая ее пальцами.

Окончив осмотр, Сальватор повернул лицо к индейцу и сказал:

— Сейчас новолуние. Приходи через месяц, в следующее новолуние, и ты получишь свою девочку здоровой.

Он унес ребенка за стеклянную дверь, где находились ванная, операционная и палаты для больных.

А негр уже вводил в приемную комнату новую пациентку — старуху с больной ногой.

Индеец низко поклонился стеклянной двери, закрывшейся за Сальватором, и вышел.

Ровно через двадцать восемь дней открылась та же стеклянная дверь.

В дверях стояла девочка в новом платьице, здоровая, румяная. Она пугливо глядела на дедушку. Индеец бросился к ней, схватил за руки, расцеловал, осмотрел горло. От опухоли не осталось следа. Только небольшой, едва заметный красноватый шрам напоминал об операции.

Девочка отталкивала дедушку руками и даже вскрикнула, когда он, поцеловав, уколол ее давно не бритым подбородком. Пришлось спустить ее с рук на пол. Следом за девочкой вошел Сальватор. Теперь доктор даже улыбнулся и, потрепав головку девочки, сказал:

— Ну, получай свою девочку. Ты вовремя принес ее. Еще несколько часов, и даже я не в силах был бы вернуть ей жизнь.

Лицо старого индейца покрылось морщинами, губы задергались, из глаз полились слезы. Он вновь приподнял девочку, прижал ее к груди, упал на колени перед Сальватором и прерывающимся от слез голосом сказал:

— Вы спасли жизнь моей внучки. Что может предложить вам в награду бедный индеец, кроме своей жизни?

— На что мне твоя жизнь? — удивился Сальватор.

— Я стар, но еще силен, — продолжал индеец, не поднимаясь с пола. — Я отнесу внучку к матери — моей дочери — и вернусь к вам. Я хочу отдать вам весь свой остаток жизни за то добро, которое вы мне сделали. Я буду служить вам, как собака. Прошу вас, не откажите мне в этой милости.

Сальватор задумался.

Он очень неохотно и осторожно брал новых слуг. Хотя работа нашлась бы. Да и немало работы, — Джим не справляется в саду. Этот индеец кажется человеком подходящим, хотя доктор предпочел бы негра.

— Ты даришь мне жизнь и просишь, как о милости, принять твой подарок. Хорошо. Будь по-твоему. Когда ты можешь прийти?

— Еще не окончится первая четверть луны, как я буду здесь, — сказал индеец, целуя край халата Сальватора.

— Как твое имя?

— Мое?.. Кристо — Христофор.

— Иди, Кристо. Я буду ждать тебя.

— Пойдем, внучка! — обратился Кристо к девочке и снова подхватил ее на руки.

Девочка заплакала. Кристо поспешил уйти.

Чудесный сад

Когда Кристо явился через неделю, доктор Сальватор сосредоточенно посмотрел ему в глаза и сказал:

— Слушай внимательно, Кристо. Я беру тебя на службу. Ты будешь получать готовый стол и хорошее жалованье...

Кристо замахал руками:

— Мне ничего не надо, только бы служить у вас.

— Молчи и слушай,— продолжал Сальватор.—

У тебя будет все. Но я буду требовать одного: ты должен молчать обо всем, что увидишь здесь.

— Скорее я отрежу свой язык и брошу его собакам, чем скажу хоть одно слово.

— Смотри же, чтобы с тобой не случилось такого несчастья,— предупредил Сальватор. И, вызвав негра в белом халате, доктор приказал: — Проводи его в сад и сдай его в руки Джиму.

Негр молча поклонился, вывел индейца из белого дома, провел через знакомый уже Кристо двор и постучал в железную калитку второй стены.

Из-за стены послышался лай собак, калитка скрипнула и медленно открылась. Негр втолкнул Кристо через калитку в сад, что-то горташно крикнул другому негру, стоявшему за калиткой, и ушел.

Кристо в испуге прижался к стене: с лаем, похожим на рев, к нему бежали неведомые звери красновато-желтого цвета, с темными пятнами. Если бы Кристо встретился с ними в пампасах, он сразу признал бы в них ягуаров. Но бежавшие к нему звери лаяли по-собачьи. Сейчас Кристо было безразлично, какие животные нападают на него. Он бросился к соседнему дереву и начал взбираться по ветвям с неожиданной быстротой. Негр запинел на собак, как рассерженная кобра. Это сразу успокоило собак. Они перестали лаять, легли на землю и положили головы на вытянутые лапы, искоса поглядывая на негра.

Негр опять зашипел, на этот раз обращаясь к Кристо, сидевшему на дереве, и замахал руками, приглашая индейца слезть.

— Что ты шипишь, как змей? — сказал Кристо, не оставляя своего убежища.— Язык проглотил?

Негр только сердито замычал.

«Наверное, он немой», — подумал Кристо и вспомнил предупреждение Сальватора. Неужели Сальватор отрезает языки у слуг, которые выдают его тайны? Быть может, и у этого негра вырезан язык... И Кристо сделалось вдруг так страшно, что он едва не упал с дерева. Ему захотелось бежать, отсюда во что бы то ни стало и как можно скорее. Он прикинулся в умे, далеко ли от дерева, на котором он сидел, до стены. Нет, не перепрыгнуть... Но негр подошел к дереву и, ухватив индейца за ногу, нетерпеливо тащил его вниз. Пришлось покориться: Кристо спрыгнул с дерева, улыбнулся как только мог любезно, протянул руку и дружески спросил:

— Джим?

Негр кивнул головой.

Кристо крепко пожал руку негра. «Уж если попал в ад, надо быть в ладу с дьяволами», — подумал он и продолжал вслух:

— Ты немой?

Негр не ответил.

— Языка нет?

Негр молчал по-прежнему.

«Как бы ему заглянуть в рот?» — подумал Кристо. Но Джим, видимо, не намеревался вступать даже в мимический разговор. Он взял Кристо за руку, подвел к красно-рыжим зверям и что-то прошипел им. Звери поднялись, подошли к Кристо, обнюхали его и спокойно отошли. У Кристо немного отлегло от сердца.

Махнув рукой, Джим повел Кристо осматривать сад.

После унылого двора, мощенного камнями, сад поражал обилием зелени и цветов. Сад простирался на восток, постепенно понижаясь по направлению к берегу моря. Дорожки, посыпанные красноватыми измельченными раковинами, разбегались в разные стороны. Возле дорожек росли причудливые кактусы и голубовато-зеленые сочные агавы¹, метелки со множеством желтовато-зеленых цветов. Целые рощи персиковых и

¹ *Агава* — растение с сочными, мясистыми листьями. Из его волокон делают ткани, из сока приготовляют «пульке», любимый напиток местных жителей.

оливковых деревьев прикрывали своею тенью густую траву с пестрыми, яркими цветами. Среди зелени травы сверкали водоемы, выложенные по краям белыми камнями. Высокие фонтаны освежали воздух.

Сад был наполнен разноголосыми криками, пением и щебетанием птиц, ревом, писком и визгом животных. Никогда еще Кристо не приходилось видеть столь необычных животных. В этом саду жили невиданные звери.

Вот, блестя медно-зеленой чешуей, перебежала дорогу шестиногая ящерица. С дерева свисала змея с двумя головами. Кристо в испуге отрыгнул в сторону от двухголового пресмыкающегося, зашипевшего на него двумя красными ртами. Негр ответил ему более громким шипением, и змея, помахав в воздухе головами, упала с дерева и скрылась в густых зарослях тростника. Еще одна длинная змея уползла с дорожки, цепляясь двумя лапами. За проволочной сеткой хрюкал поросенок. Он уставился на Кристо единственным большим глазом, сидевшим посреди лба.

Две белые крысы, сросшиеся боками, бежали по розовой дорожке, как двухголовое и восьминого чудовище. Иногда это двуединое существо начинало бороться само с собою: правая крыса тянула вправо, левая — влево, и обе недовольно попискивали. Но побеждала всегда правая. Рядом с дорожкой паслись сращенные боками «сиамские близнецы» — две тонкорунные овцы. Они не ссорились, как крысы. Между ними, видимо, уже давно установилось полное единство воли и желаний. Один уродец особенно поразил Кристо: большая, совершенно голая розовая собака. А на ее спине, словно вылезшая из собачьего тела, виднелась маленькая обезьянка — с грудь, руки, голова. Собака подошла к Кристо и махнула хвостом. Обезьянка вертела головой, размахивала руками, похлопывала ладонями спину собаки, с которой она составляла одно целое, и кричала, глядя на Кристо. Индеец опустил руку в карман, вынул кусок сахару и протянул обезьянке. Но кто-то быстро отвел руку Кристо в сторону. За его спиной послышалось шипение. Кристо оглянулся — Джим. Старый негр жестами и мимикой объяснил Кристо, что обезьянку нельзя кормить. И тотчас же воробей с головой маленького попугая вырвал на лету ку-

сок сахара из пальцев Кристо и скрылся за кустом. Вдали на лужайке промычала лошадь с коровьей головой.

Две ламы промчались по поляне, помахивая лошадиными хвостами. Из травы, из зарослей кустарников, с ветвей деревьев глядели на Кристо необычные гады, звери и птицы: собаки с коничными головами, гуси с петушиными головами, рогатые кабаны, страусы-нанду с клювами орлов, бараны с телом пумы...

Кристо казалось, что он бредит. Он протирал глаза, смачивал голову холодной водой фонтанов, но ничто не помогало. В водоемах он видел змей с рыбьей головой и жабрами, рыб с лягушечными лапами, огромных жаб с телом, длинным, как у ящерицы...

И Кристо снова захотелось бежать отсюда.

Но вот Джим вывел Кристо на широкую площадку, усыпанную песком. Посреди площадки, окруженная пальмами, стояла вилла из белого мрамора, выстроенная в мавританском стиле. Сквозь пальмовые стволы виднелись арки колонны. Медные фонтаны в виде дельфинов выбрасывали каскады воды в прозрачные водоемы с резвящимися в них золотыми рыбками. Самый большой фонтан перед главным входом изображал юношу, сидящего на дельфине подобно мифическому Тритону¹, с витым рогом у рта.

За виллой находилось несколько жилых построек и служб, а дальше шли густые заросли колючих кактусов, доходившие до белой стены.

«Опять стена!» — подумал Кристо.

Джим ввел индейца в небольшую прохладную комнату. Жестами он объяснил, что эта комната предоставляемается ему, и удалился, оставив Кристо одного.

Третья стена

Понемногу Кристо привык к тому необычайному миру, который окружал его. Все звери, птицы и гады, наполнившие сад, были хорошо приручены. С некоторыми из них у Кристо завязалась даже дружба. Собаки со-

¹ Тритон — по греческой мифологии, бог морской волны. Трубя в морскую раковину, он вызывал или прекращал волнение моря. Часто изображался сидящим на дельфине.

шкурой ягуара, так напугавшие его в первый день, ходили за ним по пятам, лизали руки, ласкались. Ламы брали хлеб из рук. Попугаи слетали на его плечо.

За садом и зверями ухаживали двенадцать негров, таких же молчаливых или немых, как Джим. Кристо никогда не слышал, чтобы они разговаривали даже друг с другом. Каждый молча делал свою работу. Джим был чем-то вроде управляющего. Он наблюдал за неграми и распределял их обязанности. А Кристо, к его собственному удивлению, был назначен помощником Джима. Работы у Кристо было не так уж много, кормили его хорошо. Он не мог жаловаться на свою жизнь. Одно его беспокоило — это зловещее молчание негров. Он был уверен, что Сальватор отрезал всем им языки. И когда Сальватор изредка вызывал Кристо к себе, индеец всякий раз думал: «Язык резать». Но вскоре Кристо стал меньше бояться за свой язык.

Однажды Кристо увидел Джима, спящего в тени оливковых деревьев. Негр лежал на спине, раскрыв рот. Кристо воспользовался этим, осторожно заглянул внутрь рта спящего и убедился, что язык старого негра находился на месте. Тогда индеец немного успокился.

Сальватор строго распределял свой день. От семи до девяти утра доктор принимал больных индейцев, с девяти до одиннадцати оперировал, а затем уходил к себе в виллу и занимался там в лаборатории. Он оперировал животных, а потом долго изучал их. Когда же кончались его наблюдения, Сальватор отправлял этих животных в сад. Кристо, убирая иногда в доме, проникал и в лабораторию. Все, что он видел там, поражало его. Там в стеклянных банках, наполненных какими-то растворами, пульсировали разные органы. Отрезанные руки и ноги продолжали жить. И когда эти живые, отделенные от тела части начинали болеть, то Сальватор лечил их, восстанавливая угасавшую жизнь.

На Кристо все это нагоняло ужас. Он предпочитал находиться среди живых уродов в саду.

Несмотря на то доверие, которое Сальватор оказывал индейцу, Кристо не смел проникнуть за третью стену. А это его очень интересовало. Как-то в полдень, когда все отдыхали, Кристо подбежал к высокой стене. Из-за стены он услышал детские голоса — он различал индейские слова. Но иногда к детским голосам присо-

единялись чьи-то еще более тонкие, визжащие голоса, как будто спорившие с детьми и говорившие на каком-то непонятном наречии.

Однажды, встретив Кристо в саду, Сальватор подошел к нему и, по обычаю глядя прямо в глаза, сказал:

— Ты уже месяц работал у меня, Кристо, и я доволен тобой. В нашем саду заболел один из моих слуг. Ты заменишь его. Ты увидишь там много нового. Но помни наш уговор: крепко держи язык за зубами, если не хочешь потерять его.

— Я уже почти разучился говорить среди ваших немых слуг, доктор, — ответил Кристо.

— Тем лучше. Молчание — золото. Если ты будешь молчать, ты получишь много золотых песо. Я надеюсь через две недели поставить на ноги моего больного слугу. Кстати, ты хорошо знаешь Анды?

— Я родился в горах.

— Прекрасно. Мне нужно будет пополнить мой зверинец новыми животными и птицами. Я возьму тебя с собой. А теперь иди. Джим проводит тебя в нижний сад.

Ко многому уже привык Кристо. Но то, что он увидел в нижнем саду, превосходило его ожидания.

На большом, освещенном солнцем лугу резвились голые дети и обезьяны. Это были дети разных индейских племен. Среди них были и совсем маленькие — не более трех лет, старшим было лет двенадцать. Эти дети были пациентами Сальватора. Многие из них перенесли серьезные операции и были обязаны Сальватору своей жизнью. Выздоровляющие дети играли, бегали в саду, а потом, когда силы их возвращались, родители брали их домой.

Кроме детей, здесь жили обезьяны. Бесхвостые обезьяны. Обезьяны без клочка шерсти на теле.

Самое удивительное — все обезьяны, одни лучше, другие хуже, умели говорить. Они спорили с детьми, бралились, визжали тонкими голосами. Но все же обезьяны мирно уживались с детьми и ссорились с ними не больше, чем дети между собой.

Кристо подчас не мог решить, настоящие ли это обезьяны или люди.

Когда Кристо ознакомился с садом, он заметил, что этот сад меньше, чем верхний, и еще круче спускается к заливу, упираясь в отвесную, как стена, скалу.

Море находилось, вероятно, недалеко за этой стеною. Из-за стены долетал гул морского прибоя.

Обследовав через несколько дней эту скалу, Кристо убедился, что она искусственная. В густых зарослях глициний Кристо обнаружил серую железную дверь, выкрашенную под цвет скал, совершенно сливавшуюся с ними.

Кристо прислушался. Ни один звук, кроме прибоя, не долетал из-за скалы. Куда вела эта узкая дверь? На берег моря?

Вдруг послышался возбужденный детский крик. Дети смотрели на небо. Кристо поднял голову и увидел небольшой красный детский шар, медленно летевший через сад. Ветер относил шар в сторону моря.

Обычный детский шар, пролетавший над садом, очень взволновал Кристо. Он стал беспокоиться. И как только выздоровевший слуга вернулся, Кристо отправился к Сальватору и сказал ему:

— Доктор! Скоро мы едем в Анды, быть может, надолго. Разрешите мне повидаться с дочерью и внучкой.

Сальватор не любил, когда его слуги уходили со двора, и предпочитал иметь одиноких. Кристо молчаливо ждал, глядя в глаза Сальватора.

Сальватор, холодно посмотрев на Кристо, напомнил ему:

— Помни наш уговор. Береги язык! Возвращайся не позже как через три дня. Подожди!

Сальватор удалился в другую комнату и вынес оттуда замшевый мешочек, в котором позывали золотые песо.

— Вот твоей внучке. И тебе за молчание.

Нападение

— Если он не придет и сегодня, я откажусь от твоей помощи, Бальтазар, и приглашу более ловких и надежных людей, — говорил Зурита, нетерпеливо подергивая пушистые усы.

Теперь Зурита был одет в белый городской костюм и шляпу-панаму. Он встретился с Бальтазаром в окрестностях Буэнос-Айреса, там, где кончаются обработанные поля и начинаются пампасы.

Бальтазар в белой блузе и синих полосатых штанах сидел у дороги и молчал, смущенно пощипывая выжженную солнцем траву.

Он сам начинал раскаиваться, что послал своего брата Кристо шпионом к Сальватору.

Кристо был на десять лет старше Бальтазара. Несмотря на свои годы, Кристо оставался сильным и ловким человеком. Он был хитер, как кошка пампасов. И все же он был ненадежным человеком. Он пробовал заниматься сельским хозяйством — это показалось ему скучным. Потом держал кабачок в порту, но, пристрастившись к вину, скоро разорился. Последние годы Кристо занимался самыми темными делами, пуская в ход свою необычайную хитрость, а подчас и вероломство. Такой человек был подходящим шпионом, но верить ему нельзя было. Если ему было выгодно, он мог предать даже родного брата. Бальтазар знал это и потому беспокоился не меньше Зуриты.

— Ты уверен, что Кристо видел пущенный тобою воздушный шар?

Бальтазар неопределенно пожал плечами. Ему хотелось скорее бросить эту затею, пойти домой, промочить горло холодной водой с вином и лечь пораньше спать.

Последние лучи заходящего солнца осветили клубы пыли, поднявшиеся из-за бугра. В то же время послышался резкий протяжный свист.

Бальтазар встрепенулся:

— Это он!

— Наконец-то!

Кристо бодрой походкой приближался к ним. Он уже не был похож на изможденного старого индейца. Еще раз лихо свистнув, Кристо подошел и поздоровался с Бальтазаром и Зуритой.

— Ну что, познакомился ты с морским дьяволом? — спросил его Зурита.

— Еще нет, но он там. Сальватор хранит дьявола за четырьмя стенами. Главное сделано: я служу у Сальватора, и он верит мне. С большой внучкой очень хорошо

у меня вышло.—Кристо засмеялся, сощурив свои хитрые глаза.—Она едва не испортила дело, когда выздоровела. Я ее обнимаю, целую, как и следует любящему деду, а она, дурочка, брыкаться и чуть не в слезы.—Кристо снова засмеялся.

— Где ты добыл свою внучку? — спросил Зурита.

— Деньги не найдешь, девчонок легко найти,—ответил Кристо.—Мать ребенка довольна. Я получил от нее пять бумажных песо, а она получила здоровую девочку.

О том, что он получил увесистый мешочек золотых песо от Сальватора, Кристо умолчал. Конечно, он и не думал отдавать деньги матери девочки.

— Чудеса у Сальватора. Настоящий зверинец.—И Кристо начал рассказывать обо всем, что он видел.

— Все это очень интересно,—сказал Зурита, закуривая сигару,—но ты не видел самого главного: дьявола. Что ты думаешь делать дальше, Кристо?

— Дальше? Предпринять небольшую прогулку в Анды.—И Кристо рассказал, что Сальватор собирается на охоту за зверями.

— Отлично! — воскликнул Зурита.—Участок Сальватора находится вдали от остальных поселений. В его отсутствие мы нападем на владения Сальватора и похитим морского дьявола.

Кристо отрицательно покачал головой:

— Ягуары оторвут вам голову, и вы не сможете найти дьявола. И с головой не найдете его, если я его не нашел.

— Тогда вот что,—подумав, сказал Зурита,—мы устроим засаду, когда Сальватор отправится на охоту; захватим его в плен и потребуем выкуп — морского дьявола.

Кристо ловким движением вынул из бокового кармана Зуриты торчавшую сигару.

— Благодарю вас. Засада — это лучше. Но Сальватор обманет: пообещает выкуп и не даст. Эти испанцы...—Кристо закашлялся.

— Но что же ты предлагаешь? — уже с раздражением спросил Зурита.

— Терпение, Зурита. Сальватор верит мне, но только до четвертой стены. Надо, чтобы доктор поверил мне, как самому себе, и тогда он покажет мне дьявола.

— Ну?

— Ну, и вот. На Сальватора нападут бандиты,— и Кристо ткнул пальцем в грудь Зуриты,— а я,— он ударили себя в грудь,— честный араукаец, спасу ему жизнь. Тогда для Кристо не останется тайны в доме Сальватора. («И кошелек мой пополнится золотыми песо»,— докончил он про себя.)

— Что же, это неплохо.

И они условились, по какой дороге Кристо повезет Сальватора.

— Накануне этого дня, когда мы выедем, я брошу через забор красный камень. Будьте готовы.

Несмотря на то что план нападения обдумали очень тщательно, одно непредвиденное обстоятельство едва не испортило дело.

Зурита, Бальтазар и десять головорезов, навербованных в порту, одетые в костюмы гаучо¹ и хорошо вооруженные, верхом на лошадях поджидали свою жертву вдали от жилья.

Стояла темная ночь. Всадники вслушивались, ожидая услышать топот лошадиных копыт.

Но Кристо не знал, что Сальватор отправляется на охоту не так, как это делалось несколько лет тому назад.

Бандиты неожиданно услышали быстро приближавшийся шум мотора. Из-за пригорка ослепительно сверкнули огни фар. Огромный черный автомобиль промчался мимо всадников, прежде чем они успели сообразить, что произошло.

Зурита отчаянно банился. Бальтазара это рассмешило.

— Не огорчайтесь, Педро,— сказал индеец.— Днем жарко, они едут ночью,— у Сальватора два солнца на мантине. Днем они будут отдыхать. Мы можем нагнать их на привале.— И, пришпорив лошадь, Бальтазар поскакал следом за автомобилем.

За ним двинулись другие.

Проехав часа два, всадники неожиданно заметили вдали костер.

Гаучо — полудикие пастушеские племена, живущие в пампасах, mestисы с преобладанием индейской крови. Прекрасные наездники.

— Это они. У них что-нибудь случилось. Стойте, я проберусь ползком и узнаю. Ждите меня.

И, соскочив с лошади, Бальтазар пополз, как уж. Через час он вернулся.

— Машина не везет. Испортилась. Они чинят ее. Кристо стоит на часах. Надо спешить.

Все остальное свершилось очень быстро. Бандиты напали. И не успел Сальватор опомниться, как ему, Кристо и трем неграм связали руки и ноги.

Один из наемных бандитов, главарь шайки, — Зурита предпочитал держаться в тени — потребовал от Сальватора довольно большую сумму выкупа.

— Я уплачу, освободите меня, — ответил Сальватор.

— Это за тебя. Но столько же ты должен уплатить за троих спутников! — нашелся бандит.

— Сразу такой суммы я не могу дать, — ответил Сальватор, подумав.

— Тогда смерть ему! — закричали бандиты.

— Если не согласишься на наши условия, на рассвете мы убьем тебя, — сказал бандит.

Сальватор пожал плечами и ответил:

— Такой суммы у меня нет на руках.

Спокойствие Сальватора поразило даже бандита.

Бросив связанных позади автомобиля, бандиты принялись шарить и нашли запасы спирта для коллекций. Они выпили спирт и, пьяные, свалились на землю.

Незадолго до рассвета кто-то осторожно подполз к Сальватору.

— Это я, — тихо сказал Кристо. — Мне удалось развязать ремни. Я подкрался к бандиту с ружьем и убил его. Остальные пьяны. Шофер исправил машину. Надо спешить.

Все быстро уселись в автомобиль, негр-шофер пустил мотор, машина рванулась и помчалась по дороге.

Сзади послышались крики и беспорядочная стрельба.

Сальватор крепко пожал руку Кристо.

Только после отъезда Сальватора Зурита узнал от своих бандитов, что Сальватор соглашался дать выкуп. «Не проще ли было, — думал Зурита, — получить выкуп, чем пытаться похитить морского дьявола, который неизвестно еще что собой представляет?» Но случай был упущен, оставалось ожидать вестей от Кристо.

Человек-Амфибия

Кристо надеялся, что Сальватор подойдет к нему и скажет: «Кристо, ты спас мне жизнь. Теперь для тебя нет тайн в моих владениях. Идем, я покажу тебе морского дьявола».

Но Сальватор не собирался этого делать. Он щедро наградил Кристо за спасение и углубился в свои научные работы.

Не теряя времени, Кристо стал изучать четвертую стену и потайную дверь. Она долго не давалась, но в конце концов Кристо удалось открыть секрет. Однажды, ощупывая эту дверь, он нажал небольшую выпуклость. Вдруг дверь подалась и открылась. Она оказалась тяжелой и толстой, как дверь несгораемого шкафа. Кристо быстро проскользнул за дверь, которая сразу захлопнулась за ним. Это несколько озадачило его. Он осматривал дверь, нажимал на выступы, но дверь не открывалась.

— Я сам себя запер в ловушку, — проворчал Кристо.

Но делать было нечего. Оставалось осмотреть этот последний, неведомый сад Сальватора.

Кристо очутился в густо заросшем саду. Весь сад представлял собой небольшую котловину, со всех сторон окруженную высокой стеной из искусственно сложенных скал. Слышался не только прибой волн, но и шуршанье гальки по песчаной отмели.

Тут были деревья и кустарники, которые обычно растут на влажной почве. Среди больших тенистых деревьев, хорошо защищавших от лучей солнца, струилось много ручьев. Десятки фонтанов разбрасывали брызги воды, увлажняя воздух. Было сыро, как на низменных берегах Миссисипи. Посреди сада стоял небольшой каменный дом с плоской крышей. Его стены были сплошь покрыты плющом. Зеленые жалюзи на окнах были спущены. Дом казался необитаемым.

Кристо дошел до конца сада. У стены, отделявшей усадьбу от залива, находился огромный квадратный бассейн, густо обсаженный деревьями, занимавший площадь не менее пятисот квадратных метров и глубиной не меньше пяти метров.

При приближении Кристо какое-то существо испуганно выбежало из зарослей и бросилось в бассейн, подняв тучи брызг. Кристо остановился в волнении. Он! «Морской дьявол». Наконец-то Кристо увидит его.

Индеец подошел к водоему, заглянул в прозрачную воду.

На дне бассейна, на белых каменных плитах, сидела большая обезьяна. С испугом и любопытством она глядела из-под воды на Кристо. Кристо не мог прийти в себя от удивления: обезьяна дышала под водой. Бока ее то опускались, то поднимались.

Оправившись от изумления, Кристо невольно рассмеялся: «морской дьявол», наводивший ужас на рыбаков, оказался земноводной обезьянкой. «Чего только не бывает на свете», — подумал старый индеец.

Кристо был доволен: наконец ему удалось выведать все. Но теперь он был разочарован. Обезьяна совсем не напоминала то чудовище, о котором рассказывали очевидцы. Чего не сделают страх и воображение!

Но надо было подумать о возвращении. Кристо вернулся назад, к двери, влез на высокое дерево у забора и, рискуя сломать себе ноги, спрыгнул с высокой стены.

Едва он встал на ноги, как услышал голос Сальватора:

— Кристо! Где же ты?

Кристо схватил лежавшие на дорожке грабли и начал сгребать сухие листья.

— Я здесь.

— Идем, Кристо, — сказал Сальватор, подходя к зашмакированной железной двери в скале. — Смотри, эта дверь открывается вот так. — И Сальватор нажал уже известную Кристо выпуклость на шероховатой поверхности двери.

«Доктор опоздал — я уже видел дьявола», — подумал Кристо.

Сальватор и Кристо вошли в сад. Минуя домик, увитый плющом, Сальватор направился к бассейну. Обезьяна еще сидела в воде, пуская пузыри.

Кристо удивленно вскрикнул, как будто увидел ее впервые. Но вслед за этим ему пришло по-настоящему удивиться.

Сальватор не обратил на обезьяну никакого внимания. Он только махнул на нее рукой, как будто она мешала ему. Обезьяна тотчас выплыла, выбралась из бассейна, отряхнулась и влезла на дерево. Сальватор наклонился, ощупал траву и сильно нажал небольшую зеленую пластину. Послышался глухой шум. В полу по краям бассейна открылись люки. Через несколько минут бассейн был пуст. Люки захлопнулись. Откуда-то сбоку выдвинулась железная лесенка, ведущая на дно бассейна.

— Идем, Кристо.

Они опустились в бассейн. Сальватор ступил на одну плиту, и тотчас открылся новый люк — посередине бассейна — шириной в квадратный метр. Железные ступени уходили куда-то под землю.

Кристо последовал за Сальватором в это подземелье. Они шли довольно долго. Сверху через люк проникал только рассеянный свет. Но скоро он исчез. Их окружил полный мрак. Шаги глухо отдавались в этом подземном коридоре.

— Не оступись, Кристо, сейчас мы придем.

Сальватор остановился, шаря по стене рукой. Щелкнул выключатель, и яркий свет разлился вокруг. Они стояли в сталактитовой пещере, перед бронзовой дверью с львиными мордами, держащими кольца в зубах. Сальватор дернул за одно кольцо. Тяжелая дверь плавно открылась, и путники вошли в темную залу. Снова щелкнул выключатель. Матовый шар осветил обширную пещеру, одна стена которой была стеклянная. Сальватор переключил свет: пещера погрузилась во мрак, а сильные прожекторы осветили пространство за стеклянной стеной. Это был огромный аквариум — вернее, стеклянный дом на дне моря. С земли поднимались водоросли и кусты кораллов, среди них резвились рыбы. И вдруг Кристо увидел выходившее из зарослей человекообразное существо с большими выпуклыми глазами и лягушечными лапами. Тело неизвестного сверкало синевато-серебристой чешуей. Быстрыми, ловкими движениями это существо подплыло к стеклянной стене, кивнуло Сальватору головой, вошло в стеклянную камеру, захлопнув за собой дверь. Вода из камеры быстро выливалась. Неизвестный открыл вторую дверь и вошел в гrot.

— Сними очки и перчатки, — сказал Сальватор.

Неизвестный послушно снял очки и перчатки, и Кристо увидел перед собою стройного красивого молодого человека.

— Познакомьтесь: Ихтиандр, человек-рыба, или, вернее, амфибия, он же морской дьявол, — отрекомендовал юношу Сальватор.

Юноша, приветливо улыбаясь, протянул руку индайцу и сказал по-испански:

— Здравствуйте!

Кристо молча пожал протянутую руку. Пораженный, он не мог выговорить ни слова.

— Негр, слуга Ихтиандра, заболел, — продолжал Сальватор. — Я оставлю тебя с Ихтиандром на несколько дней. Если ты справишься с новыми обязанностями, я сделаю тебя постоянным слугой Ихтиандра.

Кристо молча кивнул головой.

День Ихтиандра

Еще ночь, но скоро рассвет.

Воздух теплый и влажный, напоенный сладким запахом магнолий, тубероз, резеды. Ни один лист не шелохнется. Тишина. Ихтиандр идет по песчаной дорожке сада. На поясе мерно покачиваются кинжал, очки, ручные и ножные перчатки — «лягушечьи лапы». Только под ногами потрескивает ракушечный песок. Дорожка еле видна. Кусты и деревья обступили ее черными бесформенными пятнами. От водоемов поднимается туман. Иногда Ихтиандр задевает ветку. Роса окропляет его волосы и горячую щеку.

Дорожка круто поворачивает вправо и идет под уклон. Воздух становится все свежее и влажнее. Ихтиандр чувствует под ногами каменные плиты, замедляет шаги, останавливается. Не спеша надевает большие очки с толстыми стеклами, перчатки на руки и на ноги. Выдыхает из легких воздух и прыгает в водоем. Вода обволакивает тело приятной свежестью, пронизывает холодком жабры. Жаберные щели начинают ритмически двигаться, — человек превратился в рыбу.

Несколько сильных движений руками, и Ихтиандр на дне водоема.

Юноша уверенно плывет в полной темноте. Протягивает руку, находит железную скобу в каменной стене. Рядом другая, третья скоба... Так добирается он до тоннеля, доверху наполненного водой. Идет по дну, преодолевая холодное встречное течение. Отталкивается от дна, всплывает наверх — и словно погружается в теплую ванну. Вода, нагретая в водоемах садов, течет вверху тоннеля к открытому морю. Теперь Ихтиандр может плыть по течению. Скрещивает на груди руки, ложится на спину и плывет головой вперед.

Конец тоннеля близок. Там, возле самого выхода в океан, внизу, из расщелины скалы под сильным напором вырывается горячий источник. В его струях шуршат придонные камешки и раковины.

Ихтиандр ложится на грудь и смотрит вперед. Темно. Протягивает руку вперед. Вода чуть-чуть свежеет. Ладони касаются железной решетки, прутья которой покрыты мягкой и скользкой морской растительностью и шероховатыми ракушками. Цепляясь за решетку, юноша находит сложный затвор и открывает его. Тяжелая круглая решетчатая дверь, загораживающая выход из тоннеля, медленно приоткрывается. Ихтиандр проскальзывает в образовавшуюся щель. Дверь решетки захлопывается.

Человек-амфибия направляется в океан, загребая воду руками и ногами. В воде все еще темно. Только кое-где в черной глубине мелькают голубоватые искры ночесветок да тускло-красные медузы. Но скоро рассвет, и светящиеся животные одно за другим тушат свои фонарики.

Ихтиандр чувствует в жабрах тысячи мелких уколов — становится труднее дышать. Это значит — он миновал скалистый мыс. За мысом морская вода всегда загрязнена частицами глиноzemа, песком и отбросами разных веществ. Вода опреснена — невдалеке в океан впадает река.

«Удивительно, как это речные рыбы могут жить в мутной, пресной воде, — думает Ихтиандр. — Наверное, их жабры не так чувствительны к песчинкам и частицам ила».

Ихтиандр поднимается немного выше, резко поворачивает вправо, на юг, затем опускается в глубину. Здесь вода чище. Ихтиандр попал в холодное подвод-

ное течение, которое идет вдоль берега с юга на север, до впадения реки Параны, которая отклоняет холодное течение на восток. Течение это проходит на большой глубине, но верхняя граница находится в пятнадцати — двадцати метрах от поверхности. Теперь Ихтиандр вновь может предоставить себя течению, — оно вынесет его далеко в открытый океан.

Можно подремать немного. Опасности нет: еще темно, и морские хищники спят. Перед восходом солнца так приятно вздремнуть. Кожа чувствует, как изменяются температура воды, подводные течения.

Вот ухо улавливает глухой грохочущий звук, за ним другой, третий. Это гремят якорные цепи: в заливе, за несколько километров от Ихтиандра, рыбачьи шхуны снимаются с якоря. Рассвет близок. А вот далекий-далекий мерный рокот. Это винт и моторы «Горрокса» — большого английского океанского парохода, совершающего рейс между Буэнос-Айресом и Ливерпулем. «Горрокс» еще километрах в сорока. А как слышно! Звук проходит в морской воде полторы тысячи метров в секунду. Как красив «Горрокс» ночью — настоящий плавучий город, залитый огнями! Но чтобы увидеть его ночью, надо с вечера выплыть далеко в открытое море. В Буэнос-Айрес «Горрокс» приходит при свете восходящего солнца уже с погашенными огнями. Нет, дремать больше уже не придется: винты, рули и моторы «Горрокса», колебания его корпуса, огни иллюминаторов и прожекторов разбудят обитателей океана. Наверное, дельфины первые услышали приближение «Горрокса» и, ныряя, подняли несколько минут тому назад легкое волнение, которое заставило Ихтиандра насторожиться. И, наверное, они уже помчались навстречу пароходу.

Дробь судовых моторов раздается с разных сторон: пробуждаются порт и залив. Ихтиандр открывает глаза, трясет головой, словно отряхивает последнюю дремоту, взмахивает руками, отталкивается ногами и всплывает на поверхность.

Осторожно высунул голову из воды, осмотрелся. Вблизи ни лодок, ни шхун. Вынырнул по пояс и так держится, медленно перебирая ногами.

Низко над водой летают бакланы и чайки, иногда задевают грудью или концом крыла зеркальную по-

верхность и оставляют на ней медленно расходящиеся круги. Крики белых чаек похожи на детский плач. Свистя огромными крыльями и обдавая ветром, над головой Ихтиандра пролетел огромный снежно-белый альбатрос-буревестник. Маховые крылья его черные, клюв красный, с желтым кончиком, а лапы оранжевые. Он направляется к заливу. Ихтиандр с некоторой завистью провожает его глазами. Траурные крылья птицы имеют в размахе не менее четырех метров. Вот бы иметь такие крылья!

На западе ночь уходит за далекие горы. Уже алеет восток. На глади океана появилась едва заметная спокойная зыбь, и на ней — золотые струйки. Белые чайки, поднимаясь выше, становятся розовыми. По бледной глади вод зазмеились пестрые, голубые и синие дорожки: это первые порывы ветра. Синих дорожек становится все больше. Ветер крепчает. На песчаном берегу уже появляются перистые желто-белые язычки прибоя. Вода возле берега становится зеленой.

Приближается целая флотилия рыбачьих шхун. Отец приказал не попадаться людям на глаза. Ихтиандр ныряет глубоко в воду, находит холодное течение. Оно несет его еще дальше от берега на восток, в открытый океан. Кругом сине-лиловая темнота морской глубины. Плавают рыбы, они кажутся светло-зелеными, с темными пятнами и полосками. Красные, желтые, лимонные, коричневые рыбы беспрерывно снуют, как рои пестрых бабочек.

Сверху доносится рокот, вода темнеет. Это низко над водой пролетел военный гидроплан.

Однажды такой гидроплан сел на воду. Ихтиандр незаметно ухватился за железный упор поплавков и... едва не поплатился жизнью: гидроплан неожиданно снялся с воды. Ихтиандр спрыгнул с высоты десяти метров.

Ихтиандр приподнимает голову. Свет солнца виден почти над головой. Близок полдень. Поверхность воды уже не кажется зеркалом, в котором отражаются камни отмели, крупные рыбы, сам Ихтиандр. Сейчас зеркало искривилось, выгибается, беспрерывно движется.

Ихтиандр всплывает. Волны качают. Вот он выглянул из воды. Поднялся на гребне волны, опустился, снова поднялся. Ого, что делается вокруг! У берега

прибой уже шумит, ревет и ворочает камнями. Вода возле берега стала желто-зеленая. Дует резкий юго-западный ветер. Волны растут. На гребнях волн мелькают белые барашки. Брызги все время падают на Ихтиандра. Ему это приятно.

«Почему это,— думает Ихтиандр,— если плыть на встречу волнам, они кажутся темно-синими, а оглянешься — позади они бледные?»

С верхушек волн срываются стаи рыб — летунов-долгоперов. То поднимаясь, то опускаясь, минуя гребни волн и ложбинки между ними, летуны пролетают сотню метров и опускаются, а через минуту-две снова выпрыгивают из воды. Мечутся, плачут белые чайки. Режут воздух широкими крыльями самые быстроходные птицы — фрегаты. Огромный изогнутый клюв, острые когти, темно-коричневые перья с зеленоватым металлическим оттенком, зоб оранжевого цвета. Это самец. А невдалеке — другой фрегат, посветлее, с белой грудью, — самка. Вот она камнем падает в воду, и через секунду в кривом клюве уже трепещет сине-серебристая рыбка. Летают буревестники-альбатросы. Будет буря. Навстречу грозовой туче, наверно, уже несеться чудесная смелая птица — паламедея. Она всегда встречает грозу своей песней. Зато рыбачьи шхуны и нарядные яхты на всех парусах спешат к берегу укрыться от бури.

Стоят зеленоватые сумерки, но сквозь толщу воды еще можно различить, где находится солнце — большое светлое пятно. Этого достаточно, чтобы определить направление. Надо добраться до отмели, прежде чем туча покроет солнце, иначе — прощай завтрак! А есть уже давно хочется. В темноте не найти ни отмели, ни подводных скал. Ихтиандр с силой работает руками и ногами — он плывет, как плавают лягушки.

Время от времени он ложится на спину и проверяет свой курс по едва заметному просвету в густом сине-зеленом полумраке. Иногда внимательно всматривается вперед, не видно ли отмели. Его жабры и кожа чувствуют, как изменяется вода: вблизи отмели вода не такая плотная, она более соленая и в ней больше кислорода, — приятная, легкая вода. Он пробует воду на вкус — на язык. Так старый опытный моряк, еще не ви-

дя земли, знает о ее приближении по приметам, известным ему одному.

Постепенно становится светлее. Справа и слева маячат давно знакомые очертания подводных утесов. Между ними небольшое плато, за ним каменная стена. Ихтиандр называет это местечко подводной бухтой. Здесь бывает тихо даже во время самой сильной бури.

Как много рыб падалось в тихой подводной бухте! Кишат, как в кипящем кotle с ухой. Маленькие, темные, с желтой поперечной полосой посередине тела и желтым хвостом, с косыми темными полосами, красные, голубые, синие. Они то внезапно исчезают, то так же неожиданно появляются на том же самом месте. Всплыешь вверх, оглянешься по сторонам — рыбы кишат, а внизу уже пропали, словно провалились. Долго Ихтиандр не мог понять, отчего это происходит, пока не поймал однажды рыбку руками. Ее тельце было величиною в ладонь, но совсем плоское. Поэтому сверху рыб было трудно разглядеть.

Вот и завтрак. На ровной площадке возле отвесной скалы много устриц. Ихтиандр подплывает, ложится на площадку возле самых раковин и принимается есть. Вынимает устриц из раковин и отправляет их в рот. Он привык есть под водой: положив кусок в рот, ловко выбрасывает сквозь полусжатые губы воду изо рта. Немного воды, впрочем, проглатывает он с пищей, но он привык к морской воде.

Вокруг него колышутся водоросли — испещренные дырочками зеленые листья агара, перистые зеленые листья каулерпы мексиканской, нежные розовые нитофилы. Но сейчас все они кажутся темно-серыми: в воде сумеречный свет, — гроза и буря продолжаются. Иногда глухо слышится гром. Ихтиандр смотрит вверх.

Почему вдруг так потемнело? Над самой головой Ихтиандра появилось темное пятно. Что бы это могло быть? Завтрак окончен. Можно взглянуть на поверхность. Ихтиандр осторожно поднимается к темному пятну над головой, скользя вдоль отвесной скалы. Оказывается, на воду сел огромный альбатрос. Оранжевые ноги птицы совсем близко от Ихтиандра. Он протягивает руки вверх и схватывает альбатроса за ноги. Испуганная птица раскрывает свои мощные крылья и поднимается, вытаскивая из воды Ихтиандра. Но на возду-

хе тело Ихтиандра сразу тяжелеет, и альбатрос вместе с ним грунно падает на волну, покрывая юношу своей перистой мягкой грудью. Ихтиандр не ждет, пока буревестник клюнет красным клювом в голову, ныряет и через несколько секунд вслыхает на поверхность в другом месте. Альбатрос улетает на восток и скрываются за водяными горами разыгравшегося шторма.

Ихтиандр лежит на спине. Гроза уже прошла. Гром грохочет где-то вдали на востоке. Но ливень как из ведра. Ихтиандр жмурил глаза от удовольствия. Наконец открывает глаза, встает, оставаясь наполовину погруженным в воду, оглядывается. Он на гребне высочайшей волны. Вокруг него небо, океан, ветер, тучи, ливень, волны — все смешалось в мокрый вращающийся клубок, который гудит, шумит, ревет, грохочет. Курчавится пена на гребнях и сердито змеится на ребрах волн. Стремительно бегут вверх водяные горы и низвергаются как лавины, поднимаются валы, шумит ливень, воет неистовый ветер.

То, что страшит земного человека, радует Ихтиандра. Конечно, надо быть осторожным, иначе на него обрушится водяная гора. Но Ихтиандр не хуже рыб умеет управляться с волнами. Надо только знать их: одна несет вверх-вниз, вверх-вниз, другая того и гляди перебросит через голову. Он знал и то, что делается под волной, знал, как пропадают волны, когда кончается ветер: знал, что сначала исчезают мелкие волны, потом крупные, но мертвая мертвая зыбь остается еще долго. Он любил кувыркаться в прибрежной волне, но знал, что это опасно. Однажды волна неожиданно перевернула Ихтиандра, он сильно ударился головой о дно и потерял сознание. Обыкновенный человек утонул бы, но Ихтиандр отлежался в воде.

Дождь перестал. Его унесло вслед за грозою куда-то на восток. Ветер переменился. С тропического севера подуло теплом. Сквозь тучи показались куски голубого неба. Прорвались солнечные лучи и ударили по волнам. На юго-востоке на темном еще, мрачном небе появляется двойная радуга. Океана не узнать. Теперь он не свинцово-темный, а синий, с ярко-зелеными пятнами в тех местах, где прорвались солнечные лучи.

Солнце! В одно мгновение небо и океан, берег и дальние горы стали иными. Какой чудесный, легкий,

влажный воздух после грозы и бури! Ихтиандр то вбирает в легкие чистый, здоровый морской воздух, то начинает усиленно дышать жабрами. Среди людей только Ихтиандр один знает, как легко дышится после того, как буря, гроза, ветер, волны, дождь перемешают небо с океаном, воздух с водою и густо насытят воду кислородом. Тогда оживают все рыбы, все морские твари.

После грозы и бури из зарослей морских джунглей, из тесных щелей скал, из чащи причудливых кораллов и губок выплывают мелкие рыбки, за ними появляются скрывавшиеся в глубине крупные рыбы и, наконец, когда уже совсем утихнет, всплывают нежные, слабые медузы, прозрачные, почти невесомые ракчи, сифонофоры, гребневики, венерины пояса.

Вот луч солнца упал на волну. Вода вокруг сразу зеленела, сверкают мелкие водяные пузырьки, шипит пеня... Недалеко от Ихтиандра резвятся его друзья — дельфины, поглядывая на него веселыми, хитрыми, любопытными глазами. Их лоснящиеся темные спины мелькают среди волн. Плещутся, фыркают, гоняются друг за другом. Ихтиандр смеется, ловит дельфинов, плавает, ныряет вместе с ними. Ему кажется, что и этот океан, и эти дельфины, и это небо и солнце созданы только для него.

Ихтиандр приподнимает голову, шурясь; смотрит на солнце. Оно склоняется к западу. Скоро вечер. Сегодня ему не хочется возвращаться домой рано. Он будет вот так качаться, пока не потемнеет синее небо и на нем не покажутся звезды.

Однако скоро ему надоедает бездействие. Недалеко от него гибнут маленькие морские твари. Он может спасти их. Он привстает и смотрит на далекий берег. Туда, к отмели у песчаной косы! Там больше всего нужна его помощь. Там сиреневствует морской прибой.

Этот бешеный прибой после каждой бури выбрасывает на берег груды водорослей и морских обитателей: медуз, крабов, морских звезд, а иногда и неосторожно-го дельфина. Медузы погибают очень скоро, некоторые рыбы добираются до воды, но много их гибнет на берегу. Крабы почти все возвращаются в океан. Иногда они сами выходят из воды на берег поживиться жерт-

ками прибоя. Ихтиандр любит спасать выброшенных на берег морских животных.

Часами бродил он после бури по берегу и спасал, кого еще можно было спасти. Он радовался, видя, как рыба, брошенная им в воду, уплывала, весело махнув хвостом. Он радовался каждый раз, когда полууснувшие рыбы, плававшие в воде боком или брюшком, в конце концов оживали. Подбирая на берегу большую рыбу, Ихтиандр нес ее к воде; рыба трепетала в его руках, а он смеялся и уговаривал ее не биться и потерпеть еще немного. Конечно, эту самую рыбу он съел бы с удовольствием, если бы, проголодавшись, поймал ее в океане. Но то было неизбежное зло. Здесь же, на берегу, он был покровителем, другом, спасителем обитателей моря.

Обыкновенно Ихтиандр возвращался к берегу так же, как и уплывал, пользуясь подводными морскими течениями. Но сегодня ему не хотелось надолго погружаться под воду, — уж очень красивы были океан и небо. Юноша нырял, проплывал под водою и вновь появлялся на поверхности, подобно морским птицам, охотящимся за рыбами.

Угасли последние лучи солнца. На западе еще догорает желтая полоса. Угрюмые волны, точно темно-серые тени, бегают одна за другой.

После прохладного воздуха в воде так тепло. Кругом темно, но не страшно. Никто не нападает в этот час. Дневные хищники уже уснули,очные еще не вышли на охоту.

Вот то, что ему нужно: северное течение, находящееся совсем близко от поверхности океана. Неуспокоившаяся мертвая зыбь немного раскачивает эту подводную реку вверх-вниз, но она продолжает медленно течь с жаркого севера на холодный юг. А много ниже лежит обратное, холодное течение — с юга на север. Ихтиандр часто пользуется этими течениями, когда ему нужно долго плыть вдоль берега.

Сегодня он далеко заплыл на север. Теперь это теплое течение доставит его до тоннеля. Только бы не вздрогнуть и не проплыть дальше, как это однажды с ним было. Он то кладет руки за голову, то вытягивает их в стороны, медленно расставляет и снова сжимает ноги — занимается гимнастикой. Течение несет его к

югу. Тepлая вода и медленные движения рук и ног действуют на него успокоительно.

Ихтиандр смотрит вверх — перед ним свод, сплошь усеянный мелкими, как пыль, звездами. Это ночесветки зажгли свои фонари и поднимаются на поверхность океана. Кое-где во тьме виднеются голубоватые и розоватые светящиеся туманности — плотные скопления мельчайших светящихся животных. Медленно проплывают шары, излучающие мягкий зеленоватый свет. Совсем недалеко от Ихтиандра светится медуза — она похожа на лампу, прикрытую затейливым абажуром с кружевами и длинной бахромой. Бахрома медленно покачивается, как от легкого ветра, при каждом движении медузы. На отмелях уже загорелись морские звезды. В больших глубинах быстро двигаются огни крупныхочных хищников. Они гоняются друг за другом, кружатся, гаснут и вспыхивают снова.

Снова отмель. Причудливые стволы и ветви кораллов освещены изнутри голубым, розовым, зеленым, белым огнем. Одни кораллы горят бледным мигающим светом, другие — как накаленный добела металл.

На земле ночью только маленькие, далекие звезды в небе, иногда луна. А здесь тысячи звезд, тысячи лун, тысячи маленьких разноцветных солнц, горящих мягким нежным светом. Ночь в океане несравненно прекраснее ночи на земле.

И, чтобы сравнить, Ихтиандр всплывает на поверхность воды.

Воздух потеплел. Над головой темно-синий свод неба, усеянный звездами. Над горизонтом стоит серебристый диск луны. От луны протянулась по всему океану серебряная дорожка.

Из порта доносится низкий, густой, продолжительный гудок. Это гигант «Горрокс» собирается в обратный путь. Однако как поздно! Скоро рассвет. Ихтиандр отсутствовал почти целые сутки. Отец, наверно, будет его бранить.

Ихтиандр направляется к тоннелю, запускает руку между прутьев, открывает железную решетку, плывет в тоннеле среди полной темноты. На этом обратном пути плыть приходится внизу, в холодном течении, идущем с моря к садовым бассейнам.

Легкий толчок в плечо будит его. Он в бассейне. Быстро поднимается вверх: Начинает дышать легкими, напоенными воздухом знакомыми запахами цветов.

Через несколько минут он уже крепко спит в крепости, как приказывал отец.

Девушка и смуглый

(Однажды он плыл в океане после грозы. Вынырнув на поверхность, Ихтиандр заметил на волнах недалеко от себя какой-то предмет, похожий на кусок белого паруса, сорванный бурей с рыбачьей шхуной. Подплыв ближе, он с удивлением увидел, что это был человек — женщина, молодая девушка. Она была привязана к доске. Неужели эта красивая девушка мертва? Ихтиандр был так взволнован своей находкой, что у него впервые появилось враждебное чувство к океану.

Быть может, девушка только потеряла сознание? Он поправил ее беспомощно склонившуюся голову, ухватился за доску и поплыл к берегу.

Он быстро плыл, напрягая все свои силы, только иногда делая короткие остановки, чтобы поправить голову девушки, вновь съехавшую с доски. Он шептал ей, как рыбе, попавшей в беду: «Потерпи немного!» Он хотел, чтобы девушка открыла глаза, но боялся этого. Хотел видеть ее живою, но боялся, что она испугается его. Не снять ли очки и перчатки? Но на это уйдет время, а плыть без перчаток будет труднее. И он снова торопится плыть, толкая доску с девушкой к берегу.

Вот и полоса прибоя. Тут надо быть осторожным. Волны сами несут его к берегу. Ихтиандр время от времени опускает ногу — ощупывает дно. Наконец, он попал на мелководье, вынес девушку на берег, отвязал от доски, перенес ее в тень от дюны, поросшей кустарником, и начал приводить ее в чувство — делать искусственное дыхание.

Ему казалось, что веки ее дрогнули, ресницы щевельнулись. Ихтиандр приложил ухо к сердцу девушки и услышал слабое биение. Она жива... Ему хочется кричать от радости.

Девушка приоткрывает глаза, смотрит на Ихтиандра, и на ее лице появляется выражение ужаса. Потом она закрывает глаза. Ихтиандр огорчен и обрадован. Он все же спас девушку. Теперь он должен уйти — не пугать ее. Но можно ли ее оставить одну, такую беспомощную? Пока он раздумывал, он услышал чьи-то тяжелые быстрые шаги. Колебаться дальше нельзя. Ихтиандр бросился головой в прибой, нырнул, поплыл под водой к каменной гряде, вынырнул и, скрываясь между обломками скал, стал наблюдать за берегом.

Из-за дюны вышел смуглый человек с усами и эспаньолкой, в широкополой шляпе на голове. Он негромко сказал по-испански: «Вот она, слава Иисусу Марии!» — почти побежал к ней, потом неожиданно круто повернулся к океану и окунулся в волны прибоя. Весь вымокший, он подбежал к девушке, начал делать искусственное дыхание (зачем оно теперь?), наклонился к лицу девушки. Поцеловал ее. Что-то начал говорить быстро и горячо. Ихтиандр улавливал только отдельные слова: «Я предупреждал вас... Было безумие... Хорошо, что догадался привязать вас к доске...»

Девушка открывает глаза, приподнимает голову. На лице страх, сменяющийся удивлением, гневом, неудовольствием. Человек с эспаньолкой продолжает о чем-то горячо говорить, помогает девушке встать. Но она еще слаба, и он снова опускает ее на песок. Только через полчаса они тронулись в путь. Они прошли недалеко от камней, за которыми скрывался Ихтиандр. Девушка, хмурясь, сказала, обращаясь к человеку в сомбрero:

— Так это вы спасли меня? Благодарю. Да вознаградят вас бог!

— Не бог, а только вы можете вознаградить меня, — ответил смуглый.

Девушка будто не слыхала этих слов. Она помолчала, а потом сказала:

— Странно. А мне показалось, почудилось, будто возле меня было какое-то чудовище.

— Конечно, это вам почудилось, — ответил ее спутник. — А быть может, это был дьявол, который счел вас мертвой и захотел захватить вашу душу. Прочитайте молитву и обопритесь на меня. Со мной ни один дьявол не тронет вас.

И они прошли — чудесная девушка и этот нехороший смуглый человек, уверивший девушку, будто он спас ее. Но Ихтиандр не мог изобразить его во лжи. Пусть поступают, как хотят,— Ихтиандр сделал свое дело.

Девушка и ее спутник скрылись за дюнами, а Ихтиандр все еще смотрел им вслед. Потом повернул голову к океану. Какой он большой и пустынный!..

Прибой выбросил на песок синюю рыбку с серебряным брюшком. Ихтиандр оглянулся, кругом — никого. Он выбежал из своей засады, схватил рыбку и бросил в море. Рыбка поплыла, но Ихтиандру стало почему-то грустно. Он бродил по пустынному берегу, подбирал рыб и морские звезды и относил их к воде. Работа постепенно увлекла его. К нему возвращалось его постоянное хорошее настроение. Так возился он до сумерек, лишь иногда погружаясь в воду, когда прибрежный ветер обжигал и подсушивал его жабры.

Слуга Ихтиандра

Сальватор решил ехать в горы без Кристо, который успешно прислуживал Ихтиандру. Это очень обрадовало индейца: в отсутствие Сальватора он мог свободнее видеться с Бальтазаром. Кристо успел уже сообщить Бальтазару, что нашел «морского дьявола». Оставалось только обдумать, как похитить Ихтиандра.

Кристо жил теперь в белом домике, увитом плющом, и часто виделся с Ихтиандром. Они быстро подружились. Ихтиандр, лишенный общества людей, привязался к старому индейцу, который рассказывал ему о жизни на земле. Ихтиандр знал о жизни моря больше, чем знаменитые ученые, и он посвящал Кристо в тайны подводного мира.

Ихтиандр довольно хорошо знал географию, ему известны были океаны, моря, главнейшие реки; имел он некоторые познания в астрономии, навигации, физике, ботанике, зоологии. Но о людях он знал мало: кое-что о расах, населяющих землю, об истории народов он имел смутное представление, о политических же и экономических отношениях людей знал не больше пятилетнего ребенка.

Днем, когда наступала жара, Ихтиандр спускался в подземный грот и куда-то уплыгал. В белый домик он являлся тогда, когда спадала жара, и оставался там до утра. Но если шел дождь или на море поднималась буря, он проводил в домике весь день. В сырую погоду он чувствовал себя исплохо, оставаясь на суше.

Домик был небольшой, всего четыре комнаты. В одной комнате, около кухни, помешался Кристо. Рядом находилась столовая, дальше — большая библиотека: Ихтиандр знал испанский и английский языки. Наконец, в последней, самой большой комнате была спальня Ихтиандра. Посреди спальни находился бассейн. У стены стояла кровать. Иногда Ихтиандр спал на кровати, но предпочитал ложе бассейна. Однако Сальватор, уезжая, приказал Кристо следить, чтобы Ихтиандр по крайней мере три ночи в неделю спал на обычной кровати. По вечерам Кристо являлся к Ихтиандру и ворчал, как старая нянька, если юноша не соглашался спать в кровати.

— Но мне гораздо приятнее и удобнее спать в воде, — протестовал Ихтиандр.

— Доктор приказывал, чтобы ты спал на кровати, — надо слушаться отца.

Ихтиандр называл Сальватора отцом, но Кристо сомневался в их родстве. Кожа Ихтиандра на лице и руках была довольно светлая, но, быть может, она посветлела от продолжительного пребывания под водой. Правильный овал лица Ихтиандра, прямой нос, тонкие губы, большие лучистые глаза напоминали лицо индейца племени арауакана, к которому принадлежал и сам Кристо.

Кристо очень хотелось посмотреть, каков цвет кожи Ихтиандра на теле, плотно закрытом чешуеобразным костюмом, сделанным из какого-то неизвестного материала.

— Ты не снимешь свою рубашку на ночь? — обратился он к юноше.

— Зачем? Моя чешуя не мешает мне, она очень удобная. Она не задерживает дыхание жабр и кожи и вместе с тем надежно защищает: ни зубы акулы, ни острый нож не прорежут этой брони, — отвечал Ихтиандр, укладываясь в постель.

— Зачем ты надеваешь очки, перчатки? — спросил Кристо, рассматривая диковинные перчатки, лежавшие около кровати.

Они были сделаны из зеленоватой резины, пальцы удлинены суставчатыми тростинками, вделанными в резину, и снабжены перепонками. Для ног эти пальцы были удлинены еще больше.

— Перчатки помогают мне быстро плавать, а очки предохраняют глаза, когда буря поднимает со дна песок. Я не всегда надеваю их. Но в очках я лучше вижу под водой. Без очков под водой все как в тумане. — И, улыбнувшись, Ихтиандр продолжал: — Когда я был маленький, отец разрешал мне иногда играть с детьми, которые живут в соседнем саду. Я очень удивился, увидев, что они плавают в бассейне без перчаток: «Разве можно плавать без перчаток?» — спросил я их. А они не понимали, о каких перчатках говорю я, так как при них я не плавал.

— Ты и сейчас выплываешь в залив? — поинтересовался Кристо.

— Конечно. Только выплываю боковым подводным тоннелем. Какие-то злые люди едва не поймали меня в сеть, и я теперь очень осторожен.

— Гм... Значит, есть и другой подводный тоннель, ведущий в залив?

— Даже несколько. Как жаль, что ты не можешь плавать со мною под водою! Я бы показал тебе изумительные вещи. Почему не все люди могут жить под водой? Мы покатались бы с тобой на моей морской лошади.

— На морской лошади? Что это такое?

— Дельфин. Я приручил его. Бедный! Буря однажды выбросила его на берег, и он сильно разбил плавник. Я стащил его в воду. Это была трудная работа: дельфины на суше гораздо тяжелее, чем в воде. Вообще у вас тут все тяжелее. Даже собственное тело. В воде легче живется. Ну вот, стащил я дельфина, а плавать он не может — значит, не может и питаться. Я кормил его рыбой — долго, месяц. За это время он не только привык, но и привязался ко мне. Мы сделались друзьями. Другие дельфины также знают меня. Как весело развиться в море с дельфинами! Волны, брызги, солнце, ветер, шум! На дне тоже хорошо. Как будто плы-

вешь в густом голубом воздухе. Тихо. Не ощущаешь своего тела. Оно становится свободным, легким, покорным каждому твоему движению... У меня много друзей в море. Я кормлю маленьких рыбок, как вы птиц, — они повсюду следуют за мной стайками.

— А враги?

— Есть и враги. Акулы, осьминоги. Но я не боюсь их. У меня есть нож.

— А если они подкрадутся незаметно?

Ихтиандр удивился этому вопросу.

— Ведь я же издали слышу их.

— Слышишь под водой? — удивился в свою очередь Кристо. — Даже когда они подплывают тихо?

— Ну да. Что же тут непонятного? Слышу и ушами и всем телом. Ведь они же производят сотрясение воды, — эти колебания идут впереди них. Почувствовав эти колебания, я оглядываюсь.

— Даже когда спишь?

— Конечно.

— Но рыбы...

— Рыбы погибают не от внезапного нападения, а потому, что не могут защищаться от более сильного врага. А я — я сильнее их всех. И морские хищники знают это. Они не осмеливаются подплывать ко мне.

«Зурита прав: из-за такого морского парня следует поработать, — подумал Кристо. — Но и поймать его в воде не легко. «Слышу всем телом!» Разве только в капкан попадется. Надо будет предупредить Зуриту».

— Как красив подводный мир! — не переставал восхищаться Ихтиандр. — Нет, никогда я не променяю моря на вашу душную, пыльную землю!

— Почему нашу землю? Ты тоже сын земли, — сказал Кристо. — Кто была твоя мать?

— Я не знаю... — неуверенно сказал Ихтиандр. — Отец говорит, что моя мать умерла, когда я родился.

— Но она была, конечно, женщина, человек, а не рыба.

— Может быть, — согласился Ихтиандр.

Кристо рассмеялся.

— Скажи мне теперь, зачем ты шалил, обижал рыбаков, резал их сети и выбрасывал рыбу из лодок?

— Потому что они ловили рыбы больше, чем могли съесть.

— Но они ловили рыбу для продажи.

Ихтиандр не понял.

— Чтобы и другие люди могли есть,— пояснил индеец.

— Разве людей так много? — удивился Ихтиандр. — Неужели им не хватает земных птиц и животных? Зачем они являются в океан?

— Это сразу тебе не объяснишь,— сказал, зевая, Кристо. — Пора спать. Смотри же, не залезай в свою ванну: отец будет недоволен. — И Кристо ушел.

Рано утром Кристо уже не застал Ихтиандра. Каменный пол был мокрый.

— Опять в ванне спал,— ворчал индеец. — А потом, наверно, уплыл в море.

К завтраку Ихтиандр явился с большим запозданием.

Он был чем-то расстроен. Поковыряв вилкой кусок бифштекса, сказал:

— Опять жареное мясо.

— Опять,— строго ответил Кристо. — Так доктор приказал. А ты опять сырой рыбы наелся в море? Так ты совсем от жареной пищи отвыкнешь. И в ванне спал. На кровати спать не хочешь,— жабры от воздуха отвыкнут, и будешь потом жаловаться, что в боках покалывает. И к завтраку опоздал. Приедет доктор, пожалуюсь ему на тебя. Совсем не слушаешься.

— Не говори, Кристо. Я не хочу огорчать его. — Ихтиандр опустил голову и задумался. Потом он вдруг поднял на индейца свои большие, на этот раз печальные, глаза и сказал: — Кристо, я видел девушку. Я никогда ничего не видел прекраснее — даже на дне океана...

— Зачем же ты нашу землю бранил? — сказал Кристо.

— Я плыл на дельфине вдоль берега и недалеко от Буэнос-Айреса увидел ее на берегу. У нее глаза синие, а волосы золотые. — И Ихтиандр добавил: — Но она увидела меня, испугалась и убежала. Зачем я надел очки и перчатки? — Помолчав, он заговорил совсем тихо: — Однажды я спас какую-то девушку, которая утонула в океане. Тогда я не заметил, какова она союю.

А вдруг это та? Мне кажется, у той тоже были золотые волосы. Да, да... Я вспоминаю... — Юноша задумался, потом подошел к зеркалу, в первый раз в жизни оглядел себя.

— И что же ты делал дальше?

— Я ждал ее, но она не вернулась. Кристо, неужели она больше никогда не придет на берег?

«Пожалуй, хорошо, что ему нравится девушка», — подумал Кристо. До сих пор, как Кристо ни расхваливал город, он не мог уговорить Ихтиандра посетить Буэнос-Айрес, где Зурита легко мог бы захватить юношу.

— Девушка может и не прийти на берег, но я помогу тебе найти ее. Ты наденешь городской костюм и пойдешь со мною в город.

— И я увижу ее? — воскликнул Ихтиандр.

— Там много девушек. Может быть, увидишь и ту, которая сидела на берегу.

— Идем сейчас!

— Теперь уже поздно. До города не легко добраться пешком.

— Я поплыву на дельфине, а ты пойдешь по берегу.

— Какой ты быстрый, — ответил Кристо. — Мы отправимся завтра вместе, на заре. Ты выплынешь в залив, а я буду поджидать тебя с костюмом на берегу. И костюм еще достать надо. («За ночь я успею свидеться с братом», — подумал Кристо.) Итак, завтра на заре.

В городе

Ихтиандр выплыл из залива и вышел на берег. Кристо уже ждал его с белым городским костюмом в руках. Ихтиандр посмотрел на костюм таким взглядом, будто ему принесли змеиную кожу, и со вздохом начал одеваться. Очевидно, ему редко приходилось надевать костюм. Индеец помог юноше завязать галстук и, осмотрев Ихтиандра, остался доволен его видом.

— Идем, — весело сказал Кристо.

Индеец хотел поразить Ихтиандра и повел его по главным улицам города — Авени да Альвар, Вертис, показал площадь Виктории с кафедральным собором и

ратушей в мавританском стиле, площадь Фуэрто и площадь Двадцать пятого мая¹ с обелиском Свободы, окруженным прекрасными деревьями, президентский дворец.

Но Кристо ошибся. Шум, движение большого города, пыль, духота, суетолока совершенно ошеломили Ихтиандра. Он пытался найти в толпе людей девушку, часто хватал Кристо за руку и шептал:

— Она!.. — но сразу видел, что опять ошибся. — Нет, это другая...

Настал полдень. Жара сделалась невыносимой. Кристо предложил зайти в небольшой ресторан, помещавшийся в подвале, позавтракать. Здесь было прохладно, но шумно и душно. Грязные, плохо одетые люди курили зловонные сигары. От дыма Ихтиандр задыхался, а тут еще громко спорили, потрясая измятыми газетами и выкрикивая непонятные слова. Ихтиандр выпил очень много холодной воды, но не притронулся к завтраку и печально сказал:

— Легче найти знакомую рыбку в океане, чем человека в этом людском водовороте. Ваши города отвратительны. Здесь душно и дурно пахнет. У меня начинает колоть в боках. Я хочу домой, Кристо.

— Хорошо, — согласился Кристо. — Зайдем только к одному моему приятелю — и вернемся.

— Я не хочу заходить к людям.

— Это по пути. Я не задержусь.

Расплатившись, Кристо вышел с Ихтиандром на улицу. Опустив голову, тяжело дыша, шел Ихтиандр следом за Кристо мимо белых домов, мимо садов с кактусами, оливковыми и персиковыми деревьями. Индеец вел его к своему брату Бальтазару, жившему в Новом порту.

У моря Ихтиандр жадно вдыхал влажный воздух. Ему хотелось сорвать одежду и броситься в море.

— Сейчас придем, — сказал Кристо, опасливо поглядывая на своего спутника.

Они перешли железнодорожные пути.

¹ 25 мая 1810 года провинции Ла-Плата образовали революционный союз — «Хунту», арестовали местную власть, провозгласили временное правительство и отделились от Испании.

— Пришли. Здесь,— сказал Кристо, и они спустились в полутемную лавочку.

Когда глаза Ихтиандра привыкли к полумраку, он с изумлением огляделся. Лавка напоминала уголок морского дна. Полка и даже часть пола были завалены раковинами — мелкими, крупными, витыми, створчатыми. С потолка спускались пни кораллов, морские звезды, чучела морских рыб, засушенные крабы, диковинные морские обитатели. На прилавке, под стеклом, лежали жемчужины в ящиках. В одном ящике находились розовые жемчужины — «кожа ангела», как называли их ловцы. Ихтиандр несколько успокоился среди знакомых вещей.

— Отдохни, здесь прохладно и тихо,— сказал Кристо, усаживая юношу на старый плетеный стул.

— Бальтазар! Гуттиэрэ! — крикнул индеец.

— Это ты, Кристо? — отозвался голос из другой комнаты. — Иди сюда.

Кристо нагнулся, чтобы войти в низкую дверь, ведущую в другую комнату.

Здесь была лаборатория Бальтазара. Здесь он восстанавливал утраченный от сырости цвет жемчужин слабым раствором кислоты. Кристо плотно прикрыл за собой дверь. Слабый свет падал через небольшое окно у потолка, освещая пузырьки и стеклянные ванночки на старом, почерневшем столе.

— Здравствуй, брат. Где Гуттиэрэ?

— Попыла к соседке за утюгом. Кружевца да бантики на уме. Сейчас вернется, — ответил Бальтазар.

— А Зурита? — нетерпеливо спросил Кристо.

— Пропал куда-то, проклятый. Вчера мы с ним немного повздорили.

— Все из-за Гуттиэрэ?

— Зурита перед ней как уж извивался. А она одно в ответ: «Не хочу и не хочу!» Что ты с ней поделаешь? Капризна и упряма. Много о себе думает. Не понимает, что всякая индейская девушка, будь она первая красавица, за счастье сочла бы выйти замуж за такого человека. Собственную шхуну имеет, артель ловцов, — ворчал Бальтазар, купая жемчужины в растворе. — Наверно, Зурита опять с досады вино пьет.

— Что же теперь нам делать?

— А ты привел?

— Сидит.

Бальтазар, подойдя к двери, с любопытством заглянул в замочную скважину.

— Не вижу, — тихо сказал он.

— На стуле сидит, у прилавка.

— Не вижу. Там Гуттиэрэ.

Бальтазар быстро открыл дверь и вошел в лавку с Кристо. Ихтиандра не было. В темном углу стояла девушка, приемная дочь Бальтазара, Гуттиэрэ. Девушка была известна красотой далеко за пределами Нового порта. Но она была застенчива и своенравна. Чаще всего она говорила певучим, но твердым голосом: «Нет».

Гуттиэрэ понравилась Педро Зурите. Он хотел жениться на ней. И старый Бальтазар не прочь был породниться с владельцем шхуны и войти с ним в компанию. Но на все предложения Зуриты девушка неизменно отвечала: «Нет».

Когда отец и Кристо вошли в комнату, девушка стояла с опущенной головой.

— Здравствуй, Гуттиэрэ, — сказал Кристо.

— Где молодой человек? — спросил Бальтазар.

— Я не прячу молодых людей, — ответила она, улыбаясь. — Когда я вошла, он посмотрел на меня так странно, будто испугался, поднялся, вдруг схватился за грудь и убежал. Не успела я оглянуться, как он уже был в дверях.

«Это была она», — подумал Кристо.

Снова в море

Ихтиандр, задыхаясь, бежал вдоль берега моря. Вырвавшись из этого страшного города, он круто свернулся с дороги и направился к самому берегу моря. Он укрылся между прибрежными камнями, огляделся, быстро разделся, спрятал в камнях костюм, побежал к воде и бросился в воду.

Несмотря на усталость, никогда он еще не плыл так стремительно. Рыбы в испуге шарахались от него. Только отплыв несколько миль от города, Ихтиандр поднялся ближе к поверхности и поплыл вблизи берега. Здесь он уже чувствовал себя дома. Каждый подводный камень, каждая выемка в морском дне были ему

знакомы. Вот здесь, распластавшись на песчаном дне, живут домоседы камбалы, дальше растут красные коралловые кусты, укрывающие в своих ветвях мелких красноперых рыбок. В этой затонувшей рыбачьей барке обосновались два семейства спрутов, у них недавно вывелись детеныши. Под серыми камнями водятся крабы. Ихтиандр любил часами наблюдать их жизнь. Он знал их маленькие радости удачной охоты и их горести — потерю клешни или нападение осьминога. А у прибрежных скал было много устричных раковин.

Наконец, уже недалеко от залива, Ихтиандр поднял голову над поверхностью воды. Он увидел стаю дельфинов, резвившихся среди волн, и громко, протяжно крикнул. Большой дельфин весело фыркнул в ответ и быстро поплыл к своему другу, ныряя и вновь показывая над гребнями волн свою черную лоснящуюся спину.

— Скорей, Лидинг, скорей! — крикнул Ихтиандр, плывя навстречу. Он ухватился за дельфина. — Плытем скорее дальше, вперед!

И повинуясь руке юноши, дельфин быстро поплыл в открытое море, навстречу ветру и волнам. Вздымя пенную, он резал волны грудью и мчался, но Ихтиандру эта скорость казалась все еще недостаточной.

— Да ну же, Лидинг! Скорей, скорей!

Ихтиандр совсем загнал дельфина, но эта езда по волнам не успокоила его. Он оставил своего друга в полном недоумения, соскользнув вдруг с лоснящейся спины и опустившись в море. Дельфин подождал, фыркнул, нырнул, выплыл, еще раз недовольно фыркнул и, круто повернув хвостом, направился к берегу, оборачиваясь время от времени назад. Его друг не показывался на поверхности, и Лидинг присоединился к стаду, радостно встреченным молодыми дельфинами. Ихтиандр опускался все глубже и глубже в сумеречные глубины океана. Ему хотелось быть одному, прийти в себя от новых впечатлений, разобраться во всем, что он узнал и видел. Он заплыл далеко, не задумываясь об опасности. Он хотел понять, почему он не такой, как все, — чуждый морю и земле.

Он погружался все медленнее. Вода становилась плотнее, она уже давила на него, дышать становилось все труднее. Здесь стояли густые зелено-серые сумер-

ки. Морских обитателей было меньше, и многие из них были неизвестны Ихтиандру, — он еще никогда не опускался так глубоко. И впервые Ихтиандру сделалось жутко от этого молчаливого сумеречного мира. Он быстро поднялся на поверхность и поплыл к берегу. Солнце заходило, пронизывая воду красными лучами. В воде эти лучи, смешиваясь с синевой вод, переливались нежными лиловато-розовыми и зеленовато-голубыми тонами.

Ихтиандр был без очков и поэтому снизу видел поверхность моря так, как она представляется рыбам: из-под воды поверхность представлялась не плоской, а в виде конуса, — будто он находился на дне огромной воронки. Края этого конуса, казалось, были окружены красной, желтой, зеленой, синей и фиолетовой каемками. За конусом расстилалась блестящая поверхность воды, в которой, как в зеркале, отражались подводные предметы: скалы, водоросли и рыбы.

Ихтиандр перевернулся на грудь, поплыл к берегу и уселся под водою меж скал, невдалеке от отмели. Рыбаки сошли с лодки в воду и тянули лодку на берег. Один из них опустил ноги по колени в воду. Ихтиандр видел над водой безногого рыбака, а в воде — только его ноги, а они снова отражались в зеркале водной поверхности. Другой рыбак погрузился в воду по плечи. И в воде показалось странное, безголовое, но четвероногое существо, как будто двум одинаковым людям отрубили головы и поставили плечи одного человека на плечи другого. Когда люди подходили к берегу, Ихтиандр видел их, как видят их рыбы: отраженными как бы в шаре. Он видел их с ног до головы, прежде чем они подходили вплотную к берегу. Поэтому он всегда успевал уплыть раньше, чем люди могли заметить его.

Эти странные туловища с четырьмя руками без головы и головы без туловищ показались теперь Ихтиандру неприятными. Люди... Они так много шумят, курят ужасные сигары, дурно пахнут. Нет, с дельфинами лучше, — они чистые и веселые. Ихтиандр улыбнулся, он вспомнил, как однажды напился дельфинарного молока.

Далеко на юге есть небольшая бухта. Острые подводные скалы и песчаная коса преграждают к ней доступ судам с моря. Берег там скалистый и обрывистый.

Эту бухту не посещают ни рыбаки, ни искатели жемчуга. Неглубокое дно покрыто густым ковром растений. В теплой воде много рыбы. Сюда много лет подряд припльвала дельфин-самка, и здесь, в этой теплой бухте, у нее рождались дельфинята — два, четыре, иногда и шесть. Ихтиандра очень забавляли молодые дельфины, и он часами наблюдал за ними, неподвижно притаившись в зарослях. Дельфинята то забавно кувыркались на поверхности, то сосали сосцы своей матери, отталкивая друг друга мордами. Ихтиандр начал осторожно приручать их: ловил рыбок и угощал ими дельфинят. Постепенно молодые дельфины и самка привыкли к Ихтиандру. Он уже резвился вместе с малыпами, ловил их, подбрасывал, теребил. Им это, видимо, нравилось, — они не отставали от него и всякий раз бросались к нему гурьбой, как только он показывался в бухте с подарками — вкусными рыбками или еще более вкусными маленькими нежными осьминогами.

Однажды, когда у знакомой самки-дельфина родились дети и были они еще совсем маленькими сосунками — они еще не ели, а питались только материнским молоком, — Ихтиандр подумал: а почему бы ему самому не попробовать дельфиньего молока?

И вот он незаметно оказался под самкой-дельфином, обхватил ее руками и начал высасывать молоко. Дельфин не ожидал такого нападения и в ужасе метнулся из бухты. Ихтиандр тотчас отпустил испуганное животное. Молоко имело сильный рыбий привкус. Испуганная самка, вырвавшись от неожиданного сосунка, бросилась куда-то в бездну вод, ее младенцы растерялись и без толку тыкались во все стороны. Долго стоял Ихтиандр маленьких глупых дельфинят, пока не явилась мамаша и не увела их в соседнюю бухту. Только через много дней восстановились их доверие и дружба.

Кристо не на шутку беспокоился. Ихтиандр не показывался трое суток. Явился он усталый, побледневший, но довольный.

— Где ты пропадал? — строго спросил индеец, обрадованный появлением Ихтиандра.

— На дне, — ответил Ихтиандр.

— Почему ты такой бледный?

— Я... я едва не погиб, — солгал Ихтиандр первый раз в жизни и рассказал Кристо историю, случившуюся с ним гораздо раньше.

В глубине океана поднимается скалистое плоскогорье, а наверху, посредине плоскогорья, находится большая овальная выемка — настоящее подводное горное озеро.

Ихтиандр плыл над этим подводным озером. Его поразил необычный светло-серый цвет дна. Опустившись ниже и присмотревшись, Ихтиандр изумился: под ним находилось настоящее кладбище разных морских животных — от мелких рыбок до акул и дельфинов. Тут были недавние жертвы. Но возле них не кишили, как обычно, мелкие хищники — крабы и рыбы. Все было мертвое и неподвижно. Только кое-где со дна к поверхности поднимались пузырьки газа. Ихтиандр плыл над краем впадины. Опустился еще ниже и внезапно почувствовал острую боль в жабрах, удущье, головокружение. Почти теряя сознание, беспомощно падал он и, наконец, опустился на край котловины. В висках стучало, сердце колотилось, глаза заволакивало красным туманом. И не от кого было ожидать помощи. Вдруг он заметил, что рядом с ним, судорожно изгибаясь, опускалась акула. Вероятно, она охотилась за ним, пока сама не попала в эти страшные отравляющие мертвые воды подводного озера. Ее брюхо и бока вздувались и опадали, рот был открыт, белые точеные пластины зубов обнажены. Акула подыхала. Ихтиандр содрогнулся. Сжав челюсти, стараясь не захватывать воды жабрами, Ихтиандр на четвереньках выполз из озера на берег, потом поднялся, пошел. Голова закружилась, и он снова упал. Потом оттолкнулся ногами от серых камней, взмахнул руками, и вот он уже в десяти метрах от края озера...

Окончив рассказ, Ихтиандр добавил то, что когда-то узнал от Сальватора.

— Вероятно, в этой котловине скопились какие-нибудь вредные газы, — быть может, сероводород или угольный ангидрид, — сказал Ихтиандр. — Понимаешь, на поверхности океана эти газы окисляются, и их не чувствуешь, в самой же котловине, где они выделяют-

ся, они еще сильно концентрированы. Ну, а теперь дай мне завтракать, я голоден.

Наскоро позавтракав, Ихтиандр надел очки и перчатки и пошел к двери.

— Ты за этим только и приходил? — спросил Кристо, указывая на очки. — Почему ты не хочешь сказать, что с тобою?

В характере Ихтиандра появилась новая черта: он стал скрытым.

— Не спрашивай, Кристо, я сам не знаю, что со мной. — И юноша быстро вышел из комнаты.

Маленькая месть

Встретив неожиданно голубоглазую девушку в лавке продавца жемчуга Бальтазара, Ихтиандр так смущился, что выбежал из лавки и бросился к морю. Теперь же ему снова хотелось познакомиться с девушкой, но он не знал, как это сделать. Проще всего было призвать на помощь Кристо и пойти с ним вместе. Но встречаться с ней в присутствии Кристо ему не хотелось. Ежедневно приплывал Ихтиандр к берегу моря, туда, где впервые встретил девушку. Он просиживал с утра до вечера, скрываясь за прибрежными камнями, в надежде увидеть ее. Приплывая к берегу, он снимал очки и перчатки и переодевался в белый костюм, чтобы не испугать девушку. Нередко он проводил на берегу круглые сутки, почтю погружался в море, питаясь рыбами и устрицами, тревожно засыпал, а рано утром, еще до восхода солнца, был уже снова на своем сторожевом посту.

Однажды вечером он решился пойти к лавке продавца жемчуга. Двери были открыты, но у прилавка сидел старый индеец, — девушки не было. Ихтиандр вернулся на берег. На скалистом берегу стояла девушка в белом легком платье и соломенной шляпе. Ихтиандр остановился, не решаясь подойти. Девушка кого-то ждала. Нетерпеливо ходила она взад и вперед, поглядывая время от времени на дорогу. Ихтиандра, остановившегося у выступа скалы, она не замечала.

Но вот девушка замахала кому-то рукой. Ихтиандр оглянулся и увидел молодого, высокого, широкоплече-

го человека, который быстро шел по дороге. Ихтиандр еще никогда не встречал таких светлых волос и глаз, как у этого незнакомца. Великан подошел к девушке и, протягивая ей широкую руку, ласково сказал:

— Здравствуй, Гуттиэре!

— Здравствуй, Ольсен! — ответила она.

Незнакомец крепко пожал маленькую руку Гуттиэре.

Ихтиандр с неприязнью посмотрел на них. Ему стало грустно, и он чуть не расплакался.

— Принесла? — спросил великан, глядя на жемчужное ожерелье Гуттиэре.

Она кивнула головой.

— Отец не узнает? — спросил Ольсен.

— Нет, — ответила девушка. — Это мой собственный жемчуг, я могу распоряжаться им, как хочу.

Гуттиэре и Ольсен прошли к самому краю скалистого берега, тихо разговаривая. Потом Гуттиэре расстегнула жемчужное ожерелье, взяла его за конец нитки, подняла руки вверх и, любуясь ожерельем, сказала:

— Смотри, как красиво горят жемчужины на закате. Возьми, Ольсен...

Ольсен уже протянул руку, но вдруг ожерелье выскользнуло из рук Гуттиэре и упало в море.

— Что я наделала! — вскрикнула девушка.

Огорченные Ольсен и Гуттиэре продолжали стоять у моря.

— Может быть, его можно достать? — сказал Ольсен.

— Здесь очень глубоко, — сказала Гуттиэре и добавила: — Какое несчастье, Ольсен!

Ихтиандр видел, как огорчилась девушка. Он сразу забыл о том, что девушка хотела подарить жемчуг светловолосому великану. Оставаться равнодушным к ее горю Ихтиандр не мог: он вышел из-за скалы и решительно подошел к Гуттиэре.

Ольсен нахмурился, а Гуттиэре с любопытством и удивлением посмотрела на Ихтиандра, — она узнала в нем того юношу, который так внезапно бежал из лавки.

— Вы, кажется, уронили в море жемчужное ожерелье? — спросил Ихтиандр. — Если хотите, я достану его.

— Даже мой отец — лучший ловец жемчуга — не мог бы достать его здесь, — возразила девушка.

— Я попытаюсь, — скромно ответил Ихтиандр.

И, к удивлению Гуттиэре и ее спутника, юноша, даже не раздеваясь, бросился в море с высокого берега и скрылся в волнах.

Ольсен не знал, что подумать.

— Кто это? Откуда он взялся?

Пропала минута, истекла вторая, а юноша не возвращался.

— Погиб, — тревожно сказала Гуттиэре, глядя на волны.

Ихтиандру не хотелось, чтобы девушка знала, что он может быть под водой. Увлекшись поисками, он не рассчитал времени и пробыл под водой несколько больше, чем может выдержать ловец. Вынырнув на поверхность, юноша сказал, улыбаясь:

— Немножко терпения. На дне много обломков скал, — трудно искать. Но я найду. — И он снова нырнул.

Гуттиэре не раз присутствовала при ловле жемчуга. Она удивилась, что юноша, пробыв под водой почти две минуты, дышал ровно и не казался утомленным.

Через две минуты голова Ихтиандра снова показалась на поверхности. Лицо его сияло радостью. Он поднял над водою руку и показал ожерелье.

— Зацепилось за выступ скалы, — сказал Ихтиандр совершение ровным голосом, не задыхаясь, будто он вышел из другой комнаты. — Если бы жемчуг упал в расщелину, пришлось бы повозиться дольше.

Он быстро взобрался по скалам, подошел к Гуттиэре и подал ей ожерелье. Вода ручьями стекала с его одежды, но он не обращал на это внимания.

— Возьмите.

— Благодарю вас, — сказала Гуттиэре, с новым любопытством глядя на юношу.

Наступило молчание. Все трое не знали, что делать дальше. Гуттиэре не решалась передать ожерелье Ольсену при Ихтиандре.

— Вы, кажется, хотели передать жемчуг ему, — сказал Ихтиандр, указывая на Ольсена.

Ольсен покраснел, а смущенная Гуттиэрэ сказала:

— Да, да,— и протянула ожерелье Ольсену, который молча взял его и положил в карман.

Ихтиандр был доволен. С его стороны это была маленькая месть. Великан получил в подарок утерянный жемчуг из рук Гуттиэрэ, но от него — Ихтиандра.

И, поклонившись девушки, Ихтиандр быстро зашагал по дороге.

Но недолго радовала Ихтиандра его удача. Новые мысли и вопросы возникали у него. Он плохо знал людей. Кто этот белокурый великан? Почему Гуттиэрэ дарит ему свое ожерелье? О чём говорили они на утесе?

В эту ночь Ихтиандр опять носился с дельфином по волнам, путая в темноте рыбаков своими криками.

Весь следующий день Ихтиандр провел под водой. В очках, но без перчаток, ползал по песчаному дну в поисках жемчужных раковин. Вечером навестил Кристо, который встретил его ворчливыми упреками. Наутро, уже одетый, юноша находился у скалы, где встретился с Гуттиэрэ и Ольсеном. Вечером на закате, как и в тот раз, первой пришла Гуттиэрэ.

Ихтиандр вышел из-за скал и подошел к девушке. Увидев его, Гуттиэрэ кивнула ему головой, как знакомому, и, улыбаясь, спросила:

— Вы следите за мной?

— Да,— просто ответил Ихтиандр,— с тех пор, как увидел вас первый раз...— И, смущившись, юноша продолжал: — Вы подарили свое ожерелье тому... Ольсену. Но вы любовались жемчугом перед тем, как отдать его. Вы любите жемчуг?

— Да.

— Тогда возьмите вот это... от меня.— И он протянул ей жемчужину.

Гуттиэрэ хорошо знала цену жемчугу. Жемчужина, лежавшая на ладони Ихтиандра, превосходила все, что она видела и знала о жемчуге по рассказам отца. Безукоризненной формы огромная жемчужина чистейшего белого цвета весила не менее двухсот каратов и стоила, вероятно, не менее миллиона золотых позо. Изумлен-

ная Гуттиэрэ смотрела то на необычайную жемчужину, то на красивого юношу, стоявшего перед нею. Сильный, гибкий, здоровый, но несколько застенчивый, одетый в измятый белый костюм, он не походил на богатых юношей Буэнос-Айреса. И он предлагал ей, девушке, которую он почти не знал, такой подарок.

— Возьми же, — ужс настойчиво повторил Ихтиандр.

— Нет, — ответила Гуттиэрэ, покачав головой. — Я не могу взять от вас такого ценного подарка.

— Это совсем не ценный подарок, — горячо возразил Ихтиандр. — На дне океана тысячи таких жемчужин.

Гуттиэрэ улыбнулась. Ихтиандр смутился, покраснел и после короткого молчания прибавил:

— Ну, прошу вас.

— Нет.

Ихтиандр нахмурился: он был обижен.

— Если не хотите взять для себя, — настаивал Ихтиандр, — то возьмите для того... для Ольсена. Он не откажется.

Гуттиэрэ рассердилась.

— Он берет не для себя, — сурово ответила она. — Вы ничего не знаете.

— Значит, нет?

— Нет.

Тогда Ихтиандр бросил жемчужину далеко в море, молча кивнул головой, повернулся и пошел к дороге.

Этот поступок ошеломил Гуттиэрэ. Она продолжала стоять не двигаясь. Бросить в море миллионное состояние, как простой камешек! Ей было совестно. Зачем она огорчила этого странного юношу?

— Постойте, куда же вы?

Но Ихтиандр продолжал идти, низко опустив голову. Гуттиэрэ догнала его, взяла за руки и заглянула в лицо. По щекам юноши текли слезы, он раньше никогда не плакал и теперь недоумевал, почему предметы стали туманными и расплывчатыми, точно он плыл без очков под водой.

— Простите, я огорчила вас, — сказала девушка, взяв его за обе руки.

Нетерпение Зуриты

После этого события Ихтиандр приплывал каждый вечер к берегу недалеко от города, брал припрятанный среди камней костюм, одевался и являлся к скале, куда приходила Гуттиэрэ. Они гуляли вдоль берега, оживленно беседуя. Кто был новый друг Гуттиэрэ? Этого она не могла бы сказать. Он был неглуп, остроумен, знал многое, о чем не знала Гуттиэрэ, и в то же время не понимал таких простых вещей, которые известны каждому городскому мальчишке. Как объяснить это? Ихтиандр говорил о себе неохотно. Рассказывать правду ему не хотелось. Девушка только узнала, что Ихтиандр — сын доктора, человека, по-видимому, очень состоятельного. Он воспитал сына вдали от города и людей и дал ему очень своеобразное и одностороннее образование.

Иногда они долго засиживались на берегу. У ног шумел прибой. Мерцали звезды. Разговор умолкал. Ихтиандр был счастлив.

— Пора идти, — говорила девушка.

Ихтиандр неохотно поднимался, провожал ее до предместья, потом быстро возвращался, сбрасывал одежду и уплывал к себе.

Утром, после завтрака, он брал с собой большой белый хлеб и отправлялся в залив. Усевшись на песчаном дне, он начинал кормить рыбок хлебом. Они приплывали к нему, роем окружали его, скользили между рук и жадно хватали размокший хлеб прямо из рук. Иногда крупные рыбы врывались в этот рой и гонялись за маленькими. Ихтиандр поднимался и отгонял хищников руками, а маленькие рыбки скрывались за его спиной.

Он начал собирать жемчужины и складывал их в подводном гроте. Он работал с удовольствием и скоро собрал целую груду отборных жемчужин.

Он становился, сам того не зная, богатейшим человеком Аргентины, — быть может, и всей Южной Америки. Если бы он захотел, он стал бы самым богатым человеком мира. Но он не думал о богатстве.

Так проходили спокойные дни. Ихтиандр только жалел о том, что Гуттиэрэ живет в пыльном, душном,

шумном городе. Если бы и она могла жить под водой, вдали от шума и людей! Как это было бы хорошо! Он показал бы ей новый, неведомый мир, прекрасные цветы подводных полей. Но Гуттиэрэ не может жить под водой. А он не может жить на земле. Он и так слишком много времени проводит на воздухе. И это не проходит даром: все чаще и сильнее начинают болеть его бока в то время, как он сидит с девушкой на берегу моря. Но даже если боль становится нестерпимой, он не оставляет девушку, прежде чем не уйдет она сама. И еще одно беспокоит Ихтиандра: о чем говорила Гуттиэрэ с белокурым великаном? Ихтиандр каждый раз собирается спросить Гуттиэрэ, но боится обидеть ее.

Как-то вечером девушка сказала Ихтиандру, что завтра она не придет.

— Почему? — спросил он, нахмурившись.

— Я занята.

— Чем?

— Нельзя быть таким любопытным, — ответила девушка, улыбаясь. — Не провожайте меня, — добавила она и ушла.

Ихтиандр погрузился в море. Всю ночь пролежал он на мшистых камнях. Невесело было ему. На рассвете поплыл он к себе.

Недалеко от залива он увидел, как рыбаки стреляли с лодок дельфинов. Большой дельфин, раненный пулей, высоко подпрыгнул над водой и тяжело опустился.

— Лидинг! — с ужасом прошептал Ихтиандр.

Один из рыбаков уже спрыгнул с лодки в море и выжидал, когда раненое животное вслывает на поверхность. Но дельфин вынырнул почти в ста метрах от ловца и, тяжело отдохнувши, опустился вновь под воду.

Рыбак быстро плыл к дельфину. Ихтиандр поспешил на помощь другу. Вот дельфин еще раз вынырнул, и в это самое время рыбак ухватил дельфина за плавник и потащил обессиленное животное к лодке.

Ихтиандр, плывя под водой, нагнал рыбака, укусил его своими зубами за ногу. Рыбак, думая, что его ухватила акула, начал отчаянно дергать ногами. Защищаясь, рыбак наудачу полоснул врага ножом, который он держал в другой руке. Удар ножа пришелся Ихтиандру по

шее, не прикрытой чешуей. Ихтиандр выпустил ногу рыбака, и тот быстро поплыл к лодке. Раненые дельфин и Ихтиандр направились к заливу. Юноша приказал дельфину следовать за собой и нырнул в подводную пещеру. Вода доходила здесь только до половины пещеры. Через расщелины сюда проникал воздух. Здесь дельфин мог отдохнуть в безопасности. Ихтиандр осмотрел его рану. Это была не опасная рана. Пуля попала под кожу и застряла в жире. Ихтиандру удалось вытащить пулю пальцами. Дельфин терпеливо перенес это.

— Заживет, — сказал Ихтиандр, ласково похлопав своего друга по спине.

Теперь надо было подумать и о себе. Ихтиандр быстро проплыл подводным тоннелем, поднялся в сад и вошел в белый домик.

Кристо испугался, увидев своего питомца раненым.

— Что с тобой?

— Меня ранили рыбаки, когда я защищал дельфина, — сказал Ихтиандр.

Но Кристо не поверил ему.

— Опять в городе был без меня? — подозрительно спросил он, перевязывая рану.

Ихтиандр молчал.

— Приподними свою чешую, — сказал Кристо и приоткрыл плечо Ихтиандра.

На плече индеец заметил красноватое пятно. Вид этого пятна испугал Кристо.

— Ударили веслом? — спросил он, ощупывая плечо. Но опухоли не было. Очевидно, это было родимое пятно.

— Нет, — ответил Ихтиандр.

Юноша отправился отдохнуть в свою комнату, а старый индеец поднес голову руками и задумался. Он долго сидел, потом поднялся и вышел из комнаты.

Кристо быстро направился к городу, задыхаясь, вошел в лавку Бальтазара и, подозрительно посмотрев на Гуттиэре, сидевшую у прилавка, спросил:

— Отец дома?

— Там, — ответила девушка, кивнув головой на дверь в другую комнату.

Кристо зашел в лабораторию и закрыл за собой дверь.

Он нашел брата за своими колбами, перемывающим жемчуг. Бальтазар был раздражен, как и в первый раз.

— С ума сойдешь с вами! — начал ворчать Бальтазар. — Зурита злится, почему ты до сих пор не приведешь морского дьявола, Гуттиэрэ уходит куда-то на целый день. О Зурите она и слышать не хочет. Твердит только: «Нет! Нет!» А Зурита говорит: «Надоело ждать! Возьму да увезу се силой. Поплачет — и обойдется». От него всего можно ожидать.

Кристо выслушал жалобы брата и потом сказал:

— Слушай, я не мог привести морского дьявола потому, что он, как и Гуттиэрэ, часто уходит из дома на целый день без меня. А со мною идти в город не хочет. Совсем перестал меня слушать. Будет меня ругать доктор за то, что плохо смотрел за Ихтиандром...

— Значит, надо скорее захватить или выкрасть Ихтиандра, ты уйдешь от Сальватора, прежде чем он вернется, и...

— Подожди, Бальтазар. Не перебивай меня, брат. С Ихтиандром нам не надо спешить.

— Почему не надо спешить?

Кристо вздохнул, как бы не решаясь высказать свой план.

— Видишь ли... — начал он.

Но в этот самый момент в лавку кто-то вошел, и они услышали громкий голос Зуриты.

— Ну вот, — пробормотал Бальтазар, бросая жемчуг в ванну, — опять он!

Зурита же с треском раскрыл дверь и вошел в лабораторию.

— Оба братца здесь. Вы долго будете морочить меня? — спросил он, переводя взгляд с Бальтазара на Кристо.

Кристо поднялся и, любезно улыбаясь, сказал:

— Делаю все, что могу. Терпение. Морской дьявол — не простая рыбешка. Его из омута не вытащить сразу. Один раз удалось привести его сюда — вас не было; посмотрел дьявол город, не понравилось ему, и теперь он не хочет идти сюда.

— Не хочет — не надо. Мне надоело ждать. На этой неделе я решил сразу два дела сделать. Сальватор еще не приехал?

— На днях ожидают.

— Значит, надо спешить. Ждите гостей. Я подобрал надежных людей. Ты нам откроешь двери, Кристо, а с остальным я сам справлюсь. Я скажу Бальтазару, когда все будет готово.— И, обернувшись к Бальтазару, он сказал:— А с тобой я еще завтра поговорю. Но только помни, что это будет наш последний разговор.

Братья молча поклонились. Когда Зурита повернулся к ним спиной, любезные улыбки сошли с лиц индейцев. Бальтазар тихо выбранился. Кристо, казалось, что-то обдумывал.

В лавке Зурита о чем-то тихо говорил с Гуттиэре.

— Нет! — услышали братья ответ Гуттиэре.

Бальтазар сокрушенно покачал головой.

— Кристо! — позвал Зурита.— Иди за мной, ты мне сегодня будешь нужен.

Неприятная встреча

Ихтиандр чувствовал себя очень плохо. Рана на шее болела. У него был жар. Ему было трудно дышать на воздухе.

Но утром, несмотря на недомогание, он отправился на берег к скале, чтобы встретить Гуттиэре. Она пришла в полдень.

Стояла невыносимая жара. От раскаленного воздуха, от мелкой белой пыли Ихтиандр стал задыхаться. Он хотел остаться на берегу моря, но Гуттиэре торопилась, она должна была вернуться в город.

— Отец уходит по делам, и я должна оставаться в лавке.

— Тогда я провожу вас, — сказал юноша, и они пошли по наклонной пыльной дороге, ведущей к городу.

Навстречу им, низко опустив голову, шел Ольсен. Он чем-то был озабочен и прошел мимо, не заметив Гуттиэре. Но девушка окликнула его.

— Мне нужно сказать ему только два слова, — сказала Гуттиэре, обращаясь к Ихтиандру, и, повернув назад, подошла к Ольсену.

Они тихо и быстро о чем-то говорили. Казалось, девушка упрашивает его.

Ихтиандр шел в нескольких шагах позади них.

— Хорошо, сегодня после полуночи,— услышал он голос Ольсена. Великан пожал руку девушке, кивнул головой и быстро продолжал путь.

Когда Гуттиэрэ подошла к Ихтиандру, у него горели щеки и уши. Ему хотелось поговорить наконец с Гуттиэрэ об Ольсене, но он не находил слов.

— Я не могу,— начал он, задыхаясь,— я должен узнать... Ольсен... вы скрываете от меня какую-то тайну. Вы должны с ним встретиться ночью. Вы любите его?

Гуттиэрэ взяла Ихтиандра за руку, ласково взглянула на него и, улыбаясь, спросила:

— Вы верите мне?

— Я верю... Вы знаете, я люблю вас,— теперь Ихтиандр знал это слово,— но я... но мне так тяжело.

Это была правда. Ихтиандр страдал от неизвестности, но в эту минуту он еще чувствовал в боках острую, режущую боль. Он задыхался. Румянец сошел с его щек, и теперь лицо его было бледно.

— Вы совсем больны,— беспокойно сказала девушка.— Успокойтесь, прошу вас. Милый мой мальчик. Я не хотела говорить вам всего, но, чтобы успокоить вас, я скажу. Слушайте.

Какой-то всадник промчался мимо них, но, взглянув на Гуттиэрэ, круто повернул лошадь и подъехал к молодым людям. Ихтиандр увидел смуглого, уже немолодого человека, с пушистыми, приподнятыми вверх усами и небольшой эспаньолкой.

Где-то когда-то Ихтиандр видел этого человека. В городе? Нет... Да, там, на берегу.

Всадник похлопал хлыстом по сапогу, подозрительно и враждебно оглядел Ихтиандра и подал руку Гуттиэрэ.

Поймав руку, он неожиданно, приподняв девушку к седлу, поцеловал ее руку и рассмеялся.

— Попалась! — Отпустив руку нахмутившейся Гуттиэрэ, он продолжал насмешливо и в то же время раздраженно: — Где же это видано, чтобы невесты накануне свадьбы разгуливали с молодыми людьми?

Гуттиэрэ рассердилась, но он не дал ей говорить:

— Отец давно ждет вас. Я буду в лавке через час.

Ихтиандр уже не слышал последних слов. Он вдруг почувствовал, что в глазах у него потемнело, какой-то ком подкатил к горлу, дыхание остановилось. Он не мог больше оставаться на воздухе.

— Так вы... все-таки обманули меня... — проговорил он посиневшими губами.

Ему хотелось говорить — высказать всю обиду или узнать все, но боль в боках становилась невыносимой, он почти терял сознание.

Наконец Ихтиандр сорвался с места, побежал к берегу и бросился в море с крутой скалы.

Гуттиэрэ вскрикнула и поплыла. Потом она бросилась к Педро Зурите:

— Скорее... Спасите его!

Но Зурита не шевельнулся.

— Я не имею обыкновения мешать другим топтаться, если они этого хотят, — сказал он.

Гуттиэрэ побежала к берегу, чтобы броситься в воду. Зурита пришпорил лошадь, нагнал девушку, скватали за плечи, усадил на коня и поскакал по дороге.

— Я не имею обыкновения мешать другим, если другие не мешают мне. Вот так-то лучше! Да придите же в себя, Гуттиэрэ!

Но Гуттиэрэ не отвечала. Она была в обмороке. Только у лавки отца она пришла в себя.

— Кто был этот молодой человек? — спросил Педро.

Гуттиэрэ, посмотрев на Зуриту с нескрываемым гневом, сказала:

— Отпустите меня.

Зурита нахмурился. «Глупости, — подумал он. — Герой ее романа бросился в море. Тем лучше». И, обратившись к лавке, Зурита крикнул:

— Отец! Балтазар! Эй-эй!..

Балтазар выбежал.

— Получай свою дочку. И благодаря меня. Я спас ее; она едва не бросилась в море за молодым челове-

ком приятной наружности. Вот уже второй раз я спасаю жизнь твоей дочери, а она все еще дичится меня. Ну, да скоро всему этому упрямству будет конец.— Он громко рассмеялся.— Я приеду через час. Помни наш уговор!

Бальтазар, униженно кланяясь, принял от Педро дочь.

Всадник пришпорил коня и уехал.

Отец и дочь вошли в лавку. Гуттиэрэ без сил опустилась на стул и закрыла лицо руками.

Бальтазар прикрыл дверь и, расхаживая по лавке, начал о чем-то взволнованно и горячо говорить. Но его никто не слушал. С таким же успехом Бальтазар мог бы проповедовать засущенным крабам и морским ершам, лежавшим на полках.

«Он бросился в воду,— думала девушка, вспоминая лицо Ихтиандра.— Несчастный! Сначала Ольсен, потом эта испепяя встреча с Зуритой. Как смел он назвать меня невестой! Теперь все погибло...»

Гуттиэрэ плакала. Ей было жаль Ихтиандра. Простой, застенчивый — разве можно было его сравнить с пустыми, заносчивыми молодыми людьми Буэнос-Айреса?

«Что же делать дальше? — думала она.— Броситься в море, как Ихтиандр? Покончить с собой?»

Бальтазар говорил и говорил:

— Ты понимаешь, Гуттиэрэ? Ведь это полное разорение. Все, что ты видишь в нашей лавке, принадлежит Зурите. Моего собственного товара не наберется и десятой доли. Весь жемчуг мы получаем на комиссию от Зуриты. Но если ты еще раз откажешь ему, он отберет весь товар и больше со мной не будет иметь дела. Ведь это разорение! Полное разорение! Ну, будь умница, пожалей своего старого отца...

— Договаривай: «...и выходи замуж за него». Нет! — резко ответила Гуттиэрэ.

— Проклятие! — вскричал взбешенный Бальтазар.— Если так, то... то... не я, так сам Зурита справится с тобой! — И старый индеец ушел в лабораторию, громко хлопнув дверью.

Бой со спрутами

Ихтиандр, бросившись в море, забыл на время все свои земные неудачи. После жаркой и душной земли прохлада воды успокоила и освежила его. Колющие боли прекратились. Он дышал глубоко и ровно. Ему нужен был полный отдых, и он старался не думать о том, что произошло на земле.

Ихтиандр хотел работать, двигаться. Чем бы ему заняться? Он любил в темные ночи бросаться с высокой скалы в воду так, чтобы сразу достать до дна. Но сейчас был поддень, и на море мелькали черные днища рыбакских лодок.

«Вот что я сделаю. Надо будет привести в порядок грот», — подумал Ихтиандр.

В отвесной скале залива находился грот с большой аркой, открывавшей прекрасный вид на подводную равнину, отлого спускавшуюся в глубину моря. Ихтиандр давно облюбовал этот грот. Но прежде чем устроиться в нем, нужно было выселить давнишних обитателей грота — многочисленные семейства спрутов.

Ихтиандр надел очки, вооружился длинным, несколько искривленным острым ножом и смело подплыл к гроту. Войти в грот было страшновато, и Ихтиандр решил вызвать врагов наружу. У потонувшей лодки он давно приметил длинную острогу. Он взял ее в руку и, стоя у входа в грот, начал водить острогой. Осьминоги, недовольные вторжением неизвестного, зашевелились. По краям арки появились длинные, извивающиеся щупальца. Осторожно они приближались к остроге. Ихтиандр отдергивал острогу, прежде чем щупальца спрута успевали захватить ее. Эта игра продолжалась несколько минут. Вот уже десятки щупалец, как волосы Медузы Горгоны, зашевелились у края арки. Наконец старый, огромный спрут, выведенный из терпения, решил расправиться с дерзким пришельцем. Спрут вылез из щельи, угрожающе шевеля щупальцами. Медленно поплыл он к врагу, меняя окраску, чтобы устрашить Ихтиандра. Ихтиандр отплыл в сторону, бросил острогу и приготовился к бою. Ихтиандр знал, как трудно бороться человеку с его двумя

руками, когда у противника восемь длинных ног. Не успеешь отрезать одну ногу спрута, семь других захватят и скрутят человеку руки. И юноша стремился направить удар своего ножа, чтобы он пришелся в тело спрута. Подпустив чудовище так, чтобы концы его щупалец достигли его, Ихтиандр неожиданно бросился вперед, в самый клубок извивавшихся щупалец, к голове спрута.

Этот необычайный прием всегда заставал спрута врасплох. Проходило не меньше четырех секунд, пока животное успевало подобрать концы щупалец и обвить ими врага. Но за это время Ихтиандр успевал быстрым безошибочным ударом рассечь тело спрута, поразить сердце и перерезать двигательные нервы. И огромные щупальца, уже обвивавшиеся вокруг его тела, вдруг безжизненно распускались и дрябло опускались вниз.

— Один готов!

Ихтиандр снова взялся за острогу. На этот раз на встречу ему выплыли сразу два спрута. Один из них плыл прямо на Ихтиандра, а другой обходным движением пытался напасть сзади. Это становилось опасным. Ихтиандр храбро бросился на спрута, который был перед ним, но, прежде чем успел убить его, второй спрут, находившийся позади, обвил его за шею. Юноша быстро перерезал ногу спрута, проткнув ее ножом у самой своей шеи. Затем повернулся лицом к спруту и отсек его щупальца. Изувеченный спрут, медленно колыхаясь, опустился на дно. А Ихтиандр уже расправлялся со спрутом, который был перед ним.

— Три, — продолжал считать Ихтиандр.

Однако на время пришлось прекратить битву. Из грота выплывал целый отряд спрутов, но пролитая кровь замутила воду. В этой бурой мгле перевес мог быть на стороне спрутов, которые ощупью могли обнаружить врага, Ихтиандр же не видел их. Он отплыл подальше от места сражения, где вода была чистая, и здесь уложил еще одного спрута, выплывшего из кровавого облака.

Битва с перерывами продолжалась несколько часов.

Когда наконец последний спрут был убит и вода

очистилась, Ихтиандр увидел, что на дне лежат мертвые тела спрутов и шевелящиеся обрубленные щупальца. Ихтиандр вошел в грот. Здесь еще оставалось несколько маленьких спрутов — в кулак величиной и с щупальцами не толще пальца. Ихтиандр хотел убить их, но ему стало их жалко. «Надо попытаться приручить их. Неплохо иметь таких сторожей».

Очистив грот от больших спрутов, Ихтиандр решил обставить свое подводное жилище мебелью. Он притащил из дома стол на железных ножках с мраморной доской и две китайские вазы. Стол поставил среди грота, на столе поставил вазы, а в вазы насыпал земли и посадил морские цветы. Земля, размываясь водой, некоторое время курилась над вазами, как дым, но потом вода очистилась. Только цветы, колеблемые легким волнением, тихо раскачивались, как от дуновения ветра.

У стены пещеры был выступ, как бы естественная каменная скамья. Новый хозяин пещеры с удовольствием разлегся на этой скамье. Хотя она была каменная, но тело в воде почти не ощущало ее.

Это была странная подводная комната с китайскими вазами на столе. Много любопытных рыб явилось посмотреть на несвиданное новоселье. Они сновали между ножками стола, подплывали к цветам в вазах, как бынюхая их, шныряли под головой Ихтиандра. Мраморный бычок заглянул в грот, испуганно махнул хвостом и уплыл. По белому песку выполз большой краб, поднял и опустил клешню, как бы приветствуя хозяина, и устроился под столом.

Ихтиандра забавляла эта затея. «Чем бы мне еще украсить свое жилище? — подумал он. — Я насыжу у входа самые красивые подводные растения, усыплю пол жемчужинами, а у стен, по краям, положу раковины. Что, если бы подводную комнату видела Гутти-эрэ... Но она обманывает меня. А быть может, и не обманывает. Она ведь не успела рассказать мне об Ольсene». Ихтиандр нахмурился. Лишь только он кончил работать, он снова почувствовал себя одиноким, непохожим на остальных людей. «Почему никто не может

жить под водой? Я один. Скорее бы приехал отец! Я спрошу его...»

Ему хотелось показать свое новое подводное жилище хоть одному живому существу. «Лидинг», — вспомнил Ихтиандр о дельфине. Ихтиандр взял витую раковину, всплыл на поверхность и затрубил. Скоро послышалось знакомое фырканье, — дельфин всегда держался вблизи залива.

Когда дельфин приплыл, Ихтиандр ласково обнял его и сказал:

— Идем ко мне, Лидинг, я покажу тебе новую комнату. Ты никогда не видел стола и китайских ваз.

И, нырнув в воду, Ихтиандр приказал дельфину следовать за собой.

Однако дельфин оказался очень беспокойным гостем. Большой и неповоротливый, он поднял такое волнение в гроте, что вазы зашатались на столе. Вдобавок он умудрился наткнуться мордой на ножку стола и опрокинуть его. Вазы упали, и будь это на земле, они разбились бы. Но здесь все обошлось благополучно, если не считать испуга краба, который с необычайной быстротой как-то побежал к скале.

«Какой ты неловкий!» — подумал Ихтиандр о своем друге, отставляя стол в глубину грота и поднимая вазы.

И, обняв дельфина, Ихтиандр продолжал говорить с ним:

— Оставайся здесь со мной, Лидинг.

Но дельфин скоро начал трясти головой и выражать беспокойство. Он не мог долго оставаться под водой. Ему необходим был воздух. И, взмахнув плавниками, дельфин выплыл из грота и поднялся на поверхность.

«Даже Лидинг не может жить со мной под водой, — с грустью подумал Ихтиандр, оставшись один. — Только рыбы. Но ведь они глупые и пугливые...»

И он опустился на свое каменное ложе. Солнце зашло. В гроте было темно. Легкое движение воды указывало Ихтиандра.

Утомленный волнением дня и работой, Ихтиандр начал дремать.

Новый друг

Ольсен сидел на большом баркасе и смотрел через борт в воду. Солнце только что поднялось из-за горизонта и косыми лучами освещало до самого дна прозрачную воду небольшой бухты. Несколько индейцев ползали по белому песчаному дну. Время от времени они всплывали на поверхность, чтобы отдохнуть, и вновь погружались в воду. Ольсен зорко наблюдал за ловцами. Несмотря на ранний час, было уже жарко. «Почему бы и мне не освежиться — не нырнуть раз-другой?» — подумал он, быстро разделся и бросился в воду. Ольсен никогда раньше не пырал, но это ему понравилось, и он убедился, что может пробыть под водой дольше привычных индейцев. Ольсен присоединился к искателям и быстро увлекся этим новым для него занятием.

Опустившись в третий раз, он заметил, что два индейца, стоявшие на коленях на дне, вскочили и всплыли на поверхность с такой быстротой, как будто их преследовала акула или пила-рыба. Ольсен оглянулся назад. К нему быстро подплыло странное существо, получеловек-полулягушка, с серебристой чешуей, огромными выпученными глазами и лягушечными лапами. Оно по-лягушечьи отбрасывало лапы и сильными толчками подвигалось вперед.

Прежде чем Ольсен успел подняться с колен, чудовище было уже около него и ухватило его руку своей лягушечьей лапой. Испуганный Ольсен все же заметил, что у этого существо было красивое человеческое лицо, которое портили только выпученные, сверкающие глаза. Это странное существо, забыв о том, что оно находится под водою, начало о чем-то говорить. Ольсен не мог расслышать слов. Он видел только шевелящиеся губы. Неведомое существо крепко держало двумя лапами руку Ольсена. Ольсен сильным движением ног оттолкнулся от дна и быстро поднялся на поверхность, работая свободной рукой. Чудовище потянулось следом, не отпуская его. Всплыв на поверхность, Ольсен ухватился за борт баркаса, перекинул ногу, взобрался на баркас и отбросил от себя этого получеловека с ля-

гушечными руками так, что тот с шумом упал в воду. Сидевшие на баркасе индейцы прыгнули в воду и торопясь поплыли к берегу.

Но Ихтиандр снова приблизился к баркасу и обратился к Ольсену на испанском языке:

— Послушайте, Ольсен, мне нужно поговорить с вами о Гуттиэре.

Это обращение изумило Ольсена не меньше, чем встреча под водой. Ольсен был человек храбрый, с крепкой головой. Если неведомое существо знает его имя и Гуттиэре, то, значит, это человек, а не чудовище.

— Я вас слушаю, — ответил Ольсен.

Ихтиандр взобрался на баркас, уселся на носу, поджав под себя ноги и скрестив на груди лапы.

«Очки!» — подумал Ольсен, внимательно рассматривая сверкающие, выпуклые глаза неизвестного.

— Мое имя Ихтиандр. Однажды я достал вам ожерелье со дна моря.

— Но тогда у вас были человеческие глаза и руки.

Ихтиандр улыбнулся и потряс своими лягушечными лапами.

— Снимаются, — коротко ответил он.

— Я так и думал.

Индейцы с любопытством наблюдали из-за береговых скал за этим странным разговором, хотя и не могли услышать слов.

— Вы любите Гуттиэре? — спросил Ихтиандр после небольшого молчания.

— Да, я люблю Гуттиэре, — просто ответил Ольсен.

Ихтиандр тяжело вздохнул.

— И она вас любит?

— И она меня любит.

— Но ведь она любит меня.

— Это ее дело. — Ольсен пожал плечами.

— Как ее дело? Ведь она ваша невеста.

Ольсен сделал удивленное лицо и с прежним спокойствием ответил:

— Нет, она не моя невеста.

— Вы лжете! — вспыхнул Ихтиандр. — Я сам слышал, как смуглый человек на лошади говорил о том, что она невеста.

— Моя?

Ихтиандр смущился. Нет, смуглый человек не говорил, что Гуттиэр невеста Ольсена. Но не может же молодая девушка быть невестой этого смуглого, такого старого и неприятного? Разве так бывает? Смуглый, вероятно, ее родственник... Ихтиандр решил повести свои расспросы другим путем.

— А что вы здесь делали? Искали жемчуг?

— Признаюсь, мне не нравятся ваши расспросы, — хмуро ответил Ольсен. — И, если бы я не знал о вас кое-что от Гуттиэре, я сбросил бы вас с баркаса, и этим окончился бы разговор. Не хватайтесь за ваш нож. Я могу разбить вам голову веслом, прежде чем вы подниметесь. Но я не нахожу нужным скрывать от вас, что я действительно искал здесь жемчуг.

— Большую жемчужину, которую я бросил в море? Гуттиэр говорила вам об этом?

Ольсен кивнул головой.

Ихтиандр торжествовал.

— Ну, вот видите. Я же говорил ей, что вы не откажетесь от этой жемчужины. Я предлагал ей взять жемчужину и передать вам. Она не согласилась, а теперь вы сами ищете ее.

— Да, потому что теперь она принадлежит не вам, а океану. И если я найду ее, то никому не буду обязан.

— Вы так любите жемчуг?

— Я не женщина, чтобы любить безделушки, — возразил Ольсен.

— Но жемчуг можно... как это? Да! Продать, — вспомнил Ихтиандр малопонятное ему слово, — и получить много денег.

Ольсен вновь утвердительно кивнул головой.

— Значит, вы любите деньги?

— Что вам, собственно, от меня нужно? — уже с раздражением спросил Ольсен.

— Мне нужно знать, почему Гуттиэр дарит вам жемчуг. Ведь вы хотели жениться на ней?

— Нет, я не собирался жениться на Гуттиэр, — сказал Ольсен. — Да если бы и собирался, теперь уже об этом поздно думать. Гуттиэр стала женой другого.

Ихтиандр побледнел и ухватился за руку Ольсена.

— Неужели того, смуглого? — испуганно спросил он.

— Да, она вышла замуж за Педро Зуриту.

— Но ведь она... Мне кажется, что она любила меня, — тихо сказал Ихтиандр.

Ольсен посмотрел на него с сочувствием и, не спеша закурив коротенькую трубочку, сказал:

— Да, мне кажется, она любила вас. Но ведь вы на ее глазах бросились в море и утонули — так, по крайней мере, думала она.

Ихтиандр с удивлением посмотрел на Ольсена. Юноша никогда не говорил Гуттиэре о том, что он может жить под водой. Ему в голову не приходило, что его прыжок со скалы в море девушка могла объяснить как самоубийство.

— Прошлою ночью я видел Гуттиэре, — продолжал Ольсен. — Ваша гибель очень огорчила ее. «Я виновата в смерти Ихтиандра», — вот что сказала она.

— Но почему же она так скоро вышла замуж за другого? Ведь она... ведь я спас ей жизнь. Да, да! Мне давно казалось, что Гуттиэре похожа на девушку, которая тонула в океане. Я вынес ее на берег и скрылся в камнях. А потом пришел этот смуглый — его я сразу узнал — и уверил ее, что это он спас ее.

— Гуттиэре рассказывала мне об этом, — сказал Ольсен. — Она так и не узнала, кто же спас ее — Зурита или странное существо, которое мелькнуло перед ней когда она приходила в себя. Почему вы сами не сказали, что это вы спасли ее?

— Самому об этом неудобно говорить. Притом я не был вполне уверен в том, что спас именно Гуттиэре, пока не увидел Зуриту. Но как она могла согласиться? — спрашивал Ихтиандр.

— Как это произошло, — медленно проговорил Ольсен, — я и сам не понимаю.

— Расскажите, что вы знаете, — попросил Ихтиандр.

— Я работаю на пуговичной фабрике приемщиком раковин. Там я и познакомился с Гуттиэре. Она приносила раковины — отец посыпал ее, когда сам был занят. Познакомились, подружились. Иногда встречались

в порту, гуляли на берегу моря. Она рассказывала мне о своем горе: за нее сватался богатый испанец.

— Этот самый? Зурита?

— Да, Зурита. Отец Гуттиэрэ, индеец Бальтазар, очень хотел этого брака и всячески уговаривал дочь не отказывать такому завидному жениху.

— Чем же завидный? Старый, отвратительный, дурно пахнущий,— не мог удержаться Ихтиандр.

— Для Бальтазара Зурита — прекрасный зять. Тем более что Бальтазар был должен Зурите крупную сумму денег. Зурита мог разорить Бальтазара, если Гуттиэрэ отказалась бы выйти за него замуж. Представьте себе, как жилось девушке. С одной стороны — назойливое ухаживание жениха, а с другой — вечные упреки, выговоры, угрозы отца...

— Почему же Гуттиэрэ не выгнала Зуриту? Почему вы, такой большой и сильный, не побили этого Зуриту?

Ольсен улыбнулся и удивился: Ихтиандр не глуп, а задает такие вопросы. Где он рос и воспитывался?

— Это сделать не так просто, как вам кажется, — ответил Ольсен. — На защиту Зуриты и Бальтазара стали бы закон, полиция, суд. — Ихтиандр все-таки не понимал. — Одним словом, этого нельзя было сделать.

— Ну, тогда почему она не убежала?

— Убежать было легче. И она решилась убежать от отца, а я обещал помочь ей. Я сам давно собирался уехать из Буэнос-Айреса в Северную Америку, и я предложил Гуттиэрэ ехать со мной.

— Вы хотели жениться на ней? — спросил Ихтиандр.

— Однако какой вы, — снова улыбнувшись, сказала Ольсен. — Я же сказал вам, что мы были с ней друзьями. Что могло быть дальше — не знаю...

— Почему же вы не уехали?

— Потому что у нас не было денег на переезд.

— Неужели переезд на «Горроксе» стоит так дорого?

— На «Горроксе»! На «Горроксе» впору ездить миллионерам. Да что вы, Ихтиандр, с луны свалились?

Ихтиандр смущался, покраснел и решил больше не

задавать вопросов, которые покажут Ольсену, что он не знает самых простых вещей.

— У нас не хватило денег на переезд даже в товаро-пассажирском пароходе. А ведь по приезде тоже предстояли расходы. Работа на улице не валяется.

Ихтиандр снова хотел спросить Ольсена, но удержался.

— И тогда Гуттиэрэ решила продать свое жемчужное ожерелье.

— Если бы я знал! — воскликнул Ихтиандр, вспомнив о своих подводных сокровищах.

— О чем?

— Нет, так... Продолжайте, Ольсен.

— Все уже было подготовлено к побегу.

— А я... Как же так? Простите... Значит, она намеревалась оставить и меня?

— Все это началось, когда вы еще не были знакомы. А потом, поскольку мне известно, она хотела предупредить вас. Быть может, и предложить вам ехать вместе с нею. Наконец, она могла написать вам с пути, если бы ей не удалось поговорить с вами о бегстве.

— Но почему с вами, а не со мной? С вами советовалась, с вами собиралась уехать!

— Я с нею знаком более года, а вас...

— Говорите, говорите, не обращайте внимания на мои слова.

— Ну, так вот. Все было готово, — продолжал Ольсен. — Но тут вы бросились в воду на глазах Гуттиэрэ, а Зурита случайно встретил Гуттиэрэ вместе с вами. Рано утром, перед тем как идти на завод, я зашел к Гуттиэрэ. Я нередко делал это и раньше. Бальтазар как будто относился ко мне благосклонно. Быть может, он побаивался моих кулаков, а может быть, смотрел на меня как на второго жениха, если бы Зурите надоело упрямство Гуттиэрэ. По крайней мере, Бальтазар не мешал нам и только просил не попадаться вместе на глаза Зурите. Конечно, старый индеец не подозревал о наших планах. В это утро я хотел сообщить Гуттиэрэ, что купил билеты на пароход и что она должна быть готова к десяти часам вечера. Меня встретил Бальтазар, он был взволнован. «Гуттиэрэ нет дома.

И се... вообще нет дома, — сказал мне Бальтазар. — Пол часа тому назад к дому подъехал Зурита в новеньком блестящем автомобиле. Каково! — воскликнул Бальтазар. — Автомобиль — редкость на нашей улице, особенно если автомобиль подкатывает прямо к твоему дому. Я и Гуттиэре выбежали на улицу. Зурита уже стоял на земле возле открытой дверцы автомобиля и предложил Гуттиэре довезти ее до рынка и обратно. Он знал, что Гуттиэре в это время ходит на рынок. Гуттиэре посмотрела на блестящую машину. Сами понимаете, какой это соблазн для молодой девушки. Но Гуттиэре хитра и недоверчива. Она вежливо отказалась. Видели вы таких упрямых девушек! — с гневом воскликнул Бальтазар, но тут же расхохотался. Но Зурита не растерялся. «Я вижу, вы стесняетесь, — сказал он, — так позвольте, я помогу вам». Схватил ее, усадил в автомобиль, Гуттиэре успела только крикнуть: «Отец!» — и след простыл. Я думаю, они больше не вернутся. Увез ее к себе Зурита, — закончил свой рассказ Бальтазар, и было видно, что он очень доволен происшедшим.

«У вас на глазах похитили дочь, и вы так спокойно, даже радостно рассказываете об этом! — возмущенно сказал я Бальтазару.

«О чём мне беспокоиться? — удивился Бальтазар. — Будь это другой человек, тогда другое дело, а Зуриту я давно знаю. Уж если он, скряга, на автомобиль денег не пожалел, то, значит, Гуттиэре ему сильно нравится. Увез — так женится. А ей урок: не будь упрямой. Богатые люди на дороге не валяются. Плакать ей не о чём. У Зуриты есть гасиенда «Долорес», недалеко от города Параны. Там живет его мать. Туда, наверно, и повез он мою Гуттиэре».

— И вы не побили Бальтазара? — спросил Ихтиандр.

— Вас послушать, так я только и должен делать, что драться, — ответил Ольсен. — Признаться, сразу я хотел поколотить Бальтазара. Но потом решил, что только испорчу дело. Я полагал, что не все еще потеряно... Не буду передавать вам подробностей. Как я уже сказал, мне удалось повидаться с Гуттиэре.

— В гасиенде «Долорес»?

— Да.

— И вы не убили этого негодяя Зуриту и не освободили Гуттиэре?

— Опять бить, да еще убивать! Кто бы мог подумать, что вы такой кровожадный?

— Я ис кровожадный! — со слезами на глазах воскликнул Ихтиандр. — Но ведь это же возмутительно! Ольсену стало жалко Ихтиандра.

— Вы правы, Ихтиандр, — сказал Ольсен. — Зурита и Бальтазар — недостойные люди, они заслуживают гнева и презрения. Их стоило бы побить. Но жизнь сложнее, чем вы, по-видимому, представляете. Гуттиэре сама отказалась бежать от Зуриты.

— Сама? — не поверил Ихтиандр.

— Да, сама.

— Почему?

— Во-первых, она убеждена, что вы покончили с собой — утопились из-за нее. Ваша смерть угнетает ее. Она, бедняжка, видимо, очень любила вас. «Теперь моя жизнь кончена, Ольсен, — сказала она мне. — Теперь мне ничего не нужно. Я ко всему безразлична. Я ничего не понимала, когда приглашенный Зуритой священник обвенчал нас. «Ничто не делается без воли божьей, — так сказал священник, надевая мне на палец обручальное кольцо. — А то, что соединил бог, человек не должен разлучать». Я буду несчастна с Зуритой, но я боюсь навлечь на себя гнев божий и потому не покину его».

— Но ведь это же все глупости! Какой бог? Отец говорит, что бог — сказка для маленьких детей! — горячо воскликнул Ихтиандр. — Неужели вы не могли убедить ее?

— К сожалению, Гуттиэре верит этой сказке. Миссионеры успели сделать из нее яростную католичку; я давно пытался, но не мог разуверить ее. Она даже грозила порвать нашу дружбу, если я буду говорить с нею о церкви и боже. Приходилось ждать. А в гасиенде у меня не было и времени долго убеждать ее. Мне удалось перемолвиться с нею лишь несколькими словами. Да, вот что она еще сказала. Обвенчавшись с Гутти-

эре, Зурита со смехом воскликнул: «Ну, одно дело сделано! Птичку поймали и посадили в клетку, теперь остается рыбку поймать!» Он объяснил Гуттиэре, а она мне, о какой рыбке идет речь. Зурита едет в Буэнос-Айрес, чтобы поймать морского дьявола, и тогда Гуттиэре будет миллионершой. Не вы ли это? Вы можете находиться под водой без всякого вреда для себя, пугаете ловцов жемчуга...

Осторожность удерживала Ихтиандра открыть Ольсену свою тайну. Объяснить ее он все равно не смог бы. И, не отвечая на вопрос, он сам спросил:

— А зачем Зурите морской дьявол?

— Педро хочет заставить дьявола ловить жемчужины. И если вы морской дьявол, берегитесь!..

— Благодарю за предупреждение,— сказал юноша.

Ихтиандр не подозревал, что его проделки известны всем на берегу, что о нем много писали в газетах и журналах.

— Я не могу,— вдруг заговорил Ихтиандр,— я должен видеть ее. Повидаться с нею хотя бы в последний раз. Город Парана? Да, знаю. Путь туда лежит вверх по реке Паране. Но как дойти от города Параны до гасиенды «Долорес»?

Ольсен объяснил.

Ихтиандр крепко пожал руку Ольсену.

— Простите меня. Я считал вас врагом, но неожиданно нашел друга. Прощайте. Я отправляюсь разыскивать Гуттиэре.

— Сейчас? — спросил, улыбаясь, Ольсен.

— Да, не теряя ни одной минуты,— ответил Ихтиандр, прыгая в воду, и поплыл к берегу.

Ольсен только покачал головой.

Часть вторая

В пути

Ихтиандр быстро собрался в путь. Он достал спрятанные на берегу костюм и башмаки, привязал их к спине ремнем, на котором висел нож. Надел очки и перчатки и отправился.

В заливе Рио-де-Ла-Плата стояло много океанских пароходов и кораблей, шхун и баркасов. Между ними сновали небольшие паровые каботажные катера. Из-под воды их днища напоминали водяных жуков, двигавшихся по поверхности во все стороны. Якорные цепи и тросы поднимались со дна, как тонкие стволы подводного леса. Дно залива было покрыто всяческими отбросами, железным ломом, кучами просыпанного каменного угля и выброшенного шлака, обрывками старых шлангов, кусками парусов, бидонами, кирпичами, битыми бутылками, банками из-под консервов, а поближе к берегу трупами собак и кошек.

Тонкий слой нефти покрывал поверхность. Солнце сице не зашло, но здесь стояли зеленовато-серые сумерки. Река Парана несла песок и ил, мутившие воду залива.

Ихтиандр мог бы заблудиться среди этого лабиринта судов, но компасом ему служило легкое течение впадавшей в залив реки. «Удивительно, как неопрятны люди», — думал он, брезгливо рассматривая дно, напоминавшее свалку мусора. Он плыл посередине залива, ниже кильевой части кораблей. В загрязненных водах залива ему трудно было дышать, как человеку в душной комнате.

В нескольких местах на дне ему встретились трупы людей и скелеты животных. У одного трупа был расколот череп, а на шее виднелась веревка с привязанным камнем. Здесь было погребено чье-то преступление. Ихтиандр спешил скорее выплыть из этих мрачных мест.

Но чем выше он поднимался по заливу, тем сильнее чувствовалось встречное течение. Плыть было трудно. В океане бывают течения, но там они помогали ему: юноша хорошо знал их. Он пользовался ими, как моряк попутным ветром. Здесь было только одно встречное течение. Ихтиандр был испытанным пловцом, но его раздражало, что он так медленно подвигается вперед.

Что-то вдруг пролетело совсем близко, едва не задев его. Это бросили якорь с какого-то судна. «Однако здесь плыть небезопасно», — подумал Ихтиандр и огляделся. Он увидел, что его нагоняет большой пароход.

Ихтиандр опустился еще ниже, и когда дно корабля проходило над ним, он ухватился за киль. Полипы облепили железо шероховатой массой, за которую можно было держаться. Лежать под водой в таком положении было не очень удобно, но зато теперь он находился под прикрытием и быстро плыл, увлекаемый пароходом.

Дельта кончилась, и пароход поплыл по реке Паране. Воды реки несли в себе огромное количество ила. В этой пресной воде Ихтиандр дышал тяжело. Его руки онемели, но он не хотел расстаться с пароходом. «Как жаль, что я не мог отправиться в это путешествие с Лидингом!» — вспомнил он о дельфине. Но дельфина могли убить в реке. Лидинг не мог плыть под водой весь путь, а Ихтиандр опасался подняться на поверхность реки, где было слишком большое движение.

Руки Ихтиандра уставали все больше. Вдобавок он сильно проголодался, так как весь день ничего не ел. Пришлось сделать остановку. Расставшись с килем парохода, он опустился на дно.

Сумерки стущались. Ихтиандр осмотрел илистое дно. Но он не нашел ни распластанных камбал, ни устричных раковин. Возле него шныряли пресноводные рыбы, но он не знал их повадок, и они казались ему более хитрыми, чем морские. Поймать их было

трудно. Только когда наступила ночь и рыбы уснули, Ихтиандру удалось поймать большую щуку. Мясо ее было жестким и отдавало тиной, но проголодавшийся юноша с аппетитом ел ее, глотая целые куски с костями.

Надо было отдохнуть. В этой реке по крайней мере можно было спокойно выспаться, не опасаясь ни акул, ни спрутов. Но нужно было позаботиться о том, чтобы во время сна течение не унесло его вниз. Ихтиандр нашел на дне несколько камней, сдвинул их грядой и улегся, обхватив один камень рукой.

Спал он, однако, недолго. Вскоре он почувствовал, что приближается какой-то пароход. Ихтиандр открыл глаза и увидел сигнальные фонари. Пароход шел снизу. Юноша быстро поднялся и приготовился ухватиться за пароход. Но это была моторная лодка с совершенно гладким дном. Ихтиандр, делая напрасные попытки зацепиться за дно, едва не попал под винт.

Несколько пароходов прошли вниз по течению, пока наконец Ихтиандр сумел прицепиться к пассажирскому пароходу, идущему вверх по реке.

Так добрался Ихтиандр до города Параны. Первая часть его путешествия кончилась. Но оставалась еще самая трудная — наземная.

Ранним утром Ихтиандр отплыл из шумной гавани города в безлюдную местность, осторожно оглядевшись и вылез на берег. Он снял очки и перчатки, закопал их в прибрежном песке, высушил на солнце свой костюм и оделся. В измятом костюме он выглядел бродягой. Но об этом он мало думал.

Ихтиандр отправился вдоль правого берега, как ему указал Ольсен, расспрашивая встречных рыбаков, не знают ли они, где находится гасиенда «Долорес» Педро Зуриты.

Рыбаки подозрительно осматривали его и отрицательно покачивали головами.

Проходил час за часом, жара все усиливалась, а поиски ни к чему не приводили. На земле Ихтиандр совсем не умел находить дорогу в незнакомых местах. Зной утомлял его, у него кружилась голова, и он плохо соображал.

Чтобы освежиться, Ихтиандр несколько раз раздевался и погружался в воду.

Наконец около четырех часов дня ему посчастливи-
лось встретить старого крестьянина, по виду батрака.
Выслушав Ихтиандра, старик кивнул головой и сказал:

— Иди вот так, все по этой дороге, полями. Дой-
дешь до большого пруда, перейдешь мост, поднимешь-
ся на небольшой пригорок, там тебе и будет усатая
донна Долорес.

— Почему усатая? «Долорес» — ведь это гасиенда?

— Да, гасиенда. Но старую хозяйку гасиенды зовут
тоже Долорес. Долорес — мать Педро Зуриты. Полная
усатая старуха. Не вздумай наняться к ней на работу.
Живьем съест. Настоящая ведьма. Говорят, Зурита мо-
лодую жену привез. Не будет ей житья от свекрови, —
рассказывал словоохотливый крестьянин.

«Это про Гуттиэрэ», — подумал Ихтиандр.

— А далеко? — спросил он.

— К вечеру дойдешь, — ответил старик, посмотрев
на солнце.

Поблагодарив старика, Ихтиандр быстро зашагал по
дороге мимо полей пшеницы и кукурузы. От быстрой
ходьбы он начал уставать. Дорога тянулась бесконечной
белой лентой. Пшеничные поля сменялись выгонами
с высокой густой травой, на выгонах паслись стада
овец.

Ихтиандр изнемогал, усиливались режущие боли
в боках. Томила жажда. Кругом — ни капли воды.
«Хоть бы скорее пруд!» — думал Ихтиандр. Его щеки
и глаза ввалились, он тяжело дышал. Хотелось есть. Но
чем здесь пообедать? Далеко на лугу паслось стадо ба-
ранов под охраной пастуха и собак. Через каменный за-
бор свешивались ветки персиковых и апельсиновых де-
ревьев, а на них зрелые плоды. Здесь не то, что в оке-
ане. Здесь все чужое, все поделено, все разгорожено,
все охраняется. Одни только вольные птицы ничьи, ле-
тают, кричат вдоль дороги. Но их не поймать. Да мож-
но ли еще ловить этих птиц? Быть может, и они кому-нибудь принадлежат. Здесь легко умереть от голода
и жажды среди водоемов, садов и стад.

Навстречу Ихтиандру шел, заложив руки за спину,
толстый человек, в белом кителе с блестящими пугови-
цами, в белой фуражке, с кобурой на поясе.

— Скажите, далеко ли гасиенда «Долорес»? — спро-
сил Ихтиандр.

Толстый человек подозрительно оглядел Ихтиандра.

— А тебе что нужно? Откуда идешь?

— Из Буэнос-Айреса...

Человек в кителе насторожился.

— Мне нужно там повидать кое-кого, — добавил Ихтиандр.

— Протяни руки, — сказал толстый человек.

Это удивило Ихтиандра, но, не предполагая ничего плохого, он протянул руки. Толстяк вынул из кармана «браслеты» (ручные кандалы) и быстро защелкнул их на руках Ихтиандра.

— Вот и попался, — пробормотал человек с блестящими пуговицами и, толкнув Ихтиандра в бок, крикнул: — Иди! Я проведу тебя к «Долорес».

— Зачем вы сковали мои руки? — недоумевая, спросил Ихтиандр, поднимая руки и разглядывая «браслеты».

— Нечего разговаривать! — строго прикрикнул толстяк. — Ну, иди!

Ихтиандр, склонив голову, поплелся по дороге. Хорошо еще, что его не заставили идти назад. Он не понимал, что с ним произошло. Он не знал, что прошлой ночью на соседней ферме было совершено убийство и ограбление, и теперь полиция искала преступников. Не догадывался он и о том, что в своем измятом костюме имел подозрительный вид. Его неопределенный ответ о цели путешествия окончательно решил его судьбу.

Полицейский арестовал Ихтиандра и теперь вел его в ближайшее селение, чтобы отправить в Парану, в тюрьму.

Ихтиандр понял только одно: он лишен свободы и в его путешествии наступила досадная задержка. Он решил во что бы то ни стало вернуть себе свободу при первой же возможности.

Толстый полицейский, довольный удачей, закурил длинную сигару. Он шел позади, обдавая Ихтиандра клубами дыма. Ихтиандр задыхался.

— Нельзя ли не пускать дым, мне тяжело дышать, — обернувшись, сказал он своему конвоиру.

— Что-о? Просят не курить? Ха-ха-ха! — Полицейский засмеялся, все лицо его собралось в морщи-

ны. — Подумаешь, какие нежности! — И, выпустив в лицо юноши клубы дыма, он крикнул: — Пошел!

Юноша повиновался.

Наконец Ихтиандр увидел пруд с пересинутым через него узким мостом и невольно ускорил шаги.

— Не спеши к своей Долорес! — крикнул толстяк.

Они взошли на мост. На середине моста Ихтиандр вдруг перегнулся через перила и бросился в воду.

Полицейский никак не ожидал такого поступка от человека со скованными руками.

Но зато Ихтиандр не ожидал от толстяка того, что тот сделал в следующее мгновение. Полицейский бросился в воду вслед за Ихтиандром, — он опасался, что преступник может утонуть. Полицейский хотел доставить его живым: арестованный, утонувший с ручными кандалами, мог наделать много хлопот. Полицейский так быстро последовал за Ихтиандром, что успел ухватить его за волосы и не отпускал. Тогда Ихтиандр, рискуя лишиться волос, потянул полицейского на дно. Вскоре Ихтиандр почувствовал, что рука полицейского разжалась и отпустила волосы. Ихтиандр отплыл на несколько метров в сторону и выглянул из воды, чтобы посмотреть, выплыл ли полицейский. Тот уже барахтался на поверхности и, увидев голову Ихтиандра, закричал:

— Утонешь, подлец! Плыви ко мне!

«А ведь это мысль», — подумал Ихтиандр и вдруг закричал:

— Спасите! Тону... — и опустился на дно.

Из-под воды он наблюдал за полицейским, как тот, ныряя, искал его. Наконец, видимо, отчаявшись в успехе, полицейский выплыл на берег.

«Сейчас уйдёт», — подумал Ихтиандр. Но полицейский не уходил. Он решил остаться возле трупа, пока не прибудут следственные органы. То, что утопленник лежит на дне пруда, не меняло дела.

В это время через мост проезжал крестьянин верхом на мule, навьюченном мешками. Полицейский приказал крестьянину сбросить мешки и отправиться в ближайший полицейский участок с запиской. Дело приобретало для Ихтиандра скверный оборот. К тому же в пруду водились пиявки. Они впивались в Ихтиандра, и он не успевал отрывать их от тела. Но делать это

нужно было осторожно, чтобы не волновать стоячую воду и этим не привлечь внимания полицейского.

Через полчаса вернулся крестьянин, показал рукой на дорогу, уложил свои мешки на спину мула и поспешно уехал. Минут через пять к берегу приблизились трое полицейских. Двое из них несли на голове легкую лодку, а третий — багор и вессло.

Лодку опустили на воду и начали искать утопленника. Ихтиандр не боялся поисков. Для него это была почти игра — он только переходил с места на место. Все дно пруда возле моста тщательно обыскивали багром, но трупа не обнаружили.

Полицейский, арестовавший Ихтиандра, с удивлением разводил руками. Ихтиандра это даже забавляло. Но скоро ему пришлоось плохо. Полицейские подняли своим багром со дна пруда тучи ила. Вода замутилась. Теперь Ихтиандр не мог ничего рассмотреть на расстоянии протянутой руки, а это уже было опасно. Но главное — сму трудно было дышать жабрами в этой воде, бедной кислородом. А тут еще эти тучи ила.

Ихтиандр задыхался и чувствовал в жабрах все усиливающееся жжение. Невозможно было дольше терпеть. У него вырвался невольный стон, несколько пузырей вылетело из его рта. Что делать? Выйти из пруда — другого выхода не было. Надо было выйти, чем бы это ни грозило. Его, конечно, сейчас же схватят, может быть, избьют, отправят в тюрьму. Но все равно. Ихтиандр, шатаясь, побрел к мелководью и поднял голову над водой.

— А-а-а-а!.. — не своим голосом закричал полицейский, бросаясь через борт лодки в воду, чтобы скорее доплыть до берега.

— Иисус Мария! О-о!.. — вскричал другой, падая на дно лодки.

Двое полицейских, оставшихся на берегу, шептали молитвы. Бледные, они дрожали от страха, стараясь спрятаться друг за друга.

Ихтиандр не ожидал этого и не сразу понял причину их испуга. Потом он вспомнил, что испанцы очень религиозны и суеверны. Вероятно, полицейские вообразили, что они видят перед собою выходца с того света. Ихтиандр решил испугать их еще больше: он оскалил зубы, закатил глаза, завыл страшным голосом, мед-

ленно направляясь к берегу; он поднялся на дорогу умышленно медленно и удалился размеренным шагом.

Ни один полицейский не шевельнулся, не задержал Ихтиандра. Суеверный ужас, боязнь привидения помешали им выполнить долг службы.

Это «морской дьявол»!

Мать Педро Зуриты — Долорес — была полная, сырая старуха с крючковатым носом и выдающимся подбородком. Густые усы придавали ее лицу странный и не-привлекательный вид. Это редкое для женщины украшение и закрепило за ней в округе кличку Усатая Долорес.

Когда ее сын явился к ней с молодой женой, старуха бесцеремонно осмотрела Гуттиэре. Долорес прежде всего искала в людях недостатки. Красота Гуттиэре поразила старуху, хотя она ничем не выдала этого. Но такова уж была Усатая Долорес: поразмыслив у себя на кухне, она решила, что красота Гуттиэре — недостаток.

Оставшись вдвоем с сыном, старуха неодобрительно покачала головой и сказала:

— Хороша! Даже слишком хороша! — И, вздохнув, прибавила: — Наживешь ты хлопот с такой красавицей... Да. Лучше бы ты женился на испанке. — Подумав еще, она продолжала: — И горда. А руки мягкие, нежные, белоручка будет.

— Обломаем, — ответил Педро и углубился в хозяйственные счеты.

Долорес зевнула и, чтобы не мешать сыну, вышла в сад подышать вечерней прохладой. Она любила помечтать при луне.

Мимозы наполняли сад приятным ароматом. Белые лилии сверкали при лунном свете. Едва заметно шевелились листья лавров и фикусов.

Долорес уселась на скамью среди мирт и предалась своим мечтам: вот она прикупит соседний участок, разведет тонкорунных овец, выстроит новые сараи.

— О, чтоб вас! — сердито крикнула старуха, ударяя себя по щеке. — Эти москиты и посидеть спокойно не дадут человеку.

Незаметно облака затянули небо, и весь сад погрузился в полумрак. На горизонте резче выступила светло-голубая полоса — отражение огней города Параны.

И вдруг над низким каменным забором она увидела человеческую голову. Кто-то поднял руки, скованные кандалами, и осторожно перепрыгнул через стену.

Старуха испугалась. «В сад забрался каторжник», — решила она. Она хотела крикнуть, но не могла, пытаясь подняться и бежать, но ноги ее подкашивались. Сидя на скамейке, следила она за неизвестным.

А человек в кандалах, осторожно пробираясь между кустами, приближался к дому, заглядывая в окна.

И вдруг — или она ослышалась — каторжник тихо позвал:

— Гуттиэр!

«Так вот она, красота-то! Вот с кем знакомство ведит! Чего доброго, эта красавица убьет меня с сыном, ограбит гасиенду и сбежит с каторжником», — думала Долорес.

Старуху вдруг охватило чувство глубокой ненависти к снохе и горького злорадства. Это придало ей силы. Она вскочила и побежала в дом.

— Скорей! — шепотом сказала Долорес сыну. — В сад забрался каторжник. Он звал Гуттиэр.

Педро выбежал с такой поспешностью, как будто дом был обнят пламенем, схватил лопату, лежавшую на дорожке, и побежал вокруг дома.

У стены стоял неизвестный в грязном, измятом костюме, со скованными руками и смотрел в окно.

— Проклятие!.. — пробормотал Зурита и опустил лопату на голову юноши.

Без единого звука юноша упал на землю.

— Готов... — тихо сказал Зурита.

— Готов, — подтвердила следовавшая за ним Долорес таким тоном, как будто ее сын раздавил ядовитого скорпиона.

Зурита вопросительно посмотрел на мать:

— Куда его?

— В пруд, — указала старуха. — Пруд глубокий.

— Всплынет.

— Камень привяжем, я сейчас...

Долорес побежала домой и торопливо начала искать мешок, в который можно было бы положить труп

убитого. Но еще утром все мешки она отправила с пшеницей на мельницу. Тогда она достала наволочку и длинную бечевку.

— Мешков нет,— сказала она сыну.— Вот, в наволочку положи камней и привяжи бечевкой к кандалам...

Зурита кивнул головой, взвалил труп на плечи и поволок его в конец сада, к небольшому пруду.

— Не запачкайся,— шепотом говорила Долорес, ковыляя за сыном с наволочкой и бечевкой.

— Смоешь.— ответил Педро, свешивая, однако, голову юноши ниже, чтобы кровь стекала на землю.

У пруда Зурита быстро набил наволочку камнями, крепко привязал ее к рукам юноши и бросил тело в пруд.

— Теперь надо переодеться.— Педро посмотрел на небо.— Дождь собирается. Он смоет к утру следы крови на земле.

— В пруду... вода не станет розовой от крови?— спросила Усатая Долорес.

— Не станет. Пруд проточный... О-о, проклятие!— прохрипел Зурита, направляясь к дому, и погрозил кулаком одному из окон.

— Вот она, красота-то! — хмыкала старуха, следя за сыном.

Гуттиэрэ отвели комнату в мезонине. Она не могла уснуть в эту ночь. Было душно, одолевали москиты. Невеселые мысли приходили в голову Гуттиэрэ. Она не могла забыть Ихтиандра, его смерти. Мужа она не любила, свекровь вызывала отвращение. И с этой усатой старухой Гуттиэрэ предстояло жить...

В эту ночь Гуттиэрэ почутился голос Ихтиандра. Он звал ее по имени. Какой-то шум, чьи-то приглушенные голоса доносились из сада, Гуттиэрэ решила, что ей так и не удастся уснуть в эту ночь. Она вышла в сад.

Солнце еще не всходило. Сад был погружен в сумерки утренней зари. Тучи угнало. На траве и деревьях сверкала обильная роса. В легком халате, босиком Гуттиэрэ шла по траве. Вдруг она остановилась и внимательно стала разглядывать землю. На дорожке, против ее окна, песок был запятнан кровью. Тут же валялась окровавленная лопата.

Ночью здесь произошло какое-то преступление. Иначе откуда могли появиться эти следы крови?

Гуттиэрэ невольно пошла по следам, и они привели ее к пруду.

«Не в этом ли пруду скрыты последние следы преступления?» — подумала она, со страхом глядываясь в зеленоватую поверхность.

Из-под зеленоватой воды пруда на нее смотрело лицо Ихтиандра. Кожа на его виске была рассечена. На лице отражалось страдание и в то же время радость.

Гуттиэрэ смотрела не отрываясь на лицо утонувшего Ихтиандра. Неужели она сошла с ума?

Гуттиэрэ хотела бежать прочь. Но она не могла уйти, не могла оторвать от него глаз.

А лицо Ихтиандра медленно поднималось из воды. Оно уже показалось над поверхностью, всколыхнув тихие воды. Ихтиандр протянул к Гуттиэрэ скованные руки и с бледной улыбкой сказал, впервые обращаясь к ней на «ты»:

— Гуттиэрэ! Дорогая моя! Наконец-то, Гуттиэрэ, я... — Но он не договорил.

Гуттиэрэ схватилась за голову и в испуге закричала.

— Сгинь! Пропади, несчастный призрак! Ведь я знаю, что ты мертв. Зачем ты являешься ко мне?

— Нет, нет, Гуттиэрэ, я не мертв, — поспешил призрак, — я не утонул. Прости меня... я скрыл от тебя... Я не знаю, зачем я это сделал... Не уходи, выслушай меня. Я живой — вот, прикоснись к моим рукам..

Он протягивал к ней скованные руки. Гуттиэрэ продолжала смотреть на него.

— Не бойся, я ведь живой... Я могу жить под водой. Я не такой, как все люди. Я один могу жить под водой. Я не утонул тогда, бросившись в море. Я бросился потому, что мне было тяжело дышать на воздухе.

Ихтиандр пошатнулся и продолжал так же поспешно и бессвязно:

— Я искал тебя, Гуттиэрэ. Сегодня ночью твой муж ударил меня по голове, когда я подошел к твоему окну, и бросил меня в пруд. В воде я пришел в себя. Мне удалось снять мешок с камнями, но этого, — Ихтиандр указал на наручники, — я не мог снять...

Гуттиэрэ начала верить, что перед ней не призрак, а живой человек.

— Но почему у вас скованы руки? — спросила она.

— Я потом расскажу тебе об этом... Бежим со мной, Гуттиэрэ. Мы укроемся у моего отца, там нас никто не найдет... И мы будем жить с тобою... Ну, возьми же мои руки, Гуттиэрэ... Ольсен сказал, что меня называют морским дьяволом, но ведь я человек. Почему же ты боишься меня?

Ихтиандр вышел из пруда весь в тине. Он в изнеможении опустился на траву.

Гуттиэрэ наклонилась над ним и, наконец, взяла его за руку.

— Бедный мой мальчик, — сказала она.

— Какая приятная встреча! — вдруг послышался насмешливый голос.

Они оглянулись и увидели стоявшего неподалеку Зуриту.

Зурита, так же как и Гуттиэрэ, не спал эту ночь. Он вышел в сад на крик Гуттиэрэ и слышал весь разговор. Когда Педро узнал, что перед ним «морской дьявол», за которым он так долго и безуспешно охотился, он обрадовался и сразу же решил отвезти Ихтиандра на «Медузу». Но обдумав, он решил поступить иначе.

— Вам не удастся, Ихтиандр, увезти Гуттиэрэ к доктору Сальватору, потому что Гуттиэрэ — моя жена. Едва ли вы сами вернетесь к вашему отцу. Вас ждет полиция.

— Но я ни в чем не виновен! — воскликнул юноша.

— Без вины полиция не награждает людей такими браслетами. И если уж вы попались в мои руки, мой долг — передать вас полиции.

— Неужели вы сделаете это? — с негодованием спросила мужа Гуттиэрэ.

— Я обязан это сделать, — ответил Педро, пожимая плечами.

— Хорош бы он был, — вдруг вмешалась в разговор появившаяся Долорес, — если бы отпустил на все четыре стороны каторжника! За что? Не за то ли, что этот кандалник подглядывает под чужими окнами и собирается похищать чужих жен?

Гуттиэрэ подошла к мужу, взяла его за руки и ласково сказала:

— Отпустите его. Прошу вас. Я ни в чем не виновата перед вами...

Долорес, испугавшись, как бы ее сын не уступил жене, замахала руками и закричала:

— Не слушай ее, Педро!

— Перед просьбой женщины я бессилен,— любезно сказал Зурита.— Я согласен.

— Не успел жениться, как попал под башмак жены,— ворчала старуха.

— Подожди, мать. Мы распилим ваши кандалы, молодой человек, переоденем вас в более приличный костюм и доставим на «Медузу». В Рио-де-Ла-Плата вы можете спрыгнуть с борта и плыть куда вам заблагорас-судится. Но я отпущу вас с одним условием: вы долж-ны забыть Гуттиэре. А тебя, Гуттиэре, я возьму с со-бой. Так будет безопаснее.

— Вы лучше, чем я думала о вас,— искренне сказа-ла Гуттиэре.

Зурита самодовольно покрутил усы и поклонился жене.

Долорес хорошо знала своего сына,— она быстро догадалась, что он замышляет какую-то хитрость. Но, чтобы поддержать его игру, она для вида раздраженно проворчала:

— Очаровала! Сиди теперь под башмаком!

Полный ход

— Завтра приезжает Сальватор. Лихорадка задержала меня, а нам с тобой надо о многом поговорить,— ска-зал Кристо, обращаясь к Бальтазару. Они сидели в лав-ке Бальтазара.— Слушай, брат, слушай внимательно и не перебивай меня, чтобы я не забыл, о чем надо го-ворить.

Кристо помолчал, собираясь с мыслями, и про-должал:

— Мы много потрудились с тобой для Зуриты. Он богаче нас с тобой, но он хочет быть богаче самого се-бя. Он хочет поймать морского дьявола...

Бальтазар сделал движение.

— Молчи, брат, молчи, иначе я забуду, что хотел сказывать. Зурита хочет, чтобы морской дьявол был у не-

го рабом. А знаешь ты, что такое морской дьявол? Это клад. Это неистощимое богатство. Морской дьявол может собирать на дне морском жемчуг — много прекрасных жемчужин. Но морской дьявол может добывать со дна моря не только жемчуг. На дне моря много потонувших кораблей с несметными сокровищами. Он может добыть их для нас. Я говорю для нас, а не для Зуриты. Знаешь ли ты, брат, что Ихтиандр любит Гуттиэре?

Бальтазар хотел что-то сказать, но Кристо не дал ему говорить:

— Молчи и слушай. Я не могу говорить, когда меня перебивают. Да, Ихтиандр любит Гуттиэре. От меня ничего не скроешь. Когда я это узнал, я сказал: «Хорошо. Пусть Ихтиандр еще сильнее полюбит Гуттиэре. Он будет лучшим мужем и зятем, чем этот Зурита». И Гуттиэре любит Ихтиандра. Я следил за ними, не мешая Ихтиандру. Пусть встречаются.

Бальтазар вздохнул, но не перебил рассказчика.

— И это еще не все, брат. Слушай дальше. Я хочу напомнить тебе то, что было много лет тому назад. Я сопровождал твою жену, — этому уже лет двадцать, — когда она возвращалась от родных. Помнишь, она ездила в горы хоронить свою мать? В дороге твоя жена умерла от родов. Умер и ребенок. Тогда я не сказал тебе всего, я не хотел огорчить тебя. Теперь скажу. Твоя жена умерла в дороге, но ребенок был еще жив, хотя и очень слаб. Случилось это в индейской деревне. Одна старуха сказала мне, что недалеко от них живет великий чудотворец, бог Сальватор...

Бальтазар насторожился.

— И она посоветовала мне отнести ребенка Сальватору, чтобы он спас его от смерти. Я послушался доброго совета и отнес ребенка Сальватору. «Спасите его», — сказал я. Сальватор взял мальчика, покачал головой и сказал: «Трудно спасти его». И унес. Я ждал до вечера. Вечером вышел негр и сказал: «Ребенок умер». Тогда я ушел.

— Так вот, — продолжал Кристо, — Сальватор сказал через своего негра, что ребенок умер. У новорожденного ребенка — твоего сына — я приметил родимое пятно. Я хорошо помню, какой формы было это пятно. — Помолчав, Кристо продолжал: — Не так давно

кто-то ранил Ихтиандра в шею. Делая ему перевязку, я приоткрыл ворот его чешуи и увидел родимое пятно точно такой же формы, как у твоего сына.

Бальтазар посмотрел на Кристо широко открытыми глазами и, волнуясь, спросил:

— Ты думаешь, что Ихтиандр мой сын?

— Молчи, брат, молчи и слушай. Да, я это думаю. Я думаю, что Сальватор сказал неправду. Твой сын не умер, и Сальватор сделал из него морского дьявола.

— О-о!..—вне себя закричал Бальтазар.—Как он смел! Я убью Сальватора своими собственными руками!

— Молчи! Сальватор сильнее тебя. И потом, может быть, я ошибся. Двадцать лет прошло. Родимое пятно на шее может быть и у другого человека. Ихтиандр твой сын, а может быть — и не сын. Тут надо быть осторожным. Ты пойдешь к Сальватору и скажешь, что Ихтиандр твой сын. Я буду твоим свидетелем. Ты потребуешь, чтобы он отдал тебе сына. А не отдаст, ты скажешь, что донесешь на него в суд за то, что он калечит детей. Этого он побоится. Если же это не поможет, ты пойдешь в суд. Если же в суде нам не удастся доказать, что Ихтиандр твой сын, то он женится на Гуттиэре; ведь Гуттиэре твоя приемная дочь. Ты тогда тосковал о жене и сыне, и я разыскал тебе эту сироту Гуттиэре...

Бальтазар вскочил со стула. Он теперь шагал по лавке, задевая крабов и раковины.

— Сын мой! Сын мой! О, какое несчастье!

— Почему несчастье? — удивился Кристо.

— Я не перебивал и внимательно слушал тебя, теперь выслушай ты меня. Пока ты болел лихорадкой, Гуттиэре вышла замуж за Педро Зуриту.

Эта новость поразила Кристо.

— А Ихтиандр... бедный сын мой...—Бальтазар опустил голову.—Ихтиандр в руках Зуриты!

— Не может быть, — возразил Кристо.

— Да, да. Ихтиандр на «Медузе». Сегодня утром Зурита приходил ко мне. Он смеялся над нами, издевался и бранил нас. Он говорил, что мы обманывали его. Подумай, он сам, без нас, поймал Ихтиандра! Теперь он нам ничего не уплатит. Но я и сам не возьму у него денег. Разве можно продать своего собственного сына?

Бальтазар был в отчаянии. Кристо неодобрительно смотрел на брата. Теперь следовало действовать решительно. Но Бальтазар мог скорее повредить делу, чем помочь. Сам Кристо не очень-то верил в родство Ихтиандра с Бальтазаром. Правда, Кристо видел у новорожденного родимое пятно. Но разве это неоспоримое доказательство? Увидев родимое пятно на шее Ихтиандра, Кристо решил воспользоваться этим сходством и поживиться. Но разве мог он предполагать, что Бальтазар так отнесется к его рассказу? Зато новости, сообщенные Бальтазаром, испугали Кристо.

— Теперь не время для слез. Надо действовать. Сальватор приезжает завтра рано утром. Будь мужественным. Жди меня на восходе солнца на молу. Надо спасти Ихтиандра. Но, смотри, не говори Сальватору, что ты отец Ихтиандра. Куда направился Зурита?

— Он не сказал, но думаю, что на север. Зурита давно собирается к берегам Панамы.

Кристо кивнул головой.

— Помни же: завтра утром, перед восходом солнца, ты должен быть на берегу. Сиди, не уходи, если бы даже пришлось ожидать до вечера.

Кристо поспешил к себе. Он всю ночь думал о предстоящей встрече с Сальватором. Надо было оправдать себя перед Сальватором.

Сальватор приехал на рассвете. Кристо с лицом, выражавшим огорчение и преданность, сказал, поздоровавшись с доктором:

— У нас случилось несчастье... Много раз я предупреждал Ихтиандра, чтобы он не плавал в заливе...

— Что с ним? — нетерпеливо спросил Сальватор.

— Его укради и увезли на шхуне... Я...

Сальватор крепко сжал плечо Кристо и пристально посмотрел ему в глаза. Это продолжалось одно мгновение, но Кристо невольно изменился в лице под этим испытующим взглядом. Сальватор нахмурился, пробормотал что-то и, разжав пальцы на плече Кристо, быстро проговорил:

— Об этом ты подробно расскажешь мне после.

Сальватор позвал негра, сказал ему несколько слов на непонятном Кристо языке и, обратившись к индейцу, повелительно крикнул:

— Иди за мной!

Не отдохая, не переодеваясь с дороги, Сальватор вышел из дома и быстро пошел в сад. Кристо едва поспевал за ним. У третьей стены их нагнали два негра.

— Я сторожил Ихтиандра, как верная собака, — сказал Кристо, задыхаясь от быстрой ходьбы. — Я не отходил от него...

Но Сальватор не слушал. Доктор стоял уже около бассейна и нетерпеливо стучал ногой, пока вода вытекала в открывшиеся в бассейне шлюзы.

— Иди за мной, — снова приказал Сальватор, спускаясь по подземной лестнице.

Кристо и два негра шли за Сальватором в полном мраке. Сальватор прыгал через несколько ступеней, как человек, хорошо знакомый с подземным лабиринтом.

Спустившись на нижнюю площадку, Сальватор не повернул выключатель, как в первый раз, а, пошарив впопыхах рукой, открыл дверь в правой стене и пошел по темному коридору. Здесь не было ступеней, и Сальватор шел еще быстрее, не зажигая огня.

«Вдруг я провалюсь в какую-нибудь ловушку и утону в колодце?» — думал Кристо, стараясь поспеть за Сальватором.

Они долго шли, и, наконец, Кристо почувствовал, что пол покато спускается вниз. Иногда Кристо казалось, что он слышит слабый плеск воды. Но вот их путешествие окончилось. Сальватор, ушедший вперед, остановился и включил свет. Кристо увидел, что он находится в большом, залитом водой длинном гроте с овальным сводом. Этот свод, уходя вдаль, постепенно понижался к воде. На воде у самого края каменного пола, на котором они стояли, Кристо увидел небольшую подводную лодку. Сальватор, Кристо и два негра вошли в нее. Сальватор зажег в каюте свет, один из негров захлопнул верхний люк, другой уже работал у мотора. Кристо почувствовал, что лодка дрогнула, медленно повернулась, опустилась вниз и так же медленно двинулась вперед. Прошло не более двух минут, и они всплыли на поверхность. Сальватор и Кристо вышли на мостик. Кристо никогда не приходилось плавать на подводных лодках. Но эта лодка, скользившая теперь по поверхности океана, могла бы удивить даже кораблестроителя. Она была необычайной конструкции, и,

очевидно, мотор ее был огромной мощности. Еще не пущенная на полный ход, лодка быстро подвигалась вперед.

— Куда направились похитители Ихтиандра?

— Вдоль берега на север, — ответил Кристо. — Я бы осмелился предложить вам захватить с собой моего брата. Я предупредил его, и он ожидает на берегу.

— Зачем?

— Ихтиандра украл ловец жемчуга Зурига.

— Откуда ты знаешь это? — подозрительно спросил Сальватор.

— Я описал брату шхуну, которая захватила Ихтиандра в заливе, и брат признал в ней «Медузу» Педро Зуриты. Зурига, вероятно, украл Ихтиандра для ловли жемчуга. А мой брат Бальтазар хорошо знает места лова. Он будет полезен нам.

Сальватор подумал.

— Хорошо! Мы возьмем твоего брата.

Бальтазар ожидал брата на молу. Лодка повернула к берегу. Бальтазар с берега, нахмутившись, смотрел на Сальватора, который отнял, изуродовал его сына. Однако индеец вежливо поклонился Сальватору и вплавь добрался до лодки.

— Полный ход! — отдал Сальватор приказ.

Сальватор стоял на капитанском мостике и зорко всматривался в гладь океана.

Необычайный пленник

Зурита распилил кандалы, связывавшие руки Ихтиандра, дал ему новый костюм и разрешил захватить с собой спрятанные в песке перчатки и очки. Но как только юноша взошел на палубу «Медузы», по приказанию Зуриты его схватили индейцы и посадили в трюм. У Буэнос-Айреса Зурита сделал короткую остановку, чтобы запастись провиантом. Он повидался с Бальтазаром, похвалился своей удачей и поплыл дальше вдоль берега, по направлению к Рио-де-Жанейро. Он предлагал обогнать восточный берег Южной Америки и начать поиски жемчуга в Карибском море.

Гуттиэре он поместил в капитанской каюте. Зурита уверял ее, что Ихтиандра он отпустит на волю в заливе

Рио-де-Ла-Плата. Но эта ложь скоро открылась. Вечером Гуттиэрэ услыхала крики и стоны, долетавшие из трюма. Она узнала голос Ихтиандра. Зурита в это время был на верхней палубе. Гуттиэрэ пыталась выйти из каюты, но дверь оказалась на запоре. Гуттиэрэ начала стучать кулаками, — никто не отзывался на ее крик.

Зурита, услыхав крики Ихтиандра, крепко выругалася, спустился с капитанского мостика и сошел в трюм вместе с индейцем-матросом. В трюме было необычайно душно и темно.

— Чего ты кричишь? — грубо спросил Зурита.

— Я... я задыхаюсь, — услышал он голос Ихтиандра. — Я не могу жить без воды. Здесь такая духота. Отпустите меня в море. Я не проживу ночи...

Зурита захлопнул люк в трюм и вышел на палубу.

«Как бы в самом деле он не задохнулся», — озабоченно подумал Зурита. Смерть Ихтиандра была ему совсем невыгодна.

По приказу Зуриты в трюм принесли бочку, и матросы натаскали воды.

— Вот тебе ванна, — сказал Зурита, обращаясь к Ихтиандру. — Плавай! А завтра утром я отпущу тебя в море.

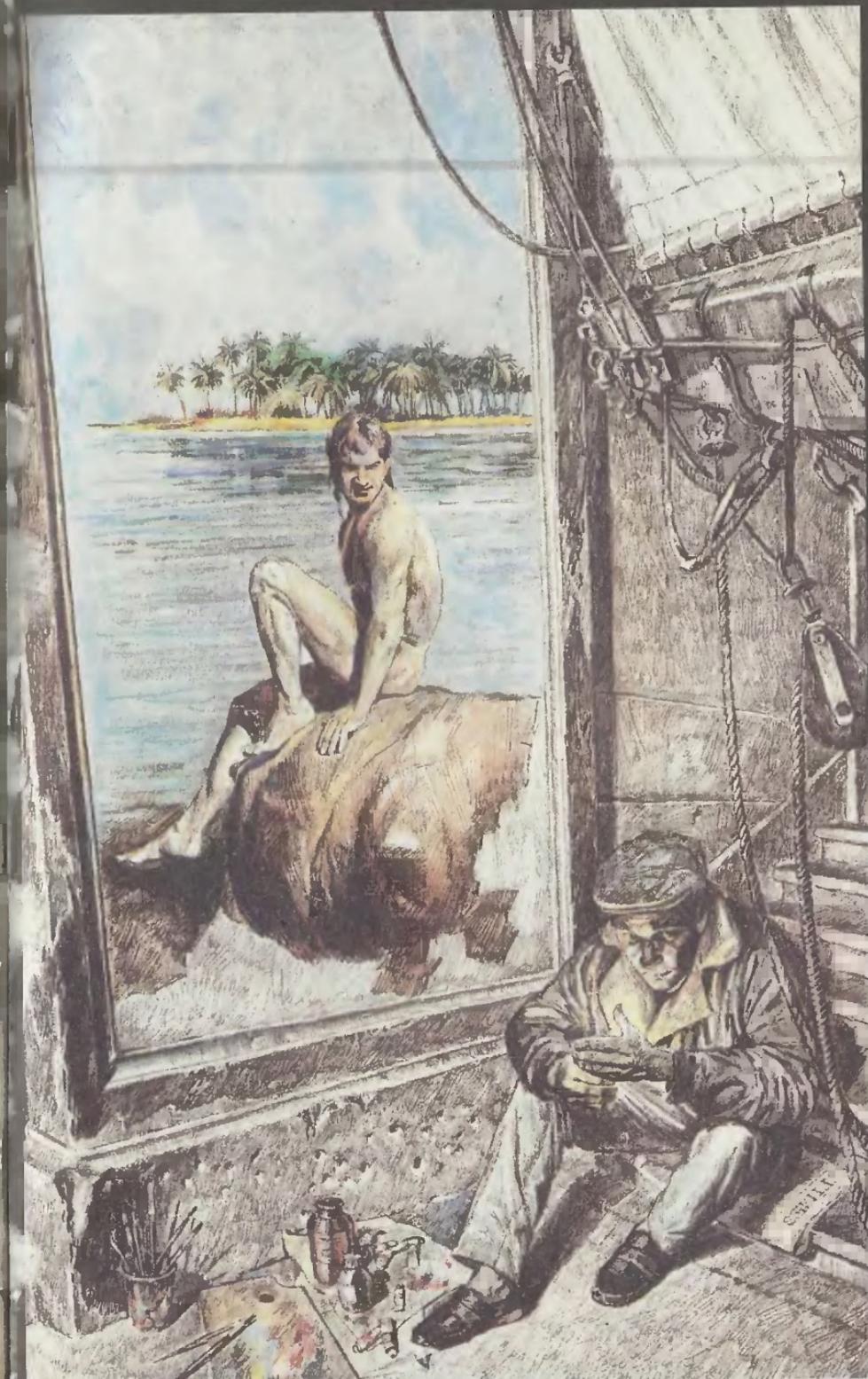
Ихтиандр поспешил погрузиться в бочку. Стоявшие в дверях индейцы-матросы с недоумением смотрели на это купанье. Они еще не знали, что узник «Медузы» — «морской дьявол».

— Отправляйтесь на палубу! — прикрикнул на них Зурита.

В бочке нельзя было плавать, нельзя было даже выпрямиться во весь рост. Ихтиандру пришлось скрочиться, чтобы окунуться. В этой бочке когда-то хранились запасы солонины. Вода быстро пропиталась этим запахом, и Ихтиандр чувствовал себя немногим лучше, чем в духоте трюма.

Над морем в это время дул свежий юго-восточный ветер, унося шхуну все дальше на север.

Зурита долго стоял на капитанском мостике и только под утро явился в каюту. Он предполагал, что жена его давно спит. Но она сидела на стуле возле узенького столика, положив голову на руки. При его входе Гуттиэрэ поднялась, и при слабом свете догоравшей лампы,

привешенной к потолку, Зурита увидел ее побледневшее, нахмуренное лицо.

— Вы обманули меня,— глухо сказала она.

Под гневным взглядом жены Зурита чувствовал себя не очень хорошо и, чтобы прикрыть невольное смущение, принял непринужденный вид, закрутил свои усы и шутливо ответил:

— Ихтиандр предпочел остаться на «Медузе», чтобы быть ближе к вам.

— Вы лжете! Вы мерзкий, гадкий человек. Я ненавижу вас! — Гуттиэрэ вдруг выхватила большой нож, висевший на стене, и замахнулась на Зуриту.

— Ого!.. — проговорил Зурита. Он быстро схватил Гуттиэрэ за руку и сжал так сильно, что Гуттиэрэ выронила нож.

Зурита ногой вышвырнул нож из каюты, отпустил руку жены и сказал:

— Вот так-то лучше! Вы очень взъяриваны. Выпейте стакан воды.

И он ушел из каюты, щелкнув ключом, и поднялся на верхнюю палубу.

Восток уже розовел, а легкие облака, освещенные скрытым за горизонтом солнцем, казались пламенными языками. Утренний ветер, соленый и свежий, надувал паруса. Над морем летали чайки, зорко высматривающие рыб, резвящихся на поверхности.

Уже взошло солнце. Зурита все еще ходил по палубе, заложив руки за спину.

— Ничего, справлюсь как-нибудь, — сказал он, думая о Гуттиэрэ.

Обратившись к матросам, он громко отдал команду убрать паруса. «Медуза», покачиваясь на волнах, стояла на якоре.

— Принесите мне цепь и приведите человека из трюма, — распорядился Зурита. Он хотел как можно скорее испытать Ихтиандра как ловца жемчуга.

«Кстати, он освежится в море», — подумал он.

Конвоируемый двумя индейцами, появился Ихтиандр. Он выглядел угомленным. Ихтиандр осмотрелся по сторонам. Он стоял возле бизань-мачты. Всего несколько шагов отделяло его от борта. Вдруг Ихтиандр рванулся вперед, добежал до борта и уже пригнулся для прыжка. Но в этот момент тяжелый кулак Зуриты

опустился ему на голову. Юноша упал на палубу без сознания.

— Не надо спешить, — нравоучительно сказал Зурита.

Послышался лязг железа, матрос подал Зурите длинную тонкую цепь, заканчивавшуюся железным обручем.

Зурита опоясал этим обручем лежавшего без сознания юношу, замкнул пояс на замок, обратившись к матросам, сказал:

— Теперь лейте ему на голову воду.

Вскоре юноша припел в себя и с недоумением посмотрел на цепь, к которой был прикован.

— Так ты не сбежишь от меня, — пояснил Зурита. — Я отпущу тебя в море. Ты будешь искать мне жемчужные раковины. Чем больше жемчуга ты найдешь, тем дольше ты будешь оставаться в море. Если же ты не станешь добывать мне жемчужные раковины, то я запру тебя в трюме и ты будешь сидеть в бочке. Понял? Согласен?

Ихтиандр кивнул головой.

Он был готов добыть для Зуриты все сокровища мира, только бы скорее погрузиться в чистую морскую воду.

Зурита, Ихтиандр на цепи и матросы подошли к борту шхуны. Каюта Гуттиэре находилась на другой стороне шхуны: Зурита не хотел, чтобы она видела Ихтиандра прикованным к цепи.

Ихтиандра спустили на цепи в море. Если бы можно было порвать эту цепь! Но она была очень прочна. Ихтиандр покорился своей участи. Он начал собирать жемчужные раковины и складывать их в висевший у него на боку большой мешок. Железный обруч давил бока и затруднял дыхание. И все же Ихтиандр чувствовал себя почти счастливым после душного трюма и вонючей бочки.

Матросы с борта корабля с изумлением смотрели на невиданное зрелище. Проходила минута за минутой, а человек, опущенный на дно моря, и не думал подниматься. Первое время на поверхность всплывали пузырьки воздуха, но скоро они прекратились.

— Пусть меня съест акула, если в его груди осталась хоть частица воздуха. Видно, он чувствует себя,

как рыба в воде,— с удивлением говорил старый ловец, вглядываясь в воду.

На морском дне ясно виден был юноша, ползавший на коленях.

— Может быть, это сам морской дьявол? — тихо проговорил матрос.

— Кто бы он ни был, капитан Зурита сделал хорошее приобретение,— отозвался штурман.— Один такой ловец может заменить десяток.

Солнце стояло близко к полудню, когда Ихтиандр дернул цепь, чтобы его подняли. Его сумка была полна раковинами. Нужно было опорожнить ее, чтобы продолжать лов.

Матросы быстро подняли на палубу необыкновенного ловца. Все хотели скорее узнать, каким был улов.

Обыкновенно жемчужные раковины оставляют на несколько дней, чтобы моллюски перегнили,— тогда легче вынимать жемчужины,— но теперь нетерпение матросов и самого Зуриты было велико. И все сразу принялись вскрывать раковины ножами.

Когда матросы окончили работу, все сразу шумно заговорили. На палубе царило необычайное возбуждение. Может быть, Ихтиандру посчастливилось найти хорошее место. Но то, что он добыл за один улов, превзошло все ожидания. Среди этих жемчужин десятка два было очень тяжеловесных, прекрасной формы и самых нежных цветов. Первый улов уже принес Зурите целое состояние. За одну крупную жемчужину можно было купить новую прекрасную шхуну. Зурита был на пути к богатству. Мечты его сбылись.

Зурита видел, как жадно смотрят матросы на жемчуг. Это ему не понравилось. Он поспешил пересыпать жемчужины в свою соломенную шляпу и сказал:

— Пора завтракать. А ты, Ихтиандр, хороший ловец. У меня есть одна свободная каюта. Я помешу тебя туда. Там тебе не будет душно. И я закажу для тебя большой цинковый бак. Может быть, он тебе и не понадобится, так как ты каждый день будешь плавать в море. Правда, на цепочке, но что же делать? Иначе ты нырнешь к своим крабам и не вернешься.

Ихтиандру не хотелось разговаривать с Зуритой. Но если он оказался пленником этого алчного человека, то надо подумать о сносном жилье.

— Бак лучше вонючей бочки,— сказал он Зурите,— но, чтобы я не задыхался, вам придется часто менять в нем воду.

— Как часто? — спросил Зурита.

— Через полчаса,— ответил Ихтиандр.— Еще лучше иметь все время проточную воду.

— Э, да ты, я вижу, ужс загордился. Тебя похвалили, и ты уже начинаешь требовать, капризничать.

— Это не капризы,— обиделся юноша.— У меня... поймите же, если вы положите большую рыбу в ведро, она скоро уснет. Рыба дышит кислородом, находящимся в воде, а я... ведь очень большая рыба,— с улыбкой прибавил Ихтиандр.

— Насчет кислорода я не знаю, а что рыбы дохнут, если не менять воду, это я хорошо знаю. Пожалуй, ты прав. Но ведь если приставить людей, которые все время будут накачивать помпами воду в твой бак, то это будет слишком дорого, дороже твоего жемчуга. Этак ты разоришь меня!

Ихтиандр не знал цены жемчуга, не знал и того, что Зурита платят ловцам и матросам гроши. Юноша поверил словам Зуриты и восхликал:

— Если вам невыгодно держать меня, то отпустите в море! — и Ихтиандр посмотрел на океан.

— Какой ты!.. — громко рассмеялся Зурита.

— Пожалуйста! Я буду добровольно приносить жемчужины. Я давно собрал такую кучу.— И Ихтиандр показал рукой от палубы до колен.— Ровные, гладкие, зерно к зерну, и каждая величиною с боб... Я все отдам вам, только отпустите меня.

У Зуриты захватило дыхание.

— Болтаешь! — возразил Зурита, стараясь говорить спокойно.

— Я еще никогда никому не лгал,— рассердился Ихтиандр.

— Где же находится твой клад? — спросил Зурита, уже не скрывая своего волнения.

— В подводной пещере. Никто, кроме Лидинга, не знает, где она.

— Лидинг? Кто это?

— Мой дельфин.

— Ах так! «В самом деле, наваждение какое-то,— подумал Зурита.— Если это правда,— а надо думать,

что он не лжет,— так ведь это же превосходит все, о чем я только могу помышлять. Я буду несметно богат. Ротшильды и Рокфеллеры будут бедняками по сравнению со мной. А юноше, кажется, можно поверить. Уж не отпустить ли его, в самом деле, под честное слово?»

Но Зурита был деловой человек. Он не привык кому-нибудь верить на слово. Он стал обдумывать, как лучше овладеть этим кладом Ихтиандра. «Если только Ихтиандра попросит Гуттиэрэ, то он не откажется и принесет клад».

— Возможно, что я выпущу тебя,— сказал Зурита,— но на некоторое время тебе придется оставаться у меня. Да. У меня на это есть причины. Я думаю, ты сам не пожалеешь, что задержишься. А пока ты мой, хоть и невольный, гость, я хочу сделать так, чтобы тебе было удобно. Может быть, вместо бака, который будет слишком дорогим, тебя лучше поместить в большой железной клетке. Клетка предохранит тебя от акул, и в этой клетке тебя будут спускать за борт в воду.

— Да, но мне необходимо бывать и на воздухе.

— Ну что ж, мы иногда будем поднимать тебя. Это обойдется дешевле, чем накачивать воду в бак. Словом, все устроим, ты будешь доволен.

Зурита был в прекрасном настроении. Неслыханное дело: он распорядился выдать матросам к завтраку по стакану водки.

Ихтиандра снова отвели в трюм,— бак еще не был готов. Зурита не без волнения открыл дверь капитанской каюты и, стоя в дверях, показал Гуттиэрэ шляпу, наполненную жемчугом.

— Я помню свои обещания,— начал он, улыбаясь,— жена любит жемчуг, любит подарки. Чтобы добыть много жемчуга, надо иметь хорошего ловца. Вот почему я пленил Ихтиандра. Посмотри — это улов одного утра.

Гуттиэрэ мельком взглянула на жемчужины. С большим трудом подавила она невольный взглас удивления. Однако Зурита заметил это и самодовольно рассмеялся.

— Ты будешь самой богатой женщиной Аргентины, а может быть, и всей Америки. У тебя будет все. Я построю тебе дворец, которому позавидуют короли.

А сейчас в залог будущего прими от меня половину этого жемчуга.

— Нет! Мне не надо ни одной из этих жемчужин, добытых преступлением,— резко ответила Гуттиэрэ.— И пожалуйста, оставьте меня в покое.

Зурита был смущен и раздосадован: такого приема он не ожидал.

— Еще только два слова. Не хотите ли вы,— для важности он перешел на «вы»,— чтобы я отпустил Ихтиандра?

Гуттиэрэ недоверчиво посмотрела на Зуриту, как бы стараясь угадать, какую новую хитрость он замышляет.

— Что же дальше? — холодно спросила она.

— Судьба Ихтиандра в ваших руках. Достаточно вам приказать Ихтиандру, чтобы он принес на «Медузу» жемчуг, который он хранит где-то под водой, и я отпущу морского дьявола на все четыре стороны.

— Запомните хорошенъко, что я скажу. Я не верю ни одному вашему слову. Вы получите жемчуг и снова посадите Ихтиандра на цепь. Это так же верно, как то, что я жена самого лживого и вероломного человека. Запомните хорошенъко и не пытайтесь никогда впутывать меня в ваши темные дела. И еще раз — пожалуйста, оставьте меня в покое.

Больше говорить было не о чем, и Зурита вышел. У себя в каюте он пересыпал жемчуг в мешочек, бережно положил в сундук, запер его и вышел на палубу. Размолвка с женой мало огорчала его. Он видел себя богатым, окруженным почетом.

Он взошел на капитанский мостик, закурил сигару. Мысли о будущем богатстве приятно волновали его. Всегда зоркий, он на этот раз не заметил, как матросы, собравшись группами, тихо о чем-то переговариваются.

Покинутая «Медуза»

Зурита стоял у борта, против фок-мачты. По знаку штурмана несколько матросов сразу набросились на Педро. Они не были вооружены, зато их было много.

Но одолеть Зуриту оказалось не так-то легко. Сзади в спину Зуриты вцепились два матроса. Зурита вырвался из толпы и, отбежав несколько шагов, изо всей силы опрокинулся назад, на край борта.

Со стоном выпустили матросы свою жертву и упали на палубу. Зурита выпрямился и начал отражать кулаками нападение новых врагов. Он никогда не расставался с револьвером, однако атака была так неожиданна, что Зурита не успел вытащить револьвер из кобуры. Он медленно отступил к фок-мачте и вдруг с ловкостью обезьяны стал подниматься по вантам.

Матрос ухватил его за ногу, но Зурита свободной ногой ударил его по голове, и оглушенный матрос упал на палубу. Зурита успел подняться до марса и там уселся, отчаянно бранясь. Здесь он мог почувствовать себя в относительной безопасности. Он вынул револьвер и крикнул:

— Первому, кто осмелится подняться ко мне, я размозжу голову!

Матросы шумели внизу, обсуждая, как поступить дальше.

— В капитанской каюте есть ружьё! — кричал штурман, стараясь перекричать других. — Идем взломаем дверь!

Несколько матросов направились к люку.

«Пропал, — думал Зурита, — подстрелят!»

Он взглянул на море, точно ища неожиданной помощи. И, не веря самому себе, Зурита увидел, что к «Медузе», разрезая гладь океана, с необычайной быстротой приближалась подводная лодка.

«Только бы она не погрузилась в воду! — думал Зурита. — На мостице стоят люди. Неужели они не заметят меня и пройдут мимо?»

— На помощь! Скорей! Убивают! — закричал Зурита изо всей силы.

На подводной лодке, очевидно, заметили его. Не убавляя хода, лодка продолжала идти прямо на «Медузу».

Из люка шхуны уже показались вооруженные матросы. Они высypали на палубу и теперь нерешительно

но остановились. К «Медузе» приближалась вооруженная подводная лодка — вероятно, военная. Нельзя же было убивать Зурита на глазах этих непрошеных свидетелей.

Зурита торжествовал. Но торжество его было недолгим. Бальтазар и Кристо стояли на мостице подводной лодки, а рядом — высокий человек с хищным носом и глазами орла. С палубы лодки он громко крикнул:

— Педро Зурита! Вы должны немедленно выдать похищенного вами Ихтиандра! Даю вам пять минут, или я пущу вашу шхуну ко дну.

«Предатели! — подумал Зурита, с ненавистью глядя на Кристо и Бальтазара. — Но лучше потерять Ихтиандра, чем собственную голову».

— Я сейчас приведу его, — сказал Зурита, слезая по вантам.

Матросы уже поняли, что надо спасаться. Они быстро спускали шлюпки, бросались в воду и плыли к берегу. Каждый из них заботился только о себе.

Зурита сбежал по трапу к себе в каюту, поспешино вынул мешочек с жемчугом, сунул его к себе за рубаху, захватил ремни и платок. В следующую минуту он открыл дверь каюты, где находилась Гуттиэрэ, поднял ее на руки и вынес на палубу.

— Ихтиандр не совсем здоров. Вы найдете его в каюте, — сказал Зурита, не выпуская Гуттиэрэ. Подбежав к борту, он посадил ее в шлюпку, спустил шлюпку на воду и прыгнул в нее сам.

Теперь подводная лодка не могла преследовать шлюпку: было слишком мелко. Но Гуттиэрэ уже увидала Бальтазара на палубе подводной лодки.

— Отец, спаси Ихтиандра! Он находится... — Но она не договорила, Зурита заткнул ей рот платком и торопился связать ремнем руки.

— Отпустите женщину! — крикнул Сальватор, видя эту расправу.

— Эта женщина — моя жена, и никто не вправе вмешиваться в мои дела! — крикнул в ответ Зурита, усиленно работая веслами.

— Никто не вправе так обращаться с женщиной! — раздраженно крикнул Сальватор. — Остановитесь, или я буду стрелять!

Но Зурита продолжал грести.

Сальватор выстрелил из револьвера. Пуля ударила в борт шлюпки.

Зурита поднял Гуттиэре и, защищаясь ею, крикнул:

— Продолжайте!

Гуттиэре билась в его руках.

— Исключительный негодяй! — промолвил Сальватор, опустив револьвер.

Бальтазар бросился с мостика подводной лодки и пытался вплавь догнать шлюпку. Но Зурита был уже у берега. Он приналег на весла, и скоро волна выбросила шлюпку на песчаный берег. Педро схватил Гуттиэре и исчез за прибрежными камнями.

Видя, что Зуриту не догнать, Бальтазар поплыл к шхуне и взобрался по якорной цепи на палубу. Он спустился по трапу и начал всюду искать Ихтиандра.

Бальтазар обошел все судно, вплоть до трюма. На шхуне никого не осталось.

— Ихтиандра нет на шхуне! — крикнул Бальтазар Сальватору.

— Но он жив и должен быть где-то здесь! Гуттиэре сказала: «Ихтиандр находится...» Если бы этот разбойник не заткнул ей рот, мы бы знали, где его искать, — сказал Кристо.

Оглядывая поверхность моря, Кристо заметил, что из воды торчат верхушки мачт. Вероятно, здесь недавно затонул корабль. Не находится ли Ихтиандр на этом погибшем корабле?

— Быть может, Зурита отправил Ихтиандра искать сокровища затонувшего корабля? — сказал Кристо.

Бальтазар поднял цепь, лежавшую на палубе, с обручем на конце.

— Зурита, видимо, спускал Ихтиандра на этой цепи. Без цепи Ихтиандр уплыл бы. Нет, он не может находиться на потонувшем корабле.

— Да, — задумчиво сказал Сальватор. — Мы победили Зуриту, но Ихтиандра мы не нашли.

Затонувший корабль

Преследователи Зуриты не знали о событиях, произошедших на «Медузе» в это утро.

Всю ночь сговаривались матросы, а к утру они приняли решение: при первом удобном случае напасть на Зуриту, убить его и овладеть Ихтиандром и шхуной.

Рано утром Зурита стоял на капитанском мостике. Ветер утих, и «Медуза» медленно подвигалась вперед, делая не более трех узлов в час.

Зурита всматривался в какую-то точку на океане. В бинокль он разглядел радиомачты затонувшего корабля.

Вскоре Зурита заметил плававший на поверхности спасательный круг.

Зурита распорядился спустить шлюпку и выловить круг.

Когда круг подняли, Зурита прочитал на нем: «Мафальду».

«Мафальду» утонул? — удивился Зурита. Он знал этот большой американский почтово-пассажирский пароход. На таком пароходе должно быть немало ценностей. «Что, если бы Ихтиандр добыл с затонувшего парохода эти ценности? Но хватит ли длины цепи? Вряд ли... Если же спустить Ихтиандра без цепи, он не вернется...»

Зурита задумался. Жадность и боязнь потерять Ихтиандра боролись в нем.

«Медуза» медленно приближалась к торчавшим из воды мачтам.

Матросы столпились у борта. Ветер утих совершенно. «Медуза» остановилась.

— Я одно время служил на «Мафальду», — сказал один из матросов. — Большой, хороший пароход. Целый город. А пассажиры — богатые американцы.

«Мафальду» затонул, очевидно не успев сообщить по радио о своей гибели, — размышлял Зурита. — Быть может, радиостанция оказалась поврежденной. Иначе из всех окрестных портов налетели бы быстроходные катера, глиссеры, яхты, а на них представители власти, корреспонденты, фотографы, кинооператоры, журна-

листы, подводники. Медлить нельзя. Придется рисковать отпустить Ихтиандра без цепи. Другого выхода нет. Но как заставить его вернуться назад? И если рисковать, то не лучше ли послать Ихтиандра за выкупом — жемчужным кладом. Но так ли уж ценен этот жемчужный клад? Не преувеличивает ли Ихтиандр?»

Конечно, следует добыть и клад и сокровища, погребенные на «Мафальду». Жемчужный клад не уйдет, его никто не найдет без Ихтиандра, только бы сам Ихтиандр остался в руках Зуриты. А через несколько дней, а может быть — и через несколько часов, сокровища «Мафальду» станут уже недоступными.

«Итак, сначала «Мафальду», — решился Зурита. Он приказал бросить якорь. Затем спустился в каюту, написал какую-то записку и с этим листком бумаги пришел в каюту Ихтиандра.

— Ты умеешь читать, Ихтиандр? Гуттиэре прислала тебе записку.

Ихтиандр быстро взял записку и прочитал:

«Ихтиандр! Выполню мою просьбу. Рядом с «Медузой» находится потонувший пароход. Опустись в море и принеси с этого корабля все, что найдешь ценного. Зурита отпустит тебя без цепи, но ты должен вернуться на «Медузу». Сделай это для меня, Ихтиандр, и ты скоро получишь свободу. Гуттиэре».

Ихтиандр никогда не получал писем от Гуттиэре и не знал ее почерка. Он очень обрадовался, получив это письмо, но тотчас задумался. Что, если это хитрость Зуриты?

— Почему Гуттиэре не попросила сама? — спросил Ихтиандр, указывая на записку.

— Она не совсем здорова, — ответил Зурита, — но ты увидишь ее, как только вернешься.

— Зачем эти ценностей Гуттиэре? — все еще недоверчиво спросил Ихтиандр.

— Если бы ты был настоящим человеком, ты не задавал бы таких вопросов. Какая женщина не хочет красиво одеваться, носить дорогие украшения? А для этого нужны деньги. Много денег лежит в затонувшем пароходе. Они теперь ничьи, — почему бы тебе не добыть их для Гуттиэре? Главное — надо разыскать золо-

тые монеты. Там должны быть почтовые кожаные мешки. Кроме того, золотые вещи, кольца могли быть у пассажиров...

— Не думаете ли вы, что я еще стану обыскивать трупы? — с негодованием спросил Ихтиандр. — И вообще я не верю вам. Гуттиэрэ не жадная, она не могла послать меня на такос дело...

— Проклятие! — воскликнул Зурита. Он видел, что его затея сорвется, если он сейчас же не сможет убедить Ихтиандра.

Тогда Зурита овладел собой, добродушно рассмеялся и сказал:

— Я вижу, тебя не обмануть. Приходится быть с тобой откровенным. Ну, так слушай. Не Гуттиэрэ хочет иметь золото с «Мафальду», а я. Этому ты поверишь?

Ихтиандр невольно улыбнулся.

— Вполне!

— Ну и отлично! Вот ты уже начинаешь мне верить — значит, мы сговоримся. Да, золото нужно мне. И если его на «Мафальду» окажется столько, сколько стоит твой жемчужный клад, то я немедленно отпущу тебя в океан, как только ты принесешь мне золото. Но вот беда: ты не совсем доверяешь мне, а я тебе. Я опасаюсь: если тебя отпустить в воду без цепи, ты нырнешь и...

— Если я дам слово вернуться, я сдержу его.

— Я спер не имел случая убедиться в этом. Ты не любишь меня, и я не удивлюсь, если не сдержишь своего слова. Но ты любишь Гуттиэрэ, и ты исполнишь то, о чем она попросит тебя. Верно? Вот я и договорился с нею. Она, конечно, хочет, чтобы я отпустил тебя. Поэтому она написала письмо и дала мне его, желая облегчить тебе путь к свободе. Теперь все тебе понятно?

Все, что говорил Зурита, казалось Ихтиандру убедительным и правдоподобным. Но Ихтиандр не заметил, что Зурита обещает отпустить его на волю только тогда, когда увидит, что на «Мафальду» окажется столько золота, сколько стоит его жемчужный клад...

«Ведь чтобы сравнить их, — рассуждал Зурита сам с собой, — Ихтиандр должен будет — я потребую от не-

го этого — принести свой жемчуг. А тогда в моих руках окажутся золото «Мафальду», жемчужный клад и Ихтиандр».

Но Ихтиандр не мог знать, что думал Зурита. Откровенность Зуриты убедила его, и Ихтиандр, подумав, согласился.

Зурита вздохнул с облегчением.

«Он не обманет», — подумал он.

— Идем скорее.

Ихтиандр быстро поднялся на палубу и бросился в море.

Матросы увидели Ихтиандра прыгающим в море без цепи. Они сразу поняли, что Ихтиандр отправился за потонувшими сокровищами «Мафальду». Неужели Зурита один завладеет всеми богатствами? Медлить было нельзя, и они бросились на Зуриту.

В то время как команда преследовала Зуриту, Ихтиандр принялся исследовать затонувший корабль.

Через огромный люк верхней палубы юноша проплыл вниз, над трапом, который напоминал лестницу большого дома, и попал в обширный коридор. Здесь было почти темно. Только слабый свет проникал сквозь раскрытые двери.

Ихтиандр вплыл в одну из этих раскрытых дверей и очутился в салоне. Большие круглые иллюминаторы тускло освещали огромный зал, который мог вместить не одну сотню людей. Ихтиандр уселся на роскошную люстру и посмотрел вокруг. Это было странное зрелище. Деревянные стулья и небольшие столики всплыли вверх и покачивались у потолка. На небольшой эстраде стоял рояль с открытой крышкой. Мягкие ковры устилали пол. Лакированная обшивка стен из красного дерева кое-где покоробилась. У одной стены стояли пальмы.

Ихтиандр оттолкнулся от люстры и поплыл к пальмам. Вдруг он в изумлении остановился. Навстречу ему плыл какой-то человек, повторяя его движения. «Зеркало», — догадался Ихтиандр. Это огромное зеркало занимало всю стену, тускло отражая в воде внутреннее убранство салона.

Здесь нечего было искать сокровищ. Ихтиандр выплыл в коридор, спустился одной палубой ниже и вплыл в такое же роскошное и огромное, как салон, помещение,— очевидно, ресторан. На буфетных полках и стойках и возле стоек на полу валялись бутылки с вином, банки с консервами, коробки. Давлением воды многие пробки были вогнаны внутрь бутылок, а жестяные коробки помяты. На столе оставалась сервировка, но часть посуды, серебряных вилок и ножей валялась на полу.

Ихтиандр стал пробираться в каюты.

Он побывал уже в нескольких каютах, обставленных по последнему слову американского комфорта, но не видел ни одного трупа. Только в одной из кают третьей палубы он увидел распухший труп, колыхавшийся у потолка.

«Вероятно, многие спаслись на шлюпках»,— подумал Ихтиандр.

Но, опустившись еще ниже, на палубу, где помещались пассажиры третьего класса, юноша увидел ужасную картину: в этих каютах остались мужчины, женщины и дети. Тут были трупы белых, китайцев, негров и индейцев.

Команда парохода прежде всего стремилась спасти богатых пассажиров первого класса, бросив остальных на произвол судьбы. В некоторые каюты Ихтиандр не мог проникнуть: двери были плотно забиты трупами. В панике люди давили друг друга, теснились у выхода, мешая друг другу и отрезая себе последний путь к спасению.

В длинном коридоре медленно колыхались люди. Вода проникла в открытые иллюминаторы и раскачивала распухшие трупы. Ихтиандру стало страшно, и он поспешил уплыть из этого подводного кладбища.

«Неужели Гуттиэрэ не знала, куда посылает меня?» — размышлял Ихтиандр. Неужели она могла заставить его, Ихтиандра, выворачивать карманы утопленников и вскрывать чемоданы? Нет, этого она не могла сделать! Очевидно, он опять попал в ловушку Зуриты. «Я выплыву на поверхность,— решил Ихти-

андр,— и потребую, чтобы Гуттиэрэ вышла на палубу и сама подтвердила просьбу».

Как рыба, скользил юноша по бесконечным переходам от палубы к палубе и быстро поднялся на поверхность. Он быстро приближался к «Медузе».

— Зурита! — позвал он.— Гуттиэрэ!

Но ему никто не отвечал. Безмолвная «Медуза» покачивалась на волнах.

«Куда они все делись? — подумал юноша.— Что еще замышляет Зурита?» Ихтиандр осторожно подплыл к шхуне и взобрался на палубу.

— Гуттиэрэ! — крикнул он еще раз.

— Мы здесь! — услышал юноша голос Зуриты, еле доносившийся с берега.

Ихтиандр оглянулся и увидел Зуриту, осторожно выглядывавшего из кустов на берегу.

— Гуттиэрэ заболела! Плыви сюда, Ихтиандр! — кричал Зурита.

Гуттиэрэ больна! Он сейчас увидит ее. Ихтиандр прыгнул в воду и быстро поплыл к берегу.

Юноша уже вышел из воды, когда услышал заглушенный голос Гуттиэрэ:

— Зурита лжет! Спасайся, Ихтиандр!

Юноша быстро повернулся и поплыл под водой. Когда он уплыл далеко от берега, он поднялся на поверхность и оглянулся. Он увидел: на берегу мелькнуло что-то белое.

Быть может, Гуттиэрэ приветствовала его спасение. Увидится ли он когда-нибудь с нею?..

Ихтиандр быстро поплыл в открытое море. Вдали виднелось небольшое судно. Окруженное пеной, судно направлялось на юг, взрывая воду острым носом.

«Подальше от людей», — подумал Ихтиандр и, глубоко нырнув, скрылся под водой.

Часть третья

Новоявленный отец

Бальтазар после неудачного путешествия на подводной лодке находился в самом мрачном настроении. Ихтиандра не нашли, Зурита куда-то пропал вместе с Гуттиэре.

— Проклятые белые! — ворчал старик, сидя одиноко в своей лавке. — Они прогнали нас с нашей земли и обратили в своих рабов. Они калечат наших детей и похищают наших дочерей. Они хотят истребить нас всех до последнего.

— Здравствуй, брат! — услышал Бальтазар голос Кристо. — Новость! Большая новость! Ихтиандр нашелся.

— Что?! — Бальтазар быстро поднялся. — Говори скорее!

— Скажу, только ты меня не перебивай, а то я забуду, что хотел сказать. Нашелся Ихтиандр. Я верно тогда сказал: он был на потонувшем корабле. Мы отплыли дальше, а он выплыл и поплыл домой.

— Где же он? У Сальватора?

— Да, у Сальватора.

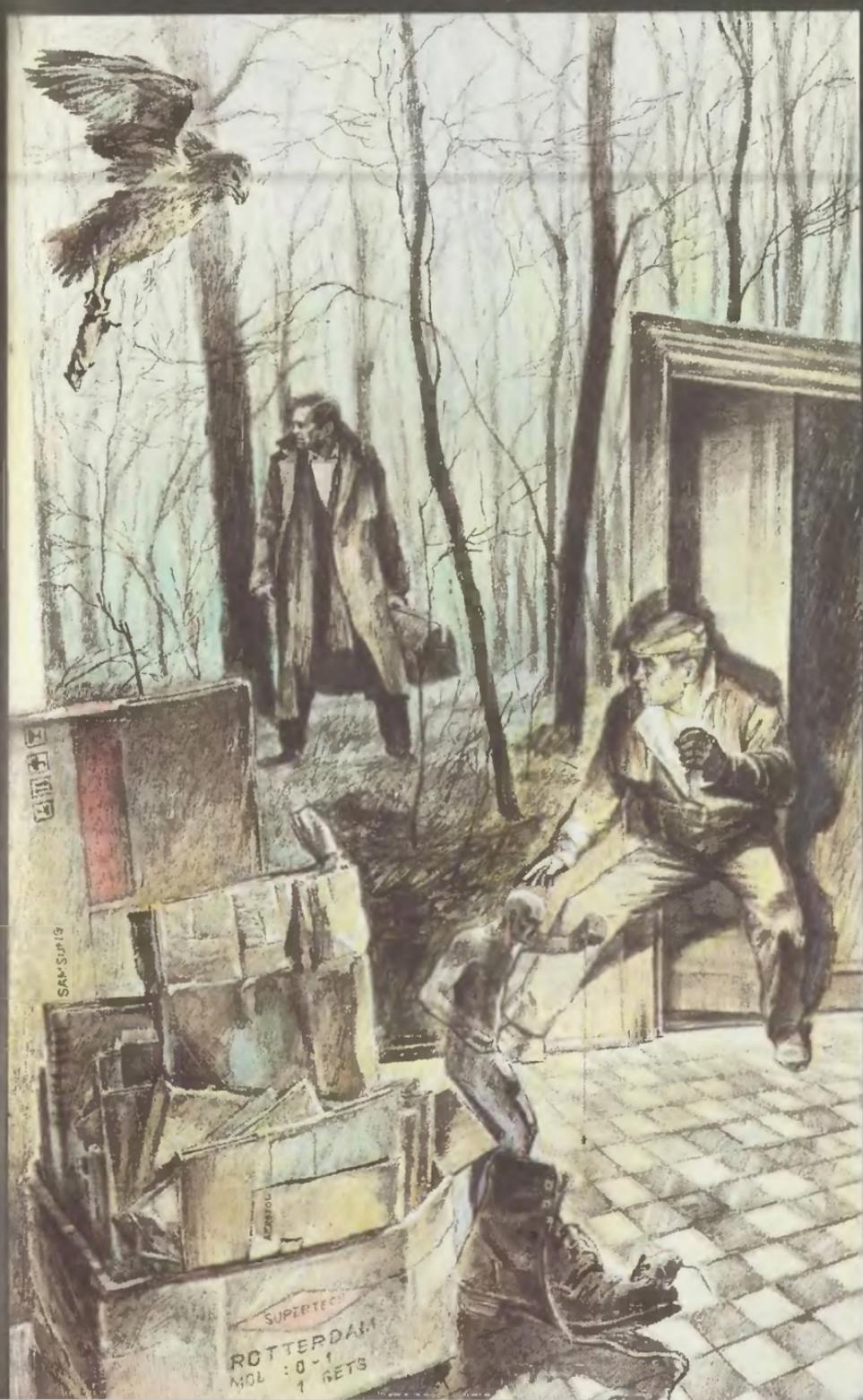
— Я пойду к нему, к Сальватору, и потребую, чтобы он вернул мне моего сына...

— Не отдаст! — возразил Кристо. — Сальватор запрещает Ихтиандру плавать в океане. Иногда я потихоньку отпускаю его...

— Отдаст! Если не отдаст, я убью Сальватора. Идем сейчас же.

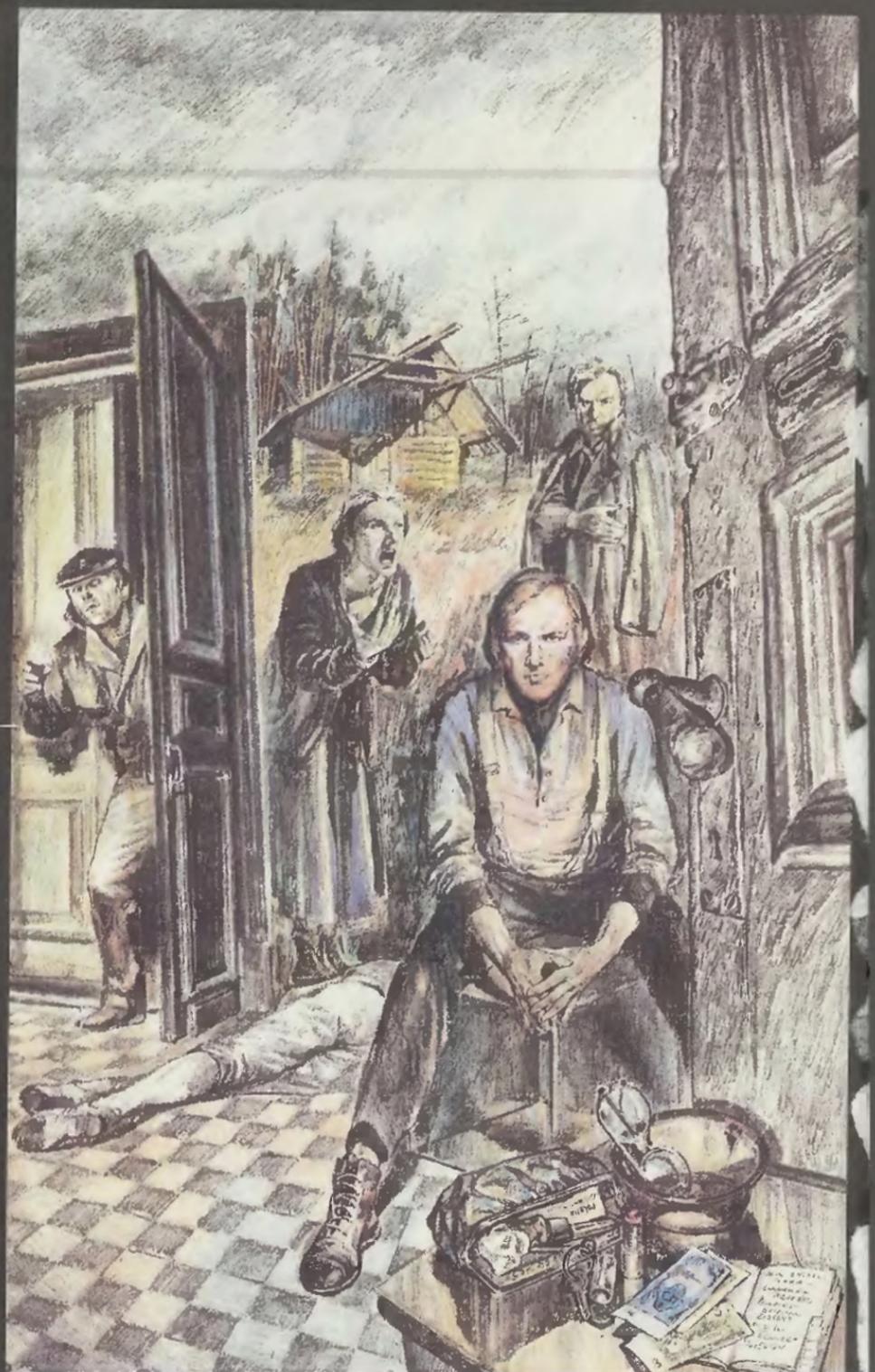
Кристо испуганно замахал руками.

— Подожди хоть до завтра. Я еле отпросился у Сальватора навестить

SAVING

SPUTTER
SUPERTECH
ROTTERDAM
MOL : 0-1
1 GETS

свою «внучку». Сальватор стал такой подозрительный. Смотрит в глаза, как ножом режет. Прошу тебя, подожди до завтра.

— Хорошо. Я приду к Сальватору завтра. А сейчас я пойду туда, к заливу. Может быть, хоть издали увижу в море моего сына.

Всю ночь Бальтазар просидел на скале у залива, всматриваясь в волны. Море было бурное. Холодный южный ветер налетал шквалами, срываая пену с верхушек волн и разбрасывая ее по прибрежным утесам. На берегу грохотал прибой. Луна, ныряя в быстро несущихся по небу облаках, то освещала волны, то скрывалась. Как ни старался Бальтазар, он ничего не мог разглядеть в пенящемся океане. Уже наступил рассвет, а Бальтазар все еще сидел неподвижно на прибрежном утесе. Из темного океана сделался серым, но он был также пустынен и безлюден.

И вдруг Бальтазар встрепенулся. Его зоркие глаза заметили какой-то темный, качающийся на волнах предмет. Человек! Быть может, утопленник! Нет, он спокойно лежит на спине, заложив руки за голову. Нужели он?

Бальтазар не ошибся. Это был Ихтиандр.

Бальтазар поднялся и, прижав руки к груди, зачрикал:

— Ихтиандр! Сын мой! — И стариk, подняв руки, бросился в море.

Упав со скалы, он глубоко нырнул. А когда выплыл, на поверхности никого не было. Отчаянно борясь с волнами, Бальтазар нырнул еще раз, но огромная волна подхватила его, перевернула, выбросила на берег и откатилась с глухим ворчанием.

Весь мокрый, Бальтазар встал, посмотрел на волны и тяжело вздохнул.

«Неужели мне почудилось?»

Когда ветер и солнце высушили одежду Бальтазара, он отправился к стене, охранявшей владения Сальватора, и постучал в железные ворота.

— Кто там? — спросил негр, заглядывая через приоткрытый волчок.

— К доктору, по важному делу.

— Доктор никого не принимает, — ответил негр, и окошечко закрылось.

Бальтазар продолжал стучать, кричать, но никто не открывал ему ворот. За стеной слышался только угрожающий лай собак.

— Подожди, проклятый испанец!.. — погрозил Бальтазар и отправился в город.

Недалеко от здания суда находилась пулькерия «Пальма» — приземистое старинное белое здание с толстыми каменными стенами. Перед входом была устроена небольшая веранда, крытая полосатым тентом, уставленная столиками, кактусами в синих эмалевых вазах. Веранда оживала только вечером. Днем публика предпочитала сидеть в прохладных низеньких комнатах. Пулькерия была как бы отделением суда. Сюда во время судебных заседаний являлись истцы, ответчики, свидетели, обвиняемые, еще не взятые под стражу.

Здесь, попивая вино и пульке, они предпочитали коротать нудные часы, пока не наступала их очередь. Шустрый мальчишка, все время курсирующий между зданием суда и «Пальмой», сообщал о том, что делается в суде. Это было удобно. Сюда же стекались темные ходатай по делам и лжесвидетели, откровенно предлагающие свои услуги.

Много раз бывал Бальтазар в «Пальме» по делам своей лавки. Он знал, что здесь можно встретить нужного человека, написать прошение. Поэтому Бальтазар направился сюда.

Он быстро прошел веранду, вошел в прохладный вестибюль, с удовольствием вдохнул холодок, отер пот со лба и спросил вертевшегося возле него мальчишку:

— Ларра пришел?

— Дон Флорес де Ларра пришли, сидят на своем месте, — бойко отвечал мальчик.

Тот, кого называли громким именем дон Флорес де Ларра, был когда-то мелким судебным служащим — его выгнали за взятки. Теперь он имел много клиентов: все, у кого были сомнительные дела, охотно обращались к этому великому крючкотвору. Имел с ним дело и Бальтазар.

Ларра сидел за столиком возле готического окна с широким подоконником. На столе перед ходатаем стояла кружка с вином и лежал пухлый рыжий портфель. Всегда готовое к работе вечное перо было прицеплено к карману потертого костюма оливкового цвета.

Ларра был толстый, лысый, краснощекий, краснолобый, бритый и гордый. Влетавший в окно ветерок поднимал остатки седых волос. Сам председатель суда не мог принимать своих клиентов с большим величием.

Увидев Бальтазара, он небрежно кивнул головой, жестом указал на плетеное кресло против себя и сказал:

— Прошу вас, садитесь. С чем пожаловали? Не хотите ли вина? Пульке?

Обычно заказывал он, но платил клиент.

Бальтазар, казалось, не слышал.

— Большое дело. Важное дело, Ларра.

— Дон Флорес де Ларра,— поправил ходатай, отпивая из кружки.

Но Бальтазар не обратил внимания на эту поправку.

— В чем заключается ваше дело?

— Ты знаешь, Ларра...

— Дон Флорес де...

— Оставь эти фокусы для новичков! — сердито прикрикнул Бальтазар. — Тут серьезное дело.

— Ну так говори скорее, что ли, — уже другим тоном ответил Ларра.

— Ты знаешь морского дьявола?

— Не имел чести быть лично знаком, но много слышал, — снова по привычке важно ответил Ларра.

— Так вот! Тот, кого зовут «морской дьявол», — мой сын Ихтиандр.

— Не может этого быть! — воскликнул Ларра. — Ты выпил лишнего, Бальтазар.

Индеец стукнул кулаком по столу:

— У меня со вчерашнего дня во рту ничего не было, кроме нескольких глотков морской воды.

— Значит, положение еще хуже...

— С ума сошел? Нет, я в полном уме. Молчи и слушай.

И Бальтазар рассказал Ларре всю историю. Ларра слушал индейца, не проронив ни слова. Его седые брови поднимались все выше. Наконец он не выдержал, забыл все свое олимпийское величие, хлопнул жирной ладонью по столу и крикнул:

— Миллион чертей!

Подбежал мальчик в белом фартуке и с грязной салфеткой.

— Чего прикажете?

— Две бутылки солерна со льдом! — И, обратясь к Бальтазару, Ларра сказал: — Великолепно! Прекрасное дельце! Неужто ты сам все придумал? Хотя, признаться откровенно, самое слабое место во всем этом — твое отцовство.

— Ты сомневаешься? — Бальтазар даже покраснел от гнева.

— Ну, ну, не сердись, старина. Я ведь говорю только как юрист, с точки зрения вескости судебных доказательств: они слабоваты. Но и это дело можно поправить. Да. И нажить большие деньги.

— Мне нужен сын, а не деньги, — возразил Бальтазар.

— Деньги всем нужны, а в особенности тем, у кого прибавление семейства, как у тебя, — поучительно сказал Ларра и, хитро прищурившись, продолжал: — Самое же ценное и самое надежное во всем деле Сальватора это то, что нам удалось узнать, какими опытами и операциями он занимался. Тут можно такие мины подвесить, что из этого золотого мешка — Сальватора — пезеты посыплются, как перезревшие апельсины в хорошую бурю.

Бальтазар едва притронулся к стакану вина, налитого Ларрой, и сказал:

— Я хочу получить своего сына. Ты должен написать об этом заявление в суд.

— Ни-ни! Ни в коем случае! — почти с испугом возразил Ларра. — С этого начинать — испортить все дело. Этим только кончать надо.

— Что же ты посоветуешь? — спросил Бальтазар.

— Первое,— Ларра загнул толстый палец,— мы пошлем Сальватору письмо, составленное в самых изысканных выражениях. Мы сообщим ему, что нам известны все его незаконные операции и опыты. И если он хочет, чтобы мы не предавали этого дела огласке, то должен уплатить нам кругленькую сумму. Сто тысяч. Да, сто тысяч — это самое меньшее.— Ларра вопросительно посмотрел на Бальтазара.

Тот хмурился и молчал.

— Второе,— продолжал Ларра.— Когда мы получим указанную сумму — а мы ее получим,— мы пошлем профессору Сальватору второе письмо, составленное в еще более изысканных выражениях. Мы сообщим ему, что нашелся настоящий отец Ихтиандра и что у нас имеются бесспорные доказательства. Мы напишем ему, что отец желает получить сына и не остановится перед судебным иском, на котором может раскрыться, как Сальватор изуродовал Ихтиандра. Если же Сальватор хочет предупредить иск и оставить у себя ребенка, то должен уплатить указанным нами лицам в указанном месте и в указанное время миллион долларов.

Но Бальтазар не слушал. Он схватил бутылку и хотел было запустить ее в голову ходатая. Ларра никогда еще не видал Бальтазара в таком сильном гневе.

— Не сердись. Оставь, я пошутил. Опусти же бутылку! — воскликнул Ларра, прикрывая рукою лоснящийся череп.

— Ты!.. Ты!.. — кричал взбешенный Бальтазар.— Ты предлагаешь мне продать родного сына, отказаться от Ихтиандра. Или у тебя нет сердца? Или ты не человек, а скорпион, тарантул, или тебе совершенно неизвестны отцовские чувства!

— Пять! Пять! Пять! — закричал Ларра, в свою очередь, рассердившись.— Пять отцовских чувств! Пять сыновей имею! Пять дьяволят всякого размера! Пять ртов! Знаю, понимаю, чувствую! Не уйдет и твой от тебя. Наберись только терпения и дослушай до конца.

Бальтазар успокоился. Он поставил бутылку на стол, опустил голову и посмотрел на Ларру:

— Ну, говори!

— То-то! Сальватор уплатит нам миллион. Это будет приданое твоему Ихтиандру. Ну, и мне кое-что пеперадет. За хлопоты и авторское право на изобретение — какую-нибудь сотню тысяч. Мы с тобой столкнемся. Сальватор миллион уплатит. Ручаюсь головой! А как только уплатит...

— Мы подадим в суд.

— Еще немножечко терпения. Мы предложим издателям и редакторам самого крупного газетного концерна уплатить нам, ну, скажем, тысяч двадцать — тридцать — пригодится на мелкие расходы — за наше сообщение о сенсационнейшем преступлении. Может быть, нам достанется кое-что из секретных сумм тайной полиции. Ведь на таком деле агенты полиции карьеру себе могут сделать. Когда мы выжмем из дела Сальватора все, что только можно, тогда, пожалуйста, иди в суд, вызывай там о своих отцовских чувствах, и да поможет тебе сама Фемида доказать свои права и получить в отеческие объятия твоего любезного сына.

Ларра залпом выпил стакан вина, стукнул бокалом о стол, победоносно посмотрел на Бальтазара.

— Что скажешь?

— Я не ем, не сплю ночей. А ты предлагаешь без конца тянуть дело, — начал Бальтазар.

— Да ведь ради чего?.. — прервал его горячо Ларра. — Ради чего? Ради миллионов? Мил-ли-онов! Несужели ты перестал понимать? Прожил же ты двадцать лет без Ихтиандра.

— Жил. А теперь... Одним словом, пиши заявление в суд.

— Он в самом деле перестал соображать! — воскликнул Ларра. — Опомнись, очнись, образумься, Бальтазар! Пойми! Миллионы! Деньги! Золото! Можно купить все на свете. Лучший табак, автомобиль, двадцать шхун, вот эту пульверию...

— Пиши прошение в суд, или я обращусь к другому ходатаю, — решительно заявил Бальтазар.

Ларра понял, что возражать дальше бесполезно. Он покачал головой, вздохнул, вынул из рыжего портфеля бумагу, сорвал с бокового кармана «вечное перо».

Через несколько минут жалоба в суд на Сальватора, незаконно присвоившего и изуродовавшего сына Бальтазара, была написана.

— В последний раз говорю: одумайся, — сказал Ларра.

— Давай, — протягивая руку за жалобой, сказал индейец.

— Подай главному прокурору. Знаешь? — напутствовал клиента Ларра и проворчал под нос: «Чтобы тебе на лестнице споткнуться и ногу сломать!»

Выходя от прокурора, Бальтазар столкнулся на большой белой лестнице с Зуритой.

— Ты чего сюда ходишь? — спросил Зурита, подозрительно глядя на индейца. — Уж не на меня ли жаловался!

— На всех на вас надо жаловаться, — ответил Бальтазар, имея в виду испанцев, — да некому. Где ты прячешь мою дочь?

— Как смеешь ты обращаться ко мне на «ты»! — вспыхнул Зурита. — Если бы ты не был отцом моей жены, я избил бы тебя палкой.

Зурита, грубо отстранив рукой Бальтазара, поднялся по лестнице и скрылся за большой дубовой дверью.

Юридический казус

Прокурора Буэнос-Айреса посетил редкий гость — настоятель местного кафедрального собора епископ Хуан де Гарсиассо.

Прокурор, толстый, маленький, живой человек с заплывшими глазками, коротко остриженными волосами и крашенными усами, поднялся со своего кресла, приветствуя епископа. Хозяин бережно усадил дорогого гостя в тяжелое кожаное кресло у своего письменного стола.

Епископ и прокурор мало походили друг на друга. Лицо прокурора было мясистое и красное, с толстыми губами и широким, грушевидным носом. Пальцы рук напоминали толстые короткие обрубки, а пуговицы на круглом животе ежеминутно готовы были оторваться,

не будучи в силах сдержать колышущуюся стихию жира.

Лицо епископа поражало своей худобой и бледностью. Сухой нос с горбинкой, острый подбородок и тонкие, почти синие губы придавали ему типичный облик иезуита. Епископ никогда не смотрел в глаза своему собеседнику, но тем не менее он зорко наблюдал за ним. Влияние епископа было огромно, и он охотно отрывался от духовных дел, чтобы управлять сложной политической игрой. Поздоровавшись с хозяином, епископ не замедлил перейти к цели своего визита.

— Я бы хотел узнать, — тихо спросил епископ, — в каком положении находится дело профессора Сальватора?

— А, и вы, ваше преосвященство, заинтересованы этим делом! — любезно воскликнул прокурор. — Да, это исключительный процесс! — Взял со стола толстую папку и переворачивая листы дела, прокурор продолжал: — По доносу Педро Зуриты мы произвели обыск у профессора Сальватора. Заявление Зуриты о том, что Сальватор производил необычайные операции животных, подтвердилось вполне. В садах Сальватора была настоящая фабрика животных-уродов. Это что-то изумительное! Сальватор, например...

— О результатах обыска я знаю из газет, — мягко перебил епископ. — Какие меры вы приняли в отношении самого Сальватора? Он арестован?

— Да, он арестован. Кроме того, мы перевезли в город, в качестве вещественного доказательства и свидетеля обвинения, молодого человека по имени Ихтиандр, — он же морской дьявол. Кто бы мог подумать, что знаменитый морской дьявол, который так долго занимал нас, оказался одним из чудовищ зверинца Сальватора! Сейчас эксперты, профессора университета, занимаются изучением всех этих чудовищ. Мы не могли, конечно, перевезти весь зверинец, все эти живые вещественные доказательства, в город. Но Ихтиандра привезли и поместили в подвале здания суда. Он причиняет нам немало хлопот. Представьте, ему пришлось соорудить большой бак, так как он не может жить без

воды. И он действительно чувствовал себя очень плохо. Очевидно, Сальватор произвел какие-то необычайные изменения в его организме, превратившие юношу в человека-амфибию. Наши ученые выясняют этот вопрос.

— Меня больше интересует судьба Сальватора, — так же тихо проговорил епископ, — По какой статье он подлежит ответственности? И каково ваше мнение: будет ли он осужден?

— Дело Сальватора — редкий юридический казус, — ответил прокурор. — Признаюсь, я еще не решил, к какой статье отнести это преступление. Проще всего, конечно, было бы обвинить Сальватора в производстве незаконных вивисекций и в увечье, которое он причинил этому юноше...

Епископ начал хмуриться:

— Вы полагаете, что во всех этих действиях Сальватора нет состава преступления?

— Есть или будет, но какое? — продолжал прокурор. — Мне было подано еще одно заявление — от какого-то индейца Бальтазара. Он утверждает, что Ихтиандр его сын. Доказательства слабоваты, но мы, пожалуй, сумеем использовать этого индейца как свидетеля обвинения, если эксперты установят, что Ихтиандр действительно его сын.

— Значит, в лучшем случае Сальватор будет обвинен только в нарушении медицинского устава и судить его будут лишь за производство операции над ребенком без разрешения родителя?

— И может быть, за причинение увечья. Это уже посерьезнее. Но в этом деле есть еще одно осложняющее обстоятельство. Эксперты — правда, это не окончательное их суждение — склоняются к тому, что нормальному человеку не могла даже явиться мысль так уродовать животных и совершить такую необычайную операцию. Сальватор может быть признан экспертами невиновным, как душевнобольной.

Епископ сидел молча, сжав тонкие губы и глядя на угол стола. Потом он сказал совсем тихо:

— Я не ожидал от вас этого.

— Чего, ваше преосвященство? — спросил озадаченный прокурор.

— Даже вы, блюститель правосудия, как бы оправдываете действия Сальватора, находя его операции не лишенными целесообразности.

— Но что же здесь плохого?

— И затрудняетесь определить состав преступления. Суд церкви — небесный суд — смотрит на действия Сальватора иначе. Позвольте же прийти вам на помощь и подать совет.

— Пропусти вас, — смущенно произнес прокурор.

Епископ заговорил тихо, постепенно повышая голос, как проповедник, как обличитель:

— Вы говорите, что поступки Сальватора не лишены целесообразности? Вы считаете, что изуродованные им животные и человек получили даже некоторые преимущества, которых они не имели? Что это значит? Неужели творец создал людей несовершенно? Неужели нужно какое-то вмешательство профессора Сальватора, чтобы придать человеческому телу совершенный вид?

Потупясь и не двигаясь, сидел прокурор. Перед лицом церкви он сам оказался в положении обвиняемого. Он никак не ожидал этого.

— Разве вы забыли, что сказано в священном писании в книге Бытия, глава первая, стих двадцать шестой: «И сказал бог: сотворим человека по образу нашему, по подобию нашему», — и далее стих двадцать седьмой: «И сотворил бог человека по образу своему». А Сальватор дерзает исказить этот образ и подобие, и вы — даже вы! — находите это целесообразным!

— Простите, святой отец... — мог только проговорить прокурор.

— Не нашел ли господь свое творение прекрасным, — вдохновенно говорил епископ, — законченным? Вы хорошо помните статьи законов человеческих, но забываете статьи законов божеских. Вспомните же стих тридцать первый той же главы первой книги Бытия: «И увидел бог все, что он создал, и вот хорошо весьма». А ваш Сальватор полагает, что нужно что-то исправлять, переделывать, уродовать, что люди должны быть земноводными существами, — и вы тоже находите все это остроумным и целесообразным. Разве

это не хула бога? Не святотатство? Не кощунство? Или гражданские законы уже не карают у нас религиозных преступлений? Что будет, если вслед за вами все станут повторять: «Да, человек плохо сотворен богом. Надо отдать человека в переделку доктору Сальватору»? Разве это не чудовищный подрыв религии?.. Бог находил все, что создал, хорошим, — все свои творения. А Сальватор начинает переставлять животным головы, менять шкуры, создавать воистину богомерзкие чудовища, словно издеваясь над создателем. И вы затрудняетесь найти в действиях Сальватора состав преступления!

Епископ остановился. Он остался доволен впечатлением, которое произвела его речь на прокурора, помолчал и снова заговорил тихо, постепенно повышая голос:

— Я сказал, что меня больше интересует судьба Сальватора. Но разве я могу безразлично отнестись к судьбе Ихтиандра? Ведь это существо не имеет даже христианского имени, ибо Ихтиандр по-гречески значит не что иное, как человек-рыба. Даже если Ихтиандр сам не виновен, если он является только жертвой, то он все же является богопротивным, кощунственным созданием. Самим своим существованием он может смущать мысли, наводить на грешные размышления, искушать единых от малых сих, колебать слабоверных. Ихтиандр не должен существовать! Лучше всего, если бы господь призвал его к себе, если бы этот несчастный юноша умер от несовершенства своей изуродованной природы. — Епископ многозначительно посмотрел на прокурора. — Во всяком случае, он должен быть обвинен, изъят, лишен свободы. Ведь за ним тоже водились кое-какие преступления: он похищал у рыбаков рыбу, портил их сети и в конце концов так напугал их, что, помните, рыбаки бросили лов, и город оставался без рыбы. Безбожник Сальватор и омерзительное детище его рук Ихтиандр — дерзкий вызов церкви, богу, не-бу! И церковь не сложит оружия, пока они не будут уничтожены.

Епископ продолжал свою обличительную речь. Прокурор сидел перед ним подавленный, опустив голову, не пытаясь прервать этот поток грозных слов.

Когда наконец епископ окончил, прокурор поднялся, подошел к епископу и сказал глухим голосом:

— Как христианин грех мой я принесу в исповедальню, чтобы вы отпустили его. А как должностное лицо я приношу вам благодарность за ту помощь, которую вы оказали мне. Теперь мне ясно преступление Сальватора. Он будет обвинен и понесет наказание. Ихтиандра также не минует меч правосудия.

Гениальный безумец

Доктора Сальватора не сломил судебный процесс. В тюрьме он оставался спокойным, держался самоуверенно, со следователями и экспертами говорил с высокомерной снисходительностью, как взрослый с детьми.

Его натура не переносила бездействия. Он много писал, произвел несколько блестящих операций в тюремной больнице. В числе его тюремных пациентов была жена тюремного смотрителя. Злокачественная опухоль угрожала ей смертью. Сальватор спас ей жизнь в тот самый момент, когда приглашенные для консультации врачи отказались помочь, заявив, что здесь медицина бессильна.

Наступил день суда.

Огромный судебный зал не мог вместить всех желающих присутствовать на суде. Публика толпилась в коридорах, заполняла площадь перед зданием, заглядывала в открытые окна. Много любопытных забралось на деревья, растущие возле здания суда.

Сальватор спокойно занял свое место на скамье подсудимых. Он вел себя с таким достоинством, что посторонним могло показаться, будто он не обвиняемый, а судья. От защитника Сальватор отказался.

Сотни живых глаз смотрели на него. Но мало кто мог выдержать пристальный взгляд Сальватора.

Ихтиандр возбуждал не меньший интерес, но его не было в зале. Последние дни Ихтиандр чувствовал себя плохо и почти все время проводил в водяном баке, скрываясь от надоедливых любопытных глаз. В процессе Сальватора Ихтиандр был только свидетелем об-

винения — скорее, одним из вещественных доказательств, как выражался прокурор.

Дело по обвинению самого Ихтиандра в преступной деятельности должно было слушаться отдельно, после процесса Сальватора.

Прокурору пришлось так поступить потому, что епископ торопил с делом Сальватора, собирание же улик против Ихтиандра требовало времени. Агенты прокурора деятельно, но осторожно вербовали в пулькерии «Пальма» свидетелей будущего процесса, в котором Ихтиандр должен был выступить обвиняемым. Однако епископ не переставал намекать прокурору, что наилучшим выходом было бы, если бы господь прибрал неудачника Ихтиандра. Такая смерть была бы лучшим доказательством того, что рука человека способна только портить божьи создания.

Три ученых эксперта, профессора университета, прочли свое заключение. С огромным вниманием, стараясь не пропустить ни одного слова, слушала аудитория суда мнение ученых.

— По требованию суда, — начал речь уже немолодой профессор Шейн, главный эксперт суда, — мы осмотрели животных и юношу Ихтиандра, подвергшихся операциям, произведенным профессором Сальватором в его лабораториях. Мы обследовали его небольшие, но умело оборудованные лаборатории и операционные. Профессор Сальватор применял в своих операциях не только последние усовершенствования хирургической техники, вроде электрических ножей, обеззаражающих ультрафиолетовых лучей и тому подобного, но и такие инструменты, которые еще неизвестны хирургам. По-видимому, они были изготовлены по его указаниям. Я не буду долго останавливаться на опытах профессора Сальватора над животными. Эти опыты сводились к чрезвычайно дерзким по замыслу и блестящим по выполнению операциям: к пересадке тканей и целых органов, сшиванию двух животных, к превращению двудышащих в однодышащих и обратно, превращению самок в самцов, к новым методам омоложения. В садах Сальватора мы нашли детей и подростков в возрасте от нескольких месяцев до че-

тырнадцати лет, принадлежащих к различным индейским племенам.

— В каком состоянии вы нашли детей? — спросил прокурор.

— Все дети здоровы и жизнерадостны. Они резвятся в саду и затеваются игры. Многих из них Сальватор спас от смерти. Индейцы верили ему и приводили детей из самых отдаленных мест — от Аляски до Огненной Земли: эскимосы, яганы, апачи, таулипанги, санапаны, ботокуды, пано, арауканцы.

В зале послышался чей-то вздох.

— Все племена несли своих детей к Сальватору.

Прокурор начинал беспокоиться. После беседы с епископом, когда его мысли получили новое направление, он не мог слушать спокойно эти похвалы Сальватору и спросил у эксперта:

— Не думаете ли вы, что операции Сальватора были полезны и целесообразны?

Но председатель суда, седой старик с суровым лицом, опасаясь того, что эксперт ответит утвердительно, поспешил вмешаться:

— Суду неинтересны личные взгляды эксперта на научные вопросы. Прошу продолжать. Что дал осмотр юноши Ихтиандра из племени араукана?

— Его тело было покрыто искусственной чешуей, — продолжал эксперт, — из какого-то неизвестного, гибкого, но крайне прочного вещества. Анализ этого вещества еще не закончен. В воде Ихтиандр пользовался иногда очками с особыми стеклами из тяжелого флинтгласса, показатель преломления которых равен почти двум. Это давало ему возможность хорошо видеть под водой. Когда мы сняли с Ихтиандра его чешую, то обнаружили под обеими лопатками круглые отверстия десяти сантиметров в диаметре, закрытые пятью тонкими полосками, похожими на жабры акулы.

В зале послышался заглушенный голос удивления.

— Да, — продолжал эксперт, — это кажется невероятным, но Ихтиандр обладает легкими человека и в то же время жабрами акулы. Поэтому он может жить на земле и под водой.

— Человек-амфибия? — иронически спросил прокурор.

— Да, в некотором роде человек-амфибия — двудышащее земноводное.

— Но каким образом у Ихтиандра могли оказаться жабры акулы? — спросил председатель.

Эксперт широко развел руками и ответил:

— Это загадка, которую, быть может, пожелает нам разъяснить сам профессор Сальватор. Наше мнение было таково: по биологическому закону Геккеля каждое живое существо в своем развитии повторяет все те формы, которые прошел данный вид живого существа в течение вековой жизни вида на земле. Можно с уверенностью сказать, что человек произошел от предков, в свое время дышавших жабрами.

Прокурор приподнялся на стуле, но председатель остановил его жестом.

— На двадцатый день развития у человеческого зародыша обозначаются четыре лежащие друг за другом жаберные складочки. Но позже у человеческого зародыша жаберный аппарат преобразуется: первая жаберная дуга превращается в слуховой проход со слуховыми косточками и в евстахиеву трубу; нижняя часть жаберной дуги развивается в нижнюю челюсть; вторая дуга — в отростки и тело подъязычной кости; третья дуга — в щитовидный хрящ гортани. Мы не думаем, что профессору Сальватору удалось задержать развитие Ихтиандра в его зародышевой стадии. Науке, правда, известны случаи, когда даже у совершенно взрослого человека остается незаросшее жаберное отверстие на шее, под челюстью. Это так называемые шейные фистулы. Но с такими остатками жабр, конечно, нельзя жить под водой. При ненормальном развитии зародыша должно было получиться одно из двух: или продолжали бы развиваться жабры, но за счет развития органа слуха и других анатомических изменений. Но тогда Ихтиандр превратился бы в чудовище с недоразвитой головой полурыбы-получеловека, или победило бы нормальное развитие человека, но за счет уничтожения жабр. Однако Ихтиандр — нормально развитый молодой человек, с хорошим слухом, вполне развитой ниж-

ней челюстью и нормальными легкими, но, кроме того, у него есть вполне сформированные жабры. Как именно функционируют жабры и легкие, в каком взаимоотношении они находятся друг с другом, проходит ли вода через рот и легкие в жабры, или же вода проникает в жабры через небольшое отверстие, которое мы обнаружили на теле Ихтиандра выше круглого жаберного отверстия,— мы не знаем. Мы могли бы ответить на эти вопросы, если бы мы произвели анатомическое вскрытие. Это, повторяю, загадка, ответ на которую должен дать сам профессор Сальватор. Профессор Сальватор должен разъяснить нам, как появились собаки, похожие на ягуаров, странные, необычайные животные, и земноводные обезьяны — эти двойники Ихтиандра.

— Какое же ваше общее заключение? — спросил председатель эксперта.

Профессор Шейн, сам пользовавшийся большой известностью как ученый и хирург, откровенно ответил:

— Признаюсь, в этом деле я ничего не понимаю. Я могу лишь сказать, что то, что делал профессор Сальватор, под силу только гению. Сальватор, очевидно, решил, что в своем искусстве хирурга дошел до такого совершенства, что может разбирать, складывать и приспособлять тело животного и человека по своему желанию. И хотя он на деле блестяще осуществлял это, тем не менее его смелость и широта замыслов граничат с... безумием.

Сальватор презрительно усмехнулся.

Он не знал, что эксперты решили облегчить его участь и поднять вопрос о его невменяемости, чтобы иметь возможность заменить тюремный режим больничным.

— Я не утверждаю, что он безумец,— продолжал эксперт, заметив улыбку Сальватора,— но, во всяком случае, по нашему мнению, обвиняемого следует поместить в санаторий для душевнобольных и подвергнуть длительному наблюдению врачей-психиатров.

— Вопрос о невменяемости подсудимого не поднимался судом. Суд обсудит это новое обстоятельство,— сказал председатель.— Профессор Сальватор, желаете

ли вы дать разъяснение по некоторым вопросам экспертов и прокурора?

— Да, — ответил Сальватор. — Я дам объяснения. Но пусть это будет вместе с тем и моим последним словом.

Слово подсудимого

Сальватор спокойно поднялся и окинул взглядом зал суда, как будто искал кого-то. Среди зрителей Сальватор заметил Бальтазара, Кристо и Зуриту. В первом ряду сидел епископ. Сальватор несколько задержал на нем свой взгляд. На лице Сальватора появилась едва заметная улыбка. Затем Сальватор начал искать кого-то взглядом, внимательно осматривая весь зал.

— Я не нахожу в этом зале потерпевшего, — сказал наконец Сальватор.

— Я потерпевший! — вдруг крикнул Бальтазар, срываясь с места.

Кристо дернул брата за рукав и усадил на место.

— О каком потерпевшем вы говорите? — спросил председатель. — Если вы имеете в виду изуродованных вами животных, то суд не счел нужным показывать их здесь. Но Ихтиандр, человек-амфибия, находится в здании суда.

— Я имею в виду господа бога, — спокойно и серьезно ответил Сальватор.

Услышав этот ответ, председатель в недоумении откинулся на спинку кресла: «Неужели Сальватор сошел с ума? Или он решил изображать сумасшедшего, чтобы избегнуть тюрьмы?»

— Что вы хотите этим сказать? — спросил председатель.

— Я думаю, суду это должно быть ясно, — ответил Сальватор. — Кто главный и единственный потерпевший в этом деле? Очевидно, один господь бог. Его авторитет, по мнению суда, я подрываю своими действиями, вторгаясь в его область. Он был доволен своими творениями, и вдруг приходит какой-то доктор и говорит: «Это плохо сделано. Это требует переделки». И начинает перекраивать божье творение по-своему...

— Это богохульство! Я требую занести слова обвиняемого в протокол, — сказал прокурор с видом человека, оскорбленного в своих святых чувствах.

Сальватор пожал плечами:

— Я передаю только сущность обвинительного акта. Разве не к тому сводится все обвинение? Я читал дело. Вначале меня обвиняли только в том, что я будто бы производил вивисекции и причинилувечье. Теперь мне предъявили еще одно обвинение — в святотатстве. Откуда подул этот ветер? Не со стороны ли кафедрального собора?

И профессор Сальватор посмотрел на епископа.

— Вы сами создали процесс, в котором невидимо присутствуют на стороне обвинения господь бог в качестве потерпевшего, а на скамье подсудимых — вместе со мной Чарлз Дарвин в качестве обвиняемого. Может быть, я огорчу еще раз некоторых сидящих в этом зале своими словами, но я продолжаю утверждать, что организм животных и даже человека не совершенен и требует исправления. Я надеюсь, что находящийся в этом зале настоятель кафедрального собора епископ Хуан де Гарсиассо подтвердит это.

Эти слова вызвали удивление всего зала.

— В пятнадцатом году, незадолго до моего отъезда на фронт, — продолжал Сальватор, — мне пришлось внести маленькое исправление в организм уважаемого епископа — вырезать ему аппендицис, этот ненужный и вредный придаток слепой кишки. Лежа на операционном столе, мой духовный пациент, помнится, не возражал против того извращения образа и подобия божия, которое я произвел своим ножом, вырезая часть епископского тела. Разве этого не было? — спросил Сальватор, глядя в упор на епископа.

Хуан де Гарсиассо сидел неподвижно. Только бледные щеки его чуть-чуть порозовели и слегка дрожали тонкие пальцы.

— И не было ли другого случая, в то время, когда я еще занимался частной практикой и производил операции омолаживания? Не обращался ли ко мне с просьбой омолодить его почтенный прокурор сеньор Аугусто де...

При этих словах прокурор хотел было запротестовать, но слова его были заглушены смехом публики.

— Я прошу вас не отвлекаться, — сурово сказал председатель.

— Эта просьба была бы гораздо уместнее в отношении самого суда, — ответил Сальватор. — Не я, а суд так поставил вопрос. Разве кое-кого здесь не испугала мысль, что все присутствующие здесь — вчеращие обезьяны или даже рыбы, получившие возможность говорить и слушать, так как их жаберные дуги превратились в органы речи и слуха? Ну, если не обезьяны, не рыбы, то их потомки. — И, обращаясь к прокурору, проявлявшему признаки нетерпения, Сальватор сказал: — Успокойтесь! Я не собираюсь здесь с кем-либо спорить или читать лекции по теории эволюции. — И, сделав паузу, Сальватор сказал: — Беда не в том, что человек произошел от животного, а в том, что он не перестал быть животным... Грубым, злым, неразумным. Мой ученый коллега напрасно пугал вас. Он мог бы не говорить о развитии зародыша. Я не прибегал ни к воздействию на зародыш, ни к скрещиванию животных. Я — хирург. Моим единственным орудием был нож. И как хирургу мне приходилось помогать людям, лечить их. Оперируя больных, я должен был часто производить пересадку тканей, органов, желез. Чтобы усовершенствовать этот метод, я занялся опытами пересадки тканей у животных.

Подолгу наблюдал я оперированных животных у себя в лаборатории, стремясь выяснить, изучить, что происходит с органами, перенесенными на новое, иногда необычное даже место. Когда мои наблюдения кончались, животное переселялось в сад. Так создался у меня этот сад-музей. Особенюо меня увлекла проблема обмена и пересадки тканей между далеко стоящими животными: например, между рыбами и млекопитающими, и наоборот. И здесь мне удалось достичь того, что ученые считают вообще немыслимым. Что же тут необычайного? То, что сделал я сегодня, завтра будут делать рядовые хирурги. Профессору Шейну должны быть известны последние операции немецкого хи-

рурга Зауербруха. Ему удалось заменить больное бедро голеню.

— Но Ихтиандр? — спросил эксперт.

— Да, Ихтиандр — это моя гордость. При операции Ихтиандра трудность заключалась не только в технике. Я должен был изменить всю работу человеческого организма. Шесть обезьян погибло на предварительных опытах, прежде чем я добился цели и мог оперировать ребенка, не опасаясь за его жизнь.

— В чем же заключалась эта операция? — спросил председатель.

— Я пересадил ребенку жабры молодой акулы, и ребенок получил возможность жить на земле и под водой.

Среди публики послышались возгласы удивления. Корреспонденты газет, присутствовавшие в зале, бросились к телефонам, торопясь сообщить редакциям эту новость.

— Позже мне удалось достичнуть еще большего успеха. Моя последняя работа — земноводная обезьяна, которую вы видели, может жить без вреда для здоровья неопределенно долгое время как на земле, так и под водою. А Ихтиандр может прожить без воды не более трех-четырех суток. Долгое пребывание на земле без воды для него вредно: легкие переутомляются, а жабры подсыхают, и Ихтиандр начинает испытывать колющие боли в боках. К сожалению, во время моего отъезда Ихтиандр нарушил установленный мною режим. Он слишком долго оставался на воздухе, переутомил свои легкие, и у него развилась серьезная болезнь. Равновесие в его организме нарушено, и он должен большую часть времени проводить в воде. Из человека-амфибии он превращается в человека-рыбу...

— Разрешите задать подсудимому вопрос, — сказал прокурор, обращаясь к председателю. — Каким образом пришла Сальватору мысль создать человека-амфибию и какие цели он преследовал?

— Мысль все та же — человек не совершенен. Получив в процессе эволюционного развития большие преимущества по сравнению со своими животными предками, человек вместе с тем потерял много из того,

что имел на низших стадиях животного развития. Так, жизнь в воде дала бы человеку огромные преимущества. Почему бы не вернуть человеку эту возможность? Из истории развития животных мы знаем, что все земные животные и птицы произошли от водных — вышли из океана. Мы знаем, что некоторые наземные животные снова вернулись в воду. Дельфин был рыбой, вышел на сушу, стал млекопитающим животным, но потом вернулся в воду, хотя и остался, как и кит, млекопитающим. И кит и дельфин дышат легкими. Можно было дельфину помочь стать двоякодышащей амфибией. Ихтиандр просил меня об этом: тогда его друг — дельфин Лидинг — мог бы оставаться с ним долгое время под водой. Я собирался сделать дельфину такую операцию. Первая рыба среди людей и первый человек среди рыб, Ихтиандр не мог не чувствовать одиночества. Но если бы следом за ним и другие люди проникли в океан, жизнь стала бы совершенно иной. Тогда люди легко победили бы могучую стихию — воду. Вы знаете, что это за стихия, какая это мощь? Вы знаете, что площадь океана равна тремстам шестидесяти одному миллиону пятидесяти тысячам квадратных километров? Больше семи десятых земной поверхности составляет пространство водной пустыни. Но эта пустыня с ее неистощимыми запасами пищи и промышленного сырья могла бы вместить миллионы, миллиарды человек. Больше трехсот шестидесяти одного миллиона квадратных километров — это только площадь, поверхность. Но ведь люди могли бы расположиться по нескольким подводным этажам. Милиарды людей без тесноты и давки могли бы разместиться в океане.

А его мощность! Вы знаете, что воды океана поглощают энергию солнечного тепла, равную мощности семидесяти девяти миллиардов лошадиных сил? Если бы не отдача тепла воздуху и прочие теплопотери, океан давно закипел бы. Практически беспредельный запас энергии. Как он используется сухопутным человечеством? Почти никак.

А мощность морских течений! Один Гольфстрим вместе с Флоридским течением двигают девяносто

один миллиард тонн воды в час. Это тысячи в три больше, чем несет большая река. И это лишь одно из морских течений! Как они используются сухопутным человечеством? Почти никак.

А мощность волн и приливов! Вы знаете, что сила ударов, наносимых волнами, бывает равна тридцати восьми тысячам килограммов — тридцати восьми тоннам на квадратный метр поверхности, высота взбросов волн достигает сорока трех метров, и при этом волна может поднять до миллиона килограммов, — например, обломков скал, — а приливы достигают высоты более чем шестнадцать метров — высоты четырехэтажного дома. Как человечество использует эти силы? Почти никак.

На суше живые существа не могут подняться высоко над поверхностью и не проникают очень глубоко внутрь ее. В океане жизнь всюду — от экватора до полюсов, от поверхности до глубин почти в десять километров.

Как же мы используем беспредельные богатства океанов? Ловим рыбу — я бы сказал, снимаем улов только с самой верхней пленки океана, оставляя совершенно неиспользованными глубины. Собираем губки, кораллы, жемчуг, водоросли — и только.

Мы производим под водою кое-какие работы: устанавливаем опоры мостов и плотин, поднимаем затонувшие корабли — и только! Но и это делаем с большим трудом, с большим риском, нередко с человеческими жертвами. Несчастный земной человек, который на второй минуте уже погибает под водой! Какие тут работы?

Иное дело, если бы человек без скафандра, без кислородных приборов мог жить и работать под водой.

Сколько сокровищ открыл бы он! Вот Ихтиандр. Он говорил мне... Но я боюсь дразнить демона человеческой алчности. Ихтиандр приносил мне со дна моря образцы редких металлов и пород. О, не волнуйтесь, он приносил мне совсем небольшие образцы, но их залижи в океане могут быть огромными.

А затонувшие сокровища?

Вспомните хотя бы океанский пароход «Лузитания». Всеною тысяча девятьсот шестнадцатого года он был потоплен немцами у берегов Ирландии. Помимо драгоценностей, имевшихся у полутора тысяч погибших пассажиров, на «Лузитании» находились золотые монеты на сто пятьдесят миллионов долларов и золотые слитки на пятьдесят миллионов долларов. (В зале послышались восклицания.) Кроме того, на «Лузитании» хранились две шкатулки с бриллиантами, которые предполагалось доставить в Амстердам. Среди бриллиантов находился один из лучших в мире — «Калиф», стоящий многие миллионы. Конечно, даже человек, подобный Ихтиандру, не мог бы опуститься на большую глубину, — для этого пришлось бы создать человека (*негодущее восклицание прокурора*), который смог бы переносить высокое давление, подобно глубоководным рыбам. Впрочем, в этом я тоже не нахожу ничего абсолютно невозможного. Но не все сразу.

— Вы, кажется, приписываете себе качества всемогущего божества? — заметил прокурор.

Сальватор не обратил внимания на это замечание и продолжал:

— Если бы человек мог жить в воде, то освоение океана, освоение его глубин пошло бы гигантскими шагами. Море перестало бы быть для нас грозной стихией, требующей человеческих жертв. Нам не пришлось бы больше оплакивать утопленников.

Все присутствующие в зале, казалось, видели уже завоеванный человечеством подводный мир. Какие выгоды сулило покорение океана! Даже председатель не мог удержаться и спросил:

— Но тогда почему же вы не опубликовали результатов своих опытов?

— Я не спешил попасть на скамью подсудимых, — ответил, улыбаясь, Сальватор, — и потом я опасался, что мое изобретение в условиях нашего общественного строя принесет больше вреда, чем пользы. Вокруг Ихтиандра уже завязалась борьба. Кто донес на меня из мести? Вот этот Зурита, укравший у меня Ихтиандра. А у Зурита Ихтиандра отняли бы, чего доброго, генералы и адмиралы, чтобы заставить человека-амфибию

топить военные корабли. Нет, я не мог Ихтиандра и ихтиандров сделать общим достоянием в стране, где борьба и алчность обращают высочайшие открытия в зло, увеличивая сумму человеческого страдания. Я думал об...

Сальватор замолчал и, резко изменив тон, продолжал:

— Впрочем, я не буду говорить об этом. Иначе меня сочтут безумцем.— И Сальватор с улыбкой посмотрел на эксперта.— Нет, я отказываюсь от чести быть безумцем, хотя бы и гениальным. Я не безумец, не маньяк. Разве я не осуществил того, что хотел? Все мои работы вы видели собственными глазами! Если вы находите мои действия преступными, судите по всей строгости закона. Я не прошу снисхождения.

В тюрьме

Эксперты, освидетельствовавшие Ихтиандра, должны были обратить внимание не только на физические свойства юноши, но и на состояние его умственных способностей.

— Какой у нас год? Какой месяц? Число? День недели? — спрашивали эксперты.

Но Ихтиандр отвечал:

— Не знаю.

Он затруднялся в ответах на самые обычные вопросы. Но ненормальным его назвать нельзя было. Он многое не знал благодаря своеобразным условиям своего существования и воспитания. Он оставался как бы большим ребенком. И эксперты пришли к заключению: «Ихтиандр недееспособен». Это освобождало его от судебной ответственности. Суд прекратил дело по обвинению Ихтиандра и назначил над ним опеку. Два человека выразили желание быть опекуном Ихтиандра: Зурига и Бальтазар.

Сальватор был прав, утверждая, что Зурига донес на него из мести. Но Зурига не только мстил Сальватору за потерю Ихтиандра. Зурига преследовал еще иную цель: он хотел снова завладеть Ихтиандром и стремился стать его опекуном. Зурига не пожалел десятка цен-

ных жемчужин и подкупил членов суда и опекунского совета. Теперь Зурита был близок к цели. Ссылаясь на свое отцовство, Бальтазар требовал, чтобы опекунские права предоставили ему. Однако ему не везло. Несмотря на все старания Ларры, эксперты заявили, что они не могут установить тождества Ихтиандра с рожденным двадцать лет тому назад сыном Бальтазара на основании показания одного только свидетеля — Кристо; к тому же он был братом Бальтазара и потому не внушил экспертом полного доверия.

Ларра не знал, что в это дело вмешались прокурор и епископ. Бальтазар как потерпевший, как отец, у которого укради и изуродовали сына, был нужен суду во время процесса. Но признать отцовство Бальтазара, отдать ему Ихтиандра — это не входило в расчеты суда и церкви: необходимо было совсем избавиться от Ихтиандра.

Кристо, переселившись к брату, начал беспокоиться за него. В глубокой задумчивости сидел Бальтазар целыми часами, забывая о сне и еде, то вдруг приходил в сильнейшее возбуждение, метался по лавке и кричал: «Сын мой, сын мой!» В такие минуты он начинал бранить испанцев всеми бранными словами, которые только находил на всех известных ему языках.

Однажды после такого припадка Бальтазар неожиданно объявил Кристо:

— Вот что, брат, я иду в тюрьму. Мои лучшие жемчужины я отдаю сторожам, чтобы они позволили мне повидать Ихтиандра. Я поговорю с ним. Он сам признает во мне отца. Сын не может не признать отца. В нем должна заговорить моя кровь.

Как ни пытался Кристо отговорить брата, ничто не помогло. Бальтазар был непоколебим.

Бальтазар отправился в тюрьму. Упрашивая сторожей, он плакал, валялся у их ног, молил их и, усыпав жемчугом путь от ворот до внутреннего помещения тюрьмы, добрался наконец до камеры Ихтиандра.

В этой небольшой камере, скучно освещенной узким окном с решеткой, было душно и скверно пахло; тюремные сторожа редко меняли воду в баке и не трудились убирать гниющую на полу рыбу, которой

кормили необычайного узника. У стены напротив окна стоял железный бак.

Бальтазар подошел к баку и посмотрел на темную поверхность воды, скрывающую под собой Ихтиандра.

— Ихтиандр! — тихо сказал Бальтазар. — Ихтиандр... — еще раз позвал он.

Поверхность воды подернулась рябью, но юноша не показывался из воды.

Подождав еще немного, Бальтазар протянул трясящуюся руку и погрузил ее в теплую воду. Рука коснулась плеча.

Из бака вдруг показалась мокрая голова Ихтиандра. Он приподнялся до плеч и спросил:

— Кто это? Что вам нужно?

Бальтазар опустился на колени и, протягивая руки, быстро заговорил:

— Ихтиандр! К тебе пришел твой отец. Твой настоящий отец. Сальватор — не отец. Сальватор — злой человек. Он изуродовал тебя... Ихтиандр! Ихтиандр! Ну, посмотри же на меня хорошенько. Неужели ты не узнаешь своего отца?

Вода медленно стекала с густых волос юноши на бледное лицо и капала с подбородка. Печальный, немного удивленный смотрел он на старого индейца.

— Я не знаю вас, — ответил юноша.

— Ихтиандр, — закричал Бальтазар, — смотри на меня хорошенько! — И старый индеец вдруг схватил голову юноши, привлек к себе и начал покрывать поцелуями, проливая горячие слезы.

Ихтиандр, обороняясь от этой неожиданной ласки, заплескался в баке, проливая воду через край на каменный пол.

Чья-то рука крепко схватила Бальтазара за шиворот, приподняла на воздух и отбросила в угол. Бальтазар грохнулся на пол, больно ударившись головой о каменную стену.

Открыв глаза, Бальтазар увидел, что над ним стоит Зурита. Крепко сжав кулак правой руки, Зурита держал в левой руке какую-то бумажку и торжественно помахивал ею.

— Видишь? Приказ о назначении меня опекуном Ихтиандра. Тебе придется поискать богатого сынка в другом месте. А этого юношу завтра утром я увезу к себе. Понял?

Бальтазар, лежа на земле, глухо и угрожающе за-ворчал.

Но в следующее мгновение Бальтазар вскочил на ноги и с диким криком бросился на своего врага, сбив его с ног.

Индеец выхватил из рук Зуриты бумажку, сунул себе в рот и продолжал наносить испанцу удары. Завязалась ожесточенная борьба.

Тюремный сторож, стоявший у двери с ключами в руках, счел себя обязанным соблюдать строжайший нейтралитет. Он получил хорошие взятки от обоих сражающихся и не хотел им мешать. Только когда Зурита начал душить старика, сторож забеспокоился:

— Не задушите его!

Однако рассвирепевший Зурита не обратил внимания на предостережение сторожа, и Бальтазару пришлось бы плохо, если бы в камере не появилось новое лицо.

— Прекрасно! Господин опекун тренируется в осуществлении своих опекунских прав! — послышался голос Сальватора. — Что же вы смотрите? Или вы не знаете своих обязанностей? — прикрикнул Сальватор на сторожа таким тоном, будто он был начальником тюрьмы.

Оклик Сальватора подействовал. Сторож бросился разнимать дерущихся.

На шум прибежали еще другие сторожа, и скоро Зурита и Бальтазара оттащили в разные стороны.

Зурита мог считать себя победителем в борьбе. Но побежденный Сальватор был все же сильнее своих соперников. Даже здесь, в этой камере, на положении арестанта, Сальватор не переставал управлять событиями и людьми.

— Уведите из камеры драчунов, — приказал Сальватор, обращаясь к сторожам. — Мне надо остаться с Ихтиандром наедине.

И сторожа повиновались. Несмотря на протесты и брань, Зуриту и Бальтазара увели. Дверь камеры захлопнулась.

Когда в коридоре замолкли удаляющиеся голоса, Сальватор подошел к бассейну и сказал Ихтиандру, выглянувшему из воды:

— Встань, Ихтиандр, выйди на середину камеры, мне нужно осмотреть тебя.

Юноша повиновался.

— Вот так,— продолжал Сальватор,— ближе к свету. Дыши. Глубже. Еще. Не дыши. Так...

Сальватор постукивал Ихтиандра по груди и выслушивал прерывистое дыхание юноши.

— Задыхаешься?

— Да, отец,— отвечал Ихтиандр.

— Сам виноват,— ответил Сальватор,— тебе нельзя было оставаться так долго на воздухе.

Ихтиандр опустил голову и задумался. Потом вдруг поднял голову и, посмотрев прямо в глаза Сальватору, спросил:

— Отец, но почему нельзя? Почему всем можно, а мне нельзя?

Выдержать этот взгляд, полный скрытого упрека, Сальватору было гораздо труднее, чем отвечать на суде. Но Сальватор выдержал.

— Потому что ты обладаешь тем, чем не обладает ни один человек: способностью жить под водой... Если бы тебе предоставили выбор, Ихтиандр, быть таким, как все, и жить на земле или жить только под водою, что бы ты выбрал?

— Не знаю...— ответил юноша, подумав.

Ему одинаково были дороги подводный мир и земля, Гуттиэрэ. Но Гуттиэрэ теперь потеряна для него...

— Теперь я предпочел бы океан,— сказал юноша.

— Ты еще раньше сделал выбор, Ихтиандр, тем, что своим непослушанием нарушил равновесие твоего организма. Теперь ты сможешь жить только под водоей.

— Но не в этой ужасной, грязной воде, отец. Я умру здесь. Я хочу на простор океана!

Сальватор подавил вздох.

— Я сделаю все, чтобы скорее освободить тебя из этой тюрьмы, Ихтиандр. Мужайся! — И, ободряюще похлопав юношу по плечу, Сальватор оставил Ихтиандра и пошел в свою камеру.

Усевшись на табурете у узкого стола, Сальватор глубоко задумался.

Как всякий хирург, он знал неудачи. Немало человеческих жизней погибло под его ножом от его собственных ошибок, прежде чем он достиг совершенства. Однако он никогда не задумывался над этими жертвами. Погибли десятки, спасены тысячи. Эта арифметика вполне удовлетворяла его..

Но за судьбу Ихтиандра он считал себя ответственным. Ихтиандр был его гордостью. Он любил юношу, как лучшую свою работу. А кроме того, он привязался к Ихтиандру и полюбил его, как сына. И теперь ботезнь Ихтиандра и его дальнейшая судьба беспокоили, заботили Сальватора.

В дверь камеры постучали.

— Войдите! — сказал Сальватор.

— Я не побеспокою вас, господин профессор? — тихо спросил смотритель тюрьмы.

— Нисколько, — отвечал Сальватор, поднимаясь. — Как чувствуют себя жена и ребенок?

— Благодарю вас, прекрасно. Я отправил их к теще, далеко отсюда, в Анды...

— Да, горный климат им будет полезен, — ответил Сальватор.

Смотритель не уходил. Оглядываясь на дверь, он подошел к Сальватору и тихо обратился к нему:

— Профессор! Я обязан вам жизнью за спасение жены. Я люблю ее, как...

— Не благодарите меня, это мой долг.

— Я не могу оставаться в долгу у вас, — ответил смотритель. — И не только это. Я человек малообразованный. Но я читаю газеты, и я знаю, что значит профессор Сальватор. Нельзя допустить, чтобы такого человека держали в тюрьме вместе с бродягами и разбойниками.

— Мои ученые друзья, — улыбаясь, проговорил Сальватор, — кажется, добились того, что я буду помещен в санаторий как сумасшедший.

— Тюремный санаторий — та же тюрьма, — возразил смотритель, — даже хуже: вместо разбойников вас будут окружать сумасшедшие. Сальватор среди сумасшедших! Нет, нет, этого не должно быть!

Понизив голос до шепота, смотритель продолжал:

— Я все обдумал. Я неспроста отправил семью в горы. Я устрою теперь вам побег и скроюсь сам. Нужда загнала меня сюда, но я ненавижу эту работу. Меня не найдут, а вы... вы уедете из этой проклятой страны, где вершат дела попы и купцы. И вот еще что я хотел вам сказать, — продолжал он после некоторого колебания. — Я выдаю служебную тайну, государственную тайну...

— Можете не выдавать ее, — прервал Сальватор.

— Да, но... я сам не могу... прежде всего не могу выполнить полученный мною ужасный приказ. Совесть всю жизнь мучила бы меня. А если я выдам эту тайну, совесть не будет меня мучить. Вы так много сделали для меня, а они... Я ничем не обязан начальству, которое к тому же толкает меня на преступление.

— Даже? — коротко спросил Сальватор.

— Да, я узнал, что Ихтиандра не отдадут ни Бальтазару, ни опекуну Зурите, хотя Зурита уже имеет бумагу. Но и Зурита, несмотря на щедрые взятки, не получит его, потому что... Ихтиандра решили убить.

Сальватор сделал легкое движение.

— Вот как? Продолжайте!

— Да, убить Ихтиандра — на этом больше всего настаивал епископ, хотя он ни разу не произнес слова «убить». Мне дали яду, кажется цианистого калия. Сегодня ночью я должен подмешать яд к воде в баке Ихтиандра. Тюремный врач подкуплен. Он установит, что Ихтиандра погубила произведенная вами операция, превратившая его в амфибию. Если я не выполню приказа, со мной поступят очень жестоко. А ведь у меня семья... Потом они убьют и меня, и никто не будет знать этого. Я весь в их руках. У меня в прошлом преступление... небольшое... почти случайное... Все равно я решил бежать и все уже подготовил к побегу. Но

я не могу, не хочу убивать Ихтиандра. Спасти обоих в такой короткий срок трудно, почти невозможно. Но спасти вас одного я могу. Я все обдумал. Мне жалко Ихтиандра, но ваша жизнь нужнее. Вы сможете создать своим искусством другого Ихтиандра, но никто в мире не создаст другого такого Сальватора.

Сальватор подошел к смотрителю, пожал его руку и сказал:

— Благодарю вас, но для себя не могу принять этой жертвы. Вас могут поймать и будут судить.

— Никакой жертвы! Я все обдумал.

— Подождите. Я не могу принять для себя этой жертвы. Но если вы спасете Ихтиандра, вы сделаете для меня больше, чем если бы освободили меня. Я здоров, силен и везде найду друзей, которые помогут мне вырваться на свободу. А Ихтиандра необходимо освободить немедленно.

— Я принимаю это как ваш приказ, — сказал смотритель.

Когда он вышел, Сальватор улыбнулся и проговорил:

— Так лучше. Пусть же яблоко раздора не достанется никому.

Сальватор прошелся по комнате, тихо прошептал: «Бедный мальчик!» — подошел к столу, что-то написал, затем подошел к двери и постучал.

— Позовите ко мне смотрителя тюрьмы.

Когда смотритель явился, Сальватор сказал ему:

— Еще одна просьба. Не можете ли вы устроить мне свидание с Ихтиандром — последнее свидание!

— Нет ничего легче! Из начальства никого нет, вся тюрьма в нашем распоряжении.

— Отлично. Да, еще одна просьба.

— Весь к вашим услугам.

— Освободив Ихтиандра, вы сделаете для меня очень много.

— Но вы, профессор, оказали мне такую услугу...

— Допустим, что мы в расчете, — прервал его Сальватор. — Но я могу и хочу помочь вашей семье. Вот записка. Здесь только адрес и одна буква: «S» — Сальватор. — Обратитесь по адресу. Это верный человек. Если

вам нужно будет временно укрыться, будете нуждаться в деньгах...

— Но...

— Никаких «но». Ведите меня скорее к Ихтиандру.

Ихтиандр удивился, когда в камере появился Сальватор. Ихтиандр никогда не видел его таким грустным и нежным, как в этот раз.

— Ихтиандр, сын мой,— сказал Сальватор.— Нам придется расстаться с тобою скорее, чем я думал, и, может быть, надолго. Твоя судьба беспокоила меня. Тебя окружают тысячи опасностей... Если ты останешься здесь, ты можешь погибнуть, в лучшем случае — оказаться пленником Зуриты или другого подобного хищника.

— А ты, отец?

— Суд, конечно, осудит меня и упрячет в тюрьму, где мне придется просидеть, наверное, года два, а может быть, и больше. Это время, пока я буду в тюрьме, ты должен находиться в безопасном месте и как можно дальше отсюда. Такое место есть, но оно очень далеко отсюда, по другую сторону Южной Америки, на запад от нее, в Великом океане, на одном из островов Туамоту, или иначе Низменных островов. Добраться туда тебе будет нелегко, но все опасности пути несравнимы с теми, которым ты подвергаешься здесь, дома, в заливе Ла-Плата. Легче добраться и найти эти острова, чем избежать здесь сетей и ловушек коварного врага.

Какой путь тебе начертать? Ты можешь направиться туда, на запад, обогнув Южную Америку с севера или с юга. Оба пути имеют свои достоинства и свои недостатки. Северный путь несколько длиннее. Кроме того, избрав этот путь, тебе пришлось бы плыть из Атлантического в Тихий океан через Панамский канал, а это опасно: тебя могут поймать, в особенности на шлюзах, или же — при малейшей твоей неосторожности — тебя может раздавить корабль. Канал не слишком широк и не глубок: наибольшая ширина — девяносто один метр, глубина — двенадцать с половиной метров. Новейшие глубокосидящие океанские пароходы могут почти касаться дна своим килем.

Зато ты все время плыл бы в теплых водах. Кроме того, от Панамского канала идут на запад три большие океанские дороги: две — к Новой Зеландии, одна — к островам Фиджи и далее. Выбрав средний путь и следя за пароходами, а может быть, и прицепляясь к ним, ты добрался бы почти до места. По крайней мере оба пути к Новой Зеландии захватывают зону архипелага Туамоту. Тебе пришлось бы только подняться немного севернее.

Путь через южную оконечность ближе, но зато там ты будешь плыть в холодных южных водах, у границы плавающих льдов, в особенности же если ты обогнешь мыс Горн на Огненной Земле — самую южную оконечность Южной Америки. Магелланов же пролив необычайно бурный. Для тебя он, конечно, не так опасен, как для кораблей и пароходов, но все же опасен. Для патрульных кораблей он был настоящим кладбищем. На востоке он широк, на западе — узок и усеян скалами, островками. Сильнейшие западные ветры гонят воду на восток — значит, тебе навстречу. В этих водоворотах даже ты можешь разбиться и под водой.

Поэтому я советую тебе лучшие удлинить путь и обогнуть мыс Горн, чем плыть через Магелланов пролив. Вода океана становится холодней постепенно, и, я надеюсь, ты постепенно привыкнешь и останешься здоров. О запасах пищи тебе нечего заботиться, — она всегда под руками, так же как и вода. Ты с детства привык пить морскую воду без всякого вреда для здоровья.

Найти путь от мыса Горн к островам Туамоту тебе будет несколько труднее, чем от Панамского канала. От мыса Горн на север нет широких океанских дорог с большим пароходным движением. Я укажу тебе точно долготу и широту; ты определишь их по специальным инструментам, сделанным для тебя по моему заказу. Но эти инструменты несколько загрузят тебя и связуют свободу движения.

— Я возьму с собой Лидинга. Он будет нести на себе груз. Разве могу я расстаться с Лидингом? Он, наверно, и так истосковался по мне.

— Неизвестно, кто по ком больше, — снова улыбнулся Сальватор. — Итак, Лидинг. Отлично. До остро-

вов Туамоту ты доберешься. Тебе останется найти уединенный коралловый остров. Вот примета: на нем высится мачта, а на мачте, в виде флюгера — большая рыба. Не трудно запомнить. Быть может, ты затратишь на поиски этого острова месяц, и два, и три — не беда: вода там теплая, устриц довольно.

Сальватор приучил Ихтиандра терпеливо слушать, не перебивая, но, когда Сальватор дошел до этого места своих объяснений, Ихтиандр не удержался:

— И что же я найду на острове с флюгером-рыбой?

— Друзей. Верных друзей, их заботу и ласку, — ответил Сальватор. — Там живет мой старый друг — ученик Арман Вильбуа, француз, знаменитый океанограф. Я познакомился и подружился с ним, когда был в Европе много лет тому назад. Арман Вильбуа — интереснейший человек, но сейчас у меня нет времени рассказать тебе о нем. Надеюсь, ты сам узнаешь его и ту историю, которая привела его на одинокий коралловый остров в Тихом океане. Но сам он не одинок. С ним живет его жена, милая добрая женщина, сын и дочь — она родилась уже на острове, ей теперь должно быть лет семнадцать, а сыну лет двадцать пять.

Они знают тебя по моим письмам и, уверен, примут тебя в свою семью, как родного... — Сальватор запнулся. — Конечно, тебе придется теперь большую часть времени проводить в воде. Но для дружеских свиданий и бесед ты сможешь выходить на несколько часов в день на берег. Возможно, что твои здоровые поправится и ты сможешь по-прежнему оставаться на воздухе так же долго, как и в воде.

В лице Армана Вильбуа ты найдешь второго отца. А ты будешь ему незаменимым помощником в его научных работах по океанографии. Уже того, что ты знаешь об океане и его обитателях, хватило бы на десяток профессоров. — Сальватор усмехнулся. — Чудаки эксперты спрашивали тебя на суде по шаблону, какой сегодня день, месяц, число, и ты не мог ответить просто потому, что все это не представляло для тебя интереса. Если бы они спросили хотя бы о подводных течениях, температурах воды, солености в Ла-Платском за-

ливе и его окрестностях,— из твоих ответов можно было бы составить целый научный том. Насколько же больше ты сможешь узнать — и потом сообщить свои знания людям,— если твоими подводными экскурсиями будет руководить такой опытный и блестящий ученый, как Арман Вильбуа. Вы оба, я уверен в этом, создадите такой труд по океанографии, который составит эпоху в развитии этой науки, прогремит на весь мир. И твое имя будут ставить рядом с именем Армана Вильбуа,— я знаю его, он сам настоит на этом. Ты будешь служить науке и тем самым всему человечеству.

Но если ты останешься здесь, тебя заставят служить низменным интересам невежественных, корыстных людей. Я уверен, в чистых, прозрачных водах атолла и в семье Армана Вильбуа ты найдешь тихую пристань и будешь счастлив.

Еще один совет. Как только ты окажешься в океане — а это может произойти даже сегодня ночью,— плыви немедленно домой через подводный тоннель (дома сейчас только верный Джим), возьми навигационные инструменты, нож и прочее, найди Лидинга и отправляйся в путь, прежде чем солнце поднимется над океаном.

Прощай, Ихтиандр! Нет, до свидания!

Сальватор в первый раз в жизни обнял, крепко поцеловал Ихтиандра. Потом он улыбнулся, похлопал юношу по плечу и сказал:

— Такой молодец нигде не пропадет! — и быстро вышел из комнаты.

Побег

Ольсен только что вернулся с пуговичной фабрики и сел обедать. Кто-то постучал в дверь.

— Кто там? — крикнул Ольсен, недовольный тем, что ему помешали.

Дверь открылась, в комнату вошла Гуттиэр.

— Гуттиэр! Ты? Откуда? — воскликнул удивленный и обрадованный Ольсен, поднимаясь со стула.

— Здравствуй, Ольсен,— сказала Гуттиэр.— Про-

должай свой обед.—И, прислонившись к дверям, Гуттиэрэ заявила:

— Я не могу больше жить с мужем и его матерью. Зурита... он осмелился ударить меня... И я от него ушла. Совсем ушла, Ольсен.

Эта новость заставила Ольсена прервать обед.

— Вот так неожиданность! — воскликнул он.— Садись! Ты едва держишься на ногах. А как же? Ты ведь говорила: «Что бог соединил, человек да не разлучает»? Отставить? Тем лучше. Радуюсь. Ты вернулась к отцу?

— Отец ничего не знает. Зурита нашел бы меня у отца и вернул бы к себе. Я остановилась у подруги.

— И... и что же ты будешь делать дальше?

— Я поступлю на завод. Я пришла просить тебя, Ольсен, помочь мне найти работу на заводе... все равно какую.

Ольсен озабоченно покачал головой:

— Сейчас это очень трудно. Хотя я, конечно, пытаюсь.—И, подумав, Ольсен спросил:— А как муж отнесется к этому?

— Я не хочу знать его.

— Но муж-то захочет узнать, где его жена,— улыбаясь, сказал Ольсен.— Не забывай, что ты в Аргентине. Зурита разыщет тебя, и тогда... Ты сама знаешь, что он не оставит тебя в покое. Закон и общественное мнение на его стороне.

Гуттиэрэ задумалась и потом решительно сказала:

— Ну что же! В таком случае я уеду в Канаду, Аляску...

— Гренландию, на Северный полюс! — И уже более серьезно Ольсен сказал:— Мы обдумаем это. Здесь тебе оставаться небезопасно. Я и сам давно собираюсь выбраться отсюда. Зачем я приехал сюда, в Латинскую Америку? Здесь еще слишком силен поповский дух. Жаль, что нам не удалось тогда бежать отсюда. Но Зурита успел похитить тебя, и наши билеты и наши деньги пропали. Теперь у тебя, вероятно, так же нет денег на пароходный билет в Европу, как и у меня. Но нам и не обязательно ехать прямо в Европу. Если мы — я говорю «мы» потому, что я не оставлю тебя, пока ты не будешь в безопасном месте,— если мы доберемся хотя

бы до соседнего Парагвая, а еще лучше — до Бразилии, то там Зурите будет уже труднее разыскать тебя, и у нас будет время подготовиться к переезду в Штаты или же в Европу... Ты знаешь, доктор Сальватор в тюрьме вместе с Ихтиандром?

— Ихтиандр? Он нашелся? Почему он в тюрьме? Могу я его увидеть? — забросала Гуттиэре вопросами Ольсена.

— Да, Ихтиандр в тюрьме, и он снова может оказаться рабом Зуриты. Нелепый процесс, нелепое обвинение против Сальватора и Ихтиандра.

— Это ужасно! И его нельзя спасти?

— Я все время пытался это сделать, но безуспешно. Но неожиданным нашим сотрудником оказался сам смотритель тюрьмы. Сегодня ночью мы должны освободить Ихтиандра. Я только что получил две коротенькие записки: одну от Сальватора, другую от смотрителя тюрьмы.

— Я хочу видеть Ихтиандра! — сказала Гуттиэре. — Можно мне пойти с тобой?

Ольсен задумался.

— Я думаю, что нет, — ответил он. — И тебе лучше не видеть Ихтиандра.

— Но почему?

— Потому что Ихтиандр болен. Он болен как человек, но здоров как рыба.

— Я не понимаю.

— Ихтиандр больше не может дышать воздухом. Что же будет, если он снова увидит тебя? Для него это будет очень тяжело, да, может быть, и для тебя. Ихтиандр захочет видеться с тобой, а жизнь на воздухе погубит его окончательно.

Гуттиэре опустила голову.

— Да, пожалуй, ты прав... — сказала она, подумав.

— Между ним и всеми остальными людьми легла непреодолимая преграда — океан. Ихтиандр — обреченный. Отныне вода становится его родной и единственной стихией.

— Но как же он там будет жить? Один в безбрежном океане — человек среди рыб и морских чудовищ?

— Он был счастлив в своем подводном мире, пока... — Гуттиэр покраснела.

— Теперь, конечно, он не будет так счастлив, как раньше...

— Перестань, Ольсен, — печально сказала Гуттиэр.

— Но время излечивает все. Быть может, он даже обретет утраченный покой. Так он и будет жить — среди рыб и морских чудовищ. И если акула не съест его раньше времени, он доживет до старости, до седых волос... А смерть? Смерть везде одинакова...

Сгущались сумерки, и в комнате было почти темно.

— Однако мне пора, — сказал Ольсен, поднимаясь. Встала и Гуттиэр.

— Но я могу хоть издали видеть его? — спросила Гуттиэр.

— Конечно, если ты не выдашь своего присутствия.

— Да, я обещаю это.

Уже было совсем темно, когда Ольсен в костюме водовоза въехал во двор тюрьмы со стороны Коронель Диас.

Сторож окликнул его:

— Куда едешь?

— Морскую воду дьяволу везу, — ответил Ольсен, как учил его тюремный смотритель.

Все сторожа знали, что в тюрьме находится необычайный арестант — «морской дьявол», который сидит в баке, наполненном морской водой, так как пресной он не переносит. Эту морскую воду время от времени меняли, привозя ее в большой бочке, установленной на дороги.

Ольсен подъехал к зданию тюрьмы, завернул за угол, где помещались кухня и находилась дверь в тюрьму для входа служащих. Смотритель уже все приготовил. Сторожей, обычно стоявших в коридоре и у входа, отослали под разными предлогами. Ихтиандр, сопровождаемый смотрителем, свободно вышел из тюрьмы.

— Ну, прыгай скорее в бочку! — сказал смотритель.

Ихтиандр не заставил себя ждать.

— Трогай!

Ольсен ударил вожжами, выехал со двора тюрьмы и не спеша поехал по авеню да Альвар, мимо вокзала Ритеро, товарной станции.

Следом за ним невдалеке мелькала тень женщины.

Была уже темная ночь, когда Ольсен выехал из города. Дорога шла берегом моря. Ветер крепчал. Волны набегали на берег и с шумом разбивались о камни.

Ольсен осмотрелся. На дороге никого не было видно. Только вдали сверкали фонари быстро мчавшегося автомобиля. «Пусть проедет».

Гудя и ослепляя светом, автомобиль промчался к городу и скрылся вдали.

— Пора! — Ольсен обернулся и сделал Гуттиэрэ знак, чтобы она скрылась за камни. Потом он постучал по бочке и крикнул: — Приехали! Вылезай!

Из бочки показалась голова.

Ихтиандр оглянулся, быстро вылез и прыгнул на землю.

— Спасибо, Ольсен! — сказал юноша, крепко сжимая мокрой рукой руку великана.

Ихтиандр дышал часто, как в припадке астмы.

— Не за что. Прощай! Будь осторожен. Не поплы-
вай близко к берегу. Опасайся людей, чтобы опять не попасть в неволю.

Даже Ольсен не знал, какие приказания получил Ихтиандр от Сальватора.

— Да, да, — задыхаясь, сказал Ихтиандр. — Я поплы-
ву далеко-далеко, к тихим коралловым островам, куда не приходит ни один корабль. Спасибо, Ольсен! —
И юноша побежал к морю.

Уже у самых волн он вдруг обернулся и крикнул:

— Ольсен, Ольсен! Если вы увидите когда-нибудь Гуттиэрэ, передайте ей мой привет и скажите, что я всегда буду помнить ее!

Юноша бросился в море и крикнул:

— Прощайте, Гуттиэрэ! — и погрузился в воду.

— Прощай, Ихтиандр!.. — тихо ответила Гуттиэрэ, стоявшая за камнями.

Ветер крепчал и почти валил людей с ног. Море бу-
шевало, шипел песок, грохотали камни.

Чья-то рука сжала руку Гуттиэрэ.

— Идем, Гуттиэр! — ласково приказал Ольсен.
Он вывел Гуттиэре на дорогу.

Гуттиэр еще раз оглянулась на море и, опираясь на руку Ольсена, направилась к городу.

Сальватор отбыл срок наказания, вернулся домой и снова занялся научной работой. Он готовится к какому-то далекому путешествию.

Кристо продолжает у него служить.

Зурита обзавелся новой шхуной и ловит жемчуг в Калифорнийском заливе. И хотя он не самый богатый человек в Америке, но все же он не может пожаловаться на свою судьбу. Концы его усов, как стрелка барометра, показывают высокое давление.

Гуттиэр развелась с мужем и вышла замуж за Ольсена. Они переселились в Нью-Йорк и работают на консервном заводе. На побережье Ла-Платского залива никто не вспоминает «морского дьявола».

Лишь иногда в душные ночи старые рыбаки, услышав в ночной тиши неведомый звук, говорят молодым:

— Вот так трубил в раковину морской дьявол, — и начинают рассказывать о нем легенды.

Только один человек в Буэнос-Айресе не забывает Ихтиандра.

Все мальчишки города знают старого, полупомешанного нищего индейца.

— Вот идет отец морского дьявола!

Но индеец не обращает внимания на мальчишек.

Встречая испанца, старик каждый раз оборачивается, плюет ему вслед и ворчит какое-то проклятие.

Но полиция не трогает старого Бальтазара. Его помешательство тихое, он никому не причиняет вреда.

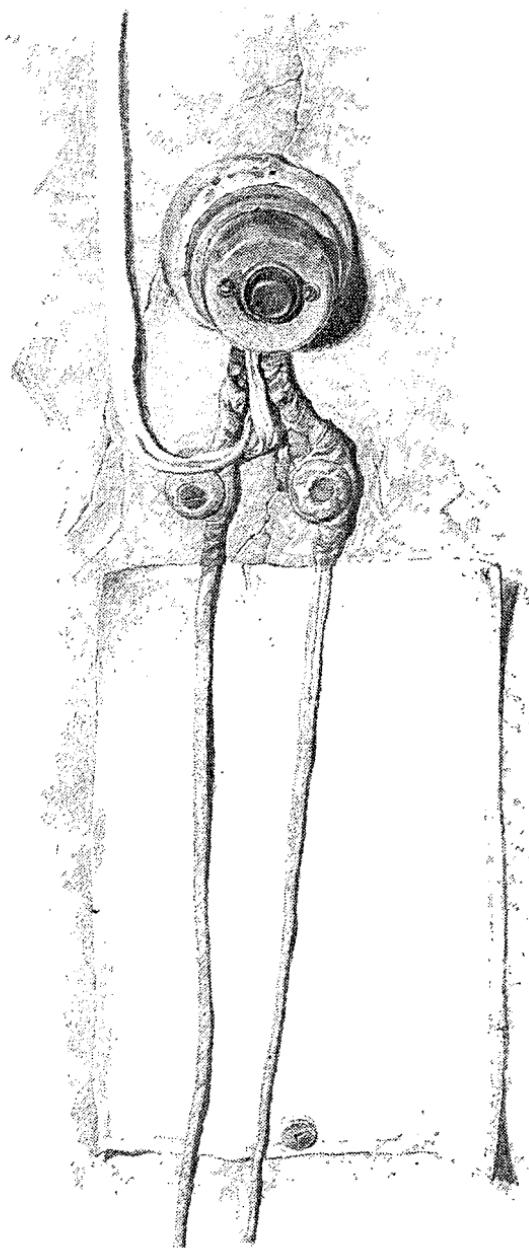
Только когда на море поднимается буря, старый индеец приходит в необычайное беспокойство.

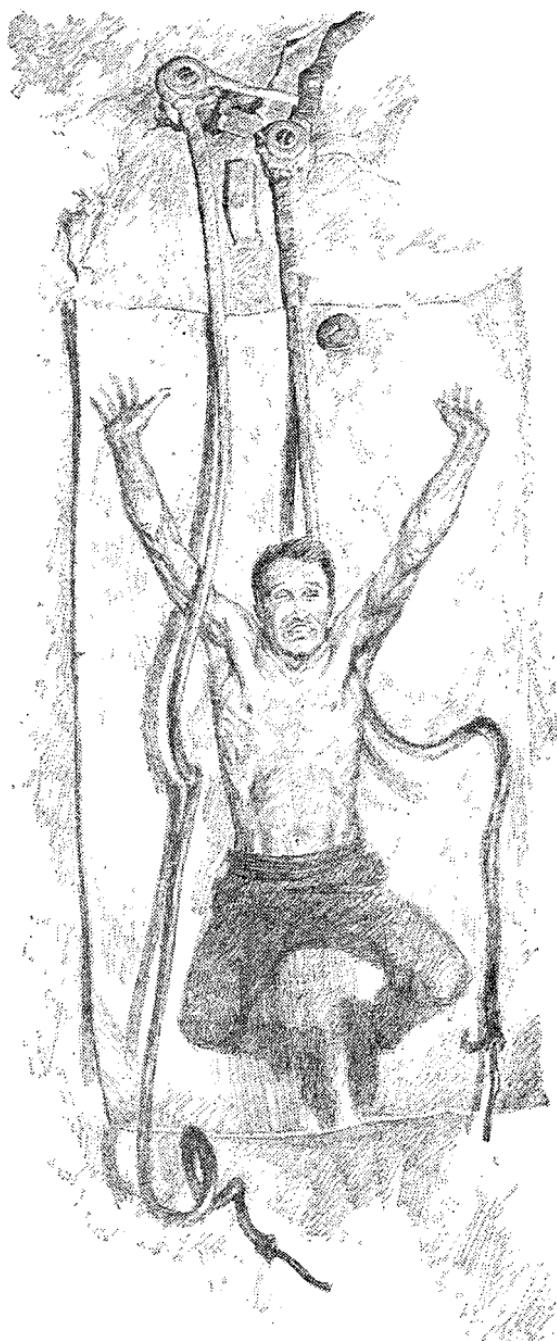
Он спешит на берег моря и, рискуя быть смытым водой, становится на прибрежные камни и кричит, кричит день и ночь, пока не утихнет буря:

— Ихтиандр! Ихтиандр! Сын мой!..

Но море хранит свою тайну.

Золотая гора

*Болезнь,
которая не поддается лечению*

Голубое небо прозрачно, как хрустальные воды горного озера. Высоко-высоко журавлиной стаей летят легкие перистые облака. Под облаками парит орел, распластав свои огромные крылья. Он делает медленные круги и смотрит вниз. Под ним расстилаются горы с белыми шапками снега, темная зелень лесов, горные озера, похожие на куски разбитого зеркала, белое кружево водопадов, серебряные ленты речек... Но не эта знакомая картина интересует орла. Его зоркие глаза прикованы к большому белому камню, что лежит у реки, на мшистом склоне холма. На камне сидит человек, а около него вертится черный как смоль живой комочек. Он, должно быть, очень жирный, этот комочек! Хорошо бы упасть камнем и, схватив черный комочек, отнести в гнездо, на вершину горной сосны, своим голодным детенышам... Но человек мешает... Зачем он пришел сюда, в это пустынное место? Что ему надо?

На эти вопросы человек, сидевший на белом камне, не мог бы ответить. Он откинулся на спину, посмотрел в голубую пустынню неба, увидел орла и, обняв руками черного пуделя, сказал:

— Не вертись, Джетти, и не волнуйся. Орел не возьмет тебя. Ты мешаешь мне думать, Джетти! — И человек, закрыв глаза, погрузился в свои думы, подставляя загорелое, бритое лицо под лучи осеннего, но еще теплого солнца.

Сегодня надо решить. Но сначала нужно разобраться в самом себе, про-

думать каждый свой шаг, сделанный на пути сюда, к этому белому камню.

Как это началось?.. Москва. Номер гостиницы. Датчанин Скоу-Кельдсен звонил по телефону и сообщил, что он получил билет в ложу иностранных корреспондентов на балет «Красный мак»...

Нет, это не главное. Началось это раньше, еще в Нью-Йорке, на Третьей авеню, в небольшой квартире, которую занимал Клэйтон. Он заболел. Да, с этого все и началось! Заболел скучкой.

Физически он был совершенно здоров, успешно занимался спортом и был даже чемпионом по легкой атлетике. В жизни ему везло. Сын небогатого фермера, Клэйтон рано начал зарабатывать самостоятельно. Ему было семнадцать лет, когда он из сонного Запада приехал в кипящий котел Нью-Йорка и быстро приспособился к новым условиям жизни. Переменив несколько профессий, он остановился на журналистике. К двадцати пяти годам он уже был видным сотрудником газеты «Нью-Йорк таймс». И тут он начал скучать. Город, знакомые — все ему надоело.

Чтобы спастись от непролазной одуряющей скучки, Клэйтон начал брать самые рискованные поручения. Он «провел» на баррикадах две мексиканские революции, кочевал с африканскими племенами, восставшими против французов, летал на Южный полюс с экспедицией, разыскивающей Оуэна...

Наконец, по совету одного друга Клэйтон отправился специальным корреспондентом в Москву. По мнению друга и самого Клэйтона, это предприятие было самое рискованное из всего предпринятого Клэйтоном. Поэтому Клэйтон и приехал в Москву. Деятельность разочаровала его. Он не нашел тех ужасов, о которых говорили ему «очевидцы». Клэйтон искал экзотики и не находил. В окружающей жизни он многое не понимал и не старался понять — он прошел американскую газетную школу, которая не приучила проникать в сущность явлений.

Новый Стенли

Клэйтон переодевался в вечерний костюм, чтобы идти в театр, когда позвонил телефон. Завязывая на ходу галстук, Клэйтон подошел к телефону и, к своему удивлению, услышал голос Додда — своего приятеля по газете, одного из корреспондентов «Нью-Йорк таймс».

— Вы здесь? Какими судьбами? — удивился Клэйтон.

— Да, здесь. Приезжайте немедленно ко мне, — ответил Додд и дал адрес частной квартиры на Арбате.

— Но я... я иду сегодня в театр, — ответил Клэйтон. — «Красный мак» — балет, говорят, нечто изумительное. Может быть, вы пойдете со мной? У нас ложа.

— Надеюсь, этот балет не снимут с репертуара, — насмешливо возразил Додд. — Приезжайте немедленно. Есть дело, и как раз в вашем вкусе! Сам редактор поручил его вам.

Клэйтон был хорошо вышколенным работником. Он не стал больше расспрашивать Додда, быстро закончил свой туалет, вызвал по телефону абонированное такси и отправился на Арбат.

Додд — маленький человечек с красным лицом, безусый, но с небольшой светлой бородкой, похожий на карикатурное изображение дяди Сэма, — усадил Клэйтона на диван, предложил сигару и приступил прямо к делу:

— Я имею для вас восхитительное предложение: немедленно ехать на Алтай разыскивать мистера Микулина.

Додд вынул записную книжку и, перелистывая страницы, продолжал:

— Микулин, Василий Николаевич... Русский учёный, работал в лаборатории Академии наук. Был избран действительным членом Лондонского королевского общества. Небывалый случай со времени избрания Менделеева. Обычно иностранных учёных, даже с выдающимся именем, избирают только членами-корреспондентами. Можете представить, что за голова должна быть у этого Микулина! Некоторое время работал в Ленинграде, а потом как-то незаметно исчез.

О нем перестали говорить и писать, как будто он умер. Но смерть такого человека не прошла бы незамеченной.

«Зачем Микулин поехал на Алтай? Почему мы, американцы, должны разыскивать его? Откуда Додд знает, что Микулин жив?..» — раздумывал Клэйтон.

— У Микулина в Англии был друг, — продолжал Додд. — Фамилия его Гиббс. Он американец, молодой ученый, приехавший в Англию для усовершенствования. Гиббс и Микулин — оба физики, оба работали в одной лаборатории. Наконец, оба изучали строение атома и старались осуществить давнишнюю мечту человечества о превращении элементов. Но Микулин был талантливее Гиббса. Надо прямо сказать, позабыв о национальном самолюбии: Микулин гениален, а Гиббс только на голову выше рядового научного работника. Микулин далеко ушел вперед и, по мнению Гиббса, был совсем близок к решению задачи. Быть может, Микулин тогда уже разрешил эту огромную задачу теоретически. Однажды, в минуту откровенности, — слушайте внимательно, — Микулин сказал Гиббсу, что он, Микулин, на родине будет продолжать работу.

«Но для того, чтобы скорее окончить мой труд, мне необходимо полное уединение, — сказал Микулин. — Я не могу сосредоточиться, когда в моей лаборатории снуют лаборанты, студенты и даже, как у вас здесь, высокие покровители наук. Я сибиряк, родился в Семипалатинске, недалеко от чудеснейшей русской Швейцарии — Алтая. Я знаю одно местечко южнее Рахмановских ключей, недалеко от китайской границы. Прекрасный горный климат, полное уединение, тишина, покой. Туда уйду я с одним или двумя помощниками, и пусть мир забудет меня до той поры, пока... пока я переверну мир!»

— Поверьте, Клэйтон, что эти слова не пустое бахвальство. Микулин действительно сможет перевернуть мир, если только ему удастся осуществить то, над чем сломало себе шею немало ученых. Представляете вы, что значит превращать один элемент в другой? Это значит из кирпичей, булыжника и песка вы можете делать чистейшее золото, из дерева — шелк, из стекла — алмазы, из алмазов... пасту для зубов, словом, возьмите пару любых предметов и превращайте их

один в другой. Такой человек должен быть всемогущим. Но и этого мало. Микулин обещает освободить и использовать внутриатомную энергию. А это изобретение способно перевернуть весь мир. В руках этого человека, большевика, окажется почти сверхъестественное могущество. Он начнет снабжать свое правительство целыми вагонами золота. Чем это кончится? Всеобщая золотая «инфляция», полнейшее обесценение золота, всеобщие кризисы в капиталистических странах, банкротства, рабочие волнения... Бороться с Советской Россией? Но разве можно будет бороться со страною, которая обрушит па голову врага взбесившиеся силы природы — миллиарды, — не лошадиных, а дьявольских — сил, сидящих в каждой пещинке! Вы понимаете, что будет?..

Да, Клэйтон понимал. Он чувствовал, как холдеет его сердце. Но мысль не хотела мириться с этой страшной судьбой обреченного мира. Может быть, не все потеряно, может быть, есть выход?..

— Золото можно заменить другим металлом, — сказал Клэйтон, — например, серебром или какими-нибудь редкими металлами. Впрочем, простите, я сказал, не подумав. Ведь Микулин может изготавливать любой металл, любое вещество...

— Вот именно, — кивнул головой Додд. — Теперь вы, надеюсь, понимаете, почему мы интересуемся Микулиным. Гиббс, возвратившись из Англии, как истинный патриот, счел своим долгом сделать доклад одному из членов правительства и нескольким финансистам. Сообщению этому вначале не придавали особого значения. Но когда узнали, что Микулин исчез из Ленинграда, то начали серьезно беспокоиться. На официальные запросы мы получали ответ, что Микулин уехал якобы в научную экспедицию. У нас этому ответу, конечно, не поверили. Пока Микулин работал в Ленинграде на глазах у всех, он не был так страшен; все его изобретения тотчас становились бы достоянием гласности. Если бы даже удалось ему сделать открытие, им воспользовались бы и другие страны, и силы, таким образом, уравнялись бы. Но это «бегство» Микулина наводит на очень серьезные размышления...

Клэйтон нервно поднялся и зашагал по комнате.

— Довольно! Мне все понятно. Итак, каковы мои ближайшие задачи?

— Ехать на Алтай разыскивать Микулина, постараться проникнуть в его лабораторию, заслужить его доверие и узнать, разрешил ли он задачу получения искусственного золота.

— Но как же я найду его, имея такой неопределенный адрес: «Алтай, южнее Рахмановских ключей, у китайской границы»?

— А как Стэнли нашел Ливингстона? У Стэнли был еще более короткий адрес: Африка — и больше ничего. Мы не могли узнать более точно. Нам все равно не сообщили бы адреса, а расспросы только возбудили бы подозрение. Ведь наши цели... не совсем мирные, и потому нам надо соблюдать осторожность. Как видите, я не вызвал вас даже к себе в отель, а выбрал эту частную квартиру вполне надежного человека.

— Да, наши цели не совсем мирные. Поэтому мне труднее оправдать свое появление, если даже я и найду Микулина. С неба, что ли, свалиться? Инсценировать авиационную катастрофу? Наш редактор пойдет на такие расходы?

— Можете ломать целую эскадрилью самолетов, если понадобится, — усмехнулся Додд. — За редактором стоят люди, которые откроют неограниченный кредит. Вы лично не останетесь в убытке. Десяток тысяч долларов я вручу вам немедленно. Я буду жить в Кобдо. Постараемся завязать связь через перевал Улан-даба.

— Ну, а если Микулин нашел средство делать золото и извлекать внутриатомную энергию? — раздумчиво спросил Клэйтон.

— Вы сообщите об этом и получите соответствующие инструкции...

Где огонь падает с неба

Этот разговор происходил в мае. Как много событий произошло за это время! Клэйтон быстро собрался в путь и выехал из Москвы, так и не посмотрев «Красного мака». Клэйтон мчался на поезде, плыл на пароходе, ехал на косматых горных лошаденках и, наконец, шел пешком. Перед ним открылась совершенно новая

страна, которая поразила его своей красотой. Высочайшие горы, поросшие пихтами, елями, лиственницами и увенчанные вечными снегами, бесчисленные водопады, красивые, быстрые горные речки с тополями и ивами на берегах, тучные пастбища... Многоголосый птичий крик, плескание рыбы в реках, простор и... безлюдье.

Чем ближе подвигался Клэйтон к Рахмановским ключам, тем больше он волновался. Удастся ли ему, как Стэнли, найти своего «Ливингстона» и как встретит Микулин незваного гостя? Мысль об инсценировке воздушной катастрофы Клэйтон давно оставил. Это было слишком сложное и рискованное предприятие. Почему не избрать прямой путь: явиться к Микулину в качестве богатого американского туриста, который случайно узнал, что в этих глухих местах живет русский.

От кого узнал? Скажем, от проводника. Ведь не может же быть, чтобы Микулин не поддерживал никаких связей с окружающим населением. Должен же кто-нибудь поставлять ему продукты питания.

Найти Микулина было не так легко. Десять дней пробродил Клэйтон вокруг Рахмановских ключей — горячего и холодного, — встречал много больных, пришедших к ключам за исцелением, расспрашивал всех, но никто не знал о русском, живущем в горах на юг от Рахмановских ключей. Но Клэйтон не падал духом, и в конце концов ему удалось встретить одного старого охотника, который случайно набрел в горах на неизвестный маленький поселок. Кто живет — охотник не знал.

— Я ни за что не пойду туда еще раз, — сказал охотник. — Там огонь падает с неба на дом, и дом не горит.

Однако деньги — много денег — заставили охотника побороть страх и отправиться в горы вместе с Клэйтоном.

Путники перевалили через несколько горных кряжей с настоящей луговой альпийской растительностью, спустились в долину и оказались на краю огромного болота.

Старый охотник, по каким-то одному ему известным приметам, прыгая с кочки на кочку, пошел по болоту. Клэйтон последовал за ним, удивляясь не только его ловкости, но и бесстрашию: несмотря на весь опыт,

предательская трясина могла ежеминутно засосать смельчака.

Перевалив еще через одну небольшую горную гряду, старый охотник остановился и сказал:

— Дальше не пойду. Озолоти — не пойду. Тут близко. Теперь ты сам найдешь. Иди все прямо. Мимо большого белого камня пройдешь, поверни направо. Там и увидишь. Назад пойдешь? Если скоро пойдешь, я тебя тут подожду, назад провожу.

Пойдет ли он назад и скоро ли? Этого Клэйтон не знал.

— Ты подожди меня день и ночь. Если не вернусь, иди. Только вот что! Через перевал Улан-даба ходил? В Кобдо был? Отлично! Иди в Кобдо, передашь письмо, я сейчас напишу.

Клэйтон написал Додду о том, что ему, Клэйтону, по-видимому, удалось найти место пребывания Микуллина. Если все будет хорошо, он придет к болоту в полнолуние, через месяц. Додд может через охотника прислать письмо или явиться сам.

— Вот, возьми письмо. Если ты доставишь его, то получишь много денег и подарков. Может быть, с тобою сюда придет один господин, ты проведи его.

Старый охотник взял письмо, положил его под шапку-папаху, кивнул головой и уселся на кочку, а Клэйтон отправился дальше.

Он шел по южному склону горы, который защищен от северных холодных ветров.

Был второй час дня. Жара стояла невыносимая. Джетти — черный пудель, неизменный спутник Клэйтона во всех его путешествиях, плелся, высунув язык, с которого падала слюна. Ни малейшего ветерка. Даже листья тополя были недвижимы. Клэйтон спускался вниз по берегу горной речки. Джетти несколько раз подбегал к реке и лакал воду.

— Жарко, Джетти, — кажется, гроза будет, — сказал Клэйтон. И в самом деле, где-то вдали глухо прогремел гром. Горное эхо несколько раз повторило рокочущий звук. Гроза быстро приближалась. Верхушки деревьев зашумели, и первые крупные капли дождя упали на лицо и руки Клэйтона. Поправив дорожный мешок

за спину, Клэйтон побежал к большой косматой ели, чтобы укрыться от дождя.

— Вот так, Джетти, ложись здесь! — устраивался Клэйтон под деревом. Собака легла, но сразу же вскочила на ноги и залаяла, поджав свой пушистый, давно не стриженный хвост. Что-то испугало собаку.

Сквозь шум дождя и рокотание грома Клэйтон услышал топот. Затем с пригорка на поляну вылетел золотистый конь, на котором сидела молодая девушка. На ней была короткая юбка цвета хаки и блузка с открытым воротником. На ногах — высокие зашнурованные ботинки. Стриженые под скобку волосы развевались на ветру, лицо покраснело от быстрой езды. Девушка улыбалась и что-то кричала. Она промчалась мимо Клэйтона и скрылась внизу за густыми ивами. Секундой позже на поляну выехал молодой человек — блондин, похожий на калмыка, очень весело улыбаясь. Он подгонял свою лошадь, видимо желая догнать ускакавшую амазонку. Следом за молодым человеком по пригорку катился какой-то большой бурый шар. Клэйтон принял этот шар за большую собаку, но когда шар подкатился, оказалось, что это медвежонок. Вот почему так истерически лаял Джетти: он почуял зверя. Но медвежонок не обратил на пуделя никакого внимания: он нагонял наездников. Странно, однако, что наездники, убегавшие от медведя, улыбались так весело. Клэйтон быстро снял с плеча винтовку, но не выстрелил: он подумал, что, может быть, зверь ручной, а всадники убегали не от медведя, а от дождя.

«Советская Диана», как мысленно назвал Клэйтон всадницу, удивила его. Клэйтон никак не ожидал встретить в лесах Алтая такую красивую женщину.

Но кто она? И кто этот мужчина? Микулин? Как жалко, что Додд не показал Клэйтону карточку Микулина.

Гром грохотал уже над самой головой Клэйтона, дождь лил водопадом, но Клэйтон не обращал на это никакого внимания. Он побежал следом за наездниками. Обогнув заросли ивы, он увидел большую поляну, примыкавшую к почти отвесной скале. У скалы стояли

три деревянных дома. Над средним возвышались металлические мачты — радиостанция, как решил Клэйтон.

Дома были окружены цветниками.

Бродяга по призванию

Неподалеку стояли два сарая, за которыми виднелось поле ржи.

«Однако тут целая ферма, — подумал Клэйтон. — Но где же наездники?»

В эту минуту из двери дома, над которым возвышалась антенна, выбежал молодой человек. Он побежал к мачте антенны, что-то осмотрел и вернулся к дому. Огромная молния, раздирая воздух, с оглушительным треском сорвалась с неба и ударила в острие металлического шеста.

«Громоотвод, — подумал Клэйтон. — Вот что испугало старого охотника».

«Черт возьми, это не громоотвод, а молниепривод», — подумал Клэйтон в следующую минуту. В самом деле, мачты и провода как будто собирали электрические разряды со всех сторон. Над домом разряды следовали беспрерывно. Сине-лилово-белая полоса молнии соединила небо с землею, и точкою соединения были вершины мачт. Даже здесь, на расстоянии добрых сотни метров от дома, жутко было стоять. Но каково было молодому человеку, который находился под самым потоком молний! Несмотря на громоотводы, молнии разветвлялись, смертоносные бичи разражались совсем близко от молодого человека. А он как ни в чем не бывало ходил вокруг дома, что-то поправляя и осматривая. Неожиданно взгляд молодого человека остановился на Клэйтоне. Как будто тень недовольства прошла по его лицу, но вслед за этим он улыбнулся и приветливо махнул рукой, приглашая Клэйтона подойти.

Клэйтон не без содрогания направился к дому, на который низвергались молнии, как будто собранные со всего Алтая.

Кричать было бесполезно, потому что удары грома были оглушительны. И когда Клэйтон приблизился, молодой человек только указал на дверь. Клэйтон взошел на крыльцо. В дверях он столкнулся с девушкией. Она была еще в том же мокром платье. Посмотрев на Клэйтона с изумлением, девушкика выскочила на крыльцо и побежала по дорожке к домику с мезонином, стоявшему недалеко от скалы. Клэйтон вошел в комнату и огляделся. Стол у окна, две скамьи у стен, несколько табуреток. У стены шкаф с посудой. Очевидно, это была столовая. Клэйтон не решался сесть на скамью — с него так и текло. Джетти также оставлял после себя лужи.

Гром стал понемногу стихать, и скоро в комнату вошел молодой человек, пригласивший Клэйтона.

— Здравствуйте, — сказал он по-русски. — Вы иностранец? Я не ошибся. Садитесь, пожалуйста. Я сейчас растоплю печь, и вы сможете обсушиться. — Молодой человек улыбнулся. — Но мы еще не знакомы. Моя фамилия Микулин.

«Неужели этот молокосос способен перевернуть мир?» — думал Клэйтон, разглядывая лицо Микулина. Оно действительно выглядело очень молодым. Прекрасный лоб и в особенности глаза — большие, голубые, прозрачные и в то же время глубокие — привлекали особое внимание. От этих глаз трудно было отвести взгляд.

— А моя фамилия Клэйто... — удар грома прогремел очень своевременно... — Клэйн, говорю я. Американец, турист, вернее, бродяга по призванию. Я искалесил все пять частей света и был приятно поражен, попав на Алтай. Признаюсь, я не ожидал здесь встретить такую красоту.

— Но как вы прошли... через болото? — спросил Микулин.

— Охотник провел меня. Он сказал, что это самый близкий путь к китайской границе, куда я направляюсь. По дороге проводник занемог и отправился домой, а я пошел вперед один и вот... неожиданно наткнулся на вашу ферму. Вы здесь, как видно, неплохо живете. Когда я шел сюда, меня обогнали амазонка, наездник

и медвежонок, которого я едва не подстрелил, вообразив, что он гонится за людьми.

Микулин рассмеялся.

— Это Алленка, Елена Лор, химик и мой помощник, наездник — Ефим Грачов, лаборант, а медведь — Федька. Воображаю, как была бы огорчена Алленка, если бы вы подстрелили ее медведя.

— Но что вы здесь делаете, в такой глупши? — спросил Клэйтон, разыгрывая роль наивного туриста.

— О, мы здесь двигаем науку! — с шутливой серьезностью ответил Микулин. — Видали мои молнии? Я их «засаливаю», собираю впрок, как мельник собирает воду.

Не прекращая разговора, Микулин принес железный ящик, оказавшийся электрической печкой, протянул шнур, вставил штепсель, и Клэйтон скоро почувствовал тепло.

— Вот видите, как молния отапливает нас! Сейчас на дворе тепло, и вы высохли бы на солнышке, но это скорее. Подождите, я пущу еще вентилятор со струей теплого и сухого воздуха. Ну вот, через пять минут вы будете сухи, как Сахара в полдень. Молния дает мне энергию для освещения, отопления и научных опытов. Я аккумулирую небесный огонь. Ведь самая «захудалая» молния в десять тысяч ампер в продолжение одной сотой секунды дает энергию не менее семисот киловатт-часов. За месяц над моим домом произошло сто разрядов. Это дало мне семьдесят тысяч киловатт-часов. Недурно? Я изобрел такие «громоприводы», которые притягивают сюда молнии чуть ли не со всего Алтая, а все эти молнии я загоняю, как зверей в клетки, в небольшие аккумуляторы.

— А для вас самих разве они не представляют опасности? — спросил Клэйтон.

— Разумеется. В тысяча семьсот пятьдесят третьем году в Петербурге во время опыта был убит молнией академик Рихман. Малейшая неисправность — и конец. Лучше не иметь совсем никакого громоотвода, чемставить плохо сконструированный. В этом отношении наши прадеды были не так уж не правы, опасаясь ставить громоотвод. Где-то я читал, что домовладелец из фран-

цузского городка Сен-Омара Виссери де Буавалле поставил на крыше своего дома громоотвод в виде меча, направленного в небо и укрепленного на шаре, а шар был приделан к металлической палке. Это было в тысяча семьсот восемьдесят третьем году. Столь непочтительного вида громоотвод задел религиозные чувства сен-омарцев. Ведь это было почти вызовом небу, объявлением войны господу богу. Когда же граждане увидали на острие меча пляшущие язычки небесного пламени и низвергающуюся молнию, то пришли в ужас. Гнев бога мог спалить маленький французский городок, как Содом и Гоморру. Муниципальные власти предъявили к Виссери де Буавалле иск о снятии неприличного и опасного в пожарном отношении громоотвода. На этом процессе со стороны домовладельца выступал молодой адвокат — тогда еще двадцатипятилетний юноша Робеспьер. Это имя, конечно, известно вам? Этот процесс, нашумевший во Франции, положил начало известности Робеспьера. Он блестяще выиграл процесс и «отстоял» громоотвод. Процесс этот сыграл немалую роль в распространении громоотводов.

Что касается моих «громоприводов», то они как будто не представляют опасности. Я предусмотрел все. Меня может погубить только случайная неисправность. Работа в лаборатории сопряжена с гораздо большими опасностями.

Обсущились? Не хотите ли чаю? Или есть? Мы сейчас будем обедать. А вот и гроза прошла.

В комнату вошла высокая старуха. Она казалась последним представителем вымершей породы великанов. Старуха искоса взглянула на Клэйтона, сухо поклонилась и начала накрывать на стол.

Следом за ней вошла в комнату девушка. Теперь на ней была белая блузка и клетчатая юбка-шотландка.

— Познакомьтесь, — сказал Микулин. — Елена Лор. Мистер Клэйн. Турист по прозванию.

Еще одно лицо появилось в комнате: молодой человек с калмыцким лицом. На этот раз он был в толстовке и брюках навыпуск, в туфлях на босу ногу. Это несколько шокировало Клэйтона.

— Грачов, Ефим Яковлевич. А это наша завхоз, повар, ключница и прочее и прочее — Егоровна. Не хватает только ее почтенного супруга — Данилы Даниловича Матвеева, великого ловца зверей. Он вчера с вечера пошел на охоту и еще не вернулся.

Когда все уселись за стол, Микулин рассказал гостю, как они живут. Лор и Грачов иногда вставляли свои замечания. Клэйтон слушал и в то же время внимательно наблюдал за этими людьми, пытаясь определить их отношение друг к другу. Его больше всего интересовал вопрос, какое место в сердце каждого из молодых людей занимает Лор и кто из них завоевал ее сердце. По мнению Клэйтона, роман был неизбежен. Для этого имелись все данные: молодость всех троих, красота Лор, одиночество. Пожалуй, имелись данные даже для драмы: оба молодых человека неизбежно должны были влюбиться в Лор, но кто же из них счастлив? У Микулина больше данных: он красивее, он шеф этой маленькой общины, наконец, он гениален. А Грачов? Он интересен только своей необычайной веселостью и жизнерадостностью. Разве несчастный влюбленный может так смеяться, как Грачов? Но кто же, кто из них?.. Неужели эти молодые люди умеют так прекрасно владеть своими чувствами? У них ровные товарищеские отношения с Лор. Ни тени «ухаживания». Они не оказывают ей за столом услуг, общепринятых в кругу друзей и знакомых Клэйтона, как будто она не девушка, а их товарищ — юноша. И она тоже не оказывает ни одному из молодых людей особого внимания. Клэйтону даже показалось, что на него она поглядывает гораздо чаще, чем на своих товарищих по работе. Это внимание могло доставить Клэйтону большое удовольствие, но он скромно объяснил свой успех тем, что он здесь новый человек, а жизнь «колонистов», по-видимому, не отличается разнообразием.

Обед подходил к концу, и Клэйтон начал беспокоиться. Приличия требовали, чтобы он, поблагодарив хозяев за гостеприимство, отправился своим путем. Надо было придумать предлог, чтобы задержаться здесь на возможно большее время. Прикинуться больным — нельзя так внезапно. На всякий случай Клэйтон

решил подготовить почву. Он незаметно перевел разговор на себя и сказал:

— Я, быть может, не совсем точно выразился, атtestовав себя бродягой по призванию. Это не совсем так. Скорее, я бродяга поневоле. Дело в том, что у меня странная болезнь. Англичане, пожалуй, назвали бы ее сплином. И только во время путешествий я успокаиваюсь. От времени до времени у меня бывают сердечные припадки. Иногда они быстро проходят, иногда же му чают меня по нескольку дней... Позвольте вас поблагодарить... мне пора в путь!

Микулин и даже Лор предложили ему остаться. Клэйтон едва не согласился «погостить денек-другой», но выдержал характер: у него уже был готовый план. Он рас простился с новыми друзьями и вышел. Микулин, Лор и Грачов вышли его провожать.

— Если будете еще в наших краях, заходите! — крикнул ему Микулин.

— Благодарю, — ответил Клэйтон, удаляясь от дома. «Выдержка, выдержка», — шептали его губы.

Припадок

У белого камня, лежавшего недалеко от речки, Клэйтон встретил великана — седого старика с убитой косулей на плечах. Пояс его был увешан гирляндой из горных куропаток и дроф. Из-за спины торчало дуло ружья. Это и были, очевидно, великий ловец — Данилыч. Клэйтон почти с ужасом посмотрел на него. Старик остановился и учил Клэйтону настоящий допрос. Узнав, что Клэйтон был у Микулина, старик смягчился и подал свою, похожую на тарелку, ладонь.

«Ну и пара, — подумал Клэйтон, пожимая руку великана и вспоминая старуху, прислуживавшую за столом. — Где они только подобрали друг друга».

— Куда идешь? — спросил старик. Он со всеми был на «ты».

— В Кобдо, — ответил Клэйтон.

— Так не пройти. Иди к перевалу... — И Данилыч подробно объяснил путь.

Они расстались. Но Клэйтон не пошел на перевал, а остался в лесу неподалеку от фермы Микулина и начал незаметно наблюдать за фермой. Мысль притвориться больным занимала его. Сначала он хотел высledить, по какой дороге Лор ездит на прогулку, и лечь на ее пути, притворившись больным. Но на это надо было потратить не менее двух дней, а Клэйтона охватило нетерпение. Ведь он ушел от Микулина, несмотря на приглашение остаться. Этим самым он достаточно замаскировал свои намерения. И Клэйтон решил «заболеть», не откладывая.

Он вернулся к белому камню и улегся на него. Из окон дома камень виден. Рано или поздно его должны заметить. Клэйтон корчился на камне, как полураздевленный червь, имитируя судороги, и наконец замер в глубоком обмороке. Он лежал неподвижно, одним глазом поглядывая на дом. Но его не замечали, и никто не шел ему на помощь. Так пролежал он более двух часов. Это начинало надоедать. Бок болел от твердого камня. Клэйтон уже хотел встать и придумать что-нибудь другое, как вдруг одна мысль пришла ему в голову.

Джетти уже давно опротивело вынужденное бездействие, он нетерпеливо скреб камень лапами и отрывисто лаял. Клэйтон начал тихо стонать. Нервный пудель не мог переносить стона и завыл, сначала тихо, а потом все громче. Этот вой был неожиданно поддержан густым гудением медвежонка Федьки. Получился довольно дикий дуэт, который должны были услышать все обитатели фермы. Однако Федька едва не испортил дела. Он вдруг выбежал из сарая и направился к белому камню. Увидав медведя, Клэйтон с трудом удержался, чтобы не вскочить и не убежать, хотя и знал, что медведь ручной. Притом медведи не трогают трупов, а Клэйтон лежал неподвижно, как мертвый. Джетти завизжал так, словно медведь уже драл его, медведь ревел еще громче. На этот шум вышла Егоровна и позвала Федьку. Но тот был слишком увлечен возможностью завязать знакомство с Джетти. Он не отходил от Клэйтона.

— Ах, трясы тебя побери! — выбранилась Егоровна и направилась к белому камню. Она отогнала медве-

жонка, прикрикнула на пуделя, потом обратилась к Клэйтону.

— А вы что тут лежите?.. Спите, что ли?

Клэйтон простонал, не открывая глаз.

— Ишь ты, заболел немец! — Для Егоровны все иностранцы были немцами. Она наклонилась над ним, подвела руки под его спину и подняла Клэйтона с такой легкостью, как будто он был маленький ребенок.

Клэйтон совсем иначе представлял свое возвращение на ферму. Он, бледный, с закрытыми глазами, лежит в красивой позе на дороге. Выезжает очаровательная наездница и видит его. Соскакивает с лошади, наклоняется к нему, быть может, целует... И вместо всего этого какая-то престарелая великанша несет его под мышкой, как зарезанного каплуна! Только бы Лор не видела этой картины.

Судьба смилиостивилась над Клэйтоном. Никто не видел этого печального шествия.

Молодежь работала в лаборатории, а Данилыч свежевал косулю за сараем. Егоровна принесла Клэйтона в домик с мезонином, положила на скамью и тихо сказала:

— Вот еще навалился на нашу голову. Помрет, пожалуй, наделает хлопот. — И вышла из комнаты.

Клэйтон оглянулся, спрыгнул со скамьи и подбежал к окну. Егоровна скрылась в дверях лаборатории, но через минуту опять вышла в сопровождении Лор. Клэйтон быстро отбежал от окна, улегся на скамью и закрыл глаза... Дверь открылась, вошли Егоровна и Лор.

— Как будто дышал еще, — сказала Егоровна.

Лор подошла к Клэйтону и взяла его руку.

— Пульс немного повышен! — сказала она. — Я сейчас схожу за нашатырным спиртом. А вы, Егоровна, приготовьте воды.

Вскоре девушка принесла дорожную аптечку и стала растирать виски Клэйтона одеколоном, давала нюхать спирт, брызгала водой. Только бесчувственный труп мог остаться равнодушным к такому заботливому

уходу. Клэйтону хотелось продлить удовольствие, но в то же время не терпелось скорее посмотреть на девушку глазами, исполненными благодарности. Он не чужд был романтики, этот «бродяга по профессии».

Увы, сцена разрешилась совсем иначе. Лор слишком близко подставила склянку со спиртом к носу Клэйтона. Он чихнул так громко и неожиданно для самого себя и Лор, что та уронила склянку, а Егоровна ахнула густым басом.

— Вам лучше? — спросила Лор. — Как вы себя чувствуете? — и тут же рассмеялась. — Вы так напугали меня!

— Простите... Да... Отлично чувствую! То есть ужасно... Боли в груди, сердце... спазмы! Припадок... Все пройдет, надеюсь...

— Лежите спокойно, — сказала Лор. — Я вам положу на сердце лед.

— Нет, не надо! — испуганно возразил Клэйтон. — От льда мне будет хуже...

— Не рассуждайте! — строго сказала Лор, как заправский врач.

В стране неизвестного

Клэйтон «поправлялся» очень медленно. Правда, встал он в тот же день вечером, но был ужасно слаб.

— Эти припадки обессиливают меня на много дней... — говорил он, — я очень огорчен, что доставил вам столько беспокойства.

Клэйтону очень хотелось сопровождать Елену Лор в ее прогулках, но он должен был выдерживать роль больного. Иногда «припадок» повторялся в легкой степени. Тогда Лор отказывалась от своей обычной прогулки и ухаживала за больным. Таким образом Клэйтон провел с девушкой немало часов. По мнению американца, это должно было возбудить ревность у Микулина или Грачова. Но, очевидно, у этих людей были куски льда вместо сердца; никто из них не обращал внимания на то, что Лор проводила все свои свободные часы у постели больного.

Клэйтона поместили в том же доме, где жил Грачов. В среднем доме, примыкавшем к скале, находилась лаборатория. Там жил Микулин, а Лор занимала мезонин в доме, где помещались старики-великаны — супруги Матвеевы, старообрядцы, когда-то бежавшие в леса Алтая от гонений царского правительства. Вообще за эти несколько дней Клэйтон узнал многое. Он ближе познакомился со всеми обитателями фермы. Джетти подружился с медвежонком Федькой, и они целыми днями гонялись друг за другом. Лор очень полюбила Джетти, Грачов и Микулин дружески встречали больного и всегда осведомлялись о его здоровье.

Когда Клэйтону было «лучше», он заходил к Микулину. Ученый его любезно встречал и охотно давал разъяснения.

— Мы с Аленкой идем разными путями к одной цели. Аленка, — так Микулин называл Лор, — последовательница классической химии, я — физик. Иногда у нас происходят маленькие споры. Я утверждаю, что классическая химия отжила свой век и что на смену ей идет физика. Даже в тех областях, где химия считается неограниченным владыкой. В самом деле, сколько труда тратят химики хотя бы на то, чтобы создать синтетическим путем каучук! А я достигаю этого очень скоро при помощи своих катодных трубок высокого напряжения. Вот, полюбуйтесь.

Микулин подошел к стене и повернул рубильник. Между двумя огромными электродами-полюсами прокочила искра величиной с яблоко, как показалось Клэйтону.

Микулин передвинул рубильник, и искра превратилась в бешеные потоки голубовато-белого огня, который ревел, трещал, шипел так сильно, что Клэйтон невольно отступил к двери.

— Отойдите еще дальше! — крикнул Микулин. — На этом месте однажды едва не убило Аленку.

— А вы? — спросил Клэйтон.

— Мне надо! — ответил Микулин. Он повернул рубильник назад. Страшные огненные змеи исчезли, притаились. Но они были здесь, готовые каждую минуту

выпрыгнуть по приказу своего укротителя. Да, Микулин, этот красивый юноша с выразительными глазами, был страшный своим могуществом человек.

— Это настоящая молния, — пояснил Микулин. — В ней два миллиона вольт. Но я могу довести напряжение до десятка миллионов. Настоящая молния лопнет от зависти. Теперь смотрите сюда.

Микулин повернул другой рычаг.

Шесть длинных стеклянных лампочек, соединенных цепью, засветились приятным зеленоватым огнем.

— Это не так страшно, не правда ли? — спросил Микулин. — А между тем здесь заключены те ужасные стихийные силы. Но я заставил их служить человеку. Вот из этого окошечка в трубке я выпускаю «пи-лучи». Это настоящие лучи смерти для многих живых существ. И в то же время они способны делать чудеса, превращая химические элементы. Пусть злится Лор! Это моя физическая катодная химия. Я разбиваю и перемещаю атомы по своему желанию. Из углеводородов я могу сделать искусственный каучук, из угля — бензин и нефть. Из дерева — сахар и шелк и скоро, кажется, я получу живую протоплазму. — Микулин погасил лампочки. — Идемте, пора обедать.

— Вы, кажется, скоро будете превращать камни в золото? — шутливо спросил Клэйтон, волнуясь в душе. Микулин уселся на ступенях крыльца, покачал головой и сказал:

— Не так скоро, как я сам предполагал. — Он взял несколько камешков и начал укладывать их в ряд. — Практическая химия имеет дело с очень небольшим количеством химических элементов. Кислород, водород, углерод, азот. Вот основные строители бесчисленного количества видимых веществ. Молекулы этих элементов вступают во всевозможнейшие отношения — вот так, как я раскладываю эти камешки. И каждый раз получается новое вещество: то анилиновая краска, то взрывчатое вещество, то ароматическая эссенция. Одним и тем же веществом я могу взорвать скалу или надушить ваш платок. Алленка Лор рекордсмен в этой области. Но все еще не то, что мне надо. Эта игра в камешки уже не занимает меня. Меня инте-

ресует превращение самих «камешков». Изучая природу самих атомов, перемещая расположение их электронов и протонов, я хочу превращать основные элементы: из кислорода делать водород, из углерода — азот. Тогда я буду мастером «перевоплощения» материи. Но как много трудностей на этом пути!

Я похож на путешественника в неведомых странах. Мне надо заготовить «фураж», прежде чем двинуться в путь, и Лор и Грачов помогают мне в этом. С этим багажом я двигаюсь в путь к намеченной цели. Эта цель кажется близкой, как горная вершина. Но вы знаете, как горный воздух скрадывает расстояния и обманывает? Вы идете день и ночь, падаете от усталости, а вершина как будто уходит от вас... Вот здесь, на Алтае, есть гора Белуха. Пять тысяч пятьсот метров. Еще ни одна человеческая нога не ступала на эту вершину. А между тем она не кажется такой высокой и недоступной. Попробуйте, взойдите на нее!.. То же происходит и со мной. Иногда мне кажется, что я совсем близко у цели. И когда мне оставалось сделать только последний шаг, я вдруг видел прежде скрытую от моих глаз расщелину, глубокий провал, который нельзя перейти. И надо было начинать все снова. Но цели-то своей я в конце концов достигну.

- И будете превращать булыжники в золото?
- И золото в булыжники, — ответил Микулин.
- Скоро?

— Да, теперь скоро. Предварительные работы закончены. В моей лаборатории все подготовлено к опыту. Теоретически вопрос решен. И быть может, не пройдет и несколько дней, как вы будете свидетелем осуществления мечты алхимиков. У всех этих алхимиков было зерно истины! Великий алхимик средних веков араб Абу-Мурзы-Джафар-аль-Софи говорил, что металлы — тела меняющейся природы, состоят из меркурия, то есть ртути и серы, и потому им можно придать то, что им недостает, и отнять у них то, что находится в избытке. Мы, современные «алхимики», действуем очень похожим методом: стараемся изменить атомное строение, отнимая или прибавляя недостающие электроны. В периодической системе Менделе-

ева золото занимает семьдесят девятое, а ртуть — восьмидесятое место, и атомный вес их очень близок: золото сто девяносто семь и две десятых, ртуть — двести целых и шесть десятых...

— Обедать! — послышался сильный и низкий голос Егоровны.

— Идемте обедать, — поднялся Микулин, — а сегодня вечером приходите в лабораторию. Вы будете присутствовать в качестве благородного свидетеля при появлении первого золотого слитка.

«Однако мне везет», — подумал Клэйтон.

Все складывалось лучше и проще, чем он ожидал.

Неудавшийся опыт

После обеда Клэйтон вернулся в свою комнату и, как полагается больному, лег в постель. Но его мертвый час был наполнен довольно живыми размышлениями. Клэйтону надо было обдумать дальнейший план действий, если секрет получения золота искусственным путем будет открыт сегодня Микулиным. Убить! Но это нелегко. Совсем нелегко. Пожалуй, легче убить Грачова. Но он только лаборант. Нечто вроде слуги. Подай, подогрей, возьми... Микулин? Говорят, он гениален... Вполне возможно. Однако Микулин обладает еще одним талантом: привлекать к себе симпатии окружающих. Клэйтон старался убедить самого себя, что Микулин замышляет погубить цивилизацию, но маска злодея спадала с лица Микулина и на Клэйтона смотрели большие глаза, от которых трудно было оторвать взгляд.

— Не может быть, чтобы Лор была равнодушна к этим глазам, — прошептал Клэйтон. И мысли его перешли к девушке прежде, чем он «покончил» с жизнью Микулина. Убить Лор? Убить молодую девушку, похожую на веселого мальчика? Да он и не собирался никого убивать! Он узнает о том, что секрет золота открыт, сообщит Додду, и пусть они делают что хотят. Впрочем, нет. Клэйтон был бы плохим патриотом, если бы отказался выполнить свой гражданский долг. Надо меньше размышлять, а больше делать. «Я не воз-

буждаю у Микулина подозрений и спрошу у него прямо, как он думает использовать свои изобретения. Если он в самом деле думает сделать их орудием революционной борьбы, то с ним и со всеми ими не придется церемониться».

Вечером Клэйтон отправился в лабораторию. Там уже кипела работа. Лор и Грачов, видимо, волновались. Грачов хотел скрыть свое волнение под маской обычной шутливости.

— Как ты думаешь, Вася, — спрашивал он у Микулина, — скоро у нас из золота будут делать общественные уборные?

Микулин улыбнулся, как всегда. Ни малейшего напряжения мысли не видно было на его большом открытом лбу, как будто делал он совсем простое, обыденное дело.

— Сыпь сюда, на эту полочку, — приказал он Грачову вместо ответа. Грачов насыпал на небольшую полочку у стеклянной трубки белого порошка.

Руки Грачова немного дрожали.

— Довольно?

— Довольно, Ефим, спасибо, Аленка, отойди, ты опять стоишь против трубки. Сейчас буду пускать ток...

Лор отошла. В лаборатории наступила торжественная тишина. Микулин повернул рубильник. Загудел мотор, затрещала искра. Пустотные трубы наполнились зеленоватым огнем. Четыре пары глаз внимательно смотрели на белый порошок.

— Идет! — крикнул Грачов. — Чернеет!

— Ничего не идет, — спокойно ответил Микулин. — Порошок не должен чернеть.

Вскоре белый порошок сделался черным как уголь.

Микулин рассмеялся и, обратившись к Клэйтону, сказал:

— Простите, я поторопился позвать вас. Опять неудача! Хотя я не понимаю, как это могло случиться. Аленка, иди сюда на расправу.

На лицах Лор и Грачова было написано самое искреннее огорчение.

Микулин и Лор засели за небольшой чертежный столик. Микулин начал быстро писать на старом черте-

же химические формулы, от времени до времени обращаясь к Лор с вопросом:

— Так?

Смущенная девушка кивала головой.

— Пока все верно,— вздохнул Микулин.— Но были ли химически чистый препарат? Достаточно ли тщательно ты промыла посуду?

— Я...

— А ну, пойдем в твою лабораторию.— И еще раз обратившись к Клэйтону, Микулин сказал:

— По не зависящим от дирекции обстоятельствам, спектакль не состоится. Публика может получить из кассы деньги обратно.

— Но может быть, позже?— спросил Клэйтон.

— Если вы имеете терпение подождать. Мы не окончим работу, пока не отыщем ошибку или причину неудачи. И если нам посчастливится, мы сегодня же попробуем повторить опыт.

— Я подожду,— сказал Клэйтон.

Выйдя на крыльце, он сел на ступеньку и закурил трубку. Дверь в лабораторию была открыта. Проходили часы за часами, а Микулин, Лор и Грачов все еще работали в лаборатории. Иногда слышались вопросы Микулина и быстрые ответы Лор.

Месяц зашел за гору, утренний холодок заставлял ежиться. В лаборатории заговорили громче, потом затихли. Клэйтон подошел к окну и посмотрел. Три головы склонились над большой колбой, под которой горела бунзеновская горелка.

— Ага!— воскликнул Микулин.— Кто прав?

— Как всегда, ты,— ответила Лор.— Но кто виноват?

— А кто мыл посуду?

— Ефим.

— А-а!— зарычал Микулин и вытащил Грачова из лаборатории на крыльце.

— Заждались? Вот он — преступник! — сказал Микулин.— Ефим Грачов, погубивший первый слиток золота. И из-за него общественные золотые уборные будут построены несколькими часами позже!

Грачов был так огорчен, что на глазах у него появились слезы.

— Ну, не грусти, Ефим. С кем не бывает,— утешал его Микулин. Лор тоже вышла из лаборатории, на ее лице также было написано огорчение и усталость. Она проработала всю ночь с большим напряжением. Глаза ее смыкались.

— Будем продолжать? — спросил Микулин. Он совсем не выглядел утомленным, но, посмотрев на своих усталых товарищей, сказал: — Баста! Пора спать. Завтра мы до обеда успеем приготовить все для опыта.

Грачов хотел протестовать, но Микулин настоял на своем.

— Пусть отдохнут, — сказал он Клэйтону, когда Лор и Грачов ушли. — Они много поработали. У самой цели перед нами опять открылась пропасть, и нам не удалось перейти ее сегодня. Но это пустяки. Пока они будут отдыхать, я поработаю в лаборатории и сам приготовлю все для опыта. А вам тоже пора спать, мистер Клэйтон. Ваша трубка давно погасла.

— У меня бессонница, — ответил Клэйтон. — И если бы я мог быть полезен, я охотно помог бы вам.

— Не откажусь от вашей помощи, — ответил Микулин, и они прошли в химическую лабораторию Лор.

Клэйтон был довольно сообразительным и ловким малым, и через час Микулин говорил:

— А знаете, из вас вышел бы прекрасный помощник! У вас все в руках сиорится. Вы не привыкли к химической посуде, и все-таки ничего не бьете и не роняете.

Клэйтон был полыщен этой похвалой. Они проработали до утра. Солнце уже давно осветило вершины деревьев и белый камень, когда наконец они кончили приготовления.

— Готово! — сказал Микулин. — Теперь пойдем, подышим свежим воздухом.

Удовольствие быть чертом

Они вышли из дома и направились мимо белого камня, вдоль берега речки. Утреннее солнце золотило ивы и тополя. Микулин посмотрел на снежную вершину дикой горы, окутанную легкой дымкой.

— Отличное утро,— сказал Микулин.— А гроза все-таки будет сегодня. Она, пожалуй, и лишняя. Мои аккумуляторы заряжены, и мои кладовые полны консервированными молниями. Притом у меня есть небольшая гидростанция. Скоро опыты закончатся, и энергия нужна будет только для производства золота. Положим, на это потребуется немало энергии.

— Что вы будете делать с золотом? — не удержался от вопроса Клэйтон.

— Мы наденем ярмо на золотого тельца и заставим его пахать наше поле! В древнеиндийских книгах — Атава-Веда — золото называется жизненным эликсиром. Смотрите на этот край. Природные богатства его неисчислимы. Красота неописуема. Климат прекрасный. А кто здесь живет? Дикий зверь, птица да горсточка людей. Что можно сделать с этим диким краем? Тысячи водопадов и горных речек будут вращать колеса турбин. По красивым долинам заснутые новенькие трамвайные вагончики, задымят заводские трубы, вырастут дворцы-санатории, оживут горы и леса. И не только здесь, на Алтае, золото станет эликсиром жизни.— И Микулин начал с увлечением говорить о том, как быстро будет развиваться хозяйство страны, увеличиваться благосостояние масс. Но Клэйтона мало интересовала эта тема. Это было, так сказать, употребление золота для мирных целей. Клэйтона интересовало иное. Дождавшись паузы, он спросил:

— В Атава-Веда золото названо средством против колдовства. Против какого же колдовства вы собираетесь использовать золото?

— Против колдовства самого же золота. Против колдовства капитала, поработившего рабочих, ослепившего разум людей.

«Додд был прав. Вот когда Микулин показал свое настоящее лицо!» — подумал Клэйтон.

— Но ведь это причинит большие несчастья людям. И хочу сказать, пока вам не удастся осуществить ваш новый строй...

— А скажите, положа руку на сердце, разве строй любезной вашему сердцу Америки обеспечивает счастье большинству населения? И даже те немногие, кто наслаждается счастьем за счет несчастья других, разве богачи счастливы по-настоящему? Разве их не беспокоит мысль о крушении капитализма? Спокоен только тот, за кем будущее.

Микулин еще долго говорит о грядущем, но Клэйтон думал только об одной фразе: спокойным может быть только тот, за кем будущее. Черт возьми, выходит, что будущее за большевиками! Ну, он убьет Микулина, убьет Лор и Грачова, а дальше что? Всех большевиков он перебить не сможет. Счастливая Россия. Ей не грозят революции, не грозит страшный призрак, который не дает спокойно спать европейским и американским капиталистам.

«Лучший способ перестать бояться черта — самому стать чертом», — подумал Клэйтон.

— По-китайски Алтай называется Кин-шан — золотая гора, — продолжал Микулин. — И ему не напрасно дано такое название. В горах Алтая очень много золота — я делал разведки. Но это золото может спокойно оставаться в земле. Гораздо проще и дешевле будет получать золото лабораторным путем. Я поставлю производство на широкую ногу, и здесь в буквальном смысле возникнет золотая гора.

«А если этот черт будет обладать золотыми горами, то быть одним из чертей совсем неплохо!» — продолжал развивать свою мысль Клэйтон.

Микулин еще о чем-то говорит, а Клэйтон, почти засыпая, думает: «И как это мне раньше в голову не приходило? Останусь здесь, женюсь на Елене Лор». Распростиившись с Микулиным, Клэйтон вошел в дом, быстро разделся, лег на кровать и уснул мертвым сном.

Никогда не спал он так крепко. Но этот могучий сон был прерван сильнейшими ударами грома. Клэйтон открыл глаза и долго не мог сообразить, где он

и что с ним. Гроза! Синие зигзаги режут за окном серую муть. Отсветы молний озаряют бревна стены. Где-то кричат... Или это ему показалось? В промежутке между ударами грома ясно послышался голос Микулина. А вот громоподобный голос Данилыча...

Клэйтон подбегает к окну. Удивительное зрелище! Один из металлических стержней на крыше того дома, в котором помещается лаборатория, надломился. Молнии ударяются об этот стержень и соскаивают на нижележащий шпиль уже не по проводу, а прямо по воздуху. Клэйтон понял всю опасность положения. Сильная молния может перепрыгнуть не на шпиль, а прямо на крышу. Вот один огненный клубок прыгнул на крышу, и она задымилась. Дом сгорит, а с ним и все научное оборудование лаборатории, редкие машины... Клэйтон быстро оделся и выбежал на улицу.

Вокруг дома толпится вся колония: Микулин, Лор, старики Матвеевы и Грачов. Он в странном костюме, похожем на костюм водолаза. Это изоляционный костюм. На руках толстые резиновые перчатки. В правой руке палка с резиновым наконечником. Грачов забегает за угол дома и через минуту появляется на углу крыши. Он, видимо, хочет сбить палкой кусок обломанного, наклонившегося стержня.

Клэйтон даже сквозь удары грома услышал, как вскрикнула Лор, увидав Грачова на крыше. Несмотря на изоляционный костюм, Грачов подвергался страшной опасности. Микулин, желая перекричать гром, потрясая кулаками, требовал, чтобы Грачов немедленно вернулся обратно. Но, не обращая внимания на крики Микулина, Грачов продолжал медленно ползти по скользкой крыше. Несколько раз молния ударяла в шпиль на расстоянии какого-нибудь метра от смельчака.

Видя, что Грачов не слушает его, Микулин, крича на ухо, приказал Данилычу стянуть Грачова с крыши багром. Великану-старику ничего не стоило достать Грачова, не влезая на крышу. Но в тот момент, когда он уже поднимал багор, молния ударила в сломанный стержень. Минуя резиновый наконечник, она перескочила на мокрую палку, которую держал в руках Гра-

чов, скользнула по ней и ослепительно взорвалась, как показалось Клэйтону, на груди Грачова. Но в то же мгновение раздался такой страшный удар грома, что Клэйтон зашатался, а Лор упала на колени. Клэйтон закрыл глаза, ослепленный молнией, но тотчас заставил себя опять открыть их. Тело Грачова, окруженное облаком пара и синим дымком, сползло с крыши и упало на землю.

— Ефим! — крикнула Лор и бросилась на грудь Грачова, как бы желая своим телом потушить еще тлеющую одежду. Клэйтон содрогнулся, почувствовав запах горелого человеческого мяса. Лицо Грачова было иссиня-черно, изоляционный костюм, одежда и белье изорваны.

Микулин подбежал к Лор и поднял ее с земли. Она посмотрела на Микулина, тяжело вздохнула, закутила губу и замолкла. Она удивительно скоро справилась со своим волнением. Но Клэйтон не мог забыть ее короткий крик. О товарище и друге так не станет скрущаться женщина, — по крайней мере, американская. Значит, Лор или любила Грачова, или же чувство товарищества у них гораздо глубже и сильнее, чем у людей того круга, в котором жил Клэйтон.

Опять загремело. Молния вновь ударила в стержень, перескоцила на шпиль и ушла в землю. Гроза застихла, но положение продолжало оставаться серьезным. Данилыч унес труп Грачова, а Клэйтон думал, что предпринять. Вдруг его осенила блестящая мысль. Он сбежал к себе в дом за своей прекрасной автоматической винтовкой. Клэйтон был неплохой стрелок. Несколько выстрелов, и надломленный конец стержня упал, он уже не мог отводить молнии в сторону. Еще одна молния унала на стержень и ушла в землю уже по проводу. Опасность миновала. Микулин с благодарностью взглянул на Клэйтона. И этот взгляд обрадовал Клэйтона гораздо больше, чем он сам ожидал. Нет, решительно Микулин обладает тайной привлекать к себе сердца людей!

Наконец гроза окончилась, Лор ушла, и у дома остались Микулин, Егоровна и Клэйтон. Егоровну Микулин отослал к Лор.

— Бедный Грачов, — сказал Микулин. Его лицо как будто постарело, а в глазах появилась тайная глубокая и искренняя скорбь, какую Клэйтону не приходилось видеть никогда в жизни. Но прошло несколько мгновений, и спокойный взгляд Микулина уже был устремлен на крышу — на струйку дыма, курившегося в том месте, где был убит молнией Грачов.

Клэйтон все больше удивлялся этим людям. Их психология казалась ему необычной. Быть может, это психология будущего человека? Эта глубина переживаний и вместе с тем умение быстро «переключить» свое внимание на другое, сосредоточить все свои душевные силы на одном предмете? С какой самоотверженностью полез Грачов прямо в огонь, не думая ни о чем, кроме спасения лаборатории!

— А ведь крыша тлеет! — сказал Микулин. Он сбежал за топором, влез на крышу и начал обдирать гонт. Скоро показались красноватые языки пламени.

— Так и есть! — сказал Микулин и, продолжая работать топором, крикнул Клэйтону: — Сбегайте, пожалуйста, в лабораторию и принесите огнетушитель. Он висит на стене у двери, направо!

И Клэйтон, который явился сюда для того, чтобы убить страшного Микулина, с готовностью побежал исполнять его приказания. Этот «холодный огонь», скрытый энтузиазм начал заражать Клэйтона. Он принес огнетушитель и взобрался на крышу. Отсюда он видел, как из дома, куда Данилыч внес труп Грачова, вышла Лор. Если бы не ее суровое лицо и чуть-чуть сдвинутые брови, никто не мог бы предположить, что эта девушка только что перенесла сильнейший удар.

— Потушили? Я ничем не могу вам помочь? — спросила Лор.

— Конечно, — ответил Микулин. — Иди отдохни, Аленка!

Лор молча удалилась. Микулин и Клэйтон слезли с крыши.

Вечером в тот же день в сосновом гробу, сколоченном Данилычом, тело Грачова было опущено в землю.

Засыпали. Молча постояли над могилой. Только Данилыч что-то шептал.

Через несколько дней, сидя за вечерним чаем, Микулин сказал:

— Трудно теперь работать без Грачова.

— Да, — ответила Лор. — Придется выписать кого-нибудь из наших ребят. Но на это уйдет немало времени.

— Разрешите мне сделать одно предложение, — сказал Клэйтон. — Я одинок, решительно ничем не связан. Для меня «где хорошо, там и родина», как говорили римляне. Здесь мне очень хорошо. Болезненные припадки не повторяются. С каждым днем я чувствую себя здоровее. Я с большим удовольствием остался бы у вас по крайней мере до весны и помогал бы вам в лаборатории.

Микулин взглянул на Лор.

— А что, Аленка, ведь это неплохо? Мистер Клэйн уже помогал мне и оказался способным. У него ловкие руки.

Клэйтон строит мосты

Клэйтон достиг цели. Он присутствовал при опытах, мог следить за «путешествием» Микулина по неведомым странам молекул, атомов и электронов. Постепенно Клэйтон начал и сам знакомиться с этими удивительными странами. Его сведения были поверхностны и, быть может, не совсем точны. Но он обладал живым воображением, и даже во сне Клэйтону снились атомы и электроны. Он был в необычайном мире микрокосма. Он видел центральные ядра-протоны, вращающиеся вокруг самих себя, как солнца. Видел планеты-электроны, которые вертелись, как волчок, и облетали вокруг центрального ядра. Иногда крайняя «планетка» отрывалась от своей солнечной системы, подойдя слишком близко к другому солнцу. Равновесие нарушалось. В маленьком мирке происходили настоящие «космические бури». Вечные странники — ионы, как кометы, прорезывали солнечные системы атомов и нередко ста-

новились пленниками. Закон всемирного тяготения царил и здесь. Бродячие электроны превращались в планеты, вращающиеся на привязи вокруг солнца. Это был мир вечного движения, как вечно меняющийся и в то же время устойчивый. Вечно нарушающее равновесие тотчас восстанавливалось.

И вот приходит Микулин со своею «пушкой» и начинает бомбардировать электроны пи-лучами. Атомы расщепляются. Отдают внутреннюю энергию. Процессы, на которые природа тратит миллиарды лет, проходят в несколько минут... Клэйтону снятся груды золота, золотые горы Кин-шан.

Придя наутро в лабораторию, Клэйтон рассказывал Микулину свои сны. Микулин внимательно слушал, иногда смеялся и говорил:

— Вы делаете успехи.

Клэйтон поражался работоспособности Микулина. Микулин работал, не отрываясь, целые дни и неизвестно, когда спал. Казалось, никакие интересы не существуют для него, кроме науки. Но Клэйтон знал, что научный энтузиазм поддерживается у Микулина чисто практическими целями — сделать жизнь трудящихся лучше, легче, богаче.

Наконец настал день, вернее, вечер, когда Микулин возобновил свой опыт с превращением элементов.

На этот раз уже Клэйтон положил белый порошок на полочку у окошечка стеклянной лампы.

— А что это за порошок? — спросил Клэйтон.

— Висмут.

— И из него вы сделаете золото?

— Сейчас увидите.

Микулин повернул рубильник под напряжением тока в пять миллионов вольт, электроны завились винтом и с необычайной силой начали вылетать из окошечка. Никто их не видел, но зато видна была их работа: через несколько минут порошок висмута превратился в крупуинку какого-то вещества, впрочем мало похожего на золото.

— Опять неудача?

— Все в порядке, — ответил Микулин, рассматривая

вая полученный элемент.— Это свинец. Будем продолжать опыт.

Свинец был превращен в талий. А из талия получилась блестящая капелька ртути. Еще раз вспыхнули трубы-лампы зеленоватым огнем, и ртуть превратилась в горошину чистейшего золота. У Клэйтона дыхание перехватило.

— Что ж вы будете делать с этим первенцем? — спросил он.

— Вновь превращу в висмут.

Клэйтон вздохнул. Золото превратить в порошок от расстройства желудка. Нет, решительно этот человек не от мира сего!

Микулин увидел огорченное лицо Клэйтона и расхохотался.

— Вам так жалко этой горошины? Так и быть, я подарю вам ее. Может с сделать из нее брелок.

— Благодарю вас, — ответил Клэйтон, бережно опуская золотую горошину в карман. — Теперь вы займетесь производством золота?

— Вы ошибаетесь, мой друг. Эта горошина обошлась мне ровно в три раза дороже, чем стоит такой же кусочек ископаемого золота. Мой способ добычи золота еще нерентабелен, как говорят хозяйственники. Мое открытие еще не имеет практической ценности. Нужно удешевить производство золота.

Клэйтон был и разочарован, и обрадован одновременно. Разочарован тем, что к золотым горам нужно еще долго идти, обрадован тем, что предстоит дальнейшая работа с Микулиным.

Потянулись рабочие дни. Микулин неустанно двигался вперед по стране неведомого. Лор «заготовляла фураж», делала подготовительные опыты, Клэйтон помогал Микулину «строить мосты» через пропасти и совершать обходные движения. Иногда один и тот же опыт Микулин повторял по десять раз, иногда работа целой недели шла наスマрку, и приходилось начинать все снова. Электроны вели себя совсем не так, как им полагалось по предварительным расчетам. Надо было найти причину, а для этого приходилось делать новые и новые опыты.

Сердце женщины

Клэйтон нередко провожал Лор в ее прогулках. Что касается Микулина, то он предпочитал гулять в одиночестве, чтобы ему никто не мешал думать. Притом и эти редкие прогулки Микулин совершил в предутренние часы, проработав всю ночь напролет. Таким образом Микулин не мешал Клэйтону.

Однажды Клэйтон и Лор заехали к самому болоту, и Клэйтон решил поговорить с девушкой о том, что давно занимало его.

— Присматриваюсь я к вам, новым для меня людям, и многое не понимаю, — начал он издалека.

— Что же вам непонятно? — спросила Елена.

— Да вот... хотя бы вы для меня загадка. Простите, что говорю о вас, но мне кажется, что...

— Пожалуйста, говорите.

— У нас, в Штатах, — с вашего разрешения, я буду откровенен, — девушку вашего возраста и вашей внешности сочли бы ненормальной, если бы она никого не любила. Женщина остается женщиной. И склянки с пробирками не могут, не должны заменять в ее сердце живого человека, живой любви. Я помню ваш короткий крик над трупом Грачова. Вы так горячо любили его? Этого я не заметил в ваших отношениях к Грачову. Еще меньше это можно сказать про ваши отношения к Микулину. А возникновение любви к нему тем более вероятно, что здесь нет выбора.

— Почему же нет выбора? — задорно спросила Лор. — Вот вы, например?

Это было так неожиданно, что Клэйтон покраснел, как школьник.

— Я... я не выдерживаю никакого сравнения с мистером... товарищем Микулиным, — сказал он, запинаясь.

— Отчего же не выдерживаете? — не унималась Лор. — Вы мне нравитесь. Мне кажется, что я даже влюблена в вас. И даже очень!

Клэйтон едва не слетел с седла, перед ним была новая женщина, новый человек. Вместо ученой, веселой, но с холодным сердцем женщины, Клэйтон увидел какое-то двуликовое существо, — не то прожженную

кокетку, не то наивную девочку, которая говорит такие вещи, что голова идет кругом. Лор засмеялась, глядя на осевшую фигуру Клэйтона и его растерянное лицо. Потом вдруг стала серьезной.

— Да, я люблю вас.

— Любовь! — воскликнул Клэйтон и... мгновенно его лицо побледнело. Он едва не лишился чувств. Лор принуждена была поддержать его.

— Что с вами, Клэйн, вам дурно?

— Н-ничего... небольшой сердечный припадок... сейчас все пройдет.

Круто повернув лошадь, он поскакал по направлению к дому. Лор последовала за ним.

Вдруг откуда-то из болота донесся протяжный стон.

— Что это, Клэйн, вы слышите?

— Наверно, болотная птица, выпь, — сказал он. Румянец уже вернулся на его щеки.

— Но выпь кричит по ночам.

— На болоте часто слышатся странные звуки, — сказал Клэйтон. — Мне говорили, что когда выходят газы, болото стонет.

Они замолчали, прислушиваясь, по кругом все было тихо.

До самого дома Клэйтон сжал задумчивый.

«Неужели его так расстроило мое признание?» — думала Лор.

Свидания на болоте

Лор соскочила с лошади, сама отвела ее в конюшню и поднялась к себе в мезонин. А Клэйтон, оставшись один в своей маленькой комнатке, схватился за голову.

Разговаривая с Лор о любви и кинув взгляд на болото, он на болотном островке увидел своего проводника-охотника и рядом с ним Додда. Охотник махнул рукой, но не крикнул: он видел, что Клэйтон не один. Потом скрылся за густыми ветвями ивы и несколько раз прокричал, как выпь. Выпь кричит в полночь. Не значит ли это, что в полночь Клэйтон должен прийти на болото. Ну да, конечно. Додд явился. Клэйтон сов-

сем начал забывать о нем и о своем поручении. После сегодняшнего разговора с Лор у Клэйтона были на уме совсем другие мысли. Да и вообще за это время он во многом изменился. Общение с Микулиным не проходило даром. Незаметно для себя Клэйтон начинал все больше увлекаться мыслью о строительстве новых, непривычных в истории человечества форм жизни. Микулин умел рисовать грандиозные перспективы будущего, превосходившие своими масштабами даже американский размах. И если Клэйтон еще не совсем освился с мыслью, что будущее за Советской Россией, а не за его Штатами, то от былой его национальной гордости не осталось и следа. Теперь он был не в силах убить Микулина, не говоря уже о Лор.

Но что делать? Что сказать Додду, который не знает его сомнений и колебаний? У Додда все ясно и непоколебимо: интересы Штатов выше всего.

Клэйтон посмотрел в окно. Солнце село. Быстро сгущались сумерки. Только на вершинах гор тихо догонал закат.

«Ну что я ему скажу?» — подумал Клэйтон.

Он вышел из дома, когда совсем стемнело, и медленно побрел к болоту. Где-то шумел горный водопад. Этот однообразный мягкий шум не нарушал молчания ночи.

Клэйтон подошел к краю болота. В тот же момент крикнула выпь и вдали сверкнул огонек. Это Додд, подавая знак, зажигал и гасил электрический фонарик.

Осторожно ступая по болоту, Клэйтон добрался до островка, на котором его ожидали Додд и охотник.

Додд по обыкновению крепко, до боли, пожал руку Клэйтона.

— Как дела? — спросил он. — Овладел Микулином секретом делать золото?

— Да, но он может делать золото только лабораторным способом. Его изобретение не имеет никакого практического значения. Сейчас он изыскивает способы найти средство делать золото наиболее дешевым путем. Но это ему не удается.

— Не удается сегодня, удастся завтра, — сказал Додд. — Вопрос о Микулине решен. Вот, возьмите...

Это мина большой разрушительной силы. Вы установите ее в лаборатории Микулина с таким расчетом, чтобы она взорвалась, когда Микулин там будет работать со своими помощниками.

Клэйтон взял тяжеловесную коробку и сказал смущенно:

— Едва ли мне удастся... Микулин не разрешает мне входить в его лабораторию. Она усиленно охраняется. У Микулина много лаборантов, а на ферме — рабочих и сторожей... Мне удалось до сих пор оставаться на ферме только потому, что я притворился тяжело больным.

Додд зорко посмотрел на Клэйтона.

— Уж не трусите ли вы? — спросил он. — Даю вам пару дней на исполнение этого поручения. Если вас что-нибудь задержит, придите сюда и скажите. В крайнем случае, если вам в самом деле не удастся, у меня есть другой проект. Мы организуем вооруженное нападение. Итак, до свидания через два дня на этом самом месте.

— До свидания! Постараюсь выполнить поручение, — сказал Клэйтон и отправился в обратный путь, осторожно неся опасную коробку.

Когда болото осталось далеко позади, Клэйтон остановился, послушал и, убедившись, что никто за ним не наблюдает, вырыл руками яму под корнями ели, положил туда коробку и закопал.

Был третий час ночи, когда Клэйтон вернулся на ферму. В окне лаборатории светился огонек. Микулин еще работал. Клэйтон вошел в лабораторию, открыв дверь, которая никогда не закрывалась.

— Все работаете? — спросил Клэйтон, присаживаясь на белую табуретку.

— Да, и очень успешно, — ответил оживленно Микулин. — Мне удалось разрешить задачу раньше, чем я думал. Вот, не угодно ли полюбоваться?

Микулин высыпал из склянки на ладонь щепотку золотистого порошка.

— Золото. Здесь пять граммов. И получение этого золота не стоило пяти копеек. Теперь держитесь, Клэйн, мы с вами скоро перевернем мир.

Клэйтон поднялся, прошелся по лаборатории и сказал:

— Послушайте, Микулин. Вы сказали: мы с вами перевернем мир. Почему вы так доверяете мне? Я ведь пришел неведомо откуда. А что, если я шпион, если я подослан сюда, чтобы убить вас или украсть секрет вашего изобретения?

Микулин внимательно посмотрел на Клэйтона.

— Я охотно отвечу на ваш вопрос. Недоверие всегда порождается страхом, а я не боюсь, потому и доверяю вам. Вы можете убить меня, но разве вы можете убить научную мысль? В худшем случае, вы только немножко задержите ход событий. И потом, говоря лично о вас,— если бы вы захотели убить меня, то давно могли бы это сделать. Значит, или у вас не было такого намерения, или же вы не способны на убийство. Что же касается кражи моего секрета, то, пожалуйста,— если только вы что-нибудь поймете в нем.

— Хорошо, допустим, что вы не боитесь политических врагов, но ведь могут быть просто бандиты,— возразил Клэйтон.— Что, если они явятся сюда? Нас только трое мужчин. Я не видел у вас даже ружей. Как вы сможете защищаться? Не может быть, чтобы вы не дорожили своей личной жизнью. Наконец, на вас лежит ответственность за сохранение жизни живущих здесь женщин...

Микулин ссыпал порошок с ладони обратно в склянку и, не оборачиваясь, сказал:

— Или вы, Клэйн, влюблены, или же что-нибудь в самом деле обеспокоило вас. Говорите прямо, в чем дело?

Клэйтон смутился. Хорошо, что Микулин был занят своими колбами.

— Я... мне показалось... я сегодня гулял в лесу. Мне послышалось, как будто кто-то пел...

«Зачем я говорю это,— думал Клэйтон,— ведь я выдаю Додда. Может быть, Микулин пошлет своего великанна на разведку».

— Ну и что же в этом удивительного? Тут нередко бродят охотники,— беспечно ответил Микулин.— Пусть поют. Тот, кто поет, не опасен.

На другой день Микулин окончательно убедился, что Клэйтон влюблён: в первый раз его помощник разбил две пробирки и сделал несколько ошибок, помогая Микулину в вычислениях.

Клэйтон очень волновался. Ему хотелось признаться во всем. Но вместе с тем он не хотел предавать своего недавнего товарища и к тому же соотечественника. Признаться Додду в том, что он, Клэйтон, не хочет выполнить поручения, Клэйтон также не решался. Додд считает его трусом и, может быть, даже предателем. Тогда Клэйтону несдобровать...

Не идти на болото также рискованно. Если Додд организует бандитское нападение, то не поздоровится и Клэйтону... Нет, надо идти, но как-нибудь затянуть дело. А там, может быть, найдется выход... Проще всего было бы бежать отсюда, предоставив Микулина и Додда самим себе. Но Клэйтон не мог уйти без Лор, а она, конечно, не покинула бы Микулина.

Так Клэйтон ничего и не придумал, отправляясь на болото в условленное время. Ночь была темная. И ему казалось, что кто-то крадется за ним. У Клэйтона замирало сердце, когда он слышал за собою хруст веток, шелест листьев, хотя ветра не было. Казалось, кто-то раздвигал ветки рукою... Нсужели Микулин следит за ним? Один раз Клэйтон даже остановился и тихо спросил: «Микулин, это вы?..» — но не получил никакого ответа.

Вот и болото... Додд сигнализирует короткими вспышками огня...

— Я не слыхал взрыва, — строго сказал Додд, еще не подавая руки.

— Мне удалось поставить мину, но она не взорвалась. Наутро ее нашел Микулин и учинил настоящий допрос. Он...

Додд схватил Клэйтона за руку выше локтя и крепко сжал ее.

— Вы лжете, Клэйтон. Мина не могла не взорваться, я сам заряжал ее. Говорите, что вы сделали с мной? Впрочем, можете ничего не говорить. Я больше вам не верю. Вы не тот. Вас как будто подменили. Ска-

жите, что с вами случилось, Клэйтон? Может быть, там есть женщина?

«И он о том же», — с тоскою подумал Клэйтон. И вдруг неожиданно для самого себя сказал:

— Да, вы отгадали, Додд. Там есть женщина.

— Ну вот, теперь все понятно, — сказал Додд. — Вы больше не пойдете туда, Клэйтон. Недоставало, чтобы вы стали защищать Микулина. Вы пойдете с нами. У меня есть наготове дюжина отличных головорезов. Они быстро справятся с людьми Микулина, хотя бы их было там две дюжины.

— Но я не могу оставить ее, — с искренним чувством сказал Клэйтон.

— Вы не пойдете к ней. И никогда ее не увидите. Теперь вы должны повиноваться мне.

— Но почему должен, черт возьми! — возмутился Клэйтон.

— Хотя бы потому, — ответил спокойно Додд, направив на Клэйтона дуло револьвера.

— Это, конечно, отличный аргумент, но... послушайте, Додд. Вы говорите, что у вас дюжина здоровых молодцов... В таком случае, буду я на вашей стороне или на стороне Микулина, это не решит исход сражения. Если я вам изменю, вы прикажете своим головорезам прирезать и меня, — только и всего. Но я не собираюсь изменять вам. Я только хочу быть возле девушки и спасти ее. Ведь не собираетесь же вы убивать молодую, красивую девушку... Если я останусь здесь, то Микулин поймет, что против него замышляется что-то неладное. И он примет свои меры. А он не так беззащитен, как вы думаете. У него есть молнии, которые он держит, как факир змей, в корзинке. Он может выпустить свои молнии, и они убьют вас. Если же я буду с ним, он будет спокоен, и вам легче осуществить свой план.

Додд подумал, проворчал «горе с этими влюбленными», но все-таки отпустил Клэйтона.

— Но помните, если только вы совершиете что-нибудь во вред мне, вы будете убиты вместе с вашей красавицей! Я не пощажу никого. Еще одно поручение, подождите. Я буду через два дня. Вы должны сооб-

щить нам, когда удобнее произвести нападение. Приходите сюда в среду в двенадцать часов ночи.

«Когда же кончится это мучение?» — думал Клэйтон, возвращаясь.

И опять ему показалось, что за ним кто-то крадется.

«Однако нервы мои начали расстраиваться», — думал он, оглядываясь назад.

На другой день, отговорившись нездоровьем, он не пошел в лабораторию. Ему надо было решить — идти с Доддом или против Додда. Но он ничего не решил, и второй день провел в тех же размышлениях на белом камне. А когда настала ночь, он побрел вдоль реки к болоту. И как в прошлый раз, чьи-то шаги преследовали его.

— У меня все готово, — сказал Додд. — Когда лучше произвести нападение?

— Завтра днем. Еще с утра несколько рабочих отправляется на охоту.

— Сколько остается на ферме? — спросил Додд.

— Человек двадцать, — ответил Клэйтон, — не считая меня.

— Надеюсь, вас не придется считать, — сказал Додд. — Я изменил свое решение. Вам нечего больше торчать у Микулина. Ночью он вас искать не будет, а завтра рано утром мы нападем на ферму. Извольте идти за мной.

— Что это, арест? — пытался протестовать Клэйтон.

— Называйте, как хотите, — отрезал Додд и, обернувшись к проводнику, сказал: — Показывай нам дорогу!

Идти по болоту ночью очень рискованно. Старый охотник неодобрительно зачмокал губами и с крайней осторожностью двинулся в путь, в противоположную от фермы сторону. За проводником Додд пустил Клэйтона, а сам замыкал шествие.

«Это насилие, — негодовал Клэйтон. — Какое право имеет Додд так распоряжаться? Нет, он не может примириться с этим. Он должен вернуть себе свободу во что бы то ни стало».

Клэйтон шел и обдумывал план бегства. Он немногого отставал от проводника и неожиданно кинулся под

ноги Додду, тот упал, перевалившись через Клэйтона, и выругался. Клэйтон отполз назад и, поднявшись на ноги, побежал.

— Эй, где же вы? — крикнул Додд. Но Клэйтон бежал, не обращая внимания. Тогда Додд пригрозил, что он будет стрелять. Но Клэйтон все продолжал бежать.

Голоса Додда и проводника становились все тише и тише. Клэйтон уже различал опушку леса на краю болота. Ему везло: несмотря на то, что он бежал направим, он не только не провалился в окно, но даже ни разу не упал. Вот и твердая почва под ногами...

Ах... Сначала одна, а потом и другая нога Клэйтона увязли в болоте. Он пытался вытащить то одну, то другую, но от этих усилий ноги увязают еще глубже.

Клэйтон чувствовал, что его ноги медленно погружаются в вязкую тину. Вот они ушли до колен, вот и колени погрузились в холод тины. Клэйтон старался нашупать рукой куст или хоть пучок травы, но напрасно: вокруг не было никакой растительности.

«Погиб!» — подумал Клэйтон, обливаясь холодным потом. Во рту у него было сухо. Язык как будто распух. В глазах рябило. Клэйтон вдруг так ослабел, что сел на холодную тину, но тотчас с ужасом поднялся, он сразу провалился по пояс. Проходила минута за минутой, и тело Клэйтона погружалось все глубже. Вот оно погрузилось до груди... Клэйтон делал невероятные усилия, чтобы пошевелить ногами, но они были как будто парализованы. Клэйтон поднял руки вверх, чтобы сохранить их свободными возможно дольше... Вот тина дошла до подмышек... Еще несколько минут и — плечи опустятся в тину, потом голова. Клэйтон вдруг закричал. Но на ферме не услышат его крика. А кругом — пустыня... Быть может, этот предсмертный крик донесется до ушей старика-охотника и Додда, но они не придут на помощь дезертиру...

Вдруг чья-то сильная рука схватила Клэйтона за шиворот и начала вытягивать его из болота.

— Это вы... Додд? — спросил Клэйтон. Неизвестный не отвечал. Он продолжал тянуть. Это была нелегкая работа. Увязнувшее в болоте тело не поддавалось усилиям. Клэйтон начал раскачиваться, судорожно подергиваться. Но это, очевидно, не облегчало, а скорее затрудняло работу неизвестного. По крайней мере,

он тихо, прерывающимся от страшного напряжения голосом, пробормотал:

— Не двигайся!.. Ирод!.. Только мешаешь!

Его голос казался знакомым. Во всяком случае, это был не Додд. Неизвестный говорил на чистейшем русском языке.

Прошел добрый час, пока Клэйтон был извлечен наполовину. Его мог спасти только человек необычайной силы. Клэйтону казалось, что ноги его не выдержат и оторвутся. Он стонал от боли, но неизвестный продолжал тащить его из болота.

Когда Клэйтон был наконец вырван из тины, как пробка из узкого горлышка бутылки, неизвестный бросил его на твердую землю и сам в изнеможении опустился рядом. Тут Клэйтон, настягивая зрение, увидел, что его спас великан — старик Данилыч.

— Спасибо, Данилыч! — сказал Клэйтон, пытаясь подняться. Но Данилыч придавил его своей пятерней к земле.

— Лежи и не двигайся. Не надо бы и спасать тебя, иродово отродье...

— Почему вы так говорите со мной? — спросил Клэйтон, притворяясь ни в чем не повинным.

— Потому что лучшего не стоишь. Вот Василий Николаевич расправится с тобой. Ты что по ночам по болотам шляешься? С кем разговаривал? Ты думаешь, я не видал? Я давно слежу за тобой.

«Так вот чьи шаги я слышал», — подумал Клэйтон.

Отбитая атака

У Клэйтона сжалось сердце, когда между стволами тополей мелькнул огонек в окне лаборатории. Было, вероятно, около четырех часов утра, а Микулин еще работал. Данилыч крепко схватил Клэйтона за шиворот и, приподняв одной рукой, внес в лабораторию.

— Шпиона поймал, — сказал он, опуская на пол задыхавшегося Клэйтона.

Данилыч подробно рассказал о том, как, запоздав на охоте, он случайно увидел у болота Клэйтона, который о чем-то говорил с двумя людьми, как после этого он, Данилыч, начал следить за Клэйтоном и как спас его.

— Я думал,— закончил старик свой доклад,— может быть, вы узнаете от него что-нибудь важное. Только для этого я и вытащил его из болота.

— Что это значит, мистер Клэйн? — спросил Микулин. Лицо его было сурово, сдвинутые брови говорили о непреклонной воле. Клэйтону стало страшно. Таким он еще никогда не видел Микулина.

— Я все объясню,— сказал Клэйтон.— Но позвольте мне говорить по-английски. Я волнуюсь, и говорить по-русски мне трудно.— Клэйтону было неприятно выступать в роли обвиняемого перед Данилычом.

Микулин, подумав, сказал:

— Данилыч имеет такое же право судить вас, как и я сам. Нам торопиться некуда. Можете говорить медленно, но говорите по-русски.

Клэйтону не оставалось ничего другого, как повиноваться. И он рассказал о своем долгом пути из Нью-Йорка к Рахмановским ключам.

— Но я никогда не решился бы причинить вам зло. Если бы я хотел это сделать, я давно мог убить вас мимой, которую передал мне мистер Додд. Я закопал эту мину под елью.

Данилыч крякнул и сказал:

— Это правда. Он что-то закапывал, я видел. Но я боялся. Думал, что там такое? Не убило бы.

— И еще одно,— продолжал Клэйтон,— если бы я хотел изменить вам, я не бежал бы от Додда, который принуждал меня идти вместе с ним.

— Может быть, вас что-нибудь здесь... задерживает?.. Например, любовь?..

Клэйтон покраснел.

— Хотя бы и так. Тем больше оснований доверять мне. А если вы все еще не верите, то я открою планы мистера Додда. Сегодня же на заре он нападет на вашу ферму. Додд предупредил меня, что первая пуля будет пущена в мою голову.

— Как ты думаешь, Данилыч, что сделать с мистером Клэйтоном?

Старик задумался.

— Конечно, может, он и не виновен. Видишь, какое дело. А доверять ему больше нельзя, шаткий он. Я бы его не выпустил. Связал бы, пусть сидит, по крайней мере, пока эти головорезы не побывают здесь.

— Вы слышите, Клэйтон? Пусть будет так. Я оставляю вас здесь арестованным. Я не буду вас связывать веревками — у меня есть кое-что понадежнее: вас будут охранять несколько маленьких змеек. Они очень ядовитые.

Микулин передвинул свои аппараты, отгородил часть комнаты несколькими рядами проволоки и повернулся рубильник.

— Вот так. Имейте в виду, что по этим проволокам идет ток, который может убить целый полк солдат. А теперь мы пойдем, приготовимся отбить атаку.

Клэйтон оказался запертый в углу комнаты. Ничтожные тонкие проволоки охраняли его лучше замков. Правда, окно было свободно, но на дворе виднелась внушительная фигура Данилыча. Микулин подошел к дому, в котором жила Лор, и крикнул:

— Аленка, Аленка! Вставай!

Окно в мезонине открылось, и Клэйтон увидел голову девушки.

— Зачем так рано? — спросила она.

— Все идите в лабораторию, — сказал Микулин.

Через несколько минут все обитатели фермы стояли в нескольких шагах от Клэйтона.

— Что это такое? — спросила Лор. — Вы арестованы?

— Увы, да, — ответил Клэйтон.

Микулин повернулся и снял проволоки.

— Я думаю, теперь вас можно освободить от этих сторожей. Ну-ка, расскажите еще раз свою историю.

— Хорошо, я расскажу, но позвольте раньше поговорить о делах более срочных. Додд навербовал не менее дюжины вооруженных бандитов. А нас, если только вы окажете мне честь включить и меня в число защитников, всего пять человек, считая и женщин. Вы не вооружены. Я полагаю, что...

— Не беспокойтесь, — ответил Микулин. — Мы вооружены лучше, чем вы полагаете. Итак, чтобы нам не было скучно ожидать гостей, начинайте, мистер Клэйтон. Лор еще не слышала вашей истории.

И Клэйтону пришлось снова рассказать о всех своих злоключениях.

— Ого, вот, кажется, и гости, — перебил Микулин рассказ Клэйтона.

У белого камня показались люди. Впереди шел высокий тощий человек с ружьем наперевес.

— Это Додд! — воскликнул Клэйтон.

Додд отдал какое-то распоряжение, и бандиты, рассыпавшись цепью, начали подходить к ферме.

И вдруг один из них, шедший впереди, взмахнул руками и упал навзничь, как будто его поразила какая-то невидимая сила. Микулин молча усмехнулся. Вот еще два бандита упали на землю, на том же месте, где лежал первый. Очевидно, какая-то преграда защищала ферму от врагов. Но Клэйтон не видел проволоки, по которой мог быть пущен ток. Место было совершенно открытое.

— В чем дело? — спросил Клэйтон.

— Дело простое, — отвечал Микулин. — Мне удалось осуществить передачу энергии на расстояние. У меня уже давно все приложено. Я пускаю узкий пучок радиоволны. Пронизывая воздух, она делает его хорошим проводником электричества. Вы понимаете, не по эфиру, а по воздуху идет ток высокого напряжения. Он-то и убивает людей. Ясно?

Да, для Микулина это было ясно, но мистер Додд не мог понять, почему его люди падают. Видя, что бандиты начали колебаться и несколько из них бросилось в панике назад, Додд крикнул на беглецов, выстрелил для острыстки из револьвера и сам побежал вперед, увлекая за собой колеблющихся. Увы, их всех постигла печальная участь. Клэйтон видел, как Додд, выронив револьвер, грохнулся на землю. Два оставшихся в живых с дикими воплями скрылись в лесу.

— Ну, вот и все, — сказал Микулин. — Видите, как гладко прошло сражение.

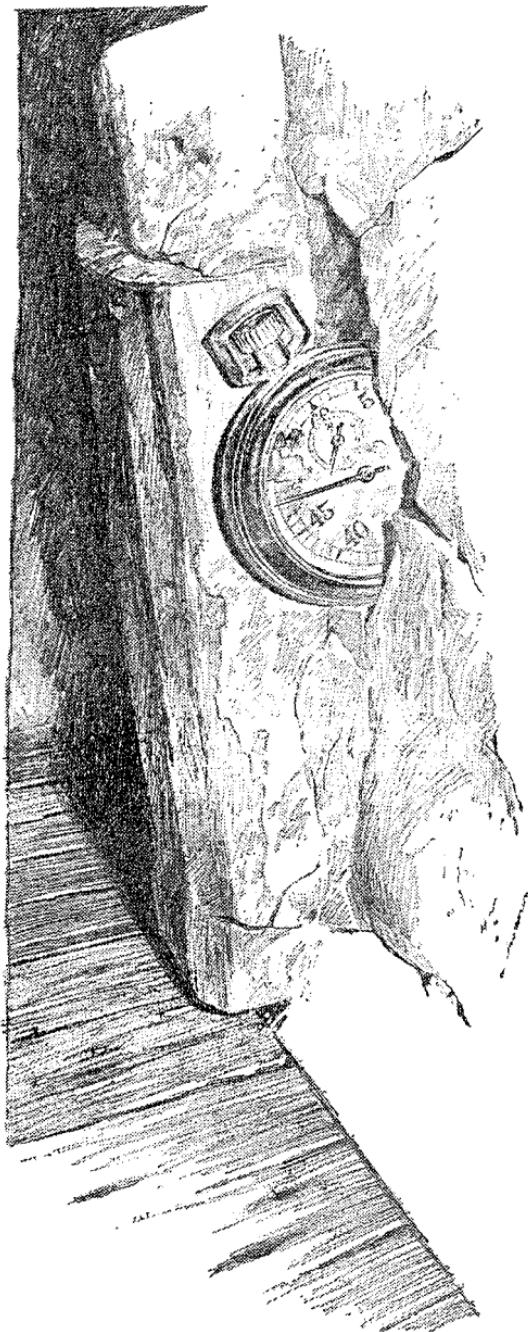
— Теперь мне понятно, почему вы были так доверчивы и даже беспечны, — сказал Клэйтон.

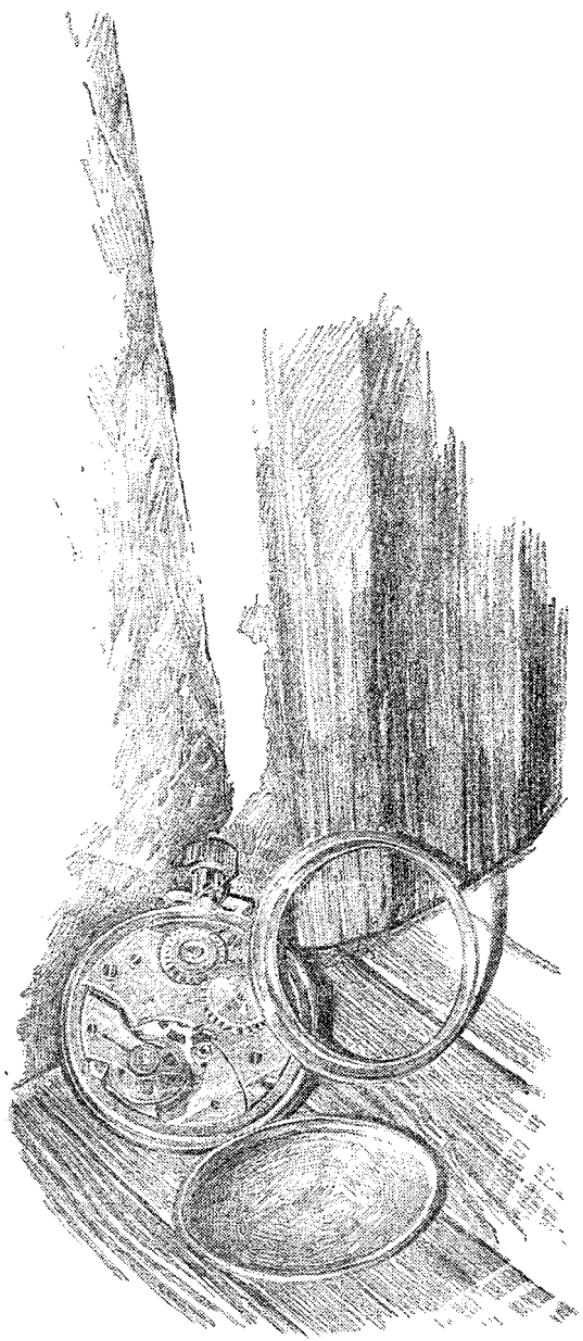
— Надеюсь, «ваши друзья» теперь надолго оставят меня в покое?

— Они больше не друзья мне, — нахмурился Клэйтон.

— Да, мертвые не друзья живым. Но что мы будем делать с вами, Клэйтон? Оставить на свободе под пору-чительство мисс Лор? Аленка, ты поручишься за него? Возражений нет? Кто против? Принято. А теперь работать, работать.

Светопредставление

I. Под старой липой

— Нет, трудно в наше время быть «собственным корреспондентом». Я, как говорится, выбит из седла и не знаю, о чем теперь писать. Вы помните мой рождественский фельетон? Я сделал любопытный подсчет, сколько десятков миллионов бутылок вина и шампанского выпили берлинцы за праздники и сколько сотен миллионов килограммов съели свинины и гусей. Немцам это показалось обидно. «А, он хочет доказать, что нам совсем не плохо живется и что, следовательно, мы можем гораздо аккуратнее платить военные долги?» Дело дошло до дипломатических осложнений. Мне пришлось объясняться и извиняться.

— На таких фельетонах журналисты делают имя, — сказал Лайль, отпивая кофе.

— Разные бывают имена, — ответил Марамбалль. — Меня едва не отозвала редакция обратно в Париж. И я теперь решительно в затруднении. Нельзя же все время писать о новых постановках и выставках картин!

Приятели замолчали, занявшись завтраком. Каждое утро они встречались здесь, в Тиргартене, занимали столик под старой тенистой липой, пили кофе и делились новостями. Марамбалль — собственный корреспондент газеты «Тан» — двадцатипятилетний молодой человек с черными усами и живыми, веселыми глазами, очень подвижный, беспечный и жизнерадостный, и Лайль — корреспондент лондонской газеты «Дейли Телеграф», замкнутый, сухой, бритый, с неразлучной трубкой в зубах. Несмотря на разность в характерах, они были больши-

ми друзьями. Даже профессиональное соперничество не портило этой дружбы.

Лайль допил кофе, выпустил клуб дыма и сказал:

— Ну что же, облюбуйте какой-нибудь берлинский Чарнинг-Кросс и напишите теперь о бедноте.

— Благодарю вас. Меня, чего доброго, заподозрят в большевизме, и редакция уж наверное отзовет меня после такого фельетона.

— Все зависит от того, как вы построите фельетон.

— Ах, надоело мне это!.. Вы слыхали новую негритянскую певицу мисс Глоу? Она выступает в цирке Бутша. Уж действительно Глоу. От ее пения несет зноем африканской пустыни. Траляляляля! Изумительно! Непременно пойдите. И зачем только столь очаровательный голос она держит в черном теле! Эй, эфемида, пожалуйте сюда!

Молодой грек, в белом костюме и соломенной шляпе, с черными, грустными, маслянистыми, большими глазами и орлиным носом, подошел к столику, раскланялся, церемонно подняв шляпу, и присел на край стула.

— Жарко, — сказал Метакса — так звали грека, — обтирая влажный лоб шелковым платком.

— Как называется газета, в которой вы работаете? — спросил Марамбалль, подмигивая Лайлю.

— «Имера».

— Химера?

— «Имсра», что значит «день». Хорошая газета, афинская, шестьдесят тысяч тираж.

— Ого! И вы посылаете туда эфемериды? Вот мы тут спорили с Лайлем, — и Марамбалль опять подмигнул Лайлю, — каково первоначальное значение слова «комедия»?

— «Космос» значит «разгул», — серьезно отвечал Метакса, — «оди» — «песнь». «Комодоя» — веселое пение в честь Вакха-Дионисия. Так произошло слово «комедия». — И окинув журналистов ласковым взглядом, Метакса спросил:

— Вы не знаете последней новости? Говорят, вчера подписано тайное соглашение между Германией и Советской Россией. О! Делиани! — Наскоро простиившись,

Метакса нагнал своего соотечественника, шедшего по дорожке с большой корзиной, наполненной шелковыми тканями.

— Из него никогда не выйдет хорошего журналиста, — сказал Марамбалль, глядя вслед удалявшемуся греку.

— Почему вы так думаете? — процедил сквозь зубы, не выпуская трубы, Лайль.

— Разве настоящий журналист станет говорить о такой крупной новости, как подписание тайного соглашения между державами, если уж ему удалось кое-что пронюхать первым? Да и журналист ли он?

— Метакса приехал в Берлин учиться, а для того, чтобы иметь материальные средства, он корреспондирует какую-то греческую газету. — И, посочев угасавшей трубкой, Лайль продолжал:

— Но вы ошибаетесь, считая его глупым. Он умнее, чем кажется, и хитрее нас двоих, вместе взятых. Если он разбалтывает, как вы полагаете, о дипломатической тайне, то у него, очевидно, своя цель.

Марамбалль задумался. Если бы ему первому удалось добыть сведения о тайном соглашении! Это сразу выдвинуло бы Марамбалля. До сих пор ему приходилось играть вторые роли: «аккредитованным» представителем и корреспондентом газеты «Ган» был некто Эрмет, старый журналист и политический деятель. Он писал корреспонденции по наиболее важным политическим вопросам; на долю же Марамбалля оставались мелочи: театр, искусство, спорт, судебные процессы. Но Марамбалль был честолюбив; притом он любил широко пожить. Немудрено, что он спал и видел во сне сенсации первостепенной важности, которые он, Марамбалль, сообщает изумленному миру. Фраза, мельком брошенная Метаксой о тайном соглашении, взволновала его. Это было в его духе. Если бы удалось вырвать эту тайну из недр министерства! Впервые за все время его дружбы с Лайлем Марамбалль посмотрел на своего товарища с опасением и тревогой.

«Только бы ему не пришла в голову мысль добывать эту чертову грамоту!»

Лайль поймал взгляд Марамбалля и, улыбаясь усмешкой глаз, спросил:

— Что, задел вас Метакса за живое?

— Глупости,— равнодушно ответил Марамбалль. Он был смущен и зол на Лайля за то, что тот отгадал его мысль. Марамбалль повернулся на стуле, рассеянно посмотрел вдоль аллеи и вдруг весь встрепенулся. Широкая улыбка открыла его прекрасные белые зубы.

Мимо их столика шла девушка в легком сером костюме, с открытой головой, остиженной «мальчиком».

— Здравствуйте, господин Марамбалль,— приветливо ответила она на поклон.— Отец сегодня уезжает на заседание к министру,— и, весело улыбнувшись, она удалилась, помахивая стеком.

Лайль, едва заметно улыбаясь, наблюдал за взглядом Марамбалля, следившим за удалявшейся девушкой. И Марамбалль был вознагражден, она еще раз обернулась и кивнула ему головой.

— Какая вольность для немки, не правда ли? — сказал сияющий Марамбалль, поворачивая лицо к Лайлю.— Дочь первого секретаря министра иностранных дел Рупрехта Леера.

— Ого!

— Тип новой немецкой женщины послевоенной формации. Костюм, прическа, манеры, вы видели? Чемпион плавания, лаун-тенниса, поло. Тело Валькирии и голос Лорелей! Прекрасно поет. Имеет один только физический недостаток: тяжелую поступь. Вы заметили? Берлинка, ничего не поделаешь! Если бы сто первых красавиц Берлина прошли по этой дорожке церемониальным маршем, их ноги подняли бы не меньше шума, чем рота солдат.

— С этим недостатком можно мириться, если через сердце фрейлейн Леер лежит путь к тайнам кабинета ее отца,— глубокомысленно сказал Лайль.

«И зачем только такие догадливые люди бывают на свете!» — с досадой подумал Марамбалль.

— Для француза женщина всегда самоцель,— напыщенно ответил он.— Нас сблизила общая любовь...

Лайль выпустил густой клуб из заново набитой трубки.

— Любовь к спорту и пению. Представьте, она обожает Равеля, Метнера, Стравинского и... французские

шансонетки. И я обильно снабжаю ее этим легкомысленным жанром.— Посмотрев на часы, Марамбалль сказал:

— Однако мне пора. Музы призывают меня. Иду писать очередной фельетон.

— Так не забудьте же посетить цирк Буша! Глоу! Огонь, жар, пламя, зной и кожа, блестящая, как ботинки, только что вычищенные компатриотом Метаксы.

II. *Двойник Марамбалля*

Марамбалль писал так же легко и непринужденно, как и жил: не углубляясь и не задумываясь о том, что выйдет. Иногда он удивлял редактора и самого себя блестящим фельетоном, иногда попадал впросак, как это было с его злополучным фельетоном о выпитых морях вина и горах съеденной берлинцами свинины. В работе для него было трудным только одно: сесть за стол. Вся его слишком живая, экспансивная натура протестовала, и ему было так же трудно засадить себя за стол, как ввести в оглобли необъезженную лошадь.

В этот день с ним было как всегда. Усилием воли он заставлял себя подойти к столу, но тотчас увертывался, проходил мимо, подходил к окну, и, напевая веселую шансонетку, барабанил пальцами по стеклу. Потом он открывал окно: душно. Потом закрывал его: мешает уличный шум. И при этом курил одну папиросу за другой.

Измерив комнату бесчисленное количество раз вдоль и поперек, он, наконец, перехитрил свою норовистую натуру: сделал посреди комнаты резкий поворот, подбежал к столу с видом человека, бросающегося в омут, и уселся в кресло, приспособленный решимостью.

Марамбалль взял в рот новую папироску и зажег спичку. Но тут случилось нечто, заставившее его забыть о фельетоне и повергшее его сначала в недоумение, а потом и в ужас.

Спичка зажглась с треском, как ей полагается, но Марамбалль не увидел огня, хотя слух не мог обмануть его, что спичка зажглась. Раздумывая над этим непо-

нятным явлением, он продолжал держать спичку между пальцев и вдруг вскрикнул от ожога. Марамбалль бросил спичку, отдернув руку. Теперь он тер рукой обожженный палец, и в то же время продолжал видеть свою протянутую над столом руку со спичкой. Марамбалль в ужасе откинулся на спинку кресла и наблюдал эту «третью руку», в то время как его дрожащие руки покоились уже на коленях. Он сидел так неподвижно минут пять, пока новое явление не поразило его: он увидел, как вспыхнула, наконец, спичка в призрачной руке, как догорела и как отдернулась рука после ожога пальцев. Словом, он увидел то, что должен был видеть, когда зажег спичку, но видел это с опозданием в пять минут. Марамбалль протянул руку и зажег лампу на письменном столе. Выключатель щелкнул, но огня не было, не видел Марамбалль и своей протянутой к лампе руки. Он почувствовал, как зашевелились волосы на его голове.

«Неужели я сошел с ума и так неожиданно?» — холода подумал он. Быстро поднявшись с кресла, Марамбалль зашагал по комнате. Только теперь он обратил внимание на то, что из окна падал странный оранжевый свет. Марамбалль подошел к окну и взглянул на небо. Всего несколько минут тому назад он видел это летнее, голубое, безоблачное небо. Теперь от ласкающей глаза голубизны не осталось следа. Небо было страшного, оранжевого цвета. Улица погрузилась в сероватый полумрак, как это бывает во время неполного солнечного затмения. Листья деревьев покернела, а белизна домов покрылась густым синеватым оттенком, и дома показались Марамбаллю страшными, как лицо трупа. Марамбалль вернулся от окна и осталенел от удивления, смешанного с ужасом.

Он увидел себя сидящим за столом. Двойник протянул руку к лампе и зажег ее. Вспыхнул синеватый свет под черным абажуром, — хотя абажур был из зеленого стекла. Потом призрак Марамбалля поднялся из-за стола и бесшумно зашагал по комнате, повторяя все движения Марамбалля номер первый, произведенные им за несколько минут до этого. Марамбалль-первый в ужасе всматривался в зеленоватое, растерянное лицо

Марамбалля-второго и инстинктивно прыгнул в сторону, когда Марамбалль-второй, шагая по комнате, направился прямо на него.

«Галлюцинация!.. Увы, я сошел с ума. Но неужели сумасшедшие сознают свое безумие и мыслят так ясно, как я?» — думал Марамбалль, следя за своим двойником, который в это время остановился в задумчивости посреди комнаты. Поразительно! Этот призрак выглядит так реально. И если бы не зеленовато-синеватый оттенок его лица, призрак ничем не отличался бы от живого человека.

«Не заговорить ли мне с ним?» — подумал Марамбалль. Но это было бы уже полным безумием. Марамбалль решился на иное. Он стремительно двинулся вперед, на своего двойника, и... прошел его насквозь. Теперь уже сомнения не было: Марамбалль галлюцинирует. Молодой человек постарался овладеть собой. Острота ужаса прошла, на смену явилось любопытство. Марамбалль обошел вокруг своего двойника и вдруг всунул свою голову внутрь оболочки призрака. Там было совершенно темно.

«Если бы я не сошел уже с ума, от всего этого можно еще раз помешаться», — подумал Марамбалль, вынырнув из тьмы призрака в багровый полумрак комнаты.

Из коридора раздался отчаянный крик хозяйки гостиницы, фрау Нейкирх, сорокалетней вдовы. Она кричала так, будто ее резали. Марамбалль, забыв о своей горестной судьбе, выбежал в коридор, сделал несколько шагов и ударился в невидимую мягкую преграду. Он протянул руки. Кто-то невидимый схватил его за плечи, и голос фрау Нейкирх простонал у самого его уха.

— О-оо! — в то же время он почувствовал, как грузное тело фрау Нейкирх упало на него. Марамбалль ощупью подхватил невидимую, но весьма ощутительную вдову за талию и, задыхаясь под непомерной тяжестью, потащил потерявшую сознание Нейкирх в свой номер. Он усадил ее на стул, но стула не оказалось там, где он его видел, и тело Нейкирх мягко шлепнулось на пол. Несчастная вдова, по-видимому,

даже не заметила этого и не издала ни звука. Марамбалль ощупью нашел кресло, разыскал на полу тело Нейкирх и, наконец, усадил невидимую гостью в невидимое кресло. Потом он подбежал к столу и налил в стакан воды из графина. Несмотря на всю необычность положения, Марамбалль отметил, что вещи, которые не были сдвинуты с места, были хорошо видны и оказывались непризрачными. Но довольно было стакан поставить на новое место, как он исчезал из поля зрения, глаз же продолжал видеть его там, где он стоял несколько минут тому назад.

«Во всяком случае, в моем безумии, как у Гамлета, есть какая-то система», — подумал Марамбалль уже не без юмора, стараясь найти стаканом рот бесчувственной вдовы. К Марамбаллю уже возвращалась его обычай жизнерадостность.

Пролив полстакана воды на невидимые рыжие завитушки волос и на широкую грудь Нейкирх, Марамбалль, наконец, бесцеремонно провел по лицу хозяйки ладонью, нащупал ее рот и влил в него воду. Столь энергичное наружное и внутреннее лечение оказалось свое действие. Нейкирх икнула, — это было первым проявлением жизни, и, продолжая икать, видимо, приходила в себя. И вдруг она опять истерически закричала:

— А-а-а! Вот, вот!.. Меня несут! Меня несут!.. О-о-о!..

Марамбалль оглянулся и увидал, что из двери Марамбалль-второй тащит в номер Нейкирх-вторую. Ее посиневшее лицо было откинуто назад, рыжие волосы, завитые у висков, растрепались и были уже не рыжими, а синими, толстые ноги беспомощно волоклись по ковру, а Марамбалль-второй тянул ее грузное тело, как муравей, взваливший на себя непосильную ношу.

«Как ему, должно быть, тяжело, бедняге!» — почувствовал Марамбалль-первый Марамбаллю-второму.

Но Марамбалль уже не удивлялся. Он умел делать выводы и применяться к обстоятельствам. Главное же — он убедился, что не с ним одним приключилось такое несчастье: фрау Нейкирх проявляла то же безумие, что и он, но еще в более резкой форме. Судя же по необычайному шуму, который доносился из коридо-

ра и с улицы, помешательство должно быть всеобщим. Как будто весь мир сразу превратился в сумасшедший дом. Отовсюду слышались крики, стоны и даже смех, не оставлявший никакого сомнения в том, что он исходил от безумного. От времени до времени с улицы, через открытые окна, слышался какой-то треск и новые взрывы криков и стонов. Марамбалль мельком заглянул в окно и увидел страшные картины: лежавшие на боку трамваи, обломки перевернутых автомобилей, темную кровь, разлитую по асфальту, и груды тел — мертвых и изувеченных; причем Марамбалль отметил, что крики слышатся не только в местах этих катастроф, но и там, где глаз ничего не видел.

«Еще не проявилось», — подумал Марамбалль.

А фрау Нейкирх продолжала кричать и всхлипывать.

«Нет, это не безумие, — подумал Марамбалль, — скорее какая-то необычайная катастрофа, если только все, вместе взятое, не кошмар, не безумный бред моего расстроенного воображения».

— Боже мой, боже мой! — причитала фрау Нейкирх. — Что со мною? Что это делается?..

— Успокойтесь, фрау, — пытался ее утешить Марамбалль. — Поверьте, что это пройдет. Не могут же все люди сразу сойти с ума. Это не безумие, а просто так... чертовщина какая-то. Мы просто начали видеть не то, что есть, а то, что было пять — десять минут тому назад... Да, да, вот именно! — обрадовался Марамбалль, когда ему удалось свести все явления к одной причине. — Может быть, какой-нибудь новый газ появился в воздухе и изменил свойства нашего глаза, — пытался Марамбалль уяснить себе и Нейкирх необычайность прошедшой перемены.

— Нет, нет, — упорно говорила Нейкирх, — это конец... Конец света... Это светопреставление!.. Да, да. Какой ужас!.. Какой ужас!.. Я вышла из своей комнаты и вдруг увидела себя идущей по коридору в мою комнату. Я думала, что мое сердце лопнет от страха. Это к смерти! В нашем роду все видят своего двойника перед смертью...

— Но ведь вы видели и моего двойника. Да вот, посмотрите, сейчас вы видите, как я поливаю вам на голо-

ву воду и ищу ваш рот. А между тем вот пощупайте мои руки, в них нет стакана воды.

— Значит, и вы умрете. Все умрут... Это светопредставление. Я не могу жить в этом мире, среди призраков, видеть своего двойника, всюду следующего за мною.— И вдова Нейкирх разразилась истерическим смехом.

Марамбалль безнадежно махнул рукой.

— Вы слышите эти крики? — сказал он.— Там гибнут люди, и там моя помощь нужнее. Возьмите себя в руки.

— Нет, нет, не уходите! — вскрикнула Нейкирх, хватая воздух там, где она видела Марамбалля, ставшего на столик стакан воды.

III. В мире призраков

Прислушиваясь к шумному дыханию фрау Нейкирх, Марамбалль обошел то место, где она должна быть по его расчетам, снял с вешалки шляпу и, осторожно проравившись вдоль стены по коридору, вышел на улицу и немедленно был сбит с ног каким-то невидимым существом.

— Однако можно быть повежливее,— сказал он призраку, поднимаясь с тротуара.

— Вежливость — призрак в этом мире призраков,— услышал Марамбалль чей-то голос и вслед за тем истерический смех.

— Иду! Иду! Иду! — предупреждал чей-то голос.

И Марамбалль посторонился.

«Публика быстро начинает приспособляться»,— подумал он и пошел по тротуару, громко стуча подошвами и беспрерывно повторяя, как гудок автомобиля.

— Иду, иду, иду!..

Отовсюду слышались эти предупредительные голоса, и улица гудела встревоженным шмелиным роем.

Несмотря на эти предупредительные голоса, прохожие то и дело наскакивали друг на друга.

Мимо Марамбалля без единого звука промчался переполненный публикой трамвай. Марамбалль уже

знал, что это — «призрак» трамвая, прошедшего несколько минут тому назад.

Вслед за этим он услышал рев рожка и предупредительные крики:

— Осторожнее! Едет карета скорой помощи!

Судя по звукам, она двигалась очень медленно. Марамбалль не слышал грохота невидимых трамваев, — очевидно, всякое движение было прекращено вскоре после наступления «светопреставления». Но оно наступило так внезапно, что не обошлось без катастроф.

Марамбалль видел столкнувшиеся трамвай и автобус. Трамвай сошел с рельсов и наехал на фонарный столб, а автобус лежал на боку. Марамбалль осторожно пересек улицу и подошел к месту катастрофы, чтобы помочь раненым; однако это оказалось очень трудным делом. Несколько раненых, к которым он участливо наклонялся, оказались пустым местом: раненые уже отползли в сторону. Марамбаллю пришлось рассчитывать не на зрение, а на слух и осязание. По стонам он разыскал несколько раненых и принес их к карете скорой помощи. Она, вероятно, стояла здесь уже несколько минут и была не призрачной.

Марамбалль чувствовал на своих руках теплую кровь, но не видел ни себя, ни раненых. Он мог только любоваться своим призраком, пробирающимся еще через улицу к месту катастрофы.

Какой-то мужчина стонал на его руках.

«Несчастный, — подумал Марамбалль, — как-то ему будут делать операцию, если необходима немедленная помощь? Он может изойти кровью, прежде чем «проявится» на операционном столе».

Это слово «проявляться», заимствованное у фотографов, очень нравилось Марамбаллю, так как оно точно передавало явление: все предметы делались видимыми только через несколько минут, как изображение на проявляемой фотографической пластинке.

Марамбалль почувствовал, что проголодался. Он жил на Доротеенштрассе, в нескольких минутах ходьбы от Тиргартена. Но на этот раз ему пришлось идти довольно долго, пробираясь ощупью. Он извинялся, за-

девая плечом призраки, и наталкивался на невидимых живых людей.

«Однако который теперь может быть час?» — подумал Марамбалль, глядя на потускневшее солнце на багровом небе, склонявшееся к западу. По привычке он вынул часы и посмотрел на циферблат.

«Фу, черт возьми, никак не привыкнешь к этому сумасшествию!» — бранился он, глядя в пустоту. Он оглянулся и увидел большие часы на углу улицы. Стрелки стояли на пяти. Он сделал всего несколько шагов вперед, вновь взглянул на часы и удивленно остановился. Минутная стрелка указывала уже пять минут шестого. Еще несколько шагов вперед — и часы показывали десять минут шестого, как будто время начало бежать с неимоверной быстротой. Марамбалль был так заинтересован этим странным поведением часов, что решил проверить их, отойдя назад. И что же? Время тоже как будто пошло назад. Пять минут шестого. Ровно пять. Марамбалль отошел на метр и увидел, что часы показывают уже без пяти минут пять.

Марамбалль свистнул.

«Ловко! Прогуливаясь взад и вперед, я могу по своему желанию распоряжаться временем: посетить прошлое, заглянуть в будущее и вернуться в настояще. Но почему же я не видал своих карманных часов? Не потому ли, что в кармане темно?» — Марамбалль еще раз вынул свои часы и поднес их очень близко к глазам. Всего через две-три секунды он увидел циферблат и стрелки, которые показывали двадцать минут шестого. Он подошел к большим уличным часам и посмотрел на них. Они показывали четверть шестого.

Пользуясь тем, что его никто не видит, Марамбалль влез по столбу к самому циферблату и мог убедиться, что теперь и эти уличные часы показывали двадцать минут шестого.

— Теперь мне многое становится ясным, — сказал Марамбалль, предпочитая говорить вслух с самим собой вместо того, чтобы кричать все время «иду, иду». — Мои глаза видят то, что было примерно пять минут тому назад на расстоянии метра, десять минут назад — на расстоянии двух метров и так далее. Это слишком сложно, чтобы быть безумием.

Очевидно, что-то неладное произошло в самой природе.

Когда Марамбалль добрался, наконец, до ресторана, его ждало разочарование. Ресторан был закрыт. Марамбалль был постоянным посетителем, и ему удалось выпросить у хозяина только черствый вчерашний пирожок.

— Однако, если так пойдет дальше, мы подохнем с голоду, — сказал Марамбалль, доедая пирожок.

— Последние времена, — вздохнул хозяин. — Это светопреставление.

«И он о том же», — подумал Марамбалль, вспомнив вдову Нейкирх, затем он спросил:

— Господин Лайль был у вас сегодня к обеду?

— Как всегда. Но он чувствует себя очень плохо. Его сильно помяли в автобусе. Он выглядит совсем больным.

— Но ведь вы не могли его видеть, — насторожился Марамбалль.

— Ну, разумеется, я видел его после того, как он ушел. Кто бы мог подумать, господин Марамбалль, что мы доживем...

Но Марамбалль уже не слушал его. Все в порядке. Хозяин ресторана видит так же, как и он, как и все.

— Сколько стоит пирожок?

Марамбаллю пришлоось бы ожидать не менее пяти минут, чтобы увидеть безнадежный жест хозяина. Но интонация голоса и без этих внешних проявлений ясно свидетельствовала об угнетенном состоянии владельца ресторана в Тиргартене, а слова говорили еще яснее.

— Какие тут счеты, господин Марамбалль! — сказал он уныло. — С собой в могилу не возьмешь ни пирожков, ни платы за них. Кушайте на здоровье. Простите, что не могу ничем угостить вас больше. Я даже себе не сумел изготовить обеда: половина жаркого оказалась сырою, а половина сгорела. — И он еще раз безнадежно крякнул.

— Телефон действует? Мне нужно переговорить с Лайлем.

— Ничего не действует. Все разваливается. Лакеи перепились, винный погреб опустошен. Все идет прахом. И я... я, кажется, сам напьюсь, если только эти подлецы оставили мне хоть каплю вина...

IV. Загадка света

Марамбалль возвращался к себе на Доротеенштрассе. Он уже больше не сомневался в том, что здоров. «Болен не я, а весь мир», — думал он и не мог решить, лучше это или хуже. Молодой человек радовался за себя, вернув уверенность в здравости своего рассудка. Но все же положение катастрофическое. «Нет, уж лучше бы я сошел с ума. Меня врачи, наверно, вылечили бы, а удастся ли им вылечить весь мир, заболевший каким-то странным недугом, — это большой вопрос».

Вернувшись к себе в номер, Марамбалль быстро включил комнатный радиоприемник, в надежде, что по крайней мере по радио он что-нибудь узнает о причинах необычайной катастрофы, разразившейся над миром. И он не ошибся.

Говорила станция Кенигсвустергаузена.

«...Только высочайшее самообладание и дисциплина могут спасти город от паники, которая грозит самыми гибельными последствиями. Граждане должны строжайше придерживаться новых правил уличного движения, памятуя, что несоблюдение их грозит смертельной опасностью. Город объявлен на осадном положении. Все попытки нарушения уличного спокойствия будут караться беспощадно на месте преступления».

«Хотел бы я посмотреть, как они будут ловить „преступников“», — подумал Марамбалль.

«... О причинах, вызвавших катастрофу мирового масштаба, виднейшие учёные Берлина сообщают следующее. Ими установлено, что скорость света замедлилась. Вместо трехсот тысяч километров в секунду свет начал двигаться со скоростью всего шесть минут пятьдесят восемь секунд-метр. Как известно, мы видим окружающие предметы потому, что они отражают естественный, солнечный или искусственный свет. Эти отражения проходят теперь примерно семь минут каждый метр расстояния. Следует упомянуть, что учёные — физики и астрономы уже давно установили, что скорость света непостоянна. Она уменьшается почти на четыре километра в год. Однако при сохранении этой плавности скорость света могла уменьшиться до нуля только через семьдесят пять тысяч лет. Это слишком

отдаленное будущее не могло, конечно, вселять тревогу. Уменьшение на четыре километра в год практически было неощущимо и могло влиять только на астрономические подсчеты, там, где дело шло об измерении огромных пространств астрономических лет. Поэтому ученые и не считали нужным предавать свои наблюдения об уменьшающейся скорости света широкой гласности.

Что касается причин внезапного замедления света, то ученым не удалось еще найти удовлетворительного объяснения. По мнению одних, наблюдавшееся в прошлые годы уменьшение скорости света только кажущееся: не скорость света уменьшилась, а увеличилась единица измерения времени — секунда — благодаря замедлению суточного вращения Земли. Однако против этой гипотезы и раньше делались возражения: замедления во вращении Земли наблюдаются периодически, то есть Земля то замедляет, то ускоряет до обычного свое суточное вращательное движение вокруг оси, тогда как скорость света уменьшалась равномерно. То же, что мы видим теперь, окончательно опровергает эту гипотезу: если бы уменьшение света было кажущимся и зависело от замедления Земли, то это означало бы такое замедление, которое сказалось бы и на увеличении силы тяжести (от уменьшения центробежной силы), чего, однако, мы не наблюдали.

Остается предположить, что Солнце в своем движении вступило вместе со всей солнечной системой планет в такие области мирового пространства, где скорость света более замедленная. Это может происходить или от свойств мирового эфира, или же от иной кривизны пространства, — вообще говоря, от неоднородности и непостоянства межзвездных глубин.

Наконец, следует упомянуть, что изменение цветов произошло потому, что благодаря замедлению света весь спектр как бы передвинулся справа налево: голубой превратился в темно-оранжевый, зеленый — в почти черный и так далее. Появились и новые цвета, ультрафиолетовые и лежащие правее их. Но невооруженным глазом они воспринимаются как темные или вовсе не воспринимаются.

Наука бессильна изменить явление такого космического порядка, как замедление света. Но примениться к новым условиям жизни мы все же можем. К счастью для нас, столь резкое уменьшение скорости света не проявляет тенденции к еще большему уменьшению. Скорость света пока является величиной постоянной. Нам ничего больше не остается, как приспособиться к новым условиям существования и надеяться, что это явление преходящего характера».

Кто-то постучал в дверь.

— Войдите!

Скрипнула «закрытая» дверь, и в комнату вошло тяжелое дыхание тучной фрау Нейкирх.

— Добрый вечер, господин Марамбалль,— послышался ее голос, такой печальный, как будто она только что похоронила своего мужа.

— Добрый вечер, фрау Нейкирх. Ну, вот видите, все великолепно. Сейчас передавали по радио, что в общем ничего страшного нет. Маленькая заминка со светом. Солнце заехало в кривизну, и луч света не может протолкаться через эфир. Садитесь, фрау, только не мимо кресла. Вот, кажется, оно.

— Благодарю вас. Я тоже слушала радио, но ничего не поняла, а вы объяснили все так просто. Но все-таки в этом мире многое непонятного... Я хотела спросить у вас, господин Марамбалль. Вот, например, газ. Я вскипятила воду и закрыла кран газовой горелки. Но газ продолжает гореть, хотя и не шипит. Скажите, пожалуйста, будет отмечать это счетчик? Ведь я же не виновата, что газ продолжает гореть, хотя этот кран закрыт.

V. Дело № 174

Прошло несколько дней, и жизнь понемногу начала входить в новую колею. Фрау Нейкирх примирилась со своим двойником; повара в ресторанах как-то умудрялись «на слух, вкус и нюх» готовить кушанья и обслуживать посетителей; возобновилось и уличное движение, хотя оно происходило с чрезвычайной медлительностью; в том же замедленном темпе заработали почта, телеграф и телефон.

Марамбалль и Лайль сидели на своем обычном месте за завтраком под густой липой, в Тиргартене.

— А все-таки надо отдать справедливость немцам: их удивительная организованность сказалась в дни катастрофы с особой наглядностью. Берлин — первый город во всем мире восстановил нормальную жизнь, — говорил Марамбалль, обращаясь к образу Лайля, каким тот был пять минут назад. Впрочем, большой разницы между действительным и призрачным Лайлем не было, так как Лайль отличался неподвижностью, в противоположность Марамбаллю, между жестами и словами которого не было никакой связи. Марамбалль-первый заразительно смеялся, в то время как Марамбалль-второй сосредоточенно поглощал завтрак или закуривал папиросу.

— Интересно все-таки знать, — чем все это кончится?

— Надо жить, чем бы ни кончилось, — ответил Лайль. — Перед наступлением тысячного года люди ожидали конца мира, и многие богачи завещали свое имущество церкви. Но конец мира не наступил. Пришлось судебным порядком требовать возвращения своего имущества. Говорят, в Италии одно такое судебное дело не окончено до сих пор.

— Да, и у нас во Франции был подобный случай, если память не изменяет мне, в 1499 году. На этот год великий астролог Стефлер предсказал повторение всемирного потопа, и тулузский президент Ориаль предупредительно выстроил себе Ноев ковчег. Однако не только потопа, но и наводнения не произошло. К сожалению, — грустно сказал Марамбалль, хотя его призрак беззвучно смеялся, откинув голову назад, — у нас действительно произошло в некотором роде светопредставление.

— Человек умный все должен обращать себе на пользу, — вдруг услышали они чей-то голос.

— Эй, кто нас подслушивает? Однако теперь надо быть осторожным!

Невидимый посетитель ответил:

— Что же мне, гудеть, как автомобиль, при своем приближении? Не моя вина, что вы не видите меня.

— А, эфемерида! Здравствуйте. Садитесь на этот стул; он не сдвигался с места более десяти минут.

Метакса, однако, осторожно ощупал стул, прежде чем сесть. Эта осторожность входила в привычку.

— Жарко,— сказал Метакса.

— Удивительно, что вы из Греции, а постоянно жалуетесь на жару,— отозвался Марамбалль.

— В Греции — там еще жарче.— И, помолчав, Метакса продолжал: — Дело номер сто семьдесят четыре находится у первого секретаря министра, Леера.

— Что это за дело?— спросил Марамбалль.

— О тайном соглашении между Германией и Россией,— ответил Метакса.

Марамбалль ощущил на своем лице клуб дыма из трубки Лайля.

— И что же дальше? — спросил Марамбалль.

— Ничего. Я только сообщил вам новость. Думал, может быть, будет интересно. И еще есть новость. Лейтенант барон фон Блиттерсдорф сделал предложение фрейлейн Вильгельмине Леер.

— Но ведь ее нет в городе! Откуда вы все это знаете?— горячо воскликнул Марамбалль. Эта новость поразила его; он густо покраснел и был очень рад, что Лайль и Метакса не видят его лица. Но, вспомнив о том, что они все же увидят его, Марамбалль постарался придать своему лицу равнодушный вид.

— И люди будут жениться и выходить замуж даже в день светопреставления,— процедил Лайль.— Вас это огорчает, Марамбалль?

— Нисколько,— поспешил ответил он.— Я не собирался жениться на фрейлейн Вильгельмине. Да, признаюсь, не очень и верю этой новости. Вильгельмина... фрейлейн Леер сообщила мне сегодня по телефону, что в момент катастрофы она была за городом и до сих пор не могла вернуться, так как всякое движение было прекращено. Она приедет только сегодня в шесть часов вечера. Когда же Блиттерсдорф мог сделать предложение? Во всяком случае, она сказала бы мне об этом.

— Блиттерсдорф сделал официальное предложение ее отцу, Рупрехту Лееру.

— Ну и пусть Блиттерсдорф женится на Рупрехте Леере,— со смехом отвечал Марамбалль, в душе очень озабоченный решительными действиями соперника.

Лейтенант Блиттерсдорф был давнишним претендентом на руку Вильгельмины, хотя больше пользовался успехом у ее отца, чем у нее.

Сама Вильгельмина не отказывала лейтенанту решительно, она отвечала на его предложение, что не думает о замужестве.

Марамбалль не лгал, уверяя, что он не собирается жениться на Вильгельмине, хотя она и нравилась ему; его планы не заходили так далеко. Получив возможность бывать в доме у Лееров и пользуясь ее дружеским расположением, Марамбаллю удавалось узнать раньше других корреспондентов кое-какие дипломатические новости. Правда, ничего крупного, сенсационного он получить не мог: дверь в деловой кабинет Ру-прехта Леера была довольно плотно закрыта для него. Но все же это была приятная и полезная дружба. И вот теперь этой дружбе может наступить конец. Ревнивый и грубоватый лейтенант барон Блиттерсдорф, воспитанный в военной обстановке империи, конечно, не потерпит Марамбалля в качестве друга дома. При том Вильгельмина, если выйдет замуж, переедет к мужу и этим самым наполовину потеряет ценность для Марамбалля.

«Черт возьми, надо на что-нибудь решиться крупное, — думал Марамбалль. — Да, Метакса явно наталкивает меня. Дело номер 174!.. Правда, мир сейчас занят иным. Но что если «светопреставление» кончится так же неожиданно, как оно началось? А лучшего времени не выбрать; надо воспользоваться случаем и раздобыть такой сенсационный документ. И тогда пусть Вильгельмина выходит замуж за своего барона, если это ей нравится...»

— Все эти соглашения потеряли теперь всякий смысл и ценность, — небрежно сказал Марамбалль. Вынув карманные часы, он поднес циферблат к глазам, подождал, пока он появится, и поднялся.

— Мне пора. Сколько с меня следует? — обратился он к лакею, принесшему кофе Метаксе.

Лакей подсчитал.

— Четыре марки. И еще одна марка за пирожок, который вы съели в тот день, когда ресторан был закрыт. Хозяин просил вам напомнить об этом должке..

Марамбалль вынул бумажник, посчитал деньги, «проявляя» их у глаз, и всунул в руку лакея.

— Получайте. Очевидно, ваш хозяин раздумал умирать.

И, распрошавшись, Марамбалль ушел, потрескивая автоматической трещоткой, которая издавала негромкое, но характерное щелканье при каждом его шаге. Прохожие, которые еще не успели обзавестись этой новинкой, предупреждали о себе однообразным «иду, иду».

На всех перекрестках громкоговорители напоминали о правилах уличного движения.

Толпа на тротуарах двигалась не спеша, в строгом порядке, придерживаясь правой стороны. Полицейские на перекрестках от времени до времени трубили в рожок, приостанавливая движение трамваев и экипажей, чтобы дать возможность пешеходам перейти на другую сторону улицы.

Автомобили и трамваи двигались также очень медленно, беспрерывно подавая сигналы звонками и гудками. Чтобы не мешать друг другу, все эти звуки были приглушены. На улице стало гораздо тише, чем раньше. У всех жителей города быстро обострялся слух.

Уже никто не обманывался видом бесшумного призрачного трамвая, стоящего на остановке: все знали, что этот видимый трамвай давно прошел. Но, когда слышался шум подходящего невидимого трамвая, пассажиры шли на звук звонка, на ощупь находили входную площадку и, соблюдая строжайшую очередь, входили в трамвай. К счастью, столбы, указывающие места остановки, домá, как все неподвижные предметы, были хорошо видимы, хотя они и являлись «устаревшим» отображением вещей.

VI. Игра в жмурки

Несмотря на осадное положение и все принятые меры, в городе все же были случаи ограблений. И поэтому во всех домах были приняты меры предосторожности, чтобы вместе с жильцами в дом не проникали воры, пользуясь своею времененной невидимостью.

Когда Марамбалль позвонил у дома Леера, швейцар осторожно приоткрыл дверь, держа ее на цепочке, и впустил Марамбалля, только узнав его по голосу. Ма-

рамбалль едва протиснулся в приоткрытую дверь, причем почувствовал, как швейцар легонько провел рукой по его спине, чтобы убедиться, что за Марамбаллем никого нет, и тотчас закрыл дверь.

— Фрейлейн Вильгельмина приехала? — спросил он, раздеваясь.

— Только что, — отвечал швейцар.

Марамбалль поднялся по лестнице, устланной черным ковром, — до светопреставления он был красивым, — вошел в большую гостиную и огляделся.

Вильгельмина, в дорожном костюме, с небольшим чемоданом в руке, стояла у раскрытой двери в кабинет Леера и говорила с отцом. Вернее, бесшумно шевелила губами. Потом отец так же беззвучно что-то сказал ей, потрепал по щеке и ушел к себе, закрыв дверь кабинета. Вильгельмина быстро прошла в свою комнату, в правую дверь.

Марамбалль находился в затруднении. Он знал, что видел минувшие события. Но вернулась ли уже в гостиную Вильгельмина?

Его вывел из затруднения голос Вильгельмины, раздавшийся из столовой. Она запела, потом, очевидно, услышав шум приближающихся шагов, прекратила пение и спросила:

— Кто здесь?

— Здравствуйте, фрейлейн, — сказал Марамбалль, осторожно пробираясь в столовую. — С приездом!

— А, это вы, Марамбалль, здравствуйте! — Девушка пошла навстречу гостю.

— Не правда ли, интересно? Весь мир играет в прятки. Ну где же вы?

И, смеясь, она вертелась около него, как будто не могла найти. А Марамбалль беспомощно разводил руками, хватая воздух.

— Через пять минут, когда вы проявитесь, я буду смеяться, наблюдая ваш глупый вид, — продолжала она забавляясь. — Ну, вот моя рука, держите, — наконец смилиостивилась она.

Молодые люди уселись у стола.

— Как давно мы не виделись! — сказал Марамбалль. — Это было еще в старом мире, когда люди видели настояще, а не прошлое. Как провели вы время у фрейлейн Алисы?

— Великолепно,— отвечала девушка.— Сначала мы все очень испугались. А потом нашли, что это даже интересно. Но, Марамбалль, это начинает мне надоедать. Прощай лаун-теннис! Мы больше не можем играть в эту чудесную игру!..

— Есть «игры» поважнее,— сказал Марамбалль.— На многих фабриках и заводах прекратилось производство. Если это продлится, мы переживем ужасные времена.

— Придумают что-нибудь,— беспечно ответила Вильгельмина.— Научатся работать «вслепую». Ведь работают же слепцы. И вообще не портите мне настроения. Представьте, у подруги мы играли в пушбол. Это было что-то невероятно комическое!

— Да, люди приспособляются ко всему, это правда. Сегодня впервые открываются даже театры. В опере идет «Фауст».

— Воображаю, что это будет. У нас абонемент. Зазевайтесь за мной, и отправимся вместе в нашу ложу.

— А я хотел предложить вам место в партере, это ближе к сцене, если только вы снизойдете до партера.

— Снизойду, — ответила Вильгельмина. — Идем в партер. Но как же музыканты будут читать ноты?

— Артисты и оркестр будут исполнять на память. Каждый из них отлично знает свою партию. Зрелищное восприятие, конечно, не будет совпадать со слуховым. Но с этим надо примириться.

— А что же будет с нашей музыкой и пением, Марамбалль?

— Мы будем разбирать ноты, как близорукие, и учить на память.

— Вы принесли новые романсы?

— Принес,— ответил Марамбалль, наблюдая за тем, как «призрак» Вильгельмины вошел в столовую, переодетый в розовое кимоно. Только теперь Марамбалль узнал, как одета сидящая с ним Вильгельмина.

— Дайте же мне,— протянула девушка руку.

— Извольте,— ответил Марамбалль, незаметно выходя в гостиную.

— Но где же вы?

— Вот здесь, неужели вы не видите меня? — смеялся Марамбалль, повторяя ее игру в прятки. Надо ска-

зать, что эта игра очень понравилась ему. Марамбалль начал бегать по гостиной, а Вильгельмина преследовала его. Марамбалль увлекался все больше. И вдруг, когда посреди комнаты она поймала его, Марамбалль обхватил девушку и крепко поцеловал.

Вильгельмина вырвалась из его объятий.

— Сумасшедший!

В тот же момент они услышали знакомые, прихрамывающие шаги лейтенанта Блиттерсдорфа. На войне он был ранен в ногу и с тех пор прихрамывал.

От веселости Марамбалля и Вильгельмины не осталось и следа. Лейтенант явился, как статуя командора, и молодые люди стояли смущенные, подобно дон Жуану и донне Анне. Правда, командор еще ничего не мог видеть. Он мог только слышать подозрительный шум. Но протекут минуты — и вся картина «проявится»... Одно спасение — увести лейтенанта из этой комнаты, пока прошлое не станет видимым «настоящим».

Вильгельмина, так же как и Марамбалль, уже хорошо знала, что чем ближе предмет, тем скорее он проявляется.

Она храбро бросилась навстречу приближающимся шагам, взяла лейтенанта за руку и попыталась обвести его вокруг комнаты, к двери в кабинет отца.

— Это вы, господин лейтенант, как кстати! — зашептала она, дружески толкая лейтенанта. — Папа будет очень рад видеть вас; идемте к нему...

— Я, кажется, помешал, — хмуро отозвался лейтенант. — Здравствуйте, фрейлейн Вильгельмина, — и он остановился, чтобы поцеловать ей руку. Девушка ускорила эту церемонию и вновь повлекла за собой лейтенанта к спасительной двери.

— Почему вы ведете меня, э-э, таким кружным путем? — спросил лейтенант, опять останавливаясь.

— Я только что приехала и разбросала на полу свои чемоданы, мы можем упасть. Да ну же, какой вы неповоротливый! — тормозила она его.

— Но, может быть, ваш отец занят?..

— Да нет же, идемте.

Вот и спасительная дверь... Вильгельмина быстро постучалась, открыла дверь, не ожидая ответа отца, почти втолкнула в кабинет лейтенанта и, бросив несколь-

ко фраз, ушла «прибрать чемоданы», плотно закрыв за собой дверь.

— Где вы? — шепотом спросила она, войдя в гостиную.

— Здесь, — также тихо ответил провинившийся дон Жуан.

— Уходите скорей... противный!

Но Марамбалль не торопился. Его обуяло непреодолимое желание увидеть самому всю сцену игры в жмурки, а она уже начала проявляться: Марамбалль-первый то приближался, то удалялся. И когда он подходил ближе, то события шли ускоренным темпом, как будто кто-то быстрее пускал кинематографическую ленту. Когда он отступал назад, движения играющих в прятки замедлялись. Наконец, отступая с быстротою, превышающей скорость света, он видел события в обратном порядке. Вильгельмина сама была увлечена этим «фильмом». Опомнившись, она тихо спросила.

— Вы еще здесь?

— Здесь, — с сладким вздохом отвечал Марамбалль.

— Да уходите же, безумный человек!

— Сейчас, только досмотрю самое интересное.

Марамбалль, подвигаясь взад и вперед, нашел момент поцелуя и начал медленно — со скоростью света — отступать к двери. И призрачная пара как будто застыла в поцелуе.

— Изумительно! — сказал он у двери. — А в оперу мы все-таки поедем!

Марамбалль услышал, как Вильгельмина в нетерпении топнула ногой.

— Иду, иду! — И Марамбалль вышел, прикрыв дверь.

На лестнице, навстречу ему поднималась тень грозного командора — лейтенанта Блиттерсдорфа. Его рыжие распущенные усы были подняты вверх, как у Вильгельма Второго.

— Фу, проклятое привидение! — выбранился Марамбалль. И он демонстративно прошел сквозь призрак лейтенанта, двинув плечом воображаемого соперника.

Когда Марамбалль ушел, новое беспокойство овладело Вильгельминой. Она знала, сколько опасных неожиданностей таит в себе новый порядок вещей. Вильгельмина тихо подошла к закрытой двери в кабинет

отца и тронула ее рукой. Опасение Вильгельмины оправдалось: закрытая дверь была на самом деле открыта. Это, очевидно, проделка лейтенанта. Он мог открыть ее после того, как Вильгельмина вышла. Теперь весь вопрос был в том, дошло ли отражение сцены игры в жмурки до лейтенанта, сидящего в кабинете отца... Вильгельмина зашла сбоку и прикрыла дверь. Подойдя через несколько минут вновь к двери в кабинет, она опять нашла ее открытую. Стать у двери и загородить своим телом видение? Но она не могла «загородить» того отражения, которое ужс было впереди нее. В отчаянии девушка ушла в свою комнату и заперлась.

Вильгельмина волновалась не напрасно.

Лейтенант, заподозрив неладное, принял свои меры. Поздоровавшись с Леером, он поставил кресло против двери и открыл ее. Скоро начала проявляться вся сцена игры в жмурки. Тогда лейтенант заговорил с отцом Вильгельмины о Марамбалле.

— Я, конечно, далек от мысли давать вам советы, господин Леер, — сказал он, — но мне кажется, что посещения вашего дома иностранным корреспондентом, притом французом, не совсем удобная вещь при вашем официальном положении. Притом отношения Марамбалля к фрейлейн Вильгельмине могут вызвать превратные толкования и повредить репутации вашей дочери...

— Мне самому не нравятся эти визиты. Но что же я могу поделать? Шальная девчонка... Будь бы жива ее мать, — со вздохом сказал Леер, — все было бы иначе. Я не сомневаюсь, что их отношения носят вполне невинный характер. Спорт, музыка...

— Вполне невинный? — лейтенант тяжело задышал. — А вот не угодно ли взглянуть в гостиную!

Леер поднялся из-за письменного стола, подошел к двери и воскликнул от изумления.

Они увидели финал игры в прятки. Среди гостиной беззвучная тень Марамбалля целовала призрак Вильгельмины. От ревнивого взора лейтенанта не ускользнуло, что Вильгельмина не очень быстро оторвась от губ молодого человека, и в ее негодовании не было искренности.

Кровь медленно залила все лицо лейтенанта.

— Я... убью его! — тихо, но решительно сказал лейтенант. — Вызову на дуэль и убью.

Леер вернулся к столу и, ошеломленный виденным, тяжело опустился в кресло.

— Да, это ужасно... Она обманула мое доверие.. Но как же вы будете «драться» с ним на дуэли?

— В открытую или «вслепую» — все равно. На пистолетах. До решительного результата.

— А если он откажется от дуэли?

— Я убью его. Теперь это можно сделать проще, чем раньше.

Разговор не вязался. Лейтенант скоро откланялся и направился к двери.

Вильгельмина слышала, как он шел, и подумала: «Он не простился со мною! Сердится! Конечно, он видел все. Но видел ли отец?»

В ту же минуту послышался голос отца:

— Вильгельмина, иди сюда!

Междуд отцом и дочерью произошел длинный и чрезвычайно неприятный разговор.

VII. Последнее свидание

Не без волнения вечером подъезжал Марамбалль к дому Вильгельмины. Удалось ли ей скрыть «следы преступления»?

Он позвонил и спросил швейцара, дома ли фрейлейн Вильгельмина.

— Уехали! Не принимают! — сердито ответил швейцар и тотчас же захлопнул дверь.

Марамбалль протяжно свистнул.

— Дело дрянь! «Уехали и не принимают». Это похоже на отказ от дома...

Он все же надеялся встретить Вильгельмину в опере и поехал туда.

Осторожно пробравшись во второй ряд, Марамбалль уселся в кресло и начал осматривать ложи. Но ложа Лееров была пуста. «Может быть, она еще не проявилась?» — не терял Марамбалль надежды, думая о Вильгельмине.

Сосед слева задел его плечом и пробормотал извинение.

— Пожалуйста, не извиняйтесь. Мы все слепые, а слепому трудно не задеть другого, — с французской

болтливостью ответил Марамбалль. И в ту же минуту он услышал, как кто-то шепчет ему на ухо:

— Простите! Я хотел только убедиться, вы ли это. Сегодня господин первый секретарь Леер уезжает к министру ровно в десять. А дело номер сто семьдесят четыре будет лежать у него на столе.

— Метакса! Вы как сюда попали?

— Так же, как и вы,— отвечал грек.

В этом действительно не было ничего необычайного: места корреспондентов находились в одном ряду. Метакса, очевидно, только принял меры к тому, чтобы оказаться по соседству с Марамбаллем.

— Послушайте,— сказал Марамбалль,— что вы, наконец, гипнотизируете меня все время делом номер сто семьдесят четыре? Что вам от меня нужно?

— Тсс!..— И, наклонившись к самому уху Марамбалля, Метакса сказал:

— Вы же сами знаете, что на этом деле можете заработать. У меня есть свои люди в доме Леера, и я знаю все, что там делается. Но мне труднее обделать это дело, чем вам. Вы свой человек в доме.

Под плавные, торжественные звуки увертюры Метакса продолжал развивать свой план.

— Я сообщил вам об этом деле, я направил вас, и вы заработаете тысячи. Ну, а мы за это дадите только одну тысячонку марок...

Мысль Марамбалля заработала. Метакса прав. На этом деле можно заработать. Да, не вовремя Вильгельмина затеяла игру в жмурки!.. Если бы не этот роковой поцелуй!.. Положение очень осложнилось. Нужно ли давать этому греку за комиссию? Марамбалль постараётся добить секретное дело, но делиться с Метаксой он не намерен.

— Во-первых, вы напрасно стараетесь, господин Метакса,— зашептал Марамбалль в ухо соседа.— Все, что делается в доме Лееров, я знаю не хуже вас. И о деле номер сто семьдесят четыре я узнал гораздо раньше, чем эту «новость» сообщили вы мне. А во-вторых, я больше не собираюсь бывать в доме Лееров.

— Лейтенант не пускает?— язвительно спросил грек, поняв, что Марамбалль увиливает от дележа.

— Это касается только меня,— сухо ответил Марамбалль.

«Какая некультурность!» — возмущался он бесстыдным вопросом грека, искренне забывая о том, что сам ведет нечистую игру.

Увертюра окончилась. Со сцены уже слышался голос Фауста, а занавес казался еще закрытым. И только когда Мефистофель на зов Фауста отозвался: «И я здесь!», — для первых рядов спектакль начался. Между пением, игрой артистов и оркестром не было никакой связи. Задние ряды увидели открытие занавеса только к антракту первого акта. — «А последнее действие галерка будет досматривать, как немую сцену, после окончания оперы... Пропала опера!»

В середине второго акта Марамбалль осторожно вышел и направился к выходу. Оглядываясь назад, он видел как бы повторение действия в обратном порядке. Но это уже не интересовало его.

Он вернулся к себе и позвонил по телефону к Вильгельмине.

Она оказалась дома, но разговор с нею не доставил ей особого удовольствия.

— Отец и лейтенант видели все, — говорила она. — Мне пришлось выдержать очень неприятную сцену с отцом. И было бы лучше, господин Марамбалль, — ее голос дрогнул, — если бы вы не показывались в наш дом по крайней мере некоторое время, пока все не уляжется.

Она не имела решимости отказать ему сразу.

Марамбалль был в полном душевном смятении, выслушав из ее уст этот приговор.

Отказ в такой момент, когда ему, как никогда раньше, нужно было быть в доме Лееров! Завтра будет уже поздно. Дело номер 174 будет погребено в стальном сейфе, или же оно достанется в руки какого-нибудь Метаксы. Медлить нельзя. Душу Марамбалля одновременно обуревали и другие чувства. Поцелуй острой отправной проник в его сердце, а в голосе Вильгельмины, говорившей по телефону, ему чудилась печаль. Быть может, она любит его? В эту минуту ему казалось, что и он также безумно любит ее. И, с неожиданной для самого себя страстью, он начал умолять ее принять его в последний раз, «чтобы проститься навеки».

В спортсменском сердце Вильгельмины, вероятно, были оборваны еще не все струны сентиментализма. Искренний тон Марамбалля, видимо, тронул ее. Она

колебалась, а он, вздыхая и охая в телефонную трубку, поддавал жару.

— Только взглянуть... В последний раз!

— Но отец приказал швейцару не принимать вас,— в отчаянье призналась она.

— О, это ничего не значит! — оживился Марамбалль.— Я пройду со стороны сада, вы откроете мне дверь...

— Но в саду сторожа; вы знаете,— теперь везде усиленная охрана.

— Сторожам, наверно, не отдан приказ не пускать меня; наконец, я сумею пробраться мимо них... Только взглянуть!..

— Ну, хорошо. Но приходите скорее, пока отец не вернулся.

Марамбалль бросил трубку и завертелся по комнате, ища разбросанные шляпу и перчатки.

«Бог всесильный, бог любви! Ты услышишь мою мольбу!..» — пропел Марамбалль и бросился по коридору, едва не сбив с ног фрау Нейкирх.

Марамбалль благополучно проскользнул мимо сторожей и незаметно вошел в дом. Он пробрался в гостиную и остановился, едва слышно каплянув

— Я здесь,—тихо ответила Вильгельмина,— у рожая.

Марамбалль сделал несколько шагов и вновь остановился в нерешительности. Он так спешил, что не обдумал плана действий. Изобразить ли ему безутешного влюбленного, или же, пользуясь случаем, пробраться в кабинет, похитить дело и бежать. Женщина или деньги? Несколько секунд он переживал сильнейшую борьбу. Но в конце концов он решил, что Вильгельмина все равно потеряна для него, и потому надо покончить с делом номер 174

Но, даже решившись на это, он все же не мог поступить слишком вероломно по отношению к Вильгельмине. Да это было бы и неосторожно.

«Обидеть женщину не только некрасиво, но и опасно. Женщины умеют мстить». — И Марамбалль выбрал средний путь. Он метнулся в кабинет, нагнулся над освещенным столом, нашел дело номер 174, сунул его

под жилет и выбежал в гостиную. Все это заняло не больше полминуты.

— Да где же вы? — спросил он несколько громче.

— Здесь, — тихо отвечала Вильгельмина.

— А мне почудилось, что вы говорите из кабинета, и я прошел туда. Вы не можете себе представить, как я сожалею о том, что случилось!.. Нет, не так. Я в восторге от того, что случилось, но сожалею о том, что наша шалость обнаружена... Я... — он хотел сказать «я люблю вас», но, почувствовав, что папка с делом готова выскользнуть из-под жилета, положил руку несколько ниже сердца и, прижимая жилет, продолжал: — Я всегда буду помнить о вас... — «А вдруг она скажет, что любит меня?» — в ужасе подумал Марамбалль. — «Нет, сейчас не время распускаться». — И, найдя ее руку, Марамбалль почтительно поцеловал кончики холодных пальцев.

— Прощайте, Вильгельмина!

Девушка сделала движение и вздохнула. Быть может, она была недовольна его слишком примерным поведением и почтительностью?.. Опасаясь проявления ее нежных чувств, которые могли задержать его и сыграть роковую роль, Марамбалль тяжело вздохнул, отошел от Вильгельмины и, прошептав еще раз: «Прощайте!» — побежал к двери.

Он ликовал. Наконец-то на его груди покоялась сенсация, которая поразит мир и даст ему возможность широко пожить! Его карьера ловкого журналиста будет обеспечена.

VIII. *Погоня*

Марамбалль так размечтался, что забыл о всякой осторожности и, пробегая садовую дорожку, с разбега налетел на кого-то. Он упал на землю вместе с неизвестным человеком.

— Стой! Кто это? — послышался голос сторожа.

Марамбалль, прижимая левой рукой драгоценную папку, попытался подняться, закрывая правой рукой свое лицо: он не забывал о проявлении. К счастью для него, в саду было темно. Сторож ухватил Марамбалля за ногу и звал на помощь. Марамбаллю удалось ударом

другой ноги сбить руку, державшую его за ногу. Он поднялся и побежал.

Поднялась суматоха. Слышались тревожные свистки, крики, отовсюду бежали люди. Марамбалль бросился к воротам сада, сбил с ног еще одного сторожа и выбежал на улицу, продолжая прикрывать свободной рукой лицо. Через несколько минут его фигура проявится, и преследователи побегут за призраком. Теперь они могли гнаться только вслепую, за топотом убегающих ног. Марамбаллю надо было «замести следы», пробежав какое-нибудь темное пространство. Он решил направиться в близлежащий Тиргартен. Выбежав на тротуар, Марамбалль врезался в уличную толпу, движавшуюся ему навстречу, и, вопреки всем правилам уличного движения, помчался вперед, сбивая прохожих. Он нагнул голову и, как разрушительный таран, пробивался сквозь толпу, оставляя позади себя крики, стоны, вопли и проклятия. Упавшие люди служили ему заграждением, задерживающим его преследователей. Это облегчало положение Марамбалля, но, с другой стороны, ему не выгодно было оставлять за собой такой «шумовой хвост», который давал преследователям легкую ориентировку.

В полумраке сада в это время проявилось очертание его фигуры, и подоспевшие полицейские бросились по горячим следам, преследуя призрак бегущего человека. Они не могли определить во время преследования, имеют ли дело еще с призраком, или уже с живым человеком, и потому все время принуждены были схватывать воображаемого преступника, но их руки разрезали пустое пространство. Несколько раз, впрочем, им удалось кого-то поймать. Часть преследователей останавливалась с задержанными призраками в ожидании их проявления; но полицейских ждало разочарование: первым из задержанных проявился глубокий старик, вторым — пастор. Только двоих молодых людей отвели в участок для обыска и выяснения личности. Все это очень затрудняло погоню, но она не прекращалась.

Скоро Марамбалль услышал характерный звук сирены. Это был уже всем известный сигнал полиции, преследующей преступника. По звуку сирены уличное движение на тротуарах приостанавливалось. Прохожие

прижимались к стенам домов, чтобы освободить путь для быстро следующего отряда полиции.

Марамбалль пересек улицу, добежал по свободному от толпы тротуару до угла и свернул. Здесь уличное движение еще не прекращалось. У самого тротуара один за другим двигались автомобили. Марамбалль, прислушиваясь к их движению, выбрал ближайший, вспрыгнул на подножку автомобиля и ввалился в кузов. В автомобиле послышались испуганные женские голоса.

— Тысячу извинений,— сказал Марамбалль, убедившись, что голоса не принадлежат знакомым.— Я едва не попал под ваш автомобиль и принужден был вскочить в него

Такие случаи действительно бывали, и в автомобиле, услышав любезный, извиняющийся голос Марамбалля, успокоились.

Когда автомобиль поравнялся с Тиргартеном, Марамбалль бесшумно спрыгнул и побежал по траве, мимуя освещенные дорожки, в полумрак деревьев. Он делал петли, как заяц, и одно освещенное место пробежал даже задом наперед, чтобы сбить своих преследователей.

Голоса погони отставали, но Марамбалль продолжал кружить по парку. Он пробежал всю левую сторону Тиргартена до Зоологического сада. В совершенно темном уголке он неожиданно налетел на мирно сидящую парочку. Марамбалль подошел сзади к сидящему молодому человеку и, прежде чем тот успел что-либо сообразить, снял с его головы шляпу-котелок и надел ему свою клетчатую кепку,— его кепка проявилась и уже должна быть известна преследователям.

Затем он исчез в густых тенях деревьев, пролез под пустующим ресторанным киоском, вышел из сада и кружным путем отправился на противоположную сторону Берлина,— в Трептов-парк.

Побродив по темным уголкам этого парка, он, наконец, решил, что окончательно замел следы. Но все же, из осторожности, он не решился вернуться домой с драгоценной папкой. Если только кому-нибудь из преследователей удалось узнать его, полиция, наверно, нагрянет с обыском. Куда спрятать на время дело номер 174? Лайль! Лучшего не придумать. Лайлю на лето

предоставил свою комнату его знакомый, служащий в английском посольстве. Правда, здание посольства находилось в конце Унтер ден Линден, рядом с Тиргартеном, совсем недалеко от места преступления Марамбалля. Но зато экстерриториальность посольства была лучшей охраной от вторжения полиции. Согласится ли, однако, Лайль взять на хранение такой документ? Можно обойтись и без его согласия! И, когда Марамбалль подъезжал к зданию посольства, у него уже был готовый план.

IX. Поздний визит

Марамбалль знали в посольстве, — он не раз бывал у Лайля; и ему без особого труда удалось проникнуть на «английскую территорию».

Лайль был дома.

Марамбалль приготовился к быстрым действиям. Перед тем, как позвонить, он вынул папку и заложил руку с нею за спину. Как только Лайль открыл дверь, Марамбалль, повернувшись, направился к кровати, отвернул матрац и сунул туда свое сокровище. Все это было сделано с таким расчетом, чтобы Лайль не заметил подкинутого дела, когда сцена появления Марамбалля проявится. «Под матрацем папка может пролежать благополучно несколько дней. А когда все уляжется, я таким же манером извлеку ее оттуда», — думал Марамбалль.

Засунув папку, он уселся на край кровати.

— Уф, ужасно устал! — сказал Марамбалль, прислоняясь к спинке кровати.

— Да вы куда уселись? — услышал он голос Лайля. — На кровать? Садитесь вот сюда, на кресло.

— Благодарю вас, дайте отдохнуться. Я предпочитаю садиться на кровать. Эти кресла теперь предательская штука. Никогда не знаешь, стоят они на месте или нет. Я уже не раз падал, садясь в воображаемое кресло. А кровать всегда стоит на одном месте. Кровать надежная штука, — любовно похлопал Марамбалль по тому месту, где лежала заветная папка.

Где-то на башенных часах пробило полночь.

Лайль выжидательно молчал.

Надо было придумать повод неожиданного визита.

— Я так взволнован, что не мог сидеть дома, — сказал Марамбалль, — и пришел к вам поделиться своими опасениями. Сейчас я был в астрономическом обществе. Один астроном делал доклад. Он предсказывает, что скорость света замедлится еще больше. Свет будет проходить один метр в двенадцать часов три секунды! Представляете себе, что это будет? Всю ночь по улицам и в учреждениях будут бесшумно толкаться дневные тени, а днем Берлин будет казаться пустыней... Электричество надо будет зажигать рано утром, чтобы оно горело вечером, а гасить днем. Представьте, что будет делаться в Рейхстаге по ночам! Освещенный зал, и призраки политических деятелей, вершащих судьбы миллионов... Нам, корреспондентам, днем придется слушать, а ночами снимать эти призраки. Или, скажем, банк. Как вы получите деньги, если кассир увидит вас и ваши документы только через несколько часов? И как убедиться, что вы получили действительно деньги, а не старые номера «Берлинер Тагеблатт»? А промышленность. Она приостановится совершенно. Мы как бы ослепнем. Весь мир ослепнет. Это будет катастрофа, гибель, конец, смерть...

Марамбалль так увлекся, что сам себя напугал этими страшными картинами. Но, повернувшись на кровати, он вспомнил о драгоценной папке и, чтобы еще больше отвлечь внимание Лайля от настоящего, патетически закончил:

— Как ничтожны кажутся при свете — вернее говоря, при умирающем свете, — все «великие» дела, хитроумные дипломатические соглашения и тайные договоры! Прах! Тлен!

Лайль, как истый англичанин, выслушал спокойно, не прерывая своего гостя. Только клубы дыма неразлучной трубки как будто стали гуще.

— Какой астроном говорил это? — спросил Лайль.

— Да этот, как его, вот на языке так и вертится. Не то Шварцброт, не то Буттерброт, — никак не запомню эти немецкие фамилии.

— Странно, — процедил Лайль.

— Об этом скрывают, чтобы не волновать публику

— Странно, я тоже был на заседании астрономического общества,— продолжал Лайль.

«Носит этого долговязого англичанина, куда не надо!» — с досадой подумал Марамбалль.

— И все ученые единогласно утверждали, что, по их наблюдениям, скорость света за истекшие сутки возросла еще на четыре секунды на метр.

— Вот и поймите этих ученых! — широко развел руками Марамбалль. Он старался казаться равнодушным, но в душе эта новость, которой он еще не знал, чрезвычайно обрадовала его. «Тленная папка», на которой он сидел, увеличивала свою ценность с каждой секундой ускорения света и возвращения к нормальной жизни.

Опасаясь дальнейших вопросов Лайля о заседании астрономического общества, Марамбалль поспешил переменить тему.

— Вы меня утешили. А то, представьте, сижу в опере. Валентин поет «Бог всесильный, бог любви», а на сцене в это время Мефистофель занимается еще омоложением Фауста. Однако мне пора.

Поправив незаметно матрац, Марамбалль распрошался и ушел, нимало не заботясь о том, что он подвергает друга серьезной опасности, скрывая в его комнате украденный документ.

X. Пропавшие документы

Вильгельмина слыхала шум в саду, возникший после ухода Марамбалля, но она поняла это по-своему. Марамбалль, очевидно, не захотел назвать сея, чтобы не скомпрометировать ее еще раз своим тайным визитом.

«Да, он благороден,— думала девушка, покачиваясь на качалке.— И как удивительно он был сдержан со мною!.. Неужели он любит меня?..

В душе Вильгельмины, чемпиона различных видов спорта, девушки с коротко остриженными волосами и юбкой, едва прикрывавшей колени,— начали просыпаться чувства, уснувшие, казалось, навеки, ее сентиментальных бабушек и прабабушек, носивших парики и кринолины.

Тайное свидание... Несчастный любовник... Суро-
вый отец... Соперник... Все элементы романа!

«Отец, конечно, не согласился бы на наш брак. Ну
что же, тем лучше. Я бежала бы с Луи, как моя пра-
бушка Каролина бежала с прадедушкой... Ницца, Сор-
ренто, Алжир»...

Мечты девушки были прерваны топотом ног. Она
почти с неприязнью встретила это вторжение двадца-
того века в ее фантастический мир минувшей романти-
ки,— в особенности, когда узнала характерное прихра-
мывание лейтенанта.

Вильгельмина знала, что на нее опять будет сделано
«нападение». После рокового поцелуя отец долго
и скучно проповедовал ей о морали, о правилах хоро-
шего тона, о своем служебном положении, о ее обя-
занностях к нему, о ее легкомыслии и в заключение за-
явил, что он успокоится только тогда, когда она вый-
дет, наконец, замуж за лейтенанта.

«Лучшего мужа не найти. Он еще не стар, на отлич-
ном счету у начальства, имеет прекрасные связи, лич-
ный друг кронпринца...— Отец понизил голос, хотя
они были одни в кабинете, и продолжал.— Республика
не долговечна. Немецкий народ на стороне монархии.
Германия должна стать вновь империей. Это неизбеж-
но. И ты должна понимать, какие перспективы откро-
ются тогда перед бароном Блиттерсдорфом!.. Ты дол-
жна быть благодарна, что он не отказался от своего
предложения после всего, что произошло. Но он наста-
ивал на том, чтобы бракосочетание было совершено
возможно скорее, и я вполне понимаю его».

Тогда Вильгельмина ничего не ответила и молча
ушла в свою комнату: она была слишком горда, чтобы
оправдываться и принять «великодушие» лейтенанта.
А отец еще долго убеждал ее «призрак», прежде чем
убедился, что его дочери давно нет в кабинете.

И вот теперь они идут, идут за ответом... Шаги под-
нялись по лестнице. Слышались голоса отца и лейте-
нанта. Вильгельмина хотела убежать в свою комнату,
но, вспомнив, что это бегство будет обнаружено, оста-
лась сидеть.

— Вы это или ваш призрак, фрейлейн Вильгельмина? — услышала она голос вошедшего в гостиную лейтенанта.

— Призрак, — ответила она. — Призрак прабабушки Каролины. Разве вы не видите буклей и кринолина?

Вильгельмина, как все женщины ее круга, отлично умела скрыть свои чувства под маской внешней непринужденности: уменье лгать считалось высшим проявлением воспитанности в том мире, в котором она жила.

Лейтенант, напрягая свой тяжеловесный ум, старался быть остроумным. Они начали весело болтать, в то время как отец Вильгельмины прошел в свой кабинет.

— Вильгельмина, ты не трогала бумаг на моем столе? — вдруг послышался тревожный голос Леера.

— Нет, я не входила в кабинет, — ответила она.

— Странно, — ворчал Леер, хлопая ладонями по сукну стола. Потом он вышел из кабинета и дрожащим голосом сказал:

— У меня со стола пропали папки с документами... Очень важные, секретные документы...

— Ты просто не можешь найти их, — ответила Вильгельмина спокойно, хотя в ее душе шевельнулось какое-то смутное, еще не оформленное, но неприятное ощущение.

— Пойдем поможем сму искать, — сказала она.

Все трое принялись шарить, но на столе папок не было.

— Может быть, ты спрятал дела в шкаф? — спросила Вильгельмина.

— Да нет же, — раздраженно ответил ее отец. — Бумаги лежали вот здесь, с краю, в желтых папках. У нас в доме никого не было посторонних?

У Вильгельмины перехватило дыхание. «Марамбалль! Неужели?.. Он заходил в кабинет, ушел так спешно, бежал от стражи... Это мог сделать только он...»

Никогда еще Марамбалль не был так близок к катастрофе, как в этот момент. Назови Вильгельмина его имя, — и все выгодное предприятие с дедом номер 174 рухнуло бы, а он оказался бы в тюрьме. Но, на его счастье, в душе Вильгельмины еще не замолкли голоса ее романтических бабушек, и она ответила «нет», прежде чем осознала все вероломство «несчастного любовни-

ка». Сказанное слово связало ее. Но, не успела она вымолвить «нет», как в ее душе поднялась целая буря негодования. Марамбалль обманул ее, как провинциальную дурочку! Разыгравая несчастного любовника, он использовал ее доверие для самых низменных целей... И она вновь начала колебаться, не выдать ли Марамбалля.

А Леер уже звонил, созывая слуг. Он узнал о преследовании неизвестного в саду, который мог, очевидно, проникнуть в дом только через дверь сада. Но кто открыл ему? Это осталось невыясненным. Звонил телефон, суетились слуги. Из полицейского управления сообщили, что преступнику удалось скрыться. Вильгельмина не знала, радоваться ей этому или печалиться. Она была так зла на Марамбалля, что была бы рада, если бы его поймали. Но, с другой стороны, это открыло бы ее невольное соучастие. Конечно, никто не заподозрил бы ее в сознательной помощи преступнику. Но какой позор, какой стыд быть так обманутой!

Волнение Вильгельмины дошло до крайнего предела. Оскорбленная женская гордость бушевала в ней, ежеминутно готовая прорваться наружу. И, когда отец сказал трагическим голосом: «Неужели в моем доме есть предатели?» — она не выдержала:

— Отец, мне нужно поговорить с тобой.

Но в этот самый момент в комнату вошел новый свидетель — повар, который пожелал сообщить важные показания.

— Говорите, — нетерпеливо сказал Леер.

— К нам в кухню, — начал повар свое повествование, — нередко заходил какой-то грек, торгующий шелковыми материями. Он продавал их очень дешево. Моя жена, и судомойка, и жена швейцара очень охотно покупали шелковые ткани. Этот грек заходил и сегодня вечером. Когда он поставил на пол свою корзину и разложил ткани, женщины начали выбирать шелка. Это продолжалось несколько минут. Вдруг электричество погасло. Это случалось не раз в последнее время, и потому мы не обратили особого внимания. Жена швейцара только посмеялась, что свет погас так не вовремя... Я попробовал повернуть выключатель, и через несколько минут свет загорелся вновь; грека на кухне

уже не было, а корзина с шелками и сейчас стоит. Мы думали, что грек вышел во двор и вернется, но он так и не вернулся.

— Почему же вы не сказали мне обо всем этом раньше?

— Мы только что сейчас узнали о пропаже бумаг, выше превосходительство. А о греке мы не беспокоились: грек не подарит корзину шелка.

— Вы можете идти, Карл.—И, когда повар ушел, Леер сказал: — Да, это очень возможно. Из кухни ход ведет в столовую, а из столовой — в кабинет. Преступник мог незаметно погасить электричество в кухне, пробраться сюда, похитить документы и уйти незамеченным. У преступника было совершенно достаточно времени. Но что же тогда значит шум в саду? Кто был там?

— Тот же преступник-грек, — высказал предположение лейтенант. — Он мог попытаться пройти через сад и выйти на Будапештштрассе, но, очевидно, наскоцил на сторожа, который и поднял тревогу.

— А может быть, это был один из сообщников, — сказал Леер. — Я попрошу вас, господин лейтенант, съездить к начальнику полиции и передать ему мою просьбу мобилизовать для поисков преступника все свободные силы. Дело большой государственной важности.

Барон по-военному щелкнул каблуками и, наскоро простиившись, ушел. Когда его ковыляющие шаги замолкли, Леер устало уселся в кресло.

— Ты мне хотела что-то сказать, Вильгельмина?

— Да... — Она хотела признаться в том, что в доме был Марамбалль. Но рассказ повара поколебал ее уверенность в том, что Марамбалль похитил документ. И она не призналась отцу о тайном визите Марамбалля. Быть может, еще немного времени спустя она и вообще ничего значительного не сказала бы. Но буря негодования еще не улеглась в ее душе. Оскорбленная гордость требовала мести.

— Отец, я согласна принять предложение господина лейтенанта.

С романтическим духом прабабушки Каролины было покончено.

XI. Тревожная ночь

Марамбалль провел тревожную ночь. Раздумывая над событиями минувшего дня, он пришел к выводу, что опасность еще не миновала для него. Правда, ему удалось замести следы. Но не все прошло так гладко, как ему хотелось бы. Его бегство должно было взбудоражить весь дом. Исчезновение дела, вероятно, уже обнаружено, и для Вильгельмины станет ясною цель его «последнего свидания». И тогда... тогда она, конечно, выдаст его. Марамбалль с минуты на минуту ожидал вторжения полиции. Хорошо еще, что ему удалось припрятать похищенные документы в надежном месте. Марамбалль не раздевался в эту ночь. Он тихо ходил по комнате, прислушиваясь к звукам в коридоре. Он обдумывал план бегства. Одно окно его комнаты выходило на улицу, другое — в небольшой сад. Это по следнее окно он и избрал как путь отступления.

Марамбалль открыл окно в сад. Ночь была душная. На темно-лиловом небе светила оранжевая луна, как китайский фонарь, привешенный над сизым трехэтажным домом. От времени до времени слышался гром. Приближалась гроза. Обострившийся слух Марамбалля уловил какие-то шорохи в саду под окном.

«Неужели это засада?» — с тревогой подумал он.

Страшный удар грома вдруг потряс весь дом, хотя на небе не было видно ни одного облачка, и в ту же минуту послышался шум дождя. Странно было слышать этот шум, не видя ни дождя, ни туч над головой. Шумел ветер, а деревья в саду, казалось, стояли недвижимыми: ни один лист не колыхался.

Когда раздался удар грома и зашумел дождь, в кустах под окном послышался шорох и как будто заглушенные голоса.

Дождь прекратился так же внезапно, как и начался. И в наступившей тишине Марамбалль отчетливо услышал чьи-то приближающиеся по коридору осторожные шаги. Шаги остановились у его двери. Кто-то тихо постучал.

У Марамбалля перехватило дыхание.

«Полиция!»

Для Марамбалля выхода не было. Под окном была засада, в коридоре — отряд полиции; он не сомневался

в этом. Но в саду он имел больше шансов избежать врагов, чем в узком коридоре.

Марамбалль быстро выпрыгнул из окна и упал на чьи-то широкие плечи. В то же время он услышал женский крик и узнал голос почтенной вдовы Нейкирх.

— Что это? Кто это? Что с вами? — послышался второй, мужской голос, принадлежавший, без сомнения, тромбонисту, который занимал соседний с Марамбаллем номер. Тромбонист и Нейкирх, очевидно, вышли в сад подышать вечерней прохладой.

Марамбалль соскользнул с могучих плеч Нейкирх и, гонимый ужасом, побежал в Тиргартен.

Здесь царила бесшумная буря. Ветра не было, но деревья гнулись как будто под напором страшного урагана; листья трепетали, и с них стекали ручьи; желтые молнии бороздили тучи. Дождь лил как из ведра, но это был призрачный дождь, — на Марамбалля не падало ни капли.

Ночная свежесть освежила Марамбалля и привела в порядок его мысли. В саду перед его окном, во всяком случае, не было засады. Но кто же стучался в его дверь?

Всю ночь Марамбалль бродил по аллеям парка и только на заре решил вернуться домой.

— Вы уходили? — спросил удивленный швейцар, открывая ему дверь.

— Да, — ответил Марамбалль. — Ко мне никто не приходил?

— Ночью приходил какой-то человек. Я не пускал его, но он ответил, что пришел по очень срочному и важному делу и что вы сами ждете его.

— Вы не заметили его внешности после проявления?

— Шляпа была надвинута на сго глаза, воротник приподнят. У него как будто была черная борода, а говорил он с иностранным акцентом.

«Кто бы это мог быть?» — думал Марамбалль, осторожно пробираясь по коридору. Ночные страхи прошли, но все же он еще не успокоился окончательно.

— Доброе утро, фрау Нейкирх, — приветствовал Марамбалль шумное дыхание хозяйки.

— Доброе утро, — сердито ответила она, хлопнув дверью. Марамбалль осторожно вошел в свою комнату. Там никого не было.

XII. «Звуковая драма»

В Рейхстаге только что окончилось заседание, на котором обсуждались положение промышленности и мероприятия правительства. Целый ряд министров выступил с докладами. По их сообщениям, в фабрично-заводской промышленности положение было не так уж плохо, как можно было ожидать. Успешно шла реконструкция машин, применительно к «слепому» методу работ. Широко использован был хронометраж; установлены были «нормы времени» для тех или иных процессов, введены часы с колокольчиками, отбивающими не только минуты, но даже, в некоторых случаях, четверть минуты.

Разумеется, это официальное благополучие не совпадало с действительным положением вещей, которое было далеко не блестящим; но катастрофическим его действительно нельзя было назвать.

Сверх ожидания, наиболее угрожающим оказалось положение сельского хозяйства. Даже выступавший министр не мог не высказать самых серьезных опасений. Длительность инсоляций не уменьшилась,— докладывал министр,— хотя восход и заход солнца и не соответствует теперь действительному положению солнца: мы видим взошедшее солнце лишь после того, как его лучи проявятся — как теперь говорят, — то есть дойдут до поверхности земли и нашего зрения. Но это компенсируется тем, что солнце продолжает светить еще некоторое время после его фактического захода. Наше несчастье, однако, в том, что благодаря замедлению в прохождении света в единицу времени на поверхность земли падает меньшее количество света. Он сделался как бы разреженным. Благодаря замедлению света мы могли наблюдать, что некоторые цвета как бы исчезли, другие изменились; наконец появились новые цвета или их сочетания. Это также не могло не оказать действия на произрастание зерновых хлебов и технических растений. Некоторые из них, например, лен, под влиянием, очевидно, ультрафиолетовых лучей начали расти необыкновенно быстро и высоко, не успевая, однако, окрепнуть, — как анемичные, слабосильные де-

ти. Вообще же созревание злаков чрезвычайно замедлилось. Однако для паники не должно быть места. Мы выйдем из затруднения. Наши химики и ученые-агрономы усиленно работают над изысканием средств к скорейшему созреванию растений. Отепление корней, электрификация почвы, новые химические удобрения идут на помощь земле. И за урожай следующего года мы можем быть почти спокойны. Весь вопрос в том, удастся ли нам спасти хлеба, стоящие на корню,— спасти урожай текущего года. Будем надеяться, что удастся. Эту надежду мы возлагаем не только на нашу науку. Обнадеживающее и радостное сообщение я приберег к концу. Наблюдения над светом, произведенные сегодняшним утром, показали, что скорость света возросла еще на четыре секунды.

На скамьях правых депутатов раздались аплодисменты.

— Выразить министру благодарность за прибавку четырех секунд,— послышался чей-то иронический голос слева.

— Теперь обедать,— толкнул Марамбалль Лайля.

И они отправились в Тиргартен в сопровождении Метаксы, который заявил, что имеет сообщить им важную новость.

— У вас всегда новости,— смеясь сказал Марамбалль.

Когда корреспонденты подошли к своему обычному месту под старой, ветвистой липой и рассаживались у круглого мраморного столика, из-за угла киоска послышались чьи-то шаги, и вдруг Марамбалль услышал голос лейтенанта.

— Господин Марамбалль! Вы напесли оскорбление известному лицу, честь которого я считаю своим долгом защищать. Угодно вам будет дать мне удовлетворение?

— Дуэль? В двадцатом веке? Какой анахронизм! — несколько принужденно расхохотался Марамбалль. — Я никому не наносил оскорблений и не могу признать вашего права на защиту «угнетенных».

— Так я заставлю вас признать это право и принять мой вызов!

За этим последовала звуковая драма.

Кто-то кого-то ударил. Послышалось падение тела и неистовый вопль. Новые удары, новое падение, чье-то глухое ворчанье.

— Хорошо же! — послышался угрожающий голос лейтенанта, и затем он удалился.

Публика, сидящая за соседними столиками, и случайные прохожие с нетерпением ожидали начала «сеанса». И когда место побоища начало проявляться, отовсюду раздался дружный смех.

Все увидели, как Марамбалль, разговаривавший с лейтенантом, неожиданно отступил в сторону, и тяжелые удары посыпались на Метаксу. Метакса, открыв рот, из которого несколько минут тому назад раздавались вопли, с насмерть перепуганным лицом упал на землю. Вслед за этим Лайль, не выпуская трубки изо рта, наклонил голову, прислушиваясь, очевидно, к дыханию нападавшего, и вдруг, по всем правилам бокса, отпустил в челюсть лейтенанта короткий, но тяжелый удар, сбивший лейтенанта с ног. Если бы Лайль даже видел лейтенанта в момент удара, он не сумел бы сделать лучшего выпада.

Марамбалль был поражен. Он никак не ожидал от «ледяного» Лайля такой быстроты действия.

— Но вы-то почему вмешались в драку? — спросил Марамбалль Лайля.

— Я тоже защищал угнетенного, — ответил он, пуская клубы дыма. — Теперь, если этот господин захочет драться, ему придется иметь дело с тремя: с вами, Марамбалль, потому, что он на вас за что-то сердит, с Метаксой — потому, что он побил его, и со мной — потому, что я побил его. И я не откажусь померяться с ним силами! Но я не признаю другого оружия, кроме кулаков.

Удивительно! Бокс так оживил Лайля, что он сделался даже разговорчивым.

— Но кто этот налетевший на нас петух? — спросил Лайль.

— Я знаю! — отозвался всеведущий Метакса. Но Марамбалль остановил его.

— Тсс!.. Не надо раздувать этой истории. Полицейский может подойти незаметно. Вы что-то хотели сказать нам, господин Метакса?

— Да, но, пожалуй, вы правы. Мы поговорим с вами в другом месте. Скандал может привлечь любопытных, желающих узнать причину ссоры, а то, что я хочу сообщить вам, не нуждается в посторонних свидетелях.

И, поговорив о судьбе урожая, собеседники разошлись.

В тот же день вечером Марамбалль сидел у себя в номере за письменным столом и писал «вслепую» крупными буквами очередную корреспонденцию, когда вдруг услышал знакомую ковыляющую походку лейтенанта, шедшего по коридору. Лейтенант, видимо, старался не обнаружить своего прихрамывания и шел медленно, но чуткое ухо Марамбалля уловило припадающий шаг одной ноги. Марамбалль сразу понял положение. Ревнивый соперник пришел свести с ним счеты! Встретить врага лицом к лицу? Но лейтенант был сильнее его и мог иметь при себе оружие. Бежать? Окно было закрыто, а лейтенант уже подходил к двери, которая была не заперта.

Марамбалль вдруг соскользнул с кресла и скрылся под письменным столом. В то же время дверь открылась без предупреждения, вошел лейтенант и осмотрел комнату. Он увидел Марамбалля, сидящего за письменным столом и углубленного в работу. Но был ли это настоящий Марамбалль или призрак? Лейтенант строил свой расчет на внезапности нападения. Он вынул револьвер и два раза выстрелил, целясь в голову Марамбалля. Марамбалль, видимый лейтенанту, не шевельнулся и продолжал писать. Это было в порядке вещей. Лейтенант теперь не столько смотрел, сколько слушал, чтобы угадать по звукам, какие последствия произвели его выстрелы. И он был вполне удовлетворен: у стола послышался короткий стон и слабый шум, который мог быть произведен только падающим телом Марамбалля.

Дело сделано. Лейтенант спокойно вышел из коридора и благополучно выбрался на улицу.

Шум револьверных выстрелов привлек внимание соседей. В номер постучалась фрау Нейкирх.

— Что у вас здесь случилось, господин Марамбалль?

Если бы не похищенное дело, Марамбалль охотно пригласил бы свидетелей и попросил бы их остаться до проявления сцены покушения на его жизнь. Но теперь Марамбалль счел более безопасным не поднимать шума и не привлекать к себе общественного внимания. Решающим, однако, было даже не это, а боязнь показаться перед свидетелями смешным трусом, прячущимся под стол. Когда Марамбалль представил себе картину проявления этого позорного отступления, то твердо решил скрыть истинный смысл происшествия.

— Ничего особенного, фрау Нейкирх, не случилось,— ответил он.— Ко мне заходил приятель, я показывал ему свой револьвер и, разряжая, нечаянно сделал два выстрела.

— Теперь надо быть очень осторожным с подобными вещами,— наставительно сказала фрау Нейкирх.— И я очень просила бы вас не делать этого больше в моем доме.

— О, не беспокойтесь, фрау Нейкирх, это были последние патроны.

XIII. Чёрная полумаска

Несмотря на светопреставление, свадьбу барона Блittersдорфа и Вильгельмины Леер отпраздновали очень торжественно.

Но это торжество было испорчено странным и крайне неприятным для жениха происшествием.

Молодые вернулись домой из-под венца, и к ним начали подходить с поздравлениями, и вдруг все услышали, как невеста вскрикнула и в толпе гостей произошло замешательство.

Когда этот момент проявился, присутствовавшие были изумлены неслыханной наглостью: какой-то молодой человек, в чёрной полумаске, подошел к невесте и, довольно бесцеремонно обняв ее, крепко поцеловал в губы. Потом он разыскал руку жениха и вложил в нее какой-то пакет. Сделав широкий жест, неизвестный удалился.

Жених, увидя вместе со всеми эту сцену, был так взвешен, что забыл обо всем на свете и бросился на

призрак, сбив с ног стоявшего на этом месте старика-советника. Проявилась и эта картина, заставившая многих гостей невольно улыбнуться, несмотря на всю их выдержку. Все делали вид, что они ничего не видели; гостей попросили за стол, и торжество пошло своим чередом. Слышались поздравления, но они звучали, как насмешка; пили тосты, принужденно смеялись вслух и искренне — в салфетку. Лейтенант, не забывая о проявлении, вынужденно улыбался и старался казаться непринужденным, но не мог согнать со своего лба тяжелых морщин, а углы его рта судорожно подергивались.

— Не правда ли, он похож на покойника, присутствующего на своих похоронах? — шептали злые языки, указывая на растерянное, но широко улыбающееся лицо лейтенанта.

Всех интересовал пакет, полученный женихом от неизвестного, и больше всех — самого лейтенанта. Его нетерпение было так велико, что по окончании обеда он прошел в зимний сад и, разорвав пакет, вынул содержимое, посмотрел, поднеся к самым глазам, и вдруг быстро спрятал.

— Что содержится в пакете, который вы получили от неизвестного? — услышал лейтенант голос Леера.

Лейтенант вздрогнул от неожиданности.

— В пакете? Ничего. Пустяки. Шалость, — ответил он умышленно громко, чтобы его слышали. — Представьте, это была шутка моего брата. Не совсем удачная шутка, надо сознаться, но он всегда отличался легко-мыслием и эксцентричностью.

— Ваш брат? Я ничего не слышал о том, что у вас есть брат, — удивленно сказал Леер. — И почему же ваш брат не снял маски и не остался?..

Леер почувствовал, как лейтенант пожал ему руку. Леер понял этот жест и замолчал.

— Мой брат путешествовал в Африке и только что вернулся. Завтра он, вероятно, сделает нам визит...

Легенда о брате распространилась между гостями, но ей мало верили.

XIV. Конец «светопреставления»

Марамбалль проснулся, открыл глаза и невольно прищурился от непривычного яркого света. Повернув голову к окну, Марамбалль увидел между двумя высокими домами полосу голубого неба.

Он быстро вскочил с кровати и замахал руками. Марамбалль видел руки в момент их движения! Схватив кресло, он поставил его на середину комнаты. И он видел его там, куда перенес. В мире больше не было двойников и призраков! Световые отображения вещей слились с самими вещами. Сомнения не могло быть: свет приобрел свою обычную скорость. Может быть, она была еще несколько и меньше трехсот тысяч километров в секунду, но это могло интересовать только астрономов. Для практической жизни, в пределах земных явлений, разница в какие-нибудь четыре километра, даже в несколько десятков километров была совершенно неощутима.

Марамбалля охватила безумная радость, как будто он вернулся из мрачной страны теней на родную землю, — в сияющий мир реальных вещей, голубого неба, зеленых деревьев.

Он весело запел, закружился по комнате. И эту радостную песнь возвращения к жизни подхватили жильцы его дома, уличные прохожие, весь город, весь мир. Отовсюду слышались возбужденные, веселые голоса. Как будто мир проснулся после долгой и тяжкой болезни, сопровождаемой бредовыми кошмарами, и вдруг почувствовал себя здоровым и бодрым. Люди пели, смеялись, поздравляли друг друга. Шоферы и вагоновожатые, не ожидая официального разрешения, пускали машины и трамваи на полный ход. Ревели сирены, трещали звонки, разноголосый шум и гам до краев наполнил город, который забурлил, как закипевший котел.

— Великолепно! Изумительно! Прелестно! — кричал Марамбалль, не опасаясь, что его сочтут безумным. Он без всякой осторожности уселся в кресло и постучал по ручке кулаком.

— Это вещь, а не призрак! Царство призраков окончилось!

Да, царство призраков окончилось, и в ту же минуту произошла переоценка всех ценностей. Хитроумные политические комбинации и международные соглашения — явные и тайные — вновь приобрели ценность, смысл и интерес.

Марамбалль тотчас вспомнил о деле номер 174, которое еще покоилось под матрацем Лайля.

«Теперь папку будет, пожалуй, труднее извлечь неизвестно, — подумал Марамбалль. — Но как-нибудь я все же раздобуду ее. Однако надо торопиться. Теперь папка может быть легко обнаружена. Довольно будет Лайлю или служанке случайно отвернуть угол матраца, как они тотчас увидят папку».

Марамбалль быстро оделся и пошел к Лайлю.

Англичанин встретил его с обычным спокойствием. Даже конец «светопреставления» не оживил его. Он, как всегда, сосредоточенно сосал свою трубку, внимательно разглядывая гостя сквозь клубы дыма. Марамбаллю показалось, что на этот раз Лайль только несколько больше прищуривал свои бесцветные глаза, — как будто он чуть-чуть насмешливо улыбался одними глазами.

Эта едва уловимая улыбка несколько обеспокоила Марамбалля, но Лайль заговорил, и Марамбалль, слушая его слова, успокоился и начал улыбаться сам.

— Вы слышали, конечно, историю, которая произошла на свадьбе барона Блиттердорфа и Вильгельмины Леер?

«Так вот что вызвало тень улыбки на этом каменном лице», — подумал Марамбалль и простодушно ответил:

— Нет, не слышал.

Лайль посмотрел на него недоверчиво, но подробно рассказал о неизвестном в полумаске, поцеловавшем Вильгельмину.

— Таким образом, ваш соперник кем-то отомщен, — закончил Лайль рассказ. — Признайтесь, этот инкогнито в полумаске были вы?

Марамбалль сделал удивленное лицо, не выдержал и беззаботно рассмеялся.

— От вас ничего не скроешь!

- И лейтенант, конечно, знает, что это были вы?
- Разумеется.
- Но ведь он теперь убьет вас. После такой шутки вам не безопасно оставаться в Берлине.
- Нет, он не убьет меня. Он принужден будет проглотить это оскорблениe,— ответил Марамбалль.
- Лейтенант как будто не принадлежит к людям, которые способны молча перенести такое оскорблениe.
- Он и не перенес. Вы знаете, что лейтенант двумя выстрелами в голову уложил меня наповал. Но, к его несчастью, он убил только «Марамбалля-второго» — мой призрак. В этом он мог вполне убедиться, видя, как сладко поцеловал живой Марамбалль-первый его молодую жену.
- Лейтенант узнал вас под полумаской?
- Вероятно. Кроме того, он получил от меня «визитную карточку» — мое свадебное поздравление.
- А! это тот таинственный пакет, который всех так заинтересовал? Что он содержит в себе? Говорят, лейтенант отказался сообщить об этом даже Вильгельмине и ее отцу.
- Марамбалль многозначительно шевельнул бровями, поднялся и зашагал по комнате, незаметно приближаясь к кровати.
- Я вам все объясню. Лейтенант вошел в комнату так неожиданно, что действительно мог уложить меня на месте. Но все же я услышал и узнал его шаги и успел отбежать в сторону. Пули пролетели так близко от моего лица, что я почувствовал удар воздуха. Чтобы ввести лейтенанта в заблуждение, я застонал.— Марамбалль счел лишним сообщать Лайлю маленькую подробность этого происшествия о том, как он нырнул под стол.— Так вот. Сделав свое злое дело, лейтенант поспешил уйти. А я, успокоив соседей, приготовил свой фотографический аппарат, который по обыкновению у меня всегда заряжен, и начал ждать проявления. Таким образом, я заснял всю последовательность событий: себя, сидящего за столом, и лейтенанта, стrelающeго в пустое кресло. Вы понимаете, что когда проявился «призрак» лейтенанта, то меня уже не было в кресле, хотя лейтенант в момент выстрела и видел

мое отражение. Эти последовательные снимки являются бесспорным доказательством преступления лейтенанта — покушения на убийство. Если оно не окончилось настоящим убийством, то только благодаря «фокусу» светопреставления, давшему мне возможность избегнуть опасности в последний момент. Для большей убедительности я сложил два негатива: один с изображением меня, сидящего в кресле, и другой — с изображением лейтенанта, стреляющего в меня. Так как обстановка комнаты была неизменна, то получилась полная картина покушения на убийство.

Марамбалль усился на краю кровати, опустил руки и, раскачиваясь, незаметно запустил пальцы под матрац.

— И эту фотографию вы поднесли лейтенанту?

— Целых три снимка: меня, его и один снимок «синтетический». Теперь вам должно быть все понятно. Лейтенант предупрежден, что в моих руках есть документ, который может изобличить его в каждую минуту, если только он начнет преследовать меня. Идти из-под венца в тюрьму не очень-то приятно.

— Лейтенант имеет слишком большие связи. Он может потушить дело.

— Едва ли. Ведь фотографии я могу опубликовать в иностранной прессе. Такой скандал, если он даже не дойдет до судебного процесса, повредит лейтенанту весьма ощутительно. Этого мало. Копии фотографий я могу передать также Вильгельмине. Она узнает, что ее муж преступник. Помимо того, что это испортит их отношения, Вильгельмина всегда сможет пустить в ход это орудие против мужа, и он окажется в руках своей жены.

Марамбалль все глубже запускал пальцы под матрац, но, к его ужасу, не нащупывал папки. Лайль сидел вполоборота к нему и дымил.

— И в ваших руках? Чего доброго, вы сделаетесь другом дома, — иронически сказал Лайль.

— Это... будет видно... — несколько растерянно сказал Марамбалль.

Папка исчезла... Но Марамбалль еще не терял надежды, что она случайно сдвинута, и продолжал ерзать по кровати.

— Но отчего же вы сразу не предъявите в суд ваши изобличающие фотографии?

— На это у меня есть свои соображения.

Лайль вдруг круто повернулся к Марамбаллю и, глядя прямо ему в глаза, сказал:

— Не ищите, там нет папки.

Марамбаллю показалось, будто скорость света вдруг уменьшилась до нуля. В глазах его потемнело.

— Как?.. Пап?.. Какой папки?.. — пролепетал он закаляясь.

— Ну, разумеется, той самой, которую вы положили мне под матрац.

— Я не клал никакой папки!

— Тем лучше, — спокойно ответил Лайль. — Значит, папка сама пожаловала ко мне, и я могу распоряжаться ею.

— Послушайте, Лайль, — взмолился Марамбалль, — мой друг, верните мне папку! Я с опасностью для жизни похитил ее из дома Леера.

— Послушайте, Марамбалль, — ответил Лайль, — вы мой друг, и вы поступили так вероломно, подкинув мне краденый документ...

— Но мне ничего больше не оставалось делать... за мной гнались, я не был уверен, что мне удалось замести следы... Ваша квартира... экстерриториальность.

— Вы могли скомпрометировать не только меня, но и все английское посольство. Почему вы не воспользовались экстерриториальностью вашего посольства, которое находится рядом? Никаких оправданий! Уж если дело номер сто семьдесят шесть попало ко мне, я не выпущу его из рук.

— Дело номер сто семьдесят шесть? — переспросил Марамбалль. — Простите, вы ошибаетесь! Дело номер сто семьдесят четыре.

— Никакого дела номер сто семьдесят четыре у меня нет, — ответил Лайль.

— Вы лжете!

— Что-о! — Лайль сжал сухой, жилистый кулак, покрытый с тыльной стороны веснушками. — Я лгу? Если вы не возьмете обратно своих слов, то сейчас же перелетите с территории английского посольства на территорию французского, — угрожающе сказал он.

Их дружба не выдержала серьезного испытания.

Марамбалль так взбесило поведение «друга», что он готов был померяться с ним силами: раздвинув локти, он тоже сжал кулаки, готовясь отразить удар.

Но в это время неожиданно заговорил рупор радиоприемника, и первые же слова, которые раздались в комнате, заставили друзей-врагов остановиться и прислушаться.

— Алло! Алло! Всем, всем, всем! Слушайте! Слушайте! «Светопреставление» окончилось, но оно может повториться!

«Этого еще недоставало!» — подумал Марамбалль и, опустившись в кресло, начал слушать.

— Чтобы понять, какие причины вызвали замедление света, необходимо прежде всего выяснить сущность света.

Марамбалль совсем не был расположен слушать научные лекции, в особенности в решительный момент борьбы за обладание делом номер 174. Но... «светопреставление» может повториться! А если оно повторится, все дела потеряют смысл. Во всяком случае интересно знать, каковы шансы на повторное «светопреставление»... И он покорился необходимости выслушать скучные сообщения, под которыми, однако, скрывались самые жизненные интересы. Лайль молча стоял, прислонясь к столу, и тоже слушал.

— В настоящее время, — говорил радиорупор, — существует две теории света: атомная и волновая. Атомная теория утверждает, что всякий источник света представляет собою нечто вроде батареи, обстреливающей окружающие тела ураганным огнем, причем снаряды посылаются равномерно по всем направлениям и летят прямолинейно. Скорость их полета обычно постоянна и равняется в пустоте тремстам тысячам километров в секунду. В случае же прохождения света в другой среде — воздух, стекло, — скорость света хотя и очень велика, но несколько иная.

При попадании в какую-нибудь материальную мишень световые атомы не разрываются, как артиллерийские снаряды, но или застревают в этой мишени (поглощение света), или отскакивают от нее рикошетом (отражение света), или же, наконец, проходят внутрь и распространяются далее, но уже в несколько отлич-

ном от первоначального направления (преломление света). Так в общем смотрел на природу света Ньютон. Взгляды эти господствовали в течение века, но были вытеснены волновой теорией, о которой скажем ниже, и вновь возродились в так называемой квантовой теории света (от латинского «квантум» — количество, порция).

По квантовой теории, «атомы света» являются материальными частицами и отличаются от обычной материи только тем, что не имеют той прочности, «вечности», которой обладают все материальные атомы. Атомы света «рождаются» за счет переизбытка энергии того атома, который их выбрасывает, «живут», то есть существуют, во время своего полета от выбросившего их атома до другого и, наконец, «умирают», то есть исчезают, превращаясь в энергию последнего.

Теперь посмотрим, от каких причин могло произойти уменьшение скорости света, исходя из атомной теории света. Допустим, что между Солнцем и Землей в мировом пространстве появилась какая-то преграда, в виде ли газа или какого-нибудь иного неизвестного нам состояния сильно разреженного материального вещества. Если бы это вещество поглощало атомы света, то наша земля погрузилась бы в темноту. Равным образом свет не дошел бы до нашей земли, если бы он оказался отраженным этой преградой на пути. Наконец, при преломлении света лучи света могли бы изменить направление, но не скорость. Остается одна гипотеза, на которую мы указали: замедление света при прохождении через неведомую нам преграду. Что это за преграда, остается невыясненным. Быть может, это особого рода туманность. И если эта туманность напоминает по своей форме те, которые мы наблюдаем в телескоп, то весьма вероятно, что и эта неизвестная туманность имеет вид спирали. А в таком случае наша земля в своем движении вместе со всей солнечной системой может пересечь еще не один «завиток» этой туманности, и тогда эффект замедления света может произойти вновь.

Поэтому правительство настоятельно рекомендует иметь наготове звуковые сигнализационные аппараты и прочие приспособления, созданные во время «свето-

преставления», для регулирования уличного движения и трудовых процессов.

Так обстоит дело, если мы будем исходить из атомной или квантовой теории света.

Что касается волновой теории, то световые колебания представляются ею как силовые, то есть как быстрые периодические изменения в каждой точке пространства электрических и магнитных сил, исходящих из источника света. По волновой теории, волны видимого света ничем не отличаются от всем известных радиоволн. Скорость радиоволны равна скорости света. Замедления в скорости радиоволны мы как будто практически не наблюдали. Однако нам приходилось наблюдать одно весьма странное и не понятное явление. Как известно, радиоволна обегает вокруг всего земного шара в очень короткий промежуток времени (1/7 доли секунды) и вновь попадает в место отправления, как «эхо». Таким образом, вы можете многократно принять волну, посланную вами вокруг земного шара. Но отмечены случаи, когда радиоволна, отправленная станцией, куда-то «пропадала» и не возвращалась целые минуты,— десять, двенадцать минут! Где блуждала она? Очевидно, где-нибудь в мировых пространствах, пока не вернулась, быть может, отраженная каким-нибудь небесным телом. Что изменило ее направление, мы не знаем. Но мы знаем, что радиоволна пришла с опозданием в двенадцать минут, хотя скорость ее «полета», вероятно, была не меньше обычной. Если же свет является по своей природе такой же электромагнитной волной, то не произошло ли с ним такого же явления, как и с блуждающей радиоволной?

Как бы то ни было, но причины, вызвавшие замедление света, могут повториться. И поэтому еще раз: осторожность, осторожность и выдержка.

Радиопередача прекратилась. Марамбалль посмотрел на Лайля.

Лайль молчал.

— Зачем им это понадобилось? — сказал Марамбалль. — В конце концов ничего определенного. Одни гипотезы. Мы и без них знали, что то, что произошло раз, может произойти и другой раз. Теперь не время читать лекции! Но мы не кончили с вами разговора, Лайль. Это проклятое радио...

— Я думаю, конец разговора будет не в вашу пользу, Марамбалль,— сказал Лайль, опять сжимая кулак. Марамбалль напыжился, как петух, готовый к бою.

Но в этот момент кто-то постучал в дверь. Лайль двинулся к двери, как будто не замечая Марамбалля, стоявшего на пути, и Марамбалль должен был свернуть в сторону.

* * *

В комнату вошел Метакса. Все лицо его улыбалось, белые зубы сверкали, маслянистые глаза лоснились как никогда.

— Здравствуйте! Вас двое? Это хорошо! Я был у вас, Марамбалль, ночью был,— такое дело. Швейцар сказал — вы дома, но я не достучался и ушел. Крепко спите. Честный человек всегда крепко спит.

«Так вот кто был у меня ночью; как это я не догадался,— подумал Марамбалль.— Но у Метаксы нет бороды. Или он был загrimирован?»

— Дело есть, большое дело! — продолжал Метакса.

— А какой номер вашего дела? — шутливо спросил Лайль. Он уже был спокоен, как всегда.

— Хо-хо, вы угадали. Дело номер сто семьдесят четыре.

— Что-о? Не может быть. Дело номер сто семьдесят четыре у меня, то есть у Лайля.

— Не может быть, дело номер сто семьдесят четыре у меня,— ответил Метакса.

— О тайном соглашении между Германией и Советской Россией?

— О соглашении между этими странами,— ответил Метакса.

— Но ведь это дело я собственными руками взял со стола Леера,— не удержался Марамбалль.

— Значит, вы впопыхах взяли «призрак» этого дела. Вернее, вы взяли какое-то другое дело, которое лежало под папкой номер сто семьдесят четыре, а эту папку я взял за две-три минуты до вас. Уходя, я даже слышал, как вы вошли в кабинет, и догадался, что это вы. Вы сами наказали себя. Я предлагал вам сделку,— помните, в театре? Вы отказались, пожалели тысячи марок; тогда я решил действовать сам.

— Надеюсь, теперь вы извинитесь передо мною? — спросил Лайль.

— Да, простите! Но кто бы мог думать? Какой я был осел! Мне нужно было поднести папку к самым глазам... Но где она, покажите мне ее?

Метакса улыбнулся грустной улыбкой глаз и хитрой — румяных губ.

— Пять тысяч марок! «Имера» — очень хорошая газета, но она не заплатит мне и шестисот. А мне надо жить и закончить образование.

— Пять тысяч! — возмутился Марамбалль. — Но это грабеж! Это нечестно, Метакса, вы выкрадли у меня дело из-под рук.

Метакса улыбался все так же грустно и хитро.

— Это очень деньги. За дело номер сто семьдесят четыре можно получить двадцать, тридцать, сорок тысяч.

— Две, ну, три тысячи марок я могу вам дать, Метакса. А если вы не согласитесь, то я... я донесу на вас!

— Ну и что же? — невозмутимо ответил Метакса. — Вы — на меня, я — на вас; оба отсидим в тюрьме, и вы не получите даже за донос.

— Я даю пять тысяч марок, — небрежно процедил Лайль сквозь клубы дыма.

— Нет, нет, — завопил Марамбалль, — я первый покупатель! Вы, Лайль, ничего не сделали для этого дела, а яставил на него очень многое. Я даю пять тысяч, где дело? — поспешил обратиться он к Метаксе.

— Десять тысяч марок, — также спокойно продолжал Лайль.

— Стойте, подождите; ведь это же бессовестно! — Лайль нахмурился. — То есть бессмысленно, хотел я сказать. Зачем мы будем набивать цену? Не надо больше! Пусть он подавится, я дам ему десять тысяч, но не будем устраивать аукциона. — Марамбалль вдруг схватил Лайля за плечи и, чуть не плача, заговорил: — Ведь вы же — мой друг. Ну, умоляю вас! Давайте мы порешим так. Пусть у вас останется дело, которое раздобыл я. Я ничего не возьму с вас за него, а вы уступите мне дело номер сто семьдесят четыре. Согласны?

— Иес, — коротко ответил Лайль, высвобождаясь от объятий француза.

Марамбалль вздохнул и вынул чековую книжку и «вечное» перо.

Он испытывал такое чувство, как будто должен был засесть за самый трудный фельетон. Он вздыхал, вертись на стуле, наконец поднялся и зашагал по комнате.

Метакса терпеливо ожидал, как паук, наблюдая за жертвой, которая уже попалась в паутину, но еще может сорваться.

— Скажите, Лайль,— спросил он,— вы ознакомились с делом номер сто семьдесят шесть?

— Да. В нем есть кое-что пикантное. Оно вскрывает — мягко выражаясь — влияние одного концерна на правительство при издании закона о пошлинами на иностранные товары. Но, конечно, десять тысяч марок на этом деле не заработкаешь,— скромно ответил Лайль.

Марамбалль шумно вздохнул.

— Десять тысяч марок! Это почти весь мой аккредитив. Может быть, вы уступите хоть несколько тысяч? — Метакса многозначительно посмотрел на Лайля.— Ну, пусть будет по-вашему, кровопивец!

И с таким видом, как будто он подписывал собственный смертный приговор, Марамбалль заполнил чек, оторвал его и, подавая Метаксе, сказал:

— С рук на руки.

Метакса не спеша расстегнул пиджак, белый жилет и рубашку и извлек из-под рубашки папку, на которой крупным шрифтом было напечатано: «Дело № 174»

Документы перешли из рук в руки. Метакса, сладко улыбнувшись своими черными, как маслины, глазами, ушел.

Но, прежде чем Марамбалль успел раскрыть заветную папку, Метакса неожиданно вернулся. Он приоткрыл дверь и, заглядывая в комнату одним глазом, похожим на маслину, сладко пропел:

— Господин Марамбалль, вы хотите вернуть свои десять тысяч марок?

— Ну, разумеется! В чем дело, Метакса?

— Дайте мне еще две тысячи, и через полчаса у вас будут назад ваши десять. Ну, через час, не большие

Марамбалль недоверчиво посмотрел на Метаксу.

— Обманете!

— Господин Лайль будет свидетелем. Хорошее дело, верное дело! Вы ему дайте две тысячи марок. Когда получите назад десять, он мне отдаст. Идет?

— Хорошо! Что я должен делать?

— Написать еще чек на две тысячи.

Марамбалль подумал, вздохнул и, как зарвавшийся игрок, решил идти «ва-банк». Он написал чек на две тысячи и передал его Лайлю, который спокойно положил чек в карман.

— Теперь что я должен делать?

— Идти, бежать, ехать, лететь домой и взять с собою негативы, где снят барон, который стрелял в вас!

— Ну и дальше что?

— Барон Блиттерсдорф купит у вас эти негативы. Вы идите за негативами, а я — за бароном. Хорошо? — И, не ожидая ответа, Метакса закончил: — Очень хорошо!

Марамбалль нашел, что сделка действительно подходящая. У него есть в запасе несколько снимков, с которых он может сделать новый негатив, если понадобится, а негатив почему бы не продать за хорошую сумму?

— Хорошо! Я согласен. Отправляйтесь за бароном, а я иду за негативами. — Марамбалль засунул дело № 174 под жилет и отправился к себе. Лайль согласился на то, чтобы встреча произошла у него, — «нанейтральной почве».

Таксомотор быстро доставил Марамбалля туда и обратно. Когда Марамбалль вернулся, Метаксы и барона еще не было. Однако скоро явились и они. Барон был в штатском и держался так, как будто он явился во вражеский лагерь подписывать мирный договор.

— Надеюсь, вы уведомлены о причине моего визита, — сказал он, чинно раскланиваясь и не протягивая руки.

— Да, да, — быстро ответил Марамбалль.

— Господин Метакса говорил мне, что вы, барон, интересуетесь фотографией и скупаете негативы. У меня есть три очень интересных негатива.

— Цена?

— Двадцать тысяч марок.

Блиттерсдорф с недоумением посмотрел на Метакью. Тот изобразил на своем лице еще большее недоумение и посмотрел на Марамбалля.

— Этой суммы я не могу дать вам.

— Пятнадцать — крайняя цена!

— Десять!

— Пятнадцать!

— До свидания!

— Четырнадцать! Тринадцать! Двенадцать!! Больше не могу уступить. Это очень дешево!

Барон вернулся от двери.

— Двенадцать тысяч я, пожалуй, дам, но с одним непременным условием... Вы могли сделать копии с этих фотографий...

Марамбалль взмахнул руками, чтобы показать, что он и не думал делать этого. Папка, которую он продолжал держать под жилетом, начала выскользывать от этого резкого движения. Марамбалль подхватил ее, но — увы! — барон уже успел заметить мелькнувший на момент номер 174.

«Интересное открытие!» — подумал барон, но не подал виду.

— Итак, вот мое непременное условие, — сказал барон, — вы не должны в дальнейшем шантажировать меня и не пустите больше в оборот ваши гнусные снимки.

— На них изображены вы, господин барон!

— На них изображены вы, господин Марамбалль!

И если вы не выполните обещания, то...

— То?

— То я убью вас. Второй раз я не промахнусь. «Светопреставление» окончилось.

— Хорошо! Я принимаю ваши условия, — ответил Марамбалль. — Я даю торжественное обещание никогда не опубликовывать снимков. Но со своей стороны требую от вас обязательства не предпринимать против меня никаких агрессивных сделок.

Барон улыбнулся.

— Хорошо! Согласен.

Еще одна сделка состоялась. Марамбалль вручил барону негативы, а барон — Марамбаллю двенадцать тысяч марок. Барон положил негативы в карман, сделал очень короткий общий поклон и вышел из комнаты. Прежде чем он дошел до двери, Метакса уже получил от Лайля свои две тысячи и выскользнул из комнаты вслед за бароном с быстротою ящерицы.

Наконец-то Марамбалль мог насладиться чтением дела номер 174! Ему так не терпелось, что он решил тут же заняться этим.

Марамбалль, задыхаясь, подсел к столу и начал про-сматривать дело, которое ему стоило стольких волнений и денег.

Лайль спокойно курил трубку, сидя на подоконнике окна.

Окончив просмотр дела, Марамбалль вдруг беспомощно обвис всем телом, как будто из него вынули все кости.

— Интересное дело? — спросил Лайль.

— Торговое соглашение. Все это текстуально и официально было опубликовано и напечатано в газетах. И ни слова больше! Никакого тайного соглашения между Германией и Советской Россией... — ответил Марамбалль коснеющим языком.

Лайль почти беззвучно усмехнулся. Но слух Марамбалля еще не утратил остроты, приобретенной им в дни «светопреставления». Эта усмешка явиласьискрой, взорвавшей пороховой погреб.

Марамбалль точно обезумел. Лицо его исказилось, он закричал так, как будто сам сидел на взорвавшемся пороховом погребе.

— О, мошенники! Подлецы! Обманщики! Вы обманули меня, продажные души! Вы спровоцировали меня на кражу. Вы с Метаксой составляли бандитскую шайку. Вы сами заключили «тайное соглашение держав — Англия и Греция против Франции». Вы, Лайль, набивали цену умышленно. Вы ограбили меня... Вы... вы...

Больше Марамбалль не произнес ни слова. Его крик мог привлечь внимание соседей, и Лайль принял меры: он быстро подошел к беснующемуся Марамбал-

лю и, сковав его челюсти, как железными тисками, своими сухими, жилистыми, веснушчатыми руками, почти ласково сказал:

— Я же предупреждал вас, Марамбалль, что Метакса хитрее нас двоих, вместе взятых. Не волнуйся, прекрасная Франция. Жизнь — игра и борьба. Сегодня тебе не повезло. Но завтра ты можешь заключить такое же блестящее тайное соглашение с Италией или Бразилией против Англии и отыграться. — И уже строго Лайль закончил: — Пожалуйста, не кричите так громко, господин Марамбалль, о наших маленьких разногласиях. Не забывайте, что мы в Германии.

Марамбалль вздохнул, засунул папку под жилет, хотя она больше и не нужна была ему, и, не простишись с Лайлем, вышел из комнаты. Он отправился к себе.

В зеркальном платяном шкафу, в задней стенке, Марамбалль приделал вторую доску. Между доской и стенкой он хранил документы, которые не должны были попадаться на глаза немецкой полиции. Марамбалль запер дверь на ключ, вынул вторую доску, извлек из своего потайного хранилища снимки с негативов, которые только что продал лейтенанту, и прошептал:

— Вы еще услышите обо мне, господин барон! — Снимки были в сохранности. Но что делать с делом номер 174? Такую улику было опасно держать в комнате, хотя бы и в потайном шкафу. Марамбалль решил сжечь папку.

Но, прежде чем он успел выполнить свое намерение, в дверь постучались. Марамбалль все эти дни жил в напряженном ожидании и потому принял все меры, чтобы не быть застигнутым врасплох. Он сделал в двери едва заметную скважину, через которую и мог видеть, кто пришел к нему.

К своему ужасу, Марамбалль увидал отряд полиции. Сомнения не было. Барон заметил под его жилетом выскользнувшую папку и поспешил сообщить полиции, чтобы она арестовала Марамбалля с поличным... «О проклятый барон!» — выбранился Марамбалль шепотом.

Однако что же делать? Сжечь папку он не успеет. А в дверь настойчиво стучали, и чей-то грубый голос кричал:

— Откройте, господин Марамбалль, иначе мы выломаем дверь! Ведь мы же видели, что вы вошли в свою комнату!

«Однако как быстро работает берлинская полиция! — удивился Марамбалль. — Вероятно, барон сообщил по телефону, и полицейские тотчас же последовали за мною»...

Дверь уже трещала... Еще несколько мгновений — и она сломалась под натиском дюжих тел. Полицейские ворвались в комнату. Она была пуста.

Пока полицейские оглядывались, неожиданно заговорил рупор радиоприемника глухим, «картонным» загробным голосом. И этот загробный голос говорил об очень страшных вещах:

«Алло! Алло! Новая катастрофа! Земля вошла в полосу туманности, состоящей из отравленных газов! Спасайтесь в газоубежище! Десяти минут достаточно, чтобы газ отравил человека»...

Эта весть ошеломила полицейских. Позабыв о цели своего прихода, они бросились в коридор и побежали к ближайшему подземному газоубежищу, сбивая с ног и давя удивленных прохожих.

А Марамбалль вышел из-за шкафа и вдруг начал трубить победный марш в рупор радиоприемника.

— Хорошую шутку я сыграл с ними! — весело сказал он. — Теперь их не вытащишь из газоубежища. А мне нужно не больше получаса, чтобы добраться до вокзала. Виза на выезд в кармане, деньги есть. — И Марамбалль вдруг засмеялся еще громче. — Представляю, какую гримасу сделает Метакса, когда придет в банк получать по чеку и узнает, что на моем текущем счету лежит всего несколько сотен марок.

Примечания

Голова профессора Доуэля

Впервые ранняя редакция (рассказ) — «Рабочая газета», 1925 от 16—21, 23—28 июня и «Всемирный следопыт», 1925, № 3, стр. 17—27, № 4, стр. 24—31. В 1937 году рассказ был переработан в роман и впервые опубликован в газете «Смена» от 1—6, 8—9, 11, 14—18, 24, 28 февраля, 1, 3—6, 9—11 марта и «Вокруг света», 1937, №№ 6—10, 12. Отдельным изданием вышло в издательстве «Советский писатель» в 1938 году.

Хотя у произведения были свои литературные предшественники, написать его побудили Беляева первые экспериментальные работы советских ученых. «Сначала я написал рассказ, в котором фигурирует лишь оживленная голова. Только при переделке рассказа в роман я осмелился на создание двух единых людей».

Роман привлек внимание широкой общественности. Проблема была настолько нова и необыкновенна, что писателя упрекали даже в том, что он якобы предлагает «из двух покойников делать одного живого». Выступая в печати, Беляев настаивал на необходимости разработки этой темы в литературе. «Сотрудники Московского института переливания крови (например, В. А. Неговский) доказывали, что издание такой книги имеет большое значение для привлечения внимания к очень важной области науки, кстати сказать, имеющей близкое отношение и к обороне», — отвечал писатель своим противникам в 1939 году.

С. 31. *Декарт Ренэ* (1596—1650) — французский философ, физик, математик, физиолог.

С. 43. *Молох* — божество, которому приносились человеческие жертвы (б и б л.).

С. 45. *Апаш* — бандит, вор, хулиган.

На блюдо попала не только голова Иоанна, но и самой Саломеи. — Согласно евангельской легенде, Иродиада, внучка Ирода Великого, оставив мужа, вышла замуж за его брата Ирода Антипу. Ирод заключил в темницу Иоанна Крестителя, который упрекал его: «Не должно тебе иметь жену брата твоего» Иродиада поклялась отомстить Иоанну. В день своего рождения дочь ее Саломея так прекрасно танцевала, что Ирод обещал исполнить любое ее желание. По просьбе матери она потребовала голову Иоанна (Еванг. от Марка, гл. VI, 14—29)

С. 46. «Паяцы» — опера (1892) итальянского композитора Леонкавалло.

С. 55. «Ша нуар» — фр. chat noir — черная кошка — название кафе, бара.

С. 68. *Цицерон* Марк Тулий (106—43 до н. э.) — выдающийся оратор, писатель и политический деятель древнего Рима.

Он... *преступный человек, тицеславный, как тысяча Геростратов*. — Герострат — житель греческого города Эфеса, сжегший, по преданию, в 356 г. до н. э. храм Артемиды Эфесской с целью обессмертить свое имя.

С. 71. *Диана* — у древних римлян богиня охоты.

С. 125. *Оставь всякую надежду входящий сюда*. — Надпись на вратах ада в «Божественной комедии» Данте («Ад», песнь третья).

...*мои сто дней еще не наступили*. — Воспользовавшись восстановлением во Франции власти Бурбонов, Наполеон Бонапарт (1769—1821) 20 марта 1815 года, покинув остров Эльбу, вступил в Париж. Однако вторичное царствование Наполеона длилось всего сто дней. 18 июня в битве под Ватерлоо войско Наполеона было окончательно разбито англо-прусской армией.

С. 131. *Мефистофель* — образ демона, спутника доктора Фауста, в старинной немецкой народной легенде. Особенную известность получил образ Мефистофеля из трагедии В. Гете «Фауст».

Последний человек из Атлантиды

Впервые — «Всемирный следопыт», 1925, № 5, стр. 43—61, № 6, стр. 50—65, № 7, стр. 58—74, № 8, стр. 27—47.

В начале нашего века сильно возрос интерес к истории Атлантиды. Создавались всевозможные версии ее таинственного исчезновения, организовывались общества по изучению Атлантиды, на которых умело наживались предпримчивые дельцы. Богатый материал об Атлантиде содержался в книге Роже Девиня «Исчезнувший материк. Атлантида, шестая часть света», переведенной на русский язык в 1926 году. Беляев воспользовался в своей повести живописными описаниями Атлантиды, данными в книге Девиня.

С. 167 ...*во время мировой войны* — то есть первой мировой войны 1914—1918 гг.

С. 168. *Рузелльт* Теодор (1858—1919) — американский государственный деятель, президент США (1901—1909) от республиканской партии.

Леонардо да Винчи (1452—1519) — итальянский живописец, скульптор, ученый эпохи Возрождения.

Рафаэль Санти (1483—1520) — знаменитый итальянский живописец и архитектор.

Корреджо Антонио Аллегри (ок. 1489—1534) — итальянский живописец.

С. 170. ...*фантазия Жюля Верна об открытии Атлантиды «Наутилусом» капитана Немо*. — Жюль Верн. «80 000 километров под водой», ч. II, гл. 9 («Пропавший материк»).

С. 173. *Платон упоминал об этих высоких горах*. — Древнегреческий философ Платон (427—348 до н. э.) в своих произведениях «Критий» и «Тимей» описал историю Атлантиды.

С. 175. *Посейдон* — у древних греков бог моря.

С. 180. *Тиара* — головной убор древних восточных царей.

С. 182. *Нереида* — в греческой мифологии морская нимфа, дочь морского божества Нерея.

С. 186. ...на высоте двадцати локтей... — Локоть — около 0,5 метра.

С. 208. *Гиперборейские страны*. — В древнегреческой мифологии — северные страны.

С. 214. *Пентакль* — (лат.) — пятиконечная звезда.

Человек-амфибия

Впервые — «Вокруг света», 1928, № 1, стр. 1—5, № 2, стр. 17—22, № 3, стр. 33—38, № 4, стр. 49—52, № 5, стр. 65—69, № 6, стр. 81—85, № 11, стр. 161—166, № 12, стр. 180—186, № 13, стр. 196—200. В том же году вышел отдельным изданием. — М.—Л., ЗиФ.

«Как-то Александр Романович прочел в одной из газет о судебном процессе, проходившем в Буэнос-Айресе, — вспоминает дочь писателя. — Судили профессора Сальватора, который с согласия родителей проводил экспериментальные операции на детях индейцев — делал, например, более подвижными суставы рук и ног. Сальватора осудили на десять лет, обвинив его в том, что он искажает образ божий. Эта заметка натолкнула отца на мысль написать роман «Человек-амфибия». Использовал Беляев и сюжет романа «Иктанэр и Моизетта» французского писателя Жана де ля Ира, в котором человек-акула служит орудием в руках целой организации, мечтающей поработить мир. Однако на страницах романа Беляева Ихтиандр не всесильный агрессор, а, наоборот, жертва буржуазного общества, и в основе романа заложена гуманистическая идея служения людям, на их благо и счастье.

«Человек-амфибия» сразу же по выходе в свет завоевал огромную популярность. Так, в 1930 году на вопрос читательской анкеты, проведенной редакцией «Всемирного следопытства», о лучшем произведении за пять лет был получен единодушный ответ: «Человек-амфибия».

С. 273. *Рей* — подвижный брус на мачтах, к которому крепятся паруса.

Такелаж — судовые снасти, служащие для управления парусами и грузоподъемными работами.

Кливер — треугольный парус.

Бак — носовая часть верхней палубы.

Ют — кормовая часть верхней палубы.

С. 274. *Тендер* — одномачтовое парусное судно.

Линь — тонкая веревка, трос.

С. 353. *Медуза Горгона* — в греческой мифологии крылатая женщина-чудовище со змеями на голове вместо волос.

С. 391. *Ванты* — веревки, удерживающие мачту в вертикальном положении.

Марс — полукруглая площадка на мачте корабля.

С. 402. *Пулькера* — трактир.

С. 406. *Фемида* — у древних греков богиня правосудия, справедливости.

С. 409. *Амфибия* — земноводное животное.

Вивисекция — вскрытие живого организма в целях его изучения.

С. 415. *Геккель* Эрнст (1834—1919) немецкий естествоиспытатель, последователь Чарлза Дарвина.

С. 418. *Дарвин* Чарлз Роберт (1809—1882) — великий английский естествоиспытатель, основоположник научной эволюционной биологии.

Золотая гора

Впервые — «Борьба миров», 1929, № 2, с. 33—59.

С. 445. *Менделеев* Дмитрий Иванович (1834—1907) — русский ученый, автор периодического закона химических элементов.

С. 448. ...как Стэнли нашел Ливингстона? — *Ливингстон* Дэвид (1813—1873) английский исследователь Африки. В качестве члена английского миссионерского общества совершил ряд путешествий по Африке, сделал много ценнейших открытий и исследований. В 1871 году без средств и провианта оказался на озере Танганьика. На поиски его пропавшей экспедиции отправился корреспондент газеты «Нью-Йорк ге-

ральд», американский исследователь Африки Стэнли Генри Мортон (1841—1904). Он нашел Ливингстона, и оба путешественника совместно продолжили исследования озера.

С. 454. *Рихман* Георг Вильгельм (1711—1753) — физик, член Петербургской Академии наук. Работал с М. В. Ломоносовым над изучением атмосферного электричества. Погиб от удара молнии.

С 455 *Содом и Гоморра* — древние города Палестины, по преданию, разрушенные землетрясением за грехи их жителей.

Робеспьер Максимилиан (1758—1794) — деятель Великой французской революции, один из вождей якобинцев.

С. 472. *Гонт* — дощечки, которыми кроют крыши, вкладывая сточенный конец одной дранки в паз другой.

Светопреставление

Впервые — «Вокруг света», 1929, № 1, стр. 2—6; № 2, стр. 3—8; № 3, стр. 1—5; № 4, стр. 1—6; № 7, стр. 20—24

С. 491. *Тиргартен* — парк в Берлине.

«*Тан*» («Le Temps» — «Время») — французская ежедневная вечерняя газета.

С. 492. *Чернинг-Кросс* — арка в Лондоне, около которой собираются бездомные.

Глоу (от англ. *glow*) — накал, жар.

Эфемериды — официальные бюллетени — отчеты о политических и военных событиях.

Дионис (у римлян Вакх) — в греческой мифологии бог плодородия, вина и веселья.

С. 494. *Тело Валькирии и голос Лорелей*. — Валькирии — в скандинавской мифологии дочери бога Одина, прекрасные и воинственные девы, помогающие воинам в битвах; Лорелей — согласно немецкому преданию, нимфа, завлекающая своим пением и губящая всех, кто приближался к рейнской скале.

С. 495. *Равель* Морис (1875—1937) — выдающийся французский композитор.

Метнер Николай Карлович (1880—1951).

Стравинский Игорь Федорович (1882—1971).

С. 523. *Экстerrиториальность* — право иностранцев не подвергаться действию законов того государства, в котором они находятся.

С. 532. *Инсоляция* — количество солнечной энергии, излучаемой на квадратный сантиметр земной поверхности в единицу времени.

Содержание

М. Соколова.	<i>«Создадим советскую научную фантастику!»</i>	5
	<i>Голова профессора Доуэля</i>	23
	<i>Последний человек из Атлантиды</i>	167
	<i>Человек-амфибия</i>	273
	<i>Золотая гора</i>	443
	<i>Светопреставление</i>	491
	<i>Примечания</i>	554

Беляев А. Р.

Б 43 Избранные произведения. / Сост., вступ. ст. и прим. М. Соколовой; Илл. С. Ермолова. — М.: Правда, 1989. — 560 с., илл., 4 л. илл.

В сборник избранных произведений основоположника советской фантастической литературы А. Р. Беляева (1884—1942) вошли романы «Голова профессора Доуэля» и «Человек-амфибия», повести «Последний человек из Атлантиды» и «Золотая гора», рассказ «Светоди-представление»

Б
$$\begin{array}{r} 4702010200-1792 \\ 080(02)-89 \end{array}$$
 1792—89 (подписанное) 84 Р 7

Александр
Романович
Беляев

Избранные произведения

Составитель

Майя Анатольевна Соколова

Редактор

С. А. Суркова

Оформление художника

Н. А. Ящука

Художественный редактор

Т. Н. Костерина

Технический редактор

Т. Б. Слизун

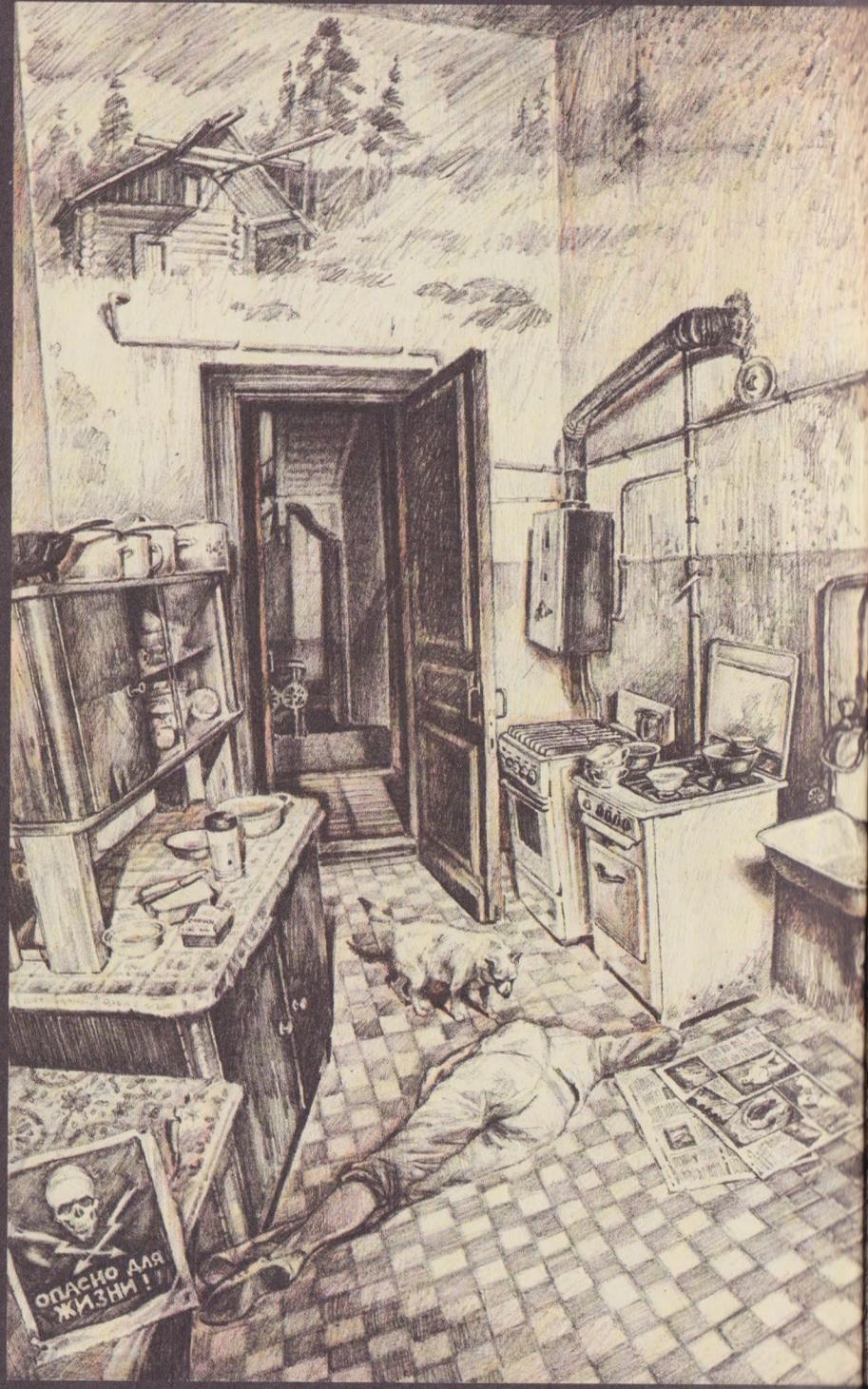
ИБ 1792

Сдано в набор 17.05.88. Подписано к печати 26.08.88. Формат 84 x 108 1/4. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,98. Усл. кр.-отт. 31,92. Уч.-изд. л. 30,13. Тираж 400 000 экз. (2-й завод: 200 001—400 000 экз.). Заказ № 572. Цена 2 р. 80 к.

Набор и фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва. А-137, улица «Правды», 24.

Отпечатано в типографии издательства «Уральский рабочий». 620151, г. Свердловск, проспект Ленина, 49.

2 р. 80 к.

БИБЛИОТЕКА
ДАЦКИЙ

Александр Беляев
Избранные произведения

